КНИГА НОВОГО СОЛНЦА

ДЖИН ВУЛФ

ТЕНЬ И КОГОТЬ

fanzon

Тень и Коготь
Джин Вулф

Аннотация
Джин Вулф. Тень и Коготь
Тень палача
I. Воскресение и смерть
II. Севериан
III. Лик Автарха
IV. Трискель
V. Чистильщик картин и прочие
VI. Мастер Архивариус
VII. Изменница
VIII. Собеседник
IX. Лазурный дом
X. Последний год
XI. Празднество
XII. Изменник
XIII. Ликтор города Тракса
XIV. «Терминус Эст»
XV. Бальдандерс
XVI. Лавка тряпичника
XVII. Вызов
XVIII. Разрушение алтаря
XIX. Ботанические Сады

XX. Зеркала Отца Инире
XXI. Хижина в джунглях
XXII. Доркас
XXIII. Хильдегрин
XXIV. Цветок Смерти
XXV. Харчевня Утраченной Любви
XXVI. Трубный зов
XXVII. «Он мертв?»
XXVIII. Казнедей
XXIX. Агил
XXX. Ночь
XXXI. Тень палача
XXXII. Пьеса
XXXIII. Пять ног
XXXIV. Утро
XXXV. Гефор
Коготь Миротворца
I. В Сальте
II. Заточенный во тьме
III. Шатер балаганщика
IV. Букет
V. Вверх по ручью
VI. Голубое сияние
VII. Убийцы
VIII. Культелларии
IX. Владыка Зеленого Царства

X. Тея
XI. Текла
XII. Нотулы
XIII. Коготь Миротворца
XIV. Аванзала
XV. Блуждающие огни
XVI. Иона
XVII. Сказание об ученом книжнике и его сыне
  Часть первая. Оплот магов
  Часть вторая. Воплощение героя
  Часть третья. Встреча с царевной
  Часть четвертая. Битва с великаном
  Часть пятая. Смерть ученого книжника
XVIII. Зеркала
XIX. Гардеробные
XX. Картины
XXI. Гидромантия
XXII. Воплощения
XXIII. Иолента
XXIV. Пьеса доктора Талоса
  Эсхатология и генезис
XXV. Нападение на иеродул
XXVI. Расставание
XXVII. К Траксу
XXVIII. Одалиска Абайи
XXIX. Гуртовщик

XXX. Снова Барсук
XXXI. Очищение
Приложения
Заметка о переводе
Социальные отношения в Содружестве
Монетная система, система мер и единицы измерения времени
Об авторе

Аннотация

Премия «Небьюла».

Премия «Локус».

Всемирная премия фэнтези.

Премия Британской ассоциации научной фантастики.

«Книга Нового Солнца» Джина Вулфа – один из самых известных научно-фантастических циклов всех времен. Это длинный волшебный роман в четырех частях. «Тень и Коготь» содержит первые две: «Тень палача» и «Коготь Миротворца», которые были награждены Всемирной премией фэнтези и премией «Небьюла».

Северian, скромный ученик палача, благословленный и проклятый даром фотографической памяти, повествует о пути, ведущим его через секс, предательства, изгнание, убийства, заговоры и тайны – к взрослению и вершине власти над древним миром Урд, озаренным умирающим солнцем.

«Тень и Коготь» – первые две книги прославленной магической тетралогии «Книги

Нового Солнца».

«Тень палача»

Севериан – ученик в Гильдии палачей и воспитанник Ордена Взыскующих Истины и Покаяния в странном декадентском мире Урд. Его изгоняют за самое страшное прегрешение в его профессии – сострадание к жертве.

«Коготь Миротворца»

Севериан продолжает искать свое предназначение. Связано ли оно с древней реликвией, якобы обладающей мифической силой? Должен ли Севериан сыграть роль в политических интригах государя Урд? Или ученика палача ждет иная судьба?

«Волшебная вещь… Произведение искусства… Лучшая научная фантастика, прочитанная мною за долгие годы». – Урсула Ле Гуин

«"Книга Нового Солнца" почти душераздирающе хороша, богата и полна нюансов, которые проявляются с каждым перечитыванием. Это шедевр Джина Вулфа». – Дэвид Лэнгфорд, критик, десятикратный лауреат премии «Хьюго»

«Одна из самых амбициозных работ в

фантастике двадцатого века». – Fantasy and Science Fiction Magazine

«Шедевр научной фантастики, сравнимый по значимости с главными работами Толкина и Льюиса». – Publishers Weekly

«Книга содержит элементы аллегории Спенсера, сатиры Свифта, общественной сознательности Диккенса и мифологии Вагнера. Вулф создает поистине чуждый социум, который читатель начинает ощущать изнутри… Попав в него, остановиться уже невозможно». – The New York Book Reviews

Джин Вулф
Тень и Коготь

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Тень палача

Тысячелетья – ничто пред тобой,
Столь быстротечен их лёт;
Краток, как стража, вершащая ночь,
Прежде чем солнце взойдет.

I
Воскресение и смерть

Быть может, свое будущее я предчувствовал с самого начала. Ржавая решетка ворот, преградившая нам путь, и пряди тянувшегося с реки тумана, обволакивавшие острые навершия прутьев, словно горные пики, и поныне остаются для меня символами изгнания. Вот почему моя повесть начинается сразу после того, как мы переплыли реку, причем я, ученик гильдии палачей Севериан, едва не утонул.

— А стража-то нет, — сказал Рох, мой друг, Дротту, хотя тот и без него отлично видел, как обстоят дела.

Парнишка по имени Эата неуверенно предложил обойти кругом. Кивок и взмах веснушчатой руки означали несколько тысяч шагов через трущобы под стеной и подъем по склону холма — туда, где стена Цитадели выше всего. Этот путь мне еще предстоит пройти — гораздо позже.

— И нас вот так, запросто, пропустят через барбакан? Ведь за мастером Гюрло пошлют.

— Но почему стража на месте нет?

— Да какая разница? — Дротт тряхнул решетку. — Эата, попробуй — может, пролезешь меж прутьев.

Что ж, Дротт — наш капитан. Эата просунул сквозь прутья плечо и руку, и тут же стало ясно, что дело безнадежно: туловище не пройдет.

— Кто-то идет, — прошептал Рох.

Дротт тут же выдернул из решетки Эату.

Я оглянулся. Там, в конце улицы, мелькали фонари; до ушей моих донеслись шаги и голоса. Я приготовился прятаться, но Рох удержал меня:

— Погоди! Они с пиками!

— Думаешь, страж возвращается?

Он покачал головой:

— Слишком много.

— По меньшей мере дюжина, — подтвердил Дротт.

Мы еще не обсохли после купания в Гьёлле. В памяти своей я и посейчас стою у тех ворот, дрожа от холода. Как все, что, будучи с виду непреходящим, неотвратимо идет к концу, мгновения, казавшиеся тогда неимоверно быстротечными, напротив, возрождаются вновь и вновь — не только в памяти моей (которая в конечном счете не позволяет пропасть ничему), в биении сердца, в морозце по коже возобновляются они, совсем

как наше Содружество ежеутренне возрождается к жизни под пронзительный рев горнов.

Насколько позволял судить тускло-желтый свет фонарей, доспехов на подошедших не было, однако при них имелись не только замеченные Дроттом пики, но и топоры с посохами. Вдобавок на поясе у вожака красовался длинный обоюдоострый нож, однако меня гораздо сильнее заинтересовал увесистый ключ на шнурке, обвивавшем его шею: с виду он вполне подошел бы к замку на воротах.

Малыш Эата беспокойно шевельнулся. Главный, заметив нас, поднял фонарь над головой.

— Мы ждем здесь, чтобы пройти внутрь, добрый человек, — громко сказал Дротт.

Ростом он был повыше, но темное лицо его выражало крайнюю степень почтения.

— Только после рассвета, — буркнул вожак. — А пока, ребята, ступайте-ка по домам.

— Добрый человек, страж должен был впустить нас, но отлучился куда-то…

Вожак шагнул к нам, причем ладонь его легла на рукоять ножа.

— Нынче ночью вы сюда не пройдете.

Тут мне сделалось малость не по себе: что, если он догадался, кто мы?

Дротт отступил, а мы встали за его спиной.

— Кто вы, добрые люди? С виду — не солдаты…

— Мы добровольцы, — ответил один из подошедших. — Пришли охранять своих мертвых.

— Значит, вы можете пропустить нас.

Вожак отвернулся.

— Туда не войдет никто, кроме нас.

Ключ его заскрежетал в замке. Ворота распахнулись, и, прежде чем кто-либо успел помешать, Эата метнулся внутрь. Кто-то выругался; вожак и еще двое добровольцев ринулись следом, но Эата оказался проворней. Его шевелюра цвета пеньки и залатанная рубаха, попетляв среди осевших могил нищих, исчезли в зарослях изваяний выше по склону. Дротт тоже устремился за ним, но его схватили за руки.

— Нужно же найти его! Не украдем мы ваших мертвых…

— А тогда зачем вам туда понадобилось? — спросил один из добровольцев.

— Травы собрать, — отвечал Дротт. — Мы — подмастерья у лекаря. Больных ведь нужно лечить, как по-твоему?

Доброволец молча таращился на него. Погнавшись за Эатой, человек с ключом бросил фонарь. В неверном свете оставшихся двух фонарей доб-

роволец выглядел сущим простаком — должно быть, из чернорабочих.

— Ты должен знать, — продолжал Дротт, — что некоторые ингредиенты обретают полную силу, лишь будучи извлеченными из кладбищенской почвы при лунном свете. Скоро ударят заморозки, и все погибнет, а нашим мастерам без запасов на зиму не обойтись. Три мастера устроили нам разрешение войти сюда нынче ночью; этого же парнишку я нанял у его отца нам в помощь.

— А вам не во что складывать эти… ингредиенты!

До сих пор не устаю восхищаться находчивостью Дротта!

— Мы вяжем их в снопы и высушиваем, — с этими словами он без малейшей заминки вынул из кармана клубок обычной бечевки.

— Понятно… — пробормотал доброволец, явно ничего не понимавший.

Мы с Рохом придвинулись к воротам поближе, но Дротт, напротив, отступил на шаг.

— Если вы не позволите нам собрать травы, мы лучше пойдем. Пожалуй, мы теперь не отыщем там даже этого паренька.

— Никуда вы не пойдете. Его нужно выгнать оттуда.

— Хорошо…

Дротт нехотя шагнул в ворота. Мы в сопровождении добровольцев двинулись за ним. Вот некоторые мистические доктрины утверждают, будто материальный мир создан не чем иным, как человеческим разумом, поскольку управляют нами искусственные категории, в которые мы помещаем предметы по существу недифференцированные, еще более неосязаемые, чем изобретенные для них слова. Вот этот самый принцип я в ту ночь понял интуитивно, едва услышав, как доброволец, замыкавший шествие, захлопнул за нами ворота.

— Ну, я пойду присмотреть за матерью, — сказал доброволец, до сих пор молчавший. — И так сколько времени потратили даром — ее бы уже за лигу отсюда могли унести!

Прочие согласно забормотали, и отряд рассыпался. Один фонарь двинулся влево, другой — вправо. Мы же с оставшимися добровольцами поднялись на центральную аллею, по которой всегда возвращались к рухнувшему участку стены Цитадели.

Я ничего не забываю. В этом — моя природа, радость моя и проклятие. Каждый лязг цепи и посвист ветра, оттенок, запах и вкус сохраняются

в памяти моей неизменными. Я знаю, что так бывает не со всеми, однако не могу представить, как может быть иначе. Наверное, это — наподобие сна, когда не осознаешь того, что творится вокруг. А несколько белых ступеней, ведших к центральной аллее, и сейчас стоят перед моим взором…

Воздух становился все холоднее. Света при нас не было, да вдобавок с Гьёлля начал подниматься туман. Несколько птиц, прилетевших переночевать в ветвях сосен и кипарисов, никак не могли угомониться и тяжело перепархивали с дерева на дерево. Я помню, что чувствовали мои ладони, растиравшие мерзнувшие плечи, помню мерцание удалявшихся фонарей среди надгробных стел, помню запах реки, принесенный туманом и насквозь пропитавший мою рубаху, смешавшись с резким запахом свежевскопанной земли. В тот день я едва не утонул, запутавшись в гуще подводных корней, а ночью впервые почувствовал себя взрослым.

Раздался выстрел — я никогда прежде не видел такого. Лиловая молния расщепила темноту, словно клин, и темнота с громом сомкнулась вновь. Где-то рухнул монумент. И вновь — тишина, в которой, казалось, растворилось все вокруг. Мы пустились бежать. Неподалеку закричали

люди, сталь зазвенела о камень, точно чей-то баделер ударил по могильной плите. Я рванулся прочь по совершенно незнакомой (по крайней мере, так мне показалось) аллее, узкой — едва-едва разойтись двоим, устланной обломками костей и, точно сломанное ребро, вонзавшейся в небольшую низинку. В тумане не разглядеть было ничего, кроме темных глыб памятников по бокам аллейки. Затем дорожка внезапно, точно ее выдернули из-под ног, исчезла — видимо, я где-то прозевал поворот. Едва увернувшись от обелиска, словно из-под земли выросшего передо мной, я на полном ходу врезался в человека, одетого в черное пальто.

Он оказался жестким, точно дерево; удар при столкновении сшиб меня с ног и на время лишил способности дышать. Человек в черном пальто тихо выругался, а затем я услышал свист рассеченного клинком воздуха.

— Что случилось? — спросил другой голос.

— Кто-то налетел на меня. Налетел и исчез, кем бы он ни был.

Я замер.

— Открой фонарь.

Этот голос принадлежал женщине и был очень похож на воркованье голубки, если не считать

повелительного тона.

— Госпожа, они накинутся на нас, как стая дхолей, — возразил тот, на кого я налетел.

— Они в любом случае скоро будут здесь — Водал стрелял. Ты должен был слышать.

— Ну выстрел их скорее отпугнет…

В разговор снова вступил человек, заговоривший первым, — я был тогда еще слишком неопытен, чтобы распознать характерный акцент экзультанта:

— Лучше бы я не брал этого с собой. Против людей такого сорта — нужды нет.

Теперь он был гораздо ближе; какое-то мгновение я мог видеть его сквозь туман. Очень высокий, худощавый, с непокрытой головой, он стоял возле толстяка, на которого я наткнулся. Третьей была женщина, закутанная в черное. Лишившись дыханья, я не в силах был двигаться, однако как-то сумел отползти за постамент статуи и, едва оказавшись в безопасном месте, снова принялся наблюдать за ними.

Мало-помалу глаза привыкали к темноте. Разглядев правильное, продолговатое лицо женщины, я отметил, что она почти одного роста с худощавым человеком по имени Водал.

— Трави помалу, — скомандовал толстяк, скры-

тый теперь от моих глаз.

На слух, он находился всего лишь в паре шагов от того места, где я прятался, но из виду пропал надежно, точно вода, вылитая в колодец. Затем я увидел, как к ногам худощавого придвинулось что-то черное (должно быть, тулья шляпы толстяка), и понял, в чем дело: толстяк спустился в могильную яму!

— Как она? — спросила женщина.

— Свежа, как роза, госпожа! Запаха почти не чувствуется, тревожиться не о чем. — С невероятным для его сложения проворством он выпрыгнул из ямы. — Берите другой конец, сеньор; вытащим легче, чем морковь из грядки!

Что сказала после этого женщина, я не расслышал. Худощавый ответил:

— Это тебе не стоило ходить с нами, Тея. Как я буду выглядеть перед остальными, если вовсе ничем не рискую?

Они с толстяком закряхтели от напряжения, и я увидел, как возле их ног появилось что-то белое. Оба наклонились, чтобы поднять его. И вдруг — точно амшаспанд коснулся их сияющим жезлом — туман всклубился, уступив дорогу зеленому лунному лучу. В руках их был труп, тело женщины. Темные волосы ее спутались,

лиловато-серое лицо отчетливо контрастировало с длинным платьем из какой-то светлой ткани.

— Видишь, сеньор? — сказал толстяк. — Как я и говорил. Ну вот, госпожа, осталось всего ничего. Только за стену переправить.

Стоило этим словам слететь с его губ, неподалеку вскрикнули, и на дорожке, ведущей в низинку, появились трое добровольцев.

— Придержи их, сеньор, — буркнул толстяк, взваливая тело на плечо. — Я пригляжу за дамами.

— Возьми это, — сказал Водал.

Поданный им пистолет сверкнул в лунном луче, словно зеркальце.

— Сеньор, — ахнул толстяк, — я и в руках-то никогда не держал…

— Возьми, может пригодиться!

Нагнувшись, Водал поднял с земли что-то наподобие темной палки. Шорох металла о дерево — и в руке его оказался узкий блестящий клинок.

– *Защищайтесь!* — крикнул он.

Женщина, точно голубка, заслышавшая клич арктотера, выхватила блестящий пистолет из руки толстяка, и оба они отступили в туман.

Трое добровольцев приостановились, затем один двинулся вправо, другой — влево, чтобы

напасть разом с трех сторон. Оставшийся на белой дорожке из обломков костей был вооружен пикой, а один из его товарищей — топором.

Третьим оказался вожак добровольцев — тот самый, что разговаривал с Дроттом у ворот.

— Кто ты такой?! — закричал он. — Какого Эреба явился сюда и чинишь непотребства?!

Водал молчал, но острие его клинка пристально следило за добровольцами.

— Вместе, разом! — зарычал вожак. — Вперед!

Однако добровольцы замешкались, и прежде чем они смогли приблизиться, Водал ринулся в атаку. Клинок его, сверкнув в тусклом лунном луче, заскрежетал о навершие пики — точно стальная змея скользнула по бревну из железа. Пикинер с воплем отскочил назад; Водал (наверное, опасаясь, как бы двое оставшихся не зашли с тыла) отпрыгнул тоже, потерял равновесие и упал.

Все происходило в темноте, да и туман отнюдь не улучшал видимости. Конечно, я видел все, однако и мужчины, и женщина с правильным, округлым лицом казались мне лишь темными силуэтами. И все же что-то в происходящем тронуло мое сердце. Очевидно, готовность Водала умереть, защищая эту женщину, заставила ме-

ня проникнуться к ней особой симпатией, а уж восхищение самим Водалом внушала наверняка. Сколько раз с тех пор я, стоя на шатком помосте посреди рыночной площади какого-нибудь заштатного городишки и занося мой верный «Терминус Эст» над головою какого-нибудь жалкого бродяги, окутанный ненавистью толпы и — что еще омерзительнее — грязным сладострастием тех, кому доставляет наслаждение чужая боль и смерть, вспоминал Водала на краю могильной ямы и поднимал клинок так, словно бью за него!

Водал, как я уже говорил, споткнулся. В тот миг я поверил, будто вся жизнь моя брошена на чашу весов вместе с его жизнью.

Добровольцы, зашедшие с флангов, кинулись на него, но оружия из рук он не выпустил. Клинок сверкнул в воздухе, хотя хозяин его еще не успел подняться. Помнится, я подумал, что мне очень пригодился бы такой же в тот день, когда Дротт сделался капитаном учеников, а затем живо представил себя на месте Водала.

Человек с топором, в чью сторону был сделан выпад, отступил, а другой ринулся в атаку, выставив перед собою нож. Я к этому моменту уже поднялся на ноги и наблюдал за схваткой через плечо халцедонового ангела. Водал едва увернул-

ся от удара, и нож вожака добровольцев ушел в землю по самую гарду. Водал отмахнулся от противника шпагой, но клинок ее был слишком длинен для ближнего боя. Вместо того чтобы отступить, вожак добровольцев бросил оружие и взял Водала в борцовский захват. Дрались они на самом краю могильной ямы — наверное, Водал увяз в вынутой из нее земле.

Второй доброволец поднял топор, но в последний миг замешкался — ближним к нему был вожак. Тогда он обошел сцепившихся на краю могилы, чтобы ударить наверняка, и оказался меньше чем в шаге от моего укрытия. Пока он менял позицию, Водал вытащил из земли нож и вонзил его в глотку вожака. Топор взметнулся вверх; я почти рефлекторно поймал топорище под самым лезвием и тут же оказался в самой гуще событий. Ударил ногой, взмахнул топором — и внезапно обнаружил, что все кончено.

Хозяин окровавленного топора, оставшегося в моих руках, был мертв. Вожак добровольцев корчился у наших ног. Пикинер успел удрать, оставив пику мирно покоиться поперек дорожки. Подняв из травы черную трость, Водал упрятал в нее клинок шпаги.

— Кто ты?

— Севериан. Палач. То есть ученик палача, сеньор. Воспитанник Ордена Взыскующих Истины и Покаяния. — Тут я набрал полную грудь воздуха. — А еще я — водаларий. Один из тысяч водалариев, о которых тебе ничего не известно.

Слово «водаларий» мне довелось слышать где-то однажды.

— Держи!

С этим он вложил мне в ладонь предмет, оказавшийся небольшой монеткой, отполированной до такой степени, что металл казался жирным на ощупь. Сжимая монетку в кулаке, я стоял возле осквернённой могилы и смотрел ему вслед. Туман поглотил Водала еще до того, как тот выбрался из низинки. Через несколько мгновений над моей головой со свистом пронесся серебристый флайер, остроносый, точно стрела.

Нагнувшись за ножом, выпавшим из горла вожака добровольцев, — видимо, тот выдернул его, корчась в судорогах, — я обнаружил, что все еще сжимаю монетку в кулаке, и сунул ее в карман.

Вот мы полагаем, будто символы созданы нами, людьми. На самом же деле это символы создают нас: что, как не их жесткие рамки, определяет наши черты? Солдату, принимающему присягу, вручают монету — серебряный азими с чеканным

профилем Автарха. Принять монету — значит принять на себя все обязанности, связанные с бременем военной службы; с этого момента ты — солдат, хоть, может быть, ни аза не смыслишь в обращении с оружием. Тогда я еще не знал, сколь глубоко заблуждение, будто подобные вещи оказывают влияние, лишь будучи осмысленными. Фактически такая точка зрения есть суеверие — самое темное и безосновательное. Считающий так верует в действенность чистого знания; люди же рациональные отлично понимают, что символы действуют сами по себе либо не действуют вовсе.

Итак, в тот миг, когда монетка упала на дно моего кармана, я ничего не знал о догмах, исповедуемых движением, возглавляемым Водалом, но совсем скоро изучил их все назубок — ведь ими был насыщен сам воздух. Вместе с Водалом я ненавидел автократию, хоть и не представлял себе, чем ее можно заменить. Вместе с ним я презирал экзультантов, неспособных восстать против Автарха и отсылавших ему прекраснейших из собственных дочерей для церемониального конкубината. Вместе с ним я питал отвращение к народу, которому прискорбно недоставало дисциплины и здравого смысла. Из тех же ценностей,

которые мастер Мальрубий пытался привить мне в детстве, а мастер Палемон прививал и по ту пору, я принял лишь одну — верность гильдии, и был абсолютно прав: теперь для меня было вполне приемлемо служить Водалу и в то же время оставаться палачом. Вот как сложилось все к тому времени, когда я пустился в долгий путь, завершением коему стал трон.

II
Севериан

Память подавляет меня. Будучи взращен среди палачей, я никогда не знал ни отца своего, ни матери, да и прочие собратья мои во ученичестве знали о своих родителях не больше. Время от времени — особенно с наступлением зимы — у Дверей Мертвых Тел гомонят обиженные жизнью, надеющиеся быть принятыми в нашу древнюю гильдию. Нередко они потчуют Брата Привратника повествованиями о пытках, которым охотно подвергли бы любого ради тепла и пищи, а порой даже приносят с собою ни в чем не повинных животных для наглядной их демонстрации.

Все эти бедолаги уходят ни с чем. Традиции дней нашей славы, предвосхищавших нынешний век упадка и ту эпоху, что предшествовала ему, и ту, что была перед нею, обычаи тех времен, название коим помнит сейчас не всякий ученый книжник, запрещают вербовку людей подобного сорта. Традиции эти чтились даже во времена, о которых я пишу, во времена, когда гильдия

сократилась до двух мастеров при менее чем двух десятках подмастерьев.

В памяти моей живы все ранние воспоминания. Первое из них — я складываю в кучу булыжники на Старом Подворье, что лежит к юго-западу от Башни Ведьм и отгорожено от Большого Двора. Стена, в обороне которой надлежало участвовать нашей гильдии, уже тогда была разрушена; между Красной и Медвежьей Башнями зияла широченная дыра, и сквозь нее я частенько, вскарабкавшись на груду обвалившихся плит тугоплавкого серого металла, любовался некрополем, тянувшимся вниз по склону Крепостного Холма.

Когда я подрос, некрополь стал мне любимым местом для игр. Днем его извилистые аллеи патрулировались стражей, однако главной заботой патрульных были свежие могилы у подножия холма. Кроме того, они знали, что мы принадлежим к палачам, и выгонять нас из укромных кипарисовых рощ отваживались лишь изредка.

Говорят, наш некрополь во всем Нессе древнейший. Вранье, конечно же, но само существование подобного мнения подтверждает его древность, хотя автархов здесь не хоронили даже в те времена, когда Цитадель была главной их рези-

денцией, а знатнейшие семейства, как и сейчас, предпочитали предавать своих длиннооруких и длинноногих покойников земле сокровищниц собственных поместий. Армигеры и оптиматы хоронили своих наверху, под самой стеной Цитадели, еще ниже покоились простолюдины, а могилы нищих и бродяг без роду и племени достигали жилых кварталов на берегу Гьёлля. Мальчишкой я редко забирался так далеко от Цитадели — даже вполовину.

Мы всегда держались втроем — Дротт, Рох и я. Потом к нам присоединился еще Эата, старший из прочих учеников. Ни один из нас не был рожден среди палачей — таких не бывает вовсе.

Говорят, в древности женщины состояли в гильдии наряду с мужчинами и их сыновья и дочери посвящались в гильдейские таинства, как принято сейчас среди золотых дел мастеров и во многих других гильдиях. Но Имар Без Малого Праведный, заметив, сколь были жестоки те женщины и сколь часто превышали они пределы назначенных испытуемым наказаний, повелел, чтобы «отныне и впредь женскаго полу среди гильдейских отнюдь не держать».

С тех пор ряды наши пополняются лишь детьми тех, кто попадает к нам в руки. В Башне Мата-

чинов у нас имеется железный прут, вбитый в стену на уровне паха взрослого мужчины, и дети мужского пола ростом не выше этого прута воспитываются нами как собственные. Когда же к нам присылают женщину в тягостях, мы вскрываем ее и, если дитя является мальчиком и начинает дышать, нанимаем для него кормилицу, а девочки отсылаются к ведьмам. Так ведется у нас со дней Имара, забытых много сотен лет назад.

Таким образом, своих предков никто из нас не знал. Любой мог происходить даже из семьи экзультантов — персон высокопоставленных к нам присылают нередко. С детства у каждого из нас складываются собственные догадки на этот счет, каждый в свое время пристает с расспросами к старшим из братьев-подмастерьев, но те, замкнувшиеся в собственной горечи, обычно скупы на слова. В тот год, о котором я пишу, Эата вычертил на потолке над своей койкой герб одного из северных кланов, возомнив, будто ведет происхождение от этой семьи.

Что до меня, сам я давно считал собственным герб, отчеканенный на бронзовой пластине над дверью одного мавзолея: фонтан над гладью вод, корабль с распростертыми крыльями, а в нижней части — роза. Дверь мавзолея давно разбухла,

покоробилась от дождей, на полу лежали два пустых гроба, а еще три, слишком тяжелые для меня и до сих пор нетронутые, мирно покоились на полках вдоль стены. Но не гробы — закрытые ли, открытые — привлекали меня сюда, хотя на извлеченных из них остатках мягких поблекших подушек я иногда отдыхал. Привлекал скорее уют небольшого помещения — толща каменных стен с единственным крохотным оконцем, забранным единственным железным прутом, и массивность бесполезной, никогда не затворяющейся двери.

Сквозь окно и дверной проем я, надежно укрытый от чужих глаз, мог наблюдать за яркой жизнью деревьев, кустов и травы снаружи. Кролики и коноплянки, убегавшие и разлетавшиеся при приближении, не слышали и не чуяли меня здесь. Я видел, как водяная ворона строит себе гнездо и взращивает птенцов в каких-то двух кубитах от моего носа. Я видел, как лис, из тех, кого называют гривастыми волками, — огромный, крупнее любой собаки, кроме самых больших, — рысцой бежит сквозь кустарник. Однажды этот лис по каким-то своим лисьим делам забрался даже в разрушенные кварталы на юге — я видел, как он возвращался оттуда в сумерках. Каракара выслеживала для меня гадюк, сокол на вершине

сосны расправлял крылья, готовясь взлететь…

Не думайте, для описания всего того, за чем я наблюдал так долго, момент сейчас вполне подходящий. Для рассказа о том, что все это значило для оборванного мальчишки, ученика палачей, не хватило бы и целого десятка саросов. В те времена мною постоянно владели две мысли, почти мечты — они-то и делали все эти вещи бесконечно дорогими. Первая состояла в том, что уже в обозримом будущем само время остановится; дни, сверкающие яркими красками и столь долго тянущиеся один за другим, словно ленты из шляпы фокусника, подойдут к концу; тусклое солнце мигнет и погаснет. Вторая предполагала, будто где-то существует источник чудесного света (иногда я представлял его себе в виде свечи, а порой — факела), дарующего жизнь всему, что попадет в его лучи: у опавшего листа отрастут тоненькие ножки и щупальца, сухая колючая ветка откроет глазки и снова вскарабкается на дерево…

Но иногда, особенно в жаркие, сонные полуденные часы, смотреть вокруг было почти не на что. Тогда я отворачивался к бронзовой табличке над дверью и гадал, какое отношение ко мне имеют корабль, фонтан и роза, или глазел на бронзовый саркофаг, мною же найденный, отчищенный до

блеска и установленный в углу. Покойный лежал, вытянувшись во весь рост и сомкнув тяжелые веки. При свете, проникавшем в мавзолей сквозь оконце, я изучал лицо покойного, сравнивая его со своим, отражавшимся в полированном металле. Мой нос, прямой и острый, впалые щеки и глубоко посаженные глаза были такими же, как у него. Ужасно хотелось выяснить, был ли он, как и я, темноволос.

Зимой я навещал некрополь лишь изредка, но с приходом весны этот мавзолей и его окрестности неизменно служили мне местом для наблюдений и отдыха в тишине. Дротт, Рох и Эата тоже приходили в некрополь, но своего излюбленного убежища я не показывал им никогда, а у них, как и у меня, также имелись свои потайные убежища. Собираясь вместе, мы вообще редко лазали по склепам. Мы сражались на мечах из веток, швырялись шишками в солдат, играли в «веревочку», в «мясо» или — при помощи разноцветных камешков — в шашки, вычертив доску на холмике свежей могилы.

Так развлекались мы в лабиринте некрополя, также принадлежавшем Цитадели, а иногда еще плавали в огромном резервуаре у Колокольной Башни. Конечно, там, под толстым каменным

сводом, нависавшим над темной, бесконечно глубокой водой, было сыро и холодно даже летом. Однако в резервуаре можно было купаться даже зимой, да вдобавок купанье это обладало одним преимуществом — главным, неоспоримым, решающим: оно было запрещено. Как упоительно было прокрадываться к резервуару и не зажигать факелов, пока за нами не захлопнется тяжелая крышка люка! Как плясали наши тени на отсыревших камнях, когда пламя охватывало просмоленную паклю!

Как я уже говорил, другим местом для купанья был Гьёлль, огромной, усталой змеей проползавший сквозь Несс. С наступлением теплых дней ученики компаниями шли купаться через некрополь мимо высоких старых гробниц под стеной Цитадели, мимо исполненных тщеславия последних прибежищ оптиматов, сквозь каменные заросли обычных памятников (минуя дородных стражей, опиравшихся на древки копий, мы старались изображать высшую степень почтения) и, наконец, через россыпи простых, смываемых первым же ливнем земляных холмиков, под коими покоятся нищие.

У нижнего края некрополя находились те самые железные ворота — их я уже описывал.

Именно сквозь них прибывали тела, подлежащие захоронению в могилах для бедных. Минуя ржавые решетчатые створы ворот, мы начинали чувствовать, что в самом деле вышли за пределы Цитадели и, безусловно, нарушили правила, ограничивавшие нашу свободу перемещений. Мы были уверены (или, по крайней мере, делали вид, будто уверены), что старшие братья подвергнут нас пыткам, если проступок откроется. На самом же деле нас ожидала в худшем случае порка — такова доброта палачей, которых я впоследствии предал.

Гораздо опаснее были для нас обитатели многоэтажных жилых домов, тянувшихся вдоль грязной улицы, которой мы шли на реку. Порой мне думается, что гильдия просуществовала столь долго лишь потому, что служила средоточием людской ненависти, отвлекая ее от Автарха, от экзультантов, от армии и даже — в известной, разумеется, мере — от бледнокожих какогенов, порой прибывавших на Урд с дальних звезд.

Обитатели жилых кварталов обладали тем же чутьем, что и стражи, и тоже частенько догадывались, кто мы такие. Порой из окон на нас выплескивали помои, а уж гневный ропот сопровождал нас на каждом шагу… однако страх,

породивший эту ненависть, служил нам защитой. Никто никогда всерьез не нападал на нас, а раз или два, когда на милость гильдии отдавали тирана-вильдграфа или продажного парламентария, на нас лавиной рушились пожелания (большей частью непристойные либо невыполнимые) по поводу того, как с ним надлежит обойтись.

В том месте, где мы купались, естественных берегов не было уже много сотен лет — два чейна воды, заросшей голубыми ненюфарами, были надежно заперты меж каменных стен набережной. С набережной в воду спускались около десятка лестниц, к которым должны были причаливать лодки, и в солнечные дни каждый пролет был занят компанией из десяти-пятнадцати шумных, драчливых юнцов. Нам четверым не хватало сил, чтобы отбить себе пролет у такой компании, но и избавиться от нашего присутствия они не могли (по крайней мере, ни разу не попробовали), хотя, завидев нас, начинали грозить расправой, а стоило нам устроиться возле, принимались дразниться.

Вскоре, однако ж, все они уходили прочь, и набережная оставалась в нашем распоряжении до следующего купального дня.

Я предпочел описать все это сейчас, так как после спасения Водала купаться ни разу больше не ходил. Дротт с Рохом думали, что я просто боюсь снова оказаться перед запертыми воротами. А вот Эата, пожалуй, понимал истинную причину: в мальчишках, готовых вот-вот стать мужчинами, порой просыпается прямо-таки женское чутье. Все дело было в них, в ненюфарах.

Некрополь никогда не казался мне обителью смерти; я знал, что кусты пурпурных роз, к которым люди питают такое отвращение, служат убежищем для многих сотен птиц и мелких зверьков. Экзекуции, которые я наблюдал и в которых столько раз принимал участие, были для меня не более чем ремеслом, обычной мясницкой работой (вот только люди зачастую куда менее невинны и ценны, чем скот). Когда я думаю о смерти — своей ли, кого-либо из тех, кто был добр ко мне, или даже о смерти нашего солнца, — перед мысленным взором моим появляется образ ненюфар с бледными, лоснящимися листьями, лазоревыми лепестками и черными, тонкими, прочными, словно волос, корнями, уходящими вниз, в темные, холодные глубины вод.

По молодости лет мы об этих цветах никогда не задумывались. Плескались среди них, плавали,

раздвигая их в стороны и не обращая на них ни малейшего внимания. Вдобавок аромат их хоть как-то перебивал мерзкие, гнилостные испарения реки…

В тот день, перед тем как спасти Водала, я нырнул в самую гущу цветов, как делал до того тысячи раз.

Нырнул… и не смог вынырнуть. Меня угораздило попасть в такое место, где гуща корней была гораздо плотнее, чем где-либо еще. Я словно оказался пойман сразу в сотню сетей! Я открыл глаза, но ничего не увидел перед собою, кроме густой, черной паутины корней. Я хотел было всплыть — но тело оставалось на месте, среди миллионов тонких черных нитей, как лихорадочно руки и ноги ни загребали воду. Сжав пучок корней в горсти, я рванул их — и разорвал, но и это не помогло обрести подвижность. Казалось, легкие распухли так, что закупорили горло и вот-вот задушат меня, а после — разорвутся на части. Мной овладело непреодолимое желание вдохнуть, втянуть в себя темную, холодную воду.

Я перестал понимать, где поверхность воды, и сама вода не воспринималась больше как таковая. Силы оставили меня, и страх исчез, хотя я сознавал, что умираю или даже уже мертв. В ушах

загремел раздражающий звон — и перед глазами возник мастер Мальрубий, умерший несколько лет назад. Он будил нас, колотя ложкой по металлической спинке койки — вот откуда взялся этот звон! Я лежал в койке, не в силах подняться, хотя все прочие — Дротт, Рох и ученики помладше были уже на ногах, зевали спросонья и одевались, путаясь в рукавах и штанинах. Мантия мастера Мальрубия была распахнута, открывая обвисшую кожу на груди и животе (и жир, и мускулы давным-давно съело время). Я хотел было сказать ему, что уже проснулся, но не смог издать ни звука. Мастер Мальрубий двинулся вдоль ряда коек, колотя ложкой по спинкам, и через какое-то время, показавшееся мне целой вечностью, достиг амбразуры, остановился и выглянул наружу. Я понял: он высматривает на Старом Подворье меня.

Однако взгляд его никак не мог меня отыскать: я был в одной из камер под пыточной комнатой, лежал на спине и смотрел в серый потолок. Где-то плакала женщина, но я не видел ее, а женские рыдания вытеснял из сознания звон — звон ложки о металлическую спинку койки. Тьма сомкнулась над головой, во тьме появилось лицо женщины — огромное, точно зеленый лик луны в ночном

небе, но плакала не она: я все еще слышал рыдания, а безмятежное лицо этой женщины было исполнено той красоты, что не приемлет вовсе никаких выражений. Руки ее потянулись ко мне, и я тут же превратился в едва оперившегося птенца, которого год назад вытащил из гнезда в надежде приручить — ладони женщины превосходили размерами гробы из моего потайного мавзолея, в которых я иногда отдыхал. Огромные руки схватили меня, подняли и тут же швырнули вниз, прочь от ее лица и от звуков рыданий, в непроглядную темноту. Достигнув чего-то, на ощупь показавшегося донным илом, я вырвался наружу, в мир света, окаймленного черным.

Дышать я по-прежнему не мог, да и не хотел, и грудь не желала, как обычно, вздыматься сама по себе. Сам не понимая, каким образом (позже выяснилось, что это Дротт тащил меня за волосы), я заскользил по воде и оказался на холодных, скользких камнях, а Дротт с Рохом по очереди принялись вдувать воздух мне в рот. Глаза их мелькали передо мной, точно узоры в окошке калейдоскопа. Глаза Эаты — их было очень уж много — я отнес на счет неполадок в собственном зрении.

В конце концов я отпихнул Роха и изверг из

себя огромное количество черной воды. После этого мне полегчало. Я сумел сесть и начал понемногу дышать; смог даже пошевелить слабыми, дрожащими руками. Глаза, окружавшие меня, принадлежали вполне настоящим людям, жителям примыкавших к набережной домов. Какая-то женщина подала мне чашку чего-то — чай это был или бульон, разобрать я не смог. Питье оказалось обжигающе горячим, слегка соленым и припахивающим дымом. Поднесши чашку ко рту, я почувствовал легкий ожог на губах и на языке.

— Ты уж не утопиться ли хотел? — спросил Дротт. — И как только выплыть смог?!

Я покачал головой.

— Так и вылетел из воды! — сказали из толпы.

Рох подхватил едва не оброненную мной чашку.

— Мы-то думали, ты где-то вынырнул и прячешься! Чтобы над нами подшутить…

— Я видел Мальрубия.

Какой-то старик — судя по заляпанной смолой одежде, лодочник — вдруг схватил Роха за плечо:

— Мальрубий? Это кто такой будет?

— Был мастером учеников. Он давно умер.

— То есть не женщина?

Старик держал за плечо Роха, но взгляд его был устремлен на меня.

— Нет, нет, — ответил Рох. — У нас в гильдии женщин нет.

Несмотря на горячее питье и теплый солнечный день, я ужасно замерз. Один из мальчишек, с которыми мы дрались когда-то, принес откуда-то насквозь пропыленное одеяло, и я закутался в него поплотней, но встать и пойти все равно смог очень не скоро. Когда мы добрались до ворот некрополя, от изваяния Ночи, венчавшего караван-сарай на противоположном берегу, остался лишь крохотный черный штришок на фоне пламенеющего заката, а ворота были закрыты и заперты на замок.

III
Лик Автарха

Взглянуть на монету, данную Водалом, мне пришло в голову только средь утра следующего дня. Как обычно, мы, обслужив подмастерьев в трапезной, позавтракали сами, встретились в классе с мастером Палемоном и после краткой предварительной лекции последовали за ним в нижние этажи — наблюдать за работой, начатой прошедшей ночью.

Но здесь, прежде чем писать дальше, наверное, стоит подробнее рассказать об устройстве нашей Башни Матачинов. Фасад ее выходит на западную, заднюю сторону Цитадели. На первом этаже расположены кабинеты наших мастеров — там они проводят консультации с представителями юстиции и главами других гильдий. Над ними, этажом выше, находится общая комната, дальней стеной примыкающая к кухне. Еще выше — трапезная, служащая нам не только местом приема пищи, но и залом для собраний. Над трапезной — личные каюты мастеров, которых в лучшие для гильдии времена было гораздо

больше. Этажом выше — каюты подмастерьев, над ними — дормиторий учеников и классная комната, мансарды и анфилады заброшенных кабинетов, а на самом верху — орудийный отсек: то, что там осталось, членам гильдии полагается обслуживать в случае нападения противника на Цитадель.

Внизу, под всем этим, находятся рабочие помещения гильдии. Сразу под землей — комната для допросов, а под ней — то есть уже вне башни, ведь комната для допросов изначально была реактивным соплом — тянутся вниз на три этажа (прочие этажи давно не используются) лабиринты темниц, соединенные центральной лестницей. Камеры непритязательны, сухи и чисты, каждая снабжена столиком, креслом и узкой кроватью, которая жестко крепится к полу в центре помещения.

Светильники в темницах — из тех, древних, которые, говорят, должны гореть вечно, хотя некоторые уже погасли. В то утро сумрак подземных коридоров вовсе не омрачал моего настроения — наоборот, наполнял сердце радостью: ведь именно здесь я, став подмастерьем, буду работать, совершенствовать древнее искусство нашей гильдии, возвышусь до звания

гильдейского мастера и заложу фундамент для реставрации ее былой славы. Казалось, сам воздух коридоров окутывает меня, словно одеяло, согретое у чистого, бездымного огня.

Все мы остановились перед дверью одной из камер, и дежурный подмастерье заскрежетал ключом в замке. Клиентка, содержавшаяся внутри, подняла голову и широко раскрыла темные глаза. Вероятно, ее напугала бархатная маска и черная мантия, в которые, согласно рангу, был облачен мастер Палемон, а может, массивное оптическое устройство, без которого он почти ничего не видел. При виде нас она не проронила ни слова, а заговаривать с ней никому из учеников, уж конечно, даже в голову бы не пришло.

— Здесь, — начал мастер Палемон в своей обычной суховатой манере, — мы имеем нечто выходящее за рамки стандартных юридических приговоров и хорошо иллюстрирующее возможности новейшей техники. Прошедшей ночью клиентка была подвергнута допросу — возможно, некоторые из вас имели возможность ее слышать. Двадцать минимов тинктуры были даны клиентке до начала процедуры и десять — по окончании. Доза лишь частично предотвратила шок и потерю сознания, вследствие чего проце-

дура была прервана, — тут он подал знак Дротту, и тот начал разбинтовывать ногу клиентки, — как вы можете видеть, после удаления кожи с правой ноги.

— Полусапог? — спросил Рох.

— Нет, сапог полностью. Клиентка из служанок, чью кожу мастер Гюрло находит до чрезвычайности прочной, и данный опыт наглядно доказал его правоту. Смотрите: простое циркулярное рассечение под коленом, край зафиксирован восемью скобками, а засим тщательный труд мастера Гюрло, Одона, Мины и Эйгиля позволил удалить кожу от колена до кончиков пальцев без дальнейшего применения ножа.

Мы собрались вокруг Дротта. Мальчишки помладше принялись толкаться, делая вид, будто знают, на что именно нужно смотреть. Артерии и главные кровеносные сосуды остались неповрежденными, наблюдалось лишь незначительное общее кровотечение. Я помог Дротту сделать перевязку.

Мы уже двинулись к выходу, но женщина вдруг заговорила:

— Я не знаю! Ох, неужто вы думаете, что я не сказала бы, кабы знала? Она убежала с этим Водалом-из-Леса, а куда — я не знаю!

Снаружи я, прикинувшись полным невеждой, спросил у мастера Палемона, кто такой этот Водал-из-Леса.

— Сколько раз я объяснял, что ни одно слово, сказанное клиентом во время допроса, не должно достигнуть твоих ушей?

— Много раз, мастер.

— И, видимо, попусту. Не за горами день возложения масок, Дротт с Рохом сделаются подмастерьями, а ты — капитаном учеников. Именно в таком духе ты будешь наставлять мальчишек?

— Нет, мастер.

Поймав многозначительный взгляд Дротта, стоявшего за спиной мастера Палемона, я понял: он знает, кто такой Водал, и объяснит мне, как только выдастся удобный момент.

— Некогда подмастерьев нашей гильдии лишали слуха. Быть может, ты хочешь вернуть те дни, Севериан? И не держи руки в карманах, разговаривая с мастером.

Я нарочно сунул руки в карманы, чтобы отвлечь его гнев, но теперь, выполняя приказ, нащупал монету, врученную мне Водалом накануне. Страх, пережитый в схватке, совсем было вытеснил ее из памяти, а вот теперь мне вдруг до судорог захотелось взглянуть на нее — но ма-

стер Палемон, поблескивая линзами, не сводил с меня глаз.

— Когда клиент говорит, ты, Севериан, не должен слышать ни единого слова. Представь себе, будто перед тобой мышь, чей писк не имеет для людей ни малейшего смысла.

Я сощурил глаза, показывая, что изо всех сил стараюсь представить себе эту мышь.

От жгучего желания взглянуть на тоненький металлический диск, который сжимал в кулаке, я не мог избавиться на всем протяжении долгого, утомительного подъема в классную комнату, но тогда монету непременно увидел бы шедший позади Евсигний, один из самых младших учеников. В классе, где мастер Палемон монотонно читал урок над трупом десятидневной давности, монета привлекла бы всеобщее внимание еще вернее, и вынуть ее из кармана я не осмелился.

Удобный момент выдался лишь к вечеру, когда я спрятался в развалинах стены среди сверкающих на солнце мхов. Некоторое время я не решался разжать подставленный под солнечный луч кулак — боялся, как бы разочарование не оказалось мне не по силам.

Нет, ценность монеты была для меня не так уж важна. Хоть я и стал взрослым, денег у меня

было столь мало, что любая монетка сошла бы за улыбку фортуны. Скорее, все дело было в том, что монета, которая вот-вот утратит всю свою таинственность, была единственным звеном, связывавшим меня с прошлой ночью, единственной нитью, ведущей к Водалу, прекрасной женщине в плаще с капюшоном и толстяку, на которого я налетел в темноте, единственным трофеем, вынесенным из схватки на краю разверстой могилы. Другой жизни, кроме гильдейской, я прежде не знал, и теперь она, в сравнении с блеском клинка экзультанта и раскатистым эхом выстрела среди надгробий, казалась мне такой же серой, как моя рваная рубаха.

И все это могло исчезнуть в один миг, стоило лишь разжать кулак!

Наконец, испив сладкий ужас до последней капли, я взглянул на монету. Та оказалась золотым хризосом. Я тут же сомкнул пальцы, боясь, что ошибся и принял за золото медный орихальк, и подождал, пока не наберусь храбрости разжать кулак снова.

Впервые в жизни я держал в руках золото. Орихальки видел во множестве, а несколькими даже владел сам. Раз или два попадался мне на глаза серебряный азими. А вот о существовании

хризосов я только знал, причем знание это было так же туманно, как и знание о существовании мира за пределами нашего города Несса и о других континентах на севере, востоке и западе.

На том хризосе, который я держал в горсти, было изображено лицо, как мне показалось, женщины — увенчанной короной, ни молодой, ни старой, безмолвной, безупречно прекрасной в цитриново-желтом металле. Наконец я повернул свое сокровище другой стороной, и тут у меня взаправду перехватило дух. На реверсе был вычеканен крылатый корабль — тот самый, с герба над дверью моего потайного мавзолея! Вот это лежало за гранью каких бы то ни было объяснений — настолько, что я в тот момент не стал даже строить никаких догадок, будучи вполне уверен в бесплодности любых умопостроений. Поэтому я просто сунул монету обратно в карман и в некоторой прострации отправился назад, к своим товарищам-ученикам.

О том, чтобы держать монету при себе, не могло быть и речи. При первой же возможности я удрал в некрополь один и тщательно обыскал мой мавзолей. Погода в тот день изменилась, к мавзолею пришлось пробираться сквозь мокрый кустарник и высокие жухлые травы, начавшие

клониться к земле в предчувствии зимы. Убежище мое не было больше прохладной, уютной пещеркой; оно превратилось в ледяную яму, внушавшую явственное ощущение близости врагов, противников Водала: ведь им, без сомнения, уже известно, что я присягнул ему на верность. Стоит мне войти внутрь, враги выскочат из засады, захлопнут дверь, висящую на новых, загодя смазанных петлях, и… Конечно, я понимал, что все это — чепуха, но в чепухе той имелась и толика истины. Я чувствовал близость тех времен, когда (через несколько месяцев, а может, несколько лет) враги эти вправду начнут на меня охоту, и мне придется поднять выбранный для боя топор… а ведь палачи в подобное положение, как правило, не попадают.

В полу, у самого подножия бронзового саркофага, обнаружился расшатанный камень. Под него я и спрятал свой хризос, а после прошептал заклинание, которому меня много лет назад выучил Рох, — несколько рифмованных строк, якобы обеспечивавших сохранность спрятанного:

Здесь лежи. Кто ни придет,
Стань прозрачен, будто лед;
Взгляд чужой да не падет

На тебя.

Здесь лежи, не уходи,
Избегай чужой руки,
Пусть дивятся чужаки,
Но не я.

Чтобы заклятие в самом деле подействовало, следовало обойти место клада в полночь, держа в руке пойманный блуждающий огонек, но тут я вспомнил Дроттовы выдумки насчет собирания трав на могилах в полночь, рассмеялся и решил положиться только на стишок, хотя был поражен тем, что достаточно повзрослел, чтобы не стесняться подобных вещей.

Шли дни, но впечатления от похода к мавзолею оставались достаточно яркими, чтобы удержать меня от попыток наведаться туда еще раз и проверить, на месте ли мое сокровище, как бы порой ни хотелось. Затем выпал первый снег, превративший развалины стены в скользкую, почти непреодолимую преграду, а издавна знакомый и привычный некрополь — в странные, чужие россыпи снежных холмиков. Монументы под покровом нового снега словно бы выросли, а кусты и деревья — съежились едва не вдвое.

Суть учения в нашей гильдии заключена в том, что бремя его, по первости легкое, тяжелеет по мере взросления ученика. Самые младшие освобождены от работы вовсе, пока не достигнут шести лет от роду. После этого их работа состоит в беготне вверх-вниз по лестницам Башни Матачинов, и малыши, гордые оказанным доверием, вообще не воспринимают ее как труд. Однако со временем работа их становится все обременительнее. Обязанности приводят ученика в другие части Цитадели — к солдатам в барбакан, где он узнает, что у учеников военных есть барабаны, трубы и офиклеиды, сапоги и даже блестящие кирасы; в Медвежью Башню, где он видит, как его сверстники-мальчишки учатся обращению с прекрасными боевыми зверями — мастифами, чьи головы едва ли не больше львиных, и диатримами, превосходящими ростом человека, с окованными сталью клювами… и еще в сотню подобных мест, где он впервые узнает, что гильдию его ненавидят и презирают даже те (вернее, особенно те), кто пользуется ее услугами. Вскоре подоспевает мытье полов и кухонные наряды, причем всю интересную и приятную кухонную работу берет на себя брат Кок, так что на долю учеников остается чистить и резать овощи, при-

служивать за столом подмастерьям да таскать вниз, в темницы, бесконечные груды подносов.

В то время я еще не знал, что вскоре мое ученичество, сколько себя помню, лишь тяжелевшее, резко сменит курс и станет куда менее утомительным и куда более приятным. Несколько лет перед тем, как стать подмастерьем, старший ученик только присматривает за работой младших. Лучше становится и его пища, и даже одежда, и подмастерья помладше начинают обращаться с ним почти как с равным, и — что приятнее всего — на него возлагается бремя ответственности, возможность отдавать приказы и добиваться их выполнения.

Когда же приходит день возвышения, он — уже взрослый. Он занимается лишь той работой, к которой его готовили, по выполнении коей может покидать Цитадель и даже получает деньги из свободных фондов на развлечения за ее пределами. Если же он когда-нибудь возвысится до звания мастера (каковая честь требует единогласного решения всех живых мастеров), то сможет выбирать работу по собственному вкусу и интересу, а также получит право непосредственного участия в решении гильдейских дел.

Но не следует забывать, что в тот год, о котором

я пишу сейчас, в год, когда я спас жизнь Водала, я всего этого не сознавал. С началом зимы сражения на севере, как мне сказали, временно прекратились; а следовательно, Автарх со своими советниками и высшими чиновниками вернулись в город и возобновили отправление судебных дел.

— Значит, — объяснил Рох, — предстоит работа со всеми новоприбывшими клиентами. И ожидаются еще — дюжины, если не сотни. Может, придется даже снова открыть четвертый этаж.

Взмах его веснушчатой руки означал, что уж он-то, по крайней мере, готов сделать все, что потребуется.

— Так он здесь? — спросил я. — Сам Автарх — здесь, в Цитадели? В Башне Величия?

— Конечно, нет. Если и приедет, ты уж всяко узнаешь, верно? Тут же пойдут парады, инспекции и все такое прочее. Да, в Башне Величия для него имеются покои, но двери их не отпирались вот уже сотню лет. Живет Автарх в тайном дворце, в Обители Абсолюта, где-то к северу от города.

— И ты не знаешь, где это?

Рох ощетинился:

— Как я могу сказать, в каком он месте, если

там нет ничего, кроме самой Обители Абсолюта? А Обитель стоит на своем месте. На том берегу, дальше к северу.

— За Стеной?

Мое невежество заставило Роха улыбнуться.

— Далеко за Стеной. Пешком идти не одну неделю. Автарх-то, конечно, если захочет, может вмиг домчаться сюда на флайере. На Флаговую Башню приземлится.

Однако наши новые клиенты прибывали вовсе не на флайерах. Тех, кто попроще, пригоняли связками по десять-двадцать человек, в цепях, продетых сквозь кольца ошейников. Таких охраняли димархии, бойцы как на подбор, крепко сбитые, в простых, предельно практичных доспехах. Каждый клиент имел при себе медный цилиндрический футляр с личными документами и, таким образом, нес в руках собственную судьбу. Конечно же, все они срывали с футляров печати и читали те бумаги; некоторые пробовали уничтожать их или меняться друг с другом. Прибывших без документов держали в камерах до получения относительно них дальнейших указаний, причем некоторые за время ожидания умирали естественной смертью. Те, кто менялся бумагами, менялись судьбами; сидели в темнице

или выходили на волю, подвергались пыткам либо казни вместо других.

Тех, кто поважнее, привозили в бронированных каретах. Стальные борта и обрешеченные окна этих экипажей служили не столько для предотвращения побегов, сколько для того, чтобы помешать отбить заключенного силой. Не успевала такая карета, с грохотом обогнув восточную стену Башни Ведьм, въехать на Старое Подворье, гильдия переполнялась слухами о дерзких нападениях, инспирированных либо возглавленных лично Водалом: мои товарищи-ученики и большая часть подмастерьев свято верили, будто почти все эти клиенты — его приспешники, сообщники и союзники. Однако я не стал бы освобождать их из этих соображений: подобное навлекло бы на гильдию бесчестье, а предать гильдию, при всей моей преданности Водалу и его движению, я был не готов, да и возможности к этому не имел. Надеялся лишь, что смогу в меру сил скрасить заключение тем, кого полагал своими товарищами по оружию, добавляя им еды с подносов менее достойных клиентов или подбрасывая украденные с кухни кусочки мяса.

Однажды (день тогда выдался на редкость шумный) мне представилась возможность вы-

яснить, кем были все эти люди. Я драил полы в кабинете мастера Гюрло, а мастер, выйдя по какому-то делу, оставил на столе груду только что присланных досье. Едва за ним захлопнулась дверь, я поспешил к столу и успел просмотреть большую часть бумаг, прежде чем с лестницы вновь донеслись его тяжелые шаги. Ни один — ни один — из заключенных, в чьи бумаги мне удалось заглянуть, не имел к Водалу ни малейшего отношения. Все они оказались торговцами, попытавшимися нажиться на армейских поставках, маркитантами, шпионившими в пользу асциан, либо просто презренными уголовниками разных мастей. Вот так. Не более.

Относя ведро к каменному сливу на Старом Подворье, я увидел еще одну из таких бронированных карет, только что прибывшую. Над упряжкой курился пар, охранники в шлемах, утепленных мехом, робко разбирали наше традиционное угощение — дымящиеся кубки с подогретым вином. Тут я уловил краем уха имя Водала, но никто, кроме меня, не обратил на него внимания, и мне внезапно почудилось, будто Водал — лишь эйдолон, сотканный моим воображением из тумана и сумрака, а реален только человек, которого я зарубил его же собственным

топором. Казалось, в этот миг только что перевороше́нные досье хлестнули в лицо, точно сухие листья, поднятые вихрем с земли.

Смущенный, я впервые почувствовал себя в какой-то мере безумным, и могу смело утверждать, что это был самый ужасный миг в моей жизни. Я часто лгал мастеру Гюрло с мастером Палемоном, и мастеру Мальрубию, когда тот еще был жив, и Дротту, поскольку он был капитаном учеников, и Роху, который был старше меня и сильнее, и Эате с прочими младшими учениками, надеясь внушить почтение к себе. Теперь я больше не мог сказать наверняка, не *лжет* ли мне самому мое собственное сознание: все мои выдумки разом вернулись ко мне, и я, помнящий все до единой мелочи, больше не мог быть уверен, что все эти воспоминания — не просто пустые мечты. Я помнил лицо Водала в лунном свете — но ведь мне хотелось вспомнить его! Я помнил его голос и разговор с ним — но ведь мне хотелось снова услышать его и ту прекрасную женщину!

Вскоре, в одну из студеных ночей, я снова пробрался в мавзолей, чтобы взглянуть на свой хризос. Усталое, безмятежное, бесполое лицо на его аверсе вовсе не было лицом Водала.

IV
Трискель

Я нашел его, когда, наказанный за какую-то мелкую провинность, очищал от льда замерзший сток в том месте, куда блюстители Медвежьей Башни выбрасывают «отходы производства» — трупы растерзанных, погибших в процессе дрессировки животных. Наша гильдия хоронит своих умерших под стеной, а клиентов — в нижней части некрополя, а вот блюстители Медвежьей Башни оставляют своих на попечение посторонних. Из всех лежавших там он был самым маленьким.

Бывают в жизни такие события, которые ничего не меняют. Урд обращает свое старушечье лицо к солнцу, и солнечный луч заставляет ее снега сверкать и искриться, так что любая сосулька, свисающая с башенного карниза, кажется Когтем Миротворца, драгоценнейшим из самоцветов, и все, кроме самых мудрых, верят, будто снег, стаяв, уступит место нежданно долгому лету.

Но не тут-то было. Солнечный рай продолжается стражу или две, затем на снег ложатся,

колеблются, пляшут в токах восточного ветра голубые, словно разбавленное водой молоко, тени, и вскоре наступившая ночь ставит все на свои места.

Так же было и с моей находкой, Трискелем. Я чувствовал, что это может — и должно — переменить все, однако то был лишь эпизод длиною в несколько месяцев. Когда с его уходом все кончилось, зима вновь сделалась обычной зимой, после которой, как всегда, наступил день святой Катарины, и все осталось по-прежнему. Если бы я только мог описать, как жалко он выглядел, когда я коснулся его, и как обрадовался он моему прикосновению!..

Весь окровавленный, он лежал на боку. Кровь на морозе застыла, точно смола, и оставалась ярко-красной — холод предотвратил свертывание. Я — сам не знаю зачем — положил ему руку на голову. Он, хоть и выглядел таким же мертвым, как и все остальные, открыл глаз, взглянул на меня, и во взгляде его ясно читалась уверенность, что все худшее позади. «Я сделал свое дело — словно бы говорил его взгляд, — родился и выполнил все, что смог; теперь же настал твой черед выполнять свои обязанности передо мной».

Случись все это летом, я бы, пожалуй, оставил

его умирать. Но я уже довольно давно не видел ни единого зверя, даже какого-нибудь тилакодона, питающегося отбросами. Я снова погладил его, и он лизнул мою руку, после чего я уже никак не мог просто повернуться и уйти.

Я взял его на руки (он оказался удивительно тяжел) и огляделся, стараясь сообразить, что с ним делать. Конечно, в нашем дормитории его обнаружили бы прежде, чем свеча сгорит на толщину мизинца. Да, Цитадель неизмеримо велика и запутанна, в башнях ее, в коридорах, в постройках меж башен и проложенных под ними галереях имелось множество мест, куда не забредал никто, и все же я не мог припомнить ни одного укромного места, куда мог бы добраться, не попавшись с десяток раз кому-нибудь на глаза. В конце концов я отнес бедную зверюгу в наши собственные гильдейские квартиры.

Здесь требовалось как-то протащить его мимо подмастерья, стоявшего на часах у верхней площадки лестницы, ведущей вниз, к темницам. Вначале мне пришло в голову уложить Трискеля в одну из корзин, в которых клиентам доставляют чистое белье. День как раз был банно-прачечным, и мне не составило бы труда сделать одним рейсом больше, чем нужно. Вероятность того,

что охранник-подмастерье заметит неладное, казалась ничтожной, однако для этого пришлось бы стражу с лишком ждать, пока высохнет очередная партия льняных простыней, да к тому же брат, стоявший на посту на площадке третьего яруса, непременно увидел бы, как я спускаюсь на необитаемый четвертый.

Поэтому я оставил пса в комнате для допросов — он все равно был слишком слаб, чтобы двигаться — и предложил охраннику с верхней площадки подежурить вместо него. Он только обрадовался возможности малость отдохнуть и тут же отдал мне палаческий меч с широким клинком (которого мне теоретически не положено было даже касаться) и плащ цвета сажи (который мне было настрого запрещено носить, хоть я уже успел перерасти многих подмастерьев), так что издали подмены не заметил бы никто. Стоило ему уйти, я закрыл лицо капюшоном, поставил меч в угол и поспешил к своему псу. Плащи нашей гильдии отличаются свободой покроя, а доставшийся мне оказался еще шире прочих — брат, носивший его, был изрядно широк в кости. Более того, цвет сажи чернее всех прочих оттенков черного, а потому превосходно скрывает от стороннего взгляда все складки и сборки, превращая ткань

в бесформенный сгусток тьмы. Укрыв лицо под капюшоном, я предстал бы перед подмастерьями, дежурившими на третьем ярусе (если бы они вообще обернулись к лестнице и заметили меня), как обычный — разве что пополнее большинства прочих — брат-гильдеец, спускающийся вниз. Учитывая все слухи, будто четвертый ярус снова собираются заселить клиентами, даже брат, дежурящий на третьем, где держат клиентов, полностью лишившихся рассудка, воющих и гремящих цепями, ничего не заподозрит при виде спускающегося вниз подмастерья и не усмотрит ничего особенного в том, что вскоре после того, как он вернется, на четвертый спустится ученик. Все будет выглядеть так, будто подмастерье что-то забыл на четвертом ярусе и послал за забытым ученика принести.

Уютом четвертый ярус отнюдь не блистал. Примерно половина древних светильников еще горела, однако пол коридоров был покрыт слоем ила — кое-где едва не в руку толщиной. Стол дежурного охранника стоял там, где был оставлен, может быть, две сотни лет назад, но древесина прогнила насквозь, и вся конструкция рассыпалась бы при первом же прикосновении. Однако вода здесь не поднималась высоко, а в дальнем

конце выбранного мной коридора не было даже ила. Уложив пса на клиентскую кровать, я, как сумел, вымыл его при помощи губок, захваченных в комнате для допросов.

Мех его под коркой запекшейся крови оказался коротким и жестким, рыжевато-коричневым. Обрезанный почти под корень, хвост толщиной превосходил длину, а коротко, едва ли не начисто обрубленные уши были не длиннее первой фаланги большого пальца. В последней схватке ему здорово раскроили грудь. Мощные мускулы торчали наружу клубком сонных змей. Правой передней лапы не было вовсе: если что и осталось, все было размолото в кашу. Пришлось, уж как получилось, зашить рану в груди, а поврежденную лапу отрезать, после чего она снова начала кровоточить. Найдя артерию, я перевязал ее и подвернул шкуру, как учил мастер Палемон. Получилась замечательная культя.

Трискель время от времени лизал мою руку, а стоило мне наложить последний стежок, принялся облизывать культю, словно он — медведь и может высосать из культи новую лапу. Челюсти его были огромны, как у арктотера, а клыки — длиннее моего среднего пальца, вот только десны совсем побелели, и в челюстях осталось не боль-

ше силы, чем в руках скелета. Желтые глаза пса переполняло чистейшее, беспримесное безумие.

В тот вечер я поменялся обязанностями с парнем, которому выпало нести клиентам еду. От них всегда что-нибудь да оставалось — некоторые клиенты не едят вовсе, и два оставшихся подноса я понес Трискелю, гадая, жив ли он до сих пор.

Трискель был жив. Он даже ухитрился выбраться из кровати и подползти (ходить пока не мог) к кромке ила, где скопилось немного воды. Там я его и нашел.

На подносах были суп, черный хлеб и два графина воды. Миску супа Трискель вылакал исправно, но, попробовав скормить ему хлеб, я обнаружил, что пес не в силах как следует разжевать его. Тогда я накрошил хлеба во вторую миску с супом, а после подливал в нее воды, пока оба графина не опустели.

Уже лежа в койке, почти на самом верху нашей башни, я все думал, будто слышу, как трудно ему дышать. Несколько раз даже садился и прислушивался, но звук всякий раз пропадал, чтобы вернуться, едва я снова коснусь головой подушки. Быть может, я просто принимал за него биение собственного сердца. Да, найди я Трискеля годом-двумя раньше, он стал бы для меня божеством.

Я обязательно рассказал бы о нем Дротту и всем остальным, и он сделался бы божеством для всех нас. Ныне я воспринимал его как есть, как несчастного, больного зверя, и не мог допустить его гибели — это подорвало бы мою веру в самого себя. Я был (если уже был) взрослым так недолго, что не мог вынести мысли о том, насколько я взрослый не похож на себя в бытность мальчишкой. Я помнил каждое мгновение прошлой жизни, любую мимолетную мысль, взгляд или сон. Судите сами: легко ли мне было разрушить собственное прошлое? Поднеся кисти рук к лицу, я попробовал разглядеть их, хотя и без этого знал, что на тыльной стороне ладоней набухли, проступили вены, а это — явный признак зрелости.

Во сне я снова отправился на четвертый ярус повидаться со своим огромным другом. Из раскрытой пасти его сочилась слюна. Он говорил со мной.

На следующее утро я снова понес клиентам еду и снова стянул кое-что для пса, хоть и надеялся, что он умер. Но он и не думал умирать. Он поднял морду с земли и словно бы улыбнулся во всю свою широченную — будто голова вот-вот развалится на две половинки — пасть, однако встать не пытался. Я накормил его и, уже уходя, вдруг ощутил

пронзительную жалость к нему, попавшему в такое плачевное положение. Он полностью зависел от меня. От меня! Им дорожили; его тренировали, точно бегуна перед гонками; походка его была исполнена гордости, и огромную, шириной в человечью, грудь несли вперед мощные, точно колонны, лапы… Теперь он жил, словно призрак. Само имя его было смыто его же собственной кровью. Улучив удобный момент, я наведался в Медвежью Башню и постарался завести дружбу с тамошними. Они принадлежали к собственной, особой гильдии, поменьше нашей, но знаниями обладавшей не менее обширными. Схожесть наших знаний (хотя я, конечно, проникнуть в секреты их мастерства даже не пробовал) изумила меня до глубины души. Оказалось, что у них при возвышении в мастера кандидат стоит под металлической решеткой, на которую выпускают истекающего кровью быка, а в определенный период жизни каждый из братьев берет в жены львицу либо медведицу и после этого смотреть не хочет на обычных женщин…

Все это — к тому, что их взаимосвязь со зверями почти такова же, как наша — с клиентами. Надо заметить, как далеко ни уходил я от нашей башни, все, сколько их ни есть, ремесленные со-

общества повторяют устройство нашей гильдии, словно зеркала Отца Инире в Обители Абсолюта, что отражаются одно в другом. Выходит, все они — такие же, как и мы, палачи. У нас — клиенты, у охотника — дичь, у купца — покупатель, у солдата — враги Содружества, у правителя — подданные, у женщин — мужчины… Все любят то, что разрушают.

Прошла неделя с того дня, как я принес Трискеля в башню, и, спустившись к нему в очередной раз, я нашел лишь следы его лап в иле. Я пошел по следам. Если бы он добрался до лестницы, один из дежурных подмастерьев наверняка упомянул бы о нем. Вскоре след привел меня к двери, за которой оказалась прорва темных и совершенно незнакомых мне коридоров. В темноте я не мог разглядеть следов, но все равно шел вперед, надеясь, что пес учует мой запах в застоявшемся воздухе и придет ко мне.

А потом я уже заблудился и продолжал идти вперед только потому, что не знал, как вернуться назад.

Насколько древни эти подземелья, возможности выяснить я не имел. Подозреваю лишь (сам не знаю отчего), что древностью они превосходят саму Цитадель. Последняя принадлежит к

концу той эпохи, когда в нас еще жило стремление к чужим звездам, хотя практика полетов к ним угасала, точно очаг, в который забыли подкинуть дров. От этой эпохи, за давностью лет, не сохранилось ни единого имени, однако мы еще помним ее. А предваряли ее, должно быть, другие, полностью забытые времена — времена стремления уйти под землю, эпоха сумрачных, тесных коридоров.

Как бы там ни было, в этих коридорах мне сделалось страшно. Я пустился бегом, порой натыкаясь на стены; наконец увидел впереди пятнышко бледного дневного света и вскоре выбрался наружу сквозь отверстие, в которое едва-едва протиснул голову и плечи.

Оказавшись на свободе, я увидел, что выход привел меня на обледенелый пьедестал одного из тех древних многогранных циферблатов, каждая из многочисленных граней которых означает свой час. Потолок туннеля под ним просел от времени, и циферблат накренился так, словно сам сделался гномоном, тень коего вычерчивала течение короткого зимнего дня на белом, ровном снегу…

Летом здесь явно был сад, но не такой, как у нас в некрополе, с полудикими деревьями и лу-

жайками на пологом склоне. Здесь в кратерах, расставленных на мозаичной мостовой, цвели розы, а вдоль стен, огораживавших двор, стояли скульптуры, изображавшие зверей, смотревших в сторону солнечных часов. Здесь были неуклюжие барилямбды; цари зверей арктотеры; глиптодоны; смилодоны с клыками-глефами… Все статуи припорошил снег. Я огляделся в поисках следов Трискеля, но обнаружил, что пес сюда не забегал.

В стенах, ограждавших двор, имелись узкие, высокие окна, но за ними не было видно ни света, ни движения. Над стенами со всех сторон высились островерхие башни — значит, я не вышел из Цитадели, а, наоборот, забрался в самое ее сердце, где никогда прежде не бывал.

Трясясь от холода, я подошел к ближайшей двери и постучал. Было ясно, что в туннелях я могу бродить вечно, но так и не найду еще одного выхода наверх. В крайнем случае лучше разбить одно из окон, чем снова спускаться под землю…

Изнутри, сколько я ни стучал, не доносилось ни звука.

Пожалуй, ощущение того, что за тобой наблюдают, невозможно описать. Некоторые говорят, что при этом волосы на затылке встают дыбом

либо кажется, будто где-то рядом парят в воздухе чьи-то глаза, но со мной так не бывало ни разу. Было что-то наподобие беспричинного смущения вкупе с чувством, что нельзя оглядываться назад, так как реагировать на призывы беспочвенных предчувствий — глупо… Но оглянуться все же рано или поздно приходится, и я наконец оглянулся, испытывая смутное впечатление, будто кто-то вылез из дыры у основания солнечных часов следом за мной.

Однако вместо этого я увидел молодую женщину, закутанную в меха. Она стояла у двери на противоположной стороне двора. Я помахал рукой и поспешно (так как жутко замерз) зашагал к ней. Она тоже двинулась вперед, и мы встретились у дальнего края циферблата. Она спросила, кто я такой и что здесь делаю, и я объяснился, как мог. Лицо ее, обрамленное мехом капюшона, было прекрасно, а сам капюшон, и пальто, и подбитые мехом сапожки выглядели мягкими и теплыми, и потому я, говоря с ней, никак не мог забыть, что на мне — заплатанные штаны и рубаха, а ноги перепачканы илом.

Ее звали Валерией.

— У нас нет твоего пса, — сказала она, выслушав меня. — Можешь поискать, если не веришь.

— Нет, я ничего такого не думал. Я только хотел бы вернуться к себе, обратно в Башню Матачинов, не спускаясь снова под землю.

— Ты очень храбрый. Я помню эту дыру с детства, но забраться в нее не отваживалась никогда.

— Можно мне войти? — попросил я. — То есть туда, в дом.

Она отворила дверь, через которую вышла во двор, и ввела меня в комнату с обитыми тканью стенами и высокими старинными креслами, казалось стоявшими на своих местах столь же незыблемо, как статуи в скованном морозом дворе. В камине пылали дрова. Мы подошли к камину, и Валерия начала снимать пальто, а я протянул к огню озябшие руки.

— Разве там, под землей, не было холодно?

— Теплее, чем снаружи. Кроме того, я бежал, да и ветра там не было.

— Понимаю. Как странно, что эти туннели ведут сюда, в Атриум Времени…

На вид она была младше меня, но из-за прекрасного платья старинного фасона и тени темных волос на лице временами казалась старше мастера Палемона, обитателя забытого прошлого.

— Как ты сказала? Атриум Времени? Наверное,

это из-за солнечных часов.

— Нет, это часы поставили здесь из-за названия. Ты любишь древние языки? На них есть много красивых высказываний. Вот: *Lux dei vitae viam monstrat*. Это значит: «Луч Нового Солнца освещает путь жизни». Или: *Felicibus brevis, miseris hora longa* — «Люди ждут счастья долго». *Aspice ut aspiciar*…

Я смутился. Пришлось признаться, что я не знаю ни одного языка, кроме того, на котором мы говорим, — да и то не очень.

Прежде чем я ушел, мы проболтали целую стражу — и даже больше. Я узнал, что семья Валерии всегда жила в этих башнях: сначала ее родные ждали возможности покинуть Урд вместе с автархом той эпохи, а после в их жизни просто не осталось ничего, кроме ожидания. Из ее рода происходили многие кастеляны Цитадели, но последний из них умер много поколений тому назад; семья обеднела, и башни их теперь лежали в руинах. Валерия ни разу не поднималась выше первого этажа.

— Некоторые из башен долговечнее прочих, — сказал я на это. — Вот Башня Ведьм — тоже вся прогнила изнутри…

— А разве такая действительно есть? Няня рас-

сказывала о ней, когда я была маленькой, чтобы попугать, но я думала, это только сказки… И будто бы есть еще Башня Мук. Всякий, кто попадет в нее, умирает в страшных мучениях.

Я сказал, что последнее — уж наверняка сказки.

— Мне гораздо более сказочными кажутся дни величия наших башен, — ответила Валерия. — Теперь никто из нашей семьи не защищает Содружество с мечом в руке, и наших заложников нет в Кладезе Орхидей…

— Возможно, кого-нибудь из твоих сестер скоро призовут туда.

Мне почему-то не хотелось думать, что Валерия отправится в Кладезь Орхидей сама.

— Все мои сестры — это я сама, — ответила она. — И все братья — тоже.

Старый слуга принес нам чай и мелкое, твердое печенье. Чай — не настоящий, а мате с севера, каким мы из-за его дешевизны иногда поим клиентов.

— Видишь, — улыбнулась Валерия, — ты нашел здесь тепло и уют. Ты тревожишься о своей собаке, потому что она хрома. Но и пес мог где-нибудь найти гостеприимство! Если его полюбил ты, то может полюбить и кто-нибудь другой! А ты, если

полюбил его, полюбишь и другого…

Я согласился, но про себя подумал, что никогда больше не заведу себе собаки, и это оказалось правдой.

После этого я не видел Трискеля почти неделю. А потом однажды нес в барбакан письмо, и он, хромая, подбежал ко мне. Выучился бегать без четвертой лапы, держа равновесие, как акробат, стоящий на руках на гладкой поверхности шара.

После этого, пока не стаял снег, я видел его раз или два в месяц. Я так и не узнал, кто кормил его и заботился о нем. Но вспоминать о том, что этот кто-то по весне забрал его с собой — быть может, на север, к палаточным городам и сражениям на горных перевалах, — почему-то приятно до сих пор.

V
Чистильщик картин и прочие

День святой Катарины для нашей гильдии — величайший из праздников. В этот день мы вспоминаем все, что унаследовали от прошлых времен, в этот день подмастерья становятся мастерами (если вообще становятся ими когда-либо), а ученики — подмастерьями. Описание церемониала я отложу до тех пор, пока не представится случай рассказать о моем собственном возвышении; в год же, о котором я пишу сейчас, в год схватки на краю могилы, до подмастерьев возвысились Дротт и Рох, а я стал капитаном учеников.

Вся тяжесть этой должности легла на меня только тогда, когда ритуал почти завершился. Я сидел в разрушенной часовне, наслаждаясь окружавшим меня великолепием, и вдруг, с тем же удовольствием, с каким воспринимал весь церемониал, понял, что по завершении праздника стану старшим над всеми учениками.

Однако постепенно мной овладевало беспокойство. Настроение испортилось прежде, чем

я осознал это, а бремя ответственности согнуло еще до того, как я окончательно понял, что оно возложено на меня. Я вспомнил, как трудно было Дротту поддерживать среди нас порядок. Теперь на его месте — я сам, но без его силы и без помощника, сверстника-лейтенанта, каким для него был Рох…

Последние ноты финального гимна смолкли, мастер Гюрло с мастером Палемоном в шитых золотом масках величаво покинули часовню, и старшие подмастерья подняли на плечи Дротта с Рохом, новоиспеченных подмастерьев, уже путавшихся в висящих на поясах ташках с принадлежностями для фейерверка, который должны были устраивать снаружи. К этому времени я взял себя в руки и даже успел разработать предварительный план действий.

Мы, ученики, прислуживали за праздничными столами, и специально для этого нам перед празднеством выдавалась относительно новая и чистая одежда. Сразу после того, как разорвалась последняя шутиха, а Башня Величия (ежегодный жест доброй воли) сотрясла небо из самого крупного калибра, я согнал своих подчиненных — уже (хотя мне, может быть, просто показалось) поглядывавших на меня с затаенной злобой

— в дормиторий, закрыл дверь и задвинул ее койкой.

После меня самым старшим был Эата, с которым я, к счастью, был дружен достаточно, чтобы он ничего не заподозрил, прежде чем сопротивляться станет слишком поздно. Взяв его за горло, я раз пять приложил его головой о переборку, а после подсечкой сбил с ног.

— Ну, — спросил я, — будешь моим помощником? Отвечай!

Говорить он не мог и поэтому утвердительно кивнул.

— Хорошо. Я беру Тимона, а ты — следующего по силе.

За время, достаточное для сотни довольно быстрых вдохов-выдохов, ученики были приведены в подчинение. Прошло три недели, прежде чем кто-то осмелился выказать неповиновение, да и после мне ни с какими массовыми бунтами — ни с чем серьезнее попыток увильнуть от работы — столкнуться не довелось.

Капитанская должность подразумевала не только новые функции, но и личную свободу, какой я не пользовался никогда прежде. Именно я следил за тем, чтобы дежурным подмастерьям доставляли еду горячей, и командовал мальчиш-

ками, пыхтевшими под штабелями подносов, предназначенных для клиентов. Именно я расставлял своих подчиненных по местам в кухне и помогал им лучше усваивать уроки в классной комнате. Порой меня даже привлекали к гильдейским делам и посылали с письмами в отдаленные части Цитадели. Таким образом, я вскоре познакомился со всеми ее главными артериями и побывал во многих редко посещаемых местах — в зернохранилище с полными закромами и демоническими кошками; на выметенных ветром зубчатых стенах, возвышающихся над грязными, гнилыми трущобами; в огромном зале пинакотеки со сводчатым потолком, устланным коврами каменным полом и арками, ведущими в анфилады комнат, как и сам зал, увешанных бесчисленным множеством картин.

Многие из этих картин так потемнели от времени и копоти светильников, что я ничего не мог разобрать. Значение некоторых других было просто непонятно — кружащийся в танце человек, к плечам которого будто бы присосались длинные пиявки; женщина, безмолвно склонившаяся над посмертной маской, сжимая в руке кинжал с двумя лезвиями… Однажды, отшагав около лиги среди этих загадочных картин, я увидел старика,

пристроившегося на верхней перекладине высокой стремянки. Хотел было спросить дорогу, но старик так увлекся работой, что я не решился беспокоить его.

На картине, которую он очищал от копоти, был изображен человек в доспехах на фоне пустынной земли, безоружный, сжимающий в руках древко странного, будто застывшего в воздухе знамени. В золотом забрале его шлема, глухом, без каких-либо прорезей для обзора или вентиляции, отражалось смертоносное солнце пустыни, а более ничего.

Этот воин из мертвого мира произвел на меня глубочайшее впечатление, хоть я и не мог бы сказать, что именно чувствовал, глядя на него. Отчего-то захотелось снять картину со стены и унести — нет, не в некрополь, но в один из тех горных лесов, образ коих, поэтизированный и извращенный (это я понимал уже в те времена), был в нем воплощен. Такому полотну следовало стоять среди деревьев, на мягкой, зеленой траве…

— …и все они сбежали, — сказал кто-то за моей спиной. — Добился своего этот Водал.

— А ты что здесь делаешь?! — зарычал другой голос.

Обернувшись, я увидел двоих армигеров, весь-

ма — насколько хватило смелости — похожих одеждой на экзультантов.

— У меня дело к архивариусу, — ответил я, выставив напоказ конверт.

— Хорошо, — сказал армигер, первым заговоривший со мной. — Тебе известно, где расположены архивы?

— Я как раз собирался спросить, сьер.

— Если так, ты для доставки письма гонец неподходящий. Дай его сюда; я перешлю с пажом.

— Невозможно, сьер. У меня приказ.

— Оставь, Рашо, — вмешался другой армигер. — Не будь так строг к молодому человеку.

— Ты ведь не знаешь, кто он таков, верно?

— А ты знаешь?

Армигер по имени Рашо кивнул.

— Скажи-ка, гонец, откуда ты послан?

— Из Башни Матачинов. От мастера Гюрло к архивариусу.

Лицо другого армигера окаменело.

— Значит, ты — палач.

— Пока — всего лишь ученик, сьер.

— Тогда понятно, отчего моему другу хочется, чтобы ты убрался с глаз долой. Ступай по галерее и сверни в третью дверь направо. Пройдешь

сотню шагов, поднимешься по лестнице на следующий этаж, а там иди к югу, до двустворчатой двери в конце коридора.

— Спасибо.

Я сделал было шаг в указанном направлении.

— Подожди. Если пойдешь сейчас, мы будем обязаны сопровождать тебя.

— Ну нет уж, — сказал Рашо. — Мне такого счастья не требуется.

Остановившись и опершись на перекладину стремянки, я подождал, пока они свернут за угол.

Точно один из тех бесплотных покровителей, что порой обращаются к нам во сне с облаков, старик заговорил:

— Значит, палач? Не бывал, не бывал у вас…

Из-за подслеповатых, близоруких глаз он здорово напоминал черепаху из тех, что мы порой ловили на отмелях Гьёлля — тем более что нос с подбородком тоже подходили как нельзя лучше.

— Желаю не попадать к нам и впредь, — вежливо ответил я.

— Теперь-то уже бояться нечего. Что вы можете сделать с таким стариком? Сердчишко остановится вмиг! — Бросив губку в ведро, он беззвучно прищелкнул пальцами. — Однако я знаю, где это.

Где-то за Башней Ведьм, верно?

— Да, — подтвердил я, слегка удивившись тому, что ведьм знают лучше, чем нас.

— Так я и думал. Хотя о вас обычно не говорят. Ты зол на этих двоих армигеров, и я тебя понимаю. Но и ты должен их понять: они совсем как экзультанты, только все же не экзультанты. Боятся смерти, боятся боли, всего-то они боятся… Нелегкая у них жизнь.

— Так пусть покончат с ней, — сказал я. — Водал им охотно поможет. Они — всего лишь пережиток давно ушедших эпох. Какая от них теперь польза миру?

Старик склонил голову набок.

— Вот как? А какая польза для мира была от них прежде? Ты можешь сказать?

Я сознался, что не могу. Тогда он слез со стремянки вниз. Длинные — не меньше моей ноги — руки, скрюченные пальцы, бугрящиеся синеватыми венами, и морщинистая шея делали его очень похожим на состарившуюся обезьяну.

— Я — Рудезинд, смотритель музея. Похоже, ты знаком со старым Ультаном, верно? Хотя нет, конечно же, нет; тогда бы ты знал дорогу в библиотеку…

— Я никогда прежде в этой части Цитадели не

бывал.

— Никогда? Но ведь это лучшая ее часть — живопись, музыка, книги… У нас есть Фехин — три девушки, убирающие цветами четвертую, и цветы — прямо-таки живые, даже ждешь, что из какого-нибудь вот-вот выберется пчела… Есть у нас и Квартильоса. Он теперь непопулярен, иначе бы его здесь не было. Однако он — с самого дня своего рождения — был рисовальщиком куда лучшим, чем те мазилки и пачкуны, по которым сходит с ума нынешняя публика. Здесь, понимаешь ли, собрано все то, от чего отказалась Обитель Абсолюта. Это означает всех стариков, а они-то в большинстве своем и есть лучшие. Прибывают к нам, грязнющие от долгого висения на стенах, а я чищу их. Порой чищу и по второму разу — уже после того, как повисят здесь некоторое время. Подумать только — подлинный Фехин!.. Или взять хоть эту. Нравится она тебе?

Признание, похоже, не сулило недоброго.

— Ее я чищу в *третий* раз. Когда она поступила, я был учеником старого Бранвалладера, он обучал меня чистке полотен. И начал вот с этого, сказав, что оно все равно ничего не стоит. Начал вот с этого уголка, вычистил кусочек размером в твою ладонь и отдал мне, а уж я чистил дальше.

Второй раз мне довелось чистить его еще при жизни жены, сразу после рождения второй нашей дочки. Картина тогда еще не так уж закоптилась — просто одолели меня тяжелые мысли, хотелось чем-нибудь заняться… А вот сегодня взялся чистить ее снова. Она в этом нуждается — видишь, насколько ярче здесь краски? Ваша голубая Урд снова видна над его плечом, свеженькая, точно рыбка для Автарха…

Все это время в моей голове эхом отдавалось имя Водала. Я был уверен, что старик спустился со стремянки только потому, что я упомянул о нем. Хотелось расспросить старика о Водале, но я никак не мог найти зацепки для поворота беседы в нужное русло. Когда молчание слегка затянулось, я, боясь, что старик снова взберется наверх и продолжит чистку, смог только спросить:

— А это луна? Мне говорили, она плодороднее…

— Теперь-то да. А эта картина была написана до того, как там устроили ирригацию. Видишь коричневато-серый оттенок? Именно такой была луна в то время. Не зеленой, как сейчас. И не такой большой, потому что до нее было дальше — так говаривал старик Бранвалладер. А теперь на ней деревьев хватит, чтобы, как говорится,

спрятать самого Ниламмона.

Этой возможности я не упустил.

— Или Водала.

Рудезинд кашлянул.

— Верно, или его… Ваши-то небось руки потирают, поджидая его? Уже и что-нибудь особенное для него изобрели?

Если у гильдии и имелись особые процедуры для определенных лиц, мне о таковых ничего не было известно, однако я постарался скроить многозначительную мину и ответил:

— Мы подумаем.

— Уж вы-то придумаете, это верно. Хотя совсем недавно я считал, что ты — за него… В любом случае, если он спрятался в Лунных Лесах, придется тебе малость повременить… — С явным удовольствием окинув взглядом картину, Рудезинд снова повернулся ко мне. — Я и позабыл — ты же хотел видеть нашего мастера Ультана. Стало быть, пройди обратно под ту арку, откуда пришел…

— Я знаю дорогу, — сказал я. — Тот армигер указал…

Старый смотритель отмел эти объяснения единственным горьким вздохом.

— Если пойдешь, как он объяснил, попадешь только в Читальный Зал. Оттуда ты будешь до-

бираться до Ультана целую стражу, если вообще доберешься. Ступай обратно, до самого конца вон того зала. Там спустишься по лестнице и увидишь дверь. Дверь заперта — стучи, пока кто-нибудь не откроет. Это будет нижний ярус книгохранилища; Ультанов кабинет — там.

Запертая дверь не очень-то пришлась мне по вкусу, но старик не спускал с меня глаз, и мне пришлось последовать его совету. Спускаясь по лестнице, я подумал, что, может быть, приближаюсь к тем самым подземельям, где заблудился в поисках Трискеля.

В целом я чувствовал себя далеко не так уверенно, как в знакомых частях Цитадели. Я уже знал, что приезжих до глубины души поражает ее величина, и все же Цитадель — лишь малая часть раскинувшегося вокруг города, а когда мы, выросшие за ее серыми каменными стенами и заучившие около сотни ориентиров, необходимых, чтобы не заплутать, оказываемся в незнакомом месте, все эти знания только сбивают с толку.

Так и случилось со мной, стоило лишь ступить под арку, указанную стариком. Арка, как и все остальные, была сложена из матово-красного кирпича, но опиралась на две колонны, капители которых изображали лица спящих. Их безмолв-

ные уста и бледные сомкнутые веки показались мне куда ужаснее масок боли, нарисованных на металлических стенах нашей башни.

На каждой картине в этом зале присутствовала книга. Иногда книг было много или они сразу бросались в глаза; некоторые картины приходилось долго разглядывать, чтобы заметить уголок переплета, выглядывающий из кармана женской юбки, или что на странно выписанный клубок вместо нити намотаны слова.

Ступени лестницы оказались крутыми и узкими. Перил не было вовсе. Уходя вниз, лестница закручивалась винтом, поэтому свет из зала перестал освещать мне путь уже шагов через тридцать. Чтобы не разбить голову, наткнувшись на дверь, пришлось выставить вперед руки и идти ощупью.

Вот только пальцы мои все никак не находили двери. Лестница просто внезапно кончилась, причем, ступив на несуществующую ступеньку, я едва не упал. Оставалось лишь пробираться вперед по неровному полу и в абсолютной темноте.

— Кто здесь? — окликнули меня.

Голос звучал странно — словно кто-то ударил в колокол, висящий под сводом пещеры.

VI
Мастер Архивариус

— Кто здесь? — эхом раскатилось во тьме.

— Я прислан с известием, — ответил я, стараясь не выказать страха.

— Что ж, я тебя слушаю.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и я смог различить очень большую темную фигуру, движущуюся ко мне.

— Это письмо, сьер, — объяснил я. — Вы — мастер Ультан, архивариус?

— Никто иной.

Он остановился передо мной. То, что я поначалу принял за какую-то светлую деталь одежды, оказалось седой бородой, доходившей ему до пояса. Вдобавок, хоть я уже сравнялся ростом со многими из тех, кого считают взрослыми мужчинами, мастер Ультан был на целых полторы головы выше меня — настоящий экзультант!

— Тогда примите письмо, сьер, — сказал я, протягивая конверт.

Но он не взял письма.

— Чей ты ученик?

В его голосе вновь зазвучала колокольная бронза. Мне вдруг почудилось, будто мы оба мертвы, тьма вокруг — кладбищенская земля, залепившая наши глаза, а колокол призывает нас в некий подземный храм. На светлом фоне бороды архивариуса будто бы появилось посиневшее лицо женщины, которую при мне вытаскивали из могилы…

— Чей ты ученик? — снова спросил архивариус.

— Ничей. То есть я — ученик гильдии, сьер. Письмо — от мастера Гюрло, а обучает нас большей частью мастер Палемон.

— И явно не грамматике…

Рука его медленно потянулась к конверту.

— Отчего ж, и грамматике тоже. — Я вдруг почувствовал себя совсем маленьким — этот человек был стариком уже тогда, когда я родился. — Мастер Палемон говорит, что мы должны уметь писать, читать и считать, потому что в свое время станем мастерами, и тогда нам придется вести переписку с канцеляриями судов, вести учет…

— И посылать к другим мастерам учеников с письмами наподобие этого, — перебил меня архивариус.

— Да, сьер. Совершенно верно.

— Что же в нем написано?

— Не могу знать, сьер. Письмо запечатано.

— Если я распечатаю письмо… — Послышался негромкий треск крошащегося воска. — Ты сможешь прочесть его мне?

— Но здесь темно, сьер, — неуверенно сказал я.

— Тогда придется звать Киби. Извини… — Во мраке я едва мог разглядеть, как он, отвернувшись, приставил к губам сложенные раструбом ладони.

— Ки-би! *Ки-би!!!*

На этот раз голос архивариуса грохотал так, точно я оказался внутри колокола после того, как звонарь раскачал тяжелый язык.

Откуда-то издали донесся ответный крик. Некоторое время мы стояли молча.

Наконец в узком проходе меж двух (как мне тогда показалось) грубо отесанных каменных стен блеснул свет. К нам приближался плотно сбитый человек лет сорока, с плоским бледным лицом и неестественно прямой осанкой. В руках он держал пятилапый подсвечник.

— Наконец-то, Киби, — проворчал архивариус. — Ты принес свет?

— Да, мастер. Кто это?

— Гонец с письмом. А это — мой ученик, Киби, — церемонно сказал мастер Ультан. — Кураторы также объединены в гильдию, к которой принадлежат и архивариусы. Я здесь единственный мастер-архивариус, а, согласно нашим обычаям, у каждого ученика есть наставник из старших членов гильдии. Последнее время при мне состоит Киби.

Я сказал Киби, что считаю честью знакомство с ним, и — немного застенчиво — спросил, какой праздник гильдия кураторов считает своим. Подразумевалось, что Киби, без сомнения, видел великое множество этих празднеств, однако так и не был возвышен до подмастерья.

— В этом году он уже прошел, — ответил мастер Ультан. Говоря, он повернулся ко мне, и в свете свечей я увидел его прозрачные, водянистые глаза. — Ранней весной… Это прекрасный день. Именно в эту пору на деревьях обычно распускается новая листва…

На Большом Дворе не было ни единого дерева, но я кивнул — и тут же, сообразив, что он не видит меня, сказал:

— Да. И теплый весенний бриз…

— Совершенно верно. Ты пришелся мне по сердцу, юноша… — Рука куратора легла на мое

плечо — я не мог не заметить, что его пальцы темны от пыли. — Вот и Киби — еще один юноша, пришедшийся мне по сердцу… После меня он станет здесь главным библиотекарем. Знаешь, мы, кураторы, устраиваем шествие — по улице Иубар. Он шел рядом со мной, оба мы были одеты в серое… Кстати, каков цвет твоей гильдии?

— Цвет сажи, — ответил я. — Тот, что чернее черного.

— По обеим сторонам улицы Иубар и на эспланадах высятся тенистые дерева — дубы, сикоморы, каменные клены, утиные лапы… Говорят, это древнейшие деревья Урд. Лавочники выходят на порог посмотреть на мудрых кураторов, и, конечно же, книготорговцы с антикварами приветствуют нас тоже. Наверное, мы в своем роде одна из весенних примет Несса.

— Наверное, все это очень впечатляюще, — заметил я.

— В самом деле, в самом деле. И собор, к которому направляется наша процессия, тоже прекрасен. Частоколы свечей, сверкающих, словно отражение ночного солнца в глади морской, шандалы из синего стекла, символизирующего Коготь, и мы, озаренные этим великолепием, свершаем ежегодный церемониал перед глав-

ным престолом… Скажи, ваша гильдия тоже устраивает шествие к собору?

Я объяснил, что мы пользуемся часовней в Цитадели, и вслух удивился тому, что библиотекари с прочими кураторами покидают ее стены.

— По праву положения, видишь ли. Подобно самой библиотеке — верно, Киби?

— Воистину так, мастер.

Лоб Киби был высок и угловат; седеющие волосы заметно отступали к затылку, отчего лицо его казалось совсем маленьким и чуточку младенческим. Понятно, почему Ультану, наверняка время от времени проводящему пальцами по его лицу, как мастер Палемон, по моему, он до сих пор кажется мальчишкой…

— Значит, вы поддерживаете тесную связь со своими городскими коллегами, — сказал я. Старик огладил бороду.

— Теснейшую, так как мы и есть они. Эта библиотека является и городской библиотекой, и, кстати, библиотекой Обители Абсолюта. И заодно многими другими…

— Выходит, всему этому городскому сброду разрешено приходить в Цитадель и пользоваться вашей библиотекой?!

— Нет, — отвечал Ультан. — Просто сама биб-

лиотека простирается за стены Цитадели. И, думаю, не она одна. Дело в том, что содержимое нашей крепости гораздо обширнее, чем она может вместить.

С этими словами он взял меня за плечо и повел вдоль одного из длинных, узких проходов меж уходящих вверх полок с книгами. Киби последовал за нами, подняв подсвечник повыше — наверное, не столько ради меня, сколько для собственного удобства, однако и я мог видеть достаточно хорошо, чтобы не натыкаться на стеллажи из потемневшего от времени дуба.

— Глаза еще не подводят тебя, — сказал мастер Ультан через некоторое время. — Видишь ли ты что-нибудь впереди, в проходе?

— Нет, сьер.

Я и в самом деле не видел впереди ничего. Колеблющееся пламя свечей выхватывало из темноты лишь бесчисленные шеренги книг — от пола до потолка. Кое-какие полки были разорены, другие — набиты до отказа; раз или два я замечал присутствие крыс, угнездившихся на полках, устроивших себе из книг жилища в два и даже три этажа и собственным пометом изобразивших на обложках буквы своего грубого языка.

Книги были повсюду — ряды корешков из пер-

гамента, сафьяна, холста, бумаги и сотни прочих, неизвестных мне материалов. Одни сверкали золотыми обрезами, на других просто чернели буквы печатного шрифта, а некоторые были снабжены бумажными ярлыками, пожелтевшими от времени, точно засохшие листья.

— Несть конца из чернильницы начатому, — пояснил мастер Ультан. — По крайней мере, так сказал один мудрец. Он жил очень давно — что он сказал бы, увидев нас сейчас? Другой же утверждал, что за возможность перерыть хорошую библиотеку не жаль и жизни. Хотел бы я посмотреть на человека, способного «перерыть» нашу — хотя бы один тематический раздел!

— Я разглядываю переплеты, — сказал я, чувствуя себя крайне глупо.

— Как повезло тебе! Хотя я рад. Я больше не могу видеть их, но хорошо помню наслаждение, с которым смотрел на них когда-то. Это было сразу после того, как я стал мастером-архивариусом. Мне было тогда около пятидесяти… Видишь, сколь долго длилось мое ученичество!

— Неужели, сьер?

— Да-да! Моим наставником был мастер Гербольд, и многие десятки лет мне казалось, что он не умрет никогда. Год за годом, год за годом,

и все это время я читал. Пожалуй, немногим удалось прочесть столько! Начал я, как все юноши, с книг, доставлявших удовольствие. Со временем выяснилось, что большую часть моего времени отнимают поиски таковых. Тогда я разработал для себя план и в соответствии с ним принялся прослеживать развитие абстрактных наук — от начала знания до настоящего времени. В конце концов я исчерпал даже это и принялся за огромный эбеновый шкаф, стоящий посреди зала, который триста лет собирали к возвращению автарха Сульпиция… и который, как следствие, так и не дождался посетителей. Я прочел собранное там от начала до конца за пятнадцать лет. Успевал закончить по две книги в день!

— Поразительно, сьер! — пробормотал за моей спиной Киби, явно слышавший эту историю далеко не в первый раз.

— А потом нежданно-негаданно, как снег на голову, умер мастер Гербольд. Тридцатью годами раньше я в силу природной склонности, образования, опыта, молодости, семейных связей и личных амбиций был бы идеальным кандидатом на его место. Когда же я и в самом деле занял сей пост, нельзя было найти никого менее для него подходящего! Я ждал так долго, что не знал

ничего, кроме ожидания, и тяжкий груз никчемных фактов задушил мой разум. Но я заставил себя принять назначение и провел невероятное количество времени, вспоминая планы и максимы, разработанные мной к вступлению в эту должность много лет назад…

Умолкнув, он вновь углубился в себя. Сознание старика показалось мне еще более темным и обширным, чем хранимая им библиотека.

— Но старая привычка к чтению по-прежнему не давала мне покоя. Я проводил за книгами дни и даже недели, вместо того чтобы управлять тем, что возглавил. А затем — внезапно, словно бой часов — ко мне, оттеснив старую, пришла новая страсть. Ты уже догадываешься, о чем я говорю?

Я сознался, что нет.

— Я читал — или, по крайней мере, полагал, будто читаю — сидя у того стрельчатого окна на сорок девятом этаже, что выходит на… Надо же, забыл. Киби, куда выходит это окно?

— В сад обойщиков, сьер.

— Да, припоминаю: такой маленький, зеленый садик — по-моему, они сушат там розмарин, которым набивают подушки мебели… Словом, я просидел у этого окна несколько страж и вдруг обнаружил, что вовсе не читаю. Некоторое вре-

мя я просто не мог понять, что делал до этого. Пытаясь облечь это в слова, я вспоминал лишь определенные запахи, ощущения и цвета, не имевшие, казалось бы, никакого отношения к обсуждавшимся в моей книге вопросам. Наконец я осознал, что не читал книгу — я наблюдал ее, как обычный физический объект. Воспоминания о красном шли от красной ленты, пришитой к корешку для того, чтобы закладывать нужную страницу. Шероховатость, ощущаемая пальцами, — от шероховатой бумаги, на которой был напечатан том. А запах был запахом старой кожи вкупе с почти выветрившимся ароматом переплетного клея. Вот тогда-то я, впервые увидев книгу саму по себе, понял, *что* есть забота о книге.

Рука его сильнее сжала мое плечо.

— У нас здесь имеются книги, переплетенные в кожу ехидн, кракенов и животных, вымерших так давно, что следы их существования дошли до ученых нашего времени лишь в виде окаменелостей. Есть книги в переплетах из совершенно неизвестных нам металлических сплавов и книги, переплеты которых сплошь усыпаны драгоценными камнями. Есть книги в футлярах из ароматической древесины, попавшей к нам

сквозь неизмеримые пространства, разделяющие миры, — и книги эти драгоценны вдвойне, ибо никто на всей Урд не может прочесть их.

— У нас есть книги, отпечатанные на бумаге, изготовленной из растений, выделяющих необычные алкалоиды, отчего читателем, переворачивающим страницы, вдруг овладевают причудливые фантазии и видения. Есть книги, отпечатанные не на бумаге, но на тончайших пластинах белого нефрита, слоновой кости и перламутра или же на листьях неизвестных растений. Есть и книги, с виду на книги не похожие вовсе, — свитки, таблички и прочие записи на сотнях всевозможных материалов. Здесь есть — хотя я уже не вспомню, где именно он лежит, — хрустальный куб размером с твой ноготь, содержащий книг больше, чем собрано во всей библиотеке. Какая-нибудь шлюха могла бы украсить им ухо, как серьгой, — но во всем мире недостало бы томов, чтобы адекватно украсить другое! И вот, осознав все это, я посвятил жизнь заботе о книгах.

— Семь лет занимался я этим, и тут, стоило нам решить явные и косвенные проблемы, связанные с хранением, и вплотную подойти к началу первой со времен основания библиотеки гене-

ральной ревизии фондов, глаза мои истаяли, точно свеча. Тот, кто вверил моему попечению все эти книги, ослепил меня, чтобы я понимал, кто печется о самих попечителях…

— Если вы не можете прочесть письма, сьер, — сказал я, — я буду рад прочесть его вам вслух.

— Верно, — пробормотал мастер Ультан, — я и забыл… Киби прочтет — он хорошо читает. Возьми, Киби.

Я вызвался держать канделябр, а Киби развернул хрустящий пергамент, торжественно, точно воззвание, поднял его и начал читать для нас троих, стоявших в крохотном круге света среди огромного скопища книг:

— «От Гюрло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния…»

— Что? — удивился мастер Ультан. — Так ты — палач, юноша?

Я ответил, что да. Воцарилась тишина, затянувшаяся настолько, что Киби принялся было читать снова:

— «От Гюрло, мастера Ордена Взыскующих…»

— Подожди, — велел мастер Ультан.

Киби снова умолк, а я продолжал стоять с канделябром в руках и чувствовал, как к щекам моим приливает кровь. Наконец мастер Ультан загово-

рил, и голос его звучал так же ровно и обыденно, как в тот раз, когда он сообщил мне, что Киби хорошо читает.

— Не припоминаю, чтобы я имел какое-либо отношение к вашей гильдии. Впрочем… Ты, безусловно, знаком с нашим методом пополнения рядов?

Я признался, что незнаком.

— В каждой библиотеке, согласно древним заповедям, имеется особый зал для детей. В нем собраны книги с яркими картинками, какие нравятся детям, и некоторые простенькие повествования о чудесах и приключениях. Дети посещают эти залы во множестве, но ни для кого не представляют интереса, пока не выходят за их пределы.

Тут он запнулся, и, хоть лицо его не выражало ничего особенного, у меня создалось впечатление, будто он опасается, как бы не причинить боли Киби.

— Однако порой библиотекари замечают ребенка, все еще в нежном возрасте, который мало-помалу выбирается за пределы детского зала и вскоре забрасывает его совсем. Такое дитя в конце концов обнаруживает на одной низкой, но неприметной полке «Золотую Книгу». Ты ни-

когда не видел этой книги и уже не увидишь, так как вышел из возраста, коему она соответствует.

— Прекрасная, должно быть, книга, — заметил я.

— Воистину так. Если меня не подводит память, переплет ее — из черного клееного холста, должным образом поблекшего на сгибах. Несколько тетрадок вываливаются из блока, несколько гравюр вырвано, но это удивительно красивая книга. Ах, если б я мог найти ее снова… хотя теперь книги для меня закрыты.

Одним словом, этот ребенок в свою пору находит «Золотую Книгу». Тогда являются библиотекари — точно вампиры, по словам одних, или же, по мнению прочих, словно добрые крестные. Они заговаривают с ребенком, и тот присоединяется к ним. С этих пор он — в библиотеке, где бы ни находился, и вскоре родители больше не узнают его… Я полагаю, примерно так же заведено и у вас, палачей?

— Мы, — объяснил я, — берем на воспитание детей из тех, что попадают в наши руки еще совсем маленькими.

— Мы делаем то же, — пробормотал Ультан, — и потому вряд ли имеем право осуждать вас… Читай, Киби.

— «От Гюрло, мастера Ордена Взыскующих Истины и Покаяния — Архивариусу Цитадели. Приветствую тебя, брат! Волею суда на нашем попечении состоит персона возвышенного положения, именуемая шатленой Теклой; его же волею заключение означенной персоны должно быть комфортабельным настолько, насколько это не выходит за рамки здравого смысла и благоразумия. Дабы могла она коротать время до завершения своего пребывания у нас — или же, как мне было указано передать, пока сердце Автарха, чья снисходительность не знает ни стен, ни глубин моря, не смилуется над ней, — просит она, чтобы ты, согласно должности своей, снабдил ее определенными книгами, а именно…»

— Названия можешь пропустить, — перебил его мастер Ультан. — Сколько их, Киби?

— Четыре, сьер.

— Значит, никаких препятствий… Продолжай.

— «…за что мы были бы тебе весьма обязаны». Подписано: «Гюрло, мастер Ордена Взыскующих Истины и Покаяния, в просторечии именуемого Гильдией Палачей».

— Известны ли тебе книги, перечисленные мастером Гюрло, Киби?

— Три из них, сьер.

— Очень хорошо. Найди и принеси. А четвертая?

— «Книга чудес Урд и Неба», сьер.

— Все лучше и лучше — экземпляр имеется меньше чем в двух чейнах отсюда. Найдя остальные тома, ты можешь встретить нас у двери, через которую этот юноша — боюсь, мы уже слишком долго его задерживаем — вошел в хранилище.

Я хотел было вернуть Киби подсвечник, но он показал жестом, чтобы я оставил его себе, и удалился рысцой по узкому проходу меж книжных полок. Ультан, ступая уверенно, точно зрячий, направился в противоположную сторону.

— Я хорошо помню ее, — сказал он. — Переплет коричневой дубленой кожи, золотой обрез, раскрашенные вручную гравюры Гвинока; стоит на третьей снизу полке, прислоненная к фолио в переплете из зеленой ткани — по-моему, это «Жизнь Семнадцати Мегатерианов» Блайтмака.

Больше частью для того, чтобы показать, что я не отстал (хотя его острый слух, несомненно, улавливал мои шаги позади), я спросил:

— А про что она, сьер? Я хочу сказать — книга об Урд и Небе.

— Ну и ну! Ты задаешь такой вопрос не кому иному, как библиотекарю? Наша забота, юноша,

есть сами книги, а не их содержание.

Судя по тону, он посмеивался надо мной.

— Я думал, вы, сьер, знаете содержание всех этих книг…

— Навряд ли. Но «Чудеса Урд и Неба» — стандартная работа трех-четырехсотлетней давности. Сборник общеизвестных древних легенд. Из них, на мой взгляд, наиболее интересна легенда об Историках, повествующая о временах, когда любая легенда могла быть прослежена до полузабытого факта, ее породившего. Я полагаю, ты сам видишь парадокс. Существовала ли в те времена и эта легенда? Если нет, как она могла возникнуть?

— А про каких-нибудь гигантских змеев или крылатых женщин там нет, сьер?

— О да, — ответил мастер Ультан. — Но не в легенде об Историках… — Он наклонился, тут же выпрямился и триумфально показал мне небольшую книгу в растрескавшемся кожаном переплете. — Взгляни-ка, юноша. Посмотрим, не ошибся ли я.

Пришлось поставить канделябр на пол и присесть возле него. Книга в моих руках была такой старой и заплесневелой, словно за последние сто лет ее ни разу не раскрывали, но название на

титульном листе подтверждало правоту старика. Подзаголовок же гласил: «Почерпнуто из печатных источников эпохи столь давней, что суть их навеки скрыта от нас во мраке времен».

— Итак, — спросил мастер Ультан, — не ошибся ли я?

Раскрыв книгу наугад, я прочел: «…при помощи каковых изображение могло быть выгравировано столь искусно, что все оно, будучи уничтожено, могло быть воссоздано заново из малого кусочка, каковой мог быть любой частью оного изображения».

Наверное, именно эти повторяющиеся «могло» вдруг живо напомнили мне ту ночь, когда я получил свой хризос, и схватку у вскрытой могилы.

— Феноменально, мастер! — ответил я.

— Вовсе нет. Но ошибаюсь я редко.

— Наверное, кому, как не тебе, простить меня за то, что я замешкался с ответом, чтобы прочесть несколько строк… Мастер, ты, конечно, знаешь о пожирателях трупов. Я слышал, будто они, поедая плоть мертвецов вкупе с определенным снадобьем, обретают способность прожить заново жизнь своих жертв.

— Излишек сведений о практиках такого рода не доведет до добра, — пробормотал ар-

хивариус. — Хотя, если проникнуть в сознание историков наподобие Ломана или Гермы…

За долгие годы слепоты он, должно быть, забыл, сколь очевидно лицо может выражать наши сокровеннейшие чувства. Его лицо так исказилось в гримасе мучительного вожделения, что я — из соображений благопристойности — отвернулся. Но голос мастера оставался ровным и безмятежным, точно размеренный колокольный звон:

— Да, исходя из того, что мне однажды довелось прочесть, ты прав. Хотя не припоминаю, чтобы в книге, которую ты держишь в руках, что-либо говорилось об этом.

— Мастер, — заговорил я, — даю слово, что и в мыслях не имел подозревать тебя в подобных вещах… но скажи: допустим, могилу вскрывают двое, одному достанется правая рука мертвеца, другому — левая. Выходит, тот, кто съест правую руку, получит только половину жизни покойника, а остальное достанется съевшему левую? И если так, что достанется тому, кто придет третьим и возьмет себе ногу?

— Как жаль, что ты — палач, — заметил мастер Ультан. — Ты мог бы стать философом… Нет, насколько я понимаю в этих злодеяниях, каждому из троих достанется целая жизнь.

— Значит, вся жизнь человека, целиком, заключена и в правой руке, и в левой. Быть может, и в каждом пальце?

— По-моему, чтобы добиться эффекта, каждый из участников должен съесть не менее пригоршни. Но — по крайней мере в теории — ты прав. Вся жизнь — в каждом пальце.

Мы уже возвращались туда, откуда пришли. Проход был слишком узок, чтобы разминуться двоим, поэтому теперь я шел впереди с канделябром, и кто-нибудь, увидев нас со стороны, наверняка решил бы, что я освещаю старику путь.

— Мастер, — спросил я, — но как же это может быть? В силу того же аргумента жизнь должна содержаться и в каждой фаланге каждого пальца, а уж это-то никак невозможно.

— А сколь велика человеческая жизнь?

— Не могу сказать. Но разве она не больше, чем…

— Ты отсчитываешь жизнь сначала, у тебя еще многое впереди. Я же веду ей счет до конца, который наступит вскоре. Наверное, поэтому и те извращенные твари, что пожирают трупы, ищут ее продления. Позволь спросить: известно ли тебе, что сын зачастую разительно похож на

своего отца?

— Да, так говорят. И я верю в это.

В голову помимо воли пришла мысль: похож ли я на своих родителей, о которых так никогда ничего и не узнаю?

— Тогда ты, безусловно, согласишься и с тем, что каждый сын может быть похожим на своего отца, и потому одно и то же лицо может воплотиться во многих поколениях. Таким образом, если сын похож на отца, а его сын похож на своего отца, а сын этого сына — на своего, то можно утверждать, что представитель четвертого поколения будет похожим на своего прадеда.

— Да, — согласился я.

— Однако же семя всех четверых заключено всего лишь в драхме клейкой жидкости. В самом деле, откуда же они взялись, если не из этого семени?

Не зная, что на это ответить, я промолчал. Вскоре мы добрались до двери, сквозь которую я вошел в нижний ярус хранилища. Здесь нас ждал Киби с остальными книгами, значившимися в письме мастера Гюрло. Я забрал у него книги, поклонился на прощание мастеру Ультану и с превеликой радостью покинул затхлое хранилище. Впоследствии мне еще несколько раз

доводилось бывать в верхних ярусах библиотеки, но никогда больше не попадал я в этот огромный склеп. Даже желания вернуться туда снова ни разу не возникало.

Один из трех принесенных Киби томов превосходил размерами столешницу небольшого столика — кубит в ширину и почти эль в длину. Судя по гербу, вытисненному на сафьяновом переплете, это была история какого-то древнего и знатного рода. Остальные были гораздо меньше. Зеленая книжица — вряд ли больше моей ладони и не толще среднего пальца — оказалась собранием историй о праведниках, с множеством эмалевых изображений аскетических пантократоров и ипостасей в сверкающих ризах, с черными нимбами над головами. Я остановился на время в маленьком заброшенном садике с чашей фонтана, залитой ярким зимним солнцем, чтобы посмотреть.

Но прежде чем раскрыть одну из оставшихся книг, я почувствовал давление времени — возможно, главный признак того, что детство оставлено позади. Я уже затратил самое меньшее две стражи на выполнение простого поручения, и скоро должно было стемнеть. Подхватив книги поудобнее, я, хоть еще и не знал этого, поспешил

навстречу своей судьбе в лице шатлены Теклы.

VII
Изменница

Вернувшись в Башню Матачинов, я принялся разносить еду подмастерьям, дежурившим в подземных темницах. На первом ярусе дежурил Дротт; его я навестил последним, потому что хотел поговорить с ним, прежде чем вернусь наверх. Голова моя все еще кружилась от мыслей, навеянных визитом к архивариусу, и мне хотелось рассказать о них Дротту.

Но Дротта нигде не было видно. Поставив поднос вместе с четырьмя книгами на столик, я окликнул его и тут же услышал ответ из камеры неподалеку. Подбежав к ее двери, я заглянул в зарешеченное оконце на уровне глаз. Дротт был внутри — он склонился над распростертой на койке клиенткой, изнуренной женщиной средних лет. Пол камеры был забрызган кровью.

— Севериан, ты? — спросил, не оборачиваясь, Дротт.

— Я. Принес твой ужин и книги для шатлены Теклы. Тебе нужна помощь?

— Нет, все в порядке. Сорвала повязки, чтобы

умереть от потери крови, да я заметил вовремя. Оставь поднос на столе, ладно? И, если есть время, закончи за меня раздачу еды.

Я колебался: вообще-то ученикам не положено иметь дело с теми, кто отдан на попечение гильдии.

— Давай-давай! Всех-то дел — рассовать подносы по кормушкам.

— Я принес еще книги.

— Просунь сквозь кормушку и их.

Какой-то миг я еще смотрел на него, склонившегося над мертвенно-бледной женщиной на койке, затем взял оставшиеся подносы и принялся выполнять просьбу Дротта. Большинству клиентов еще хватало сил подняться и принять передаваемую еду, но кое-кто не мог, и их подносы я оставлял у дверей — Дротт внесет после. По пути я видел нескольких женщин аристократического облика, но ни одна из них, похоже, не была шатленой Теклой, недавно доставленной к нам экзультанткой, с которой — по крайней мере пока — обращались почтительно. Она оказалась в последней камере — о чем я мог бы догадаться и раньше. Камера эта в дополнение к обычной обстановке — кровати, стулу и маленькому столику — была застлана ковром, а клиентка вместо

обычного тряпья оказалась облачена в белое платье с широкими рукавами. Края рукавов и подол были здорово испачканы, однако платье до сих пор сохраняло особую элегантность, чуждую для меня так же, как и для самой камеры. Она сидела, неотрывно глядя на огонек свечи, отраженный в серебряном зеркальце, но, должно быть, почувствовала мой взгляд. Теперь я был бы рад сказать, что на лице ее не было страха, но, сказав так, солгал бы. Лицо ее было исполнено ужаса, который она изо всех сил старалась скрыть.

— Ничего, ничего, — сказал я. — Я принес еду.

Кивком поблагодарив меня, она поднялась и подошла к двери. Она оказалась даже выше, чем я думал, — голова ее едва не касалась потолка, а ее лицо — пусть скорее треугольное, чем округлое, — сразу напомнило мне лицо той женщины, что была в некрополе с Водалом; наверное, из-за огромных темно-синих глаз, окруженных голубоватой тенью, и длинных черных волос, очень похожих на капюшон плаща… Как бы там ни было, я полюбил ее сразу — полюбил со всей силой, с какой способен любить глупый мальчишка, но, будучи всего-навсего тем самым глупым мальчишкой, не понял этого. Ее рука — бледная, холодная, слегка влажная и невообразимо узкая

— коснулась моей, когда она принимала поднос.

— Еда — обычная, — сказал я. — Пожалуй, ты можешь получить кое-что получше, если попросишь.

— Ты не носишь маски… — проговорила она. — Первое человеческое лицо здесь…

— Я — лишь ученик. Маску на меня возложат только через год.

Она улыбнулась, и я почувствовал себя совсем как тогда, в Атриуме Времени, только-только войдя в теплую комнату с чашкой чаю и печеньем. Рот ее был широк, а зубы — узки и очень белы; ее глаза, глубокие, точно резервуар под сводом Колокольной Башни, заблестели.

— Извини, — сказал я. — Я не расслышал тебя.

Вновь улыбнувшись, она склонила набок прекрасную головку.

— Я хотела сказать, как рада видеть твое лицо, и спросила, буду ли и впредь иметь удовольствие принимать еду от тебя. Кстати, что это?

— Я здесь только сегодня, потому что Дротт занят.

Затем я хотел восстановить в памяти, что было на ее подносе (она поставила его на столик, так что сквозь решетку не разглядеть), но не смог, хоть напряг мозг до предела, и наконец неуве-

ренно сказал:

— Наверное, тебе лучше съесть ужин. Я думаю, если ты попросишь Дротта, то сможешь получить что-нибудь получше.

— Люди всегда осыпали комплиментами мою стройную фигуру, но, поверь, я ем, словно дикий волк! Съем и это!

Взяв со столика поднос, она повернулась ко мне, точно поняла, что без посторонней помощи мне не разгадать тайны его содержимого.

— Вот это, зеленое, — лук-порей, шатлена, — сказал я. — Коричневые зернышки — чечевица. И хлеб.

— Шатлена? Зачем эти формальности, ведь ты — мой тюремщик и можешь называть меня как захочешь.

Теперь ее глубокие глаза просто лучились весельем.

— У меня нет желания оскорбить тебя, — сказал я. — Ты предпочитаешь, чтобы я называл тебя по-другому?

— Зови меня Теклой — это мое имя. Титулы — для формального общения, имена — для неформального; наша встреча — как раз из неформальных… Хотя, когда придет время моей казни, все формальности будут соблюдены?

— Да, с экзультантами, как правило, поступают именно так.

— Тогда, надо думать, будет присутствовать экзарх — если только вы впустите его сюда — в пурпурной мантии. И еще некоторые — возможно, войт Эгино… Это на самом деле хлеб?

Она ткнула в кусок пальчиком — таким белым, что мне показалось, будто хлеб может испачкать его.

— Да, — ответил я. — Шатлене, конечно же, приходилось есть хлеб и раньше, не правда ли?

— Но не такой. — Взяв тонкий ломтик, она откусила немного. — Хотя и этот неплох. Ты говоришь, мне могут принести еду получше, если я попрошу?

— Думаю, да, шатлена.

— Текла. Я просила книги — два дня назад, когда меня привезли. Но не получила их.

— Они здесь, — сказал я. — Со мной.

Сбегав к Дроттову столу, я принес книги и просунул в кормушку самую маленькую.

— О, чудесно! А остальные?

— Еще три.

Книга в коричневом переплете тоже прошла сквозь кормушку. Но две другие — зеленая и фолио с гербом на обложке — оказались слишком

широки.

— Позже Дротт откроет дверь и передаст их тебе, — сказал я тогда.

— А ты не можешь? Так ужасно — видеть их сквозь эту штуку и не иметь возможности даже дотронуться…

— Вообще-то мне не положено даже кормить тебя. Этим надлежит заниматься Дротту.

— Но все же ты передал мне еду. И, кроме того, это ты принес книги. Разве тебе не полагалось вручить их мне?

Я смог лишь неуверенно возразить, потому что, в принципе, она была права. Правила, запрещающие ученикам работать в темницах, направлены на предотвращение побегов; но ведь этой хрупкой, несмотря на высокий рост, женщине нипочем не одолеть меня, и, таким образом, беспрепятственно выйти наружу она не сможет. Я пошел к камере, где Дротт все еще приводил в чувство клиентку, пытавшуюся покончить с собой, и принес ключи.

Оказавшись в камере Теклы и закрыв за собой дверь, я обнаружил, что не в силах вымолвить ни слова. Я пристроил книги на столике, где из-за подсвечника, подноса и графина с водой почти не оставалось места, и остановился в ожидании.

Я знал, что должен идти, но не мог сделать этого.

— Может быть, сядешь?

Я присел на кровать, предоставив ей стул.

— Будь мы в моих покоях в Обители Абсолюта, я смогла бы предложить тебе куда больший уют. К несчастью, в то время тебя туда не вызывали.

Я покачал головой.

— Сейчас мне нечем угостить тебя, кроме этого. Тебе нравится чечевица?

— Я не стану есть этого, шатлена. Скоро время моего ужина, а здесь вряд ли достаточно и для тебя одной.

— Действительно… — Взяв с подноса перышко лука, она, будто не совсем понимая, что с ним делать, проглотила его, как ярмарочный фигляр глотает гадюку. — А что дадут на ужин тебе?

— Лук-порей с чечевицей, хлеб и баранину.

— Ах, вот в чем разница — палачи получают еще и баранину… Как же тебя зовут, мастер палач?

— Севериан. Но это не поможет, шатлена. Не будет никакой разницы.

— В чем? — улыбнулась она.

— Ну… если ты подружишься со мной. Я не могу выпустить тебя на свободу. И не стал бы делать этого, даже если бы ты была моим единственным

во всем мире другом.

— Но я и не думала, что это в твоих возможностях, Севериан.

— Тогда зачем же беседами со мной утруждаться?

Она вздохнула, и радость исчезла с ее лица — так солнечный свет покидает камень, на котором пристроился погреться нищий.

— С кем же мне еще беседовать, Севериан? Вот я поговорю с тобой некоторое время — несколько дней или пару недель, — а после умру. Я понимаю, ты думаешь о том, что, будь я в своих покоях, не удостоила бы тебя и взглядом. Но ты ошибаешься. Конечно, со всеми не поговоришь, их слишком много вокруг, но за день до того, как меня привезли сюда, я разговаривала с конюхом, державшим мне стремя. Заговорила с ним оттого, что пришлось ждать, но услышала от него много интересного…

— Но ты больше не увидишь меня. Еду будет приносить Дротт.

— Вот как? Спроси, не позволит ли он тебе делать это?

Она взяла меня за руки. Ее руки были холодны как лед.

— Попробую… — неуверенно проговорил я.

— Попробуй! Пожалуйста, попробуй! Скажи ему, что мне нужна еда получше и что я хочу, чтобы приносил ее ты. Хотя я попрошу об этом сама. Кому он подчинен?

— Мастеру Гюрло.

— Я скажу ему — Дротту, правильно? — что хочу говорить с мастером Гюрло. Ты прав, они не откажут — ведь как знать, Автарх может и освободить меня!

Глаза ее заблестели.

— Я передам Дротту, что ты хочешь его видеть, — сказал я, поднимаясь.

— Подожди. Разве ты не хочешь спросить, почему я здесь?

— Я знаю, почему ты здесь, — ответил я, прежде чем закрыть дверь. — Потому, что тебя рано или поздно надлежит подвергнуть пытке, как и всех прочих.

Да, жестоко, но я сказал это без всякой задней мысли — как любой юнец. Ляпнул первое, что пришло в голову… но это было правдой, и, поворачивая ключ в замке, я был даже рад тому, что сказал это.

Экзультанты попадают к нам часто. И первое время почти все понимают ситуацию правильно, так же как сейчас — шатлена Текла. Но проходит

несколько дней, а пыток что-то не видать, и тогда надежды берут верх над здравым смыслом. Клиенты начинают говорить об освобождении, рассуждать о том, что предпримут ради них друзья и родные и что сделают они сами после того, как выйдут на волю.

Один хочет уехать в свои владения и больше не показываться при дворе Автарха, другой — собрать отряд ландскнехтов и во главе его отправиться на север… И на дежурящих в подземельях подмастерьев градом сыплются рассказы об охотничьих псах, далеких вересковых пустошах, местных потехах, нигде более не известных, устраиваемых под сенью древних рощ. Женщины в большинстве своем мыслят много практичнее, но и они со временем заговаривают о высокопоставленных любовниках (получивших отставку за месяцы или годы до сего момента), которые никогда не оставят их в беде, а потом — о вынашивании ребенка или воспитании приемыша. После того как для всех этих детей, которые так никогда и не появятся на свет, придуманы имена, как правило, наступает черед одежды: после освобождения непременно нужен новый гардероб; старое тряпье — сжечь. Часами обсуждают оттенки, изобретение новых фасонов, возвращение

хорошо забытых старых…

Но в конце концов и для мужчин, и для женщин неизменно наступает день, когда в камеру вместо дежурного с едой входит мастер Гюрло в сопровождении троих-четверых подмастерьев и, может быть, следователя с фульгуратором. Поэтому мне хотелось по возможности оградить шатлену Теклу от бесплодных надежд. Я повесил связку ключей на гвоздь, где та обычно висела, и, проходя мимо камеры, где Дротт заканчивал отмывать кровь с пола, сказал ему, что шатлена желает с ним говорить.

Через день меня вызвали к мастеру Гюрло. Обыкновенно ученикам положено стоять против его стола, заложив руки за спину, но он велел мне сесть и, сняв шитую золотом маску, подался ко мне, что должно было означать частную беседу накоротке.

— С неделю назад я посылал тебя к архивариусу, — начал он.

Я кивнул.

— И, насколько понимаю, вернувшись с книгами, ты доставил их клиентке сам. Так?

Я объяснил, как все вышло.

— Ну ничего страшного. Не бери в голову; я не стану назначать тебе внеочередные наряды и

уж тем более — раскладывать тебя на кресле и драть. Ты уже, можно сказать, подмастерье; мне в твои годы и с альтернатором доверяли работать… Понимаешь ли, Севериан, штука-то в том, что клиентка — лицо высокопоставленное. — Голос его понизился до шепота. — Со связями на самом верху.

Я сказал, что все понимаю.

— Высоких кровей, не из каких-нибудь там армигеришек… — Повернувшись к полкам позади кресла, он порылся в беспорядочной груде бумаг и книг и извлек увесистый том. — Имеешь представление, сколько на свете экзультантских семейств? В этой книге перечислены лишь те, чей род еще продолжается. А чтобы счесть и тех, чей род прервался, наверное, понадобилась бы целая энциклопедия! И несколько экзультантских династий прерваны мной лично! — Тут мастер Гюрло захохотал, и я засмеялся тоже. — Здесь каждому семейству отведено по полстраницы. А всего страниц — семьсот сорок шесть.

Я понимающе кивнул.

— Большинство этих семейств не представлено при дворе никем — не могут себе позволить либо боятся. Эти все — мелочь. Но большие семейства обязаны: Автарху нужны конкубины, которые в

случае чего станут заложницами. Но Автарх уже не может крутить кадрили с пятью сотнями женщин. Наложниц поэтому всего около двадцати; остальные проводят время в танцах и болтовне друг с дружкой, а Автарха видят раз в месяц, и то — издали.

Я, стараясь, чтобы голос не дрогнул, спросил, вправду ли Автарх делит ложе со всеми этими конкубинами.

Мастер Гюрло закатил глаза и подпер подбородок огромной ручищей.

— Ну, ради соблюдения приличий нанимаются хабиты — их еще называют тенями. Это — обычные девчонки, внешне похожие на нанимающих их шатлен. Уж не знаю, где их берут, но их обязанность — этих шатлен подменять. Конечно, ростом-то они поменьше, — хмыкнул он. — Впрочем, лежа, видимо, разница в росте незаметна. Однако говорят, будто частенько случается наоборот. Хозяйки этих девчонок-теней сами берутся выполнять их обязанности. Но нынешний Автарх, каждое деяние коего, можно сказать, слаще меда на устах нашей почтенной гильдии, о чем ты никогда не должен забывать… Так вот, в его случае, как я понимаю, вряд ли хоть одна из наложниц доставляет ему удовольствие.

— Этого я не знал, мастер, — сказал я, едва сдержав вздох облегчения. — Очень интересно.

Мастер Гюрло склонил голову в знак того, что и он считает это интересным, и сцепил пальцы на животе.

— Быть может, когда-нибудь ты сам станешь во главе гильдии и тебе понадобится знать такие вещи. Будучи в твоем возрасте — или, может, малость помладше, — я воображал себе, будто родом из экзультантов. Ну бывает с некоторыми.

Мне — далеко не в первый раз — вдруг пришло в голову, что мастер Гюрло (и мастер Палемон тоже) все знают о происхождении любого ученика и подмастерья: ведь именно они решали, кого брать на воспитание.

— Конечно, точно сказать не могу. Но по всем физическим данным во всадники я явно гожусь, да и ростом повыше среднего, несмотря на тяжелое детство. Сорок лет назад, должен тебе заметить, ученикам приходилось гораздо тяжелее, чем нынче.

— Мне рассказывали, мастер.

Мастер Гюрло вздохнул — такой звук иногда издают кожаные подушки, когда сядешь на них.

— Но с течением времени я понял, что Предвечный, избрав для меня карьеру в нашей гильдии,

действовал мне во благо. А ведь я вряд ли заслужил его благоволение в прежней жизни. Быть может, заслужу в этой…

Мастер Гюрло замолчал, опустив взгляд (как мне казалось) книзу, к груде бумаг — судебных отношений и досье клиентов — на столе. Наконец, когда я уже приготовился спросить, нужен ли ему еще, он заговорил снова:

— За всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы член нашей гильдии — а ведь их на свете наберется около тысячи — был подвергнут пытке.

Я ввернул в разговор общую фразу насчет того, что лучше быть жабой, прячущейся под валуном, чем бабочкой, на оном раздавленной.

— Ну мы, принадлежащие гильдии, пожалуй, есть нечто большее, чем жабы. Но нельзя не отметить и вот чего: я видел в наших камерах более пятисот экзультантов, но никогда прежде не держал в заключении особ, принадлежащих к узкому кругу конкубин, приближенных к самому Автарху.

— А шатлена Текла принадлежит к нему? Ты только что намекнул на это, мастер.

Он мрачно кивнул.

— Подвергни мы ее пытке немедленно, все

было бы не так уж плохо. Однако — нет. Могут пройти годы… А может, и вовсе никогда…

— Ее могут освободить, мастер?

— Она — пешка в игре Автарха с Водалом, уж это-то известно даже мне. Ее сестра, шатлена Тея, бежала из Обители Абсолюта, чтоб стать любовницей Водала. Текла — по крайней мере некоторое время — будет одним из доводов в переговорах. Пока это так, мы должны содержать ее хорошо. Но тут важно не перестараться.

— Понимаю, — сказал я.

Мне было здорово не по себе — ведь я не знал, что шатлена Текла сказала Дротту, а Дротт — мастеру Гюрло.

— Она просила о лучшей еде, и я уже отдал необходимые распоряжения. Просила она и о компании, а узнав о недопущении к заключенным посетителей, настаивала на том, чтобы ей позволили иногда беседовать хотя бы с одним из нас.

Мастер Гюрло сделал паузу, чтобы отереть блестящее от пота лицо полой плаща.

— Я понимаю.

Я был уверен, что в самом деле понимаю, что последует за этим.

— Она видела твое лицо и посему попросила,

чтобы это был ты. Я ответил, что ты будешь сидеть при ней, пока она принимает пищу. Твоего согласия не спрашиваю — не только потому, что ты подчинен мне, но и потому, что уверен в твоей лояльности. Прошу лишь соблюдать осторожность и не послужить причиной ее неудовольствия. Равно как и источником чрезмерного удовольствия.

— Сделаю все, что смогу. — Я сам подивился твердости своего голоса. Мастер Гюрло улыбнулся так, словно я снял с его плеч тяжкий груз.

— Ты умен, Севериан, умен, несмотря на молодость. У тебя уже были женщины?

В обычае учеников было, беседуя между собой, сочинять на этот счет разные небылицы, но я разговаривал с мастером и потому отрицательно покачал головой.

— Ни разу не был у ведьм? Ну, может, оно и к лучшему. Сам-то я в твои годы всем этим вещам уже выучился, но, пожалуй, не стал бы посылать к ведьмам кого-то еще наподобие меня в то время. Возможно, шатлена захочет, чтобы ты согрел ее постель. Не вздумай делать этого. Ее беременность может надолго отодвинуть применение пытки и принести бесчестье гильдии. Понимаешь?

Я кивнул.

— Мальчишки твоих лет всегда озабочены на этот счет. Я распоряжусь, чтобы кто-нибудь свел тебя туда, где такие хвори вылечиваются мигом.

— Как пожелаешь, мастер.

— Что? Ты даже не благодаришь?

— Благодарю тебя, мастер, — сказал я.

Гюрло был одним из самых сложных людей, которых я знал, — то есть сложным человеком, который старается быть простым. То есть не обычным простым человеком, а каким представляет себе простого человека сложный. Как придворный вырабатывает для себя обличье блестящее и таинственное, нечто среднее между мастером танцев и тонким дипломатом с налетом бретерства в случае нужды, так и мастер Гюрло старательно лепил из себя мрачное, неповоротливое создание, какое ожидает увидеть персевант или бейлиф, вызывая к себе главу гильдии палачей, однако на свете нет качеств, присущих настоящему палачу в еще меньшей мере. В целом же, хотя все составляющие характера мастера Гюрло были такими, какими и должны быть, ни одна из них не подходила к прочим. Он крепко пил, так как по ночам его мучили кошмары, но кошмары эти приходили именно тогда, когда он

пил, как будто вино, вместо того чтобы наглухо запереть двери его сознания, распахивало их настежь, заставляя его весь остаток ночи провести на ногах в ожидании первых проблесков солнца, которое изгонит призраки из его огромной каюты, позволит ему одеться и разослать по местам подмастерьев. Порой он поднимался на самый верх башни, на артиллерийскую платформу, и ждал первых лучей солнца там, разговаривая с самим собой и глядя вдаль сквозь стекло, которое, говорят, тверже кремня. Он, единственный в гильдии (считая и мастера Палемона), не боялся обитающих там сил и невидимых уст, говорящих порой с людьми или с иными невидимыми устами в других башнях. Он любил музыку, однако, слушая ее, прихлопывал ладонью по подлокотнику и притопывал ногами в такт, причем тем сильнее, чем больше нравилась ему музыка (а особенной его любовью пользовались сложнейшие, тончайшие ритмы). Ел он помногу, но очень редко; читал только тогда, когда полагал, что его никто не видит; навещал некоторых клиентов, включая одного с третьего яруса, и беседовал с ними о материях, в которых никто из нас, подслушивавших в коридоре, не мог понять ни аза. Глаза его блестели ярче, чем у любой женщины.

Он делал ошибки в произношении самых обычных слов: уртикарный, фаллопиев, бордеро. Я не в силах описать, сколь плохо он выглядел, когда я не так давно вернулся в Цитадель, и сколь плохо выглядит он сейчас.

VIII
Собеседник

На следующий день я в первый раз понес шатлене Текле ужин и почти стражу сидел при ней, причем Дротт частенько заглядывал в камеру сквозь решетчатое окошко. Мы поиграли в слова (и она неизменно выигрывала), после поговорили о том, что, по рассказам вернувшихся, якобы ждет нас за гранью смерти, а потом она пересказала мне сведения, заключенные в самой маленькой из принесенных мной книг — не только общепринятые точки зрения иерофантов, но и разнообразные экзотические и даже еретические теории.

— Вот выйду на свободу, — сказала она, — и заведу собственную секту. Заявлю во всеуслышание, что во время пребывания среди палачей мне открылась высшая мудрость. К этому прислушаются.

Я спросил, в чем будет состоять учение ее секты.

— В том, что не существует никакого агатодемона и жизни после смерти. Что сознание после

смерти исчезает — так же как во время сна, только навсегда.

— А кого ты объявишь вестником, открывшим тебе эту мудрость?

Она покачала головой и подперла рукой подбородок. Поза эта восхитительно подчеркивала совершенство линий ее шеи.

— Пока не решила. Быть может, ледяной ангел. Или призрак. Что, по-твоему, лучше?

— Но разве здесь нет противоречия?

— Совершенно верно! — Тон ее был исполнен удовольствия, доставленного моим вопросом. — И в этом противоречии будет заключена вся привлекательность нашей новой веры. Новая теология не может быть основана на пустом месте, и ничто так не помогает основать ее, как противоречие. Вспомни великих, что добились успеха в прошлом, — их божества неизменно объявлялись властителями и создателями всех мирозданий, однако же всех, вплоть до дряхлых старух, призывали защищать этих богов, точно детей, испугавшихся петуха. Или взять хотя бы утверждение, будто владыка, не карающий никого, пока у людей есть малейший шанс стать лучше, покарает всех, хоть никто от этого не сможет измениться в лучшую сторону.

— Для меня это слишком сложно, — сказал я.

— Вовсе нет. По-моему, ты так же разумен, как и большинство других юношей. Но у палачей, наверное, нет никакой веры? Клятвенно отрекаться от прежней тебя не заставляли?

— Нет. У нас есть своя небесная покровительница и свои праздники, как в любой другой гильдии.

— А вот у нас — нет, — сказала она, словно на миг огорченная этим. — Так бывает только в гильдиях да еще в армии, которая — тоже своего рода гильдия. Хотя… пиршества, всенощные бдения, зрелища, возможность показаться в новых нарядах… Тебе нравится это?

Поднявшись, она развела руки в стороны, демонстрируя мне испачканное платье.

— Очень красиво, — отважился заметить я. — И узор, и вышивка с жемчужинками…

— Здесь у меня есть только это — в нем я была, когда за мной пришли. Вообще-то, это обеденное платье — его следует носить между обедом и наступлением вечера.

Я сказал, что мастер Гюрло наверняка пошлет кого-нибудь за остальными, если она попросит о том.

— Я уже просила, и он сказал, что посылал

людей в Обитель Абсолюта за моими платьями, но они не смогли отыскать ее. Это означает, что в Обители Абсолюта стараются сделать вид, будто меня не существует. Хотя, возможно, все мои платья отосланы в наше шато на севере или на одну из вилл. Он собирался отдать своему секретарю распоряжение выписать их.

— А ты не знаешь, кого он посылал? — спросил я. — Обитель Абсолюта, должно быть, не меньше нашей Цитадели — вряд ли ее так уж нелегко обнаружить.

— Напротив, довольно трудно. Поскольку ее нельзя увидеть, ты можешь находиться в самом ее центре, но так и не узнаешь об этом. Кроме того, учитывая, что дороги перекрыты, требуется всего-навсего отдать соглядатаям распоряжение указывать определенным путникам неверный путь — а соглядатаи у них повсюду.

Я хотел было спросить, как Обитель Абсолюта, которую я всегда представлял себе огромным дворцом со сверкающими башнями и куполами, может быть невидимой, но Текла уже думала о чем-то другом, разглядывая свой браслет в форме кракена с глазами из неограненных изумрудов, оплетшего щупальцами ее тонкое, белое запястье.

— Мне позволили оставить браслет, а он очень дорогой. Это ведь не серебро, а платина. Я была крайне удивлена.

— Здесь никого нельзя подкупить.

— Его можно продать в Нессе и купить платья… Севериан, ты не знаешь, кто-нибудь из моих друзей пытался увидеться со мной?

Я покачал головой:

— В любом случае у них ничего бы не вышло.

— Я понимаю. Но кто-нибудь мог бы попробовать… А ты знаешь, что в Обители Абсолюта многие даже не подозревают о существовании этого места? Вижу, ты мне не веришь!

— Не подозревают о существовании Цитадели?

— Нет, о Цитадели известно всем — некоторые ее части открыты для свободного доступа, а башен просто нельзя не заметить, если находишься на любом берегу Гьёлля в южной части города. Они не знают об *этом* — по крайней мере, подавляющее большинство будет отрицать существование ваших темниц, — пояснила она, хлопнув по металлической переборке камеры.

Да, она была великой шатленой, а я — даже ниже, чем раб (конечно, в глазах обычных людей, не понимающих по-настоящему функций нашей гильдии). Однако когда пришло время и Дротт

с грохотом отворил дверь камеры, именно я вышел в коридор и поднялся по лестнице наверх, навстречу свежему вечернему воздуху, а Текла осталась внизу, среди стонов и криков других заключенных. (Ее камера находилась в некотором отдалении от лестницы, но когда ей не с кем было беседовать, безумный хохот с третьего яруса доносился и туда.)

Перед сном, в дормитории, я спросил, не знает ли кто-нибудь имен подмастерьев, которых мастер Гюрло посылал в Обитель Абсолюта. Никто не знал, однако вопрос послужил началом оживленной дискуссии. Никто из мальчишек не видел дворца и даже не встречался с кем-либо из видевших его, но рассказы о нем каждый слышал во множестве. В большинстве своем эти истории повествовали о сказочной роскоши — золотых блюдах, шелковых попонах и прочем в том же роде. Куда интереснее были описания Автарха, который, если б они все соответствовали истине, оказался бы настоящим чудовищем — огромного (вровень со средним человеком, когда сидит) роста, старым, совсем молодым, женщиной в мужском платье и так далее. Однако еще фантастичнее оказались байки о его визире, достославном Отце Инире, похожем на обезьян-

ку, — самом старом человеке на свете.

Но стоило нам как следует разойтись, в дверь постучали. Самый младший из нас открыл ее, и я увидел Роха, одетого не в предписываемые уставом гильдии бриджи и плащ цвета сажи, а в самые обычные (хотя новые и прекрасно сидящие) брюки, рубашку и пиджак. Он кивнул мне, а когда я подошел к двери, знаком пригласил следовать за ним.

Как только мы оказались достаточно далеко от дверей в дормиторий, он заговорил:

— Боюсь, я здорово перепугал этого мальца. Он же не знает, кто я.

— В этой одежде он тебя вправду не узнал, — сказал я. — А если увидит в обычном облачении — вспомнит сразу.

Он довольно захохотал.

— Знаешь, так странно стучаться в эту дверь! Сегодня у нас какое число? Ну что ж, еще три недели — и восемнадцатое. Как у тебя дела?

— Нормально.

— Похоже, ты в этой банде навел порядок. Эата — твой помощник, верно? Ему до подмастерьев еще четыре года, и три из них он будет после тебя капитанствовать. А пока опыта поднаберется — жаль, что тебе в свое время не так повезло. Я

стоял у тебя на пути, хоть тогда и не задумывался об этом.

— Рох, а куда мы идем?

— Сначала — ко мне в каюту, чтобы тебя переодеть. Как, Севериан, небось ждешь не дождешься, когда сам в подмастерья выйдешь?

Последние слова были брошены через плечо, а затем Рох, не дожидаясь ответа, затопотал вниз по лестнице.

Мой костюм оказался таким же, как у него, только цвета другие. Кроме того, для нас обоих были приготовлены пальто и шляпы.

— Пригодится, — сказал он, когда я надел свою. — Снаружи холодно, да и снег пошел.

Подав мне шарф, он велел снять мои башмаки и надеть сапоги.

— Это ведь для подмастерьев сапоги, — возразил я, — как я в них пойду?

— Давай-давай, обувь у всех черная, никто не заметит. Подходят?

Сапоги оказались великоваты, и Рох дал мне пару носков, чтобы натянуть поверх моих собственных.

— Ну вот. Кошелек должен бы быть у меня, но раз уж не исключено, что разделимся, тебе тоже неплохо иметь в кармане несколько азими. — Он

высыпал монеты в мою ладонь. — Готов? Двинулись. Я бы хотел вернуться так, чтобы еще осталось время малость поспать.

Мы вышли на двор, путаясь в непривычной одежде, обогнули Башню Ведьм и ступили на крытую дорожку, ведущую мимо Мартелло к Разбитому Двору. Рох оказался прав: снаружи шел густой снег; огромные — в целый ноготь — хлопья кружили в воздухе так медленно, что казалось, будто снег идет уже целую вечность. Ветра не было, и новое облачение знакомого, привычного мира явственно поскрипывало под сапогами.

— Везет тебе, — заметил Рох. — Не знаю, как ты это устроил, но все равно — спасибо.

— Что устроил?

— Поездку в Эхопраксию и по женщине каждому. Я думал, ты знаешь — мастер Гюрло сказал, что уже уведомил тебя.

— Я и забыл. И вообще не думал, что он это всерьез. Пешком пойдем? Это, должно быть, неблизко.

— Ну не так уж и далеко, но средства у нас, как я уже говорил, имеются. У Горьких Врат стоят фиакры — они там всегда стоят, потому что постоянно кто-нибудь приезжает и уезжает, хотя, сидя в нашем укромном уголке, как-то и не скажешь…

Ради поддержания беседы я рассказал ему то, что слышал от шатлены Теклы, — будто в Обители Абсолюта тьма народу даже не знает о нашем существовании.

— А что, очень похоже на правду. Это для нас, выросших в гильдии, она — пуп земли. Вот станешь немного постарше (я сам это в свое время обнаружил и знаю, что ты не станешь трепать языком) и увидишь, что палачество — вовсе не чека в колесе мироздания, а просто хорошо оплачиваемая и очень непопулярная работа, которой по воле случая приходится заниматься тебе.

Рох оказался прав — на Разбитом Дворе действительно стояли три экипажа. Один был экзультантским, с нарисованными на дверцах гербами и ливрейными лакеями на запятках, а два других — маленькими, простенькими фиакрами. Возницы в низких меховых шапках склонились над костерком, разведенным на булыжной мостовой. Издали, сквозь густой снег, огонь казался не больше искры.

Рох махнул им рукой, крикнул; один из возниц вскочил на сиденье, щелкнул кнутом, и фиакр с грохотом подкатил к нам. Оказавшись внутри, я спросил у Роха, знает ли кучер, кто мы такие.

— Мы — двое оптиматов, — ответил Рох. — При-

езжали в Цитадель по делам, а теперь направляемся в Эхопраксию, чтобы приятно провести вечер. Вот все, что он может и должен знать.

Я подумал, вправду ли Рох гораздо более моего опытен в развлечениях такого рода, и решил, что вряд ли. Надеясь выяснить, бывал ли он прежде там, куда мы направляемся, я спросил, в какой стороне находится Эхопраксия.

— В квартале Мучительных Страстей. Слыхал о таком?

Я кивнул и сказал, что мастер Палемон однажды говорил, будто это один из древнейших кварталов города.

— На самом-то деле — нет. Дальше на юг есть кварталы еще древнее, но там живут одни омофаги. Цитадель ведь раньше была чуть севернее Несса, знаешь?

Я покачал головой.

— Город до сих пор понемногу ползет вверх по реке. Армигерам и оптиматам нужна чистая вода — не для питья, а для рыбных прудов, купален и всего такого. Да еще любой, кто живет слишком близко к морю, как-то не внушает доверия. И нижние кварталы, где вода была хуже всего, в конце концов сдаются. С тех пор как вышел тот закон, оставшиеся там боятся даже разводить

огонь — чтобы по дыму их не отыскали.

Я повернулся к окну. Мы уже миновали какие-то неизвестные мне ворота, прогрохотав мимо стражей в шлемах, но все еще находились внутри Цитадели. По обеим сторонам узкого проезда тянулись ряды разбитых окон.

— Станешь подмастерьем — сможешь выходить в город когда угодно, если только ты не на дежурстве.

Я, конечно, знал об этом, но спросил Роха, считает ли он все это приятным.

— Ну не то чтобы очень… Я, честно говоря, был там всего два раза. Оно не то чтобы приятно, но интересно. Только всем вокруг известно, кто ты такой.

— Ты же сказал, что кучер этого не знает.

— Он-то, наверное, не знает… Эти фиакры разъезжают по всему Нессу; кучер может жить где угодно, а в Цитадель попадать раз в году. Но местные знают. Солдаты рассказывают. Им-то что, они могут выходить в город в своей форме.

— Ни в одном из окон нет света. Похоже, в этой части Цитадели вообще никого нет.

— Что ж, все мельчает, с этим ничего не поделать. Еды меньше — значит, и людей будет меньше, пока не придет Новое Солнце.

В фиакре, несмотря на холод, было душно.

— Далеко нам еще? — спросил я.

Рох хмыкнул.

— А ты вроде как беспокоишься?

— Вовсе нет.

— Наверняка да. Ничего, это естественно. Так что не беспокойся насчет своих беспокойств!

— Да я совершенно спокоен.

— Если захочешь, можно все провернуть по-быстрому. С женщиной можно даже не разговаривать — ей все равно. Конечно, она с тобой и побеседует, если захочешь, ведь ты платишь. То есть в данном случае плачу я, но принцип тот же. Она сделает все, чего ты пожелаешь, в пределах разумного. Если ударишь ее или еще что-нибудь в этом духе, цена возрастет.

— А что, люди и вправду так делают?

— Находятся любители. Тебе-то наверняка не захочется, да и из наших, гильдейских, вряд ли хоть кто-нибудь так развлекается — ну разве что выпьет лишку. — Он помолчал. — Вообще-то, эти женщины нарушают закон и поэтому не могут жаловаться…

Фиакр с грохотом свернул в другой проезд, еще уже прежнего. Теперь мы мчались на восток.

IX
Лазурный дом

Конечным пунктом нашей поездки оказалась одна из тех причудливых построек, какие часто встречаются в старых районах города, где некогда отдельные здания «срастаются» воедино, превращаясь в дикую мешанину пристроек, крыльев и переходов, выполненных в самых разнообразных архитектурных стилях, со шпилями и башнями там, где изначально не планировалось ничего сложнее обыкновенных крыш. Здесь снега было еще больше — а может, он просто успел накопиться, пока мы были в пути. Снег укрывал окружавший здание портик, мягкими подушками лежал на подоконниках, застелил ковром ступени у входа и одел в плащи с капюшонами поддерживавших карнизы деревянных кариатид, словно бы обещавших посетителям тишину, безопасность и соблюдение полной тайны.

За окнами нижнего этажа мерцал неяркий желтоватый свет, другие же были темны. Несмотря на снегопад, кто-то внутри, должно быть, услышал наши шаги. Огромная, видавшая виды

дверь распахнулась прежде, чем Рох успел постучать. Войдя, мы оказались в маленькой, узкой прихожей, со стенами и потолком, обитыми голубым атласом, отчего помещение казалось очень похожим на футляр для дорогих украшений. Человек, впустивший нас, был одет в желтый халат и башмаки на толстой подошве; его короткие светлые волосы были зачесаны назад, открывая широкий покатый лоб над гладким, безбородым лицом. Проходя мимо него, я заглянул в его глаза и обнаружил, что словно бы смотрю в окно. Глаза его, блестящие и ровные, точно небо засушливым летом, и вправду вполне могли быть сделаны из стекла.

— Фортуна благосклонна к вам, — сказал человек, подавая нам по бокалу. Голос его мог быть и мужским тенором, и женским контральто. — Сегодня здесь нет никого, кроме вас.

— И девочки наверняка соскучились, — заметил Рох.

— Воистину! О, ты улыбаешься… я вижу, ты не веришь мне, но это — сущая правда. Да, они жалуются, когда у нас много гостей, но и скучают, если к ним не приходит никто. И каждая постарается приятно удивить вас сегодня вечером, вот увидите. И после того как вы покинете нас, будут

хвастать перед другими тем, что вы выбрали именно их. Кроме этого, оба вы — юноши симпатичные. — Он сделал паузу, во время которой окинул Роха быстрым взглядом. — Ты бывал у нас и прежде, не так ли? Такие ярко-рыжие волосы трудно забыть. Точно такими дикари далеко на юге изображают своих огненных духов. А у твоего друга — лицо экзультанта… такие нашим девушкам нравятся больше всего! Я понимаю, отчего ты привел его к нам.

Он отворил другую дверь, со стеклянной вставкой, изображающей Искушение. За дверью начинался зал, несомненно, в силу контраста с прихожей, казавшийся много просторнее самого здания. Высокий потолок был украшен белыми, похоже, шелковыми фестонами, отчего помещение напоминало огромный роскошный шатер. Вдоль двух из четырех стен тянулись колоннады — конечно, фальшивые, так как колонны на самом деле были всего лишь полукруглыми пилястрами, укрепленными на стенах, выкрашенных в синий цвет, а архитрав — всего-навсего лепным карнизом, однако, пока мы оставались в центре зала, эффект был почти полным.

В дальнем конце зала, напротив окон, стояло кресло с высокой, точно у трона, спинкой. Че-

ловек в желтом халате уселся в него, и я тут же услышал, как где-то в глубине здания зазвенел колокольчик. Устроившись в двух других креслах, поменьше, мы с Рохом ждали в тишине, нарушаемой лишь эхом мелодичного перезвона. Снаружи не доносилось ни звука, но я простотаки физически ощущал падавший снег. Вино согревало, и, сделав несколько глотков, я увидел дно бокала. Я чувствовал себя словно бы в ожидании начала церемонии в нашей разрушенной часовне, только на сей раз она была куда менее реальной и одновременно куда более серьезной.

— Шатлена Барбея, — объявил хозяин.

В зал вошла высокая женщина, державшаяся так благородно и одетая так вызывающе, что я далеко не сразу понял, что ей никак не больше семнадцати лет. Лицо ее — округлой, совершенной формы, с ясными глазами, небольшим прямым носом и крохотным ртом, подведенным так, чтоб казался еще меньше, — было прекрасно, а волосы, отливавшие золотом, вполне могли бы оказаться париком из настоящей золотой проволоки.

Остановившись в паре шагов от нас, она медленно повернулась, едва уловимо, с необыкновенной грацией меняя позу в движении. До

этого я никогда не видел профессиональных танцовщиц и ни разу после не встречал столь прекрасной. Не могу и передать, что я чувствовал, глядя на нее!

— Все придворные красавицы — здесь, к вашим услугам! — воскликнул хозяин. — Сюда, в Лазурный Дом, явились они в эту ночь, покинув свои золотые стены ради счастья доставить вам наслаждение!

Я, наполовину загипнотизированный танцем, решил, что это фантастическое утверждение высказано совершенно серьезно, и сказал:

— Это не может быть правдой.

— Но ты пришел к нам за наслаждением, не так ли? И если мечта также послужит ему, что в том плохого?

Все это время девушка с золотыми волосами продолжала свой медленный танец без музыки.

Мгновения летели одно за другим.

— Она тебе нравится? — спросил хозяин. — Ты выбираешь ее?

Я хотел было сказать — точнее, закричать, чувствуя желание всем своим существом, — что нравится, но, прежде чем успел сделать вдох, меня опередил Рох:

— Давай посмотрим и других.

Танец тут же прекратился, девушка сделала реверанс и покинула зал.

— Можешь выбрать и нескольких — по одной или всех вместе. У нас есть очень большие кровати! — Дверь, закрывшаяся за золотоволосой девушкой, отворилась снова. — Шатлена Грация!

Вошедшая девушка казалась совершенно иной, однако во многом напоминала предыдущую, «шатлену Барбею». Волосы ее были белы, словно хлопья снега, кружащиеся за окном, и от этого ее юное лицо казалось еще свежее, а смуглая кожа — темнее. Груди и бедра ее были (или же казались) пышнее, но все же она вполне могла оказаться той же самой женщиной, успевшей за несколько секунд до второго своего появления сменить одежду и парик и слегка затемнить кожу лица при помощи косметики. Мысль, разумеется, была абсурдной, но, подобно многим абсурдным мыслям, заключала в себе элемент истины. Что-то совпадало во взгляде, выражении лица, походке и плавности их движений. Все это напоминало о чем-то, уже виденном мною (хотя я не мог вспомнить, когда и где), но тем не менее было вновь, причем то, прежнее, казалось как-то предпочтительнее.

— Эта мне подойдет, — сказал Рох. — Теперь

нужно подыскать что-нибудь для моего друга.

Темнокожая девушка (эта не танцевала, а просто стояла перед нами) подошла к Роху, присела на подлокотник его кресла и что-то прошептала ему на ухо.

Дверь отворилась в третий раз.

— Шатлена Текла, — объявил хозяин.

Казалось, в зал и вправду вошла шатлена Текла, каким-то непонятным образом выбравшаяся из темницы. Не наблюдательность, но лишь разум в конце концов убедил меня в том, что я ошибаюсь. Не знаю, заметил бы я разницу, если бы передо мной бок о бок стояли они обе, или нет. Хотя эта девушка, несомненно, несколько ниже ростом…

— Значит, тебе нравится эта? — спросил хозяин. Не помню, чтобы я что-либо ответил, но Рох шагнул вперед с кошельком в руке и объявил, что платит за нас обоих. Я проследил за вынимаемыми из кошелька монетами, ожидая увидеть блеск хризоса, но на свет появились лишь несколько азими.

«Шатлена Текла» коснулась моей руки. Надушена она была крепче, чем настоящая Текла, однако аромат оказался точно тем же — мне он напоминал запах сжигаемой в огне розы.

— Идем, — сказала она.

Я последовал за ней. За дверью оказался грязноватый, тускло освещенный коридор, приведший нас к узкой лестнице. Я спросил, много ли здесь еще придворных дам, и она приостановилась, искоса взглянув на меня через плечо. Возможно, ее лицо выражало удовлетворенное тщеславие, или влюбленность, или то смутное ощущение, какое испытываешь, когда состязание становится игрой.

— Сегодня — лишь несколько, из-за снегопада. Мы с Грацией приехали в одних санях.

Я кивнул. Она наверняка явилась сюда из какого-нибудь темного переулка поблизости и, скорее всего, пешком, с шалью на голове и в старых, насквозь пронизываемых холодом туфлях, и все же перед моими глазами тут же возникла отчетливая картина: взмыленные дестрие быстрее любой машины несутся галопом сквозь снегопад, и ветер свистит в ушах юных, прекрасных, пресыщенных дам в соболиных и рысьих шкурах, темнеющих на фоне красного бархата сидений…

— Ну ты идешь?

Она уже поднялась до верхней площадки и почти скрылась из виду. Ее окликнули, назвав «дражайшей сестрицей», и, поднявшись парой ступеней выше, я увидел женщину, очень по-

хожую на прекрасную спутницу Водала. Она не обратила на меня никакого внимания и, как только я догадался посторониться, стремительно сбежала вниз по лестнице.

— Вот видишь, что можно получить, если только чуть-чуть подождешь!

На губах моей куртизанки мелькнула улыбка, которую я явно видел где-то прежде.

— Я бы все равно выбрал тебя.

— Ну вот потеха так потеха! Идем, идем — не стоять же вечно на этом сквозняке. Да, ты ничуть не изменился в лице, но проводил ее таким воловьим взглядом!.. Что ж, она и впрямь мила, спору нет.

С этими словами женщина, так похожая на Теклу, отворила дверь, и мы оказались в крохотной спальне с огромной кроватью. К потолку была подвешена погасшая кадильница на блестящей серебристой цепочке; в углу на высокой подставке стоял светильник под розовым колпаком. Между маленьким туалетным столиком с зеркалом и узким платяным шкафчиком оставалось как раз достаточно места, чтобы пройти внутрь.

— Хочешь раздеть меня?

Кивнув, я потянулся к ней.

— Тогда будь аккуратен. — Она повернулась ко

мне спиной. — Застежки — там. Если разорвешь что-нибудь в возбуждении, придется платить отдельно — не говори потом, будто тебя не предупредили.

Пальцы мои нащупали крошечную застежку и расстегнули ее.

— Но я полагал, что у шатлены Теклы множество платьев.

— Так оно и есть. Но как я вернусь в Обитель Абсолюта в разорванном?

— У тебя здесь, несомненно, имеются и другие.

— Да, пара. Много здесь держать нельзя — кто-нибудь унесет, пока меня нет.

Выглядевшее дорогим и роскошным в комнате с фальшивыми колоннадами, на поверку ее платье оказалось сшитым из тонкой дешевой ткани.

— Ни атласа, — сказал я, распуская следующую застежку, — ни соболей, ни бриллиантов…

Я отступил от нее на шаг (при этом упершись спиною в дверь). Теперь в ней не было ничего от Теклы. Чуть внешнего сходства, кое-какие жесты да еще одежда — ничего более. Передо мною в крохотной, холодной комнатушке стояла с обнаженными плечами и шеей бедная молодая женщина, чьи родители, скорее всего, с благодарностью примут скудное серебро из кошелька

Роха и сделают вид, будто не знают, где бывает их дочь по ночам…

— Ты — вовсе не шатлена Текла, — сказал я. — Что я здесь делаю…

Вышло, наверное, гораздо многозначительнее, чем предполагалось. Она повернулась ко мне лицом, и тонкая ткань платья соскользнула с ее груди. В глазах ее, точно пущенный зеркалом «зайчик», мелькнул страх. Должно быть, она и прежде попадала в такое положение, и это выходило ей боком.

— Я — Текла, — сказала она, — если тебе хочется, чтобы я была ею.

Я поднял руку.

— Здесь есть кому защитить меня, — поспешно добавила она. — Мне стоит только закричать. Во второй раз ударить уже не успеешь.

— Неправда, — сказал я.

— А вот и правда. Трое мужчин…

— Ни единого. Весь этаж пуст и холоден — думаешь, я не заметил, как здесь тихо? Рох со своей девушкой остался внизу и, наверное, получил комнату получше — платит-то он. А женщина, которую мы встретили на лестнице, просто уходила и хотела прежде переговорить с тобой. — Я взял ее за талию и поднял в воздух. — Кричи.

Никто не придет.

Она молчала. Я бросил ее на кровать и присел рядом.

— Ты зол оттого, что я — не Текла. Но я хотела стать ею для тебя — и стану, если захочешь. — Стянув с моих плеч чужое непривычное пальто, она бросила его на пол. — Ты очень сильный.

— Вовсе нет.

Я отлично знал, что некоторые из трепетавших передо мной мальчишек уже гораздо сильнее меня.

— Очень! Но разве тебе, такому сильному, не под силу одолеть реальность — хотя бы ненадолго?

— Что ты хочешь сказать?

— Слабые верят, во что вынуждены верить. А сильные верят, во что хотят, и воплощают свою веру в жизнь. Кто есть Автарх, как не человек, верящий в то, что он — Автарх, и силой собственной веры заставляющий верить в это всех прочих?

— Но ты — не шатлена Текла, — ответил я.

— Как и она сама. Шатлена Текла, которую ты вряд ли и видел хоть раз… Хотя нет, здесь я ошибаюсь. Ты бывал в Обители Абсолюта?

Ее маленькие, теплые ладони легли мне на плечо и потянули вниз. Я покачал головой.

— Некоторые клиенты говорят, что бывали там. И мне всегда нравилось слушать их.

— Они и вправду бывали в Обители Абсолюта? На самом деле?

Она пожала плечами.

— Я хотела сказать, что шатлена Текла — вовсе не шатлена Текла. То есть не та шатлена Текла, что живет в твоем воображении — единственная, до которой тебе есть дело. И я — тоже не она. Какая же тогда между нами разница?

— Наверное, никакой.

Я принялся раздеваться.

— Однако ж все мы хотим знать, что же реально на самом деле. Отчего? Наверное, потому, что всех нас притягивает к теоцентру. Иерофанты говорят, что только он воистину реален.

Она поцеловала мое бедро, зная, что одержала верх.

— Ты в самом деле готов искать истину? Не забывай: для этого ты должен быть облечен фавором, иначе попадешь в руки палачей. И это тебе не понравится!

— Нет, — согласился я, кладя ладонь ей на затылок.

X
Последний год

Думаю, мастер Гюрло намеревался почаще устраивать мне поездки в этот дом, чтобы меня не слишком влекло к Текле. Я же позволил Роху прикарманивать отпускаемые на это деньги и больше ни разу не ездил туда. Боль оказалась такой приятной, а наслаждение таким болезненным, что я боялся перестать понимать себя самого.

К тому же, перед тем как мы с Рохом покинули этот дом, беловолосый человек, встретившись со мною взглядом, извлек из-за пазухи нечто — я вначале решил, что это иконка, но вещица оказалась крошечным флаконч иком в форме фаллоса. При этом он улыбнулся, и улыбка его испугала меня — в ней не было ничего, кроме дружелюбия.

Прошли дни, прежде чем из моих мыслей о Текле изгладились впечатления от той фальшивой Теклы, введшей меня в мир анакреонтических развлечений и благ, что дарят друг другу мужчины и женщины. Возможно, это должно было

возыметь эффект, как раз обратный тому, которого добивался мастер Гюрло, но нет. Менее всего я был склонен к любви с этой несчастной женщиной, пока в сознании моем свежи были воспоминания о том, как я невозбранно наслаждался ею. В действительности меня влекло (хотя в то время я не понимал этого) не к ее женскому естеству, но к миру древнего знания и привилегий, который она представляла.

Книги, которые я доставил ей, стали моим университетом, а сама она — моим оракулом. Я не из образованных; мастер Палемон научил меня всего лишь читать, писать и считать, преподал скудный набор сведений о физическом мире и, конечно же, все секреты нашего ремесла. И если образованные люди порой ну не то чтобы принимают меня за равного, но хотя бы водить компанию со мной не стесняются — этому я обязан единственно до сей поры живущей в моих мыслях Текле да еще этим четырем томикам.

Не стану пересказывать, что мы читали вместе и о чем беседовали — описание самого краткого разговора займет всю эту недолгую ночь без остатка. Всю зиму, пока на Старом Подворье не стаял снег, я неизменно поднимался из темниц наверх, словно бы пробуждаясь ото сна, и только

тут начинал замечать окружающий мир — следы собственных ног позади, свою тень на снегу… Текла очень тосковала в ту зиму, но с удовольствием рассказывала мне о тайнах прошлого, о слухах из высших сфер, о гербах, о героях, умерших тысячи лет назад.

С приходом весны в некрополе расцвели пурпурные и белые лилии. Я принес их ей, и она сказала, что вскоре так же стремительно вырастет и моя борода, и тогда синева моих щек будет гуще, чем у большинства обычных мужчин, а на следующий день попросила за это прощения, так как предсказание ее запоздало. Тепло весны и (по-моему) принесенные мной цветы подняли ей настроение. В беседе о знаках отличия древних семейств она заговорила о своих подругах, об их браках, удачных и неудачных, и как такая-то пожертвовала своим будущим ради разрушенного замка, потому что видела его во сне, а еще одна, с которой они в детстве играли в куклы, сделалась хозяйкой многих тысяч лиг земли.

— Когда-нибудь, Севериан, непременно будет новый Автарх, а может быть, и новая Автархиня. Все может оставаться без перемен очень долго. Но не вечно.

— Я мало осведомлен о придворных делах,

шатлена.

— Чем меньше ты знаешь о них, тем лучше для тебя. — Она помолчала, покусывая изящно изогнутую нижнюю губу. — Когда моя мать была в тягостях, она велела слугам отнести ее к Профетическому фонтану, который вещает грядущее, и он предсказал, что я воссяду на трон. Тея всегда завидовала мне из-за этого. Однако Автарх…

— Что?

— Пожалуй, мне лучше не болтать слишком много. Автарх не таков, как другие люди. Что бы я ни говорила порой, на Урд нет человека, который мог бы сравниться с ним.

— Я знаю это.

— И этого для тебя достаточно. Взгляни. — Она подала мне книгу в коричневом переплете. — Здесь говорится: «Фалалей Великий сказал, что демократия — сиречь Народ — желает, чтобы ею управляла сила, превосходящая ее, а Ирьери Мудрый — что простолюдины никогда не позволят кому-либо, отличному от них, занять высокий пост. Невзирая на это, и тот и другой именуются Совершенными».

Не поняв, что она хочет сказать, я промолчал.

— Все это к тому, что никто не может знать наверное, как поступит Автарх. Или же Отец Инире.

Когда я только-только прибыла ко двору, мне, точно великую тайну, поведали, что фактически политику Содружества определяет Отец Инире. Через два года один очень высокопоставленный человек — я даже не могу назвать тебе его имени — сказал, что правит сам Автарх, хотя из Обители Абсолюта и может показаться, будто это Отец Инире. А в прошлом году одна женщина, суждениям которой я доверяю гораздо больше, чем суждениям любого из мужчин, поведала мне, что на самом деле это абсолютно все равно, так как оба они непостижимы, точно океанические глубины, и, если б один из них правил, когда прибывает луна, а другой — когда ветер дует с востока, никто не заметил бы разницы. И я считала это суждение мудрым, пока не поняла, что она всего-навсего повторила то, что я говорила ей за полгода до этого.

Текла умолкла и опустилась на кровать, разметав волосы по подушке.

— По крайней мере, — заметил я, — ты не ошиблась, доверяя ей. Она черпала свои суждения из достоверных источников.

Точно не слыша меня, она прошептала:

— Но все это так, Севериан. Никто не может предсказать заранее их действия. Меня могут

освободить хоть завтра. Это вполне возможно. Теперь-то им уж точно известно, что я здесь. Не смотри так! Мои друзья поговорят с Отцом Инире. Быть может, кто-нибудь даже упомянет обо мне в разговоре с Автархом. Тебе ведь известно, почему я здесь?

— Из-за чего-то связанного с твоей сестрой.

— Моя единокровная сестра Тея сейчас с Водалом. Говорят, будто она — его любовница, и это, по-моему, очень даже вероятно.

Я вспомнил прекрасную женщину на лестнице Лазурного Дома и сказал:

— Пожалуй, я однажды видел твою сестру. В некрополе. С ней был экзультант — вооруженный мечом, упрятанным в трость, и очень красивый. Он сказал мне, что его имя — Водал. Лицо той женщины было правильной, округлой формы, а голос — словно у голубки. Похожа?

— Пожалуй, да. Они хотят, чтобы она предала Водала ради моего спасения, но она ни за что не сделает этого. И, когда они убедятся в этом, почему бы им не освободить меня?

Я заговорил о чем-то другом и продолжал, пока она не рассмеялась.

— Ты так умен, Севериан, что, сделавшись подмастерьем, будешь самым *церебральным*

палачом в истории! Ужасно!

— Но у меня было впечатление, будто шатлене доставляют удовольствие такие беседы.

— Только сейчас, потому что не могу выйти отсюда. Может быть, это окажется для тебя потрясением, но на свободе я редко уделяла время метафизике. Предпочитала танцевать или охотиться на пекари со сворой пятнистых гончих. А восхищающую тебя ученость приобрела еще в детстве, под угрозой палки учителя.

— Если шатлена захочет, мы можем не говорить о таких вещах.

Поднявшись, она зарылась лицом в принесенный мною букет.

— Теология цветов лучше теологии фолиантов, Севериан. Как, должно быть, прекрасно в некрополе, где ты сорвал их! Это ведь не могильные цветы, верно? Принесенные кем-то, чтобы почтить память покойного?

— Нет. Они были посажены там давным-давно. И каждый год расцветают.

В дверное окошко заглянул Дротт.

— Время! — Я поднялся.

— Как ты думаешь, может быть, ты увидишь мою сестру, шатлену Тею, еще раз?

— Думаю, вряд ли, шатлена.

— Но, Севериан, если увидишь, расскажешь ей обо мне? Возможно, они просто не могут связаться с ней. В этом не будет никакой измены — ты сделаешь для Автарха то, чего хочет он сам!

— Хорошо, шатлена.

Я шагнул за порог.

— Я знаю, она не предаст Водала, но возможен же какой-нибудь компромисс…

Дротт закрыл дверь и повернул ключ в скважине. От меня не укрылось, что Текла не спрашивала, как ее сестра с Водалом оказались в нашем древнем, давно забытом такими людьми, как они, некрополе. После освещенной светильником камеры коридор с рядами металлических дверей и отсыревшими стенами казался темным и мрачным. Дротт завел рассказ о том, как они с Рохом ездили на тот берег Гьёлля смотреть львов, но я все же расслышал последние слова Теклы:

— Напомни ей, как мы шили куклу для Жозефы!

Лилии, как и положено цветам, со временем отцвели; следом за ними распустились бутоны темных роз смерти. Нарвав фиолетовых, почти черных цветов, я также отнес их Текле. Она улыбнулась и процитировала:

Вот покоится Грации – не Целомудрия – Роза,

И ароматы ее розам не свойственны вовсе…

— Если шатлене неприятен запах…

— Вовсе нет, он очень мил. Я просто цитировала одну из любимых присказок моей бабушки. В юности она пользовалась дурной славой — по крайней мере, так говорила сама бабушка, — но, когда она умерла, все дети декламировали этот стишок. А на самом деле он, наверное, гораздо старше, и корни его, подобно всему — хорошему ли, плохому — затерялись во времени. Скажи, Севериан, ведь мужчины желают женщин? Так почему же они презирают тех, коими обладают?

— Не думаю, что так поступают все мужчины, шатлена.

— Та прекрасная Роза отдала себя всю, без остатка, и за это была осмеяна так, что даже мне известно об этом, хотя и мысли, и плоть ее давно превратились в прах. Иди, сядь со мной рядом.

Я выполнил ее просьбу, и руки ее, скользнув под подол моей рубахи, стащили ее с меня через голову. Я хотел было протестовать, но противиться тому, что она делает, не мог.

— Чего тебе стесняться — ведь у тебя нет даже грудей, которые следует прятать! Никогда не видела такой белой кожи при таких темных волосах… Как ты думаешь — а у меня кожа белая?

— Белее не бывает, шатлена.

— И прочие думали так же, но все же она темна по сравнению с твоей. Когда станешь палачом, Севериан, избегай солнца. Иначе оно страшно обожжет тебя.

Сегодня ее волосы, которые она обычно оставляла распущенными, были обернуты вкруг головы наподобие темного нимба. Никогда еще она не была более похожа на свою сестру Тею, и я почувствовал такое желание, что силы начали покидать меня с каждым ударом сердца, будто я истекаю кровью.

— Зачем ты стучишь в мою дверь?

Ее улыбка показывала, что ответ ей хорошо известен.

— Я должен идти.

— Только прежде надень рубашку — твоему другу незачем видеть тебя таким.

Вечером я ушел в некрополь и несколько страж бродил среди безмолвных обителей мертвых, хотя знал, что из этого ничего не выйдет. Назавтра я вернулся туда, и следующим вечером — тоже,

а на четвертый Рох взял меня с собой в город, и там, в одном питейном заведении, кто-то, казалось, знающий, что говорит, обмолвился, будто Водал сейчас далеко на севере — прячется среди скованных морозами лесов, нападая на кафилы.

Шли дни. Проведшая столько времени в полной безопасности, Текла уже твердо уверилась, что никогда не будет подвергнута пытке, и попросила Дротта доставить ей принадлежности для письма и рисования, при помощи которых намеревалась составить план своей новой виллы на южном берегу озера Диутурна, известного как самый отдаленный и прекрасный уголок Содружества. Я водил группы учеников купаться, полагая это своей обязанностью, хотя меня самого при одной мысли о том, чтобы нырнуть в воду, охватывал страх.

Затем — как всегда, внезапно — погода сделалась слишком холодной для купаний, однажды утром истертые булыжники Старого Подворья оказались покрыты инеем, а за обедом на наших тарелках появилась свинина — верная примета того, что мороз добрался до холмов, лежащих ниже по течению Гьёлля. Наконец я был вызван к мастеру Гюрло с мастером Палемоном.

— Вот уже не первый квартал, — начал мастер

Гюрло, — мы получаем о тебе, Севериан, только положительные отзывы, и ученичество свое ты почти выслужил.

— Детство позади, — почти шепотом добавил мастер Палемон, — впереди — жизнь зрелого мужчины. — В голосе его слышалась искренняя симпатия.

— Именно, — подтвердил мастер Гюрло. — Праздник нашей святой покровительницы близок. Ты, без сомнения, уже подумал о будущем?

Я кивнул.

— Да. После меня капитаном станет Эата.

— А ты?

Я не понял, что он хочет сказать, и мастер Палемон, увидев это, мягко спросил:

— Кем будешь ты, Севериан? Палачом? Ведь ты можешь оставить гильдию, если будет на то твоя воля.

Я — твердо, будто даже слегка шокированный — ответил, что никогда и не помышлял о таком, но это было неправдой. Как и все ученики, я знал, что ни один из нас не является членом гильдии окончательно и бесповоротно, пока не даст на это согласия по достижении совершеннолетия. Более того, гильдию я любил, но в то же время нена-

видел ее всей душой. Нет, не из-за боли и мук, порой причиняемых невинным либо, по малости содеянного, не заслужившим столь строгого наказания. Я полагал бесполезным и ненужным служение власти не только неэффективной, но и безмерно далекой. Пожалуй, лучше всего выразить чувства, которые я питал к гильдии, так: я ненавидел ее за унизительную и изнурительную жизнь, любил за то, что она была моим домом, а разом любил и ненавидел потому, что она была древней и слабой и, казалось, должна была существовать вечно.

Конечно, я не стал высказывать всего этого мастеру Палемону, хотя мог бы, не будь с нами мастера Гюрло. Да, мне лично казалось невероятным, что моя облаченная в отрепья верность может быть принята всерьез; но все же это было так.

— Обдумывал ты возможность ухода или нет, — сказал мастер Палемон, — этот выбор для тебя открыт. Многие сказали бы, что только глупец способен, выслужив тяжкий срок ученичества, отказаться стать подмастерьем. Но все же ты вправе поступить так, если пожелаешь.

— Но куда же я пойду?

Вот что, хоть я и не мог сказать им этого, явля-

лось настоящей причиной, побуждавшей меня остаться здесь. Я знал, что за стенами Цитадели — или даже за стенами нашей башни — простирается огромный мир, но не мог представить себе, какое место мог бы занять в нем. Оказавшись перед необходимостью выбирать между рабством и зияющей пустотой свободы, я испугался, что получу ответ на свой вопрос, и добавил:

— Я вырос здесь…

— Да, — сказал мастер Гюрло самым официальным тоном, на какой был способен. — Но ты еще не палач. В одежды цвета сажи ты еще не облечен.

Сухая, морщинистая рука мастера Палемона пошарила в воздухе и отыскала мою.

— Посвящаемым в сан священника обычно говорят: «Да будешь ты эпоптом навеки!» Здесь имеется в виду не только приобщение к знанию, но и принятие помазания, которого не снять, не стереть, хотя оно и незримо. Каково наше помазание, тебе известно.

Я снова кивнул.

— Стереть его — невозможнее невозможного. Уйди ты сейчас, люди будут говорить о тебе только: «Его вырастили палачи». Но когда ты примешь помазание, люди скажут: «Он — палач!»

Идя за плугом, маршируя под барабанную дробь, ты все равно будешь слышать: «Он — палач!» Ты понимаешь это?

— Я и не желал бы слышать ничего иного.

— Вот и хорошо, — сказал мастер Гюрло, и оба внезапно улыбнулись, причем мастер Палемон обнажил в улыбке редкие, кривые зубы, а зубы мастера Гюрло оказались квадратными и желтыми, точно у дохлой клячи. — Тогда настало время посвятить тебя в главную, окончательную тайну. — (Даже сейчас, когда я пишу это, мне отчетливо слышна торжественность в его голосе.) — До церемонии тебе неплохо было бы подумать над ней.

Затем они с мастером Палемоном открыли мне тайну, заключенную в самом сердце гильдии и еще более сокровенную, ибо в честь нее — той, что лежит обнаженной на коленях самого Вседержителя, — не служат литургий.

После этого я дал клятву не раскрывать этой тайны никогда и никому — кроме тех, кто, подобно мне, сейчас принимает посвящение в гильдию. И клятвы этой наряду с множеством прочих впоследствии не сдержал.

XI
Празднество

День нашей святой покровительницы приходится на самый конец зимы, и в этот день мы веселимся вовсю. Во время шествия подмастерья представляют танец мечей с фантастическими прыжками и пируэтами; мастера возжигают в разрушенной часовне Большого Двора тысячу ароматических свечей; мы же накрываем столы для пиршества.

В нашей гильдии прошедший год считается *изобильным*, если в этот день хотя бы один подмастерье возвышается до звания мастера, *урожайным*, если хотя бы один ученик становится подмастерьем, и *скудным*, если никаких возвышений не происходит. Поскольку в тот год, когда я стал подмастерьем, ни один из подмастерьев не поднялся до мастера (что неудивительно — такое случается реже чем раз в десятилетие), церемония возложения маски на меня завершала урожайный год.

Даже в этом случае приготовления к празднеству заняли не одну неделю. Я слышал, будто в

стенах Цитадели трудятся члены не менее ста тридцати пяти гильдий. Некоторые из них (наподобие кураторов) слишком немногочисленны, чтобы праздновать день своего святого в часовне, и потому вынуждены присоединяться к своим городским собратьям. Те, кто числом поболе, стараются изо всех сил — пышность празднеств служит репутации гильдии. Солдаты — на Адриана, матросы — на Варвару, ведьмы — в день святой Мэг и так далее. И все стараются при помощи убранства, представлений и дарового угощения привлечь на церемонию как можно больше стороннего люда.

Все — кроме гильдии палачей. Ни один посторонний не ужинал с нами в день святой Катарины более трехсот лет. Последним, отважившимся явиться к нашему столу, был, говорят, некий лейтенант стражи, сделавший это на пари. Существует множество пустопорожних баек, повествующих о том, как с ним обошлись, — например, будто его усадили за праздничный стол в кресло из раскаленного докрасна железа. Но все они лгут. В соответствии с обычаями гильдии, он был принят с почетом и угощен на славу. Однако оттого, что мы за мясом и праздничным пирогом отнюдь не хвастались друг перед другом при-

чиненными клиентам муками, не изобретали новых методов пытки и не проклинали тех, кто умер под пыткой слишком быстро, он испугался еще сильнее — вообразил, будто мы усыпляем его бдительность с тем, чтобы впоследствии захватить врасплох. С этими мыслями он много пил, мало закусывал, а вернувшись в казармы, пал наземь и принялся биться головой об пол, словно в одночасье потерял все, во что верил, и пережил великие страдания. Через некоторое время он сунул в рот ствол своего оружия и нажал на спуск, но уж в том нашей вины не было ни грана.

После этого в часовне на святую Катарину не бывало никого, кроме палачей. Но все же каждый год (зная, что на нас смотрят из-за высоких стрельчатых окон) мы готовимся к празднику, подобно всем прочим, и даже усерднее. И в этот раз на столах у входа в часовню наши вина сверкали в свете сотни светилен, словно рубины; жареные быки нежились в лужах подливки, дымясь и вращая глазами из цельных лимонов; агути и капибары в шкурах из хрустящего поджаренного кокоса, будто живые, резвились на бревнах из ветчины и каменных россыпях из свежевыпеченного хлеба.

Мастера, каковых в тот год, когда я стал подма-

стерьем, было всего двое, прибыли на праздник в паланкинах с занавесками, сплетенными из цветущих ветвей, и ступили на ковры, выложенные из разноцветного песка, — картины эти, повествующие о традициях гильдии, подмастерья выкладывали по зернышку в течение многих дней, чтобы стопы мастеров разметали их в один миг.

Внутри ждали своего часа огромное шипастое колесо, дева и меч. Колесо это я знал отлично, так как раз десять за время ученичества помогал устанавливать и убирать его. В обычные дни оно хранилось в башне, под артиллерийской площадкой. Меч, шагов с двух выглядевший совсем как настоящее орудие палача, был простой деревяшкой, насаженной на старый эфес и выкрашенной блестящей серебряной краской.

Вот о деве не могу сказать ничего. Во время первых праздников, которые могу вспомнить, я по малолетству просто не задумывался о ней. Когда стал постарше (капитаном в те годы был Гильда, вышедший в подмастерья задолго до того дня, о котором я пишу сейчас) — считал, что это, должно быть, одна из ведьм, но еще через год или два понял, сколь крамольной была эта мысль.

Возможно, она была служанкой из какой-то

отдаленной части Цитадели. Возможно, жительницей города, за плату либо в силу неких старых связей с нашей гильдией согласившейся играть эту роль. Не знаю. Знаю только, что эта женщина — насколько я могу судить, одна и та же — участвовала в нашем празднике каждый год. Была она высокой и стройной, хотя и не такой высокой и стройной, как Текла, смуглой, черноглазой, жгучей брюнеткой. Подобного лица я больше не видел никогда и нигде — оно казалось чистым, глубоким озером среди лесной чащи.

Пока мастер Палемон, как старший из мастеров, рассказывал нам об основании гильдии и жизни наших предшественников в доледниковые времена (эта часть повествования каждый год, по мере продвижения ученых изысканий мастера Палемона, менялась), она стояла между мечом и колесом. Молча стояла она и тогда, когда мы запели Песнь Страха — исполнявшийся лишь раз в году гимн гильдии, который каждый ученик должен знать назубок. Молчала она и тогда, когда мы преклонили колени для молитвы.

После вознесения молитв мастер Гюрло и мастер Палемон, при помощи десятка старших подмастерьев, начали ее легенду. Иногда декламировал кто-то один, иногда — все вместе, а

порой двое возглашали каждый свое, в то время как прочие играли на флейтах, выточенных из бедренных костей, и трехструнных ребеках, визжавших совсем по-человечьи.

Когда они достигли той части повествования, в которой Максентий приговаривает нашу святую к смерти, четверо подмастерьев в масках бросились к деве и схватили ее. Она, столь молчаливая и безмятежная прежде, с криком рванулась прочь. Тщетно! Но стоило подмастерьям подтащить ее к колесу, как оно внезапно зашевелилось. При свете свечей поначалу казалось, будто из обода наружу выбралось множество змей — зеленых питонов с алыми, лимонно-желтыми и белыми головами. Но это были не змеи, это были всегонавсего цветы — бутоны роз. Вот деву отделяет от колеса всего один шаг — и бутоны (я прекрасно знал, что они сделаны из бумаги и упрятаны до времени в сегменты обода) распускаются! Подмастерья отступают, изображая страх, но судьи — мастер Гюрло, мастер Палемон и прочие, хором декламирующие слова Максентия, — гонят их вперед.

Тогда вперед выступил я — все еще без маски и в одежде ученика.

— Сопротивление не принесет пользы. Ты бу-

дешь изломана на колесе, однако не претерпишь дальнейшего бесчестья.

Дева молча потянулась к колесу и коснулась его, отчего розы исчезли, и оно разом распалось на куски, с грохотом рухнувшие на пол.

— Обезглавь ее, — велел Максентий.

Я взялся за меч. Он оказался очень тяжел.

Дева опустилась передо мной на колени.

— Ты — посланница Всеведущего, — сказал я. — И, хоть тебе предстоит погибнуть от моей руки, я молю тебя пощадить мою жизнь.

Тут дева впервые отверзла уста, сказав:

— Рази и не страшись ничего.

Я поднял меч. Помню, что на миг испугался, как бы его тяжесть не заставила меня потерять равновесие.

Когда я вспоминаю те времена, этот момент всплывает в сознании прежде всего. Именно он остается точкой отсчета, откуда приходится двигаться вперед или же возвращаться назад, чтоб вспомнить большее. В воспоминаниях я всегда стою так — в серой рубахе и рваных штанах, с мечом, занесенным над головой. Поднимая его, я был учеником, а когда клинок опустится — сделаюсь подмастерьем Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Есть правило, согласно которому экзекутор должен находиться между своей жертвой и источником света; таким образом, плаха, на которой лежала голова девы, была почти полностью скрыта в тени. Я знал, что удар не причинит ей вреда — мне следовало направить клинок чуть вбок и привести в действие хитроумный механизм, который высвободит из тайника в плахе восковую голову, вымазанную кровью, тогда как дева незаметно спрячет свою собственную под капюшон цвета сажи. Знал, однако с ударом все-таки медлил.

Дева заговорила снова. Голос ее звоном отдался в ушах:

— Рази и не страшись ничего.

И тогда я изо всех сил обрушил вниз поддельный клинок. На миг показалось, будто он противится этому. Затем деревяшка врезалась в плаху, тут же распавшуюся надвое, и окровавленная голова девы покатилась к ногам моих собратьев, наблюдавших за казнью. Мастер Гюрло поднял ее за волосы, а мастер Палемон подставил горсть под струю крови, хлынувшей на пол.

— Сим помазую тебя, Севериан, — заговорил он, — и нарекаю братом нашим навеки.

Его средний палец коснулся моего лба, оставив

на нем кровавый след.

— Да будет так! — провозгласили мастер Гюрло и все подмастерья, кроме меня.

Дева поднялась на ноги. Мне было отлично известно, что ее голова всего-навсего скрыта под капюшоном цвета сажи, и все же впечатление ее отсутствия было полным. Казалось, усталость и головокружение вот-вот свалят с ног.

Забрав у мастера Гюрло восковую голову, дева сделала вид, будто водружает ее обратно на плечи, но на самом деле просто ловко и незаметно спрятала под капюшон — и встала пред нами, живая, здоровая, ослепительная. Я преклонил перед нею колени, а остальные отступили назад.

Подняв меч, которым я до этого якобы обезглавил ее (лезвие от соприкосновения с восковой головой тоже было в крови), она провозгласила:

— Отныне принадлежишь ты палачам!

Я почувствовал, как меч касается моих плеч, и тут же нетерпеливые руки надели на меня гильдейскую маску и подняли в воздух. Еще прежде, чем понял как следует, что происходит, я оказался на плечах двух подмастерьев — только потом узнал, что это были Дротт с Рохом, хотя мог бы сразу догадаться. Под приветственные крики они пронесли меня по главному проходу часовни.

Как только мы оказались снаружи, начался фейерверк. Под ногами и даже в воздухе, над самым ухом, трещали шутихи, под тысячелетними стенами часовни рвались петарды, зеленые, желтые и красные ракеты взмывали ввысь. Ночное небо разорвал пополам пушечный выстрел с Башни Величия.

Выше я уже описывал все великолепие, ждавшее нас на столах во дворе. Меня усадили во главе стола, между мастером Гюрло и мастером Палемоном, в мою честь возглашались тосты и здравицы, и я выпил чуть больше, чем следовало (для меня даже самая малость всегда оказывалась чуточку большей, чем следовало бы).

Что было дальше с девой, я не знаю. Она просто исчезла, как и в любой другой день святой Катарины, который я могу вспомнить. Больше я не видел ее никогда.

Как я оказался в кровати — не имею ни малейшего представления. Те, кто пьет помногу, рассказывали, что порой забывают все, что случилось с ними под конец ночи, — возможно, так же произошло и со мной. Но скорее, я (я ведь никогда ничего не забываю и даже, признаться, хоть это выглядит чистой похвальбой, не понимаю, что именно имеют в виду другие, говоря,

будто забыли что-то, ибо все, пережитое мной, становится частью меня самого) просто заснул за столом и был отнесен туда.

Как бы там ни было, проснулся я не в знакомой комнате с низким потолком, служившей нам дормиторием, но в маленькой — в высоту больше, чем в ширину, — каютке подмастерья. Поскольку я был из подмастерьев младшим, каюта мне досталась самая худшая во всей башне — крохотная, не больше камеры в подземных темницах, комнатенка без окон.

Казалось, кровать раскачивается подо мной. Ухватившись за ее края, я сел, и качка прекратилась, чтобы начаться вновь, едва я опять коснусь головой подушки. Я почувствовал себя полностью проснувшимся, а затем — будто проснулся снова, проспав какое-то мгновение. Я знал, что в крохотной каютке со мной был кто-то еще, и по какой-то причине, которую не могу объяснить, полагал, будто это была та молодая женщина, игравшая роль нашей святой покровительницы.

Я опять сел на качающейся кровати. Комната была пуста, лишь тусклый свет сочился внутрь из-за дверей.

Когда я лег снова, комната наполнилась ароматом духов Теклы. Значит, здесь побывала та,

фальшивая, Текла из Лазурного Дома! Я выбрался из постели и, едва не упав, распахнул дверь.

Коридор за дверью был пуст.

Под кроватью в ожидании своего часа стоял ночной горшок. Вытащив его, я склонился над ним, и меня обильно вырвало жирным мясом и вином пополам с желчью. Из глаз покатились слезы. Отчего-то казалось, будто я совершаю предательство, будто, извергнув все, что накануне даровала мне гильдия, я отвергаю и самую гильдию. Наконец я смог начисто утереться и снова лечь в постель.

Несомненно, я снова заснул. Я увидел нашу часовню, однако она больше не лежала в руинах. Крыша ее была совершенно целой, с острым высоким шпилем и рубиновыми лампами, подвешенными к карнизу над входом. Отполированные до блеска, плиты пола сверкали, совсем как новые, а древний каменный алтарь был убран златотканой парчой. Стену позади алтаря украшала чудесная мозаика, изображавшая пустое голубое пространство, словно на нее наклеили вырезанный кусок неба без единой тучки или звездочки.

Я направился вдоль главного прохода к алтарю и по дороге был поражен тем, насколько это небо

светлее настоящего, синева коего даже в самый ясный день почти черна. Сколь же прекраснее настоящего было это мозаичное небо! Глядя на него, я невольно затрепетал. Его красота вознесла меня ввысь, а алтарь с чашей багряного вина, хлебами предложения и старинным кинжалом остался внизу. Опустив взгляд к алтарю, я улыбнулся…

…и открыл глаза. Во сне я слышал доносившиеся из коридора шаги и даже узнал их, хотя теперь не мог вспомнить, кому они принадлежали. С некоторыми усилиями я все же вспомнил звук — то были не человеческие шаги, а всего лишь мягкая поступь лап и еле уловимое поцокивание когтей.

И вдруг звук шагов донесся до меня снова — столь слабо, что мне показалось, будто я спутал воспоминания с реальностью, но звук, вполне настоящий, то удалялся по коридору, то вновь приближался к дверям. Однако стоило мне чуть приподнять голову, к горлу опять подступила волна тошноты. Я опустился на подушку, сказав себе, что тот, кто расхаживает по коридору взад-вперед, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Запах духов исчез, и я, хоть чувствовал себя ужасно, понял, что нереального больше не нужно бояться, ибо я снова вернулся в мир незыблемых

вещей и ясного света. Дверь чуть приотворилась, и в комнату, точно желая удостовериться, что со мною все в порядке, заглянул мастер Мальрубий. Я помахал ему рукой, и он закрыл дверь. Далеко не сразу я вспомнил, что мастер Мальрубий умер, когда я был еще совсем мал.

XII
Изменник

Весь следующий день меня мучила тошнота и головная боль. Но в силу давних традиций от уборки Большого Двора и часовни я, в отличие от большинства братьев, был освобожден. Меня поставили дежурить в темницах. Утренняя тишина коридоров успокаивала, однако вскоре примчались ученики (в их числе и тот малец, Эата, со вспухшей губой и победным блеском в глазах), принесшие клиентам завтрак — в основном холодное мясо, оставшееся от праздничного пира. Пришлось объяснять десятку клиентов, что мясо они получат только сегодня, в этот единственный в году день, и, кроме того, сегодня не будет никаких пыток, ибо день праздника и следующий за ним — особые, и даже если режим заключения требует применения в эти дни пыток, процедура откладывается. Шатлена Текла все еще спала. Я не стал будить ее — просто отпер дверь и поставил ее поднос на столик.

Примерно в середине утра я вновь услышал шаги и, подойдя к лестнице, увидел двоих ка-

тафрактов, анагноста, читающего молитвы, мастера Гюрло и молодую женщину. Мастер Гюрло спросил, имеется ли в ярусе свободная камера, и я принялся описывать пустующие.

— Тогда прими заключенную. Я за нее уже расписался.

Кивнув, я взял женщину за плечо; катафракты выпустили ее и четко, точно два сверкающих серебристым металлом механизма, развернувшись, удалились.

Судя по хорошему атласному платью (уже кое-где испачканному и порванному), женщина была оптиматой. Платье армигеты было бы скромнее, но дороже, а из классов победнее так одеваться не может позволить себе никто. Анагност хотел было последовать за нами, но мастер Гюрло не позволил. По лестнице сталью гремели шаги солдат.

— А когда меня…

В ее высоком голосе отчетливо слышался страх.

— …отведут в комнату для допросов?

Она вцепилась в мою руку, как будто я был ее отцом или возлюбленным.

— Меня в самом деле отведут туда?

— Да, госпожа.

— Откуда тебе знать?

— Туда попадают все, госпожа.

— Все? Разве никогда никого не выпускают?

— Изредка.

— Значит, могут выпустить и меня, ведь так?

Надежда в ее голосе напоминала расцветший в тени цветок.

— Возможно, но очень маловероятно.

— И ты даже не хочешь знать, что я такого сделала?

— Нет, — ответил я.

Случайно камера по соседству с Теклой была свободна; какое-то мгновение я размышлял, не поместить ли эту женщину туда. С одной стороны, у Теклы будет собеседница (через окошки в дверях при желании можно было переговариваться), с другой же — вопросы этой женщины и звук отпирающейся двери могут потревожить ее сон. Наконец я решил, что наличие компании компенсирует нарушение сна.

— Я была обручена с одним офицером и узнала, что он содержит какую-то шлюху. Он отказался бросить ее, и я наняла бандитов, чтобы подожгли ее хижину. Сгорела пуховая перина, кое-что из мебели да кое-какая одежда. Неужели это — такое уж преступление, за которое следует подвергать

пыткам?

— Не могу знать, госпожа.

— Меня зовут Марселлина. А тебя?

Поворачивая ключ в замке, я размышлял, стоит ли ей отвечать. Текла, уже зашевелившаяся в своей камере, скажет ей в любом случае.

— Севериан, — сказал я.

— И ты зарабатываешь свой хлеб, ломая чужие кости. Хорошие, должно быть, тебе снятся сны!

Текла уже глядела сквозь окошко в своей двери. Глаза ее были огромны и глубоки, как два колодца.

— Кто это был с тобой, Севериан?

— Новая заключенная, шатлена.

— Женщина? Я слышала ее голос… Из Обители Абсолюта?

— Нет, шатлена.

Я не знал, когда им еще представится случай поглядеть друг на дружку, и потому подвел Марселлину к дверям камеры Теклы.

— Еще одна женщина… разве не удивительно? Сколько у вас здесь женщин, Севериан?

— На нашем ярусе сейчас восемь, шатлена.

— Можно подумать, что обычно бывает и больше!

— Нет, шатлена, их крайне редко бывает более

четырех.

— И долго ли мне придется оставаться здесь? — спросила Марселлина.

— Нет, госпожа. Надолго задерживаются лишь немногие.

— Меня, видишь ли, вот-вот освободят, — с какой-то нездоровой серьезностью в голосе сказала Текла. — Севериан знает об этом.

Новая клиентка разглядывала Теклу с возрастающим интересом, насколько позволяло окошко.

— Тебя в самом деле освободят, шатлена?

— Он знает. Он отослал для меня письма — ведь так, Севериан? Пройдет несколько дней, и я распрощаюсь с ним. Он — в своем роде очень милый мальчуган.

— Теперь ты должна идти в камеру, госпожа, — сказал я. — Можете продолжать беседу, если желаете.

После раздачи клиентам ужина меня сменили. Дротт, встретив меня на лестнице, сказал, что мне стоило бы пойти прилечь.

— Это все из-за маски, — возразил я. — Ты еще не привык видеть меня в ней.

— Я вижу твои глаза, и этого достаточно. Разве ты не можешь узнать по глазам любого из братьев и сказать, зол ли он или же в шутливом

настроении? Ты уже должен идти спать.

Я объяснил, что прежде должен сделать еще кое-что, и отправился в кабинет мастера Гюрло. Как я и надеялся, его не оказалось на месте, а среди бумаг на столе лежал — не могу объяснить отчего, но я был уверен, что найду его там, — приказ о применении к шатлене Текле пытки.

После этого я уже не мог просто лечь и заснуть. Я направился (в последний раз, хоть и не знал этого тогда) к мавзолею, где играл мальчишкой. Саркофаг моего старого экзультанта совсем потускнел, сухих листьев на полу поприбавилось, но в остальном ничего не изменилось. Однажды я рассказывал Текле об этом месте и теперь представил себе, что она — со мной; будто я устроил ей побег, пообещав, что здесь ее никто не найдет, а я буду приносить ей еду и, когда минует опасность, помогу уплыть на купеческой дау вниз по течению, к дельте Гьёлля, к морскому побережью.

Да, будь я героем наподобие тех, о которых мы вместе читали в старинных романах, — освободил бы ее в тот же вечер, одолев или подпоив чем-нибудь братьев, стоящих на страже. Увы, я не был героем старинного романа, да и ни снотворного, ни оружия серьезнее украденного с кухни

ножа под рукой не имел.

И если уж быть до конца честным, между моим сокровеннейшим «я» и этим отчаянным поступком стояли слова, сказанные ею в то утро — первое после моего возвышения. Шатлена Текла назвала меня «очень милым в своем роде мальчуганом», и какая-то уже созревшая часть моего естества сознавала, что я, даже преуспев в столь отчаянном предприятии, все равно останусь для нее всего лишь «очень милым в своем роде мальчуганом». В те времена подобные вещи для меня значили многое.

На следующее утро мастер Гюрло назначил меня ассистировать при исполнении процедуры. Третьим с нами пошел Рох.

Я отпер ее камеру. Вначале она не понимала, зачем мы явились, и даже спросила, не допущен ли к ней посетитель и не освобождают ли ее наконец, но к тому времени, как мы добрались до места назначения, поняла все.

Многие мужчины в этот момент теряли сознание, но она устояла. Мастер Гюрло любезно осведомился, не желает ли шатлена получить объяснения относительно разнообразных механизмов, находившихся в комнате для допросов.

— То есть тех, которые будут применены ко

мне?

— Нет, нет, зачем же! Я говорю обо всех тех любопытных машинах, которые мы увидим по пути. Некоторые изрядно устарели, а большую часть вообще вряд ли когда-либо использовали.

Прежде чем дать ответ, Текла огляделась вокруг. Комната для допросов — наше рабочее помещение — не поделена на камеры. Это довольно обширный зал, потолок коего подпирают, точно колонны, трубы древних двигателей, а пол загромождён принадлежностями нашего ремесла.

— И то, что будет применено ко мне, тоже устарело?

— Ну этот аппарат — самый почитаемый из всех!

Сделав паузу, мастер Гюрло подождал, не последует ли ответная реплика, и, не дождавшись ответа, продолжил:

— «Воздушный змей» знаком тебе наверняка, его знают все, а вот за ним… сюда, пожалуйста, так будет видно лучше… за ним — то, что в нашем кругу зовется «Аппаратом». Он предназначен для впечатывания любого требуемого лозунга в плоть клиента, но постоянно ломается. Я вижу, ты смотришь на тот старый столб — в нем нет ника-

ких секретов. Просто столб для обездвиживания рук плюс тринадцатихвостая плеть, посредством коей производится процедура. Раньше он стоял на Старом Подворье, но ведьмы жаловались, и кастелян заставил нас перенести его сюда. Это случилось около ста лет тому назад.

— Кто такие ведьмы?

— Боюсь, сейчас у нас нет времени вдаваться в подобные материи. Севериан объяснит тебе, когда ты вернешься в камеру.

Она взглянула на меня, словно спрашивая: «Я в самом деле вернусь туда?», и я, пользуясь тем, что мастер Гюрло не видит, на миг сжал ее ледяную ладонь в своей.

— А вон там…

— Подожди. У меня есть выбор? Существует ли способ уговорить вас… применить одно приспособление вместо другого?

Голос ее звучал по-прежнему твердо, но несколько тише и глуше.

Мастер Гюрло отрицательно покачал головой.

— В этом мы не вольны, шатлена. Как и ты сама. Мы приводим в исполнение присланный нам приговор. Ни более, ни менее. — Он смущенно кашлянул. — Вот это, пожалуй, окажется интересным — «Ожерелье Аллоуина», как мы

его называем. Клиента привязывают к этому креслу, причем на грудину ему накладывается эта подушечка. Каждый вдох, сделанный после этого, туже затягивает вон ту цепочку; таким образом, чем больше клиент дышит, тем меньше воздуха получает с каждым следующим вдохом. Теоретически данная процедура может длиться бесконечно — если вдохи очень неглубоки и натяжение цепочки, соответственно, возрастает понемногу.

— Какой ужас! А как называется та путаница проводов и стеклянный шар над столом?

— О-о, — ответил мастер Гюрло, — это наш «Революционер»! Клиент ложится сюда… не угодно ли шатлене лечь?

Текла застыла на месте. Ростом она была гораздо выше любого из нас, однако невообразимый ужас на лице полностью скрадывал и ее рост, и величественную осанку.

— Иначе, — продолжал мастер Гюрло, — подмастерья будут вынуждены уложить тебя силой. И это тебе, шатлена, безусловно, не понравится.

— Я думала, — прошептала Текла, — что ты покажешь мне все эти механизмы…

— Мне просто нужно было отвлечь чем-либо мысли клиентки перед процедурой. На этом нам

придется закончить экскурсию, шатлена. Теперь, пожалуйста, ляг: я не стану повторять просьбы.

Она тут же опустилась на стол — быстро, изящно, как ложилась на свою койку в камере. Ремни, которыми мы с Рохом пристегивали ее к столешнице, оказались такими старыми и растрескавшимися, что я даже засомневался, выдержат ли они.

Из конца в конец комнаты для допросов тянулись провода, подсоединенные к реостатам и динамо-машинам. На пульте управления, точно кроваво-красные глаза, замерцали древние огни. Зал наполнился гулом наподобие жужжания какого-то огромного насекомого. На несколько мгновений древние двигатели башни ожили вновь. Какой-то провод выскочил из гнезда; вокруг бронзовых штырей на его конце замерцали искры — голубые, будто пламя горящего бренди.

— Молния, — объяснил мастер Гюрло, вгоняя штыри в гнездо. — Для этого есть и другое название, но я забыл. Во всяком случае, «Революционер» приводится в действие посредством молнии. Конечно же, эта молния не ударит тебя, шатлена, но именно сила, заключенная в ней, заставляет механизм делать свое дело. Севериан, передвинь свою рукоять до этого шпенька.

Рукоять, мгновением раньше холодная, точно гадюка, успела ощутимо нагреться.

— Что же этот механизм делает с клиентами?

— Не могу описать, шатлена. На себе, понимаешь ли, пробовать ни разу не довелось.

Мастер Гюрло коснулся ручки на пульте управления, и распростертую на столе Теклу залил ослепительно-белый, обесцветивший все, чего коснулся, свет. Текла закричала. Я всю свою жизнь слышу крики, однако этот был самым ужасным, хотя и не самым громким из них, ибо обладал размеренностью скрипа плохо смазанного колеса.

Когда ослепительный свет погас, Текла еще пребывала в сознании. Широко раскрытые глаза ее смотрели в потолок, однако руки моей она словно бы не увидела, а прикосновения не почувствовала. Дыхание ее участилось.

— Может быть, подождать, пока она не сможет идти? — спросил Рох, явно представив себе, как неудобно будет нести женщину столь высокого роста на руках.

— Нет, забирайте, — велел мастер Гюрло, и мы взялись за дело.

Покончив с дневными работами, я спустился в темницы навестить Теклу. К тому времени она

вполне пришла в себя, но встать еще не могла.

— Мне следовало бы возненавидеть тебя, — сказала она.

Чтобы расслышать ее, пришлось наклониться к самой подушке.

— Я бы не удивился.

— Но я не стану… Нет, не ради тебя… если я возненавижу последнего своего друга, что мне останется?

На это сказать было нечего, и потому я промолчал.

— Знаешь, каково это? Долгое время я даже думать об этом не могла…

Ее правая рука вдруг медленно поползла вверх, подбираясь к глазам. Я поймал ее и прижал к кровати.

— Я словно увидела своего злейшего врага, сущую дьяволицу. И дьяволица эта — я сама.

Скальп ее кровоточил. Достав чистую корпию, я промокнул ранки, хотя и знал, что вскоре кровь свернется сама. В пальцах левой руки Теклы запутались пряди вырванных с корнем волос.

— После этого я уже не властна над собственными руками… могу управлять ими, только если специально думаю об этом и понимаю, что они намерены сделать. Но это очень тяжело, а я так

устала… — Склонив голову набок, она сплюнула на пол кровавой слюной. — Кусаю сама себя — щеки изнутри, язык, губы… Один раз собственные руки хотели задушить меня, и я подумала: «Вот и хорошо, наконец я умру…» Но стоило мне потерять сознание, они, должно быть, тоже утратили силу — я очнулась. Совсем как с тем механизмом, верно?

— Да, как с «Ожерельем Аллоуина», — подтвердил я.

— И даже хуже. Теперь мои руки пытаются ослепить меня, вырвать веки. Я в самом деле ослепну, да?

— Да, — сказал я.

— А долго ли я еще проживу?

— Возможно, с месяц. Эта тварь внутри тебя, подспудная ненависть к себе самой, разбуженная «Революционером», будет слабеть вместе с тобой, ведь ее сила — твоя сила. В конце концов вы умрете вместе.

— Севериан…

— Да?

— Впрочем… Эта тварь от Эреба или Абайи — вполне подходящий для меня компаньон. Водал…

Я наклонился еще ближе к ней, но не смог рас-

слышать ни слова и наконец сказал:

— Я хотел спасти тебя. Украл нож и целую ночь ждал удобного случая. Но заключенного может вывести из камеры только мастер, и мне пришлось бы убивать…

— …своих друзей.

— Да, своих друзей.

Руки ее вновь зашевелились; из уголка рта потекла кровь.

— Ты принесешь мне этот нож?

— Он у меня с собой.

Я вынул нож из-под плаща — обычный кухонный нож, около пяди в длину.

— С виду острый…

— И не только с виду. Я знаю, как обращаться с лезвием, и хорошо наточил его.

Больше я ничего не сказал. Просто вложил нож ей в руку и вышел прочь.

Я знал, что на некоторое время ей еще хватит воли, чтобы сопротивляться. Тысячу раз в голове мелькала одна и та же мысль: повернуть назад, отнять нож, и тогда никто ничего не узнает. И я смогу спокойно прожить в гильдии всю свою жизнь.

Если она и захрипела перед смертью, я не услышал этого — лишь через некоторое время увидел

багряную струйку, ползущую в коридор из-под двери. Тогда я отправился к мастеру Гюрло и признался во всем.

XIII
Ликтор города Тракса

Следующие десять дней я прожил как клиент в камере верхнего подземного яруса (не так уж далеко от той, где держали Теклу). Поскольку гильдия не имела права держать меня в заточении в обход законных процедур, на замок двери не запирали, однако снаружи дежурили двое подмастерьев с мечами, и я переступал порог лишь единожды, на второй день, когда меня водили к мастеру Палемону, чтобы доложить о происшедшем и ему. Это, если хотите, и было судом надо мной, а оставшиеся восемь дней ушли на вынесение приговора.

Говорят, будто время имеет странное свойство — сохранять в целости факты, делая нашу прошлую ложь истиной. Так вышло и со мной. Я лгал, утверждая, будто люблю нашу гильдию и не желаю для себя иной жизни. Теперь ложь эта обернулась правдой: жизнь подмастерья или даже ученика казалась мне бесконечно привлекательной. Нет, не только от уверенности в скорой смерти — все это тянуло к себе оттого,

что было бесповоротно утрачено. Теперь я смотрел на своих братьев глазами клиента, и с этой точки зрения они казались неизмеримо могущественными, воплощенными первоосновами огромного, враждебного, почти безупречного механизма.

Теперь, находясь в совершенно безнадежном положении, я ощутил на себе то, что внушил мне однажды мастер Мальрубий: надежда есть физиологический процесс, не зависящий от реалий внешней среды. Я был молод, я получал достаточно пищи и вволю спал и потому надеялся. Вновь и вновь, засыпая и просыпаясь, я мечтал о том, что в самый последний миг Водал явится мне на выручку — и не один, как в тот раз, в некрополе, но во главе армии, которая сметет с лица Урд тысячелетнюю гниль и снова сделает нас повелителями звезд. Мне часто казалось, будто из коридора доносится грохот шагов этой армии, а порой я даже подносил свечу к дверному окошку, так как думал, будто там, за дверью, мелькнуло лицо Водала.

Я, как уже было сказано, не сомневался, что буду казнен. Больше всего в те дни мои мысли были заняты тем, как именно это произойдет. Я был обучен всем премудростям палаческого

искусства и теперь оценивал способы казни — иногда один за другим, в том порядке, в каком их нам преподавали, иногда же — все вкупе, словно впервые открывая для себя сущность боли. Жить день за днем в камере, под землей, и думать о муках мучительно само по себе.

На одиннадцатый день меня вызвали к мастеру Палемону. Я снова увидел яркий солнечный свет и вдохнул воздух, напоенный влагой, принесенной ветром, предвещающим скорую весну. Но чего стоило мне пройти мимо распахнутых дверей башни и увидеть сквозь нее ворота в стене, возле которых мирно почивал в кресле Брат Привратник!

Кабинет мастера Палемона показался мне огромным и бесконечно — словно все заполнявшие его пыльные книги и бумаги были моими собственными — дорогим. Мастер попросил меня сесть. Он был без маски и казался гораздо более старым, чем прежде.

— Мы с мастером Гюрло обсудили твой поступок, — сказал он. — Пришлось посвятить в происшедшее также и подмастерьев, и даже учеников. Им лучше знать правду. Большинство сошлось на том, что ты заслуживаешь смерти.

Он сделал паузу, ожидая, что я отвечу на это,

но я молчал.

— Однако многие высказывались и в твою защиту. Некоторые подмастерья в частных беседах со мной и с мастером Гюрло настаивали на том, чтобы тебе было позволено умереть без боли.

Уж не знаю отчего, но мне вдруг показалось необычайно важным, сколько нашлось таких, кто выступил в мою защиту, и я спросил об этом.

— Более чем двое и более чем трое. Точное количество не имеет значения. Или ты не думаешь, что заслужил смерть в муках?

— Я желал бы казни на «Революционере», — сказал я, надеясь, что, если попрошу о такой смерти как о снисхождении, мне будет отказано.

— Да, пожалуй, это подошло бы. Но…

Он снова сделал паузу. Мгновения тишины тянулись бесконечно долго. Первая бронзовая муха нового лета, жужжа, билась о стекло иллюминатора. Хотелось и прихлопнуть ее, и, поймав, отпустить на свободу, и заорать на мастера Палемона, чтобы он продолжал, и даже убежать прочь из его кабинета, но ничего этого я сделать не мог. Вместо этого я опустился в старое деревянное кресло возле его стола, чувствуя, что уже мертв, хотя смерть была еще впереди.

— Понимаешь ли, мы не можем казнить тебя.

Тяжеленько мне было убедить в этом Гюрло, и все же это так. Убей мы тебя без суда, окажемся не лучше, чем ты: ты обманул нас, а мы в этом случае обманем закон. Подобное Инквизитор, безусловно, объявил бы убийством, и на репутацию гильдии легло бы несмываемое пятно.

Он снова умолк, ожидая, что я скажу, и я заговорил:

— Но за то, что я сделал…

— Да. Приговор был бы совершенно справедлив. Однако мы не имеем законного права своевластно лишать тебя жизни. Обладатели этого права охраняют свои прерогативы ревностно. Обратись мы к ним, вердикт был бы однозначен, но дело получило бы нежелательную для гильдии огласку. Наш кредит доверия исчерпался бы раз и навсегда, что повлекло бы за собой строгий сторонний надзор над делами гильдии. Хотелось бы тебе, Севериан, чтобы наших клиентов стерегли солдаты?

Перед внутренним взором моим внезапно встало то же видение, что и тогда, под водой, когда я едва не утонул. Как и в тот раз, оно влекло к себе — мрачно, неодолимо.

— Я предпочел бы расстаться с жизнью добровольно, — ответил я. — Отплыть подальше

от берега, где никто не придет на помощь, и утонуть.

Тень горькой улыбки мелькнула на морщинистом лице мастера.

— Я рад тому, что никто, кроме меня, не слышал твоего предложения. Мастер Гюрло был бы слишком уж рад отметить, что до наступления купального сезона придется ждать не менее месяца, иначе происшествие вызовет толки.

— Но я говорю совершенно искренне! Да, я хочу умереть безболезненно — но именно умереть, а вовсе не оттянуть гибель!

— Твое предложение неприемлемо, даже если бы лето уже было в самом разгаре. Инквизитор все равно мог бы счесть нас причастными к твоей смерти. Поэтому мы — к твоему счастью — сошлись на решении менее радикальном. Известно ли тебе, как обстоят дела с нашим ремеслом в провинции?

Я покачал головой.

— Там оно в полном упадке. Нигде, кроме Несса — кроме нашей Цитадели, — отделений гильдии нет. В провинциальных селениях имеется разве что… скажем так, казнедей, экзекутор, лишающий приговоренных жизни тем способом, какой назначают местные судьи. Человека этого неиз-

менно боятся и ненавидят. Понимаешь?

— Эта должность слишком высока для меня, — отвечал я.

Это было сказано от чистого сердца — в тот миг я презирал самого себя гораздо сильнее, чем гильдию. С тех пор я часто вспоминал эти слова, хотя они были моими собственными, — и, будь даже я в беде, на сердце становилось как-то полегче.

— На свете есть город под названием Тракс. Тракс, Град Без Окон. Их архонт — он зовется Абдиесом — прислал в Обитель Абсолюта официальное прошение, оттуда гофмаршал переслал его кастеляну, а тот уж вручил мне. Траксу настоятельно необходим человек на ту должность, которую я описал. Ранее там просто миловали кого-нибудь из приговоренных при условии, что он возьмется выполнить эту работу, теперь же провинция насквозь пропитана ядом измены, и местные власти решили отказаться от своей обычной практики, так как названная должность предполагает определенную степень доверия.

— Понимаю, — сказал я.

— В прежние времена члены гильдии уже дважды отправлялись в удаленные селения, однако были ли их случаи подобны твоему — хроники о том умалчивают. Как бы там ни было, прецедент

был создан, и это — выход из сложившегося на сегодняшний день неприятного положения. Ты отправишься в Тракс, Севериан. Я приготовил рекомендательное письмо к архонту и его магистратам. В нем сказано, что ты весьма искушен в нашем ремесле — для подобного городишки это не будет преувеличением.

Я уже успел смириться с тем, что натворил, но, сидя перед мастером Палемоном и старательно изображая подмастерье, единственное желание которого — повиноваться воле старших, вдруг ощутил новый прилив жгучего стыда. Стыд этот был не так силен, как прежний, причиной коему послужило бесчестье, причиненное мною гильдии, однако жег он даже больнее, ибо, в отличие от того, первого, к нему я еще не привык. Я был рад тому, что ухожу — ноги мои уже предвкушали ласку мягкой зеленой травы, глаза — красу незнакомых пейзажей, а легкие — новый, чистый воздух далеких, безлюдных земель. Подумав обо всем этом, я спросил, где находится Тракс.

— Вниз по Гьёллю, — ответил мастер Палемон. — На морском побережье. — Тут он осекся, как часто случается со старыми людьми. — Нет-нет, что я говорю… Вверх по Гьёллю, конечно же.

Сотни лиг морских волн, песчаный берег,

протяжные крики морских птиц, на миг представившиеся мне при первых словах мастера, поблекли и исчезли. Мастер Палемон извлек из шкафа карту, развернул ее передо мной и сам склонился к ней так, что линзы, без помощи которых он вовсе ничего не разобрал бы, едва не коснулись пергамента.

— Вот, — сказал он, указывая на точку возле устья небольшой речки, у нижних ее порогов. — Имея деньги, можно было бы нанять лодку. Но тебе, в силу своего положения, придется идти пешком.

— Понятно, — ответил я.

Нет, я не забыл о золотой монете, данной мне Водалом и надежно припрятанной, однако хорошо понимал, что не могу воспользоваться благами, которые можно оплатить ею. Волею гильдии я должен покинуть Цитадель, имея в кармане не более, чем обычный молодой подмастерье. Ради чести и славы гильдии я был должен идти пешком.

Но понимал я и то, что это несправедливо. Не видя той женщины с безупречно прекрасным лицом, не заработав этой монеты, я, скорее всего, ни за что не принес бы Текле нож и сохранил бы свое место в гильдии. В каком-то смысле я продал

за эту монету свою собственную жизнь.

Что ж, хорошо. Старая жизнь — позади…

— Севериан! — воскликнул мастер Палемон. — Ты меня не слушаешь. В классе ты никогда не отличался невниманием.

— Прости меня, мастер. У меня столько разного в мыслях…

— Несомненно. — В первый раз за время нашей беседы он действительно улыбнулся и на миг снова стал старым добрым мастером Палемоном из моего детства. — Однако же ты пропустил такой хороший совет на дорогу! Придется тебе идти без него… хотя ты все равно тут же обо всем бы и позабыл. О дорогах тебе известно?

— Я знаю, что ими запрещено пользоваться. Ничего более.

— Дороги закрыл автарх Маруфа — еще во времена моей юности. Свобода движения способствует бунту… и к тому же он хотел, чтобы товары ввозились и вывозились из города по реке — так легче облагать торговцев налогом. С тех пор этот закон остается в силе, и, как я слыхал, через каждые пятьдесят лиг установлены редуты. Но все же дороги сохранились. Говорят, кое-кто пользуется ими по ночам, несмотря на весьма плачевное их состояние.

— Понятно… Дорогой — закрыта она или нет — идти все же легче, чем по бездорожью.

— Сомневаюсь в этом. Я лишь пытался предостеречь тебя от соблазна. Дороги патрулируются уланами, имеющими приказ убивать всех нарушителей. Наделенные вдобавок правом на все имущество последних, они вряд ли очень уж склонны выслушивать оправдания.

— Понимаю, — сказал я, гадая про себя, откуда мастер Палемон так много знает о путешествиях.

— Вот и хорошо. Полдня уже прошло; если хочешь, можешь переночевать в гильдии и отправиться в путь завтра поутру.

— Переночевать в камере?

Мастер Палемон кивнул. Я отлично понимал, что он едва может разглядеть мое лицо, и все же чувствовал, что он каким-то образом внимательно изучает меня.

— Тогда я уйду сейчас.

Я изо всех сил старался вспомнить, что нужно сделать, прежде чем навсегда покинуть нашу башню. В голову ничего не приходило, однако что-то, несомненно, сделать следовало.

— У меня есть стража на сборы? По истечении этого времени я уйду.

— Да, это время я тебе могу даровать легко. Но перед уходом вернись сюда — я хочу дать тебе кое-что. Хорошо?

— Конечно, мастер.

— И будь осторожен, Севериан. В гильдии у тебя немало друзей, но есть и другие, считающие, что ты обманул наше доверие и не заслуживаешь ничего, кроме мучительной смерти.

— Благодарю тебя, мастер, — ответил я. — Эти последние правы.

Скудные мои пожитки уже лежали в камере. Увязав их в узел, я обнаружил, что тот вышел совсем маленьким и его легко можно спрятать в висящую на поясе ташку. Движимый любовью и сожалением о случившемся, я спустился к камере Теклы.

Камера еще пустовала. Кровь была отмыта, но на металлическом полу темнело большое пятно кроваво-красной ржавчины. Платья ее и косметика исчезли, но те четыре книги, принесенные мной год назад, лежали на столике вместе с прочими. Я не смог одолеть соблазна взять одну — в библиотеке их столько, что одного-единственного томика не хватятся ни за что. Рука моя сама собой потянулась к книгам, но тут я понял, что не знаю, какую из них выбрать. Книга о геральдике

была самой красивой, но слишком большой, чтоб брать с собой в дальнюю дорогу. Книга о теологии была самой маленькой — но и та, в коричневом переплете, ненамного превосходила ее размерами… В конце концов ее я и выбрал, предпочтя теологии сказания исчезнувших миров.

После этого я взобрался на самый верх башни — мимо складов, к артиллерийской площадке, где в колыбелях из чистой энергии покоились осадные орудия, и еще выше, в зал со стеклянной крышей, серыми экранами и креслами странной формы, и дальше, по узкому трапу, пока не выбрался, распугав испятнавших небо черных дроздов, на самую крышу.

Здесь я встал у флагштока — так, что наш стяг цвета сажи трепетал на ветру над самой головой. Отсюда Старое Подворье казалось крохотным и тесным, однако бесконечно, по-домашнему уютным. Брешь в стене была гораздо больше, чем обычно, но справа и слева от нее все так же гордо, непоколебимо высились Красная и Медвежья Башни. Башня Ведьм, ближайшая к нашей, была темна, стройна и высока; порыв ветра донес до моих ушей их дикий хохот, и я вновь ощутил старый страх перед ними, хотя с сестрами нашими, ведьмами, мы, палачи, всегда состояли в самых

дружественных отношениях.

За стеной отлого спускался к Гьёллю, гладь коего местами поблескивала меж полуразрушенных зданий на берегу, огромный некрополь. Круглый купол караван-сарая казался отсюда не больше булыжника, а окружавшие его городские кварталы — лишь россыпью разноцветного песка, разметанного стопой мастера-палача.

Увидев каик под вздувшимся парусом, с высокими, заостренными носом и кормой, плывущий на юг, вниз по течению, я мысленно понесся следом за ним — к болотистой дельте Гьёлля, к сверкающим айсбергам моря, где огромный зверь Абайя, в доледниковые дни принесенный волнами с дальних берегов вселенной, нежится в донном иле, пока не придет для него и всего его рода пора пожрать континенты.

Затем я оставил мысли о юге и его скованных льдами морях и повернулся к северу, к горам вверх по реке. Я долго смотрел в ту сторону (уж не знаю, как долго, однако солнце к тому моменту, когда я вновь обратил на него внимание, заметно склонилось к закату). Горы видны были лишь моему мысленному взору; везде, куда достигал взгляд, лежал город — миллионы и миллионы крыш. К тому же обзор наполовину закрывала

серебристая громада Башни Величия и окружающие ее шпили. Но мне не было дела до них — их я почти и не замечал: где-то там, на севере, находилась Обитель Абсолюта, и пороги, и Тракс, Град Без Окон, и просторные пампасы, и непроходимые леса, и гнилые джунгли, словно пояс охватившие мир.

Так я стоял, представляя себе все это, пока совсем не ошалел от богатства красок, а после спустился к мастеру Палемону и сказал, что готов.

XIV
«Терминус Эст»

— Я приготовил тебе подарок, — сказал мастер Палемон. — Учитывая твою молодость и силу, ты вряд ли сочтешь его слишком

тяжелым.

— Но я не заслужил никаких подарков.

— Воистину. Однако ты должен помнить, что дар заслуженный есть не дар, но плата. Истинными являются лишь дары, подобные тому, какой ты получишь сейчас. Я не могу простить содеянного тобой, но и не могу забыть, каким ты был прежде. У меня не было лучшего ученика с тех самых пор, как мастер Гюрло был возвышен до подмастерья. — С этими словами он поднялся и проковылял в свой альков. — О, он еще не слишком тяжел и для меня!

Мастер держал в руках нечто… предмет был так темен, что совершенно терялся в тени.

— Позволь помочь тебе, мастер, — сказал я.

— Не стоит, не стоит… Легок на подъем, а в ударе — тяжел, как и надлежит хорошему инструменту…

На стол лег черный ящик длиною с хороший гроб, но гораздо более узкий. Серебряные застежки его зазвенели, точно колокольчики.

— Ларец останется у меня — тебе в дороге он будет только помехой. Ты же возьми клинок, ножны для защиты от непогоды и перевязь.

Прежде чем я окончательно понял, что́ дал мне мастер, меч очутился в моих руках. Ножны из атласной человеческой кожи скрывали его почти по самую головку эфеса. Я снял их (они оказались мягкими, точно перчатка) и увидел клинок.

Не стоит утомлять вас долгим перечнем его красот и достоинств — чтобы постичь их, такой меч нужно видеть собственными глазами и держать в собственных руках. Клинок его, длиною в эль, был прямым, без колющего острия, каким и положено быть клинку палаческого меча. Обе режущие кромки могли разделить надвое волос уже в пяди от массивной серебряной гарды, украшенной изображениями двух человеческих голов. Рукоять в две пяди длиной была сделана из оникса, перевита серебряной лентой и увенчана крупным опалом. Украшен меч был богато, впрочем, без надобности, ибо украшения лишь придают привлекательность и значимость тем вещам, которые, не будь украшены, лишились бы

сих качеств вмиг. Вдоль клинка тянулась выполненная прекрасной, затейливой вязью надпись: *Terminus Est*. После визита в Атриум Времени я поднаторел в древних языках достаточно, чтобы понять значение этих слов — «Се Есть Черта Разделяющая».

— Ручаюсь, наточен он безукоризненно, — сказал мастер Палемон, заметив, как я пробую пальцем режущую кромку. — И во имя тех, кто отдан в твои руки, держи его хорошо наточенным всегда. Вопрос лишь в том, не слишком ли он тяжел для тебя. Подними-ка, посмотрим.

Взяв «Терминус Эст» так же, как и тот фальшивый меч на церемонии моего возвышения, я осторожно, чтобы не зацепить потолок, поднял его над головой и едва не выпустил. Клинок в руках вдруг показался живым, точно змея.

— Не трудно?

— Нет, мастер. Но меч шевельнулся, когда я поднял его.

— В клинке его высверлен канал, по которому струится гидраргирум — сей металл тяжелее железа, но может течь подобно воде. Баланс, таким образом, смещается к рукояти при подъеме и к кончику лезвия — при опускании. Тебе частенько придется ожидать завершения последней

молитвы или же взмаха руки квезитора, но меч не должен дрожать или колебаться… Впрочем, все это ты уже знаешь. Не тебя учить уважению к такому инструменту. Да будет Мойра благосклонна к тебе, Севериан.

Вынув из кармашка в ножнах точильный камень, я бросил его в ташку, туда же положил письмо к архонту Тракса, завернутое в кусок промасленного шелка, и покинул кабинет.

С широким клинком за левым плечом я вышел в обдуваемый ветром некрополь. Часовые у нижних ворот на берегу реки выпустили меня без звука, только долго пялились вслед. Я зашагал узкими улочками в сторону Бечевника — широкой улицы, тянущейся вдоль берега Гьёлля.

А теперь пришло время написать о том, чего я стыжусь до сих пор, даже после всего происшедшего. Стражи этого вечера были счастливейшими в моей жизни. Старая ненависть к гильдии исчезла без следа. Осталась лишь любовь к ней — к мастеру Палемону, к братьям моим, подмастерьям, и даже к ученикам; к традициям ее и обычаям… Любовь эта никогда не умирала во мне, но я покинул — а перед тем обесчестил — все, что любил.

Мне бы заплакать — но нет. Я не шел, я точно

парил в воздухе, и впечатление еще усиливалось оттого, что встречный ветер раздувал полы плаща, словно крылья. Улыбаться в присутствии кого бы то ни было, кроме наших мастеров, братьев, клиентов и учеников, нам запрещено, но надевать маску очень уж не хотелось — вместо этого я натянул капюшон и склонил пониже голову, так, чтобы встречные не видели моего лица. Я думал, что в дороге буду убит, — и ошибался. Думал, будто никогда больше не вернусь в Цитадель и не увижу нашей башни, но ошибался и в этом. Со счастливой улыбкой думал я о том, что впереди меня ждет множество дней, подобных этому, — но и тут был не прав.

По незнанию своему я полагал, будто еще до темноты успею оставить город позади и переночую в относительной безопасности под каким-нибудь деревом. На деле же вышло, что, когда западный горизонт, поднимаясь, начал закрывать солнце, я едва-едва миновал самые древние и бедные кварталы. Проситься на ночлег в трущобах вдоль Бечевника или попробовать прикорнуть где-нибудь в закоулке было равносильно самоубийству. Посему я шел и шел вперед под яркими звездами в дочиста выметенном ветром небе. Встречные не узнавали во мне па-

лача; для них я был просто мрачновато одетым путником с темной патериссой на плече.

Время от времени по глади задыхавшейся от водорослей воды мимо меня скользили лодки, и ветер приносил с собой скрип уключин и хлопанье парусов. На лодках победнее не было ни единого огонька, и выглядели они лишь немногим лучше обычного плавника, но несколько раз на глаза мне попались богатые таламегии с носовыми и кормовыми огнями. Эти, страшась нападения, держались по центру фарватера, подальше от берегов, однако пение гребцов далеко разносилось над водой:

Вдарь, братцы, вдарь!
Теченье против нас,
Вдарь, братцы, вдарь,
Однако ж Бог за нас!

Вдарь, братцы, вдарь!
И ветер против нас,
Вдарь, братцы, вдарь,
Однако ж Бог за нас!

И так далее. И даже когда огни удалялись более чем на лигу вверх по течению, песня, несомая ветром, все еще была слышна. Позже я увидел

собственными глазами, как гребцы, завершая рефрен, делают мощный гребок, а на прочих строках поднимают весла для замаха и так гребут без отдыха стражу за стражей.

Я шел и шел. Мне уже чудилось, что вот-вот должен наступить новый день, и тут впереди показалась протянувшаяся от берега к берегу цепочка огней, явно не имевших ничего общего с лодками. Это был мост. После долгих блужданий впотьмах я поднялся на него по выщербленной лестнице — и тут же почувствовал себя актером на незнакомой, непривычной сцене.

Мост был ярко освещен — здесь было столь же светло, сколь темно внизу, на Бечевнике. Через каждые десять шагов стояли столбики со светильниками, а через каждую сотню — сторожевые башенки, и окна караулок сверкали в ночи, что твой праздничный фейерверк. По мостовой грохотали кареты с собственными фонариками, и почти каждый из толпившихся на мосту пешеходов нес с собою свет либо имел при себе мальчишку-факельщика. Бесчисленные торговцы наперебой расхваливали свои товары, разложенные на подвешенных к их шеям лотках, экстерны лопотали на своих грубых наречиях, нищие выставляли напоказ увечья, немилосерд-

но терзали флажолеты и офиклеиды и украдкой щипали завернутых в тряпье младенцев, отчего те разражались громкими воплями.

Признаюсь, все это было ужасно интересно, и только воспитание не позволило мне остановиться посреди мостовой с разинутым ртом. Надвинув капюшон еще ниже и глядя прямо перед собою, я шел сквозь толпу, якобы не обращая ни на что особого внимания. Но тем не менее усталость вскоре как рукой сняло, а каждый шаг казался слишком широким — очень уж хотелось задержаться на мосту подольше.

В сторожевых башенках несли вахту не городские патрульные, но пельтасты с прозрачными щитами и в легких доспехах. Я почти добрался до западного берега, когда двое из них, выступив вперед, загородили мне путь сверкающими копьями.

— Ходить в такой одежде, как у тебя, — серьезное преступление. Если ты затеял пошутить, то рискуешь жизнью ради своей шутки.

— Я всего лишь следую уставу гильдии, к коей принадлежу, — отвечал я.

— То есть ты всерьез заявляешь, будто ты — казнедей? А это у тебя что, меч?

— Да, но я вовсе не казнедей. Я — подмастерье

Ордена Взыскующих Истины и Покаяния.

Вокруг стало тихо. За несколько мгновений, понадобившихся стражам, чтобы задать вопрос и получить на него ответ, вокруг нас собралось около сотни человек, и я заметил, как второй пельтаст переглянулся с первым, точно говоря: «Он и вправду не шутит».

— Войди внутрь. Лохаг желает тебя видеть.

Указав на дверь, стражи пропустили меня вперед. Внутри башенка состояла лишь из одной комнатки со столом и несколькими стульями. Поднявшись наверх по узкой, истертой множеством тяжелых сапог лесенке, я увидел человека в кирасе, что-то писавшего за высокой конторкой. Караульные поднялись следом, и тот, что заговорил со мной первым, сказал:

— Вот, этот самый!

— Вижу, — ответил лохаг, не поднимая взгляда.

— Называет себя подмастерьем гильдии палачей.

Перо в руке начальника караула, до этого безостановочно бегавшее по бумаге, на миг замерло.

— Никогда не думал, что встречу такое где-либо, помимо страниц какой-нибудь книги, но все

же возьму на себя смелость предположить, что он говорит чистую правду.

— Значит, мы должны отпустить его? — спросил солдат.

— Не сразу.

Лохаг отер перо, посыпал песком письмо, над которым трудился, и наконец-то поднял взгляд.

— Твои подчиненные, — заговорил я, — задержали меня, усомнившись в моем праве носить этот плащ.

— Они задержали тебя по моему приказу, а я отдал этот приказ потому, что ты, согласно донесениям с восточных постов, возмущаешь спокойствие. Если ты в самом деле из гильдии палачей — которую я, признаться, считал давным-давно расформированной, — то всю жизнь провел в… как это называется?

— В Башне Матачинов.

Он прищелкнул пальцами, точно происходящее одновременно и забавляло, и раздражало его.

— Я имею в виду то место, где находится ваша башня.

— Цитадель.

— Да, Старая Цитадель. Помнится мне, она где-то на востоке, у реки, чуть севернее квартала

Мучительных Страстей. Еще кадетом меня водили туда взглянуть на Донжон. Часто ли тебе доводилось выходить в город?

— Даже очень, — ответил я, вспомнив о наших вылазках на реку.

— И в этой самой одежде?

Я покачал головой.

— Если уж не желаешь тратить слова, откинь хотя бы капюшон. Иначе я ничего не увижу, кроме кончика твоего носа. — Спрыгнув с табурета, лохаг подошел к окну, выходившему на мост. — Как по-твоему, сколько народу в Нессе?

— Понятия не имею.

— И я тоже, палач. И никто не имеет! Любая попытка сосчитать горожан неизменно заканчивалась провалом, как и любая попытка навести порядок в сборе налогов. Город растет и меняется еженощно, как меловые надписи на стенах. Посреди улиц, благодаря умникам, которым хватает смекалки воспользоваться темнотой, захватить кусок мостовой и объявить землю своей, вырастают дома — известно ли тебе это?! Экзультант Таларикан, чье безумие выражается в нездоровом интересе к ничтожнейшим из аспектов человеческой жизни, утверждает, будто два гросса тысяч — дважды по двенадцать дюжин тысяч

человек — питаются единственно объедками, остающимися от прочих! Что в городе насчитывается десять тысяч бродячих акробатов, почти половина которых — женщины! Если бы даже мне было позволено делать вдох лишь тогда, когда какой-нибудь нищий сиганет с моста в реку, я жил бы вечно — город порождает и убивает людей много чаще, чем человек делает вдох! В такой тесноте спасает лишь общественное спокойствие. Возмущения спокойствия допускать нельзя, так как совладать со смутой нам не по силам. Понимаешь?

— Отчего же, есть еще такое понятие, как порядок. Но до тех пор, пока он достижим… в общем, я понимаю тебя.

Лохаг, вздохнув, повернулся ко мне.

— Вот и замечательно. Значит, ты наконец осознал необходимость обзавестись менее вызывающей одеждой?

— Но я не могу вернуться в Цитадель.

— Тогда на сегодня скройся из виду, а завтра купишь что-нибудь. Средства есть?

— Немного.

— Отлично. Купи что-нибудь. Или укради. Или сними со следующего бедолаги, которого укоротишь при помощи этой штуки. Я бы послал

кого-нибудь из ребят проводить тебя до постоялого двора, но это только вызовет больше толков. На реке что-то стряслось, и люди уже вдоволь наслушались всяких ужасов. А тут еще ветер утих, скоро с реки поползет туман, и станет еще хуже. Куда ты направляешься?

— Я получил назначение в Тракс.

— И ты ему веришь, лохаг? — вмешался пельтаст, заговоривший со мной первым. — Он не представил никаких доказательств в подтверждение сказанного.

Лохаг вновь отвернулся к окну. Теперь и я углядел за окном желтоватые пряди тумана, тянущиеся к мосту с реки.

— Если уж не можешь работать головой, — ответил он, — то хоть принюхайся. Что за запахи сопровождают его?

Пельтаст неуверенно улыбнулся.

— Ржавое железо, холодный пот и гниющее мясо! А от шутника пахло бы либо новой одеждой, либо тряпьем, выуженным из мусорного ящика. Учись проворнее, Петронакс, иначе у меня живо отправишься на север, с асцианами воевать!

— Но, лохаг… — заговорил пельтаст, метнув в мою сторону столь ненавидящий взгляд, что я решил, будто он обязательно захочет расправиться

со мной, стоит лишь мне покинуть караулку.

— Докажи этому парню, что ты действительно из гильдии палачей.

Пельтаст стоял, расслабившись, не ожидая ничего худого, поэтому выполнить просьбу начальника караула оказалось несложно. Я просто-напросто оттолкнул в сторону его щит, левой ступней придавил его правую, дабы обездвижить, и без помех вонзил палец в тот нерв на шее, что вызывает судороги.

XV
Бальдандерс

Город к востоку от моста оказался совсем не таким, как прежний, оставленный мной позади. Здесь светильники стояли на каждом углу, а карет и повозок было не меньше, чем на мосту. Прежде чем покинуть караулку, я спросил лохага, не может ли он подсказать, где мне провести остаток ночи, и теперь шел, преодолевая вновь навалившуюся усталость и оглядываясь в поисках вывески рекомендованного им постоялого двора.

Казалось, темнота вокруг с каждым новым шагом становилась гуще и гуще, и я где-то сбился с пути. Но возвращаться назад и приступать к поискам заново очень уж не хотелось, и потому я просто шел, стараясь держать курс на север, успокаивая себя тем, что пусть я заблудился, но с каждым шагом приближаюсь к Траксу. Наконец я все же наткнулся на маленькую гостиницу. Вывески я не заметил — возможно, ее там не было вообще, — однако учуял запахи кухни, услышал звон бокалов, вошел, распахнув дверь настежь, и

рухнул в ближайшее кресло, не обращая внимания на собравшихся.

Не успел я перевести дух и подумать о какомнибудь местечке, где мог бы снять сапоги (хотя о немедленных поисках такового пока не могло быть и речи), трое выпивавших за угловым столиком поднялись и вышли, а старик хозяин, увидев, что мое присутствие отнюдь не служит успеху в делах, подошел и спросил, что мне угодно.

Я ответил, что мне нужна комната.

— Свободных комнат нет.

— Ну и хорошо, — сказал я, — мне все равно нечем заплатить.

— Тогда тебе придется уйти.

Я покачал головой.

— Не так сразу. Я очень устал.

(Я слышал, что другие подмастерья уже проделывали в городе такой трюк.)

— Ведь ты — казнедей, так? Головы рубишь?

— Принеси парочку тех рыбин, которые так восхитительно пахнут, — головы как раз останутся тебе.

— Я позову городскую стражу, и тебя выведут!

Тон его ясно говорил, что старик сам не верит своим словам, и потому я сказал, что он может звать кого угодно, но рыбу пусть принесет. Он,

ворча, удалился. Я расправил спину и поудобнее пристроил меж колен «Терминус Эст», который снял с плеча, прежде чем сесть. За столами сидело еще пятеро, но все они старательно избегали встречаться со мною взглядом, а вскоре двое из них тоже ушли.

Старик вернулся ко мне с небольшой рыбкой поверх ломтя черствого, грубого хлеба.

— Вот, ешь и уходи!

Пока я ужинал, он стоял возле меня. Покончив с рыбой, я спросил, где мне можно переночевать.

— Я ведь сказал: все занято!

Если бы в получейне от этой гостиницы меня ждал дворец с распахнутыми настежь воротами, я и тогда не смог бы заставить себя покинуть ее.

— Тогда я буду спать в этом кресле. Посетителей у тебя на сегодня все равно не предвидится…

— Подожди.

Старик снова ушел. Я слышал, как он в соседней комнате разговаривает с какой-то женщиной.

Проснулся я оттого, что он тряс меня за плечо.

— Есть место в кровати с еще двумя постояльцами.

— Кто они?

— Двое оптиматов, клянусь! Очень приятные люди, путешествующие вдвоем.

Женщина из кухни крикнула ему что-то — слов разобрать я не смог.

— Слыхал? — спросил старик. — Один из них даже еще не вернулся! И, скорее всего, сегодня уже не вернется — на дворе глубокая ночь. Целая кровать — вам на двоих!

— Но если эти люди сняли комнату…

— Они не будут возражать, ручаюсь! Сказать тебе правду, господин казнедей, они исчерпали кредит. Три ночи ночуют, а заплатили только за одну.

Мной явно хотели воспользоваться как уведомлением о выселении. Впрочем, мне не было дела до этого. Сложившееся положение даже сулило кое-какие выгоды — если оставшийся тоже уйдет, комната достанется мне одному. С трудом поднявшись, я последовал за стариком наверх, сопровождаемый отчаянным скрипом ступеней.

Дверь оказалась незапертой, но в комнате было темно как в могиле. Темноту сотрясал могучий храп.

— Эй, добрый человек! — крикнул старикашка, видно забыв, что недавно божился, будто его постоялец принадлежит к оптиматам. — Как-бишь-тебя-там? Балда… Бальдандерс! Вот тебе новый сосед! Не платишь в срок — придется при-

мириться с этим!

Ответа не последовало.

— Входи, господин казнедей, — сказал старик, — я тебе посвечу.

Он принялся раздувать кусочек тлеющего трута, пока тот не разгорелся настолько, чтобы зажечь огарок свечи.

В маленькой комнатушке не было никакой мебели, кроме кровати. В кровати, отвернувшись лицом к стене и вытянув ноги, спал настоящий великан — таких мне не доводилось видеть ни до, ни после.

— Добрый человек! Бальдандерс! Разве ты не хочешь взглянуть, с кем тебе придется разделить постель?

Мне больше всего на свете хотелось поскорее прилечь, поэтому я велел старику оставить нас. Старик пытался возражать, но я вытолкал его из комнаты взашей, а стоило ему убраться, опустился на свободный край кровати и с наслаждением стянул с ног сапоги вместе с чулками. Тусклый огонек свечи подтвердил, что я успел натереть с десяток мозолей. Затем я расстелил плащ поверх покрывала и некоторое время размышлял, снять ли и штаны с поясом или спать так. Усталость и чувство собственного достоинства настаивали на

последнем, вдобавок я заметил, что великан полностью одет. С невыразимым облегчением задул я свечу и, не в силах более одолевать усталость, лег, чтобы впервые на моей памяти заснуть где-либо вне Башни Матачинов.

— Никогда!

Голос оказался столь звучен и басовит (даже орган вряд ли может звучать ниже), что я не понял, что должно означать это слово и слово ли это вообще.

— Что? — пробормотал я.

— Бальдандерс.

— Знаю, хозяин говорил. А я — Севериан.

Я лежал на спине, а между нами покоился «Терминус Эст», взятый мною в постель ради пущей сохранности. Я не мог разглядеть, повернулся ли великан лицом ко мне, но был уверен, что любое движение этой громадины наверняка почувствую.

— Казнить.

— Так ты слышал, как мы вошли? Я думал, ты спишь.

Я уже хотел было сказать, что я никакой не казнедей, а подмастерье гильдии палачей, но тут же вспомнил свое бесчестье и назначение в какой-то захолустный Тракс.

— Да, я — палач, но тебе незачем меня бояться. Я просто делаю работу, которой обучен.

— Завтра.

— Да, завтра у нас будет довольно времени для бесед.

После этого я снова заснул, и мне снился сон… правда, слова Бальдандерса тоже могли быть просто-напросто сном, но это вряд ли. А если и так, это был другой сон.

Я летел — мчался по хмурому небу верхом на огромном звере с перепончатыми крыльями. Держась как раз между несущимися вперед облаками и сумрачной землей, мы будто скользили по склону пологого воздушного холма — сдается мне, крылья зверя не сделали ни единого взмаха. Заходящее солнце неподвижно, хотя мы все неслись и неслись вперед, висело впереди, у самого горизонта, — должно быть, скорость наша была равна скорости вращения Урд.

Но вот земля внизу сделалась иной — вначале я решил, что мы достигли пустыни. Нигде, куда достигал взгляд, не видно было ни городов, ни ферм, ни лесов, ни полей — лишь ровная пурпурно-черная земля, безликая, застывшая в своей неподвижности. Перепончатокрылый тоже заметил перемену или же учуял какой-то новый запах

— мускулы его ощутимо напряглись, а крылья совершили три взмаха подряд.

Бескрайний пурпур внизу был испятнан белыми крапинками. Через некоторое время я понял, что эта кажущаяся неподвижность — не более чем обман, порожденный единообразием. Пурпурно-черный простор всюду был одинаков, но вместе с тем пребывал в неустанном движении. То была Мировая Река Уроборос, море, в котором, словно в колыбели, покоится Урд.

Тут я впервые оглянулся назад — туда, где осталась поглощенная ночью земля, обитель всего человечества.

Когда она окончательно скрылась из виду и вокруг не осталось ничего, кроме беспокойных волн, зверь обернулся ко мне. Клюв ибиса на острой щучьей морде; костяная митра венчает голову… На какой-то миг взгляды наши встретились, и я, казалось, понял его мысль: «Да, я — твой сон, но стоит тебе пробудиться от бодрствования, я приду».

Зверь сменил курс, точно люгер, идущий в лавировку против ветра. Одно крыло его опустилось вниз, а другое поднялось так, что кончик его указывал прямо в небо. Пальцы мои лишь скользнули по твердой чешуе, и я полетел вниз.

Удар при падении разбудил меня. Вздрогнув всем телом, я услышал, как великан бормочет во сне. Я тоже что-то пробормотал, пощупал, на месте ли меч, и уснул вновь.

Морские воды сомкнулись над моей головой, однако я не утонул. Я чувствовал, что вполне мог бы дышать водой, но не сделал ни единого вдоха. Вода была прозрачна, словно хрусталь; казалось, я падаю в абсолютную, лишенную даже воздуха пустоту.

Вдали виднелись огромные, в сотни раз больше человека, тени — корабли, тучи, человеческая голова без тела, человеческое тело с целой сотней голов… Все они были окутаны голубой дымкой. Внизу, подо мной, лежало изборожденное течениями песчаное дно. Там, прямо на песке, возвышался огромный — куда как больше нашей Цитадели — дворец, но дворец тот лежал в руинах, и покои его лишены были крыш, а внутри обитали огромные существа, бледные, точно кожа прокаженного.

Я приближался к ним, и вскоре они заметили меня, и лица их были такими же, как то, что привиделось мне в Гьёлле. То были женщины — обнаженные, с волосами из зеленой морской пены и коралловыми глазами. Со смехом наблю-

дали они за моим падением, и смех их, пузырясь, поднимался ко мне. Зубы их оказались белы и остры, и каждый длиною в палец.

Теперь они были совсем близко; руки их потянулись ко мне и принялись гладить, как матери гладят детей. В дворцовых садах буйно росли морские губки, актинии и множество прочих прекрасных растений, коим я не знаю имен. Огромные женщины окружили меня. Рядом с ними я казался всего лишь куклой.

— Кто вы и что делаете здесь? — спросил я.

— Мы — невесты Абайи! Игрушки Абайи! Подружки Абайи! Земля не в силах носить нас. Груди наши — словно тараны, а зады сломают спину даже быку. Здесь мы растем, пока не сможем возлечь с Абайей — тем, кто однажды пожрет континенты.

— А кто же такой я?

Они засмеялись все вместе, и смех звенел, словно волны, бьющиеся о стеклянные берега.

— Мы покажем тебе! — загомонили они. — Мы покажем тебе!

С этим они подхватили меня под руки, подняли и понесли через сад. Пальцы их, соединенные перепонками, были длиной с мою руку от плеча до локтя.

Вскоре огромные женщины остановились, всколыхнув воду, точно затонувшие каракки, и ноги наши коснулись дорожки. Перед нами была низкая стена, а на ней — крохотный помост с занавесом не больше салфетки, какими порой забавляют детей.

Волна, поднятая нами, всколыхнула занавес, и он поднялся, будто невидимая рука дернула за веревочку. На помосте тотчас же появился деревянный человечек — руки и ноги из веточек с набухшими зеленью почками, проклевывающимися сквозь тонкую кору; туловище из ветки потолще, размером с большой палец; голова — деревянный кругляш, завитки коего изображали глаза и рот. Человечек тот двигался, словно живой, и тут же погрозил нам дубинкой, которую держал в руке.

Пока он скакал перед нами и демонстрировал свою ярость, колотя дубинкой о помост, на сцене появилась еще одна фигурка — мальчик, вооруженный мечом. Искусство, с которым была сделана вторая марионетка, казалось как раз под стать примитивной грубости первой — эта кукла вполне могла бы оказаться настоящим ребенком, уменьшенным до размеров мыши.

Оба поклонились нам и немедля вступили в

бой. Деревянный человечек огромными прыжками носился по помосту, и за его палицей было почти не уследить. Мальчик танцевал вокруг него, будто пылинка в солнечном луче, делая выпады своим крохотным клинком.

В конце концов деревянный человечек рухнул наземь. Мальчик, встав над ним, хотел было поставить ногу ему на грудь, но прежде, чем он успел сделать это, деревянная фигурка поплыла, лениво вращаясь, вверх, прочь со сцены, и вскоре скрылась из виду. Мальчик застыл над сломанным мечом и расщепленной палицей. Казалось, где-то за сценой торжественно затрубили игрушечные фанфары (хотя звук этот, без сомнения, был всего-навсего скрипом колес, доносившимся с улицы).

Проснулся я оттого, что в комнате появился кто-то третий. Он оказался невысоким проворным человеком с огненно-рыжей шевелюрой, хорошо — даже щеголевато — одетым. Увидев, что я не сплю, он отдернул шторы, и в комнату хлынул красный солнечный свет.

— Сон моего партнера, — заговорил он, — отличается необычайной звучностью. Не оглушил ли тебя его храп?

— Я сплю крепко, — ответил я. — Если он и

храпел — я не слышал.

Будто обрадовавшийся этому, невысокий человек широко улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

— Еще как храпел! Могу тебя заверить — храп его сотрясает Урд! — Он подал мне изящную, ухоженную руку. — Я — доктор Талос.

— Подмастерье Севериан.

Откинув тонкое покрывало, я поднялся, чтобы пожать его руку.

— Я вижу, ты носишь черное. Что же это за гильдия?

— Это цвет сажи, а принадлежит он гильдии палачей.

— О-о! — Склонив голову набок, он обошел меня кругом, чтоб разглядеть получше. — Ты слишком высок — жаль, жаль… Однако этот цвет сажи, надо заметить, впечатляет!

— Мы находим его практичным, — отвечал я. — Подземелья — место грязное; да и следы крови на подобных плащах незаметны.

— У тебя есть чувство юмора! Прекрасно! Могу засвидетельствовать: немногое на свете способно принести человеку бóльшую выгоду. Юмор привлекает публику. Юмор в силах утихомирить разъяренную толпу и успокоить целую ораву

ревущих в три ручья детей. Юмор унижает и возвышает — а уж азими к себе притягивает, что твой магнит!

Я едва понимал, о чем он говорит, но, видя его благодушное настроение, сказал:

— Надеюсь, я не стеснил вас? Хозяин привел меня сюда, а кровать оказалась достаточно широка для двоих.

— Нет-нет, ничуть! Я вернулся только сейчас — нашел себе ночлег получше. Сплю я мало и, должен признаться, беспокойно, но все же замечательно — чудесно! — провел ночь. Куда ты направляешься сегодня, оптимат?

Я в этот момент шарил под кроватью в поисках сапог.

— Сначала, наверное, подыщу место, где можно позавтракать. После этого покидаю город и иду на север.

— Прекрасно! Завтрак мой партнер, безусловно, оценит и примет его с превеликой радостью! Мы тоже идем на север — домой, понимаешь ли, возвращаемся после успешных гастролей в городе. Шли вниз по течению — представляли на левом берегу, идем вверх — представляем на правом. Быть может, по дороге на север остановимся и в Обители Абсолюта. Это ведь, знаешь

ли, наша профессиональная мечта — сыграть во дворце Автарха. Или же вернуться туда еще разок, если уже играл однажды. Хризосов — хоть шляпой греби…

— Одного человека, мечтавшего вернуться туда, я в жизни уже встречал.

— Ладно, не грусти о нем — кстати, если выдастся случай, обязательно расскажешь, кто он был такой. А теперь, раз уж мы идем завтракать… *Бальдандерс!!!* Вставай! Давай-давай, подымайся! Вставай! — Танцующей походкой подойдя к изножью кровати, он ухватил великана за лодыжку. — Бальдандерс! Не хватай его за плечо, оптимат, — (я, впрочем, и не собирался), — может отшвырнуть. БАЛЬДАНДЕРС!!!

Великан зашевелился и что-то пробормотал.

— Бальдандерс! Новый день наступил! И мы еще живы! Пора питаться, испражняться и размножаться! Подымайся, иначе нам с тобой никогда не попасть домой!

Казалось, великан не слышит ни слова. Пожалуй, его бормотание было только протестом против чего-то увиденного во сне, а то и вовсе предсмертным хрипом.

Доктор Талос сдернул с партнера засаленное одеяло, и великан предстал перед нами во всей

своей чудовищной красе. Ростом он был даже выше, чем я думал: длины кровати едва хватало, хотя он спал, свернувшись калачиком и поджав колени чуть ли не к самому подбородку. Огромные ссутуленные плечи его достигали по меньшей мере целого эля в ширину. Лицом великан уткнулся в подушку, поэтому лица разглядеть я не смог. Уши и шею гиганта украшали странные шрамы, тянувшиеся под очень густые сальные волосы.

– *Бальдандерс!!!* Прошу прощения, оптимат, нельзя ли на время позаимствовать твой меч?

— Нет, — ответил я. — Ни в коем случае.

— О нет, я вовсе не собираюсь убивать его — ничего подобного! Если и ударю, то только плашмя.

Я покачал головой. Видя мою неуступчивость, доктор Талос принялся шарить по комнате.

— А, трость я оставил внизу… Дурное обыкновение — наверняка украдут. Ох, надо бы приучиться хромать; ох, надо бы!.. Но ведь здесь совсем ничего нет!

Он выскочил вон из комнаты и немедля вернулся с прогулочной тросточкой из железного дерева, увенчанной блестящим бронзовым набалдашником.

— Ну, Бальдандерс, держись!

Удары посыпались на спину великана, будто крупные капли дождя, предвещающие грозу. Внезапно великан сел.

— Я не сплю, доктор. — Лицо его оказалось широким и грубым, но в то же время трогательно печальным. — Ты что, в конце концов решил убить меня?

— О чем это ты, Бальдандерс? А, этот оптимат… Нет, он не сделает тебе ничего дурного — он разделил с тобой постель и теперь намерен составить нам компанию за завтраком.

— Он спал здесь, доктор?

Мы с доктором Талосом кивнули.

— Тогда понятно, откуда взялся этот сон…

В памяти моей еще свежи были образы великанш на дне моря, поэтому я, хоть вид гиганта и повергал меня в трепет, спросил, что ему снилось.

— Пещеры, где острые каменные клыки сочатся кровью… Отрубленные руки на песчаных дорожках, какие-то твари, лязгающие цепями в темноте…

Спустив ноги на пол, он запустил в рот огромный палец и принялся чистить им редкие, на удивление мелкие зубы.

— Идемте, наконец! — сказал доктор Талос. —

Если уж мы собираемся поесть, побеседовать и вообще хоть что-нибудь сегодня успеть, самое время двигаться. Дел у нас предостаточно.

Бальдандерс сплюнул в угол.

XVI
Лавка тряпичника

Вто утро на дремлющей Несской улочке столь часто навещающая меня печаль впервые сжала сердце мое изо всех сил. Пока я был заключен в темницу, ее приглушала чудовищность содеянного мною и чудовищность неизбежной и скорой, как мне казалось, расплаты в руках мастера Гюрло, накануне новизна и острота ощущений вовсе прогнали ее прочь, а вот сейчас… Казалось, в целом мире не осталось ничего, кроме смерти Теклы. Любое черное пятнышко тени напоминало о ее волосах; любой проблеск белизны в солнечных лучах — о ее коже. Порой я готов был бежать обратно в Цитадель, чтобы посмотреть, не сидит ли она в своей камере, читая при свете серебряного светильника.

Мы отыскали кафе с расставленными снаружи, вдоль стены, столиками. Улица была еще почти пуста. На углу, прямо на мостовой, лежал мертвец (наверное, задушенный ламбрекеном — умельцев по этой части в городе имелось достаточно). Доктор Талос обшарил его карманы, но вернулся

к нам с пустыми руками.

— Ну что ж, — сказал он, — подумаем. Нужно разработать план.

Официантка принесла нам по чашке мокко, и Бальдандерс подвинул одну доктору. Тот рассеянно помешал в чашке пальцем.

— Дружище Севериан! Пожалуй, мне следует разъяснить наше положение. Бальдандерс — мой единственный пациент — и сам я пришли сюда с озера Диутурна. Дом наш сгорел, и мы решили попутешествовать, дабы заработать деньжат на его восстановление. Мой друг — человек удивительной силы. Я собираю публику и, пока он ломает несколько бревен и поднимает разом по десять человек, приторговываю целебными снадобьями. Казалось бы, не так уж много. Но скажу тебе больше: у меня есть пьеса и кое-какой реквизит. Если положение тому благоприятствует, мы представляем некоторые сцены, причем даже вовлекаем в действо кое-кого из публики. Ты, друг мой, идешь на север и, судя по тому, как вчера устроился на ночлег, стеснен в средствах. Могу ли я предложить тебе присоединиться к нашему предприятию?

— Он не совсем сгорел, — медленно проговорил Бальдандерс, похоже понявший лишь начало

речи своего компаньона. — Стены-то каменные, толстые. Кое-что сохранилось.

— Совершенно верно. Мы думаем восстановить наш добрый старый дом. Но видишь ли, какая перед нами встала дилемма: мы уже на полпути обратно, а скопленных капиталов все еще недостаточно. Посему я предлагаю…

К нам вновь подошла официантка — хрупкая юная девушка — с миской овсянки для Бальдандерса, хлебом и фруктами для меня и печеньем для доктора.

— Как привлекательна эта девушка! — заметил он.

Девушка улыбнулась доктору.

— Не могла бы ты присесть к нам? Других клиентов пока не видно!

Бросив взгляд в направлении кухни, она пожала плечами и принесла себе стул.

— Угощайся — я слишком занят разговором. Глотни и кофе, если тебе не претит пить после меня.

— Вы ведь думаете, он нас кормит бесплатно? — заговорила девушка. — Нет! Дерет с нас обычную цену!

— О! Значит, ты — не хозяйская дочь. И не супруга. Отчего же он не отщипнет лепесток от

такого цветка?

— Я здесь меньше месяца. И зарабатываю только то, что оставляют на столах. Взять хоть вас троих — если вы ничего не дадите мне, выйдет, что я обслуживала вас задаром.

— Вот так так! Но что, если мы предложим тебе роскошный дар, а ты откажешься принять его?

С этими словами доктор Талос склонился поближе к девушке, и я внезапно увидел, что лицом он похож не просто на лисицу (это-то, благодаря его густым рыжим бровям и острому носу, приходило в голову сразу же), но на *изваяние* лисицы. От всех, кому в силу ремесла своего приходится копать землю, я слышал, что нигде в мире не найдется клочка земли, где, копнув пару раз, не вытащишь на свет каких-либо осколков прошлого. Где бы лопата ни вонзилась в почву, штык ее неизменно наткнется на булыжник разрушенной мостовой либо изъеденный коррозией металл. Ученые пишут, будто тот особый песок, называемый художниками полихромным из-за того, что среди его белизны попадаются все возможные цвета и оттенки, на самом деле вовсе не песок, но древнее стекло, истертое в порошок многими эонами времени и безжалостным морским прибоем. И если реальность столь же многослойна,

как и попираемая нашими ногами история, то на некоем глубинном ее уровне лицо доктора Талоса было лисьей маской на стене, и теперь я дивился тому, как маска эта поворачивается и склоняется к девушке, а тени, отбрасываемые бровями и носом, изумительным образом придают ей выражение — осмысленное, живое.

— Итак, ты не откажешься от нашего дара? — спросил доктор.

Я вздрогнул, словно до этого спал и был внезапно разбужен.

— Какого дара? Один из вас — казнедей. Может, ты говоришь о даре смерти? Наш Автарх, чья мудрость блеском своим затмевает звезды, защищает жизнь своих подданных!

— Дар смерти? О нет! — засмеялся доктор. — Нет, дорогая моя, этот дар ты получила еще при рождении. Равно как и он. Зачем же дарить тебе то, что у тебя есть и без нас? Я предлагаю одарить тебя красотой — красотой, влекущей за собою богатство и славу.

— Если вы что-то продаете, денег у меня все равно нет.

— Продаем? Вовсе нет! Напротив, мы предлагаем тебе новую работу. Я — тавматург, а эти оптиматы — актеры. Неужели тебе никогда не

хотелось выйти на сцену?

— А вы забавные!

— Место инженю в нашей труппе сейчас вакантно. Если пожелаешь, можешь занять его. Но тогда тебе придется отправиться с нами прямо сейчас — ждать мы не можем, а больше сюда не вернемся.

— Но, сделавшись актрисой, я не стану красивее!

— Я сделаю тебя прекрасной, поскольку ты нужна нам как актриса. Я, среди прочего, властен и над этим. — Он поднялся. — Сейчас или никогда! Идешь с нами?

Официантка тоже встала со стула, не отрывая глаз от лица доктора.

— Мне нужно сходить к себе в комнату…

— Тщета! Я должен наложить заклятье и за день обучить тебя роли! Нет, я не могу ждать!

— Тогда заплатите за завтрак, а я скажу хозяину, что ухожу.

— Вздор! Как член труппы, ты обязана способствовать сбережению наших средств, которые, кстати, потребуются тебе на костюмы. Не говоря уж о том, что это ты съела мое печенье. Плати за него сама!

Какое-то мгновенье девушка колебалась.

— Можешь ему поверить, — сказал Бальдандерс. — Доктор, конечно, видит мир по-своему, но лжет куда меньше, чем кажется.

Слова, неспешно произнесенные глубоким, уверенным голосом, убедили ее.

— Хорошо. Я иду.

Вскоре мы вчетвером были уже в нескольких кварталах от кафе и шли мимо лавок, большей частью еще закрытых. Через некоторое время доктор Талос объявил:

— Теперь, друзья мои, нам придется разделиться. Я посвящу свое время просвещению сей сильфиды. Бальдандерс! Ты заберешь наш ветхий просцениум и прочие пожитки из гостиницы, где вы с Северианом провели ночь, — я полагаю, трудностей с этим не предвидится. Север иан! Скорее всего, мы будем представлять у Ктесифонского перекрестка. Знаешь, где это?

Я кивнул, хоть и не имел понятия, где этот Ктесифонский перекресток. Честно говоря, я вовсе не собирался к ним возвращаться.

После того как доктор Талос быстро удалился, сопровождаемый рысившей за ним официанткой, я остался наедине с Бальдандерсом посреди пустынной улицы. Желая, чтобы и он ушел поскорее, я спросил, чем он намерен заняться.

Разговаривать с ним было все равно что с каменной статуей.

— Тут у реки есть парк, где можно поспать днем, хотя ночью и запрещают. Как начнет темнеть, я проснусь и пойду за нашими вещами.

— Боюсь, мне-то спать неохота… Поброжу по городу, полюбуюсь окрестностями.

— Значит, встретимся у Ктесифонского перекрестка.

Отчего-то я был уверен, будто Бальдандерс знает, что у меня на уме. Глаза его потускнели, точно у быка.

— Да, — сказал я. — Конечно.

Бальдандерс побрел в сторону Гьёлля, а я, поскольку его парк лежал на востоке, а доктор Талос увел официантку на запад, вновь повернул на север, продолжив свой путь в Тракс, Град Без Окон.

Но пока что вокруг простирался Несс, Несокрушимый Град, который я, прожив в нем всю жизнь, знал весьма плохо. Идя вдоль широкой улицы, я не имел (впрочем, и не желал иметь) ни малейшего представления, что это за улица — боковая или же главная в квартале. По обеим сторонам мостовой тянулись пешеходные дорожки, а еще одна, третья, отделявшая северное направление от южного, была устроена в центре.

Дома слева и справа теснили друг друга, точно всходы на слишком густо засеянном поле. И что это были за дома! Ни величиной, ни древностью они не могли сравниться с Башней Величия; наверняка не было здесь и металлических стен в пять шагов толщиной, как в нашей башне; но что касается цвета и оригинальности новаторских, фантастических замыслов — тут Цитадели было до них далеко. Каждое здание выделялось на общем фоне по-своему — а ведь их были сотни! Как заведено в некоторых частях города, нижние этажи этих домов были заняты лавками, хотя поначалу там явно задумывались вовсе не лавки, но гильдейские залы, базилики, арены, оранжереи, сокровищницы, часовни, мартелло, богадельни, мануфактуры, молитвенные собрания, странноприимные дома, лазареты, гауптвахты, трапезные, мертвецкие, скотобойни и театры. Архитектура построек отражала все эти функции и, сверх того, еще тысячу самых разнообразных и противоречивых стилей и веяний. В небо яростно вонзались башни и минареты, но купола, фонари и ротонды словно бы сглаживали их ярость; наверх вели пролеты крутых, точно трапы, лестниц, притулившихся к стенам, а балконы, протянувшиеся вдоль фасадов, были

засажены цитронами и гранатами, скрывавшими окна от посторонних взглядов.

Не знаю, сколько времени я мог бы дивиться на эти висячие сады среди джунглей розового и белого мрамора, красного сардоникса, серого, кремового и черного кирпича, зеленой, желтой и пурпурной черепицы, если бы вид ландскнехта, стоявшего на часах у входа в казармы, не напомнил мне об обещании, данном накануне вечером офицеру пельтастов. Денег у меня было мало, а теплый гильдейский плащ наверняка еще мог пригодиться в дороге, поэтому лучший выход состоял в покупке какой-нибудь просторной накидки из дешевой ткани, которую можно надеть поверх плаща. Лавки в эту пору уже начали открываться, однако все, что продавалось в них, не годилось для моих целей, а цены не соответствовали содержимому моего кошелька.

Мысль о том, чтобы заработать денег при помощи своего ремесла до прихода в Тракс, мне в голову еще не приходила, а если бы и пришла, я бы отринул ее, рассудив, что палаческая работа вряд ли требуется каждый день и потому поиск таковой не принесет выгоды. Полагая, что три азими и несколько орихальков с аэсами придется растягивать до самого Тракса, не имея даже

представления о размерах жалованья, которое мне там будет предложено, я просто глазел на балмаканы и сюртуки, доломаны и куртки из падесоя, матлассé и сотни прочих дорогих тканей, не заходя в лавки, в витринах коих они были выставлены, и даже не останавливаясь, чтоб разглядеть их получше.

Вскоре внимание мое привлекли другие товары. Тогда я еще не знал, что именно в те дни тысячи наемников подбирали себе снаряжение для летней кампании. В глазах рябило от ярких солдатских плащей и попон, седел с высокой, защищающей пах лукой, красных торб для овса, хетенов на длинных древках, сигнальных вееров из серебристой фольги, замысловато изогнутых кавалерийских луков, наборов из десяти и двадцати стрел, колчанов из дубленой кожи, украшенных блестящими гвоздями и перламутром, щитков, предохраняющих запястье от ударов тетивы… При виде всего этого мне вспомнились слова мастера Палемона насчет марша под барабанную дробь, и, хотя к матросам Цитадели мы всегда относились с некоторым презрением, в ушах моих зазвучали боевые трубы и протяжные строевые команды.

Но стоило мне напрочь забыть о предмете

своих поисков, из ближайшей лавки вышла, чтобы поднять жалюзи, стройная женщина лет двадцати с небольшим. Одета она была в платье из переливчатой парчи, изумительно дорогое, однако изрядно поношенное. Когда я взглянул на нее, солнечный луч как раз забрался в прореху пониже талии, окрасив кожу в бледно-золотистый цвет.

Я не могу объяснить причины моего вожделения к ней в тот момент и впоследствии. Из многих женщин, которых я знал, она была, пожалуй, наименее красивой — не столь грациозной, как та, которую я любил больше всех, не столь чувственной, как другая, и уж вовсе не столь благородной, как Текла. Была она среднего роста, с коротким носом, широкими скулами и продолговатыми, темными — словом, совершенно обычными для подобных лиц — глазами. И все же, стоило мне увидеть ее, поднимавшую жалюзи, я полюбил ее сразу и навсегда — хотя и не всерьез.

Конечно, я тут же направился к ней. Я просто не в силах был побороть влечение, как не в силах был бы одолеть слепую жадность Урд, если б упал вниз с отвесной скалы. Я не знал, что сказать ей, и очень боялся, что она в ужасе отпрянет, завидев мой меч и плащ цвета сажи. Однако она

улыбалась и, очевидно, была восхищена моей внешностью. Я молчал, и тогда она спросила, чего я хочу. Я же, в свою очередь, спросил, где мог бы купить накидку.

— Тебе она в самом деле нужна? — Голос ее оказался глубже, чем я ожидал. — У тебя такой замечательный плащ! Можно потрогать?

— Пожалуйста, если хочешь.

Взяв плащ за край, она слегка потерла ткань ладонями.

— В первый раз вижу… Такой черный, что не видно ни складок, ни швов! Моя рука точно исчезла! И меч… Это опал?

— Тоже хочешь взглянуть?

— Нет-нет. Вовсе нет. Но если тебе действительно нужна накидка…

Женщина указала на витрину, и я увидел, что она сплошь увешана ношеной одеждой — джелабами, ротондами, блузами, сорочками и так далее.

— И очень недорого. По вполне разумным ценам. Только загляни внутрь — и, я уверена, ты найдешь все, что тебе требуется.

Со звоном распахнув дверь, я вошел в лавку, но женщина (вопреки всем моим надеждам) осталась снаружи.

В лавке царил полумрак, но я почти тут же понял, отчего женщину не испугал мой облик. Человек за прилавком оказался с виду ужаснее любого палача. Лицо его весьма и весьма напоминало череп — темные дыры глазниц, впалые щеки, безгубый рот… Если бы он не заговорил, я был бы уверен, что передо мной мертвец, поставленный за прилавок во исполнение последней воли кого-нибудь из бывших владельцев лавки.

XVII
Вызов

Однако же «мертвец» этот повернулся ко мне и заговорил:

— Прекрасно! О да, замечательно! Твой плащ, оптимат, — могу ли я взглянуть на него?

Плиты, которыми был выложен пол в лавке, были истерты множеством ног и лежали неровно. Я подошел к нему. Красный солнечный луч с клубящимися в нем пылинками пронзил полумрак между нами, точно клинок.

— Твой плащ, оптимат…

Я подал ему край плаща, и лавочник ощупал ткань — точно так же, как молодая женщина снаружи.

— Да, чудесно! Мягок, наподобие шерсти, но мягче, гораздо мягче… смесь льна с викуньей? И цвет превосходный! Облачение палача! Можно бы усомниться, что настоящие хоть вполовину так же хороши, но кто же станет возражать против подобного текстиля?! — Он наклонился и вытащил из-под прилавка охапку тряпья. — Могу ли я взглянуть и на меч? Обещаю, я буду предель-

но осторожен!

Я вынул из ножен «Терминус Эст» и положил его на тряпки. Лавочник склонился над ним, не говоря ни слова и не касаясь клинка. К этому времени глаза мои привыкли к темноте, и я заметил черную ленту над его ухом, почти скрытую волосами.

— Ты носишь маску.

— Три хризоса. За меч. И еще один — за плащ.

— Я ничего не продаю, — ответил я. — Сними ее.

— Как пожелаешь… Хорошо, четыре хризоса!

Лавочник за верхний край сдернул с лица маску мертвой головы и оставил ее висеть на шее. Настоящее лицо его оказалось плоским и смуглым, удивительно похожим на лицо молодой женщины снаружи.

— Мне нужна накидка.

— Пять хризосов. Это — последняя цена, в самом деле. И тебе придется дать мне день, чтобы собрать эту сумму.

— Я ведь сказал, что меч не продается.

Я забрал с прилавка «Терминус Эст» и вложил его в ножны.

— Шесть. — Перегнувшись через прилавок, лавочник взял меня за плечо. — Это больше того,

что он стоит. Послушай, это — твой последний шанс. Шесть!

— Я пришел, чтобы купить накидку. Твоя, если не ошибаюсь, сестра сказала, что у тебя они имеются — и по разумной цене.

— Ладно уж, — вздохнул лавочник, — подыщем тебе накидку… но, может, хоть скажешь, где ты его раздобыл?

— Этот меч — подарок мастера нашей гильдии.

На лице лавочника мелькнуло выражение, коего я не смог опознать, и потому спросил:

— Ты мне не веришь?

— В том-то и беда, что верю! Кто же ты такой?

— Подмастерье гильдии палачей. Мы нечасто бываем на этом берегу и еще реже заходим так далеко на север. Но неужели ты в самом деле так уж удивлен?

Лавочник кивнул:

— Все равно что повстречаться с психопомпом… Могу я узнать, что тебе нужно в этой части города?

— Можешь, но это будет последним вопросом, на который я намерен отвечать. Я получил назначение в Тракс и направляюсь туда.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Больше рас-

спрашивать не буду. Мне вообще навязываться с расспросами не следовало. Ну что ж, раз уж ты хочешь удивить друзей, неожиданно сняв накидку — верно я понимаю? — цвет ее должен резко контрастировать с цветом твоего облачения. Хорош был бы белый, но этот цвет и сам по себе достаточно драматичен, да к тому ж исключительно марок. Как насчет чего-нибудь блекло-коричневого?

— Маска, — отвечал я. — Ее ленты все еще у тебя на шее.

Лавочник, выволакивавший ящик из-под прилавка, промолчал, но стоило ему выпрямиться, зазвенел дверной колокольчик, и в лавку вошел новый покупатель. Он оказался юношей в шлеме, полностью закрывавшем лицо, и доспехе из лаковой кожи. Рога шлема затейливо загибались вниз, образуя забрало, а с нагрудника таращились на нас исполненные безумия глаза золотой химеры.

— Что угодно господину гиппарху? — Лавочник бросил свой ящик и почтительно склонился перед вошедшим. — Чем могу служить?

Рука в массивной латной перчатке потянулась ко мне. Пальцы гиппарха были сложены щепотью, точно он хотел дать мне монету.

— Возьми, — испуганно шепнул лавочник. —

Возьми, что бы там ни было.

В подставленную мной ладонь упало блестящее черное семя размером с изюмину. Лавочник ахнул. Человек в доспехе повернулся к нам спиной и вышел из лавки.

Я положил семя на прилавок.

— Даже не думай отдать его мне! — взвизгнул лавочник, шарахнувшись прочь.

— Что это?

— Ты не знаешь?! Это — зернышко аверна! Чем ты ухитрился оскорбить офицера Дворцовой Стражи?!

— Ничем. Для чего он дал его мне?

— Тебя вызывают. Ты получил вызов.

— Мономахия? Этого не может быть. По классовым меркам я ему неровня.

Лавочник пожал плечами, и этот жест был куда выразительнее его слов.

— Придется драться, иначе к тебе подошлют убийц. Вопрос лишь в том, на самом ли деле ты оскорбил этого гиппарха или же он послан каким-нибудь высокопоставленным чиновником из Обители Абсолюта.

Благоразумие подсказывало, что зернышко аверна следует выбросить и поскорее бежать из города, но сделать этого я не мог. В тот миг

я столь же ясно, как и человека за прилавком, увидел Водала, бьющегося в одиночку против троих добровольцев. Кто-то — может статься, и сам Автарх или призрачный Отец Инире — узнал правду о смерти Теклы и возжелал уничтожить меня, не причиняя бесчестия нашей гильдии. Что ж, хорошо. Я буду драться и, возможно, одолев противника, заставлю их передумать. А если погибну… ну и пускай. Это будет только справедливо.

— Другого меча, кроме этого, я не знаю, — сказал я, вспомнив тонкий клинок Водала.

— Тебе не придется драться на мечах. Меч лучше всего оставь пока мне.

— Абсолютно исключено.

Лавочник снова вздохнул.

— Я вижу, ты ничего не знаешь о таких делах, однако намерен сегодня, с наступлением сумерек, драться насмерть. Что ж, ты — мой покупатель, а я не бросаю своих покупателей в беде. Тебе нужна накидка… — Он удалился в заднюю комнату и вскоре вернулся с одеянием цвета сухих листьев. — Держи. Примерь эту. Если подойдет — с тебя четыре орихалька.

Накидка столь свободного кроя могла бы подойти кому угодно, если б только не оказалась

слишком длинна или коротка. По-моему, он запросил малость лишку, однако я заплатил и, обрядившись в свое приобретение, сделал еще один шаг к тому, чтоб стать актером — похоже, весь этот день задался целью выгнать меня на сцену. Впрочем, к тому времени я, сам того не зная, уже успел сыграть великое множество ролей…

— Ну что ж, — заговорил лавочник, — сам я торговлю оставить не могу, но отправлю с тобой сестру — она и поможет тебе добыть аверн. Вдобавок она часто ходит на Кровавое Поле и, вероятно, сможет также преподать тебе кое-какие начатки боевых навыков.

— Тут кто-то поминал меня?

Молодая женщина, встреченная мной на улице, вошла в лавку сквозь темный проем двери, что вела в заднюю комнату. Она была так похожа на брата, что я сразу же понял: передо мной близнецы. Вот только тонкая кость и деликатность черт, так шедшая ей, совершенно не подходили ее брату. Какое-то время он, должно быть, объяснял ей, какая напасть приключилась со мной — не знаю, я не слышал. Я смотрел только на нее.

Продолжаю писать. С тех пор как были начертаны строки, которые вы прочли мгновением раньше, прошло довольно много времени (я два-

жды слышал, как сменялся караул за дверями моего кабинета). Не знаю, стоит ли описывать все эти сцены так подробно — может статься, они ни для кого, кроме меня, интереса не представляют, однако мне не составляет труда восстановить в памяти все до мелочей: вот я вижу лавку и вхожу в нее; вот офицер Септентрионов вызывает меня на поединок; вот лавочник посылает сестру помочь мне сорвать ядовитый цветок… Множество утомительных дней провел я за чтением жизнеописаний моих предшественников, и почти все они представляют собою подобные отчеты-дневники. Вот, например, об Имаре:

«Переодевшись, отправился он в поля, где нашел муни, предававшегося медитации под платаном. Автарх присоединился к нему и сидел так, спиною к стволу, пока Урд не начала затмевать солнце. Промчались мимо воины под развевающейся орифламмой; протрусил торговец на муле, шатавшемся под тяжестью кошелей с золотом; проехала прекрасная женщина в паланкине, несомом евнухами; и, наконец, пробежал по пыльной дороге пес. Тогда поднялся Имар и пошел следом за псом тем, смеясь».

Если анекдот сей правдив, объяснить его смысл легче легкого: Автарх наглядно показал, что от-

вергает недеяние по собственному желанию, а не ради мирских соблазнов.

Но вот, например, у Теклы наверняка было много учителей, каждый из которых объяснил бы данный факт по-своему. Второй учитель мог бы сказать, что Автарх устоял перед тем, что влечет к себе обычных людей, но оказался бессилен перед своей любовью к охоте.

Третий заявил бы, что Автарх своим поступком выказал презрение к муни, который хранил молчание, хотя мог бы сеять знание и пожинать плоды просвещения. Таким образом, Автарх не мог уйти, когда дорога была пуста, ибо одиночество есть великий соблазн для мудрых. Не мог он уйти и за солдатами, богатым торговцем или женщиной, ибо всего того, что воплощено в них, жаждет непросвещенный, и муни просто счел бы его одним из таковых.

Четвертый сказал бы, что Автарх предпочел пса неподвижному муни оттого, что пес шел вперед и шел в одиночестве, тогда как солдаты ехали в окружении товарищей, у торговца был мул, а у мула — торговец, а при женщине состояли ее рабы.

Но чему же смеялся Имар? Кто может объяснить это? Быть может, торговец следовал за солдатами,

чтобы скупить их трофеи, а после — перепродать с выгодой? Быть может, женщина следовала за купцом, чтобы продать за злато жар своих губ и бедер? Принадлежал ли пес к охотничьей породе или же был одной из тех коротколапых собачонок, которых держат при себе женщины, докучающих всем вокруг визгливым тявканьем, если их перестать гладить? Кто может знать это теперь? Имар давным-давно мертв, и память о нем, жившая когда-то в крови его преемников, тоже давно мертва.

Если так, со временем поблекнет память и обо мне. В одном я уверен: из всех этих объяснений поведения Имара не верно ни одно. Истинное же, каким бы оно ни было, гораздо проще и тоньше. Вот обо мне могут спросить: отчего я, никогда в жизни не имевший настоящего товарища, принял в товарищи сестру того лавочника? Кто, прочтя лишь слова «сестра того лавочника», способен понять, отчего я не отверг ее общества? Никто, конечно же.

Я уже говорил, что не могу объяснить своего влечения к ней, и это правда. Я любил ее любовью отчаянной и ненасытной. Я чувствовал, что вдвоем мы можем совершить нечто столь ужасное, что мир, глядя на нас, найдет деяние наше

неотразимым.

Чтобы узреть тех, кто ждет нас за бездной смерти, не нужно никакого разума: фигуры эти, в ореоле славы, мрачной либо сияющей ослепительной белизной, облеченные властью, что древнее самого мироздания, знакомы каждому ребенку. Они являются к нам в первых снах и в последних предсмертных видениях. Мы не ошибаемся, чувствуя, что именно они управляют нашей жизнью, как не ошибаемся и в том, сколь мало мы заботим их, зодчих невообразимого и воинов, что бьются в сражениях за гранью всего сущего.

Главная трудность — в том, чтобы понять, что и в самих нас заключены столь же великие силы. Вот человек говорит: «Я хочу» или «Я не хочу», — и, хотя каждый день повинуется приказам каких-нибудь совершенно прозаических личностей, будто он — сам себе господин. Истина же — в том, что настоящие наши хозяева спят. Порой кто-нибудь из них просыпается в нас и принимается править нами, словно упряжкой дестрие, хотя наездник сей до пробуждения был всего лишь какой-то частицей нашего существа, неведомой нам самим.

Возможно, этим и объясняется анекдот из жиз-

ни Имара. Как знать?

Одним словом, я позволил сестре лавочника помочь мне привести в порядок накидку. Она плотно стягивалась у горла, а по бокам имела прорези для рук; таким образом, мой плащ цвета сажи был под нею не виден, а «Терминус Эст», отстегнутый от перевязи, вполне мог сойти за посох — ножны его закрывали большую часть гарды и заканчивались наконечником из темного железа.

То был единственный раз в моей жизни, когда я прятал наше гильдейское облачение под обычной одеждой. Некоторые говорили, будто в таких случаях чувствуешь себя крайне глупо, неважно, удалось ли остаться неузнанным или нет. Теперь я понял, что они имели в виду. Впрочем, мою накидку вряд ли можно было считать маскировкой. Такие накидки давным-давно были изобретены пастухами, носящими их и до сих пор. В те дни, когда здесь, в холодных южных краях, начались войны с асцианами, от пастухов их переняли военные. После этого практичность одежды, которую без труда можно превратить в более-менее сносную небольшую палатку, оценили паломники и бродячие проповедники. Упадок веры, без сомнения, здорово повлиял на исчезновение

таких накидок в Нессе, где я ни разу не видел другой такой, кроме моей собственной. Знай я о них больше в тот момент, когда купил свою в лавке тряпичника, приобрел бы к ней и мягкую широкополую шляпу, однако я ничего такого тогда не знал, да еще сестра лавочника сказала, что из меня вышел замечательный пилигрим. Сказала она это, конечно же, не без насмешки — без колкостей она, казалось, просто жить не могла, но я был так озабочен собственной внешностью, что ничего не заметил и сказал ей с братом, что хотел бы знать о религии больше.

Оба они улыбнулись, и лавочник сказал:

— Если будешь так начинать разговор, с тобой никто не станет говорить о религии. Кроме того, ты вполне можешь заработать репутацию славного малого, нося эту накидку и *воздерживаясь* от религиозных бесед. А если привяжется человек, с которым ты не хочешь разговаривать вовсе, — начинай клянчить подаяние.

Вот так я стал — по крайней мере с виду — пилигримом, совершающим паломничество в один из дальних храмов на севере. Кажется, я уже говорил о том, как время превращает ложь в истину?

XVIII
Разрушение алтаря

Пока я был в лавке тряпичника, снаружи не осталось и намека на утреннюю тишь. Улица была полна грохота копыт и колес: стоило нам с сестрой лавочника выйти за порог, высоко над нашими головами со свистом, лавируя меж шпилей и башенок, пронесся флайер. Подняв взгляд вовремя, я даже смог разглядеть его — блестящий, обтекаемый, точно капля дождя на оконном стекле.

— Наверное, тот самый офицер, что вызвал тебя, — заметила моя спутница. — Возвращается в Обитель Абсолюта. Гиппарх Септентрионов — так Агил говорил?

— Твой брат? Да, что-то подобное… А как зовут тебя?

— Агия. Значит, о мономахии ты ничего не знаешь и тебя нужно обучить. Что ж, Гипогеон тебе в помощь! Для начала нам следует отправиться в Ботанические Сады и добыть тебе аверн. У тебя хватит денег нанять фиакр?

— Наверное, хватит. Если без этого не обой-

тись.

— Ну, значит, ты и впрямь не переодетый армигер! Выходит, ты в самом деле… тот, кем назвался?

— Да, палач. Когда мы встречаемся с этим гиппархом?

— Не раньше наступления сумерек. В это время раскрываются цветы аверна, и на Кровавом Поле начинаются поединки. Времени у нас полно, но все равно не стоит тратить его зря. Нужно достать аверн и показать тебе, как им пользуются. — Она махнула рукой кучеру обгонявшего нас фиакра, запряженного парой онагров. — Ты хоть понимаешь, что наверняка будешь убит?

— Судя по твоим словам, все идет к этому.

— Исход поединка практически предрешен, так что о деньгах можешь не беспокоиться.

Агия шагнула прямо на мостовую (сколь тонки были черты ее лица, как грациозна фигура!), на миг застыв с поднятой рукой, точно статуя какой-то неизвестной пешей женщины. Я думал, она собирается погибнуть под колесами! Фиакр остановился совсем рядом, норовистые онагры отшатнулись от нее, словно от тилацина, и она села в повозку. Несмотря на легкость ее тела, крохотный экипаж заметно накренился на сторону.

Я сел рядом с ней, тесно прижавшись бедром к ее бедру. Кучер оглянулся на нас.

— К Ботаническим Садам, — сказала Агия, и фиакр помчался вперед. — Значит, смерть тебя не волнует… Занятно!

Я ухватился за спинку кучерского сиденья.

— Что в этом особенного? На свете, должно быть, тысячи — а может, и миллионы — людей, подобных мне. Эти люди привыкают к смерти, считая, что настоящая и вправду стоящая часть их жизни — уже в прошлом.

Солнце только-только поднялось к самым высоким шпилям; свет его залил мостовую, превращая пыль в красное золото и настраивая меня на философский лад. В книге, хранившейся в моей ташке, имелось повествование об ангеле (возможно, на самом деле речь шла об одной из тех крылатых воительниц, что, по слухам, служат Автарху), сошедшем на Урд по каким-то своим делам, который был поражен случайно попавшей в него стрелой, выпущенной из игрушечного лука ребенком, и умер. Сияющие одежды его сплошь окрасились кровью, точно улицы в свете заходящего солнца, и тогда он встретился с самим Гавриилом. В одной руке архангела сверкал меч, в другой — огромная двуглавая секира, а за

спиной висела на перевязи из радуги та самая труба, что однажды созовет на битву Небесное Воинство. «Камо грядеши, малыш? — спросил Гавриил. — И почему грудь твоя красна, точно у малиновки?» — «Я убит, — отвечал ангел, — и возвращаюсь к Вседержителю, дабы вновь слиться с ним». — «Что за вздор? Ты не можешь умереть, ибо ты — ангел, бесплотный дух!» — «И все же я мертв, — сказал ангел. — Ты видишь кровь мою — отчего же не замечаешь, что не бьет она больше струей, но лишь вытекает по капле? Взгляни, сколь бледен лик мой! Разве не теплым и светлым должно быть прикосновение ангельское? Коснись десницы моей — и ощутишь, что хладна она, точно рука утопленника, извлеченного из болота! Обоняй дыхание мое — разве не зловонно оно, разве не гнилостно?» Ничего не ответил Гавриил. «Брате мой, — сказал тогда ангел, — хоть и не веришь ты свидетельствам смерти моей, молю: оставь меня, и я избавлю от себя мироздание!» — «Отчего же, я верю тебе, — отвечал Гавриил, освобождая путь ангелу. — Я лишь задумался: ведь знай я прежде, что мы можем быть повержены, далеко не всегда был бы столь отчаянно храбр!»

— Сейчас я чувствую себя точно архангел из

той истории, — сказал я Агии. — Знал бы, что жизнь может кончиться так легко и быстро — наверное, поостерегся бы. Знаешь эту легенду? Но теперь уже все решено, ни словом, ни делом ничего не изменишь. Значит, сегодня вечером тот Септентрион убьет меня… чем? Растением? Цветком? Я перестаю понимать, что происходит! Совсем недавно я полагал, что без особых помех доберусь до городка под названием Тракс, где — уж как получится — проживу всю жизнь. Но уже вчера ночью мне пришлось делить комнату с великаном… Одно фантастичнее другого!

Она не ответила, и через некоторое время я спросил:

— Что это там за здание? Вон то, с пунцовой крышей и разветвленными колоннами? И, кажется, там толкут гвоздику в огромной ступе — по крайней мере, пахнет даже здесь.

— Монастырская трапезная. А ты хоть знаешь, как пугающе выглядишь? Когда ты вошел к нам в лавку, я подумала: вот еще один молодой армигер, вырядившийся шутом гороховым. А потом, когда поняла, что ты и вправду палач, решила: ну и что ж, парень как парень, хоть и палач…

— Ну да, парней ты, надо думать, знала во множестве.

Сказать правду, я надеялся, что так оно и есть. Мне хотелось, чтобы она была опытнее меня; чтобы, хоть я ни на миг не воображал себя таким уж невинным и чистым, она все же оказалась не столь невинна и чиста, как я сам.

— Но в тебе есть нечто большее. У тебя лицо человека, который со дня на день унаследует два палатината и какой-нибудь неведомый мне остров — и манеры сапожника. Когда ты сказал, что не боишься умереть, ты в самом деле был уверен в этом, и из-за этой уверенности действительно как бы не боишься смерти — разве что где-то в самой глубине души… И ведь тебя ничуть не затруднит отрубить голову, скажем, мне — верно?

Улица вокруг нас кипела и бурлила. Мостовую запрудили машины, экипажи с колесами и без, влекомые разнообразным тягловым скотом и рабами, пешеходы, всадники на дромадерах, волах, метаминодонах и лошадях. С нами поравнялся открытый фиакр — почти такой же.

— Мы вас обставим! — крикнула Агия сидевшей в нем паре, перегнувшись через борт.

— Докуда? — крикнул в ответ мужчина из другого фиакра.

С удивлением узнав в нем сьера Рашо, с которым встречался однажды, когда был послан

за книгами к мастеру Ультану, я схватил Агию за руку:

— Ты с ума сошла? Или это он рехнулся?

— До Ботанических Садов! Ставим хризос!

Их фиакр рванулся вперед, оставив нас позади.

— Быстрее! — крикнула Агия кучеру. — Кинжала у тебя нет? Хорошо бы кольнуть его в спину, чтобы потом мог сказать, будто гнал под угрозой смерти.

— Зачем все это?

— Проверка! Сам по себе твой костюм не обманет никого, но все думают, будто ты — переодевшийся для забавы армигер. И я это только что наглядно доказала. — (Фиакр наш, сильно накренившись, обогнал телегу, груженную песком.) — Кроме того, мы выиграем. Я знаю этого кучера, и упряжка у него свежая. А тот, другой, возил эту шлюху полночи.

Тут я понял, что в случае нашей победы Агия будет считать выигрыш своим, а в случае проигрыша та женщина потребует с Рашо мой (несуществующий) хризос. И все-таки — как приятно было бы оконфузить его! Стремительная езда и близость смерти (в скорой гибели от рук гиппарха я ни секунды не сомневался) сделали меня беззаботнее, чем когда-либо за всю мою жизнь. Я

обнажил «Терминус Эст» и благодаря длине его клинка легко смог дотянуться до онагров. Бока их уже были мокры от пота, и небольшие ранки, нанесенные мною, должны были жечь огнем.

— Это получше любого кинжала, — объяснил я Агии.

Толпа шарахалась прочь от бичей возниц. Матери разбегались кто куда, прижимая к себе детишек, солдаты, опираясь на древки копий, вскакивали на подоконники. Положение благоприятствовало нам: другой фиакр, несшийся впереди, поневоле расчищал нам дорогу, да к тому же его заметно задерживали прочие экипажи. Но все же мы нагоняли лишь понемногу, и, чтобы выиграть несколько элей, наш кучер, несомненно, рассчитывавший на солидные чаевые в случае выигрыша, на полной скорости направил онагров вверх по лестнице с широкими ступенями из халцедона. Казалось, мраморные плиты, статуи, колонны и пилястры валом обрушились прямо на нас! Мы проломили живую изгородь высотою с хороший дом, опрокинули тележку с засахаренными фруктами, нырнули под арку, прогрохотали вниз по лестнице, круто свернули в сторону и вновь помчались по улице, так и не узнав, в чей патио столь бесцеремонно

ворвались.

Здесь в узкий промежуток между нашими экипажами затесалась тележка пекаря, запряженная овцой. Огромное заднее колесо нашего фиакра зацепило ее — свежевыпеченные булки так и брызнули на мостовую! Толчок швырнул Агию прямо на меня, и ощущение оказалось столь приятным, что я обнял ее и удержал в новом положении. Прежде я часто сжимал в объятиях тела женщин — Теклы, наемных шлюх из города, но в этих объятьях имелась некая новая горьковатая сладость, порожденная мучительным влечением к Агии.

— Хорошо, что ты сделал это, — шепнула она мне на ухо. — Ненавижу мужчин, которые меня хватают.

С этими словами она покрыла мое лицо поцелуями. Кучер оглянулся на нас с победной ухмылкой, предоставив упряжке самой выбирать дорогу:

— Вот так! Еще сотня элей — и мы их сделали!

Круто свернув, фиакр вырвался на узкую дорожку меж двух рядов густого кустарника и оказался прямо перед стеной огромного здания. Кучер изо всех сил натянул вожжи, но было поздно. Мы въехали в стену, и она разошлась перед

нами, словно мираж. За ней оказалось громадное, мрачное помещение, где отчего-то сильно пахло сеном. Путь нам преградил украшенный множеством голубых огоньков алтарь в виде ступенчатой пирамиды размером с добрый коттедж. Увидев его, я тут же понял, отчего видно его так хорошо: кучера сшибло с облучка или, может, он спрыгнул сам. Агия завизжала.

На полном ходу врезались мы в алтарь! Хаос, последовавший за столкновением, описанию не поддается. Казалось, все вокруг закружилось в воздухе, сталкиваясь, но не падая — пожалуй, это сравнимо лишь с хаосом, царившим всюду до сотворения мира. Почва словно бы прыгнула вверх и ударила меня всей своей тяжестью. В ушах загудело.

В полете я «Терминус Эст» из рук не выпускал, но после падения его при мне уже не оказалось. Я хотел подняться и отыскать его, но обнаружил, что не могу — не хватало сил даже сделать вдох. Где-то вдали закричали. Повернувшись на бок, я собрался с силами и все же — с неимоверным трудом — встал.

Похоже, мы оказались примерно в центре помещения, размерами не уступавшего Башне Величия, однако совершенно пустого — ни внут-

ренних стен, ни лестниц, ни какой-либо мебели. Сквозь золотистую пыль, клубящуюся в лучах света, я разглядел накренившиеся столбы из крашеного дерева. В чейне — а то и более — над нашими головами виднелись светильники, казавшиеся лишь крохотными светлыми точками. Высоко над ними ветер, которого я не чувствовал, трепал, раздувал разноцветную крышу.

Под ногами моими — и повсюду вокруг, точно на поле какого-нибудь титана после сбора урожая — лежала солома, усеянная досками, из которых был собран алтарь. Обломки дерева были обиты листовым золотом и украшены бирюзой с аметистами. Повинуясь смутным мыслям о том, что меч нужно найти, я побрел вперед и почти сразу же наткнулся на разбитый фиакр. Рядом лежал один из онагров — помнится, я подумал, что он наверняка сломал себе шею.

— Палач! — позвал кто-то.

Оглянувшись, я увидел Агию, кое-как держащуюся на ногах, и спросил, цела ли она.

— Жива — и на том спасибо. Но отсюда надо уходить поскорее. Онагр мертв?

Я кивнул.

— Жаль, я могла бы сесть на него верхом. А так тебе придется, если сможешь, нести меня. Нога

вряд ли выдержит…

С этими словами она сделала шаг ко мне — пришлось прыгнуть к ней, чтобы вовремя удержать от падения.

— Идем, — сказала она. — Оглядись… видишь где-нибудь выход? Скорее!

Выхода я не видел.

— Но куда нам так спешить?

— Если уж ослеп и не видишь пола, то хоть принюхайся!

Принюхавшись, я почувствовал запах не просто соломы, но — соломы горящей. Почти тут же увидел я и огонь — язычки пламени, явно только что разгоревшегося из искр, весело пляшущие в полумраке. Я рванулся бежать, однако ноги почти не слушались.

— Где мы?

— В Храме Пелерин — некоторые еще называют его Храмом Когтя. Пелерины — это шайка жриц, странствующих по континенту. Они никогда не…

Агия запнулась — мы шли прямо к группе людей в алых одеждах. Или, может быть, это они шли к нам, так как неожиданно оказались совсем близко. Бритоголовые мужчины были вооружены кривыми, точно молодой месяц, блестящими

скимитарами, а высокая, точно экзультантка, женщина держала в руках двуручный меч в ножнах — мой «Терминус Эст». Одета она была в длинный узкий плащ с капюшоном и длинными султанами позади.

— Наши лошади понесли, Святейшая Домницелла… — начала Агия.

— Это неважно, — оборвала ее женщина, державшая в руках мой меч.

Красива она была поразительно, но не той красотой, что возбуждает желание.

— Это принадлежит мужчине, несущему тебя. Вели ему поставить тебя на ноги и взять это. Ты можешь идти и сама.

— С трудом. Делай, как она говорит, палач.

— Ты не знаешь его имени?

— Он называл, но я забыла.

— Севериан, — сказал я, поддерживая Агию одной рукой, а другой принимая меч.

— Пусть он в руце твоей прекращает свары, — сказала женщина в алом, — но отнюдь не начинает их.

— Солома на полу этого огромного шатра горит. Тебе известно об этом, шатлена?

— Огонь будет погашен. Сестры и наши слуги уже затаптывают угли. — Окинув меня быстрым

взглядом, она снова обратилась к Агии: — Среди обломков уничтоженного вами алтаря мы нашли лишь одну вещь, принадлежащую вам и, видимо, дорогую для вас. Вот этот меч. Мы вернули его вам. Не хотите ли и вы вернуть нам то, что могли найти среди обломков и что может быть для нас дорого?

Я вспомнил об аметистах.

— Я не нашел ничего ценного, шатлена.

Агия молча покачала головой.

— Там были обломки дерева, украшенного драгоценными камнями, но я не тронул их, — пояснил я.

Бритоголовые мужчины поигрывали скимитарами и явно рвались в бой, но высокая женщина, не двигаясь с места, снова окинула взглядом меня, затем — Агию.

— Подойди ко мне, Севериан.

Я сделал шага три вперед, изо всех сил противясь соблазну выхватить из ножен «Терминус Эст», дабы хоть как-то оборониться от клинков бритоголовых. Хозяйка их, взяв меня за запястья, заглянула мне в глаза. Взгляд ее глаз был спокоен, странно светел и тверд, точно то были не глаза, но бериллы.

— На нем нет вины, — сказала она.

— Ты ошибаешься, Домницелла, — пробормотал один из бритоголовых.

— Невиновен, говорю я! Отойди, Севериан, пусть вперед выйдет женщина.

Я сделал, как было сказано, и Агия с трудом сделала шаг к женщине в алом. Та, видя, что другого шага Агии не сделать, сама приблизилась к ней и взяла ее за запястья — так же, как и меня. Взглянула ей в глаза, оглянулась на другую женщину, стоявшую за спиной одного из бритоголовых… Прежде чем я успел понять, что происходит, двое мечников, подступив к Агии, через голову сорвали с нее платье.

— Ничего нет, Великая Мать, — сказал один из них.

— Наверное, настал тот день. Пророчество сбылось.

— Эти Пелерины — сумасшедшие, — шепнула мне Агия, прикрывая ладонями грудь. — Об этом все знают: будь у нас больше времени, я бы предупредила тебя.

— Верните ее тряпье, — распорядилась высокая женщина. — Коготь не исчезал из памяти живущих никогда, но ныне покинул нас собственной волею. Препятствовать этому невозможно и непозволительно.

— Великая Мать, быть может, мы еще отыщем его среди обломков, — негромко сказала одна из женщин.

— И разве они не заплатят за содеянное? — прибавила вторая.

— Позволь нам покарать их смертью, — зароптали бритоголовые.

Высокая женщина словно не слышала их. Она уже шла прочь, и ноги ее будто бы лишь слегка касались устланного соломой пола. Прочие женщины, переглянувшись, последовали за ней. Мужчины, опустив сверкающие клинки, отступили.

Агия не без труда оделась. Я спросил у нее, что такое Коготь и кто такие эти Пелерины.

— Выведи меня отсюда, Севериан, и я тебе все объясню. Разговоры о них в их собственном жилище ни к чему хорошему не приведут. Что там, в стене, — прореха?

Увязая в мягкой соломе, мы пошли в указанном ею направлении. Прорехи в стене не оказалось, но я сумел приподнять край шелковой ткани шатра и выбраться наружу.

XIX
Ботанические Сады

Солнечный свет ослеплял; мы словно шагнули из вечерних сумерек в ясный полдень. В воздухе возле шатра до сих пор кружились, медленно падая на землю, золотистые соломинки.

— Вот так-то лучше, — сказала Агия. — Остановись, надо сообразить, где мы. Пожалуй, где-то справа от нас — Адамнианская Лестница. Кучер вряд ли рискнул бы спускаться прямо по ней — хотя с него сталось бы, чего доброго. Она приведет нас к Садам кратчайшим путем. Дай руку, Севериан: нога еще плохо слушается.

Мы ступили на траву, и тогда я увидел, что огромный шатер, Храм Пелерин, установлен на обширном лугу среди богатых особняков. Колеблющиеся на ветру колокольни возвышались над каменными оградами внушительной толщины. Луг был окружен широкой дорожкой, вымощенной булыжником, и, когда мы добрались до нее, я снова спросил, что представляют собою Пелерины.

Агия искоса взглянула на меня.

— Прости, но мне нелегко говорить о профессиональных девственницах с мужчиной, только что видевшим меня обнаженной. В других обстоятельствах все могло бы быть иначе. — Она глубоко вздохнула. — На самом-то деле я мало знаю о них. Их одеяния в нашей лавке тоже имеются, и как-то я спросила брата, что они собой представляют, и внимательно выслушала ответ. Эти красные балахоны — весьма популярные маскарадные костюмы. В общем, как ты уже понял и сам, это довольно известный религиозный орден. Алый цвет символизирует свет, низвергаемый на землю Новым Солнцем, а сами Пелерины, так сказать, низвергаются на землевладельцев, странствуя по континенту со своим храмом и самовольно устанавливая его где пожелают. Орден, по собственным их словам, владеет самой ценной реликвией мироздания, Когтем Миротворца, и поэтому алый цвет может символизировать также Раны, От Когтя Причиненные.

— Вот уж не знал, что у него были когти, — заметил я, желая сострить.

— Не настоящий коготь. Говорят, это драгоценный камень. Ты наверняка слышал о нем. Не знаю, отчего его называют Когтем; это вряд ли известно и самим Пелеринам, но — сам понимаешь,

сколь важна реликвия, имеющая прямое отношение к Миротворцу! В конце концов, современное знание о нем — чисто исторического характера. То есть мы либо признаем, либо отрицаем, что он когда-то, в далеком прошлом, вступал в контакт с человечеством. Если Коготь — на самом деле то, чем его объявляют Пелерины, Миротворец действительно когда-то существовал, жил, хотя с тех пор мог и умереть.

Изумленный взгляд встречной женщины, несшей в руках дульцимер, подсказал мне, что накидка, приобретенная у брата Агии, распахнулась, открыв для всеобщего обозрения мой гильдейский плащ цвета сажи (наверняка показавшийся бедной женщине этаким сгустком тьмы). Поправив накидку и застегнув фибулу, я сказал:

— Чем больше размышляешь над любым религиозным аргументом, тем меньше становится его значимость. Допустим, Миротворец вправду жил среди нас эоны назад, а теперь мертв. Для кого это имеет значение, кроме историков и религиозных фанатиков? Мне дорога легенда о нем как часть нашего сокровенного прошлого, но для современности имеет какое-либо значение только эта легенда, а никак не прах Миротворца!

Агия потерла ладонь о ладонь, словно стараясь согреть руки в солнечных лучах.

— Если он… Севериан, здесь нужно свернуть за угол, и покажется лестница — вон там, где статуи эпонимов… Если он существовал, то по определению был Владыкой Силы. Что означает выход за пределы реальности, включая сюда и время. Верно?

Я согласно кивнул.

— А если так, ничто не препятствует ему переместиться из прошлого, скажем, трехсотлетней давности в ту временную точку, которую мы с тобой называем настоящим. Мертвый ли, живой; если он когда-либо существовал, то может находиться всего в квартале — или в паре дней — от нас.

За разговором мы добрались до верхней площадки лестницы. Ступени ее, вытесанные из белого, как соль, камня, были порой широки и пологи, порой же — круты, будто трап. Там и сям расставлены были на них лотки кондитеров, продавцов обезьян и прочих торговцев в том же роде. Спускаясь по этим ступеням, беседовать с Агией о тайнах мироздания отчего-то было очень приятно, и я сказал:

— И все — из-за каких-то женщин, заявляю-

щих, будто они владеют одним из его когтей! Надо полагать, и без чудесных исцелений там не обходится?

— Они говорят, что случается и такое. А еще Коготь может залечивать раны, оживлять умерших, сотворять из глины новые виды живых существ, помогает унимать похоть и так далее. Все то, на что был способен сам Миротворец.

— Это ты надо мною смеешься?

— Нет, я смеюсь в лицо солнцу. Ты ведь знаешь, что оно делает с лицами женщин?

— Да, оно делает их смуглыми.

— Оно уродует нас! Начать с того, что лучи солнца сушат кожу, отчего на ней появляются морщины! Вдобавок они освещают и выставляют всем напоказ любой изъян — даже самый мелкий. Помнишь, как Урваши любила Пуруравaса, пока не увидела его в ярком свете солнца? А я чувствую его лучи на своем лице и думаю: «Мне плевать на тебя! Я еще достаточно молода, чтобы обращать на тебя внимание, а на будущий год подберу себе в нашей лавке широкополую шляпу!»

В ярких солнечных лучах лицу Агии в самом деле далеко было до совершенства, однако бояться ей вовсе не стоило: ее изъяны лишь пуще разжигали мое вожделение. Она обладала тем самым

— безнадежным и в то же время исполненным надежд мужеством, что нередко свойственно бедным и, пожалуй, куда привлекательнее, чем все прочие человеческие качества. Изъяны Агии только придавали ей осязаемости.

— Признаться, — продолжала она, крепко сжав мою руку, — я никогда не понимала, отчего люди наподобие этих Пелерин всегда думают, будто обычному человеку непременно нужно помогать унимать похоть. Мой опыт показывает, что обычные люди и сами неплохо с этим справляются, причем каждый день. Нужно лишь найти себе кого-нибудь под пару…

— Значит, тебе не все равно, люблю ли я тебя?

Это было шуткой разве что наполовину.

— Любая женщина хочет, чтобы ее любили, и чем больше мужчин любит ее, тем лучше! Но тебе я вряд ли отвечу взаимностью, если ты об этом. Слишком уж просто все вышло бы — после таких-то прогулок по городу. Но если тебя вечером убьют, ночью мне будет сквернее некуда.

— Мне тоже, — сказал я.

— Ничего подобного! Тебе уже будет на все наплевать. Мертвому не больно — тебе это должно быть известно лучше, чем любому другому!

— Я почти склонен считать, что всю эту зава-

руху устроила ты или твой брат. Когда пришел Септентрион, ты была снаружи — может, это ты сказала ему что-нибудь, чтобы настроить против меня? Может, он — твой любовник?

Агия рассмеялась.

— Взгляни на меня! Да, платье мое из парчи, но что под ним — ты видел. Я хожу босиком. Есть ли на мне кольца или серьги? Или серебряная ламия на шее? Или золотые браслеты на запястьях? Нет? Тогда можешь быть уверен, что я не кручу любовь с офицером Дворцовой Стражи! Ко мне навязывается в сожители только один старый моряк, уродливый и бедный. Мы с Агилом существуем лишь за счет нашей лавки. Она оставлена нам матерью и не заложена только потому, что не сыскалось в городе человека, достаточно глупого, чтоб дать под нее хоть что-нибудь. Порой мы раздираем что-нибудь из товара в лоскуты, продаем их тем, кто делает бумагу, и нам хватает на миску чечевицы…

— Ну сегодня вечером ты наешься досыта, — заметил я. — Я хорошо заплатил твоему брату за эту накидку.

— Ка-ак? — Похоже, к Агии вернулось шутливое настроение; она отступила на шаг и разинула рот, изобразив крайнюю степень изумления. —

Ты не собираешься угостить меня ужином? И это — после того, как я потратила целый день, чтобы научить тебя уму-разуму?

— И попутно втравила меня в историю с этим алтарем.

— Мне жаль, что так вышло, правда! Я подумала, что твоим ногам лучше как следует отдохнуть перед боем. А тут появилась та парочка — и я решила, что это для тебя неплохой шанс заработать…

Отведя от меня взгляд, она повернулась к одному из бюстов, украшавших лестницу.

— Все затевалось только ради этого? — спросил я.

— Сказать правду, мне хотелось, чтобы все приняли тебя за армигера. Армигеры часто расхаживают по улицам в странной одежде — когда идут на турнир или на пикник. И лицо у тебя подходящее. Я ведь и сама приняла тебя за армигера, когда ты подошел к лавке. И уж решила, что мной вполне может заинтересоваться какой-нибудь армигер или даже незаконный сын экзультанта — пускай хотя бы в шутку… Ну откуда мне было знать, что так выйдет?

— Понятно… — Внезапно меня одолел смех. — Однако глупо же мы, наверное, выглядели, когда

неслись в этом фиакре!

— Если понял это, поцелуй меня!

Я окаменел от удивления.

— Ну же! Много ли у тебя шансов осталось? А я дам тебе все, чего захочешь… — Она умолкла и вдруг рассмеялась тоже. — Быть может, после ужина, если сумеем найти уединенное местечко… Хотя перед боем, наверное, лучше не стоит.

Она обняла меня и потянулась к моим губам. Груди ее оказались упруги и высоки; бедра прижались к моим.

— Вот так… — Она оттолкнула меня. — Взгляни, Севериан! Видишь — там, между пилонами?..

Там, внизу, блестела, словно зеркало, поверхность воды.

— Река.

— Да, это Гьёлль. Теперь — налево. Остров разглядеть трудно — слишком много ненюфар, но там трава должна быть ярче и светлее. Видишь, стекло сверкает на солнце?

— Что-то такое вижу. Это здание — целиком из стекла?

Агия кивнула.

— Это и есть Ботанические Сады. Там ты сорвешь себе аверн — нужно лишь потребовать это как полагающееся по праву.

Дальше мы спускались молча. Адамнианская Лестница, змеей петлявшая по склону холма, очевидно, была популярным местом для прогулок — я видел множество прекрасно одетых пар, мужчин с отметинами былой бедности на лицах, шумно резвящихся детей… Над противоположным берегом Гьёлля темнели, навевая печаль, башни Цитадели. Увидев их в третий или четвертый раз, я вспомнил, как мальчишкой, купаясь у восточного берега, ныряя с уходящих в воду ступеней и воюя с ребятней из окрестных кварталов, раз или два замечал тонкую белую змейку на склоне далекого, едва различимого глазом холма за рекой.

Ботанические Сады находились на острове у самого берега, в здании, целиком выстроенном из стекла (никогда прежде не видел ничего подобного — не знал даже, что такое вообще возможно). Ни башен, ни бойниц — лишь многогранные купола, уходящие вверх и пропадающие в небе, оставляя за собою лишь блики в тех местах, где с листами стекла соединялись изящные ажурные лесенки. Я спросил у Агии, успеем ли мы посмотреть сады, но тут же, не дожидаясь ответа, объявил, что хочу видеть их в любом случае. Честно говоря, опоздать на свидание с собствен-

ной смертью я вовсе не опасался и к тому же не мог относиться серьезно к поединку на цветах вместо оружия.

— Если тебе угодно провести свой последний день в Садах — что ж, так тому и быть, — ответила Агия. — Сама-то я часто бываю здесь. Вход бесплатный — Сады состоят на попечении Автарха. Какое-никакое, а развлечение, если не страдаешь чрезмерной брезгливостью.

Мы поднялись по лестнице из светло-зеленого стекла. Я спросил, вправду ли такая громадина возведена только ради цветов и фруктов.

Она покачала головой, рассмеялась и направилась вперед, к широкой арке.

— По обеим сторонам этого коридора устроены залы, и в каждом из них — свой биоценоз. Помни, что коридор короче самого здания, и потому чем дальше углубляешься в зал, тем он шире. Некоторых это сбивает с толку.

Мы вошли внутрь. В коридоре царила тишина — так было, наверное, в утро мира, в начале времен, еще до того, как первые мужчины рода человеческого научились ковать медные гонги, строить скрипучие повозки и бороздить Гьёлль на многовесельных ладьях. Воздух — сырой, напоенный множеством ароматов — оказался за-

метно теплее, чем снаружи. Стены по обе стороны мозаичного пола тоже были сделаны из стекла, но столь толстого, что взгляд сквозь него почти не проникал. Казалось, будто листья, цветы и даже высокие деревья за этими стенами колеблются, словно погребенные в толще воды. На одной из дверей я прочел надпись:

САД СНА

— Можете ходить где угодно, — сказал старик, поднявшийся из кресла в углу. — И сколько угодно.

Агия покачала головой.

— Времени у нас не больше чем на два зала.

— Вы здесь впервые? Новичкам обычно очень нравится Сад Пантомимы.

Неяркие, длинные одежды старика о чем-то смутно напоминали. Я спросил, к какой гильдии он принадлежит.

— К гильдии кураторов. Неужели ты никогда прежде не встречался с кем-нибудь из моих собратьев?

— Встречался дважды.

— Да, нас немного. Но задача наша гораздо важнее, чем думают в обществе, — мы храним то, что ушло. Видел ли ты Сад Древностей?

— Пока нет.

— Взгляни обязательно! Если это первый твой визит к нам, советую тебе начать с Сада Древностей. Сотни и сотни вымерших растений, включая те, которых в природе не найти уже десятки миллионов лет!

— А я, — заметила Агия, — видела ту «лиану пурпурную», которой вы так гордитесь, растущей на склоне холма в Квартале Мостильщиков.

Куратор печально покачал головой.

— Нам известно об этом… Боюсь, мы потеряли споры. Одна из панелей крыши треснула, и они разлетелись. — Но печаль исчезла с его морщинистого лица быстро, точно у простолюдина, не привыкшего подолгу лелеять свои горести. Старик тут же заулыбался. — Впрочем, ей там, скорее всего, живется неплохо. Все ее враги давно мертвы, как и хвори, исцеляемые ее мякотью.

Грохот за спиной заставил меня обернуться. Там двое рабочих вкатывали тележку в одну из дверей, и я спросил, что они делают.

— Там — Песчаный Сад. Кактусы, юкки и прочее в том же роде… Его перестраивают. Боюсь, сейчас там любоваться особенно нечем.

Я взял Агию за руку:

— Идем. Хочу взглянуть на их работу.

Она улыбнулась куратору, слегка пожала плечами, однако последовала за мной достаточно покорно.

В этом саду не было ничего, кроме песка, из коего местами выглядывали каменные валуны. Казалось, пространству, в котором мы оказались, нет границ. Оглянувшись, я увидел на месте стены и двери, сквозь которую мы вошли, отвесную скалу. Рядом с дверным проемом змеилось вверх по скале довольно большое растение — наполовину куст, наполовину лоза, усеянная страшными кривыми шипами. Я решил, что это остатки прежней растительности, которые еще не успели убрать. Других растений в саду не было, как не было и признаков перестройки сада, о которой говорил куратор, — лишь след колес тележки петлял по песку среди валунов.

— Немного же от него осталось, — сказала Агия. — Давай я отведу тебя в Сад Наслаждений!

— Послушай, отчего мне кажется, что я не могу выйти отсюда? Ведь дверь открыта!

Агия покосилась на меня.

— Такое чувство рано или поздно возникает у каждого, только обычно не так скоро. Тогда нам лучше выйти, да поскорей.

Она говорила что-то еще, но я не слышал ее. Мне

чудилось, будто откуда-то издалека до ушей моих доносится шум волн, бьющихся о край света.

— Подожди… — сказал я.

Но Агия едва ли не силой выволокла меня в коридор, где с наших ног осыпалась добрая пригоршня песку.

— У нас вправду не так уж много времени, — пояснила она. — Давай я покажу тебе Сад Наслаждений, а потом сорвем аверн и пойдем.

— Но сейчас разве что середина утра!

— Нет. Уже за полдень. На Песчаный Сад мы потратили больше стражи.

— Вот тут ты наверняка врешь!

На миг лицо Агии вспыхнуло, но гнев тут же сменился елеем философской иронии, источаемым ее уязвленным самолюбием, точно секреция. Я был гораздо сильнее и, несмотря на всю свою бедность, богаче; и теперь она говорила себе (казалось, я даже слышал шепот ее внутреннего голоса), что, проглатывая подобные оскорбления, приобретает власть надо мной.

— Севериан, ты все время спорил со мной — и вот в конце концов пришлось вытаскивать тебя оттуда. Сады всегда действуют на людей именно так, особенно на тех, кто больше подвержен внушению. Говорят, Автарх хотел, чтобы в каждом

саду, дабы подчеркнуть реальность пейзажа, всегда кто-нибудь да был, и потому его архимаг, Отец Инире, наложил на них заклятия. Но, если тебя так привлек этот, другие сады вряд ли подействуют столь же сильно.

— Мне казалось, будто мое место — там, — сказал я. — Что я встречу в этих песках одну женщину… и что она вправду была там, хотя мы ее и не видели.

Мы подошли к еще одной двери. На этой значилось:

САД ДЖУНГЛЕЙ

Агия молчала, и я сказал:

— Значит, другие сады не должны действовать так же сильно? Тогда давай зайдем сюда.

— Так мы никогда не доберемся до Сада Наслаждений!

Ее настойчивость порождала во мне страх перед тем, что я могу обнаружить в избранном ею саду или же принести туда с собою.

— Всего лишь на миг.

Тяжелая дверь Сада Джунглей распахнулась, и сад дохнул на нас воздухом, густо насыщенным испарениями. Внутри было сумрачно и зелено. Вход заслоняли лианы, а в нескольких шагах

от порога лежал поперек тропинки насквозь прогнивший ствол огромного дерева. На коре его каким-то чудом еще держалась маленькая табличка: *Caesalpinia sappan*.

— Настоящие джунгли на севере умирают по мере того, как остывает солнце, — сказала Агия. — Один мой знакомый говорил, что они умирают так уже многие века. А здесь джунгли сохраняются в том виде, какими они были в древности, когда солнце было еще молодым. Ну, идем — ты хотел взглянуть на них.

Я шагнул через порог. Дверь, захлопнувшись за нами, исчезла.

XX
Зеркала Отца Инире

Настоящих джунглей, по словам Агии, медленно умиравших далеко на севере, я никогда в жизни не видел, однако эти, в саду, сразу же показались мне знакомыми. Даже сейчас, сидя за своим письменным столом в Обители Абсолюта, я будто бы слышу доносящиеся издалека крики того попугая с фуксиновой грудью и ярко-голубой спинкой, при виде нас перелетевшего с ветки на ветку и неодобрительно покосившегося на незваных гостей окаймленным белыми перышками глазом — но это, без сомнения, лишь оттого, что мысли мои, обратившись к прошлому, перенесли меня в тот зачарованный сад. За криком попугая последовал новый звук — точно новый глас какого-то юного, дикого мира, еще не покоренного мыслью. Я коснулся руки Агии.

— Что это?

— Смилодон. Но он далеко и всего-навсего пугает газелей, чтобы они бросились наутек и попали к нему в зубы. А от тебя с твоим мечом сам удерет быстрее, чем ты мог бы удрать от него.

Платье ее зацепилось за ветку и треснуло, выставив напоказ одну из грудей. Агия заметно помрачнела.

— Куда ведет эта тропинка? И как эта кошка может быть далеко от нас, когда все это — лишь зал в здании, которое мы видели с Адамнианской Лестницы?

— Я никогда не заходила в этот сад слишком глубоко. Это ведь тебе захотелось его посмотреть.

Я взял ее за плечо.

— Отвечай на вопрос.

— Если эта тропинка такая же, как и другие — то есть как в прочих садах, то она описывает круг и в конце концов приведет нас обратно к выходу. Так что бояться нечего.

— Дверь исчезла, когда я закрыл ее.

— Трюк. Разве ты никогда не видел картин, на которых пиетисты погружены в медитацию, когда ты с одной стороны, и таращатся на тебя, если встать с другой? Стоит нам описать круг и вернуться к двери, мы увидим ее.

На тропинку выползла змея. Она подняла головку, взглянула на нас сердоликовыми глазами-бусинами и скользнула в траву. Агия ахнула.

— Ну кто из нас боится? Разве змея не удрала от тебя быстрее, чем ты могла бы удрать от нее?

А теперь отвечай на вопрос о смилодоне. Он в самом деле далеко? И если да, как это может быть?

— Не знаю. По-твоему, здесь на все вопросы существует ответ? Ты сам мог бы ответить на любой вопрос о том месте, откуда пришел?

Я вспомнил громаду Цитадели и обычаи нашей гильдии, зародившиеся тысячи лет тому назад.

— Нет. Там, откуда я пришел, многие обязанности и обычаи совершенно непонятны, так как в наш век, век упадка, они совсем вышли из употребления. Есть там башни, куда никто никогда не ходит, есть забытые залы и коридоры, куда никто не знает дороги…

— Так отчего же ты не можешь понять, что здесь — точно так же? Мог ли ты разглядеть все здание целиком с верхней площадки Адамнианской Лестницы?

— Нет, — согласился я. — Что-то заслоняли пилоны и шпили, да еще угол набережной…

— Но мог ли ты хотя бы оценить его величину?

Я пожал плечами.

— Стекло… Границ силуэта здания было почти не различить.

— Тогда зачем задавать такие вопросы? А если уж задаешь, неужели не понимаешь, что я вовсе не обязательно знаю ответ? Рев смилодона

звучал так, точно зверь очень далеко. Возможно, его вообще нет здесь. А может быть, расстояние измеряется не пространством, но временем.

— Глядя на Сады с лестницы, я видел многогранный купол. А теперь, если поглядеть вверх, в просветах меж листьев и лиан видно лишь небо.

— Грани купола очень велики. Края их вполне могут быть укрыты за этими самыми лианами и листьями.

Мы миновали крохотный ручеек, в русле коего нежилась какая-то рептилия с угрожающего вида клыками и шипастой спиной. Опасаясь, как бы она не кинулась к нашим ногам, я вынул из ножен «Терминус Эст».

— Хорошо, — сказал я. — Деревья здесь в самом деле растут густо и заслоняют обзор. Но взгляни на прогалину, по которой течет этот ручей. Вверх по течению, куда хватает взгляда, нет ничего, кроме джунглей. А с другой стороны, вдалеке, поблескивает вода, точно ручей впадает в озеро.

— Я ведь предупреждала, что залы чем дальше от входа, тем обширнее, и это может сбить с толку. Еще говорят, что стены здесь — из зеркального стекла, и зеркала, отражаясь друг в друге, создают впечатление бескрайних просторов.

— Когда-то я знавал женщину, встречавшуюся

с Отцом Инире, и она рассказывала историю о нем. Хочешь послушать?

— Ну, расскажи, если есть желание.

Я и в самом деле хотел послушать эту историю еще раз, и потому рассказал ее самому себе, прислушиваясь к ней каким-то укромным уголком сознания и слыша все столь же отчетливо, как и в первый раз, когда в ладонях моих покоились руки Теклы — холодные, белые, словно лилии, сорванные с могил в проливной дождь.

— Мне, Севериан, было тогда тринадцать лет, и была у меня подруга по имени Домнина — очень милая девочка, выглядевшая лет на пять младше своего возраста. Возможно, поэтому она и стала жертвой его каприза.

Конечно же, об Обители Абсолюта ты ничего не знаешь. Так вот, в одном из залов ее, называемом Залом Смысла, имеются два зеркала, каждое три-четыре эля в ширину, а высотою — от пола до потолка. Между ними нет ничего, кроме мраморного пола протяженностью в несколько дюжин шагов. Другими словами, всякий, идущий по Залу Смысла, видит в них бесчисленное множество собственных отражений. Каждое из зеркал отражает то, что отражается в другом.

Естественно, место это весьма привлекательно

для маленьких, нарядно одетых девочек. Однажды вечером мы с Домниной играли там, вертясь перед зеркалами так и сяк, любуясь своими новыми камизами. У нас были два канделябра, каждый — по левую сторону от одного из зеркал.

Мы были так заняты игрой, что не заметили Отца Инире, пока он не подошел совсем близко. Ты, наверное, понимаешь: в другое время мы, едва завидев его, убежали и спрятались бы, хотя он был вряд ли выше нас ростом. Одет он был в переливчатые ризы, будто бы выкрашенные туманом. «Берегитесь, дети, — сказал он, — ибо любоваться собою таким образом весьма опасно. На свете есть бес, что живет в стекле зеркал и проникает в глаза всякого, засмотревшегося на свое отражение».

Я поняла, что он имеет в виду, и покраснела. Но Домнина сказала: «Пожалуй, я видела его. Он — словно такая блестящая слеза, верно?»

Отец Инире ни на мгновение не замешкался с ответом и даже глазом не моргнул, хотя я видела, что он изумлен. «Нет, дульсинея, — сказал он, — вовсе нет. Это некто другой. Видишь ли ты его ясно? Нет? Тогда зайди завтра, сразу после вечерни, в мою приемную, и я его тебе покажу».

С этим он и ушел. Мы очень испугались. Дом-

нина раз сто поклялась, что никуда завтра не пойдет. Я одобряла ее решение и старалась всячески укрепить ее в нем. Более того — мы устроили так, чтобы в эту ночь и весь следующий день не разлучаться.

Но все было тщетно. Незадолго до назначенного времени за бедной Домниной явился служитель в ливрее, каких мы до того ни разу не видели.

Несколькими днями ранее я получила в подарок набор бумажных куколок — субреток, коломбин, корифеев, арлекинов, фигурантов — словом, обычный комплект. Помню, как я весь вечер сидела у окна, ждала Домнину и играла с этими маленькими человечками, раскрашивая их костюмы восковыми карандашами, выстраивая из них сцены и придумывая игры, в которые мы будем играть, когда она вернется.

Наконец нянька позвала меня к ужину. Я уже была уверена, что Отец Инире убил Домнину или же отослал к матери, запретив впредь возвращаться в Обитель Абсолюта. Но, едва я съела суп, раздался стук. Я услышала, как служанка моей матери пошла к дверям, а после в комнаты вбежала Домнина. Никогда не забуду ее лица — оно было белее, чем лица моих бумажных кукол. Она плакала, но моя нянька смогла успокоить ее, и

тогда она рассказала нам все.

Присланный за нею служитель провел ее залами, о существовании которых она прежде и не подозревала. Ты понимаешь, Севериан, как пугают такие вещи сами по себе. Мы-то считали, что прекрасно знаем наше крыло Обители Абсолюта! В конце концов она оказалась в приемной; это была большая комната с плотными темно-красными шторами на окнах и совсем без мебели — там были лишь вазы выше человеческого роста и шире, чем ее руки, разведенные в стороны.

В центре этой комнаты находилось нечто, сперва показавшееся ей еще одной — меньшей — комнатой, восьмиугольные стены которой были украшены орнаментом из «лабиринтов». Над этой маленькой комнаткой, едва различимой с порога, горел светильник, по яркости превосходивший любой из тех, что Домнине доводилось увидеть прежде. Бело-голубой свет его был столь ослепителен, что на него невозможно было смотреть.

Дверь за ней затворилась, и она услышала лязг щеколды. Другого выхода из приемной не было. Домнина бросилась к шторам, надеясь отыскать за ними еще одну дверь, но, стоило ей отодвинуть одну, украшенная «лабиринтами» стена восьми-

угольной комнатки раскрылась, и в приемную вошел Отец Инире. За спиной его, как рассказала Домнина, была бездонная дыра, наполненная светом.

«Вот и ты, дитя мое, — сказал он. — Как раз вовремя. Сейчас мы с тобой поймаем рыбку. Понаблюдай за тем, как я забрасываю крючок, и узнаешь, что нужно сделать, чтобы золотые чешуйки этого существа застряли в нашей земной сети».

С этими словами он взял ее за руку и ввел в восьмиугольную комнатку.

Здесь я был вынужден прервать повествование и помочь Агии перебраться через клубок лиан, загородивший тропинку.

— Ты разговариваешь сам с собою, — сказала она. — Я слышу твое бормотанье позади.

— Я рассказываю самому себе предназначенную для тебя историю. Тебе, похоже, не очень хотелось ее слушать, а вот мне было интересно послушать ее еще раз. Кроме того, она о зеркалах Отца Инире и может заключать в себе какие-нибудь полезные для нас подсказки.

— Домнина подалась назад. В центре комнатки, прямо под ярким светильником, шевелилось нечто наподобие сгустка желтого света. Сгусток

этот, рассказывала она, очень быстро скакал вверх-вниз и из стороны в сторону, но все время оставался внутри пространства в четыре пяди высотой и четыре пяди длиной. Он и в самом деле очень напоминал рыбку, резвящуюся в воздухе, наполняющем невидимую чашу, — куда было до него жалким фамильярам в зеркалах Зала Смысла! Отец Инире задвинул за собою украшенную «лабиринтами» стену — она оказалась зеркалом, отразившим его лицо, руку и сверкающие переливчатые ризы. Отражалась в зеркале и сама Домнина, и «рыбка» в невидимой чаше… но там, за стеклом, казалось, была еще одна Домнина, словно бы выглядывавшая из-за ее плеча, а за ней — еще и еще, *ad infinitum*; каждая — чуть меньше предыдущей.

Увидев все это, она поняла, что напротив стены, сквозь которую они вошли внутрь, стоит еще одно зеркало. Все восемь стен изнутри были зеркальными, и свет бело-голубого светильника, пойманный в ловушку, солнечным зайчиком скакал от одного к другому, образуя в центре комнатки ту самую пляшущую «рыбку».

«Вот и он, — сказал Отец Инире. — Древние, знавшие этот процесс, по крайней мере, не хуже нашего, а вероятнее всего — гораздо лучше,

считали «рыбку» самым распространенным и наименее важным из обитателей зеркала. Их заблуждения относительно того, что вызываемые существа на самом деле обитают в глубинах стекла, не стоят нашего внимания. Но со временем они задались куда более серьезным вопросом: какими способами может быть осуществлено перемещение, если точка отправления отделена от точки назначения расстоянием астрономического порядка?»

«Можно его потрогать?»

«На этой стадии — да, дитя мое. Позже — не советую».

Домнина поместила палец в середину пляшущего сгустка света и почувствовала ускользающее тепло.

«Так же прибывают к нам и какогены?»

«Скажи, твоя мать когда-нибудь катала тебя на флайере?»

«Конечно».

«Игрушечные флайеры, которые дети постарше ради забавы запускают в парках с наступлением сумерек, с бумажным фюзеляжем и фонариками из пергамента, ты тоже, несомненно, видела не однажды. То, что ты наблюдаешь сейчас, отличается от настоящих межсолнечных путеше-

ствий примерно так же, как игрушечный флайер от настоящего. Однако таким образом вполне можно вызвать «рыбку» и даже, быть может, кого-нибудь еще. И подобно тому, как игрушечный флайер порою может послужить причиной пожара, в котором погибнет целый дворец, наши зеркала, как ни слаба здесь концентрация, тоже небезопасны».

«А я думала, чтобы полететь к звездам, нужно сесть на зеркало».

Впервые Отец Инире улыбнулся. Хотя Домнина и понимала, что улыбка его означает не более чем удивление и удовольствие (каких, вероятно, не смогла бы доставить Отцу Инире взрослая женщина), ее это вовсе не радовало.

«Нет, нет. Позволь мне изложить поставленную задачу. Когда предмет движется очень и очень быстро — с той же скоростью, с какой ты видишь знакомую обстановку в комнате, стоит лишь няньке зажечь свечу, — он становится многократно тяжелее. Не больше, понимаешь ли, но тяжелее. Таким образом, его сильнее притягивает к Урд или любому другому миру. Если придать этому предмету достаточную скорость, он может и сам сделаться миром, притягивая к себе другие предметы. Конечно, придать предмету такую

скорость невозможно, однако если бы кто-нибудь все же добился этого, случилось бы именно так. Но даже свет свечи не развивает скорости, какая требуется для межсолнечных путешествий».

(«Рыбка» все это время скакала, приплясывала в центре комнатки.)

«А если сделать очень-очень большую свечу?» — сказала Домнина, наверняка вспомнив о пасхальных свечах, какие мы видели каждую весну — толще бедра взрослого мужчины.

«Увы! Сколь бы ни была велика свеча, свет ее не станет от этого двигаться быстрее. К тому же свет, хоть и кажется невесомым, все же оказывает давление на то место, куда падает, — как ветер, хоть его и не видно глазом, давит на крылья ветряной мельницы. Теперь ты понимаешь, что получается, когда мы помещаем источник света лицом к лицу с зеркалами? Изображение, отражаемое ими, перемещается от одного к другому и обратно. Что, по-твоему, произойдет, если посредине оно встретится с самим собой?»

Несмотря на весь свой страх, Домнина рассмеялась и ответила, что догадаться не может.

«Проще простого — оно уравновесит само себя. Представь себе двух девочек, бегущих по лужайке, не глядя, куда они направляются. Столк-

нувшись, они остановятся. А вот отражения, если зеркала сделаны как следует и расстояние между ними выверено точно, не встретятся, но разминутся. При этом света свечи или обычной звезды для достижения эффекта недостаточно, ибо это — всего лишь белый свет; беспорядочный, точно волны, расходящиеся от пригоршни камешков, брошенной маленькой девочкой в пруд с лилиями; иначе свет сей склонен был бы двигать свой источник вперед. Однако если свет исходит из когерентного источника и отражен оптически идентичными зеркалами, ориентация волновых фронтов одинакова — поскольку все зеркала отражают одно и то же. В нашей вселенной ничто не может превысить скорость света, и посему этот свет, получив дополнительное ускорение, покидает ее и перемещается в другую, а там, замедляясь, возвращается обратно. Естественно, не в исходную точку».

Домнина снова взглянула на «рыбку».

«Так это всего лишь отражение?»

«Постепенно оно станет реальным существом — если мы не погасим светильник или не сместим зеркала. Отражение без отражающегося объекта существовать в нашем мире не может, и, следовательно, здесь перед нами просто появится

новый объект».

— Гляди! — сказала Агия.

Тень тропических деревьев была столь густа, что пятна солнечного света на тропинке сверкали, словно расплавленное золото. Сощурившись, я попытался рассмотреть, что скрывается за ослепительной завесой солнечных лучей впереди.

— Там дом, стоящий на сваях из желтого дерева, крытый пальмовыми листьями. Видишь?

Приглядевшись, я в самом деле увидел эту хижину — словно зеленые, желтые и черные пятна в одно мгновение срослись воедино и вылепили ее. Огромный мазок тени стал дверью, две косые черты — треугольной крышей. На крохотной веранде стоял, глядя в нашу сторону, человек в яркой, пестрой одежде. Я поспешил одернуть накидку.

— Не стоило, — сказала Агия. — Здесь это не имеет значения. Если жарко, можешь снять ее вовсе.

Я снял накидку и перекинул ее через левую руку. Стоявший на веранде в ужасе отвернулся и поспешил в хижину.

XXI
Хижина в джунглях

На веранду вела лесенка, сооруженная из таких же коленчатых, полых бревнышек, что и стены хижины. Перекладины ее были привязаны к стойкам каким-то растительным волокном.

— Ты собираешься подняться туда? — неодобрительно спросила Агия.

— Почему бы нет? Смотреть так смотреть, — отвечал я. — Учитывая состояние твоего исподнего, мне, надо полагать, лучше подняться первому.

Щеки Агии вспыхнули, что немало удивило меня.

— Что там особенного? Дом как дом; в старые времена в жарких землях таких было множество. Тебе очень скоро наскучит, поверь.

— Ну тогда спустимся обратно и почти не потеряем времени.

Я ступил на лесенку. Вся конструкция прогнулась и угрожающе заскрипела, но я понимал, что в подобных местах, предназначенных для увеселения публики, настоящих опасностей быть никак не может. Агия последовала за мной.

Изнутри хижина оказалась не больше наших подземных камер, но этим сходство и ограничивалось. В темницах все было массивным и прочным; любой еле различимый звук гулким эхом отражался от металлических стен; пол, гремевший под сапогами, не прогибался под тобою ни на волос, а потолок, казалось, просто не способен был обвалиться, однако, обвалившись однажды, сокрушил бы все.

Да, если, как говорят, у каждого из нас действительно где-нибудь имеется брат-близнец, только полностью противоположный, темный, если ты светел, и светлый, если ты темен, то эта хижина наверняка была таким «антидвойником» наших темниц. Во всех стенах, кроме фасада с распахнутой дверью, были проделаны окна, и на них не было ни решеток, ни ставней — вообще ничего подобного. Стены, пол и оконные рамы собраны были из тонких, не распиленных на доски стволов желтоватого дерева, так что солнечный свет свободно проникал внутрь отовсюду, а оброненный на пол орихальк, скорее всего, провалился бы в одну из щелей и упал на землю. Потолка не было вовсе — лишь треугольное пространство под крышей, где были развешаны кастрюли и мешки с едой.

В углу сидела, читая вслух, женщина, у ног которой примостился совершенно нагой мужчина. Другой мужчина, которого мы видели на веранде, стоял у окна напротив двери и смотрел наружу. Он, видимо, знал о нашем появлении (если даже не видел, как мы приближались, то, несомненно, почувствовал, как содрогалась хижина, когда мы поднимались по лесенке), но изо всех сил старался не показывать этого. Когда мужчины поступают так, это легко определить по напряжению их спины.

— «И взошел он с равнин, — читала женщина, — на гору Нево, что против города того, и показал ему Господь все земли даже до самого западного моря. И сказал ему Господь: вот земля, о которой я клялся отцам твоим, говоря: «семени твоему дам ее». Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там он, и был погребен на долине…»

Обнаженный у ног ее согласно кивнул.

— Вот так же и с нашими повелителями, Наставница. Дары свои спускают они с небес на кончике мизинца, но привязаны они и к большому пальцу. Стоит человеку принять их дар, выкопать ямку в полу хижины, спрятать его туда и покрыть циновкой, большой палец начинает

тянуть. Дар поднимается из земли и скрывается в небе — только его и видели!

— Да нет же, Исангома… — нетерпеливо перебила его женщина, но другой мужчина, не отводя взгляда от окна, сказал:

— Подожди, Мари; растолкуешь после. Я хочу послушать, что он скажет.

— Вот у моего племянника, — продолжал обнаженный, — что принадлежит к собственному моему очагу, кончилась однажды рыба. Взял он тогда гаудали, пошел к заводи, склонился над водой и замер так, точно превратился в дерево. — С этими словами обнаженный вскочил и занес руку над головой, словно собираясь пронзить стопу женщины невидимым копьем. — Долго-долго стоял он так; даже обезьяны перестали бояться его, вернулись к воде и принялись швырять в реку палки, и гесперорн вылетел из гнезда неподалеку, и большая рыба выплыла из норы своей меж затонувших бревен. Мой племянник следил за тем, как она кружит у самого дна. И вот приблизилась рыба к поверхности. Только собрался он пронзить ее своим трезубцем — исчезла рыба из виду, а на месте ее появилась прекрасная женщина. Племянник подумал, что это рыбий царь, изменивший облик, чтобы его не пронзили

острогой, но тут же снова увидел сквозь лицо женщины свою рыбу и понял, что женщина лишь отражается в воде. Он тут же взглянул вверх, но не увидел там ничего, кроме лиан и виноградных лоз. Женщина исчезла! — Подняв взгляд кверху, обнаженный с удивительным мастерством изобразил безмерное удивление рыбака. — Вечером пошел мой племянник к Нумену, Гордому Богу, и перерезал горло молодому ореодонту, говоря…

— Во имя Теоантропоса, долго мы еще здесь проторчим? — шепнула мне Агия. — Это может тянуться весь день!

— Сейчас, — шепнул я в ответ, — только осмотрю хижину как следует, и пойдем дальше.

— Могущественен Гордый, да святятся имена его! Все, что найдешь под листвой, принадлежит ему, бури и ураганы приносят руки его, и яд не имеет власти убивать, если не прозвучит над ним проклятие Гордого!

— Не думаю, что нам интересны все эти хвалы в адрес твоего фетиша, Исангома, — сказала женщина. — Муж мой желает слышать твой рассказ — что ж, хорошо. Рассказывай, но от ритуалов своих нас избавь.

— Гордый защитит того, кто возносит ему моления! Разве не устыдится он, если умрет по-

клоняющийся ему?

— Исангома!

— Он напуган, Мари, — сказал человек у окна. — Разве ты не слышишь?

— Несть страха для тех, кто носит знак Гордого! Дыханье его — туман, укрывающий детенышей уакари от когтей маргая!

— Робер, если уж ты не можешь ничего с этим поделать, не мешай мне! Замолчи, Исангома. Или уходи и больше никогда не возвращайся.

— Гордому ведомо, как любит Исангома Наставницу! Он спасет и ее, если сможет!

— От чего? Ты думаешь, поблизости бродит один из ваших ужасных зверей? Если так, Робер застрелит его из ружья.

— Токолоше, Наставница! Токолоше пришел! Но Гордый защитит нас! Он могуч! Он повелевает всеми токолоше! От рева его все они прячутся в опавшей листве!

— Робер, по-моему, он не в своем уме.

— Нет, Мари. Он видит то, чего не видишь ты.

— Что это значит? И почему ты так долго смотришь в окно?

Человек, стоявший у окна, медленно повернулся лицом к нам. Какое-то мгновение он смотрел на нас с Агией, затем отвел взгляд. Выражение

его лица было точно таким же, как у наших клиентов, когда мастер Гюрло показывал им инструменты, при помощи коих собирался подвергнуть их анакризису.

— Робер! Ради бога, объясни, что с тобой?

— Исангома прав — пришел токолоше. Только не за ним, а за нами. Смерть и Дева… Ты слышала о них, Мари?

Женщина покачала головой, встала и откинула крышку небольшого сундучка.

— Ну да, конечно. Есть такая картина. Вернее, популярный сюжет, которым пользовались многие живописцы. Знаешь, Исангома, вряд ли твой Гордый Бог наделен особой властью над этими токолоше. Они явились прямо из Парижа, где я когда-то учился, дабы наказать меня за то, что я променял искусство вот на это…

— У тебя лихорадка, Робер. Это очевидно. Сейчас напоим тебя чем-нибудь, тебе скоро станет легче…

Человек по имени Робер снова взглянул на нас — так, словно не хотел делать этого, но не мог с собой совладать.

— Мари, если я и болен, болезнь овеществляет мой бред. Не забывай, Исангома ведь тоже видит их. Разве ты не чувствовала, как пошатнулась

хижина, когда ты читала ему вслух? Я думаю, это они поднимались на веранду.

— Я только что наливала в стакан воду, чтобы ты выпил хинин, и никаких колебаний не заметила.

— Кто они такие, Исангома? Ну да, токолоше, но — кто такие токолоше?

— Злые духи, Наставник. Когда мужчине приходит в голову дурная мысль или женщина творит недоброе, на свет появляется еще один токолоше. Он всегда стоит позади. Человек думает: «Никто ничего не узнает, все умерли», — но токолоше живет, пока не умрет весь мир. Каждый, видя его, узнает, что натворил этот человек.

— Какой ужас, — сказала женщина.

Руки ее мужа крепко сжали жердочки подоконника.

— Разве ты не поняла, что они — лишь результат наших поступков? Они — духи будущего, которых творим мы сами.

— Они — просто-напросто языческая белиберда! Прислушайся, Робер. У тебя такое острое зрение — неужели ты не можешь прислушаться хоть на миг?

— Я слушаю. Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Я только хочу, чтобы ты прислушал-

ся. Что ты слышишь?

В хижине стало тихо. Я тоже напряг слух. Снаружи верещали обезьяны, как прежде, кричал попугай, но вскоре, пробившись сквозь голоса джунглей, до меня донесся слабый гул, словно где-то высоко над нами кружило насекомое размерами с целую лодку.

— Что это? — спросил мужчина.

— Почтовый аэроплан! Если повезет, ты вскоре увидишь его.

Мужчина высунулся в окно и поднял голову к небу. Мне стало любопытно, на что он смотрит, и я, подойдя к другому окну, слева от него, тоже выглянул наружу. Из-за густых ветвей ничего невозможно было разглядеть, однако взгляд мужчины был устремлен прямо вверх, и я, взглянув туда, обнаружил клочок чистого неба.

Гул сделался громче, и вскоре в высоте показался самый странный флайер, какой мне когда-либо доводилось видеть. Летел он на серебристых неподвижных крыльях, как будто народ, построивший его, еще не сообразил, что раз уж крылья не машут, подобно птичьим, проще всего сделать так, чтобы подъемная сила создавалась всем корпусом, как у воздушного змея. На обоих крыльях и на носу этого флайера имелись округлые про-

долговатые выпуклости, словно бы толкавшие впереди себя круги мерцающего света.

— Робер, дня за три мы можем добраться до летного поля! Когда он прилетит в следующий раз, мы будем ждать.

— Если Господь послал нас сюда…

— Верно, Наставник! Мы должны повиноваться воле Гордого! Кто в целом свете может сравниться с ним? Наставница, позволь мне танцевать для Гордого и спеть его песнь. Быть может, тогда токолоше уйдут.

Обнаженный человек выхватил у женщины книгу и принялся стучать по переплету ладонью — ритмично, словно играя на тамбурине. Пятки его зашаркали по неровному полу, и он запел, причем его голос сделался тонок, точно голос ребенка:

В тишине, во тьме ночной,
Слышишь, он ревет в вершинах!
Видишь, пляшет он в огне!
Он живет в смертельном яде
Наконечника стрелы,
Меньше искры из костра!
Ярче падающих звезд!

Волосатые в лесу

Рыщут…

— Севериан, я пошла! — С этими словами Агия шагнула через порог на веранду. — Если хочешь, оставайся и смотри дальше. Но тогда тебе придется самому выбирать себе аверн и искать дорогу на Кровавое Поле. И знаешь, что случится, если ты не явишься туда?

— Ты говорила, что вызвавший меня наймет убийц.

— А убийцы подбросят тебе желтобородую змею. То есть начнут-то не с тебя, а с кого-нибудь из твоих родных или друзей. К которым, раз уж я прошла с тобой весь наш квартал, вероятно, отнесут и меня.

Он приходит к нам с закатом,

Видишь, след на водной глади,

Будто огнь на водной глади?!

Песнь продолжалась, однако певец понял, что мы уходим — в голосе его зазвучали победные нотки. Дождавшись, когда Агия спустится на тропинку, я последовал за ней.

— Я уж думала, ты намерен проторчать там всю жизнь, — сказала она. — Тебе здесь в самом деле

настолько понравилось?

На фоне неестественно зеленых листьев ее платье, отливавшее металлом, казалось не менее рассерженным, чем сама Агия.

— Нет, — ответил я. — Но было очень интересно. Ты видела их флайер?

— Это когда вы с тем типом высунулись в окна? Ну я-то не настолько глупа!

— Я никогда не видел ничего подобного. Там, наверху, была стеклянная крыша, однако я тоже увидел флайер, которого ждал он! По крайней мере, это было очень похоже на флайер — только из какого-то чужого места. Совсем недавно я хотел рассказать тебе историю о подруге одной моей подруги, видевшей зеркала Отца Инире. Она оказалась в ином мире и, даже вернувшись к Текле — так звали мою подругу, была не совсем уверена, что вправду попала обратно домой… Интересно; может быть, и мы до сих пор в том мире, откуда эти люди попали в наш?

Агия уже шла дальше по тропинке. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь густые заросли, окрасили ее черные волосы темным золотом.

— Я ведь предупреждала, что разных посетителей влекут к себе разные сады, — оглянувшись, напомнила она.

Я ускорил шаг, нагоняя ее.

— С течением времени они все сильнее и сильнее влияют на сознание. Возможно, повлияли и на нас. И ты, скорее всего, видел самый обыкновенный флайер.

— Но этот человек видел нас. И дикарь — тоже.

— Судя по тому, что мне рассказывали, чем сильнее влияние сада на сознание, тем больше остаточных ощущений. Когда я встречаю в этих садах чудовищ, дикарей и так далее, они, кажется, обращают на меня куда больше внимания, чем обычные посетители.

— Объясни поведение этого человека, — сказал я.

— Севериан, ну не я же строила эти сады! Могу только сказать, что эта хижина вполне может исчезнуть вовсе, стоит лишь нам уйти. Знаешь, лучше пообещай мне, что мы, выбравшись отсюда, пойдем прямо в Сад Непробудного Сна. Больше у нас ни на что не осталось времени — даже на Сад Наслаждений. Тебе, похоже, вообще не стоит гулять по этим садам.

— Потому что мне хотелось остаться в Песчаном Саду?

— И поэтому тоже. Похоже, здесь рано или поздно я с тобой кучу неприятностей наживу.

Стоило ей произнести эти слова, тропинка в очередной раз свернула, и путь нам преградил толстый ствол дерева с маленькой прямоугольной табличкой. Под густой листвой слева от меня показалась стена из зеленого стекла, явно служившая опорой растениям. Прежде чем я успел переложить «Терминус Эст» из руки в руку и открыть перед Агией дверь, она уже шагнула через порог.

XXII
Доркас

Впервые услышав о цветах аверна, я представил их себе растущими рядами на особых стеллажах, как в оранжереях Цитадели. Позже, когда Агия рассказала мне о Ботанических Садах побольше, я решил, что место, где они растут, очень похоже на наш некрополь, в котором я играл мальчишкой, — деревья, покосившиеся надгробные плиты, дорожки, усыпанные осколками костей…

На деле все оказалось иначе — войдя, я увидел темное, мрачное озеро среди бескрайней сырой низины. Ноги наши вязли в топкой земле; свистевшему в ушах холодному ветру словно бы ничто не преграждало путь до самого берега моря. По обеим сторонам дорожки густо рос тростник; раз или два над нашими головами проносились какие-то водяные птицы, черные на фоне пасмурного неба.

Я рассказывал Агии о Текле, но вскоре она перебила меня, тронув за плечо:

— Отсюда их уже видно, хотя, чтобы сорвать,

придется обойти озеро. Вон там, видишь, белая полоса?

— Отсюда они выглядят вполне безобидно.

— Однако ж погубили целую уйму народу, можешь мне поверить. Некоторые захоронены прямо в этом саду.

Таким образом, нечто общее с нашим некрополем этот сад все же имел… Я спросил, где же мавзолеи.

— Никаких мавзолеев. Ни гробов, ни погребальных урн, ничего подобного! Взгляни под ноги.

Я опустил взгляд. Под ногами плескалась вода — темно-коричневая, словно чай.

— Одно из свойств этой воды — не давать трупам разлагаться. Через горло в желудок покойника насыпают свинцовую дробь и погружают тело в воду, отметив на карте место, чтобы после можно было выудить обратно, если кто захочет взглянуть на него.

Я мог бы поклясться, что на целую лигу вокруг нет никого — по крайней мере в пределах Сада Непробудного Сна, если только в стеклянных сегментах стен действительно нет никаких ходов наружу. Но стоило Агии закончить фразу, из-за камыша в дюжине шагов от нас показались голова и плечи какого-то старика.

— Это неправда, — громко сказал он. — Да, так говорят, но все же это неправда.

Агия, до сих пор не обращавшая внимания на свое платье, разорванное спереди едва не до пояса, поспешила запахнуться.

— Вот не знала, что беседую с кем-то еще, кроме моего провожатого!

Однако старик словно не услышал отповеди — похоже, мысли его были целиком заняты подслушанной фразой.

— Вот у меня с собой карта — хотите взглянуть? Ты, молодой сьер, ты образован, это всякий сразу скажет. Взгляни.

В руках старик держал что-то наподобие посоха. Верхушка посоха несколько раз опустилась и поднялась, и только после этого я понял, что старик плывет к нам на лодке, отталкиваясь шестом.

— Этого еще не хватало, — буркнула Агия. — Идем-ка лучше своей дорогой.

Я спросил старика, не может ли он, ради экономии времени, переправить нас на тот берег.

Старик покачал головой.

— Слишком большой груз. Здесь и мы-то с Кас еле помещаемся. Великоваты вы для нашей лодочки…

Увидев нос его суденышка, я понял, что старик говорит сущую правду — казалось, крохотный ялик не мог бы поднять даже своего хозяина, согбенного и истощенного старостью (а выглядел старик даже старше мастера Палемона) настолько, что он вряд ли был тяжелее десятилетнего ребенка. Кроме него, в ялике не было никого.

— Прощенья просим, сьер, — сказал старик, — но ближе мне не подойти. Оно, может, там и сыро, но для меня все одно слишком сухо, а то б вы не могли там стоять. Изволь подойти сюда, к краю, и я покажу тебе карту.

Мне было любопытно, чего он хочет от нас, и потому я выполнил его просьбу. Агия неохотно последовала за мной.

— Вот. — Старик вынул из-за пазухи небольшой свиток. — Здесь оно все прописано. Взгляни, молодой сьер.

На свитке значилось какое-то имя, затем шли пояснения: где жила покойная, чьею была женой, чего добился в жизни ее муж — честно говоря, я не вчитывался в это все, а только сделал вид. Ниже была вычерчена примитивная карта с двумя числами.

— Вот видишь, сьер, вроде бы все просто. Первое число — количество шагов от Фульструма.

Вторая — количество шагов вниз, в глубину. И, веришь ли, все эти годы я ищу ее, но до сих пор не нашел!

Бросив взгляд на Агию, старик понемногу распрямил спину и расправил плечи.

— Я тебе верю, — сказал Агия. — И, если тебе это важно, сочувствую. Но мы-то тут при чем?

Она повернулась, собираясь уходить, но меня старик удержал, дотянувшись шестом.

— Вот я и говорю: не верьте вы им! Да, кладут-то там, где обозначено, но покойнички не лежат на месте. Порой их даже в реке видят! Во-он там!

Я сказал, что такое вряд ли возможно. Старик бросил взгляд к горизонту.

— А как же вся эта вода? Откуда она берется, по-твоему? Течет под землей, по трубе, не то все это давно бы пересохло. И если уж они на месте не лежат, почему бы одному-двум сквозь эту трубу не выплыть? Почему бы не выплыть сквозь нее и двадцати? О течении и говорить нечего… Вот вы — вы ведь пришли за аверном, так? А знаешь, почему их посадили здесь?

Я покачал головой.

— Да из-за морских коров! Они водятся в реке и заплывают сюда через трубу. Каково это родственникам — если из воды такая морда вдруг

высунется?! Вот Отец Инире и велел садовникам посадить аверны. Я сам здесь был, своими глазами видел его. Маленький такой человечек; кривоногий, шея этак согнута… Теперь, если морская корова приплывет, цветочки ее прикончат не позже вечера. Однажды с утра пришел я на озеро искать Кас — я каждый день ищу ее, если только нет других дел — и вижу: стоят на берегу двое кураторов с гарпуном. Говорят: дохлая морская корова в озере. Я выплыл на ялике, подцепил ее кошкой, а это человек. То ли дробь из него высыпалась, то ли с самого начала ее мало положили… Выглядел не хуже вас обоих — и куда как лучше меня.

— Хотя был давно мертв?

— Этого сказать не могу — вода их хранит свеженькими. Говорят, вроде как дубит человечью кожу. Выходит не то чтобы как голенище, но вроде женской перчатки.

К этому времени Агия ушла далеко вперед, и я пошел догонять ее. Старик погнал лодку следом, параллельно топкой тропинке среди осоки.

— Я им сказал, что вот для них-то сразу поймал, а Кас уж сорок лет не могу найти… Я обычно вот чем пользуюсь. — Он показал мне железную кошку на длинной веревке. — Кого только не

вылавливал, а вот Кас так и не нашел. Начал через год после ее смерти, с того места, которое здесь обозначено, а ее нет как нет. Взялся я за дело всерьез и через пять лет уже здорово забрал в сторону — так мне тогда казалось. Потом испугался — а вдруг ее здесь нет вовсе? И начал сначала. Так — десять лет. Все боюсь пропустить и каждое утро первый заброс делаю в том месте, что обозначено на карте, потом плыву туда, где остановился накануне, и обшариваю еще сколько-то… В обозначенном месте ее нет — я уже всех там знаю, некоторых раз по сто вытаскивал. А вот Кас моя гуляет где-то, не лежится ей на месте. Все думаю — может, вернется домой?

— Она была твоей женой?

Старик кивнул и, к удивлению моему, не сказал ничего.

— Зачем тебе вытаскивать из озера ее тело?

Старик молчал. Шест его работал совсем беззвучно; ялик оставлял за собою разве что мелкую рябь, лизавшую берег, точно язычок котенка.

— А ты уверен, что узнаешь ее, когда найдешь? Ведь столько лет прошло…

— Да… Да! — Старик снова кивнул — вначале медленно, затем решительно и быстро. — Думаешь, я ее уже вылавливал, смотрел в лицо и

бросал обратно? Нет, не может быть. Как же мне мою Кас не признать? Ты спросил, отчего я хочу ее выловить… Одна причина — память о том, как бурая вода смыкается над нею; глаза ее закрыты… Понимаешь?

— Нет. О чем ты?

— Они замазывают веки цементом. Вроде бы для того, чтобы глаза всегда оставались закрытыми. Но стоит воде соприкоснуться с этим цементом, глаза открываются. Поди объясни, отчего… И это я вспоминаю всякий раз, когда ложусь спать: бурая вода смыкается над ее лицом, и глаза Кас открываются, синие-синие… Каждую ночь просыпаюсь раз пять-шесть. И я хочу, чтобы, прежде чем самому лечь здесь, была у меня в памяти еще одна картинка: как лицо ее поднимается к поверхности, пусть даже это я сам ее выловил… Понимаешь?

Я вспомнил Теклу, струйку крови, сочащуюся из-под двери ее камеры, и кивнул.

— И еще одно. Была у нас с нею крохотная лавчонка — продавали мы большей частью клуазоне. Ее отец с братом их делали, а нам устроили лавку посредине Сигнальной улицы, рядом с аукционным залом. Дом и до сих пор стоит на месте, только в нем никто не живет. Я ходил к тестю в

мастерскую, приносил домой ящики, открывал их и расставлял товар по полкам, а Кас назначала цену, торговала и наводила чистоту. И знаешь, сколько времени мы владели этой лавочкой?

Я покачал головой.

— Месяца с неделей не дотянули до четырех лет! Потом она умерла, Кас-то моя… Недолго все это продолжалось, однако ж это была самая большая часть моей жизни. Теперь у меня есть угол на чердаке, где поспать до утра. Один человек — я с ним познакомился давным-давно, хотя Кас к тому времени уже много лет как умерла, — пускает меня ночевать. И нет у меня ни одной эмалевой безделушки, или тряпки, или даже гвоздика из бывшей нашей лавочки. Хранил я одно время медальон и гребенку Кас, да все это пропало куда-то. И вот ты теперь скажи: как я могу знать, что все это был не сон, а?

Казалось, со стариком происходит то же самое, что и с теми людьми в хижине из желтого дерева, и я сказал:

— Не знаю. Быть может, все это и вправду только сон. Я думаю, ты слишком уж себя мучаешь.

Настроение старика резко переменилось — такое я раньше видел только среди малых детей. Он рассмеялся:

— Да, сьер, несмотря на твое облачение, спрятанное под накидкой, ты совсем не похож на палача! Жаль, в самом деле жаль, что не могу я переправить тебя с милкой твоей на тот берег. Но там, дальше, должен быть еще один парень, его лодка побольше. Он частенько захаживает сюда и ведет со мной беседы — вот как ты. Скажи ему, что я просил перевезти вас.

Поблагодарив старика, я поспешил за Агией, которая к тому времени ушла совсем далеко. Она прихрамывала, и я вспомнил, сколько ей сегодня пришлось ходить с поврежденной ногой. Я хотел догнать ее и подать ей руку, но тут случилась одна из тех неурядиц, что в данный момент кажутся прямо-таки катастрофически унизительными, хотя впоследствии над ними разве что смеешься от души. С нее-то и начался один из самых странных инцидентов в моей, безусловно, странной карьере. Я пустился бегом и слишком круто свернул за поворот, оказавшись в опасной близости от внутреннего края тропинки.

Примятая осока упруго прогнулась под ногой, я поскользнулся и оказался в ледяной бурой воде. Мигом намокшая накидка потянула меня ко дну. На какое-то мгновение мной вновь овладел и по сию пору памятный ужас тонущего, однако я тут

же рванулся вверх и поднял голову над водой. Привычки, выработавшиеся во время летних купаний в Гьёлле, вспомнились сами собою: выплюнув воду изо рта и прочистив нос, я сделал глубокий вдох и откинул назад намокший капюшон.

Однако успокаиваться было рано: падая, я выпустил из рук «Терминус Эст», и утрата меча показалась мне куда ужаснее возможной смерти. Я нырнул, не озаботившись даже скинуть сапоги, и принялся прокладывать себе путь ко дну меж густых волокнистых стеблей камыша. Эти-то стебли, многократно увеличивавшие угрозу гибели, и выручили мой «Терминус Эст» — если б не они, меч неизбежно достиг бы дна и ушел в ил, хотя в ножнах его и оставалась толика воздуха. В восьми или десяти кубитах от поверхности рука моя, отчаянно шарившая вокруг, нащупала благословенную знакомую ониксовую рукоять.

Но в тот же миг другая рука моя коснулась предмета совершенно иного свойства. То была рука человека, тут же ухватившаяся за мое запястье, причем движение это совпало во времени с обнаружением меча столь точно, будто именно ее хозяин, подобно высокой женщине в алом, возглавлявшей Пелерин, вернул мне мой «Терминус

Эст». Я ощутил прилив безумной благодарности, но сразу же вслед за этим страх мой усилился десятикратно: вцепившаяся в меня мертвой хваткой чужая рука потянула вниз.

XXIII
Хильдегрин

Собрав, вне всяких сомнений, последние силы, я сумел выбросить «Терминус Эст» на примятую осоку плавучей тропинки и ухватиться за ее скользкий край, прежде чем снова погрузиться в воду.

Кто-то схватил меня за руку и потянул вверх. Я поднял взгляд, ожидая увидеть Агию, но это оказалась другая женщина — заметно младше, со светло-русыми волосами, развевавшимися на ветру. Я хотел было поблагодарить ее, но изо рта вместо слов хлынула вода. Она потянула сильнее, и с ее помощью я сумел вползти на тропинку, но тут силы мои иссякли окончательно.

Времени, которое я пролежал так, наверняка хватило бы, чтобы прочесть «ангелюс», — быть может, даже не один раз. Я чувствовал и усиливавшийся холод, и то, как осока прогибалась под моей тяжестью, пока я снова не оказался наполовину в воде. Изо рта и ноздрей моих текла вода; дышал я, не в силах насытить воздухом легкие, глубоко, судорожно. Тут кто-то (голос был

мужским, громким и явно уже где-то слышанным прежде) сказал:

— Перевернем, а то еще захлебнется.

Меня приподняли за пояс, и несколькими мгновениями позже я смог встать, хотя ноги дрожали так, что я едва не упал снова.

Передо мной стояли Агия со светловолосой девушкой, которая помогла мне выбраться на тропинку, и рослый толстяк с красным мясистым лицом. Агия спросила, что произошло, и я, хоть пришел в себя разве что наполовину, не мог не заметить, как она бледна.

— Подожди с расспросами, — сказал толстяк, — дай ему опомниться. А ты кто такая и откуда взялась?

Последние слова были обращены к девушке, похоже, чувствовавшей себя не лучше, чем я. Она открыла было рот, но из-за бившего ее озноба ничего не смогла сказать и тут же опустила голову. Девушка с головы до пят была вымазана в иле, и одежда ее выглядела не лучше ветоши из мусорного ящика.

— Откуда она взялась? — спросил толстяк у Агии.

— Не знаю. Я оглянулась посмотреть, где там Севериан застрял, и увидела, что она вытаскива-

ет его из воды.

— Что ж, доброе дело. По крайней мере, для него. Как думаешь, она — сумасшедшая? Или просто поддалась здешним чарам?

— Как бы там ни было, она спасла меня, — вмешался я. — Ты не мог бы дать ей что-нибудь надеть? Она, должно быть, продрогла насквозь.

Я и сам уже пришел в себя настолько, чтобы почувствовать, что промерз до костей.

Толстяк покачал головой и вроде бы поплотнее запахнул свое тяжелое пальто.

— Нет — пока она не отмоется. А для этого ей надо слазать обратно в воду да еще обсохнуть… Ладно, у меня есть кое-что еще — может, даже получше.

С этим он вынул из кармана пальто металлическую фляжку в форме сидящего пса и подал ее мне. Кость в собачьей пасти оказалась пробкой. Я подал фляжку русоволосой девушке, но та, казалось, даже не поняла, что с ней делать. Агия, забрав у нее сосуд, приставила горлышко к ее губам, заставила девушку сделать несколько глотков и вернула фляжку мне. Содержимое оказалось сливовым бренди, огнем опалившим глотку и смывшим горечь болотной воды. К тому моменту, когда я вставил кость обратно псу

в пасть, брюхо его опустело более чем наполовину.

— Ну вот, — сказал толстяк, — теперь вы, ребята, пожалуй, должны бы рассказать, кто вы такие и что здесь делаете, — только не надо мне вкручивать, будто просто любовались пейзажем. Обычных зевак я насмотрелся достаточно, чтобы узнавать, едва они покажутся на горизонте. — Он взглянул на меня. — Хороший у тебя ножичек. Большой…

— Он — переодетый армигер, — сказала Агия. — Получил вызов и пришел за аверном.

— Он-то переодет, а вот ты разве не переодета? По-твоему, я не узнаю парчи для театральных костюмов? И босых ног разглядеть не в состоянии?

— А я про себя ничего не говорила. Ни об одежде своей, ни о сословии. А туфли я просто оставила снаружи, чтобы не испортились от сырости.

Толстяк кивнул — равнодушно, ничем не показав, верит ли он словам Агии.

— А теперь — ты, золотиночка. Вот дамочка в парче уже сказала, что не знает тебя. Но что-то я ей не шибко верю. Думается мне, она о тебе знает поболе моего. Как же тебя зовут?

— Доркас, — сглотнув, ответила девушка.

— Как ты сюда попала, Доркас? Как оказалась

в воде? Ты ведь там явно побывала — не могла же так вымокнуть, просто вытаскивая нашего юного друга!

От действия бренди щеки девушки порозовели, но лицо по-прежнему оставалось изумленным и почти неподвижным.

— Не знаю, — прошептала она.

— Ты не помнишь, как пришла сюда? — спросила Агия.

Доркас покачала головой.

— В таком случае, что последнее приходит тебе на память?

Воцарилась тишина. Казалось, пронизывающий ветер усилился, и я, несмотря даже на выпивку, отчаянно мерз. Наконец Доркас забормотала:

— Сидела у окна… Там, в окне, были очень милые вещицы — подносы, шкатулки, распятия…

— Милые вещицы? — заметил толстяк. — Так уж и милее тебя самой?

— Сумасшедшая, — сказала Агия. — Либо ушла от своих попечителей и заблудилась, либо попечителей у нее не было вовсе — что вероятнее, судя по состоянию одежды. Забрела сюда, а кураторы проморгали…

— А может, кто-то огрел ее по голове, ограбил

и швырнул в озеро, посчитав мертвой. Здесь, госпожа Хлюп-Хлюп, уйма входов и выходов, о которых кураторы и не слыхали! А может, ее принесли хоронить, а она на самом деле просто спала. В ком впала — или как там это называется… А в воде очнулась.

— Но тогда те, кто ее принес, увидели бы.

— Я слыхал, будто человек, в этот самый ком впавший, может пробыть под водой очень долго. Ну, как бы оно там ни было, сейчас уже неважно. Пусть сама выясняет, кто она такая и откуда взялась.

Тем временем я, освободившись от накидки, пытался отжать плащ, но на время оставил это занятие, едва услышал, как Агия спрашивает:

— Ты все о нас выспросил — а сам-то кто будешь?

— Что ж, — отвечал толстяк, — имеешь полное право знать. И я-то дам ответ поправдивее твоих, а после должен буду вернуться к своим делам. Я к вам подошел только потому, что увидел, как молодой армигер тонет; тут всякий приличный человек подошел бы и помог. Но у меня, как и у прочих приличных людей, своей работы хватает.

С этими словами он снял высокую шляпу, по-

рылся внутри и вынул глянцевитую визитную карточку — раза в два больше тех, что мне доводилось видеть в Цитадели. Карточку он подал Агии, а я заглянул ей через плечо. Украшенная множеством вычурных виньеток и завитушек, надпись гласила:

ХИЛЬДЕГРИН-БАРСУК
Земляные работы любого вида и объема
от одного землекопа до 400.
В камне не застрянем, в песке не увязнем.
Улица Морских Торговцев,
под вывеской «СЛЕПАЯ ЛОПАТА»,
либо справиться у Альтикамелуса
на углу ул. Благопожеланий.

— Вот кто я таков, госпожа Хлюп-Хлюп, и ты, молодой сьер, если не возражаешь, чтобы я тебя так величал — во-первых, потому, что ты моложе меня, а во-вторых, оттого, что она тебя постарше, года, может быть, на два. Ну что ж, мне пора.

Я придержал его за плечо.

— Перед тем как упасть в воду, я встретил старика на ялике, и он сказал, что дальше есть кто-то, кто может переправить нас через озеро. Навер-

ное, он говорил о тебе. Ты можешь помочь нам?

— А, тот бедняга, что жену никак не найдет… Что ж, мы с ним — друзья давние и добрые; раз уж он меня рекомендовал, так и быть. Для моей шаланды четверо — не груз.

Он зашагал по тропинке, жестом пригласив нас следовать за ним, и я заметил, что сапоги его, смазанные салом, погружаются в примятую осоку еще глубже, чем мои.

— Она с нами не пойдет, — сказала Агия.

Но Доркас, шедшая следом, выглядела так одиноко, что я приотстал и шепнул ей:

— Я бы одолжил тебе накидку, но она так намокла, что в ней ты только хуже замерзнешь. Ступай по этой же тропинке в другую сторону — и выйдешь в коридор; там гораздо суше и теплее. А там найдешь дверь с надписью «Сад Джунглей» — за ней солнце жарит вовсю, сразу согреешься…

Тут я осекся, вспомнив встреченного в Саду Джунглей пеликозавра, но, быть может, к счастью, Доркас ничем не показала, что слышит меня. Что-то в выражении ее лица говорило мне, что она боится Агии или, по крайней мере, хоть смутно, но сознает, что Агии не нравится ее присутствие. В остальном же она будто вовсе не замечала, что происходит вокруг, и шла вперед

подобно сомнамбуле.

Видя, что слова мои ничуть ее не ободрили, я начал снова:

— В коридоре сидит один из кураторов. Он наверняка постарается найти для тебя сухую одежду.

Агия обернулась к нам; ветер разметал ее каштановые волосы.

— Севериан, попрошаек на свете — в избытке! Всех не обогреешь!

Хильдегрин, видимо услышав слова Агии, обернулся тоже.

— Я знаю женщину, которая может взять ее к себе, отмыть и переодеть. Из-за грязи не очень-то видно, но эту девушку содержали хорошо. Хоть и тощевата малость, но…

— Послушай, а что тебе здесь понадобилось? — огрызнулась Агия. — Судя по карточке, твой бизнес — подряды. А здесь у тебя какие дела?

— Вот эти самые, госпожа. Бизнес!

Доркас охватила дрожь.

— Нет, правда, — сказал я, — вернулась бы ты обратно. В коридоре гораздо теплее. Только в Сад Джунглей не ходи; ступай лучше в Песчаный, там солнце, сухо…

Что-то из сказанного мною, похоже, задело в

душе Доркас какую-то струнку.

— Да, — прошептала она. — Да.

— Песчаный Сад, да? Он тебе нравится?

— Солнце, — едва уловимо отвечала она.

— Ну вот и моя старушка, — объявил Хильдегрин. — Раз уж нас так много, рассаживаться придется осторожно. И ерзать там шибко не советую, борта у нее невысоки. Одна из женщин — на нос, а молодой армигер с другой — на корму.

— Мне бы лучше за одно из весел, — сказал я.

— Грести раньше доводилось? Мне так не показалось. Лучше уж сядь на корму. Двумя веслами работать ненамного трудней, чем одним, и мне частенько приходилось это проделывать, хотя на борту со мной бывало по полдюжины человек.

Лодка его была под стать хозяину — большой, неказистой и тяжелой на вид, больше всего похожей на ящик, слегка сужающийся к носу и корме и снабженный уключинами. Хильдегрин, взойдя на борт первым, веслом подтолкнул шаланду поближе к берегу.

— Иди, — сказала Агия, взяв Доркас за руку. — Садись вперед.

Доркас охотно повиновалась, но Хильдегрин остановил ее.

— Если не возражаешь, госпожа, лучше бы тебе

на нос сесть. Иначе я не смогу приглядывать за ней, пока гребу. С ней не все в порядке — дело ясное, и при таких низких бортах мне бы хотелось вовремя заметить, если ей вдруг скакать вздумается…

Тут Доркас удивила всех нас, сказав:

— Я не сумасшедшая. Просто… просто я словно только что проснулась.

Но Хильдегрин все-таки усадил ее ко мне, на корму.

— Ну, — сказал он, отталкивая лодку от берега, — это вы вряд ли когда забудете, если вам впервой. Переправа через Птичье Озеро посреди Сада Непробудного Сна…

Весла с глухим меланхолическим плеском погрузились в воду.

Я спросил, отчего озеро называется Птичьим.

— Некоторые говорят — оттого, что очень много дохлых птиц в воде. А может, оттого, что здесь просто много птиц. Вот ведь, все люди ругают Смерть и рисуют ее в виде этакой старой кликуши с мешком… а для птиц она — друг. Сколько я ни видал в жизни мест, где мертвецы, тишина и покой, — везде птиц было во множестве.

Вспомнив, как пели дрозды в нашем некрополе, я согласно кивнул.

— Если ты посмотришь через мое плечо, то ясно увидишь берег впереди, и вся эта осока не будет мешать любоваться пейзажем. Если тумана нет, увидишь, как там, вдалеке, земля идет на подъем и наверху, где посуше, растут деревья. Видишь их?

Я кивнул, и Доркас кивнула тоже.

— Потому что вся эта декорация должна изображать жерло потухшего вулкана. Некоторые говорят, будто это — раскрытый рот мертвеца, но это неправда. Где же тогда зубы? Хотя… вы наверняка помните, что пришли сюда сквозь такую подземную трубу?

Мы с Доркас снова кивнули вместе. Агии, хотя она и сидела всего шагах в двух от нас, почти не было видно из-за широких плеч и просторного суконного пальто Хильдегрина.

— А там, — продолжал он, кивком указывая направление, — вы должны бы видеть темное пятнышко. Прямо посредине, между болотом и краем кратера. Некоторые, увидев его, думают, будто это — дверь, через которую они вошли, но дверь-то как раз позади, гораздо ниже и гораздо меньше. То, что вы сейчас видите, — Пещера Кумеянки. Это такая женщина, которая знает будущее, и прошлое, и вообще все на свете. Кое-кто

говорит, будто весь этот сад был выстроен ради нее одной, но мне как-то слабо в это верится.

— Как же это возможно? — негромко спросила Доркас.

Но Хильдегрин не понял вопроса — или же сделал вид, будто не понимает.

— Автарх якобы захотел иметь ее всегда под рукой, чтобы не ездить каждый раз через полмира. Иногда там, возле пещеры, кто-то ходит; металл какой-то на солнце блестит… Уж не знаю, кто там живет на самом деле: сам я близко к пещере никогда не ходил, так как будущего заранее знать не желаю, а прошлое свое и так знаю получше любой кумеянки. Люди, бывает, ходят — хотят узнать, скоро ли выйдут замуж, или насчет успеха в торговле, но, по моим наблюдениям, во второй раз ее навещают немногие.

Шаланда почти достигла середины озера. Сад Непробудного Сна окружал нас, точно огромная чаша с мохнатыми от сосен стенками, облепленными понизу накипью из камыша и осоки. Я все еще мерз — из-за неподвижности, пожалуй, даже сильнее прежнего, — да к тому же вспомнил о том, что озерная вода может сотворить с клинком меча, если его поскорее не просушить и не смазать, однако чары сада надежно держали меня в

плену. (Чары в саду, несомненно, присутствовали — я почти слышал разносящееся над водою пение на языке, которого не знал и не понимал.) В плену этих чар пребывали, наверное, и Хильдегрин, и даже Агия. Некоторое время мы плыли в полной тишине; вдалеке на поверхности озера плескались гуси, вполне живые и здоровые; один раз, будто во сне, из-под воды совсем рядом с лодкой показалась морда морской коровы, разительно схожая с человечьим лицом.

XXIV
Цветок Смерти

Осторожно перегнувшись через борт, Доркас сорвала водяной гиацинт и воткнула его себе в волосы. То был первый цветок, попавшийся мне на глаза в Саду Непробудного Сна, если не считать белых пятнышек в отдалении, на том берегу. Я пошарил взглядом вокруг, но больше на воде цветов не оказалось.

Быть может, этот водяной гиацинт появился лишь потому, что Доркас потянулась сорвать его? При свете дня мне абсолютно ясно, что такие вещи невозможны; но то, что вы читаете сейчас, я пишу ночью, а в тот момент, пасмурным днем, сидя в лодке и любуясь гиацинтом, покачивавшимся в кубите от моих глаз, я вспомнил недавнюю реплику Хильдегрина, подразумевавшую (хотя он, скорее всего, сам этого не заметил), будто пещера провидицы и, таким образом, весь этот сад находятся на противоположной стороне мира. Там, как рассказывал когда-то мастер Мальрубий, все наоборот: тепло на юге, холодно на севере, ночью светло, а днем темно,

летом идет снег… Если так, неудивительно, что я мерзну: ведь лето вот-вот наступит, а значит, подуют ветры, начнутся дожди и метели. Небо уже посветлело, гиацинты раскрылись — стало быть, дело к ночи.

Конечно, Предвечный поддерживает в мире порядок, а теологи говорят, что свет есть тень его. Если так, то во тьме, должно быть, порядка меньше и цветы появляются в пальцах девушек из ниоткуда, так же как от тепла весеннего солнца вырастают они из простой грязи? Да, наверное, во тьме, когда ночь смыкает наши глаза, порядка становится меньше, чем мы думаем, а может быть, наоборот, недостаток порядка мы воспринимаем как тьму, как возрастание хаоса в волнах энергии (настоящих морях) и энергетических полях (целых фермах), приводимых к порядку светом дня — сами-то они на это неспособны — и кажущихся нашему обманутому взгляду реальным миром.

Над водой стелился туман, напомнивший мне поначалу солому, клубившуюся в воздухе в походном храме Пелерин, а после — пар от котла с супом, который брат Кок зимним днем вносил в трапезную. Говорят, в подобных котлах обычно летают ведьмы, но я никогда этого не видел,

хотя от Башни Ведьм нашу башню отделяло не более чейна. Тут я вспомнил, что мы плывем через кратер вулкана. Быть может, вулкан этот — огромный котел кумеянки? Мастер Мальрубий в классах рассказывал, что огонь Урд давно погас — вероятно, еще до того, как человек, возвысившись над прочими животными, испятнал лицо мира своими городами. Но ведьмы, говорят, умеют оживлять мертвых. Почему бы Кумской Сивилле не оживить умерший огонь, чтобы вскипятить свой котел? Я опустил руку в воду — вода была холодна, словно снег.

Хильдегрин склонился ко мне и откинулся назад с очередным гребком.

— Идешь навстречу смерти, — сказал он. — Вот о чем ты думаешь; я вижу по лицу. На Кровавом Поле тебя убьют, кем бы ни был твой противник.

— Правда? — ахнула Доркас, схватив меня за руку.

Я не ответил, и Хильдегрин утвердительно кивнул за меня.

— Слушай, а стоит ли туда ходить? Мало ли на свете людей, которые нарушают все правила, однако разгуливают себе спокойно…

— Ты ошибся, — сказал я. — Я вовсе не думал о мономахии либо смерти.

Но Доркас тихо — так, что даже Хильдегрин, наверное, не слышал, — шепнула мне на ухо:

— Думал. Лицо твое было исполнено такой благородной красоты… Чем ужаснее мир вокруг, тем выше и чище мысли.

Я покосился на нее, думая, что она подшучивает надо мной, однако Доркас говорила совершенно серьезно.

— Мир наполовину полон зла, наполовину — добра. Можно наклонить его так, чтобы мысли наши наполнились добром, а можно — так, чтобы злом. — Она подняла голову, точно охватывая взглядом все озеро. — Но в мире их все равно останется поровну; можно только менять пропорцию в разных местах.

— А если наклонить его так, чтобы зло вылилось вовсе? — спросил я.

— Вместо зла можно вылить добро. Но мне тоже иногда хочется наклонить время так, чтобы оно потекло вспять…

— Знаешь, не верится мне, чтобы из-за каких-нибудь внешних несчастий в голову приходили красивые либо мудрые мысли…

— Я сказала «выше и чище», а о красоте не говорила ни слова. Хотя высокие и чистые помыслы, несомненно, по-своему красивы. Давай покажу.

С этими словами она подняла мою руку и прижала ее к своей груди. Ладонь моя легла на мягкий, теплый холмик с маленьким и твердым, точно вишенка, соском.

— Что стало с твоими помыслами? — спросила она. — Разве не сделались они ниже, стоило лишь мне сделать внешний мир приятнее для тебя?

— Где тебя выучили всему этому? — спросил я в свою очередь.

В уголках глаз Доркас тотчас же выступили слезы, прозрачные, словно хрусталики. От мудрости ее не осталось даже следа.

Берег, на котором росли аверны, оказался не столь заболоченным. После долгого пути по сырой, прогибающейся под ногами осоке снова ступать по относительно твердой земле было несколько непривычно. Причалили мы в некотором отдалении от цветов, но отсюда уже было хорошо видно, что это не просто белые крапинки на берегу, а растения — растения вполне определенного цвета, формы и величины.

— Ведь эти цветы — не местные? Не с Урд? — спросил я.

Никто не ответил — пожалуй, я говорил слишком тихо и просто не был услышан никем, кроме, может быть, Доркас.

Столь жесткие, геометрически правильные растения наверняка появились на свет под неким чужим солнцем. Листья их были черны, словно спина скарабея, но их чернота имела странный, очень насыщенный и в то же время прозрачный оттенок. Казалось, они сохранили в себе цвета спектра той безмерно далекой от нас звезды, что испепелила или, напротив, породила жизнь в их родном мире.

Мы пошли к ним. Агия оказалась впереди. Мы с Доркас последовали за нею, а за нами пошел и Хильдегрин.

Каждый лист этих растений был тверд, словно лезвие кинжала, а остротою своей удовлетворил бы даже мастера Гюрло. Цветы — белые, с наполовину сомкнутыми лепестками — казались воплощенной девственностью, оберегаемой сотнями клинков. Крупные и пышные лепестки их казались бы совсем растрепанными, не образуй они все вместе сложный округлый орнамент, притягивающий взгляд, будто вращающийся волчок с нарисованной на нем спиралью.

— Правила хорошего тона, — заговорила Агия, — требуют, чтобы ты сорвал цветок сам, Севериан. Но я пойду с тобой и покажу как. Вся штука в том, чтобы просунуть руку под листья и

оборвать стебель у самой земли.

Но Хильдегрин взял ее за плечо.

— Никуда ты не пойдешь, госпожа. Ступай, молодой сьер, раз уж решился на это. А я пригляжу за дамами.

Я был уже в полудюжине шагов от него, но, стоило ему произнести последние слова, застыл на месте. К счастью, в тот же самый момент Доркас крикнула: «Будь осторожен!» — и мне ничего не стоило сделать вид, что задержало меня лишь ее предостережение.

Но правда была в другом. Едва встретив Хильдегрина, я твердо уверился, что где-то встречал его раньше, хоть и узнал, в отличие от сьера Рашо, далеко не сразу. Но вот наконец узнал — и замер от неожиданности, словно разбитый параличом.

Я уже писал о том, что помню все до мельчайших подробностей, однако порой поиск в памяти нужного лица, факта либо ощущения занимает довольно много времени. В данном случае задержка, видимо, была вызвана тем, что с того момента, как он склонился надо мной, лежавшим на примятой осоке, я почти не смотрел на него. А вот голос и слова: *«А я пригляжу за дамами»* — подстегнули мою память.

— Листья ядовиты! — крикнула Агия. — Об-

мотай руку плащом поплотнее, но все равно старайся не касаться их! Да гляди в оба — аверн всегда ближе к тебе, чем кажется!

Я кивнул, показывая, что все понял.

Не знаю, смертелен ли аверн для обитателей своего родного мира. Может статься, что нет, и опасен он, в силу несовпадения различных природных особенностей, только для нас. Но, как бы там ни было, почва под этими растениями и между ними была покрыта густой травой с короткими стеблями, совсем не похожей на болотную растительность сада. Трава была усеяна скорченными тельцами пчел и птичьими косточками.

Когда до растений оставалось шага два, не больше, я внезапно понял, что передо мною стоит задача, для разрешения коей я ничего не предпринял — просто не пришло в голову. Выбранный мною аверн станет моим оружием в поединке — однако как я, ничего не зная о способах ведения боя, выберу подходящий? Можно было вернуться и спросить об этом Агию, но расспрашивать женщину о подобных вещах казалось мне полным абсурдом, и в конце концов я решил довериться собственной смекалке, рассудив, что Агия, окажись выбор вовсе уж никуда не годным, все равно отправит меня за вторым цветком.

Размеры авернов были самыми разными — от молодой поросли, не выше пяди, до старых растений не менее трех кубитов в длину. Листья растений поменьше были узки и росли так густо, что из-за них было вовсе не видно стеблей; листья же более старых растений прилегали к стеблю не так плотно и в сравнении с его длиной были заметно шире. Вероятнее всего, цветками надлежало орудовать наподобие палиц; если так, лучше всего должен был подойти аверн с самым крупным цветком, самым длинным стеблем и самыми жесткими листьями. Однако все такие цветы росли довольно далеко от края поляны — чтобы добраться до них, пришлось бы вначале сорвать десяток меньших, а сделать это при помощи подсказанного Агией способа было невозможно: рука не проходила под росшими почти вплотную к земле листьями.

В конце концов я выбрал цветок кубита в два высотой, опустился на колени и потянулся к нему и вдруг — точно пелена спала с глаз — увидел, что моя рука, казалось, отстоявшая от игольно-острого кончика ближайшего листа на несколько пядей, вот-вот наткнется на него. Я поспешил отдернуть руку. С виду я вряд ли мог дотянуться до стебля цветка, даже если бы лег на землю нич-

ком. Как ни велик был соблазн воспользоваться мечом, я понимал, что это уронит меня в глазах Агии с Доркас — да и все равно до боя к обращению с аверном следовало попривыкнуть.

Я снова потянулся к стеблю, плотно прижав руку к земле, и обнаружил, что, несмотря на это, легко могу достать цветок. Острый кончик листа, казалось, отстоявший от лица на добрых полкубита, даже слегка подрагивал от моего дыхания.

Срывая цветок (задача, должен заметить, оказалась не из легких), я понял, отчего травка под авернами так коротка и густа — один из листьев выбранного мной растения наполовину рассек стебель какого-то болотного сорняка, и вся трава, на целый эль вокруг, тут же поблекла и увяла.

Сорванный, цветок причинял множество неудобств, с которыми я до поры должен был примириться. О том, чтобы везти его обратно в Хильдегриновой лодке, не могло быть и речи — четверым в ней и без аверна было достаточно тесно, и острые ядовитые листья неизбежно укололи бы кого-нибудь. Пришлось вскарабкаться вверх по склону и срубить молодое деревце. Оборвав ветки, мы с Агией привязали аверн к тонкому стволу, и позже, идя через город, я нес его, точно какой-то гротескный штандарт.

После этого Агия объяснила, как пользоваться аверном в качестве оружия; я (несмотря на ее возражения и многократно — пропорционально моей самоуверенности — возросший риск) сорвал себе другой и попробовал применить ее советы на практике.

Аверн — не просто палица с отравленными шипами. Лист его, взявшись большим и указательным пальцами так, чтобы не коснуться острия либо режущих кромок, надлежит отделить от стебля, после чего он сам по себе становится оружием — отравленным бритвенно-острым клинком без рукояти, весьма удобным для метания. Держа стебель за основание левой рукою, бойцы отрывают от него нижние листья и мечут в противника правой. Однако Агия предупредила меня, что аверн следует держать вне пределов досягаемости соперника, дабы тот, когда листья будут истрачены, не мог выхватить у меня стебель.

Сорвав второй цветок и попрактиковавшись в метании листьев, я понял, что мой аверн для меня не менее опасен, чем аверн противника. Если держать его поближе к себе, возникает смертельный риск уколоться о длинные нижние листья, и вдобавок иссушающая жажда смерти

в образуемом лепестками узоре будет гипнотизировать меня всякий раз, как я опущу взгляд, чтобы сорвать лист. Все это было довольно неприятно, но, приучившись вовремя отводить взгляд от полусомкнутых лепестков, я сообразил, что моему противнику будут угрожать те же опасности, что и мне.

Метать листья оказалось проще, чем я думал. Поверхность их была глянцевитой, как и у листьев многих растений, которые я видел в Саду Джунглей, поэтому они легко выскальзывали из пальцев и притом были достаточно тяжелы, чтобы лететь далеко и точно. Их можно было метать острием вперед, наподобие кинжала, либо так, чтобы они вращались в полете, рассекая острыми краями все на своем пути.

Конечно же, мне не терпелось расспросить Хильдегрина о Водале, но такой возможности мне не представилось до тех пор, пока он не собрался плыть обратно через безмолвное озеро. Некоторое время Агия была так занята попытками избавиться от Доркас, что мне удалось, отведя его в сторону, шепнуть, что я тоже друг Водалу.

— Ты, верно, обознался, молодой сьер. Ты в самом деле говоришь о том преступном Водале, что объявлен вне закона?

— Я никогда не забываю голосов. Я не забываю ничего. — Нетерпение заставило меня забыть всякую осторожность, и я совершил, пожалуй, худшую из возможных ошибок, добавив: — Ты хотел раскроить мне голову лопатой.

Лицо Хильдегрина тут же превратилось в неподвижную маску. Он молча влез в лодку и поплыл прочь.

Когда мы с Агией покидали Ботанические Сады, Доркас все еще была с нами. Агии так хотелось отделаться от нее, что некоторое время я не мешал ей: в обществе Доркас мне наверняка было бы труднее склонить Агию лечь со мною, и вдобавок боль, причиняемая ей одиночеством, многократно усилилась бы, умри я в поединке на ее глазах. С тех пор как я излил на Агию всю мою печаль, вызванную смертью Теклы, прошло совсем немного времени. Теперь печаль эту сменили новые заботы; я в самом деле выплеснул ее прочь, словно прокисшее вино. Вот сколь велика сила слова, помогающего нам совладать со страстями, каковые, не будь его, неизменно лишали бы нас разума и губили!

Впрочем, какие бы мотивы ни двигали мною и Агией, какие бы побуждения ни заставляли Доркас следовать за нами, все старания Агии

пошли прахом. В конце концов я пригрозил ударить ее, если не прекратит, и окликнул Доркас, шедшую в полусотне шагов позади.

Дальше мы пошли втроем — молча, приковывая к себе множество странных взглядов. Я, промокший до нитки, больше не обращал внимания, хорошо ли накидка скрывает палаческий плащ цвета сажи. Агия в рваном парчовом платье, надо думать, тоже выглядела довольно странно. Доркас до сих пор была измазана илом, коркой засохшим на волосах и оставившим на ее бледной коже мазки тончайшей бурой пыльцы. Аверн хоругвью реял над нашими головами, источая аромат мирра. Полусомкнутые лепестки его сверкали, точно выбеленная солнцем кость, но листья в ярком свете дня казались почти черными.

XXV
Харчевня Утраченной Любви

Счастье — а может, несчастье мое — в том, что все места, с которыми связана жизнь моя, за редким исключением, отличаются постоянством. Завтра я, если захочу, могу вернуться в Цитадель, на ту самую (не сомневаюсь!) койку, где спал еще учеником. Гьёлль все так же течет мимо моего родного Несса, и стеклянные грани Ботанических Садов, чьи залы вечно хранят однажды созданные настроения, все так же сверкают на солнце. В жизни моей эфемерны лишь люди да несколько домов, и среди них — та харчевня, что стояла некогда у границы Кровавого Поля.

Почти весь остаток дня мы шли широкими авеню и узенькими проулками, и все здания, окружавшие нас, были выстроены из камня либо кирпича. Наконец мы вышли к огороженному, наподобие большого двора, участку земли, однако никакой виллы в его центре не оказалось. Помнится, я еще сказал Агии, что надвигается гроза — сделалось душновато, а на горизонте виднелась мрачная черная полоса.

Агия рассмеялась.

— Это всего лишь Городская Стена! Рядом с ней всегда душновато: она мешает движению воздуха!

— Вот эта темная линия? Но она наполовину уходит в небо!

Агия засмеялась снова, но Доркас прижалась ко мне:

— Северианн, я боюсь.

Разумеется, Агия услышала ее слова.

— Чего — Стены? Она не может причинить тебе вреда — разве что рухнет прямо на голову. А рушиться ей не с чего — уж десять тысяч лет стоит спокойно.

Я вопросительно взглянул на нее, и она добавила:

— Ну, по крайней мере, выглядит на десять тысяч. А на самом деле, может, еще старше, кто знает…

— Ею можно оградить весь мир. Она окружает город целиком?

— По определению. Город — это то, что ограждено Стеной. Хотя я слышала, что есть еще какие-то селения на севере и многие лиги развалин на юге, теперь там никто не живет. Однако взгляни туда, между тополей. Видишь харчевню?

Никакой харчевни я не увидел и сказал Агии об этом.

— Там, под деревом. Ты обещал мне ужин, и я хочу поужинать здесь. Как раз успеем поесть перед поединком.

— Не сейчас, — ответил я. — Я буду рад пригласить тебя после поединка. Если хочешь, можно зайти и сделать заказ.

Никакого здания я все еще не видел, но дерево, указанное Агией, выглядело как-то странно: вверх по стволу его поднималась грубо сколоченная лестница.

— Хорошо. Если ты будешь убит, приглашу этого Септентриона. А если не пойдет — того убогого моряка, который всегда угощает меня. Помянем тебя…

Высоко на дереве, среди ветвей, горел огонь, и я увидел дорожку, ведшую к подножию лестницы. Имелась там и вывеска: плачущая женщина тащит за собой окровавленный меч. Из тени выступил и встал у входа, потирая руки, чудовищно толстый человек в фартуке. До ушей моих донеслось негромкое звяканье посуды.

— Аббан, к вашим услугам, — бросив встревоженный взгляд на мой аверн, сказал толстяк, когда мы подошли к нему. — Чем могу служить?

— Ужин на двоих; подать к…

Я оглянулся на Агию.

— К началу следующей стражи.

— Прекрасно, прекрасно! Но так быстро мы не поспеем, сьер, — потребуется больше времени. Вот если только вы удовольствуетесь холодным мясом, салатом и бутылочкой вина…

— Мы хотим жареного петуха, — нетерпеливо сказала Агия. — И помоложе!

— Как будет угодно. Я велю повару начинать, а там, после того, как молодой сьер одержит победу, могу занять вас выпечкой, пока птичка не подоспеет.

Агия кивнула. По взгляду, которым они обменялись, было понятно, что она встречает этого толстяка не в первый раз.

— А пока, — продолжал харчевник, — если у вас найдется время, могу предоставить теплую ванну и губку для другой дамы — и, быть может, бутылочку медóка и бисквитов для вас?

Внезапно я понял, что с тех пор, как завтракал в обществе Бальдандерса и доктора, здорово проголодался, а Агия с Доркас, вполне возможно, ничего не ели весь день. Подумав обо всем этом, я согласно кивнул, и хозяин повел нас наверх. Ствол дерева был толст — не меньше десяти ша-

гов в поперечнике.

— Бывал ли ты нашим гостем раньше, сьер?

Я покачал головой.

— Я как раз собирался спросить, что это за харчевня. Никогда не видел подобных.

— И не увидишь, сьер. Тебе следовало заглянуть к нам раньше — наша кухня славится на весь город, а свежий воздух способствует улучшению аппетита.

Я подумал, что это видно по нему (заправлять заведением, где столько высоких и крутых лестниц, и при этом отрастить такое брюхо — тут уж действительно аппетит необходим отменный), но промолчал.

— Видишь ли, сьер, закон запрещает возведение любых зданий так близко от Стены. А мы зданием не считаемся, поскольку не имеем ни стен, ни крыши. Все, кто ходит на Кровавое Поле, — прославленные бойцы и герои, зрители, лекари и даже эфоры — заглядывают к нам. А вот и ваш кабинетик!

«Кабинетик» оказался круглым и замечательно ровным помостом, укрытым от шума и посторонних взглядов бледно-зеленой листвой. Агия села в обитое холстиной кресло, а я (должен признаться, ужасно утомленный) рухнул рядом с Доркас

на кушетку, изготовленную из кожи и рога личи и водяного козла. Положив на пол за кушеткой жердь с аверном, я вынул из ножен «Терминус Эст» и взялся за чистку клинка. Тут явилась служанка с водой и губкой для Доркас. Увидев, чем я занят, она принесла мне ветоши и масла, и я смог, сняв рукоять и гарду, смазать его как следует.

— Ты можешь вымыться самостоятельно? — спросила Агия у Доркас.

— Да, я люблю мыться, только не смотрите на меня.

— Попроси Севериана отвернуться. Утром у него это прекрасно получилось.

— И ты, госпожа, — тихо сказала Доркас. — Я не хотела бы, чтоб ты смотрела. Мыться лучше в одиночестве, насколько это возможно.

Агия улыбнулась, но я снова кликнул служанку, дал ей орихальк, чтобы принесла ширму, и сказал Доркас, что куплю ей платье, если только в харчевне найдется что-нибудь подходящее.

— Не надо, — прошептала она.

Я — тоже шепотом — спросил у Агии, что, по ее мнению, творится с Доркас.

— Ей нравится ее одежда, это ясно. Вот мне весь день пришлось придерживать «декольте», чтобы не осрамиться на всю жизнь… — Она опустила ру-

ку, и разорванное платье ее разошлось. Высокие груди слегка блестели в лучах заходящего солнца. — А ее тряпье как раз достаточно прикрывает ноги и грудь. Есть, правда, прореха ниже живота, но ты, осмелюсь предположить, ее не заметил.

На помост поднялся харчевник в сопровождении официанта, принесшего поднос с бисквитами, бутылкой и бокалами. Я сказал, что мне нужно обсушиться; он распорядился принести жаровню и сам принялся греться возле нее, словно в собственных жилых комнатах.

— Хорошо, — заметил он. — Солнце-то умирает, но не знает об этом — а мы это не только знаем, но чувствуем на собственной шкуре. Я всем говорю: если тебя убьют — хоть обманешь грядущую зиму. Ну а если ранят — по крайности не придется выходить наружу… Конечно, поединков больше всего бывает к концу лета, тогда это как-то более к месту. Не знаю, легче посетителям от этого, нет ли — убытку-то, во всяком случае, никакого.

Я снял накидку и плащ, поставил сапоги на табурет возле жаровни и встал рядом с харчевником, чтобы просушить бриджи и чулки.

— Значит, все, идущие драться на Кровавом Поле, заходят к тебе?

(Как всякий, кому вскоре предстоит умереть, я

рад был бы узнать, что следую неким установившимся традициям.)

— Все? О нет, — отвечал он. — Да благословят тебя Умеренность и святая Аманда, сьер! Будь оно так, харчевня давно бы уж не принадлежала мне — я продал бы ее и зажил в свое удовольствие в большом каменном доме с атроксами у дверей и десятком молодых ребят с ножиками под рукой, чтобы разделывались с моими врагами. Нет, многие проходят мимо и даже не удостаивают нас взглядом. Невдомек им, что другой возможности попробовать мое винцо может и не представиться!

— Кстати о вине, — сказала Агия, подавая мне бокал, до краев наполненный темно-красным старым вином.

Скорее всего, вино было не таким уж хорошим: язык защипало, к изысканному вкусу примешивалась толика горечи, — однако во рту человека уставшего и промерзшего до костей оно все равно оказалось чудесным, лучше лучшего. Бокал Агии тоже был полон, но, судя по раскрасневшимся щекам и блеску глаз, она уже успела опорожнить по меньшей мере еще один. Я велел ей оставить что-нибудь и для Доркас.

— Эта дева наверняка не пьет ничего крепче

молока! К тому же это тебе, а не ей скоро понадобится храбрость.

Я — возможно, немного покривив душой — сказал, что вовсе не боюсь.

— И правильно! — воскликнул харчевник. — Не бойся! Не забивай голову недостойными благородного мыслями о смерти, последних днях и всяком таком! Те, кто боится, никогда не возвращаются с Кровавого Поля, можешь мне поверить. Помнится, ты собирался заказать ужин для себя и двух своих дам?

— Мы уже заказали его, — отвечал я.

— Да, заказали, но ничего не заплатили вперед — вот что я хочу сказать. И еще за вино, и за *gateaux secs*. Что съедено и выпито здесь и сейчас, должно быть здесь же и сейчас же оплачено. А за ужин попрошу три орихалька вперед и еще два — когда вернетесь.

— А если я не вернусь?

— Тогда мы с тобою в расчете, сьер. Отчего у нас, по-твоему, такие низкие цены?

Такая бесчувственность обезоружила меня полностью. Я отдал харчевнику деньги, и он покинул нас. Агия заглянула за ширму, где с помощью служанки мылась Доркас, а я сел на кушетку, отхлебнул вина и заел его бисквитом.

— Севериан! Если бы как-нибудь запереть эту ширму… Можно придвинуть кресло, но эти двое обязательно выберут самый неподходящий момент, чтобы поднять шум и все испортить…

Я хотел было ответить на это какой-то шуткой, но тут заметил во много раз сложенный клочок бумаги, подсунутый под поднос на столе таким образом, чтобы его увидел лишь тот, кто сидел на моем месте.

— Ну, это уже перебор, — заметил я. — Сначала — вызов, затем — таинственное послание…

Агия подошла ко мне.

— Какое послание? Ты уже пьян?

Я положил руку на теплую округлость ее бедра и, не встретив сопротивления, привлек Агию к себе так, чтобы и она увидела записку.

— Как по-твоему, что там написано? «Содружество нуждается в тебе. Скачи немедля к…»? Или: «Истинный друг тебе — тот, кто назовет пароль «камарилья»? «Берегись человека с розовыми волосами…»

— «Выходи, когда в окно твое влетят три камешка…», — поддержала шутку Агия. — Хотя лучше: «…опавших листа»! «Ирис, нектар предлагавший, был розы шипом уязвлен…» Это — о том, что твой аверн меня погубит. «Свою истинную любовь

узнаешь по красной набедренной повязке…»

Поцеловав меня, она уселась ко мне на колени.

— Разве не хочешь взглянуть?

Она снова опустила руку, и ее разорванное платье не скрывало ничего.

— Я смотрю!

— Да не сюда! Прикрой это ладонью и разверни записку.

Я сделал то, о чем она просила, — только клочок бумаги оставил на месте.

— Нет, это и вправду перебор. Таинственный Септентрион со своим вызовом, потом — Хильдегрин, а тут еще это… Я рассказывал тебе о шатлене Текле?

— По дороге сюда ты не раз говорил о ней.

— Я любил ее. Она очень много читала: когда меня не было рядом, ей больше ничего не оставалось — только читать, вышивать или спать. Над сюжетами некоторых книг она много смеялась. Там с героями всегда случались подобные вещи, после чего они помимо воли оказывались вовлечены в какие-нибудь возвышенные, мелодраматические — словом, совершенно не подходящие для них — приключения.

Агия рассмеялась и снова приникла ко мне в долгом, чувственном поцелуе.

— А при чем тут Хильдегрин? — спросила она, когда губы наши разомкнулись. — Совсем заурядный человек…

Я взял с подноса еще один бисквит, коснулся им записки и сунул его уголок в рот Агии.

— Некоторое время назад я спас жизнь человека по имени Водал…

Агия отпрянула, поперхнувшись крошками.

— Водал?! Это шутка?

— Вовсе нет. Так называл его спутник. Я был еще мальчишкой и просто-напросто поймал в нужный момент древко нацеленного на него топора. Если б не это, Водал был бы зарублен. Он дал мне хризос.

— Подожди. Хильдегрин-то тут при чем?

— С Водалом, когда я впервые увидел его, были мужчина и женщина. Явились враги, и Водал остался, чтобы задержать их, пока другой отведет даму в безопасное место.

(О трупе и об убийстве человека с топором я решил умолчать.)

— Я бы тоже дралась: тогда было бы три бойца, а не один. Давай дальше.

— Хильдегрин и был тем спутником Водала, вот и все. Встреть мы его раньше, я бы хоть представлял себе, отчего гиппарх Септентрионов может

желать моей смерти, и, кстати, зачем кому-либо украдкой подбрасывать мне эту записку. Как мы с шатленой Теклой смеялись над всеми этими соглядатаями, интригами, плащами, кинжалами, пропавшими наследниками… Агия, что с тобой?

— Я тебе отвратительна? Неужели я настолько уродлива?

— Нет, ты прекрасна, только сейчас, похоже, чувствуешь себя неважно. Наверное, не стоит тебе столько пить.

— Вот!

Быстрым движением Агия сбросила свое переливчатое платье, упавшее к ее пыльным, смуглым ногам грудой драгоценных камней. Утром, в Храме Пелерин, я уже видел ее нагой, но теперь (из-за вина ли, выпитого нами; оттого ли, что свет в харчевне был ярче или наоборот; потому ли, что утром Агия, напуганная и смущенная, закрывала руками груди и плотно сжимала бедра) меня влекло к ней куда сильнее. Желание сковало разум и язык; я прижал ее к себе…

— Севериан, подожди! Что бы ты обо мне ни думал, я не шлюха, но все же попрошу за любовь кое-что.

— Что же?

— Обещай, что не станешь читать эту записку.

Брось ее в жаровню.

Я разжал объятья, поднялся и отступил на шаг. В глазах ее мигом — точно травинки, проросшие меж валунов, — появились слезы.

— Видел бы ты сам, Севериан, как смотришь на меня сейчас! Нет, я не знаю, о чем в ней написано. Просто… Ты никогда не слышал о том, что некоторые женщины обладают сверхъестественным даром предвидения? Знают то, о чем, казалось бы, никак не могли узнать?

Желание мое угасло почти без остатка. Я был испуган и зол, хотя сам не понимал отчего.

— В Цитадели была гильдия таких женщин, и они считались нашими сестрами. Но ты не похожа на них ни лицом, ни телом.

— Я знаю. Но именно поэтому послушай моего совета! Ни разу в жизни у меня не бывало прозрений; это — первое! Разве ты не понимаешь, что именно поэтому оно должно быть необычайно правдиво и важно — настолько, что им никак нельзя пренебречь? Сожги эту записку!

— Кто-то подбросил ее, пытаясь о чем-то предупредить меня, а ты не хочешь, чтобы я ее видел… Я спрашивал, не любовник ли тебе этот Септентрион, и ты сказала, что нет. И я тебе поверил…

Агия раскрыла было рот, но я жестом велел ей

замолчать.

— Верю и сейчас. Судя по тону, ты говоришь правду, но все же каким-то образом хочешь предать меня. Скажи же, что это не так. Скажи, что действуешь лишь ради моих интересов.

— Севериан…

— Скажи.

— Севериан, мы всего день как знакомы! Я совсем не знаю тебя, и ты совсем не знаешь меня — так чего же ты хочешь? Ты, можно сказать, впервые покинул стены своей гильдии, и я время от времени старалась помочь тебе. Хочу помочь тебе и сейчас.

— Оденься.

Я вытащил записку из-под края подноса. Агия бросилась ко мне, но я легко удержал ее и одной рукой. Записка, видимо, была кое-как нацарапана вороньим пером — я разобрал лишь несколько слов.

— Отчего я не отвлекла тебя и не бросила ее в огонь? Севериан, пусти меня…

— Стой смирно!

— Еще на прошлой неделе у меня был кинжал — мизерикорд с рукоятью из слоновой кости. Нам нечего было есть, и Агил заложил его. Будь он при мне сейчас, я зарезала бы тебя!

— Нет. Он остался бы в твоем платье, которое сейчас лежит вон там, на полу.

Я оттолкнул Агию, и она (вина в ее желудке было достаточно, посему не только от силы толчка), пошатнувшись, рухнула в кресло. Поднеся записку к бреши в листве, сквозь которую в харчевню пробивался последний луч заходящего солнца, я прочел:

«Эта женщина была здесь раньше. Не верь ей. Трюдо сказал: этот человек — палач. Мама, ты вернулась!»

XXVI
Трубный зов

Едва я успел прочесть это, Агия метнулась ко мне, выхватила записку и швырнула ее вниз, за край помоста. Некоторое время она стояла передо мной, глядя то мне в лицо, то на «Терминус Эст», который, уже в собранном виде, стоял, прислоненный к подлокотнику кушетки. Быть может, она боялась, что я отрублю ей голову и брошу ее следом за запиской, но я не двигался с места, и тогда она сказала:

— Ты прочел ее? Севериан, скажи, что — нет!

— Прочел. Но не понял.

— Тогда и не думай о ней больше!

— Да успокойся ты хоть ненадолго! Она и предназначалась-то не мне. Скорее, ее подбросили тебе — но, коль так, отчего положили там, где она была не видна никому, кроме меня? Агия, у тебя есть дети? Сколько тебе лет?

— Двадцать три. Да, более чем достаточно, однако детей у меня нет. Если не веришь, взгляни на мой живот.

Я хотел было подсчитать в уме, но обнаружил,

что не имею ни малейшего понятия о том, когда у женщин наступает зрелость.

— Когда у тебя впервые была менструация?

— В тринадцать. Значит, первого могла бы родить в четырнадцать. Ты это хотел высчитать?

— Да. Сейчас ребенку было бы девять… Если он достаточно смышлен, то вполне мог бы написать подобную записку. Хочешь, скажу тебе, что в ней было?

— Нет!

— Как по-твоему, сколько лет Доркас? Восемнадцать? Девятнадцать?

— Севериан, что бы там ни было — выкинь эту записку из головы!

— Агия, шутки кончены. Ты — женщина. Сколько ей лет?

Агия поджала губы.

— Я бы сказала, что этой мелюзге лет шестнадцать-семнадцать. Она сама еще ребенок.

Наверное, все вы замечали: заговорив о комлибо отсутствующем, нередко призываешь его, точно эйдолон. Ширмы раздвинулись, и Доркас предстала перед нами — уже не в привычном облике жалкого, измазанного илом существа, но — полногрудой, стройной, грациозной девушкой. Мне приходилось видеть кожу и побелее, но то

была бледность болезненная, тогда как кожа Доркас сияла здоровьем. Волосы ее оказались золотисто-русыми, а глаза, разумеется, так и остались темно-голубыми, точно Мировая Река Уроборос из моего сна. Увидев обнаженную Агию, она хотела было вновь скрыться за ширмой, но тело толстухи-служанки загородило проход.

— Оденусь-ка я лучше, — сказала Агия, — пока твоя любимица не сомлела.

— Я не смотрю, — пробормотала Доркас.

— А мне плевать, смотришь ты или нет.

Однако же, одеваясь, Агия повернулась к нам спиной и, точно обращаясь к густой листве дерева, добавила:

— Теперь нам действительно пора, Севериан. Горнист вот-вот затрубит.

— И что это должно означать?

— Ты не знаешь? — Она повернулась к нам лицом. — Когда кажется, что машикули Стены касаются солнечного диска, на Кровавом Поле трубит горн — это первый сигнал. Некоторые считают его сигналом к началу поединков, но это не так. Сигнал предназначен стражам внутри города и означает, что настало время запирать ворота. А попутно он означает и начало поединка — если ты успел прийти вовремя. Когда солнце

скрывается за горизонтом и наступает ночь, горнист на Стене трубит еще раз — та-та-а! С этого момента ворот не откроют ни для кого — даже для тех, кто имеет специальные пропуска. Также сигнал означает, что всякий, бросивший или принявший вызов, но не явившийся на Кровавое Поле, считается отказавшимся дать противнику сатисфакцию. После этого он может быть убит в любое время и в любом месте, и армигер либо экзультант, нанявший для этого убийц, не запятнает тем своей чести.

Служанка, все это время стоявшая у лестницы и кивавшая, отодвинулась, пропуская в «кабинет» харчевника.

— Сьер, — сказал он, — если у тебя и впрямь назначен поединок, я бы…

— Моя подруга только что сказала то же самое, — оборвал я его. — Нам нужно идти.

Тут Доркас спросила, нельзя ли и ей выпить вина. Я удивился, но согласно кивнул, и харчевник налил ей бокал, который она взяла обеими руками, совсем по-детски. Между тем я спросил хозяина, имеются ли у него письменные принадлежности для гостей.

— Хочешь составить завещание, сьер? Идем, у нас для этого есть особый будуар. И совершенно

бесплатно. Если хочешь, сразу же отошлем с мальчишкой к душеприказчику.

Взяв «Терминус Эст», я последовал за ним, а Агию с Доркас оставил присматривать за аверном. «Будуар», которым хвастал харчевник, оказался крохотным помостом, едва вмещавшим табурет и стол с несколькими перьями, чернильницей и бумагой. Присев к столу, я написал на листе бумаги слова выброшенной Агией записки. Бумага, насколько можно было судить, оказалась точно такой же, и чернила были того же блекло-черного цвета. Посыпав написанное песком, сложив бумагу и спрятав ее в тот карман ташки, которым пользовался реже всего, я сказал харчевнику, что посыльного не требуется, и спросил, не знает ли он кого-либо по имени Трюдо.

— Трюдо, сьер?

Харчевник призадумался.

— Да. Имя достаточно распространенное…

— Конечно, сьер, я знаю это. Просто пытаюсь вспомнить, кто из знакомых мне и одновременно равных, понимаешь ли, сьер, твоему высокому положению мог бы его носить. Какой-нибудь армигер или же…

— Кто угодно, — сказал я. — Быть может, так зовут официанта, что обслуживал нас?

— Нет, сьер, его имя — Оуэн. Когда-то, сьер, у меня был сосед по имени Трюдо — но то было давно, еще до того, как я купил это заведение. Однако тебе, надо думать, нужен не он? Тогда есть у меня еще конюх — его зовут Трюдо.

— Я хотел бы поговорить с ним.

Харчевник кивнул, причем подбородок его совсем скрылся в складках жира на шее.

— Как пожелаешь, сьер. Хотя он вряд ли сможет много тебе сказать — он издалека, с юга.

Ступени лестницы заскрипели под тяжестью туши харчевника. Конечно же, он имел в виду всего лишь южные кварталы города, но никак не дикие, ледяные пустоши дальнего юга.

— С юга, да еще с того берега, — продолжал он, — так что особого толку ты от него не добьешься. Однако работает он на совесть, и…

— Сдается мне, я знаю, откуда он.

— Вот как? Интересно, сьер; очень интересно! Я слышал, некоторые могут это определять по одежде и по выговору, но не думал, что Трюдо попался тебе на глаза, так сказать…

Мы ступили на единственную, размером со столешницу, каменную плиту у подножия лестницы, и харчевник заорал:

— Трюдо! *Трюдо-о, паралик тебе в поясницу!!!*

На зов никто не явился.

Длинные тени на земле уже перестали быть собственно тенями, превратившись в озера мрака, точно черная вода, наподобие той, из Птичьего Озера, поднялась из земли. Сотни людей — поодиночке либо небольшими группами — поспешно шагали к полю со стороны города. Казалось, всех их снедало нетерпение, тяжким грузом лежавшее на плечах. Большая их часть была безоружна, но некоторые имели при себе футляры с рапирами, а чуть вдалеке я увидел белый цветок аверна, привязанный, подобно моему, к древку копья либо посоху.

— Жаль, что они не заходят к нам, — заметил харчевник. — Конечно, кое-кто и заглянет на обратном пути, но что может быть выгоднее ужинов, заказанных загодя! Откровенно тебе скажу, сьер, потому как сразу вижу человека, который, несмотря на молодость, слишком разумен, чтоб не понимать: всякое заведение должно приносить выгоду. Выгоду! А цены у меня вполне сносные, и кухня, как я уже говорил, известна на весь город… *Трюдо-о-о!!!* Приходится стараться, сьер, иначе я бы сам помер с голоду — желудок у меня весьма привередлив на этот счет… *Трюдо, кормушка для блох, где тебя носит?!!*

Откуда-то из-за ствола выступил, утирая нос кулаком, чумазый мальчишка.

— Нету его, хозяин!

— Куда он делся? Сбегай, найди!

Я не сводил глаз с толпы. Кажется, в эту минуту я впервые до конца осознал и почувствовал, что, скорее всего, умру еще до восхода луны. Тревоги по поводу таинственной записки вдруг показались тщетными и незначительными.

— Значит, все они идут на Кровавое Поле?

— Ну драться-то, понимаешь ли, будут не все. Многие идут просто поглазеть. Некоторые приходят только раз, потому что один из бойцов — их знакомый или просто потому, что где-то услышали либо прочли о мономахии. Этих зрелище обычно угнетает, и на обратном пути они, завернув ко мне, выпивают не меньше бутылки, чтобы прийти в себя. А кое-кто ходит сюда каждый вечер или, самое малое, четыре-пять раз в неделю. Эти — специалисты по бою каким-то одним оружием и будто бы разбираются в нем куда лучше тех, кто им пользуется. Может, оно и вправду так… После твоей победы, сьер, человека два или три наверняка захотят поставить тебе выпивку и, ежели примешь угощение, объяснят, что ты сделал не так да в чем твой противник

оплошал — только говорить будут все разное.

— Мы будем ужинать без посторонних.

Сказав это, я услышал тихий шелест босых ног по ступеням за моей спиной. К нам спускались Агия с Доркас. Агия несла мой аверн, казалось, в сумерках сделавшийся еще крупнее.

Я уже рассказывал о том, как сильно влекло меня к Агии. В беседе с женщиной мы обычно говорим так, словно любовь и желание — две обособленных, отдельных друг от друга сущности, и женщины, зачастую любящие и порой желающие нас, поддерживают эту условность. На самом же деле они — лишь два аспекта единого целого, неразделимые, как, скажем, северная и южная сторона дерева, возле которого я сейчас беседую с харчевником. Желая женщину, мы вскоре проникаемся любовью к ней — за ту снисходительность, с которой она покоряется нам (вот где таится корень моей любви к Текле), а покоряется она именно той (пусть иногда воображаемой) доле любви, что присутствует в нашем желании. С другой стороны, любя ее, мы вскоре проникаемся и желанием к ней, поскольку разум наш не в силах отказать любимой в непременном атрибуте женщины — привлекательности. Вот почему мужчины порой желают женщин, чьи

ноги скованы параличом, а женщины — мужчин, чье влечение направлено лишь на им же подобных.

Однако никто не знает, что порождает чувства, называемые нами *любовью* и *желанием*. Половина лица Агии, спускавшейся по лестнице, была озарена лучами заходящего солнца, половина же — скрыта в тени, а подол платья, разорванный едва не до пояса, открывал для всеобщего обозрения шелковистые бедра, и все чувства, утраченные мной так недавно, когда я оттолкнул ее, вернулись ко мне, многократно усилившись. Она, несомненно, поняла это по выражению моего лица. От Доркас, шедшей следом, тоже ничто не укрылось, и она отвела взгляд. Но Агия все еще была зла на меня (возможно, имея на то полное право) и, несмотря на ее вежливую улыбку и даже, быть может, неутоленный зуд в паху, держалась более чем сдержанно.

Я думаю, начала чувств сих — в той разнице, что находим мы между женщинами, которым мы, если еще остаемся мужчинами, должны посвятить всю свою жизнь, и женщинами, которых (опять-таки, если мы еще остаемся мужчинами) надлежит одолеть силой либо умом, обойдясь с ними покруче, чем с дикой тварью. Суть в

том, что вторые никогда не примут от нас дара, предназначенного первым. Агия наслаждалась тем, как я любовался ею, и, несомненно, моими ласками наслаждалась бы тоже, однако мы так и остались бы чужими друг другу, даже если б я сотню раз излил в нее семя. Все это я осознал, пока она спускалась к нам, одной рукой придерживая разорванное платье, а в другой, точно скипетр, неся аверн, — осознал, но, несмотря на это, любил ее, как только мог.

К нам подбежал мальчишка.

— Повариха говорит, Трюдо сбежал! Она ходила за водой сама, потому что девчонку отослала куда-то, и видела, как он убегал. И вещей его на конюшне нет!

— Значит, сбежал… — проговорил харчевник. — Когда? Только что?

Мальчишка кивнул.

— Боюсь, сьер, он услышал, что ты его ищешь. Наверное, кто-то подслушал, как ты назвал его имя, и сказал ему. Не украл ли он у тебя чего?

Я покачал головой.

— Он не сделал мне ничего дурного. Напротив — подозреваю, что он хотел оказать мне услугу. Сожалею, что мой визит кончился для тебя потерей работника.

Харчевник развел руками.

— Я еще не все ему выплатил, так что даже выгадаю на этом малость.

Он повернулся, чтобы уйти, и тут Доркас шепнула мне на ухо:

— Севериан, прости, что лишила тебя удовольствия там, наверху. Я вправду не хотела тебе мешать, хотя и люблю тебя.

Где-то невдалеке от нас звонко протрубил горн.

XXVII
«Он мертв?»

Кровавое Поле, о котором все читатели мои наверняка слышали — хотя некоторые, надеюсь, никогда его не посещали, — находится у северо-западных окраин нашей столицы, Несса, между кварталами армигеров и конюшнями ксенагии Синих Димархиев. Для таких, как я, никогда не бывавших возле Стены, оно достаточно близко от нее, хотя на самом деле от Кровавого Поля до Стены еще несколько лиг извилистых улиц. Сколько участников оно может вместить зараз — я не знаю. Быть может, барьеры, огораживающие участки для каждой пары, — обычно зрители облокачиваются либо сидят на них, как кому больше нравится, — можно сдвигать так, чтобы мест хватало всем. Я был там всего раз, и поле это, с вытоптанной травой и молчаливыми, апатичными зрителями, показалось мне местом странным и изрядно унылым.

На троне я совсем недавно, и все это время был занят делами гораздо более насущными и безотлагательными, нежели мономахия. Хорош этот

обычай или плох (я лично склоняюсь к последнему мнению), в обществе, подобном нашему, неспособном ни выжить без поддержания воинского духа на должном уровне, ни позволить себе достаточное количество вооруженных стражей общественного спокойствия, его не искоренить ничем.

Но — так ли уж плох этот обычай?

Эпохи (судя по читанному мною, многие сотни тысяч лет), объявившие его вне закона, получали взамен лишь убийства, явившиеся результатом ссор между семействами, друзьями и знакомыми, — примерно столько же убийств, сколько должен был предотвратить запрет на мономахию. Мало этого, вместо одного умирали двое, ибо закон преследовал убийцу (человека, ставшего преступником не по какой-либо предрасположенности к преступлению, но — лишь волею случая) и казнил его, точно его смерть могла вернуть жизнь пострадавшему. Таким образом, если бы даже, скажем, тысяча законных поединков заканчивалась тысячью смертей (что маловероятно, так как смерть в подобном поединке — явление редкое), но предотвращала пять сотен убийств, положение дел было бы ничем не хуже.

Более того — человек, победивший соперника

в поединке, наверняка будет весьма полезен делу защиты государства, да к тому ж произведет на свет более здоровое потомство, тогда как убийство губит и жертву, и убийцу — причем последний, пусть он даже чудом уцелеет, скорее всего, просто более жесток и не превосходит убитого ни умом, ни проворством, ни силой.

Однако сколь же полезна мономахия для всякого рода интриг!..

Еще за сотню шагов до Кровавого Поля мы услышали громко, весьма формально выкликаемые имена. Возгласов не заглушал даже ропот толпы.

– *Кадро из Семнадцати Камней!*

– *Савва с Луга-За-Межой!*

– *Лаурентия из Дома Арфы!* (Этот голос принадлежал женщине.)

– *Кадро из Семнадцати Камней!*

Я спросил у Агии, кто это кричит таким образом.

— Они были вызваны или бросили вызов сами. Выкрикивая свои имена или приказав делать это слуге, они объявляют во всеуслышание, что явились на поединок. В отличие от противника.

– *Кадро из Семнадцати Камней!*

Уходящее солнце, диск коего уже наполовину скрылся за непроницаемо-черной Стеной,

окрасило небо в гуммигут и пурпур, вермильон и ультрамарин, придавая толпам мономахов и зевак схожесть с иконописными иерархами, на которых нисходит златыми лучами благодать божия, и фигуры людей на глазах обретали вид бесплотный, тавматургический — словно возникли из складок ткани и развеются без следа с первым же посвистом ветра.

– *Лаурентия из Дома Арфы!*

Где-то неподалеку захрипел, точно задохнувшись насмерть, человек.

— Агия, — сказал я, — кричи: «Севериан из Башни Матачинов»!

— Я тебе не служанка! Ори сам, если хочешь!

– *Кадро из Семнадцати Камней!*

— Ну, что ты на меня уставился?! И зачем я только пошла с тобой… *Севериан! Палач Севериан! Севериан из Цитадели! Из Башни Мук! Смерть! Смерть идет!*

Моя ладонь хлопнула ее по шее, чуть ниже уха, и Агия упала наземь, выронив шест с привязанным к нему аверном.

Доркас схватила меня за руку:

— Не нужно было так, Севериан!

— Да нет, с ней все в порядке. Я бил ладонью.

— Она еще сильнее возненавидит тебя.

— По-твоему выходит, она и сейчас ненавидит меня?

Доркас не ответила, а мгновением позже я и сам забыл о своем вопросе — в отдалении, над головами толпы, замаячил в воздухе аверн.

Площадка наша оказалась ровным, обнесенным оградой кругом с двумя входами — один против другого.

— Суд аверна, — объявил эфор, — был предложен и принят! Место поединка — здесь! Время — настало! Остается решить, будете ли вы драться обнаженными или же как-либо иначе. Что скажешь ты?

Прежде чем я успел раскрыть рот, Доркас сказала:

— Обнаженными. На том человеке — доспехи.

Гротескный шлем Септентриона качнулся из стороны в сторону — противник мой возражал. Шлем тот, как большинство кавалерийских шлемов, оставлял открытыми уши, чтобы носящий его мог лучше слышать гресль и приказы командующих. Мне показалось, что в тени за ухом Септентриона я вижу узкую черную ленту, но в тот момент я не смог вспомнить, где видел подобное раньше.

— Ты отказываешься, гиппарх? — спросил

эфор.

— Мужчины моей страны обнажаются, лишь оставаясь наедине с женщиной.

— На том человеке — доспехи, — снова крикнула Доркас, — а на этом нет даже рубашки.

Голос ее, столь тихий прежде, зазвенел в сумерках, точно колокол.

— Я сниму их.

Септентрион сбросил плащ и расстегнул плечевые застежки кирасы, тут же упавшей к его ногам. Я ожидал, что грудь у него широка, как у мастера Гюрло, однако ж она оказалась еще уже моей.

— Шлем — также.

Септентрион снова покачал головой, и тогда эфор спросил:

— Твой отказ окончателен?

— Да. — Последовало едва заметное колебание. — Могу лишь сказать, что мне было приказано не снимать его.

Эфор обратился ко мне:

— Полагаю, никто из нас не намерен оконфузить гиппарха, а равно и персону — не стоит и говорить, кто может оказаться ею, — которой он служит. Думаю, наимудрейшим выходом из положения явится предоставление тебе, сьер,

иного, равнозначного преимущества. Имеешь ли ты предложения?

Агия, не проронившая ни слова с того момента, как я ударил ее, сказала:

— Откажись от поединка, Севериан. Или убереги это преимущество на крайний случай.

— Откажись, — сказала и Доркас, отвязывая аверн от жерди.

— Дело зашло слишком далеко, чтобы идти на попятный.

— Принял ли ты решение, сьер? — требовательно спросил эфор.

— Пожалуй, да.

В ташке лежала моя гильдейская маска. Как и все прочие, она была сделана из тонкой кожи и костяных пластинок — для придания жесткости. Сможет ли лист аверна пробить маску, я не знал, однако с удовольствием отметил, как ахнули зрители, стоило мне надеть ее.

— Готовы? Гиппарх? Сьер? Сьер, пусть кто-нибудь подержит твой меч — иного оружия, кроме аверна, в поединке не дозволено.

Я оглянулся в поисках Агии, но она затерялась в толпе. Доркас подала мне смертоносный цветок, а я отдал ей «Терминус Эст».

— Начали!

Первый брошенный лист просвистел у самого моего уха. Септентрион, сжимая свой аверн в левой руке, пониже листьев, метнулся ко мне и выбросил правую руку вперед, словно желая выхватить мой цветок. Я вспомнил, что Агия предупреждала о такой опасности, и прижал его к себе — близко, как только можно.

Недолгое время кружили мы на месте, присматриваясь. Затем я нанес удар по его выставленной вперед руке, и Септентрион парировал его своим цветком. Тогда я занес аверн над головою наподобие меча и тут же сообразил, что нашел идеальную позицию: стебель оказался вне досягаемости противника, а я в любой момент мог ударить или оторвать и метнуть лист.

Последнюю возможность я тут же проверил на практике, отделив один из листьев от стебля и метнув его в лицо противника. Тот, несмотря на свой шлем, пригнулся, и зрители за его спиной поспешили отпрянуть в стороны. Я метнул второй лист, а за ним — третий, столкнувшийся в полете с листом, брошенным Септентрионом.

Результат столкновения оказался потрясающим. Вместо того чтоб прервать лет друг друга и упасть наземь, как обычные клинки, бритвенно-острые листья аверна, переплетясь, закружились

в воздухе столь быстро, что еще прежде, чем опуститься хоть кубитом ниже, превратились в черно-зеленые лохмотья, засверкавшие в лучах заката сотней цветов и оттенков, словно яркий детский волчок, закрученный изо всех сил…

Что-то прижалось к моей спине. Ощущение было таким, как если бы некто неизвестный подошел и встал позади меня, слегка прижавшись своей спиною к моей. Было довольно холодно, и тепло чужого тела оказалось очень приятным.

– *Севериан!*

Голос принадлежал Доркас, но доносился откуда-то издали.

– *Севериан! Да помогите же ему кто-нибудь! Пустите!*

Перезвон карильона. Цвета, поначалу принятые мною за радугу вращающихся в воздухе листьев, оказались радугой, повисшей в небе ниже полярного сияния. Мир стал огромной писанкой, пасхальным яйцом, раскрашенным всеми возможными красками. Близ моей головы раздался голос:

– *Он мертв?*

– *Да,* — рассудительно ответил кто-то другой. — *Эти штуки всегда бьют насмерть. Проходи, если хочешь посмотреть, как его унесут…*

— Заявляю о праве победителя на одежду и оружие побежденного, — сказал Септентрион (голос его казался странно знакомым). — Отдайте мне этот меч.

Я сел. Сплетшиеся в воздухе листья еще шелестели в нескольких шагах от моих сапог. Над ними, все еще не расставаясь с аверном, стоял Септентрион. Я раскрыл было рот, чтобы спросить, что произошло, но что-то упало с моей груди на колени. Я опустил взгляд — это оказался лист аверна с окровавленным кончиком.

Увидев, как я поднимаюсь, Септентрион резко повернулся ко мне и поднял аверн, но эфор, разведя руки в стороны, загородил ему путь.

– *Право благородного, солдат!* — крикнул какой-то зритель из-за ограды. — *Пусть встанет и возьмет оружие!*

Ноги почти не слушались. Я огляделся в поисках своего аверна и увидел его только потому, что он лежал у ног Доркас, боровшейся с Агией.

— Но он должен быть мертв! — закричал Септентрион.

— Тем не менее он жив, гиппарх, — возразил эфор. — Ты вправе продолжить бой, когда он поднимет свое оружие.

Я коснулся стебля своего аверна. Листья его

шевельнулись. На миг показалось, что я тронул за хвост некое холоднокровное, но все же живое существо.

– *Святотатство!* — крикнула Агия.

На миг задержав на ней взгляд, я поднял аверн и повернулся к Септентриону.

Глаз его из-за шлема не было видно, однако все тело его как нельзя красноречивее выражало переполнивший его ужас. На миг он перевел взгляд с меня на Агию, повернулся и побежал прочь, к своему выходу с арены. Зрители загородили ему путь, и он хлестнул аверном направо и налево, как бичом. Раздался крик, за ним — еще. Мой аверн словно бы потянул меня назад — нет, аверн исчез, а кто-то тянул меня за руку. Доркас…

– *Агил!* — завизжала Агия где-то далеко.

– *Лаурентия из Дома Арфы!* — раскатилось над полем, словно в ответ ей.

XXVIII
Казнедей

Поутру я проснулся на узкой койке в лазарете — в просторной комнате с высоким потолком, среди других больных и раненых. Я был наг и долго, пока сон (а может, то была смерть) не перестал сковывать веки, ощупывал свое тело в поисках ран, отстраненно, как будто о ком-то вовсе постороннем, размышляя о том, как жить дальше без денег и одежды и как объяснить мастеру Палемону потерю подаренного им меча и плаща.

В пропаже — вернее, в том, что я каким-то образом сам потерял все это — я не сомневался. Бежавшая по проходу между койками обезьяна с собачьей головой остановилась, взглянула на меня, потрусила дальше, и это показалось мне не более странным, чем свет, падавший на мое одеяло сквозь окно, находившееся вне моего поля зрения.

Проснувшись снова, я сел в постели. Какое-то мгновение мне вправду казалось, будто я, капитан учеников, проснулся в нашем дормитории, а все прочее — возложение на меня маски, смерть

Теклы, поединок — было лишь сном. Такое бывало со мной и после. Но затем я, вместо знакомого с детства металлического потолка, увидел беленую штукатурку, а на соседней койке — человека, сплошь замотанного бинтами. Откинув одеяло, я опустил ноги на пол. У изголовья моей постели спала сидя, привалившись спиною к стене, Доркас, укрытая коричневой накидкой. На коленях ее, среди прочих моих пожитков, лежал «Терминус Эст». Сапоги, чулки, бриджи, плащ и пояс с ташкой мне удалось достать, не потревожив ее, но, стоило коснуться меча, Дорис забормотала во сне и крепче прижала его к себе, и потому я оставил меч на месте.

Большинство больных уже проснулись и во все глаза смотрели на меня, но никто не сказал ни слова. Дверь в конце комнаты вела на лестницу, спускавшуюся во двор, где били копытами о мостовую дестрие. Резвившийся в проходе киноцефал вскарабкался на подоконник, и мне показалось, что я еще сплю. Я швырнул в обезьяну поднятой с пола щепкой, и она оскалилась на меня, обнажив зубы, не менее впечатляющие, чем клыки Трискеля.

На двор вышел солдат в кольчуге, чтобы достать что-то из седельной сумы, и я, окликнув его,

спросил, где очутился. Думая, что я спрашиваю, в какой части крепости нахожусь, он указал на одну из башен и сказал, что Зал Правосудия — прямо за ней, а если я пойду с ним, то, пожалуй, смогу раздобыть себе что-нибудь поесть.

Стоило ему сказать это, я понял, что умираю с голоду. Я последовал за ним, и темный коридор привел нас в помещение гораздо менее высокое и светлое, чем лазарет. Здесь двадцать или тридцать димархиев поглощали обед — хлеб, говядину и похлебку из свежей зелени. Мой новый друг посоветовал взять миску и сказать поварам, что мне велено явиться сюда за обедом. Я так и сделал, и повара, несмотря на легкое удивление при виде плаща цвета сажи, накормили меня без возражений.

Солдаты, в отличие от них, были само любопытство. Они спросили, как меня зовут, откуда я и в каком чине (последнее — видимо, полагая, что наша гильдия устроена на военный манер). Спросили также, где мой топор, а когда я объяснил, чем мы пользуемся в работе, — где мой меч. Я объяснил, что со мной женщина, которая присмотрит за мечом, и тогда они предположили, что она может удрать с ним, а после присоветовали припрятать для нее хлеба под плащом,

так как женщины в трапезную не допускаются. Оказалось, в походе все они, кто постарше, время от времени берут на содержание женщин — маркитанток, то есть спутниц самого полезного и безопасного свойства. Прошлым летом эти солдаты воевали на севере, а на зиму были отведены в Несс, где занимались поддержанием общественного порядка. Теперь они снова ожидали отправки на север — самое большее через неделю, женщины же их на зиму вернулись в родные деревни, к родителям или родственникам. Тут я спросил, отчего эти женщины не захотели отправиться с солдатами на юг.

— Они-то хотели, — отвечал мой приятель, — как им не хотеть! Да только дело это безнадежное. Когда кавалерия расчищает армии путь на север, за ней легко поспеть — продвигаемся в лучшие дни на лигу или на две. Если за неделю вычистим три, будь уверен, две из них потеряем на следующей. А вот на обратном пути им за нами не угнаться. Пятнадцать лиг в день! Чем они будут кормиться по дороге? Лучше уж переждать зиму дома. Если на наше место придет новая ксенагия, будут у них новые дружки. К тому же кое-кто из старых девчонок и не придет, а вместо них появятся новые — чем плохо? Я слыхал, вчера

вечером принесли еще одного из ваших, из казнедеев, но он был при смерти. Ты еще не видел его?

Я ответил, что нет.

— Один из патрулей доложил, что его видели в городе, а хилиарх услыхал и отправил их привести его — нам, сказал, не сегодня-завтра потребуется. Ребята клянутся, будто пальцем его не тронули, однако вот — на носилках принесли. Не знаю, товарищ он тебе или как, но, может, ты захочешь взглянуть на него.

Я сказал, что обязательно навещу его и, поблагодарив солдат за гостеприимство, покинул трапезную: мне не давала покоя тревога за Доркас, вызванная их расспросами, хотя расспрашивали они наверняка просто из любопытства. Вдобавок слишком уж многое осталось без объяснений — как, например, меня ранили, если только под казнедеем, принесенным накануне в лазарет на носилках, имелся в виду именно я; откуда здесь взялась Доркас… Впрочем, меня не столько тревожили ответы, сколько смутное ощущение, знакомое каждому, в чьей жизни имеется нечто не подлежащее огласке: неважно, как бы далек ни был вопрос от запретной темы, следующий может проникнуть в самое ее сердце.

Доркас уже проснулась. Она стояла возле моей

койки, на которую кто-то поставил миску горячей похлебки.

Увидев меня, она так обрадовалась, что радость ее, точно чума, передалась и мне.

— Я уж думала, ты умер, — сказала она. — Проснулась — нет ни тебя, ни одежды и решила, что тебя одели, чтобы похоронить.

— Со мной все в порядке, — заверил я. — Что случилось вчера вечером?

Доркас тут же сделалась предельно серьезна. Я усадил ее рядом с собою на койку и заставил съесть принесенный мною хлеб и суп. Между делом она начала рассказ:

— Ты, наверное, помнишь, как дрался с тем человеком в странном шлеме. Ты надел маску и вышел с ним на арену, хотя я умоляла тебя не делать этого. Он почти сразу же попал тебе в грудь, и ты упал. До сих пор не могу забыть тот лист — он, совсем как пиявка из черного железа, наполовину вошел в твое тело и покраснел, насосавшись крови. А потом — отвалился. Не знаю, как описать… словно все это не могло быть на самом деле. Но все же было — я отчетливо помню, что видела. Ты поднялся и выглядел при этом так… ну, не знаю. Будто не понимал, где находишься, или же какая-то часть тебя унеслась

далеко-далеко… Тот человек хотел тут же добить тебя, но эфор заступился и сказал, что он должен подождать, пока ты не поднимешь свой аверн. И тут твой аверн заизвивался и раскрыл цветок. Тогда я подумала, что он, наверное, распустился прежде, и только сейчас поняла, что он, быть может, не раскрывался вовсе — просто я слишком явственно представила себе распустившуюся розу. У него словно бы появилось лицо — такое, как… наверное, если б яд имел лицо, оно было бы точно таким. Но ты не замечал ничего. Ты поднял аверн, и он — медленно, точно еще не совсем проснулся — потянулся к тебе. Но твой противник, гиппарх, не мог поверить собственным глазам. Он смотрел и смотрел на тебя; та женщина, Агия, что-то крикнула ему, и он пустился бежать. Люди, что смотрели на поединок, не хотели выпускать его — им хотелось видеть чью-либо смерть. Они попытались его остановить, и тогда он…

Глаза Доркас наполнились слезами. Она отвернулась, чтобы скрыть свою слабость, и я сказал:

— Он хлестнул по толпе аверном и, наверное, убил человек десять, да? А что было после?

— Он не просто хлестнул… После первых двух сам аверн метнулся к людям, словно змея. Те,

кто был ужален листьями, умерли не сразу — закричали, некоторые бросились бежать, падали, поднимались и снова бежали, как слепые, сбивая с ног других. Наконец какой-то большой, сильный человек ударил гиппарха сзади, и еще подошла женщина с бракемаром — наверное, она вчера тоже с кем-то дралась. Она разрубила аверн — не сбоку, но вдоль стебля, расщепив его надвое. Тогда гиппарха схватили, и я услышала, как ее клинок зазвенел о его шлем. А ты просто стоял на месте, быть может, даже не понимая, что противник сбежал, а аверн медленно тянется к твоему лицу. Я вспомнила, как поступила та женщина, и ударила его твоим мечом. Меч поначалу был страшно тяжел, но после словно бы вовсе утратил вес, но когда я опустила его, удар, казалось, мог снести голову бизону. Только вот я забыла снять с него ножны… Но все же удар выбил из твоих рук аверн, и я увела тебя.

— Куда? — спросил я.

Доркас вздрогнула и макнула кусочек хлеба в миску с дымящимся супом.

— Не знаю. Мне было все равно. Просто — так хорошо было идти с тобой и знать, что я забочусь о тебе, как ты заботился обо мне перед тем, как мы сорвали аверн. Но наступила ночь, и я замерзла

— ужасно замерзла. Я укутала тебя плащом поплотнее и застегнула его спереди, и ты, казалось, не мерз, потому я завернулась в твою накидку. Платье мое совсем развалилось…

— Помнишь, — сказал я, — там, в харчевне, я собирался купить тебе новое?

Она покачала головой, разжевывая хрустящую корочку.

— Знаешь, кажется, я давным-давно ничего не ела. Желудок очень болел — из-за этого я вчера вино и пила… А теперь стало лучше. До этого я даже не понимала, насколько ослабла. Но мне не хотелось нового платья. Носить его пришлось бы долго, и оно постоянно напоминало бы мне о вчерашнем дне. Давай лучше купим платье сегодня, если ты не передумал. Оно будет напоминать мне этот день — день, когда я думала, что ты умер, а оказалось, что с тобою все хорошо. Как бы там ни было, мы все же вернулись в город. Я надеялась отыскать какое-нибудь место, где можно было бы уложить тебя в постель, но вокруг были только большие особняки с террасами и балюстрадами. Тут к нам подъехали солдаты и спросили, не казнедей ли ты. Я не слышала раньше этого слова, но помнила, что ты рассказывал о себе, и сказала им, что ты палач, — солдаты всегда казались мне

сродни палачам, и я была уверена, что они нам помогут. Они хотели было усадить тебя в седло, но ты не мог удержаться. Тогда они привязали несколько плащей между двух копий и уложили тебя на них, а концы копий вдели в стремена двух дестрие. Один предложил взять меня в седло, но я отказалась и всю дорогу шла рядом и говорила с тобой, только ты, кажется, не слышал.

Она допила суп.

— А теперь я тоже хочу тебя спросить. Когда я мылась там, за ширмами, то слышала, как вы с Агией шептались о какой-то записке. А потом ты разыскивал кого-то в харчевне. Расскажешь, что произошло?

— Почему же ты не спрашивала об этом прежде?

— Из-за Агии. Я не хотела, чтобы она узнала то, что удалось узнать тебе.

— Да ведь она вполне могла и сама додуматься до всего, до чего мог бы додуматься я. Я не слишком-то хорошо знал ее — честно говоря, я, кажется, тебя знаю гораздо лучше, — но все же понимаю: она гораздо сообразительнее меня.

Доркас покачала головой.

— Нет. Она из тех женщин, у которых прекрасно выходит придумывать загадки, но не

разгадывать те, что придуманы не ими. Пожалуй, она мыслит… как бы это сказать… обиняками. И проследить ход ее мыслей не сможет никто. О таких женщинах говорят, будто они мыслят по-мужски, но на самом деле их мышление похоже на мужское еще меньше, чем мышление прочих женщин. Они просто мыслят не по-женски. Да, ход их мыслей тяжело проследить, но это вовсе не говорит об их сообразительности или же глубине ума.

Я рассказал о записке и о том, что в ней было написано, упомянув, что, хоть записка и была уничтожена, я скопировал ее на лист бумаги из харчевни и притом обнаружил, что бумага и чернила — те же самые.

— Значит, кто-то написал ее прямо там, — задумчиво проговорила Доркас. — Видимо, один из слуг — он назвал конюха по имени. Но что это все могло значить?

— Понятия не имею.

— Я могу догадаться, отчего ее положили именно на то место. Там, на этой кушетке, сначала сидела я. Ты не помнишь — официант, принесший поднос, поставил его на стол до того, как я ушла мыться, или после?

— Я помню абсолютно все, — сказал я. — Кроме

прошлой ночи. Агия села в кресло, ты — на кушетку, а после я сел рядом с тобой. Я нес аверн, привязанный к жерди, и меч, и прежде чем сесть, положил жердь с аверном за кушетку. Затем пришла служанка с водой и полотенцами для тебя, потом она вышла и вернулась, принеся мне масло и ветошь…

— Ты, кажется, дал ей что-то, — заметила Доркас.

— Да, я дал ей орихальк, чтобы она принесла ширму. За эти деньги ей, наверное, приходится работать целую неделю… В общем, ты ушла мыться, а вскоре после этого харчевник привел официанта с подносом.

— Вот, значит, почему я ее не видела… Но официант, должно быть, понял, где я сижу, потому что свободных мест больше не было. Он оставил записку под подносом в надежде, что я найду ее, когда вернусь. Еще раз — с чего там начиналось?

— «Эта женщина была здесь раньше. Не верь ей».

— Значит, записка предназначалась мне. Будь она для тебя, там было бы определенное указание на меня или Агию. Хотя бы по цвету волос. Если б она была адресована Агии, ее положили бы на другой край стола — так, чтобы ее нашла она.

— Значит, ты напомнила кому-то его мать…

— Да.

На глазах Доркас снова выступили слезы.

— Но ты еще слишком молода, чтобы иметь ребенка, который в состоянии написать подобную записку.

— Не помню.

С этими словами она спрятала лицо в широких складках накидки.

XXIX
Агил

Осмотрев меня и решив, что в лечении нужды нет, дежурный лекарь попросил нас покинуть лазарет — мой плащ и меч, как он выразился, «отрицательно влияли на прочих пациентов».

На противоположной стороне того здания, где я обедал с солдатами, нашлась лавочка с товарами, отвечавшими всем их надобностям. Среди поддельных драгоценностей и прочих безделок, какие солдаты обычно дарят своим возлюбленным, отыскалась там и женская одежда. Кошелек мой был сильно истощен ужином в харчевне «Утраченная Любовь», куда мы так и не вернулись, однако купить Доркас дзимарру я смог.

Неподалеку от лавки находился вход в Зал Правосудия, перед которым собралась толпа человек в сто. Завидев мой плащ цвета сажи, собравшиеся начали подталкивать друг друга локтями, указывая на меня, и мы вновь отступили во двор, полный дестрие. Там нас и разыскал бейлиф из Зала Правосудия — внушительного вида человек с высоким, белым, точно кувшин, лбом.

— Ты — казнедей, — сказал он. — И мне было сказано, что ты достаточно искушен в своем ремесле, чтобы отправлять обязанности такового.

Я ответил, что сегодня же могу сделать все необходимое, если его начальство того требует.

— Сегодня? Нет, это невозможно. Слушание будет закончено только вечером.

Я заметил, что он, видимо, нимало не сомневается в том, что подсудимый будет признан виновным, если пришел убедиться в моей пригодности к совершению казни.

— О невиновности не может быть и речи — в конце концов, девять человек погибли, и он был схвачен с поличным. Поскольку он не принадлежит к высшим сословиям и не занимает видного общественного положения, возможность помилования либо апелляции также исключены. Приговор трибунала будет объявлен завтра поутру, посему ты понадобишься не раньше полудня.

Опыта общения с судьями или судебными чиновниками у меня не было (наших клиентов всегда присылали прямо в Цитадель, а с чиновниками, приезжавшими порой для получения справок относительно того или иного дела, всегда беседовал мастер Гюрло). Вдобавок мне не терпелось впервые самостоятельно выполнить работу,

к которой меня так долго готовили, и потому я спросил, отчего бы хилиарху не устроить казнь при свете факелов еще ночью.

— Как можно? Он должен подобающим образом обдумать и взвесить свое решение! Иначе как это будет выглядеть? И без того уже множество народу считает, будто военные магистраты слишком торопливы и даже своенравны! Сказать по чести, гражданский судья, вероятно, ждал бы с неделю, и делу это пошло бы только на пользу — недели вполне достаточно для того, чтобы открылись какие-либо новые обстоятельства, представляющие дело в ином свете. Конечно, этого не случилось бы — но тем не менее…

— Выходит, завтра после полудня, — сказал я. — Нам потребуется квартира для ночлега. К тому же мне нужно осмотреть плаху и эшафот и подготовить клиента. Мне нужно письменное разрешение на встречу с ним?

Бейлиф спросил, не можем ли мы переночевать в лазарете. Я покачал головой, и тогда все мы отправились в лазарет, где бейлиф принялся ругаться с дежурным лекарем, который, как я и предполагал, отказался предоставить нам кров еще на одну ночь. Засим последовал долгий спор с нестроевым унтером ксенагии, который

объяснил, что нам никак невозможно ночевать в казармах с солдатами, а если мы воспользуемся одной из комнат, зарезервированных для высших чинов, в ней после этого никто не захочет жить. В конце концов для нас очистили крохотную кладовку без окон и принесли туда две кровати и еще кое-какую (изрядно, надо заметить, попользованную) мебель. Оставив там Доркас, я убедился, что не наступлю на прогнившую доску в самый ответственный момент и что голову клиента не придется отпиливать, уложив его на собственное колено, и, согласно нашим традициям, отправился в камеры — представиться клиенту.

Разница (пусть субъективная) между привычными и непривычными тюремными сооружениями — огромна! Спустившись в наши темницы, я в буквальном смысле слова почувствовал бы, что возвращаюсь домой — хотя бы только затем, чтоб умереть. Да, я понимал бы, что извилистые железные коридоры и узкие, мрачные двери могут повергать заключенных в ужас, но сам нимало бы не ужаснулся, а удивись этому кто-либо из соседей, перечислил бы ему множество разнообразных преимуществ тюремной жизни: чистые простыни, теплые одеяла, регулярное питание, пристойное освещение, уединение и

покой, нарушаемые кем бы то ни было лишь изредка, и так далее.

Теперь же, спускаясь по узкой винтовой лестнице из камня вниз, в темницы во сто раз меньше наших, я испытывал прямо противоположные чувства. Темнота и нестерпимая вонь давили на меня тяжким грузом. В голове все время вертелась, как ни старался я гнать ее прочь, одна мысль: ведь я и сам волею случая (не поняв приказа либо невольно разозлив чем-нибудь бейлифа) могу оказаться здесь, в заточении!

Из-за дверей до меня донесся женский плач. Поскольку бейлиф говорил о мужчине, я решил, что ошибся камерой (мне была названа третья справа). Двери были вполне обычными — деревянными, окованными железом, однако замки оказались тщательно смазанными. Вот она, военная дисциплина! Еще раз пересчитав двери, я отпер нужную, причем плач, стоило мне отодвинуть засов, затих.

Внутри, на соломе, лежал обнаженный человек. Железный ошейник его был прикован цепью к кольцу в стене. Над ним склонилась женщина, также обнаженная, и длинные темные волосы ее, ниспадая, закрывали их лица, точно объединяя их в одно целое. Женщина подняла на меня

взгляд, и я узнал Агию.

— Агил! — прошипела она.

Лежавший на соломе человек сел. Лица их были столь схожи, что Агия, казалось, держала перед собою зеркало.

— Это был ты, — сказал я, тут же вспомнив мелькнувшую под шлемом черную ленту и поведение Агии на Кровавом Поле. — Но это невозможно!

— Он умрет, — сказала Агия. — Умрет, потому что ты жив!

Я не нашелся что ответить ей.

— Это и вправду был Агил?

— Конечно. — Голос моего клиента звучал октавой ниже, чем у сестры, однако вовсе не так твердо. — А ты до сих пор не понял?

Я только покачал головой.

— Там, в лавке, была Агия. В костюме Септентриона. Она вошла через заднюю дверь, и, когда ты и слышать не захотел о продаже меча, я подал ей знак.

— Мне нельзя было говорить, — сказала Агия, — иначе ты понял бы, что голос — женский. Но кираса скрыла мои груди, а перчатки — руки. А мужской походке подражать проще, чем это кажется мужчинам.

— Ты хоть разглядел этот меч? Там ведь клеймо! — Агил поднял руки, точно держа в них мой меч.

— Ну да, — бесцветным, ничего не выражающим тоном добавила Агия. — Иовиниан. Я видела в харчевне.

Высоко над ними в стене имелось крохотное оконце, и сквозь него в камеру вдруг, словно ветер сдвинул с места нависшую над крышей тучу, упал солнечный луч. Я вгляделся в их залитые солнцем лица.

— Вы хотели убить меня. Лишь для того, чтобы завладеть моим мечом.

— Я надеялся, что ты оставишь его в лавке, — сказал Агил. — Помнишь? Я хотел убедить тебя, переодевшись, бежать. Я дал бы тебе и одежду, и денег — сколько смог бы.

— Севериан, неужели ты не понимаешь? Этот меч стоит вдесятеро дороже нашей лавки, а эта лавка — все, что у нас есть!

— Вы проделывали такое и прежде. Наверняка. Слишком уж гладко все вышло. Совершенно законное убийство, незачем прятать тело…

— Но и ты собираешься убить Агила, разве нет? Ты ведь пришел из-за этого, хотя не знал, кто за дверью, пока не открыл ее. Чем же ты отлича-

ешься от нас?

— Бой был честным, — несколько мягче сказал Агил. — На равном оружии, и условия ты принял. А завтра — будет так же?

— Ты знал, что с наступлением вечера тепло моей руки оживит аверн, и он ужалит меня в лицо. А сам надел перчатки, поэтому тебе-то оставалось только подождать. И даже ждать не нужно было — ты до этого наверняка достаточно напрактиковался в метании листьев.

— Ну да, — улыбнулся Агил, — перчатки дела не решали. И я было победил. — Он развел руками. — Однако выиграл ты — при помощи какого-то тайного искусства, непонятного нам с сестрой. Я был обижен тобою трижды, а древний закон гласит, что трижды обиженный вправе требовать у обидчика выполнения любой просьбы. Конечно, этот закон давно не имеет силы, но сестренка говорит, что ты питаешь слабость к древним временам, к эпохе величия вашей гильдии, когда ваша крепость была центром Содружества. Вот моя просьба: освободи меня!

Агия поднялась, отряхнула солому с коленей и бедер и, словно только теперь осознав, что обнажена, подняла с пола столь памятное для меня парчовое платье и завернулась в него.

— Чем же я обидел тебя, Агил? — спросил я. — По-моему, это ты обидел меня. Во всяком случае, пытался обидеть.

— Во-первых, ты заманил меня в ловушку. Ты носил при себе, напоказ всему городу, древность, стоящую дороже виллы, и даже не знал, чем владеешь, хотя владелец обязан это знать, и твое невежество завтра будет стоить мне жизни, если только ты не освободишь меня сегодня. Во-вторых, ты отказался от переговоров о купле-продаже. В нашем же торговом сообществе каждый может назначать любую цену, какую только пожелает, но отказ в продаже товара по какой бы то ни было цене есть тяжкое преступление. Мы с Агией только рядились в причудливый варварский доспех, ты же носишь в груди сердце варвара. И, в-третьих, ты победил меня в поединке, прибегнув к шулерскому трюку. В отличие от тебя, я обнаружил, что оказался лицом к лицу с силой гораздо выше моего разумения. Это лишило меня мужества, и я бежал — так поступил бы на моем месте любой. И вот — я здесь. И призываю тебя выпустить меня на свободу.

Помимо воли из горла моего вырвался смех, принесший с собой горечь желчи.

— Ты, кого я имею все основания презирать,

просишь меня о том, чего я не сделал бы и для Теклы — для той, кого любил больше собственной жизни! Нет. Я — глупец, и, если не был им до сих пор, твоя сестрица, несомненно, сделала из меня глупца. Но все же я не настолько глуп.

Платье Агии упало на пол, и она бросилась ко мне столь стремительно, что я решил, будто она собирается напасть на меня. Однако она, покрыв лицо мое поцелуями, схватила мои ладони и положила одну себе на грудь, другую же — на бархатный холмик меж бедер, как и спина, облепленных прелой соломой.

— Севериан, я люблю тебя! Я хотела тебя все время, пока мы были вместе, и раз двадцать пыталась отдаться тебе! Разве ты забыл, как я старалась увести тебя в Сад Наслаждений? Он и вправду стал бы для нас садом истинных наслаждений, но… ты не пошел! Хоть раз будь честен! — В ее устах честность словно бы превратилась в нечто ненормальное, наподобие некоей мании. — Разве ты не любишь меня? Возьми меня сейчас… здесь… Агил отвернется, я обещаю.

Пальцы ее скользнули по моему животу, пробираясь под пояс, и я не замечал, что другая ее рука подняла клапан ташки, пока не услышал шелест бумаги.

Я поймал ее запястье, пожалуй сжав его сильнее, чем следовало, и она хотела было вцепиться ногтями мне в лицо — точно так же порой, не в силах больше вынести мыслей о заточении и боли, делала Текла. Я оттолкнул ее, и на сей раз за ее спиною не оказалось кресла. Агия ударилась головою о стену — и, хотя ее пышные волосы должны были смягчить удар, звук вышел резким, будто каменщик стукнул по кирпичу молотком. Лишившись сил, сползла она по стене вниз, на груду соломы. Никогда не подумал бы, что Агия способна плакать, однако она заплакала.

— Что она сделала? — спросил Агил, и голос его не выражал ничего, кроме любопытства.

— Ты, без сомнения, видел и сам. Она хотела залезть в мою ташку. — Я выгреб все оставшиеся монеты из кармашка, в котором хранил деньги: два медных орихалька и семь аэсов. — Быть может, хотела украсть письмо к архонту Тракса. Однажды я упоминал о нем при ней, однако ношу его не здесь.

— Нет, ей наверняка нужны были деньги. Меня-то здесь кормят, а вот она, должно быть, жутко голодна.

Я поднял Агию, сунул ей в руки разорванное платье и вывел ее в коридор. Она еще не вполне

пришла в себя, но, стоило дать ей орихальк, швырнула его на пол и плюнула на него.

Вернувшись в камеру, я застал Агила сидящим, скрестив ноги и прислонившись спиною к стене.

— Только не спрашивай о ней меня, — сказал он. — Все твои подозрения верны — этого тебе хватит? Завтра я умру, а она выйдет замуж за того старика, что положил на нее глаз, или еще за кого-нибудь. Чем скорее она это сделает, тем лучше. Раньше я был этому помехой, а теперь меня не станет, и…

— Да, завтра ты будешь казнен, — подтвердил я. — Я как раз хотел поговорить об этом. Тебе все равно, как будешь выглядеть на эшафоте?

Агил опустил взгляд к собственным рукам, мягким, изящным, лежавшим на коленях в луче солнечного света.

— Нет. Она может прийти. Надеюсь, что не придет, однако — нет, мне не все равно.

Тогда я (как меня учили) велел ему с утра есть поменьше, чтобы не стошнило, когда придет время, и загодя опорожнить мочевой пузырь, расслабляющийся при ударе. Вдобавок я выложил ему о порядке процедуры все те выдумки, что обычно рассказываются приговоренным, дабы удар оказался для них неожиданным — так

делается для того, чтоб человек испытал перед смертью хоть чуточку меньше страха. Поверил ли он мне, я не знал, но надеялся, что поверил — если и существует на свете ложь, праведная в очах Вседержителя, моя была именно такова.

Покинув камеру, своего орихалька я на полу не нашел. На том месте, куда упала монета — и, несомненно, ее же ребром, — на грязных камнях было нацарапано нечто, с равным успехом способное оказаться как свирепым лицом Хурупари, так и, к примеру, картой, испещренной совершенно незнакомыми мне письменами. Я стер рисунок подошвой.

XXX
Ночь

Их было пятеро — трое мужчин и две женщины. Ждали за дверьми, только не у самых дверей, а в дюжине шагов от них. В ожидании они разговаривали, по двое-трое одновременно, почти крича; хохотали, размахивали руками, подталкивали друг друга локтем. Некоторое время я наблюдал за ними из тени. Они не могли заметить — либо просто не замечали — меня в плаще цвета сажи, а я вполне мог делать вид, будто не понимаю, зачем они здесь. Могло статься, что у них просто какой-то праздник — все они были слегка пьяны.

Но вот они приблизились — нетерпеливо, однако не без колебаний, словно решившись преодолеть боязнь быть прогнанными. Один из мужчин, без сомнения незаконный сын какого-нибудь экзультанта, был гораздо выше меня ростом и почти так же толст, как хозяин харчевни «Утраченная Любовь». На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Рядом с ним, почти прижавшись к нему, шла худощавая женщина лет

двадцати — взгляда голоднее, чем у нее, я в жизни еще не видел. Когда пожилой толстяк оказался передо мною, загородив мне путь брюхом, она подошла ко мне совсем вплотную — чудом казалось, что тела наши не соприкоснулись. Ее длинные пальцы потянулись к моему плащу, точно гладя мою грудь, однако не касаясь ее, и мне показалось, что я вот-вот паду жертвой какого-то призрака-кровопийцы — суккуба или, быть может, ламии. Остальные сгрудились вокруг, едва не прижав меня к стенке.

— Значит, завтра, да? А что при этом чувствуешь? Как твое настоящее имя? А он — злодей, да? Чудовище? — Вопросы сыпались градом — видимо, спрашивавшие и не ожидали и даже не желали на них ответов. Им нужны были лишь ощущения от близости ко мне и беседы со мною. — Ты будешь ломать его на колесе? А клеймение будет? А женщин убивать тебе доводилось?

— Да, — ответил я. — Один раз.

Один из мужчин — низенький, хрупкого сложения, с высоким, выпуклым лбом интеллектуала — вложил в мою ладонь азими.

— Я знаю, ваш брат получает не так уж много, а преступник нищ, от него чаевых ждать не

приходится.

Женщина с распущенными седыми космами сунула мне носовой платок, обшитый по краю кружевом.

— Намочи его в крови. Хочешь, вымочи весь или только уголочек. Я тебе после заплачу.

Все они были омерзительны и жалки, но одного мне стало действительно жаль. Еще ниже ростом, чем давший мне денег, еще более седой, чем женщина с распущенными волосами, тусклый взгляд исполнен безумия… Казалось, его глазами смотрит на мир тень некоей непрестанной тревоги — подавленной заключением в темнице разума, лишившейся жажды вырваться наружу, но все свои силы сохранившей в целости. Он явно ждал, когда остальные четверо замолчат, но этому, видимо, не суждено было произойти никогда, и потому я жестом велел им умолкнуть и спросил, чего он хочет.

— Г-г-господин, на «Квазаре» была у меня паракоита — к-к-кукла, так сказать, геникон, с огромными, темными, точно колодцы, з-з-зрачками. Р-р-радужки, окружавшие их, были пурпурны, словно астры или же анютины глазки в весеннем цвету, г-г-господин; пожалуй, целые с-с-сады цветов потребовались, дабы изготовить

эти глаза, это тело, что, казалось, всегда было согрето солнцем! И г-г-где же она теперь, моя скополанья, прелестница моя? Да вонзятся крюки в те д-д-длани, что украли ее! Сокруши их каменной плитой, господин! Куда пропала она из сделанного мной для нее ящика лимонного дерева, где не спала ни разу, проводя ночи напролет рядом со мною — со мною, а вовсе не в ящике, где ждала она меня целыми днями — стражу за стражей, господин! — улыбаясь, когда я укладывал ее туда, и радуясь тому, что вновь улыбнется мне, когда я вернусь и выну ее? Сколь мягки были ее руки, ее маленькие ладошки! Мягки, точно г-г-голубки! Она порхала бы по кают-е, трепеща ими, словно крылышками, если бы не предпочитала вместо того лежать со мною! Н-н-намотай же к-к-кишки их на свой ворот, вынь очи их и вложи им в уста! Сбрей их срамные уды острою бритвой, сбрей начисто, дабы их девки не узнали их, дабы полюбовницы прогнали их прочь, дабы с горячих губ шлюх летел им вослед жгучий смех! Да будет воля твоя над преступными, ибо где их сострадание к невинным?! Когда же восплачут они, когда дрогнут сердца их? Что за люди способны на то, что содеяли они — воры, лицемеры, предатели, убийцы и хищники?! Не будь тебя,

г-г-господин, что было бы их ночным кошмаром, кто свершил бы возмездие?! Где были бы цепи их, путы, колодки и кандалы? Кто подвергал бы злодеев абацинации, дабы лишить их зрения, дефенестрации, дабы ломать им кости, кто рвал бы им жилы на эстрападах? О, где же, где же она — любимая, потерянная мною?!

Доркас украсила волосы сорванной маргариткой, но, пока мы гуляли за стенами крепости (я был закутан в плащ, так что с расстояния в несколько шагов любой сторонний наблюдатель решил бы, что она гуляет одна), цветок закрылся на ночь, и тогда она сорвала взамен один из тех белых, формой подобных трубе цветов, называемых луноцветом за то, что в зеленом свете луны кажутся зелеными. Нам не было нужды в разговорах: мы были одни, и этого нам хватало, и ладони наши, крепко сжимавшие одна другую, говорили об этом без слов.

В крепость вереницами тянулись повозки поставщиков армии — солдаты готовились выступить в поход. На фоне Городской Стены, окружавшей нас с востока и севера, стена, ограждавшая казармы и здания присутственных мест, казалась не более чем детской игрушкой, песчаным валом, что вот-вот будет смыт случайной

волной. К югу и западу от нас простиралось Кровавое Поле. Раздался звук горна, за ним последовали кличи новых бойцов, разыскивавших противников. Наверное, и я, и Доркас какое-то время боялись, что другой предложит пойти и посмотреть бои, но ни один из нас предлагать такого не стал.

Горн на Стене протрубил во второй раз, и мы, разжившись огарком свечи, вернулись в свою комнатушку без окон и очага. Дверь ее не запиралась, но мы придвинули к ней стол, водрузив на него свечу. Я предупредил Доркас, что она вольна уйти, если хочет, и что после ее всю жизнь будут звать палаческой подстилкой, отдающейся прямо под эшафотом за обагренные кровью деньги.

— Что ж, — сказала она, снимая коричневую накидку (свисавшую до пят, а порой, когда она забывала подоткнуть ее, волочившуюся по земле) и оглаживая грубую, желтоватую льняную ткань дзимарры, — эти деньги уже накормили и одели меня.

Я спросил, не боится ли она.

— Боюсь, — ответила она. И тут же поспешила добавить: — Нет, не тебя!

— Чего же?

Я снял одежду. Стоило ей лишь попросить, я не

коснулся бы ее и пальцем, однако мне хотелось, чтобы она просила — умоляла — об этом. Тогда наслаждение воздержанием, возможно, оказалось бы даже сильней удовольствия от обладания ею, а еще очень приятно было бы осознавать, что, пощади я ее, на следующую ночь Доркас почувствует себя еще более обязанной мне.

— Себя самой. Тех мыслей и воспоминаний, что могут вернуться ко мне, если я снова лягу с мужчиной.

— Снова? Ты вспомнила, что бывало у тебя прежде?

Доркас покачала головой.

— Нет. Но я уверена, что не девственница. Мне много раз хотелось тебя — и вчера и сегодня. Как ты думаешь, для кого я мылась? А прошлой ночью, пока ты спал, держала тебя за руку и представляла себе, будто мы лежим вместе, уже насытившись друг другом. И чувство насыщения оказалось так же знакомо мне, как и желание, — выходит, до этого я знала хотя бы одного мужчину. Хочешь, я сниму это, прежде чем задуть свечу?

Тело ее было стройным, груди — высоки и пышны, а бедра — узки. Выглядела она едва ли не девчонкой, но в то же время казалась вполне

созревшей женщиной.

— Ты такая маленькая, — сказал я, прижимая ее к себе.

— А ты — такой большой…

Тогда я понял, что все мои старания не сделать ей больно — и в ту ночь, и во все последующие — будут напрасны. Понял я и то, что удержаться уже не смогу. Мгновением раньше смог бы, попроси она о том, но теперь… Нет, теперь об этом не могло быть и речи. Стремясь вперед, я ничуть не боялся напороться на рожон привязанности и, быть может, ревности.

Однако распятым на колу оказалось вовсе не мое, но ее тело. Мы стояли посреди комнаты, я гладил ее и целовал груди, округлые, точно половинки чудесных мягких плодов, а после поднял ее, и вместе упали мы на одну из кроватей. Вскрикнув от боли и наслаждения, Доркас оттолкнула меня, чтобы тут же привлечь к себе снова.

— Как хорошо… как хорошо…

Зубы ее впились в мое плечо, тело выгнулось, словно туго натянутый лук.

Позже мы сдвинули кровати, чтобы лечь рядом. Во второй раз все вышло медленнее; от третьего же она отказалась, сказав:

— Тебе завтра понадобятся силы.

— Тебе-то что за забота?

— Будь на то наша воля, ни единый мужчина не скитался бы без приюта и не проливал крови. К сожалению, миром правят не женщины… а все вы — палачи, каждый в своем роде…

Той ночью пошел дождь — столь сильный, что казалось, будто по черепице над нашими головами грохочет вечный, всеочищающий, всесокрушающий водопад. Стоило задремать, мне приснилось, будто мир перевернулся кверху ногами, и Гьёлль извергает на нас все воды свои, всю свою рыбу, и ил, и все водяные цветы. Во сне я снова увидел лицо, явившееся мне под водой в тот день, когда я едва не утонул. Огромное, кораллово-белое, оно улыбалось с неба, обнажив в улыбке игольно-острые зубы.

Тракс называют Градом Без Окон… Быть может, подумал я, наша каморка — приготовление к жизни в Траксе? Да, наверное, Тракс будет таким же… А может быть, мы с Доркас уже там, и он вовсе не так уж далеко на севере, как я полагал или как мне внушали?

Доркас поднялась, чтобы выйти, и я отправился с нею — одной ей расхаживать ночью по крепости, где так много солдат, было бы небезопасно.

Коридор, куда выходила дверь нашей комнаты, пролегал вдоль наружной стены с множеством амбразур, сквозь каждую из которых хлестали внутрь струи дождя.

Вынимать из ножен «Терминус Эст» не хотелось, но столь большой меч в случае чего быстро не выхватишь. Вернувшись в комнату и вновь подперев дверь столом, я извлек из ташки брусок и принялся оттачивать лезвие, пока рабочая его часть — последняя треть — не разделила надвое парящую в воздухе нить. Протерев и смазав клинок, я прислонил меч к стене у изголовья.

Завтра я в первый раз выйду на эшафот, если только хилиарх в последний момент не решит проявить милосердие. Такая возможность — такой риск — есть всегда. История показывает, что каждая эпоха отличается своим общепризнанным неврозом, и наш, как говорил мастер Палемон, — именно милосердие. Что ж, все лучше, чем ничего. Вдобавок, если людской закон не нуждается в последовательности, то и правосудие быть последовательным вовсе не обязано. В книге с коричневым переплетом был приведен диалог между двумя мистиками, один из которых утверждал, будто культура есть результат представления Предвечного в виде существа

логичного и справедливого, самой сутью своею вынужденного выполнять свои обещания и угрозы. Думаю, окажись оно так, мы — на грани падения: нашествие с севера, отражение коего столь многим стоило жизни, сомнет нас подобно ветру, что рушит на землю насквозь прогнившее дерево.

Правосудие, справедливость — понятия высшего порядка; в ту ночь я был молод и посему желал только высокого. Наверное, именно поэтому мне хотелось, чтоб наша гильдия вновь обрела вес и влияние, какими обладала когда-то. (Да, я желал этого и после изгнания!) Быть может, по той же причине любовь ко всему живому, столь сильная во мне, пока я был ребенком, к тому моменту, как я нашел возле Медвежьей Башни истекающего кровью беднягу Трискеля, стала лишь воспоминанием. В конце концов, жизнь не принадлежит к высшим понятиям; во многих случаях она и вовсе есть нечто противоположное чистоте. Теперь, хотя времени прошло совсем немного, я стал мудрее и понимаю, что обладать всем, и низшим, и высшим, гораздо лучше, чем только высшим.

Значит, завтра я лишу Агила жизни, если только хилиарх не дарует ему помилование. Лишу жизни… Кто знает, что это может значить? Тело

есть совокупность клеток (когда мастер Палемон говорил об этом, я неизменно представлял себе наши темницы). Будучи разделено на две достаточно большие части, оно гибнет. Но к чему оплакивать гибель совокупности клеток? Подобная совокупность гибнет всякий раз, как в духовку пекаря отправляется очередной комок теста! Если человек — всего лишь совокупность, колония клеток, то человек — ничто, но инстинктивно мы понимаем, что человек все-таки есть нечто большее. Что же случается с этой, главной его частью, когда гибнут клетки?

Возможно, она гибнет вместе с ними, только медленнее. На свете есть множество зданий, мостов и туннелей, населенных духами, но я слышал, что в тех случаях, когда дух принадлежит человеку, а не стихии, со временем он появляется все реже и реже, пока в конце концов не исчезнет совсем. Историографы утверждают, будто в далеком прошлом люди не знали других миров, кроме Урд, не боялись зверей, населявших ее в те времена, и свободно путешествовали с нашего континента на северный, однако ж никто никогда не видел призраков этих людей!

Возможно также, что это нечто погибает сразу же или уходит к звездам. Конечно, Урд — не

более чем захолустная деревушка в бескрайних просторах мироздания; если дом человека, живущего в деревне, сожжен соседями, он уйдет из деревни прочь или же сгорит вместе с домом. Но в нашем случае вопрос, ушел он или сгорел, остается открытым.

Мастер Гюрло, свершивший множество казней, не раз говаривал, что лишь глупец боится мелких погрешностей в отправлении ритуала — скажем, поскользнуться в крови или, не заметив, что клиент носил парик, попытаться поднять отрубленную голову за волосы. Гораздо опаснее, утратив твердость духа, позволить рукам задрожать, отчего удар выйдет неуклюж, или же, поддавшись чувству гнева, превратить акт правосудия в тривиальную месть… Помня об этом, я, прежде чем снова заснуть, изо всех сил постарался очистить разум свой от страха и гнева.

XXXI
Тень палача

Вобязанности наши входит и долгое стояние на эшафоте в ожидании клиента — без плаща, в маске, с обнаженным мечом в руках. Некоторые говорят, будто таким образом палач служит символом вездесущего правосудия, но я полагаю, причина — в толпе. Ей просто нужно нечто, фокусирующее на себе внимание, внушающее ощущение значительности того, что должно вскоре произойти.

Толпа — это никак не сумма индивидуумов, составляющих оную. Скорее толпа — особого вида животное, лишенное дара речи и даже настоящего сознания, рождающееся, когда люди собираются вместе, и умирающее, стоит лишь им разойтись. Эшафот перед Залом Правосудия был окружен кольцом димархиев с пиками наперевес, а их офицер с пистолетом, пожалуй, мог бы убить пятьдесят или шестьдесят человек, прежде чем у него вырвут оружие, собьют с ног и затопчут. И все же лучше предоставить толпе некий понятный каждому символ власти, нечто,

притягивающее взгляд.

Люди, собравшиеся поглазеть на казнь, в большинстве своем вовсе не были бедны. Кровавое Поле — один из лучших кварталов города, и я видел в толпе довольно много красного и желтого шелка и лиц, с утра вымытых душистым мылом (мы с Доркас умывались в колодце на дворе). Подобная публика не так легка на подъем, как бедняки, но, будучи раздражена, становится гораздо более опасной — этих людей не ошеломить демонстрацией силы, да к тому ж они, что бы там ни утверждали различные демагоги, куда как храбрее.

Итак, я стоял на эшафоте, положив руки на эфес «Терминуса», вглядываясь в толпу, и тень моя падала на заранее установленную нужным образом плаху. Хилиарха видно не было — позже я обнаружил, что он наблюдает за процедурой из окна. Агии в толпе, сколько я ни искал, не оказалось, а Доркас стояла на ступенях Зала Правосудия: по моей просьбе бейлиф зарезервировал для нее местечко.

Толстяк, подстерегший меня накануне, подобрался к эшафоту поближе, насколько смог, — острие пики едва не уперлось ему в брюхо. Женщина с голодными глазами стояла справа от

него, а седовласая — слева. Данный ею платок я заткнул за голенище сапога. Низенького, что дал мне азими, и тусклоглазого, так странно говорившего заики не было видно нигде. Я поднял взгляд к крышам — оттуда им, несмотря на маленький рост, все было бы прекрасно видно — и, хотя не смог отыскать их, они, скорее всего, устроились именно там.

Четыре сержанта в высоких парадных шлемах привели Агила. Вначале толпа раздалась, точно воды Птичьего Озера перед носом Хильдегриновой лодки, затем показались алые плюмажи, блеснули доспехи, и наконец я увидел его темные волосы и скуластое, запрокинутое кверху (цепь сковывала его руки за спиною так, что лопатки соприкасались) лицо. А ведь как элегантно выглядел он в доспехах офицера Дворцовой Стражи, с распластанной на груди золотой химерой… Мне даже сделалось жаль, что конвоируют его не Септентрионы, для которых он был в каком-то смысле своим, а простые исколотые-изрубленные солдаты, закованные в обычную — пусть и отполированную до блеска — сталь. Однако все великолепное облачение с Агила сорвали, а я ждал его на эшафоте в той же, цвета сажи, маске, в которой накануне дрался с ним. Глупые

старухи верят, будто Вышний Судия дарует нам победы в награду и карает за грехи поражениями, и, вспомнив об этом, я решил, что награда моя далеко превосходит заслуженную.

Миг, другой — Агил взобрался на эшафот, и краткая церемония началась. Потом солдаты поставили его на колени, и я поднял меч, навек заслоняя Агилу солнце.

Если клинок должным образом наточен, а удар нанесен верно, при разделении надвое спинного хребта ощущаешь лишь некоторую задержку, после чего лезвие тяжко вонзается в плаху. Я мог бы поклясться, что почувствовал запах крови Агила во влажном, выполосканном ливнем воздухе еще до того, как голова его упала в подставленную корзину. Толпа отпрянула назад и тут же рванулась вперед, к самым остриям пик. Я явственно слышал сопение толстяка — точно такие же звуки он издавал бы, потея в конвульсиях оргазма над телом какой-нибудь наемной женщины. Откуда-то издали донесся крик — то был голос Агии, узнанный мной безошибочно, точно лицо, озаренное вспышкой молнии, и тембр его был таков, будто она не видела смерти брата, но *почувствовала* ее наступление.

Трудности палаческого ремесла не заверша-

ются после свершения казни. Порой после казни как раз и начинается самое хлопотное. Голову, подняв ее за волосы и показав толпе, можно бросить обратно в корзину. Но обезглавленное тело (способное, кстати, обильно истекать кровью еще долго после того, как прекратится работа сердца) следует убрать прочь достойным, но притом и позорным образом. Более того, убрать его следует не просто куда-нибудь, но в определенное место, где оно будет ограждено от посягательств. Экзультанта, согласно обычаям, можно бросить поперек седла его собственного дестрие и тут же передать семье, однако персону низкого ранга надлежит доставить в какое-либо место упокоения, недоступное пожирателям мертвечины, и при этом — по крайней мере, пока вокруг имеются сторонние наблюдатели — тащить волоком. Эту задачу палач не может выполнить сам: он и без того обременен головой казненного и оружием. Из прочих официальных лиц — солдат, судейских и им подобных — редко кто вызывается исполнить сей ритуал добровольно. (В Цитадели это делали двое подмастерьев, так что затруднений не возникало.)

Хилиарх, истинный кавалерист по выучке и, несомненно, душевной склонности, решил эту

задачу, приказав привязать тело длинной веревкой к седлу вьючной клячи. Однако согласия животного при этом спросить позабыли, и кляча, скотина рабочая, а не боевая, испугавшись крови, ринулась было бежать. Таким образом, время, понадобившееся, чтобы доставить беднягу Агила в квадратный дворик, освобожденный от публики, оказалось для нас весьма и весьма насыщенным.

Я принялся чистить сапоги, но тут ко мне подошел бейлиф. Завидев его, я подумал, что он принес мне мой гонорар, но он сказал, что хилиарх желает уплатить мне лично. Я ответил, что не ожидал такой чести.

— Он видел все, — сказал бейлиф, — и остался очень доволен. Велел также передать, что ты и женщина, путешествующая с тобою, можете переночевать здесь, если пожелаете.

— Мы уйдем с наступлением сумерек, — отвечал я. — Так будет безопаснее.

Бейлиф на миг задумался и кивнул, выказав куда больше ума, чем я ожидал.

— Да, у этого негодяя, должно быть, имеются друзья и родные, хотя ты вряд ли знаешь о них больше, чем я… Но, надо думать, с подобной опасностью тебе приходится сталкиваться часто.

— Меня о ней предупреждали более опытные

члены нашей гильдии, — пояснил я.

Да, я сказал ему, что мы уйдем с наступлением сумерек, но на самом деле мы подождали, пока совсем не стемнеет — отчасти ради пущей безопасности, отчасти же ради того, чтоб поужинать в казармах перед уходом.

Конечно, сразу же отправиться к Стене и покинуть город мы не могли — ворота (о местоположении коих я, кстати, имел лишь самое смутное представление) были заперты на ночь. Вдобавок все наперебой предупреждали нас, что между Стеной и казармами нет ни гостиниц, ни постоялых дворов. Итак, нам предстояло затеряться в городе и найти место для ночлега, откуда назавтра можно будет быстро добраться до ворот. Бейлиф подробно объяснил мне дорогу, и все же мы заблудились, но поняли это не сразу, а в путь отправились в самом радостном настроении. Хилиарх хотел было отдать мне плату из рук в руки, вместо того чтобы швырнуть деньги наземь, как того требует обычай, и мне пришлось отговорить его — ради его же собственной репутации. О происшедшем я в подробностях рассказал Доркас (инцидент, надо заметить, порадовал меня не меньше, чем огорчил). Стоило мне закончить, она с чисто женской практичностью спросила:

— Значит, он хорошо заплатил тебе?

— Услуги одного подмастерья стоят вдвое меньше. Я получил плату мастера! И, конечно же, кое-какие чаевые, связанные с церемонией. Теперь у меня, несмотря даже на все потраченное с Агией, денег больше, чем в ту минуту, когда я покидал нашу башню, понимаешь? Пожалуй, ремесло нашей гильдии вполне прокормит нас в дороге!

Доркас плотнее закуталась в накидку.

— Я надеялась, что тебе никогда больше не придется прибегать к нему. Ну разве лишь изредка… После казни тебе было так плохо, и я тебя понимаю.

— Нервы… Боялся, как бы что-нибудь не пошло вкривь.

— Тебе было жаль его. Я видела.

— Наверное. Он был братом Агии и, пожалуй, отличался от нее только полом…

— Ты тоскуешь по Агии, правда? Она тебе так нравилась?

— Я знал ее всего день — гораздо меньше, чем знаю тебя. И выйди все, как она хотела, уже был бы мертв. Один из тех двух авернов прикончил бы меня наверняка.

— Но лист вонзился в тебя, а ты не умер.

Я до сих пор часто вспоминаю, каким тоном она это сказала. И сейчас, закрыв глаза, снова слышу ее голос и ощущаю потрясение, которое почувствовал, осознав, что именно этой мысли избегал с того самого момента, как вновь поднялся с земли и увидел Агила с цветком в руке. Да, лист не убил меня, но я отвратил от этого свой разум — так человек, перенесший смертельную болезнь, прибегает к тысячам уловок, только бы не смотреть в лицо смерти, или женщина, оставшись одна в большом доме, избегает смотреть в зеркала и занимает себя обычными делами, чтобы случайно не увидеть то существо, чьи шаги слышатся порою с лестницы.

Да, я выжил, хотя должен был умереть. Собственная жизнь показалась мне наваждением. Сунув руку за пазуху, я осторожно ощупал грудь и нашел нечто наподобие свежего шрама, но ранка не кровоточила и совсем не болела.

— Значит, укол листа не смертелен, — сказал я. — Вот и все.

— Но ведь Агия говорила…

— Слишком многое из того, что она говорила, оказалось ложью.

Мы взошли на покатый холмик, залитый зеленым лунным светом. Впереди высилась черная

полоса Стены, казавшейся, подобно горам издали, куда ближе, чем на самом деле. Огни Несса позади нас сияли, словно фальшивый закат, мало-помалу угасая с наступлением ночи. Я остановился на вершине холма, чтобы полюбоваться ими, и Доркас взяла меня за руку.

— Так много домов… Сколько же в городе жителей?

— Никто не знает.

— И всех их мы оставим позади… Севериан, а Тракс — это далеко?

— Да, я уже говорил. У первого порога. Я ведь не зову тебя идти со мной, ты это знаешь.

— Однако мне хочется. Но… Севериан, что, если я когда-нибудь потом захочу вернуться? Ты отпустишь меня?

— Идти назад одной будет опасно, — ответил я, — поэтому, наверное, попытаюсь отговорить. Но связывать и запирать не стану, если ты это имеешь в виду.

— Ты говорил, что сделал копию записки, которую кто-то прислал мне в харчевне — помнишь? Но так и не показал. Покажи сейчас.

— Я в точности передал тебе, что там говорилось, а записка ведь не настоящая. Ту Агия выбросила. Наверное, думала, что кто-то — быть

может, Хильдегрин — пытается предостеречь меня.

С этими словами я открыл ташку. Нащупав записку, пальцы мои наткнулись на что-то еще — холодное, странной формы.

— Что там? — спросила Доркас, увидев выражение моего лица.

Я вытащил странный предмет. Был он лишь самую малость больше и толще орихалька. Холодный материал, из коего он состоял, сверкнул в лунном луче звездой. Казалось, в руке у меня — маяк, видимый всему городу, и я, сунув вещицу обратно, поспешил опустить клапан ташки.

Доркас стиснула мое запястье так, словно пальцы ее превратились в не по мерке тесный браслет из золота и слоновой кости.

— Что это? — прошептала она.

Я помотал головой, надеясь, что от этого в ней хоть немного прояснится.

— Это не мое. Я даже не знал… Самоцвет, драгоценный камень…

— Не может быть. Разве ты не почувствовал тепла? Вот драгоценный камень — на твоем мече. А что ты вытаскивал из ташки?

Я взглянул на опал, венчавший эфес. Да, он блестел при свете луны, однако на предмет, из-

влеченный мною из ташки, похож был не более, чем стеклянная безделушка — на солнце.

— Коготь Миротворца, — догадался я. — Агия сунула его туда, когда мы врезались в алтарь, чтобы его не нашли при ней в случае обыска. Потом Агил объявил бы о своем праве победителя, и они получили бы камень назад, но я остался жив, и тогда она хотела стащить его там, в камере…

Но Доркас не смотрела на меня. Взгляд ее был обращен к городу, окутанному сиянием мириадов светильников.

— Севериан, — сказала она, — этого не может быть.

Над городом, словно летучая гора из сновидений, парило огромное здание — с башнями, контрфорсами и сводчатой крышей. Окна его сияли багровым светом.

Я хотел было сказать что-то в отрицание чуда, происшедшего на моих глазах, но, прежде чем успел хотя бы открыть рот, здание исчезло, словно пузырь в фонтане, оставив за собою лишь россыпи искр.

XXXII
Пьеса

Лишь после этого видения осознал я свою любовь к Доркас. Мы двинулись вниз по дороге, что вела через вершину холма, в темноту. Наши мысли были полностью поглощены увиденным, а души, миновав те несколько секунд, точно дверь, никогда прежде не открывавшуюся и захлопнувшуюся навеки, соединились без помех.

Не знаю, куда мы шли. Помню только дорогу, петлявшую по склону холма, арчатый мост у его подножия и еще одну дорогу, обнесенную на протяжении лиги переносной деревянной оградой. Куда бы мы ни направлялись, говорили мы не о себе, но только о нашем видении и о его возможных значениях. В начале нашего пути Доркас была для меня лишь случайной попутчицей, которую я желал и жалел, в конце же его я любил ее так, как не любил прежде ни одно человеческое существо. Нет, вовсе не оттого, что любовь моя к Текле уменьшилась, — напротив, полюбив Доркас, я полюбил Теклу еще больше, ибо Доркас стала моим вторым «я» (ведь и Текл было словно

бы две — одна столь же ужасна, сколь прекрасна другая) и полюбила Теклу вместе со мной.

— Как ты думаешь, — спросила она, — кто-нибудь, кроме нас, это видел?

Я еще не думал об этом, но ответил, что, хотя здание было видно всего лишь мгновение, произошло все над величайшим из городов, и если даже десятки миллионов людей его не заметили, то уж сотни-то на этакое чудо внимание все равно обратили.

— Но что, если это — видение, предназначенное только для нас?

— Доркас, у меня прежде никогда не бывало видений.

— А я и не знаю, бывали ли видения у меня. Когда я пытаюсь вспомнить, что было со мной до того, как я помогла тебе выбраться из воды, то вспоминаю лишь, будто была под водою сама. До того — только яркие, мельчайшие осколки миража. Наперсток, лежащий на куске бархата, тявканье собачонки за дверью… Ничего подобного. Ничего похожего на то, что видели мы с тобой.

Слова ее напомнили мне о записке, которую я, собственно говоря, и искал, когда нащупал Коготь, а записка, в свою очередь, о книге в ко-

ричневом переплете, хранившейся в соседнем отделении ташки. Я спросил Доркас, хочет ли она взглянуть на книгу, принадлежавшую Текле, когда мы найдем подходящее место для привала.

— Да, — отвечала она. — Когда мы снова будем сидеть у огня, как в той харчевне…

— Эта реликвия — конечно, перед уходом из города мы непременно вернем ее Пелеринам — и наш разговор напомнили мне, о чем я однажды читал. Ты знаешь о Ключе к Мирозданию?

Доркас тихо засмеялась.

— Нет, Севериан. Я едва помню собственное имя — что я могу знать о Ключе к Мирозданию?

— Нет, я, пожалуй, неверно выразился. Знакома ли тебе идея, будто на свете есть тайный Ключ к Мирозданию? Фраза, сочетание слов или, как говорят некоторые, всего одно слово, которое якобы могут исторгнуть уста некоей статуи, или же его можно прочесть в старинном пергаментном свитке, или узнать от анахорета, живущего за далекими морями?

— Его знают младенцы, — сказала Доркас. — Знают до того, как выучатся говорить. А выучившись, забывают. Однажды мне кто-то говорил об этом.

— Да, именно это я и имел в виду. В коричневой

книге собраны древние мифы и есть целый раздел, где перечислены все Ключи к Мирозданию — все то, что люди якобы узнавали от мистагогов с далеких миров, или вычитывали из волшебного *пополь-вуха*, или получали в озарении, постясь в дуплах священных деревьев… Мы с Теклой читали их и говорили о них, и суть одного из этих ключей была в том, что все на свете имеет три ипостаси, три смысла. Первая — практическая, как сказано в книге, «доступная взору оратая». Вот корова жует пучок травы: трава реальна, корова реальна; эта ипостась мира столь же важна и истинна, как и все остальные. Вторая — отображение мира в самом себе. Каждый предмет имеет связь со всеми прочими, и посему мудрый может из наблюдений над одним предметом извлечь знание обо всех остальных. Это называется ипостасью ворожей — именно ею пользуется тот, кто предсказывает удачную встречу по змеиным следам на песке или пророчит счастье в любви, если поверх патронессы одной масти выпадет курфюрст другой.

— А третья? — спросила Доркас.

— Третья ипостась — воплощение Вседержителя. Поскольку все в мире берет свое начало в Нем и Им же приводится в движение, весь мир

есть воплощение Его воли. В этом — реальность высшего порядка.

— Выходит, то, что мы видели, — небесное знамение?

Я покачал головой.

— В книге сказано, будто небесным знамением является все вокруг нас. И столб в этой ограде, и то, как ветви того дерева нависают над ней… Некоторые из знамений выражают эту третью ипостась с большей вероятностью, нежели прочие.

Шагов сто после этого мы прошли в молчании. Затем Доркас заговорила:

— Пожалуй, если то, что написано в книге шатлены Теклы, правда, то у людей все наоборот. Мы видели, как огромное здание взмыло в воздух и пропало, верно?

— Я видел лишь, как оно висело над городом. Оно в самом деле взлетело вверх?

Доркас кивнула. Светлые волосы ее блеснули в свете луны.

— По-моему, третья, как ты говорил, ипостась очевидна. Вторую найти труднее, а первую — казалось бы, самую простую — вовсе невозможно.

Я хотел сказать, что понимаю ее — по крайней мере насчет первой ипостаси, но тут в некотором

отдалении от нас раздался грохот — раскатистый, точно гром.

— Что это?! — воскликнула Доркас, схватив меня за руку.

Прикосновение ее маленькой теплой ладошки оказалось очень приятным.

— Не знаю. Похоже, это за той рощицей впереди.

— Да, — кивнула она, — теперь я слышу голоса.

— Значит, твой слух острее моего.

За рощицей снова загрохотало — еще громче и продолжительнее прежнего. Впрочем, наверное, мы просто подошли ближе. Мне показалось, что сквозь заросли молодых буков пробивается свет огней.

— Вон там! — Доркас указала куда-то чуть севернее деревьев. — Это не звезда — слишком низко и слишком быстро движется.

— Наверное, фонарь. На крыше фургона или в чьей-то руке.

Грохот возобновился, и на этот раз я узнал в нем барабанную дробь. Теперь и я слышал голоса, и один из них звучал еще басовитее и, пожалуй, громче, чем барабан.

Обогнув рощу, мы увидели с полсотни человек, собравшихся вокруг небольшого помоста. На по-

мосте, меж двух пылающих факелов, возвышался великан, державший под мышкой, на манер тамтама, литавру. Справа от него стоял богато одетый человек небольшого роста, а слева — самая чувственная и прекрасная из всех виденных мною женщин, почти нагая.

— Что ж, все в сборе, — громко и быстро говорил маленький человек. — Все в сборе. Кто у нас тут? Любовь и красота? — Он указал на женщину. — Сила? Храбрость? — Взмах тростью в сторону великана. — Хитрость? Таинственность? — Он ударил себя в грудь. — Порок? — Снова жест в сторону великана. — И… взгляните-ка, кто к нам пожаловал! Наш старый враг, Смерть! Рано ли, поздно ли, но приходит он обязательно!

С этими словами он указал на меня, и лица публики — все как одно — повернулись в нашу сторону.

То были Бальдандерс с доктором Талосом. Что же они, вездесущи? Женщину, насколько мне помнилось, я видел впервые.

— Смерть! — продолжал доктор Талос. — Смерть идет к нам! Вчера и сегодня я думал, что ты не придешь никогда! Извини, старый дружище, ошибся!

Я ждал, что публика рассмеется его мрачно-

ватой шутке, но нет. Два-три человека что-то пробормотали себе под нос, какая-то старуха плюнула в ладонь и двумя пальцами указала на землю.

— Кого же привел он с собой? — Доктор Талос подался вперед, рассматривая Доркас в свете факелов. — Ну конечно, Невинность! Вот теперь и вправду все в сборе! Представление вот-вот начнется! Нервных просим не смотреть! Никогда в жизни не видели вы ничего подобного! Все в сборе! Все на местах!

Тем временем прекрасная женщина исчезла. Магнетизм в голосе доктора был столь силен, что ухода ее я не заметил.

Опиши я сейчас пьесу доктора Талоса такой, какой она показалась мне, одному из участвовавших в представлении, вы просто ни аза не поймете. Если же я опишу ее так, как видела ее публика (что я и намерен сделать, ибо для данного повествования так будет правильнее), вы мне, наверное, не поверите. В драме сей, представленной силами пяти человек, двое из которых выступали впервые и даже не знали ролей, маршем шли армии, играли оркестры, падал снег, и сама Урд содрогалась. Да, доктор многого требовал от воображения зрителей, но призвал себе на

помощь комментарии, простую и действенную механику, тени-силуэты, падавшие на экран, голографические проекторы, шумовые эффекты, зеркальные задники и прочие доступные сценические средства, и в целом удивительно преуспел, о чем свидетельствовали рыдания, вопли и вздохи, время от времени доносившиеся до нас из темноты.

И все же он потерпел поражение. Ему хотелось общения, он жаждал поведать публике великую историю, существовавшую лишь в его голове и неспособную воплотиться в простые слова, однако ни один зритель (а уж тем более мы, двигавшиеся по сцене и говорившие по его указке) так и не понял толком, о чем она. Это (как говорил доктор Талос) можно было бы выразить лишь колокольным звоном, грохотом взрывов да — иногда, изредка — ритуальными позами. Но под конец оказалось, что даже этих средств недостаточно. Там была сцена, в которой доктор Талос дрался с Бальдандерсом, пока они не разбили лица друг друга в кровь; была сцена, в которой Бальдандерс разыскивал объятую ужасом Иоленту (так звали прекраснейшую из женщин) в залах подземного дворца и в конце концов сел на крышку сундука, в котором она

пряталась. В заключительной части сцена превратилась в комнату для допросов, Бальдандерс, доктор и Доркас с Иолентой были привязаны к разнообразным аппаратам, и каждого из них я — на глазах затаившей дыхание публики — подвергал пыткам, столь же экзотичным, сколь и неэффективным, если применять их на деле. Во время этой сцены я не мог не заметить, как странно зароптала публика, когда я готовился якобы вывернуть из суставов ноги Доркас. Я не знал, что зрителям полагалось увидеть, как Бальдандерс освобождается от оков. Цепь его с лязгом упала на помост, несколько женщин завизжали. Я украдкой оглянулся на доктора в ожидании указаний, но он, освободившись еще раньше Бальдандерса, уже прыгнул к краю помоста.

– *Tableaux!* — крикнул он. — *Tableaux!*

Я уже знал, что это означает, и замер на месте.

— Почтеннейшая публика! Сколь восхитительно внимание, коим почтили вы наше представление! Теперь мы покорнейше просим поделиться с нами не только вашим драгоценным временем, но и содержимым ваших кошельков! В заключительной части пьесы вы увидите, что случится дальше, после того, как чудовище наконец вырвалось на свободу!

Доктор протянул к публике свою высокую шляпу, и в нее со звоном упали несколько монет. Не удовлетворившись этим, он спрыгнул в публику и пошел по рядам.

— Помните: чудовище на свободе, и теперь ничто не мешает удовлетворению его звериных желаний! Помните, что я, его мучитель, ныне связан и отдан ему на милость! Помните, что вы еще не раскрыли — благодарю тебя, сьер! — тайны загадочной фигуры, мелькнувшей в окне перед взором Графини! Спасибо. Помните, что там, над подземельем, которое сейчас перед вами, плачущая статуя — спасибо — все еще роет землю под корнями рябины! Ну же! Вы щедро поделились с нами своим временем — не скупитесь же, когда дело дошло до денег! Некоторые воистину проявили щедрость, но ведь мы представляем для всех! Где же серебряные азими, что дождем должны сыпаться в мою старую шляпу?! Не заставляйте троих платить за всех! У кого нет азими, сойдет и орихальк, а уж аэс-то в каждом кармане найдется!

В конце концов доктор удовлетворился собранным и, быстро вернувшись на место, скользнул в свои путы, которыми якобы накрепко был привязан к доске, усеянной острыми шипа-

ми. Бальдандерс заревел и потянулся ко мне, выставив на обозрение публики вторую цепь, удерживавшую его на месте.

— Заметь его, — шепнул мне доктор Талос. — Отбивайся факелом.

Я сделал вид, будто только сейчас заметил, что руки Бальдандерса свободны, и выдернул из гнезда в углу сцены факел. В тот же миг оба факела страшно зашипели, вспыхнули голубым и зеленым пламенем, осыпали сцену снопами искр, но огонь тут же приугас, языки его съежились до обычного размера. Я ткнул факелом в Бальдандерса и, повинуясь указаниям доктора, закричал:

— Нет! Назад! Назад!

Бальдандерс отвечал еще более яростным ревом. Цепь натянулась так, что декорация, к которой он был прикован, пошатнулась и заскрипела. На губах его — в буквальном смысле — выступила пена: две струйки густой белой жидкости потекли из уголков рта по подбородку, оросив белыми, точно снежные хлопья, каплями его костюм черного со ржавчиной цвета. В публике завизжали. Цепь с треском хлопнувшего бича разорвалась. Безумие на лице великана повергало в ужас, и я скорее рискнул бы остановить

лавину в горах, чем встал на его пути, но не успел я и шагу ступить, как он вырвал из моей руки факел и сбил меня с ног его железной рукоятью.

Я поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выхватил из гнезда второй факел и с обоими шагнул к краю помоста. Женский визг утонул в воплях мужчин — точно сотня палачей разом принялась за сотню клиентов. Вскочив на ноги, я было ринулся к Доркас, чтобы схватить ее и бежать под прикрытие рощи, но тут увидел доктора Талоса. Он, исполненный злобного веселья — иначе это не назовешь, — уже вновь освободился от пут и развлекался вовсю. Иолента освободилась тоже, и прекрасное лицо ее не выражало ничего, кроме облегчения.

— Замечательно! — воскликнул доктор Талос. — Прекрасно! Бальдандерс, можешь вернуться, незачем держать нас впотьмах. Что ж, господин палач, понравился ли тебе сценический дебют твоей девушки? Для новичков — да еще без репетиций — вы выступили прекрасно!

Я как-то ухитрился кивнуть.

— Вот только когда Бальдандерс сбил тебя с ног… Ты должен простить его — он понимал, что упасть сам ты не догадаешься. Идем. Бальдандерс наделен множеством талантов, но дара разыски-

вать среди травы потерянное в суматохе среди них не значится. За сценой есть фонари, и вы с Невинностью поможете нам.

Я не понял, о чем он, но через несколько мгновений факелы были водружены на место, и мы принялись обыскивать утоптанную землю перед помостом при свете тусклых фонарей.

— Здесь имеется элемент риска, — объяснил доктор Талос, — и мне это, должен признаться, нравится. Сбор денег — вещь верная; к концу первого акта я могу предсказать, сколько окажется в шляпе, с точностью до орихалька. Но вот оброненное на землю!.. Мы можем найти всего-то пару яблок да репку, а может статься, находки превзойдут самые смелые мечты! Однажды мы нашли маленького поросенка. Отменного — так сказал, поедая его, Бальдандерс. А однажды мы нашли маленького младенчика. Раз попалась трость с золотым набалдашником — она до сих пор со мною. Старинные броши, туфли… Туфли нам попадаются особенно часто. А вот женский зонтик… — Он поднял находку. — Очень пригодится завтра, в дороге, дабы укрыть от солнца нашу добрую Иоленту.

Иолента выпрямилась, словно усердно изживая привычку сутулиться. При этом спина ее

изогнулась назад, словно для того, чтобы уравновесить тяжесть полных грудей.

— Я очень устала, доктор, — сказала она. — Если мы пойдем ночевать в гостиницу, идем сейчас же!

Я и сам валился с ног от усталости.

— Ночевать? В гостиницу? Какое преступное разбазаривание средств! Подумай, дорогая моя: ближайшая гостиница самое меньшее в лиге отсюда, а собирая помост и прочие пожитки, мы с Бальдандерсом провозимся не меньше стражи, даже при помощи дружественного нам Ангела Смерти. Таким образом, когда мы доберемся до гостиницы, солнце взойдет над горизонтом, запоют петухи, не менее тысячи разных дурней проснутся, примутся хлопать дверьми, выплескивать на мостовую помои…

Бальдандерс хрюкнул (видимо, в знак согласия) и топнул ногой, точно хотел раздавить какую-нибудь мелкую ядовитую тварь, прятавшуюся в траве.

Доктор Талос распростер руки в стороны, как бы обнимая разом все мироздание.

— Здесь же, дорогая моя, под звездами, каковые есть личная и нежно любимая собственность Предвечного, у нас есть все, что только может

потребоваться для здорового отдыха. Воздух достаточно прохладен, чтобы спящие как следует оценили теплые одеяла и согревающий огонь костра; и, заметь, ни намека на дождь. Здесь встанем мы лагерем, здесь поутру устроим роскошный завтрак, отсюда вновь отправимся в путь — обновленными, радуясь наступлению нового дня!

— Кстати о завтраке, — сказал я. — У вас есть какая-нибудь еда? Мы с Доркас голодны.

— Конечно! Я видел — Бальдандерс только что нашел целую корзину ямса.

Должно быть, среди «почтеннейшей публики» сегодня оказалось немало крестьян, возвращавшихся с рынка с нераспроданным товаром. Кроме ямса мы в конце концов обнаружили еще пару сквобов и с десяток стеблей молодого сахарного тростника. Одеял оказалось немного, но все же это было лучше, чем ничего. Доктор Талос заявил, что ему постель не требуется — он посидит у огня, а позже, быть может, вздремнет в кресле, незадолго до того служившем троном Автарха и скамьей Инквизитора.

XXXIII
Пять ног

Заснуть я не мог, наверное, целую стражу. Вскоре сделалось очевидно, что доктор Талос и вправду не собирается спать, но я не терял надежды, что он — в силу каких-нибудь причин — хотя бы удалится на время. Сначала он сидел у огня, словно бы в глубокой задумчивости, затем встал и принялся расхаживать из стороны в сторону. Лицо его было почти неподвижно, но черты весьма выразительны: легкое движение брови или наклон головы могли совершенно изменить его выражение. Пока он гулял у костра, я сквозь полусомкнутые веки видел, как печаль лисьей маски его лица сменялась ликованием, тут же уступавшим место вожделению, сменявшемуся скукой, или решимостью, или же одной из дюжин других эмоций, которым мне не подыскать названий.

Наконец он начал сшибать тростью головки диких цветов и вскоре обезглавил их все на десяток шагов от костра. Подождав, пока его прямой, величественный силуэт не скроется из виду, а свист трости станет почти не слышен, я осторож-

но извлек из ташки камень.

Камень озарил ночь, точно звезда, упавшая мне в ладонь с неба. Доркас уже спала, и, как ни хотелось рассмотреть самоцвет вместе с нею, тревожить ее сон я не стал. Холодное голубое сиянье было слишком уж ярким, и я боялся, что доктор, как бы далеко ни забрел, может заметить его. В голову пришла по-детски озорная идея взглянуть сквозь камень на пламя костра, словно сквозь линзу, и я приставил его к глазу, но тут же опустил вновь: привычный мир с фигурами спящих в траве мгновенно превратился в пляску искр, выбитых ударом клинка о клинок.

Не помню, сколько лет было мне, когда умер мастер Мальрубий. Во всяком случае, задолго до того, как я стал капитаном. Выходит, я был еще совсем мал, однако прекрасно помню, как мастер Палемон заменил его на посту наставника учеников. Мастер Мальрубий занимал эту должность с тех самых пор, как я узнал, что на свете существуют подобные вещи, и после смерти его мне многие недели — а может, и месяцы — казалось, что мастер Палемон (хотя его я любил едва ли не больше) не сможет стать нашим наставником в том же смысле, в каком был им мастер Мальрубий. Чувство нереальности проис-

ходящего, путаница в мыслях усугублялась еще ощущением, будто мастер Мальрубий вовсе не умер и даже не ушел от нас, что на самом деле он просто лежит в своей каюте, в той же кровати, где спал каждую ночь, пока обучал и наставлял нас. Есть такая поговорка: «С глаз долой — из сердца вон», — но в данном случае выходило наоборот: сделавшись незримым, присутствие мастера Мальрубия стало куда более ощутимым, чем прежде. Мастер Палемон отказывался подтвердить, что он в самом деле никогда не вернется, и посему каждое деяние свое я мерил двойною мерой: «Разрешит ли мастер Палемон?» и «Что сказал бы мастер Мальрубий?». (Он так ничего и не сказал… Палач не пойдет в Башню Исцеления, как бы ни захворал. Говорят — не знаю, правду ли, нет ли, — будто виною тому старые счеты.)

Если бы я писал все это для развлечения или же в назидание читателю, то не стал бы здесь отвлекаться на описание мастера Мальрубия, к тому моменту, как я спрятал Коготь обратно в ташку, давным-давно обратившегося во прах. Но у исторического повествования — свои нужды. Я мало разбираюсь в литературной стилистике, но обучаюсь по ходу дела и нахожу, что ремесло сие не так уж отличается от моего прежнего.

Десятки и сотни людей приходят смотреть на казнь. Я видел, как под тяжестью зрителей рушились балконы, одним ударом губившие больше народу, чем я за всю свою карьеру. Эти десятки и сотни людей вполне можно уподобить тем, кто читает книги.

Но, кроме зевак, наблюдающих казнь, имеются и другие, кто также должен быть удовлетворен. Это представители власти, от имени которой действует палач, это те, кто платит палачу, чтобы смерть приговоренного оказалась легкой (или мучительной), и, конечно же, сам палач.

Зрители останутся довольны, если казнь пройдет без проволочек; если последнее слово приговоренного будет сочетать в себе краткость и красноречие; если занесенный клинок на миг задержится, сверкая в солнечных лучах, прежде чем опустится, и им будет предоставлена возможность затаить дыхание, подталкивая друг дружку локтями; и, наконец, если струя крови после отделения головы от туловища окажется достаточно впечатляющей. Так же и вы, кто придет однажды в библиотеку мастера Ультана, потребуете от меня спорого, без проволочек, хода повествования; персонажей, которым позволено говорить лишь кратко, но красноречиво; драматических

пауз, означающих, что вот-вот произойдет нечто важное; возбуждения чувств и достаточного количества крови.

Власти — хилиархи и архонты, от имени коих выступает палач, — останутся (если позволите мне продолжить сию фигуру речи) довольны, если приговоренный не сможет спастись бегством или же взбунтовать толпу и в заключительной части процедуры будет неоспоримо мертв. Они подобны импульсам, побуждающим меня к писанию и требующим, чтоб главный предмет работы оставался во главе угла, а не сбежал в предисловие, алфавитный указатель или вовсе в другую книгу; чтоб он не затерялся среди риторики и чтоб завершающий работу вывод оказался удовлетворительным.

Тех же, кто платит казнедею, дабы он сделал смерть приговоренного безболезненной или мучительной, можно уподобить литературным традициям и общепринятым схемам, которые взывают ко мне, требуя следовать им. Помню, однажды, ненастным зимним днем, когда ледяные струи дождя стучали в окна нашей классной комнаты, мастер Мальрубий — очевидно поняв, что мы не в настроении для серьезной работы, или же и сам пребывая в неподходящем для оной

расположении духа — поведал нам о некоем мастере Веренфриде из нашей гильдии, жившем в древние времена. Оказавшись в жестокой нужде, он принял плату и от врагов осужденного, и от его друзей, но мастерство его было столь высоко, что обе партии, стоявшие по разные стороны эшафота, остались вполне довольны увиденным. Таким же образом и враждебные партии литературных традиций навязывают свои мнения тому, кто пишет исторические повествования — будь он хоть самим Автархом. Одни желают легкости, другие — богатства ощущений, доставленных процедурой… чтения. И мне, отнюдь не наделенному мастерством мастера Веренфрида, предстоит разрешить ту же дилемму, что и ему. В этом я и стараюсь преуспеть.

Что же остается? Сам казнедей, то есть я. Всеобщих похвал ему недостаточно. Недостаточно и того, что казнь свершена по всем правилам, согласно всем требованиям наставников и древних традиций. В довершение ко всему, дабы ощутить полное удовлетворение собою, когда настанет миг и Время поднимет за волосы на потеху толпе его собственную седую голову, он должен сообщить процедуре некую — пусть мельчайшую — черточку, изобретенную им самим и никогда

не повторяемую дважды. Только тогда он может чувствовать себя свободным художником.

В ту ночь, когда я делил постель с Бальдандерсом, мне снился странный сон, и я без колебаний изложил его в своем повествовании: пересказ снов в литературные традиции укладывается вполне. А в то время, которое я описываю сейчас, когда мы с Доркас спали под звездным небом в обществе Бальдандерса, Иоленты и доктора Талоса, сидевшего у огня, я видел нечто меньшее — а может, и большее, — чем просто сон. Это уже выходит за рамки традиций, посему я заранее предупреждаю вас, своих будущих читателей, что это не имеет почти никакого отношения к событиям, которые последуют вскоре, и пересказываю я его лишь ради собственного удовольствия. Впрочем, все-таки он, войдя в мое сознание и оставшись в нем навек, несомненно, оказал определенное влияние на последующую часть повествования…

Надежно спрятав Коготь, я вытянулся на одеяле у огня. Голова Доркас покоилась близ моей, ноги Иоленты едва не касались моих ног, а Бальдандерс лежал по другую сторону костра, и толстые подошвы его башмаков находились в опасной близости от тлевших углей. Возле его плеча, спин-

кой к костру, стояло кресло доктора Талоса. Не знаю, вправду ли сидел он в нем, вглядываясь в ночь; в то время, что будет описано ниже, я порой ощущал его присутствие, а порой чувствовал, что его нет. По-моему, уже начинало светать — небо сделалось чуть светлее.

Шаги, достигшие моих ушей, — тяжелые, однако мягкие — почти не потревожили моего сна. Затем услышал я и дыханье — сопение зверя. Глаза мои были еще открыты, однако, скованный сном, я даже не повернул головы. Приблизившись, зверь обнюхал мое лицо и одежду. То был Трискель, тут же улегшийся рядом и прижавшийся ко мне спиной. Я не удивлялся, что он сумел отыскать меня, — помню лишь, что обрадовался его появлению.

Вскоре я снова услышал шаги — на сей раз это была медленная, твердая поступь человека. Я тут же вспомнил звуки шагов мастера Мальрубия, вместе с нами спускавшегося в темницы во время обхода камер, и понял, что это он. Плащ его был в пыли — как всегда, кроме самых торжественных случаев, — и мастер Мальрубий, как обычно, закутался в него, усевшись на ящик с декорациями.

— Севериан, перечисли мне семь основ прав-

ления.

Говорить оказалось трудно, однако (во сне, если это был сон) я умудрился раскрыть рот:

— Не помню, чтобы мы изучали эти вещи, мастер.

— Ты всегда был самым беззаботным из моих мальчиков…

Он погрузился в молчание, и я, точно в озарении, почувствовал, что должен ответить, иначе произойдет нечто ужасное.

— Анархия… — неуверенно начал я.

— Сие есть отсутствие какого бы то ни было правления. Анархия предшествует любой форме правления, я учил вас этому в классе. Перечисли же семь основ.

— Преданность персоне правителя. Преданность династии либо иному порядку преемственности. Преданность правящему сословию. Преданность кодексу, регулирующему принципы правления. Преданность единственно закону. Преданность большей или меньшей совокупности выборщиков, являющихся творцами закона. Преданность абстракции, объединяющей в себе совокупность выборщиков, совокупность лиц, их избравших, и ряд прочих элементов, большей частью — идеального свойства.

— Терпимо. Какая же самая ранняя меж ними, а какая высшая?

— Основы правления перечислены в хронологическом порядке, мастер. Но прежде ты не спрашивал, какая из них высшая.

Мастер Мальрубий склонился ко мне. Глаза его пылали ярче углей костра.

— Какая меж ними высшая, Севериан?

— Последняя, мастер?

— То есть преданность абстракции, объединяющей в себе совокупность выборщиков, совокупность лиц, их избравших, и ряд прочих элементов, большей частью — идеального свойства?

— Да, мастер.

— Какого же рода, Севериан, твоя собственная преданность Божественной Сущности?

Я молчал. Быть может, размышлял — но, если так, сознание мое, объятое сном, не могло проследить хода мысли. Вместо того оно целиком сосредоточилось на реалиях окружающего мира. Небо надо мною, во всем его величии, казалось, было сотворено единственно ради меня и теперь выставлено передо мною, дабы я мог осмотреть его. Я лежал на земле, точно на женщине, и сам воздух вокруг был восхитителен, словно тонкий

хрусталь, и игрист, точно вино.

— Отвечай же, Севериан.

— Первого. Если она вообще имеется.

— То есть это — преданность личности правителя?

— Да, так как преемственности здесь нет.

— Животное, лежащее подле тебя, отдаст за тебя жизнь. Какого рода его преданность тебе?

— Первого?

Ответом мне было молчание. Я сел. Мастер Мальрубий исчез. Исчез вместе с ним и Трискель — лишь бок мой еще хранил тепло его тела.

XXXIV
Утро

— Ты не спишь? — сказал доктор Талос. — Уверен, ты отменно выспался!

— Мне снился странный сон, — ответил я, озираясь вокруг.

— Здесь нет никого, кроме нас.

Словно успокаивая ребенка, доктор указал мне на Бальдандерса и спящих женщин.

— Мне снился мой пес. Он пропал несколько лет назад, а теперь будто бы вернулся и улегся рядом. Проснувшись, я еще чувствовал тепло его тела.

— Ты лежал совсем рядом с костром, — заметил доктор Талос. — Никакого пса здесь не было.

— А человека, одетого так же, как я?

Доктор Талос покачал головой.

— Я не мог бы его не заметить!

— Но мог задремать.

— Разве что раньше, еще вечером. Я бодрствую уже две стражи.

— Давай я постерегу сцену и декорации, — предложил я. — Поспи, если хочешь.

Суть состояла в том, что я просто-напросто бо-

ялся снова ложиться спать.

Несколько мгновений доктор колебался.

— Весьма любезно с твоей стороны, — сказал он и растянулся на моем одеяле, усеянном капельками росы.

Я сел на его место, развернув кресло так, чтобы следить за костром. Некоторое время я оставался наедине со своими мыслями: сначала — об увиденном сне, затем — о Когте, всесильной реликвии, отданной случаем в мои руки. Наконец Иолента — к немалой радости моей — заворочалась, встала и потянулась, подняв изящные ручки к небу.

— Есть тут вода? — спросила она. — Мне нужно умыться.

Я ответил, что Бальдандерс, по-моему, приносил воду для ужина откуда-то со стороны рощи. Кивнув, она отправилась на поиски ручья. Ну что ж, по крайней мере, ее пробуждение отвлекло на себя мои мысли… Я перевел взгляд с удалявшейся Иоленты на лежавшую ничком Доркас. Красота Иоленты была совершенна. Ни одна из женщин, что встречал я в жизни, не могла бы сравниться с нею. Высокая, статная Текла рядом с Иолентой показалась бы по-мужски грубоватой, а неяркая русоволосая Доркас выглядела бы совсем

ребенком, как и Валерия, давно забытая девочка, встреченная мной в Атриуме Времени…

И все же к Иоленте меня не влекло так, как к Агии; я не любил ее так, как любил Теклу; не желал с нею того единства помыслов и чувств, что возникло между мною и Доркас. Да, меня влекло к ней, как влекло бы всякого, увидевшего ее, но влечение это было сродни влечению к женщине с картины. Вдобавок, даже восхищаясь ее красотой, я (еще накануне, на сцене) не мог не заметить, как неуклюже ходит она — столь грациозная, пока стоит неподвижно. Округлые бедра ее терлись друг о друга, словно красота обременяла ее, подобно младенцу во чреве. Вернувшись из рощи, поблескивая капельками воды на ресницах, с лицом, чистым и совершенным, как изгиб радуги, она ничуть не нарушила моего ощущения одиночества.

— …я говорю: у нас остались фрукты, если хочешь. Доктор вчера велел оставить что-нибудь на завтрак.

Говорила она хрипловато, с легким придыханием — такой голос можно слушать как музыку.

— Прости, — отвечал я, — я задумался. Да, от фруктов я не отказался бы. Очень любезно с твоей стороны.

— Если хочешь, пойди и возьми сам. Вон там, за стойкой с доспехами.

«Доспехи» были всего лишь тканью, натянутой на проволочный каркас и выкрашенной серебряной краской. За стойкой я отыскал старую корзину с кистью винограда, яблоком и гранатом.

— Я, пожалуй, тоже поем, — сказала Иолента. — Винограду.

Я отдал ей виноград и, решив, что Доркас, скорее всего, предпочла бы яблоко, положил его возле ее руки, а гранат взял себе.

— Выращен каким-нибудь экзультантским садовником под стеклянной крышей, — заметила Иолента, разглядывая свой виноград. — Для натурального рановато. Что ж, бродячая жизнь, наверное, не так уж плоха. И я получаю треть от сбора.

— Разве ты не выступала с доктором и Бальдандерсом раньше?

— Ты не помнишь меня? Странно. — Бросив в рот виноградину, она — по крайней мере так мне показалось — проглотила ее целиком. — Нет, не выступала. Только репетировала. Но эта девушка вклинилась в сюжет так внезапно, что все пришлось поменять.

— Наверное, я внес еще большую путаницу — она ведь появлялась на сцене гораздо реже.

— Да, но на тебя мы рассчитывали. На репетициях доктор Талос исполнял вместе со своей и твою роль и говорил то, что должен был говорить ты.

— Значит, он рассчитывал на мое возвращение…

При этих словах доктор вздрогнул и сел. Сна у него не было ни в одном глазу.

— Конечно же, конечно! Ведь тогда, за завтраком, мы сказали тебе, где нас искать, и, не появись ты вчера вечером, не стали бы представлять «Великие сцены из» и подождали бы еще денек. Иолента, тебе отныне полагается не треть, а четверть поступлений — поделиться с партнершей будет только справедливо.

Иолента, пожав плечами, проглотила еще одну виноградину.

— Буди ее, Севериан. Пора трогаться. Я разбужу Бальдандерса, и мы разделим деньги и ношу.

— Я не пойду с вами, — сказал я.

Доктор вопросительно воззрился на меня.

— Мне нужно вернуться в город. Там у меня дело к Ордену Пелерин.

— Тогда ты можешь идти с нами до главной

дороги. По ней будет гораздо скорее.

Быть может, оттого, что доктор не стал ни о чем расспрашивать, мне показалось, что он знает больше, чем хочет показать.

Иолента, не обращавшая внимания на нашу беседу, подавила зевок.

— До вечера мне нужно будет поспать еще, а то мои глаза будут выглядеть хуже, чем надо.

— Хорошо, — ответил я доктору, — но, когда мы выйдем к дороге, я должен буду покинуть вас.

Доктор, отвернувшись, уже будил великана, тряся его и охаживая по плечам тростью.

— Как пожелаешь, — сказал он — возможно, мне, возможно, Иоленте.

Я погладил Доркас по голове и шепнул ей на ухо, что пора вставать.

— Зачем ты это сделал? Мне снился такой прекрасный сон — очень подробный, все как на самом деле…

— Мне тоже. До того, как я проснулся.

— Значит, ты уже давно на ногах? А яблоко — мне?

— Боюсь, это все, что достанется тебе на завтрак.

— А мне и не нужно большего. Взгляни, какое круглое, красное! Как там говорилось — «красен,

как яблоки…». Нет, не помню. Хочешь откусить?

— Я уже ел. Мне достался гранат.

— Оно и заметно — у тебя все губы измазаны соком. Я уж решила, что ты всю ночь сосал кровь.

Наверное, слова ее здорово потрясли меня — Доркас тут же добавила:

— Ты совсем как черная летучая мышь, нависшая надо мной…

Бальдандерс уже сидел и тер глаза кулаками, словно обиженный ребенок.

— Ужасно, когда приходится вставать в такую рань, верно? — сказала ему Доркас. — Тебе тоже снился сон, добрый человек?

— Никаких снов, — отвечал Бальдандерс. — Мне никогда ничего не снится.

Доктор Талос взглянул в мою сторону и покачал головой, точно желая сказать: «Дурной признак».

Бальдандерс, с виду вполне пришедший в себя, уставился на Доркас:

— А ты кто такая?

— Я…

Доркас испуганно взглянула на меня.

— Это Доркас, — сказал я.

— Да. Разве ты не помнишь? Мы встречались вчера вечером за кулисами. Ты… твой друг позна-

комил нас, и сказал, что тебя не нужно бояться, потому что ты злой только понарошку. На сцене. И я ответила, что понимаю, потому что Севериан, например, творит ужасные вещи, а сам — такой хороший, добрый… — Тут она снова оглянулась на меня. — Помнишь, Севериан?

— Конечно. Пожалуй, тебе незачем бояться Бальдандерса, хоть он и забыл тебя. Да, он огромен, но величина его — все равно что мой плащ цвета сажи, делает его гораздо страшнее, чем он есть.

— Чудесная у тебя память, — сказал Доркас Бальдандерс. — Вот бы и мне так все помнить…

Голос его рокотал, словно катящийся с горы валун. Пока мы беседовали, доктор Талос извлек откуда-то денежный ящик и теперь встряхнул его, чтобы привлечь наше внимание.

— Друзья мои! Я обещал вам честно и поровну разделить доходы от нашего представления, и когда дележ будет завершен, мы отправимся в путь. Бальдандерс, повернись сюда и протяни руку. Сьер Севериан, дамы, не будете ли вы так любезны тоже подойти ко мне?

Конечно, от меня не укрылось, что ранее доктор говорил о дележе денег, собранных им накануне вечером, на четыре части, однако я полагал, что

обделенным останется Бальдандерс, казалось находившийся у доктора в рабстве. Но теперь, пошарив в ящике, доктор Талос бросил в ладонь великана блестящий азими, другой дал мне, третий — Доркас, и пригоршню орихальков — Иоленте. Затем он принялся раздавать нам орихальки по одному.

— Как вы можете видеть, пока что все это настоящее, — сказал он. — Но, как ни горько мне сообщать вам об этом, подозрительных монет тоже хватает. По окончании тех, что сомнений не вызывают, мы разделим поровну и их.

— А свои ты уже взял, доктор? — спросила Иолента. — Пожалуй, это тоже лучше было сделать при всех.

Руки доктора, отсчитывавшие нам монеты, на миг замерли в воздухе.

— Себе я не беру ничего, — сказал он.

Доркас взглянула на меня, словно ожидая подтверждения своему мнению, и прошептала:

— Но это несправедливо.

— В самом деле, несправедливо, доктор, — поддержал ее я. — Ты не меньше нашего участвовал в представлении, и собирал деньги, и, судя по всему, помост и декорации — твои. Тебе причитается вдвое больше, чем любому из нас!

— Я не возьму ничего, — медленно проговорил доктор Талос. Впервые я видел его в замешательстве. — Для меня удовольствие — управлять тем, что теперь можно назвать труппой. Я написал пьесу, которую мы представляли; мне… — Он огляделся, словно не зная, что сказать. — Мне нравится доспех, в котором я выступал перед публикой. Другой награды, кроме этого удовольствия, мне не нужно. Теперь, друзья мои, вы можете видеть, что орихальков на круг не хватает. Дабы быть точным, осталось только два. Кто пожелает, может забрать оба, отказавшись от своей доли аэсов и сомнительной монеты. Севериан? Иолента?

— Я возьму их, — к моему удивлению, объявила Доркас.

— Прекрасно. Не стану брать на себя смелость судить о подлинности оставшегося — просто раздам его вам. Но предупреждаю: пускайте их в ход с осторожностью. Наказания за распространение фальшивой монеты суровы, хотя за Стеной… Кто это?

Проследив, куда устремлен его взгляд, я увидел, что к нам приближается человек в поношенных серых одеждах.

XXXV
Гефор

Не понимаю отчего, но встречать пришедшего, сидя на земле, считается оскорбительным. Человек в сером приближался; обе женщины встали, и я последовал их примеру, и даже Бальдандерс поднялся на ноги, посему, когда пришелец подошел к нам, сидящим оставался лишь доктор Талос, занимавший наше единственное кресло.

Да, менее впечатляющей фигуры трудно было бы себе вообразить! Человек этот и вообще-то был невысок ростом, а из-за того, что одежда была ему велика, казался еще меньше. Вялый подбородок его порос неопрятной щетиной; подойдя, он снял засаленную шапчонку, обнажив голову, облысевшую по бокам к затылку — так, что остатки волос на ней образовывали извилистую линию, делая темя его похожим на старый, давненько не чищеный бургиньот с незамысловатым гербом. Я помнил, что где-то видел этого человека прежде, однако узнал его не сразу.

— Повелители! — заговорил он. — О, повелители и повелительницы мироздания! Вы, дамы

шелковововласые, в шелка облаченные, и вы, господа, правящие империями и повелевающие армиями В-врагов нашей Ф-фото-сферы! Вы, чьи башни тверже камня, сильнее д-д-дуба, что распускает листья и после лесного п-п-пожара! И ты, мой господин, темный владыка, триумф с-с-смерти, вице-король ночи! Д-долго служил я на кораблях сребропарусных, кораблях по сто мачт, достигавших самих з-з-звезд, долго плавал под их сверкающими кливерами, и Плеяды горели у нас за кормой, но никогда и нигде не встречал никого, подобного тебе! Зовусь я Г-г-гефором и пришел служить тебе — чистить плащ твой, точить огромный меч, таскать за тобою корзину с глазами жертв твоих, повелитель, подобными лунам Верданди, когда те умрут вместе с солнцем. Ч-ч-что станется с ними, блестящими игруньями, когда солнце угаснет? Долго ли будут гореть факелы? Потянутся к ним длани з-з-замерзающих — но увы! — чаши тех факелов холоднее льда, холодней мертвых лун Верданди, холоднее глаз м-м-мертвецов! Где сила та, что пенила озера? Где та империя, где Армии Солнца под золотыми стягами на длинных пиках? Где шелковововласые женщины, лишь накануне любившие нас?

— Я так понимаю, ты был среди нашей публи-

ки, — сказал доктор Талос. — Вполне сочувствую твоему желанию снова посмотреть представление, но мы будем к твоим услугам не раньше вечера — а к вечеру надеемся быть в некотором удалении отсюда.

Однако Гефор, встречавший меня возле Зала Правосудия в обществе толстяка, женщины с голодными глазами и прочих, словно не слышал его. Он смотрел на меня, бросая порой взгляды на Доркас с Бальдандерсом.

— Он ранил тебя? Вывернул суставы, и я увидел кровь твою, алую, точно на Троицын день… Какая ч-ч-честь для тебя! Ты тоже служишь ему, и служение твое выше моего!

Доркас, покачав головой, отвернулась. Великан молча смотрел на Гефора.

— Ты, безусловно, понимаешь, — сказал доктор, — что все это было лишь театральным представлением.

(Я, помнится, подумал, что, если б публика не забыла об этом в нужный момент, когда Бальдандерс спрыгнул со сцены, нам пришлось бы разрешать довольно сложную дилемму.)

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — я, старый капитан, старый лейтенант, старый кок на своем старом камбузе, варящий суп, похлебку для

умирающих зверушек! Мой повелитель реален, а где твои армии? Где империи твои? Да источит ли настоящая рана фальшивую кровь? Где сиянье шелка волос? Где сила твоя, когда кровь ушла в землю? Я, старый к-к-капитан старого утлого судна с матросами, чернеющими на фоне серебра парусов, и Угольной С-с-скалой за кормою, соберу ее в стеклянную чашу!

Пожалуй, здесь стоит отметить, что в то время я не обращал внимания на заикание Гефора, хотя память моя позволяет теперь зафиксировать его на бумаге. Он пел, он бурлил словами, брызжа слюной сквозь бреши в зубах. Возможно, тугодум Бальдандерс понимал его, Доркас же, я уверен, он казался слишком отталкивающим, и она вряд ли разобрала хоть что-нибудь. Она стояла, отвернувшись, точно от альзабо, с чавканьем, с хрустом вгрызающегося в падаль. Ну а Иолента вообще не вслушивалась в то, что не касалось ее лично.

— Ты сам можешь видеть, что этой женщине никто не причинил вреда. — Поднявшись с кресла, доктор Талос спрятал денежный ящик. — Мы всегда рады побеседовать с тем, кто оценил наше представление по достоинству, но, боюсь, нам пора за работу. Ты позволишь?..

Теперь, беседуя исключительно с доктором,

Гефор снова надел шапку, надвинув ее почти до самых бровей.

— Штивка? В ней никто не сравнится со мною, старым с-с-суперкарго, шипчандлером, старым стюардом и с-с-стивидором! Кто еще вставит орех обратно в скорлупу, кто поместит птенца обратно в яйцо? Кто уложит обратно в кокон, свисающий с ветки, словно опустевший с-с-саркофаг, выпорхнувшую из него б-б-бабочку, чьи крылья подобны лиселям? Я свершу это ради моего повелителя! Я буду следовать за господином моим в-в-всюду, куда ни направит он стопы свои!

Я лишь кивнул, не зная, что на это сказать. В тот же миг Бальдандерс — видимо уловив из сказанного, что пора паковаться, — снял задник и принялся сворачивать его. Гефор с неожиданным проворством упаковал декорацию для Палат Инквизитора и смотал провода прожекторов. Доктор Талос взглянул на меня, словно говоря: «Что ж, теперь ты отвечаешь за него — так же, как я за Бальдандерса».

— Таких на свете множество, — сказал я. — Они наслаждаются болью, их тянет к нам, как обычного человека тянуло бы к Доркас с Иолентой.

— Воображаю, — кивнул доктор. — Некоторые полагают, будто идеальный слуга — тот, кто слу-

жит единственно из любви к хозяину, идеальный крестьянин — тот, кто роется в земле единственно из любви к природе, а идеальная фрикатриса — та, что раздвигает ноги десять раз за ночь единственно из любви к совокуплению. Увы, сих сказочных существ никто не видел живьем.

Прошло около стражи, и мы отправились в путь. Наш маленький театр был аккуратно уложен в огромную телегу, составленную из частей помоста. Бальдандерс, кативший ее, нес еще кое-что на спине. Доктор Талос, Иолента и я шли впереди, а Гефор тащился за Бальдандерсом на расстоянии, быть может, сотни шагов.

— Совсем как я, — сказала Доркас, оглянувшись. — А доктор — точно Агия, только не такой злой. Помнишь? Она не смогла прогнать меня, и в конце концов ты заставил ее прекратить…

Я помнил все и спросил, отчего она следовала за нами с таким упорством.

— Я не знала никого, кроме вас. И одиночество казалось куда страшнее Агии.

— Значит, ты все же боялась Агии?

— Да, очень! И до сих пор боюсь. Но… Не знаю, где я была до этого, но, похоже, была совсем одна — ужасно долго. Я больше не хочу оставаться одна. Ты, наверное, не поймешь этого; быть может,

это тебе не понравится, однако…

— Что?

— Если бы даже ты возненавидел меня, как Агия, я все равно пошла бы за вами.

— Но Агия вряд ли так уж возненавидела тебя.

Доркас подняла на меня взгляд. Я и сейчас вижу перед собою ее миловидное личико, словно отражающееся в киноварном омуте чернильницы. Быть может, оно было слегка утомленным и бледным, слишком детским, чтобы быть прекрасным, но глаза ее взирали на меня, словно лазурь небесной тверди потаенного мира, томящегося в ожидании Человека, а потому вполне могли бы сравниться даже с глазами Иоленты.

— Она ненавидела меня, — тихо сказала Доркас. — И сейчас ненавидит еще сильнее. Помнишь, после поединка ты был совсем не в себе? Ты даже не оглянулся, когда я уводила тебя. А я оглянулась — и видела ее лицо.

Иолента заявила, что не хочет идти пешком.

— Я повезу тебя, — раздался позади глухой, низкий голос Бальдандерса.

— Как? — Она оглянулась. — Поверх всего этого? — Бальдандерс не отвечал. — Да, я хочу ехать, но не на куче скарба, как дура! Даже не думай!

Я словно воочию увидел печальный кивок

великана.

Да, Иолента боялась выглядеть глупо… Вот и то, что я сейчас собираюсь написать, наверняка покажется вам глупым, хотя это — чистая правда. Что ж, читатель, веселись за мой счет. В тот миг я был поражен тем, насколько я везуч и как везло мне с того момента, когда я покинул Цитадель. Я был уверен, что Доркас не только любит меня, но и является верным моим другом, хотя мы всего несколько дней как встретились. Тяжкая поступь великана позади напомнила мне, как много людей бродят по Урд совсем одни. Я понял (по крайней мере, мне казалось, что понял), отчего Бальдандерс предпочел повиноваться доктору и всю свою недюжинную силу отдавать выполнению любых возлагаемых на него задач.

Кто-то, коснувшись моего плеча, отвлек меня от грез. То был Гефор, безмолвно подошедший сзади.

— Повелитель…

Я велел ему не звать меня повелителем и объяснил, что я — всего лишь подмастерье нашей гильдии, который вряд ли когда-нибудь возвысится даже до звания мастера. Он покорно кивнул. Губы его разомкнулись вновь, обнажив сломанные резцы.

— Повелитель, куда мы направляемся?

— К воротам, — отвечал я.

Солгав ему, я солгал и самому себе — солгал, будто хотел, чтобы Гефор следовал не за мною, а за доктором и Бальдандерсом. Правда же заключалась в том, что я вспомнил сверхъестественную красоту Когтя и подумал, как хорошо было бы не возвращаться в центр города, а унести камень с собою в Тракс. Я указал в сторону Стены, возвышавшейся перед нами в отдалении, точно обычная крепостная стена перед мышью. Стена была черна, словно грозовая туча, и, несомненно, преграждала путь множеству туч в вышине.

— Я понесу твой меч, Повелитель?

Предложение казалось вполне искренним, однако я вспомнил, какой заговор сплели Агия с братом, желая заполучить «Терминус Эст», и со всею возможной твердостью сказал:

— Нет. Ни за что и никогда.

— Повелитель, мне больно видеть, как ты идешь пешком, неся его на плече. Должно быть, он очень тяжел!

Пока я объяснял (и это было чистой правдой), что меч вовсе не так тяжел, как кажется с виду, мы обогнули невысокий покатый холмик и в полулиге впереди увидели прямую, широкую дорогу,

ведущую к проему в Стене. Дорога была запружена телегами, фургонами и прочим транспортом. Люди возле ворот казались мелкими мошками, а тягловый скот — муравьями, волокущими к муравейнику былинки. Доктор Талос обернулся к нам, продолжая идти спиною вперед, и указал на Стену — так гордо, точно выстроил ее сам.

— Некоторые из вас, думаю, видят ее впервые. Севериан, дамы, бывали ли вы раньше так близко к Стене?

Даже Иолента покачала головой.

— Нет, — ответил я. — Я всю жизнь провел так близко к центру города, что Стена, если подняться на самый верх башни, в зал со стеклянной крышей, и взглянуть на север, казалась лишь темной полоской на горизонте. Признаюсь, я поражен.

— На совесть работали древние, не так ли? Подумай: прошло столько тысячелетий, но осталось еще множество незастроенной земли, по которой мы шли сегодня! Городу есть куда расти! Я вижу, Бальдандерс качает головой. Неужели ты не понимаешь, дражайший мой пациент, что на месте всех этих лугов и кущ однажды, в будущем, вырастут дома и пролягут улицы?

— Они — не для разрастания Несса, — отвечал Бальдандерс.

— Конечно, конечно! Несомненно, ты уже побывал там и знаешь все досконально! — Доктор подмигнул нам. — Бальдандерс старше меня и потому уверен, будто знает все на свете. Иногда.

Вскоре мы оказались шагах в ста от дороги, и внимание Иоленты привлекло движение.

— Если здесь есть наемные паланкины, ты должен нанять один для меня, — сказала она доктору. — Я не смогу играть вечером, если весь день буду идти пешком.

Он покачал головой.

— Ты забываешь, что у меня нет денег. Если ты отыщешь паланкин, то, конечно же, вольна нанять его, если хочешь. А если не сможешь играть вечером, твоя ученица заменит тебя.

— Моя ученица?

В ответ доктор указал на Доркас.

— Я уверен, ей не терпится попробовать себя в главной роли, и сыграет она на славу. Отчего я, по-твоему, позволил ей присоединиться к нам и участвовать в представлении? Так будет даже лучше — не придется писать еще одну женскую роль!

— Ты глуп. Она пойдет с Северианом. Разве утром он не сказал, что собирается вернуться в город, искать... — Прекраснее прежнего в гневе,

Иолента шагнула ко мне. — Как ты назвал их — Мантильи?

— Пелерины.

Тут же человек, ехавший почти по самой обочине верхом на мерихипе, придержал своего скакуна.

— Если ты ищешь Пелерин, — сказал он, — нам по пути. Но не в город, а туда, за ворота. Вчера ночью он ушли по этой дороге.

Ускорив шаг, я ухватился за луку его седла и спросил, уверен ли он в достоверности этой информации.

— Ночью я спал в гостинице, и прочие постояльцы разбудили меня, ринувшись на улицу за их благословением, — отвечал он. — Я выглянул в окно и увидел их шествие. Слуги тащили перевернутый деисис с горящими свечами, жрицы рвали на себе рясы… — Лицо его — длинное, усталое, насмешливое — расколола пополам кривая улыбка. — Не знаю, что у них стряслось, но, ты уж поверь мне, исход их был впечатляющ и несомненен, как сказал медведь, стоя на поляне среди остатков пикника!

Доктор Талос склонился к Иоленте.

— Пожалуй, — шепнул он ей, — ангел мук и твоя ученица останутся с нами еще на некоторое

время.

Как позже выяснилось, он был прав лишь отчасти. Без сомнения, вы, возможно, множество раз видевшие Стену и каждый день проезжавшие сквозь те или иные ее ворота, на чем свет стоит клянете мою нерасторопность, и все же я, прежде чем продолжить свое жизнеописание, ради пущей уверенности скажу о ней несколько слов.

О высоте я уже говорил. Думаю, редкая птица сможет перелететь Стену — орел, огромный горный тераторнис, возможно, дикий гусь и им подобные. Именно такой вышины ожидал я, когда мы достигли подножия Стены: на этот счет ошибиться трудно, ибо она отчетливо видна на многие лиги вокруг, и облака, плывущие мимо нее, кажутся лишь рябью на глади озера. Сооружена она из того же черного металла, что и стены Цитадели, и потому, видимо, показалась мне не столь уж ужасной — все здания, которые видел я в городе, были выстроены из камня или кирпича, но материал Стены был знаком мне с раннего детства.

Но пройти в ворота оказалось все равно что спуститься в шахту, и я не смог сдержать дрожи. Пожалуй, все вокруг, кроме доктора Талоса с Бальдандерсом, чувствовали то же, что и я. Доркас

крепче сжала мою руку, а Гефор опустил взгляд к земле. Иолента, похоже, считала, что доктор, с которым она только что ссорилась, обязательно защитит ее, но когда он, не отреагировав на прикосновение к плечу, продолжал шагать вперед и по-прежнему беззаботно постукивать по мостовой тростью, к изумлению моему, оставила его и взялась за стремя человека, ехавшего верхом на мерихипе.

Над нами возвышались стены створа ворот. Через равные интервалы в них были прорезаны окна, застекленные неким материалом, гораздо прочнее и прозрачнее обычного стекла. За окнами виднелись силуэты — мужчины, женщины и какие-то странные человекоподобные создания, возможно какогены, существа, для которых аверн был обычным цветком, как для нас — маргаритка или иван-да-марья. Иные казались зверьми, очень похожими на людей. Как странно было видеть разум во взгляде повернутой к окну рогатой головы и острые клыки в устах, раскрывшихся, дабы что-то сказать! Я спросил доктора Талоса, кто это такие.

— Солдаты, — отвечал он. — Пандуры Автарха…

А Иолента, от страха прижавшаяся полной

грудью к бедру всадника на мерихипе, добавила шепотом:

— …чей пот — злато для подданных.

— Прямо там, внутри Стены?

— Точно мыши. Впрочем, я так понимаю, при ее невероятной толщине там, внутри, места хватает. В коридорах и галереях ее обитает бесчисленное множество солдат, готовых оборонять Стену, подобно термитам северных пампасов, обороняющим свои земляные жилища со старый дуб высотой. Мы с Бальдандерсом проходим ворота в четвертый раз — я уже рассказывал, что по пути на юг мы вошли в Несс через эти ворота, а год спустя покинули его через другие, что зовутся Печальными. Недавно, возвращаясь с юга, мы шли через еще одни южные ворота — Хвалебные. И каждый раз любовались Стеной изнутри, как вы сейчас, и лица этих слуг Автарха так же взирали на нас. Не сомневаюсь, что среди них есть и те, кто выслеживает неких определенных преступников, и, завидев одного из таких, они устремятся наружу и схватят его.

Тут в разговор вступил человек, ехавший на мерихипе (как я узнал позже, имя его было Иона):

— Прошу прощения, оптимат, но я невольно слышал твои слова. Могу рассказать больше, если

тебе будет угодно.

Доктор Талос покосился на меня. Глаза его сверкнули.

— Что ж, мы будем рады, но прежде сделаем одну оговорку. Разговор пойдет лишь о Стене и тех, кто обитает внутри нее. Это означает, что мы не станем задавать вопросов, касающихся лично тебя, и, в свою очередь, ждем от тебя той же любезности.

Всадник сдвинул на затылок потертую шляпу, и я заметил, что правую руку ему заменяет стальной протез.

— Ты понимаешь меня лучше, чем хотелось бы, как сказал один человек, глядя в зеркало! Признаюсь, я надеялся спросить тебя, зачем ты путешествуешь в обществе казнедея и отчего эта дама, прекраснейшая из всех, что мне доводилось видеть, идет пешком в пыли.

Иолента, отпустив его стремя, сказала:

— С виду ты беден и немолод, добрый человек. Тебе вряд ли подобает расспрашивать обо мне.

Даже в густой тени ворот я увидел, как прихлынула кровь к щекам всадника. Все сказанное Иолентой было сущей правдой: одежда его была поношенной и испачканной в дорожной пыли, хотя и чище, чем у Гефора, а обветренное лицо

изборождено морщинами. Наверное, целую дюжину шагов он проехал молча, но затем все же заговорил снова. В его голосе — ровном, ни высоком, ни низком — слышался суховатый юмор.

— В старые времена владыки нашего мира не боялись никого, кроме собственного народа. Дабы оборонить себя, они выстроили великую крепость на холме в северной части города, еще не называвшегося Нессом, ибо река еще не была отравлена. Многих разгневала постройка той цитадели, ибо они полагали законным правом своим без помех повергать владык во прах, когда б того ни пожелали. Но другие уходили в плаванье на кораблях, странствовавших меж звезд, и возвращались с богатой добычей и новыми знаниями. И вот однажды вернулась из плаванья женщина, не привезшая с собой ничего, кроме пригоршни черных семян…

— А-а, — перебил его доктор Талос, — так ты — профессиональный сказитель! Следовало предупредить об этом с самого начала, ибо мы, как ты, должно быть, видишь, — тоже нечто подобное.

Иона покачал головой.

— Нет, из всех сказок я знаю только эту, — ответил он и склонился к Иоленте: — Позволено ли

мне продолжить, о прекраснейшая из женщин?

Мое внимание привлекли дневной свет впереди и сумятица в потоке экипажей, перегородивших дорогу — некоторые, желая повернуть назад, нахлестывали упряжки и пытались бичами расчистить себе путь.

— …и показала она семена те владыкам человеческим, и сказала, что, если не покорятся ей, бросит она семена в море, положив тем конец миру. Ее схватили и разорвали на куски, ибо господство их было абсолютным стократ против власти нашего Автарха…

— …да увидит он Новое Солнце, — пробормотала Иолента.

— Чего же они так испугались? — спросила Доркас, еще крепче сжав мою руку.

В тот же миг она ахнула, залившись слезами, и спрятала лицо в ладонях — щеку ее задел железный кончик плети. Протолкавшись вперед, я поймал за лодыжку ударившего ее возничего и стащил его с облучка. К этому времени ворота гудели от божбы, ругани, воплей раненых и рева испуганных животных. Если Иона и продолжил рассказ, я ничего не слышал.

Возница, сброшенный мной с облучка, должно быть, умер мгновенно. Дабы произвести впечат-

ление на Доркас, я хотел подвергнуть его пытке, называемой у нас «Два абрикоса», но он упал прямо под ноги толпы и тяжелые колеса телег. Даже крик его в общей суматохе не был услышан никем.

Здесь, мой читатель, проведя тебя от ворот до ворот — от запертой, окутанной туманом решетки ворот некрополя до этих, в клубах дыма и пыли, быть может, величайших во всей вселенной и во все времена, — я сделаю паузу. Пройдя в первые, я начал путь, что привел меня ко вторым, войдя же во вторые, пошел новой дорогой — дорогой длинной и долгой, сквозь леса и поля за пределами Града Несокрушимого, сквозь горы и джунгли севера.

Здесь самое время сделать привал, и если ты, читатель, откажешься следовать за мною дальше — что ж, я тебя не виню. Дорога сия нелегка.

Коготь Миротворца

Но сила по-прежнему исходит
из терний твоих,
И из глубин твоих звучит му-
зыка.
Твои тени лежат на сердце мо-
ем, словно розы,
И ночи твои подобны крепкому
вину.

I
В Сальте

Прекрасный лик Морвенны парил в одиноком луче света, обрамленный локонами, темными, точно мой плащ. Капли крови из ее шеи гулко барабанили по камням, губы шевелились — беззвучно, вместо слов обрамляя собой (глядя на это, я чувствовал себя Предвечным, который приник оком к прорехе в ткани, отделяющей Бесконечное Бытие от Мира Времени) ферму, и мужа Морвенны, Стахия, в муках мечущегося на постели, и малыша Чада, омывающего водой из пруда раскрасневшееся от жара лицо.

Снаружи истошно, точно одна из ведьм, взвыла обличительница Морвенны, Евсевия. Я двинулся к решетке, чтобы велеть ей умолкнуть, но тут же заплутал, заблудился в темноте камеры, а когда отыскал взглядом свет, передо мной распахнулась, зеленой лентой потянулась вдаль дорога, ведущая к горизонту из тени в створе Врат Скорби. Из рассеченной щеки Доркас обильно струилась кровь, и я, несмотря на многоголосые крики и вопли вокруг, явственно слышал, как

она каплет наземь. Стена была строением столь огромным, внушительным, что разделяла мир надвое в точности так же, как обычная линия, пустое пространство меж переплетами, разделяет две рядом стоящие книги: за Стеной перед нами высился лес, да такой, что вполне мог оказаться ровесником Урд: исполинские деревья казались утесами гор, укрытыми яркой зеленью. Меж этих «утесов» ущельем тянулась дорога, поросшая свежей травой, а в траве той темнели тела — трупы мужчин и женщин. Горящая кариола пятнала чистый воздух клубами дыма.

Толпе преграждали путь пятеро всадников верхом на дестрие с выгнутыми клыками, инкрустированными лазуритом. Облаченные в плащи и шлемы индантреново-синего цвета, верховые держали в руках пики с пылающими синим пламенем остриями, а лицом походили один на другого куда сильней родных братьев. Поток путешествующих разбивался о всадников, словно волна о камень: одни сворачивали вправо, другие — влево. Миг — и Доркас вырвали из моих рук. Тогда я обнажил «Терминус Эст», готовый срубить всех, оказавшихся между нами, и обнаружил, что удар развалит надвое, от плеча до бедра, мастера Мальрубия, безмятежно стоящего

передо мной посреди невообразимой сумятицы, с Трискелем у ноги. Увидев его, я понял, что все это сон, и, даже спящий, сообразил, что прежде наставник являлся мне вовсе не в сновидениях.

Разбуженный перезвоном карильона с Колокольной Башне, я поспешил отшвырнуть в сторону одеяло. Настало время вставать, путаясь в одежде, бежать на камбуз, мешать котлы брата Кока, а заодно стащить и сунуть в рот колбаску — восхитительно сочную, брызжущую жирком, чуть подгоревшую колбаску прямо с жаровни. Пора умыться, пора обслужить подмастерьев, пора повторить уроки, заданные на сегодня мастером Палемоном…

Проснулся я в ученическом дормитории, однако все вокруг оказалось не так, совершенно иначе, чем следовало: глухая стена на месте круглого иллюминатора; квадратное окно там, где должна быть переборка; ряд узких, жестких коек исчез без следа; потолок слишком низок…

Тут-то я и пробудился от сна. Из-за окна тянуло запахами деревни — почти такими же приятными ароматами цветов и листвы, какими веяло сквозь бреши в полуразрушенной стене Цитадели со стороны некрополя, только смешанными с жаркой вонью конюшни. Вновь зазвонили коло-

кола. Звонили с какой-то кампанилы невдалеке, призывая немногих сохранивших в памяти их веру к молитве о приходе Нового Солнца, хотя час был столь ранний, что старое солнце едва-едва сдвинуло с лица вуаль Урд, а деревенскую тишь не нарушало ничто, кроме звона колоколов.

Накануне вечером Иона обнаружил, что кувшин для умывания вместо воды наполнен вином. Для полоскания рта терпкий напиток подошел даже лучше, однако, чтобы ополоснуть лицо и пригладить волосы, без воды мне все же было не обойтись. Перед сном я сунул под голову свернутый плащ с упрятанным в самую середину Когтем, а сейчас, расправляя его, вспомнил, как Агия, пытаясь украдкой просунуть руку под клапан ташки, пристегнутой к поясу, сунула Коготь за голенище моего сапога.

Иона все еще спал. Как правило, спящие кажутся мне моложе, чем во время бодрствования, однако спящий Иона, наоборот, выглядел старше собственных лет — а может, просто был очень уж древен с виду: такие же прямые носы и ровные лбы я нередко замечал на старинных картинах. Не тревожа его, я засыпал золой тлеющий в очаге огонь и вышел наружу.

К тому времени, как я умылся из ведра у имев-

шегося при постоялом дворе колодца, улица перед нашим пристанищем ожила, утренняя тишина сменилась плеском копыт в лужах, оставшихся после ночного дождя, и звонким перестуком кривых, точно скимитары, рогов. Мимо двигалось стадо животных, превосходивших ростом взрослого человека, вороной либо пегой масти, косящих глазами в стороны из-под жестких, ниспадающих на морды грив. При виде стада мне вспомнилось, что отец Морвенны — гуртовщик; возможно (хотя навряд ли), это стадо принадлежало ему. Дождавшись, пока исполинские животные пройдут мимо, я пригляделся к едущим следом. Таковых — запыленных, совершенно обычных с виду людей, вооруженных увенчанными железными навершиями стрекалами длинней собственного роста, — оказалось трое. Рядом с ними, настороженно поглядывая по сторонам, трусили жилистые, беспородные с виду пастушьи псы.

Вернувшись внутрь, я велел принести завтрак. К завтраку мне подали хлеб, едва вынутый из печи, свежайшее масло, маринованные утиные яйца и чашку на совесть вспененного, щедро сдобренного перцем горячего шоколада. (Последнее, хоть я в то время этого и не знал, есть верный

признак того, что мы оказались среди людей, живущих согласно обычаям севера.) Содержатель постоялого двора, плешивый карлик, несомненно видевший меня накануне вечером, за разговором с местным алькальдом, остался торчать у стола. Утирая нос рукавом, он живо интересовался качеством каждого из подаваемых блюд — хотя, сказать правду, все они были весьма хороши — и на все корки честил кухарку, собственную жену. Ко мне он обращался «сьер», но не оттого, что, подобно многим в Нессе, принимал меня за экзультанта инкогнито, а потому что в таком месте палач, карающая длань закона, — персона отнюдь не из последних. Подобно большинству пеонов, различий меж теми, кто превосходит его положением, он себе просто не представлял и более чем на одну ступень социальной лестницы вверх не заглядывал.

— Ну, а постель? Постель-то удобна? Одеял в достатке? Если что, мы еще принесем.

Рот мой бы набит до отказа, и посему в ответ я молча кивнул.

— Стало быть, принесем непременно. Трех хватит? А с тем, другим сьером вместе тебе удобно?

Я уж собрался сказать, что предпочел бы отдельную комнату (нет, вором Иону я не считал,

но опасался, что Коготь может стать неодолимым соблазном для кого угодно, и, сверх того, спать вдвоем не привык), однако тут же подумал: не будет ли ему в таком случае затруднительно расплатиться за постой?

— Ты ведь придешь туда нынче, сьер? Когда дом замурованный взламывать будут? С кладкой-то любой каменщик справится без труда, но Барнох, люди слышали, расхаживает там, внутри, и, может, еще сохранил кое-какие силы. Может, даже оружие какое-нибудь себе нашел. Или, чего доброго, за пальцы каменщика кусит!

— В официальном качестве мне там делать нечего, но посмотреть, если будет возможность, приду.

— Там все соберутся. — Плешивый карлик потер руки. Ладони его скользнули одна по другой, будто намасленные. — У нас по такому случаю, видишь ли, ярмарка будет устроена. Сам алькальд объявил. Алькальд наш — он голова, деловой хватки ему не занимать. Вот возьми среднего человека: увидит он тебя здесь, у меня в трапезной, и о чем подумает? Да ни о чем! Ну разве что для казни Морвенны тебя нанять догадается. Но наш алькальд не так прост! Все примечает и сразу же видит, какая от чего может проистечь польза.

Будь уверен, у него в голове вмиг целая ярмарка развернулась — шатры разноцветные, ленты, и жареное мясо, и сахарная вата, все разом. А по какому такому случаю? Ну так сегодня мы вскроем замурованный дом и вытащим оттуда Барноха, как барсука из норы! Уж это-то местных селян разогреет — со всей округи, за многие лиги сюда соберутся. А после посмотрим, как ты с Морвенной и с этим малым управишься. А завтра займешься Барнохом — каленое железо, так ведь у вас для начала положено? Ясное дело, кто же упустит такое зрелище! А послезавтра казнишь его смертью, и тут уж пора шатры убирать. Нечего людишкам-то зря здесь ошиваться после того, как растратят денежки, — чего доброго, попрошайничать примутся, или драки начнут затевать, или еще озорство какое. Большого ума человек наш алькальд: все у него продумано, ни одной мелочи не упущено!

Позавтракав, я вновь вышел наружу и собственными глазами увидел, как великие замыслы алькальда воплощаются в жизнь. В деревню валом валили крестьяне с фруктами, скотиной и отрезами домотканого полотна на продажу. Нашлось среди прибывающих и несколько автохтонов, несущих на ярмарку кто шкуры, кто

гроздья неких черных и зеленых птиц, убитых крохотными стрелками, пущенными из сербо-таны. Тут я пожалел, что при мне нет накидки, купленной у брата Агии: плащ цвета сажи привлекал к себе слишком уж много любопытных взглядов. Подумав об этом, я решил было снова укрыться на постоялом дворе, но вдруг услышал слаженный топот множества марширующих ног. Звук этот был мне прекрасно знаком по строевым учениям гарнизона, расквартированного в Цитадели, однако, будучи изгнан оттуда, я его до сего дня ни разу еще не слышал.

Проходившее мимо несколько раньше стадо шло вниз, к реке, дабы проделать дальнейший путь к скотобойням Несса на барках. Солдаты, напротив, двигались от реки, вверх. Возможно, офицеры решили, что марш-бросок закалит их, а может, привезшие их суда требовались где-то еще, а может, путь их вел в некие земли, лежащие в стороне от Гьёлля, — о причинах я, разумеется, мог только гадать. Едва строй достиг сгущающейся толпы, кто-то во весь голос скомандовал: «Запе-е-е… вай!» — и в тот же миг до ушей моих донеслись хлесткие удары вингтнерских кнутов пополам с воплями тех, кому не посчастливилось под оные угодить.

То были келау: при каждом имелась праща с рукоятью в два кубита длиной и крашеной кожи кошель с зажигательными пулями. Немногие выглядели старше меня, а большинство казалось даже моложе, однако золоченые бригандины вкупе с богато украшенными поясами и ножнами длинных кинжалов свидетельствовали: передо мной эрентарии, одно из отборных воинских подразделений. В отличие от большей части солдатских песен, песня их посвящалась не сражениям и не женщинам, но являла собой подлинный гимн всех пращников мира, чьи пули вправду рассекают небо росчерками падающих звезд. В куплетах, услышанных мною в тот день, пелось вот что:

Был я мал – говорила мать:
«Слезы утри и марш в кровать,
Далекий путь ждет тебя, мальчик мой,
Рожденный под падающей звездой».

А как подрос, толковал отец,
Влепит щелбан, и: «Знай, молодец,
От боли не хнычет вояка лихой,
Рожденный под падающей звездой».

А маг мимохожий такое сказал:
«Цвет судьбы твоей, парень, ал.
Ждут кровь, и огонь, и за боем бой
Рожденных под падающей звездой.

А встречный пастух сказал как-то раз:
«Мы, овцы, идем, куда гонят нас,
К Вратам Зари, где ангелов рой,
Следом за падающей звездой».

И так далее, и так далее, куплет за куплетом, куплет за куплетом — некоторые (по крайней мере, мне) непонятны, некоторые просто забавны, некоторые явно сложены единственно в угоду рифме с последней строкой, повторявшейся в разных видах снова и снова…

— Красиво идут, а?

То был все тот же содержатель постоялого двора, едва достававший плешивой макушкой мне до плеча.

— Южане, — продолжал он. — Видишь, сколько желтоволосых, с крапчатыми шкурами? Привыкли там, у себя, к холодам, в горы им теперь надо. И все же песню послушаешь — сам на минутку захочешь с ними пойти. Сколько их здесь, по-твоему?

За колонной солдат как раз показались груженные провиантом вьючные мулы, подгоняемые вперед остриями мечей.

— Две тысячи. Возможно, две с половиной.

— Благодарствую, сьер. Я им вроде как счет веду. Не поверишь, сколько я их повидал, идущих этой дорогой, а назад возвращается всего ничего. Ну да, война, тут уж ничего не попишешь. Всякий раз убеждаю себя, будто они еще там — то есть там, куда их отправили, службу несут, но оба мы понимаем, какая уйма народу остается там навсегда. И все же песня так и манит, так и зовет в их ряды…

Я спросил, что нового известно ему о ходе войны.

— О, многое, сьер. Я уж который год за нею слежу, но все эти сражения… словно бы, понимаешь, ни к чему особенному не ведут. Можно сказать, не приближается к нам война и не удаляется. Как будто наш и ихний автархи назначат место для битвы, а когда кончится бой, расходятся по домам. Жена моя, дура-баба, вовсе не верит, будто война эта настоящая.

Толпа, сомкнувшаяся за спиной последнего из погонщиков мулов, с каждым произнесенным нами словом густела. Вокруг хлопотливо рас-

ставляли прилавки, раскидывали шатры, отчего улица становилась все уже и уже, а толчея усиливалась. Казалось, ощетинившиеся космами маски на высоких древках растут из земли, словно деревья.

— Куда же, по разумению твоей жены, в таком случае отправляют солдат? — спросил я содержателя постоялого двора.

— Жена говорит, их Водала гонят искать. Как будто Автарх — чьи руки осыпают мир златом и чьи враги целуют каблук его сапога — станет посылать всю свою армию ловить какого-то разбойника!

«Водала»… Кроме этого слова, я почти ничего не расслышал.

Все, что имею, я отдал бы, не задумываясь, ради того, чтоб стать одним из вас, каждый день сетующих на забывчивость. Моя память не подводит меня никогда. Все, что со мною случилось, я помню ярко, словно только что пережитое, и посему, едва всплыв из памяти, воспоминания завораживают, увлекают меня за собой.

Кажется, в ту минуту я, отвернувшись от содержателя постоялого двора, побрел сквозь толпу напирающего мужичья и тараторящих наперебой лоточников, не замечая ни его, ни их. Под

ногами моими снова похрустывали осколки костей, устилавшие аллеи некрополя, а впереди, в поднимавшемся от реки тумане, темнела стройная фигура — Водал, отдающий возлюбленной пистолет и обнажающий шпагу. На сей раз (как печальна порой жизнь человека взрослого!) экстравагантность его поступка поразила меня до глубины души. Тот, кто во множестве распространяемых нелегально листовок объявлял себя борцом за старину, за возвращение к высотам древней, ныне утраченной цивилизации Урд, отказался, отрекся от весьма эффективного — куда действенней шпаги — оружия, порожденного той самой прежней цивилизацией!

Возможно, мои воспоминания о прошлом сохраняются в целости лишь потому, что прошлое существует только в памяти. Желавший вернуть его, как и я, Водал оставался порождением нашего времени. Таков уж извечный, неискупимый наш грех: иными, не теми, кем рождены, мы стать неспособны.

Несомненно, будь я одним из вас, из тех, чьи воспоминания меркнут со временем, в то утро, проталкиваясь сквозь толпу, я наверняка отрекся бы от него и таким образом избежал бы той смерти при жизни, что не выпускает меня из когтей

даже сейчас, когда я пишу эти слова. А может, вовсе не стал бы ее избегать. Да, скорее всего, не стал бы. Но, как бы дело ни обернулось, прежние, ожившие в памяти чувства оказались слишком сильны. Восхищение тем, что восхитило меня в ту ночь, держало в плену столь же прочно, как янтарь держит в плену муху, однажды увязшую в смоле давным-давно обратившейся в прах сосны.

II
Заточенный во тьме

Одноэтажный, сложенный из пустой шахтной породы, крытый плоскими, с виду весьма внушительными плитами той же породы, от всех прочих домов в деревушке дом разбойника не отличался ничем. Дверь и единственное окно, которое я мог разглядеть с улицы, были наспех заложены камнем. Собравшиеся перед домом, около сотни ярмарочных гуляк, оживленно болтали, тыча пальцами в сторону двери, однако изнутри не доносилось ни звука, а над печной трубой не вился дымок.

— Здесь такое в обычае? — спросил я у Ионы.

— Традиция. Как подобает всякой традиции, сложившаяся из легенды, лжи и правдоподобия, — думаю, сей афоризм тебе знаком.

— По-моему, при желании наружу выбраться довольно просто. Например, сквозь окно, а то и разобрав кладку стены среди ночи, или, допустим, через подкоп. Разумеется, ожидая чего-то подобного — а если такое здесь в порядке вещей, то человек, действительно шпионивший в

пользу Водала, к разоблачению наверняка был готов, — он вполне мог заранее запастись подходящими инструментами, да и едой с питьем.

Иона отрицательно покачал головой.

— Прежде чем замуровать входы-выходы, дом на совесть обшарили, забрав всю еду, все инструменты и все, что можно использовать для освещения, не говоря уж обо всем хоть сколь-нибудь ценном.

— Имея — уж извините за похвальбу — кое-какие мозги в головах, так мы и поступили, — раздался звучный голос за нашими спинами.

То был алькальд, подошедший к нам сзади так, что ни я, ни Иона не заметили его в толпе — внушительный, крепко сложенный человек, чье внешнее простодушие омрачала разве что чрезмерная цепкость, проницательность взгляда. Мы пожелали ему доброго дня, и он ответил любезностью на любезность.

— Тебя, мастер Севериан, — продолжал он, — я узнал сразу, несмотря на светлый наряд. Одежда новая? С виду вроде бы да. Если ты недоволен ею, не стесняйся, так прямо мне и скажи. Мы следим, чтоб у нас на ярмарке торговлю вели по-честному. Делам это только на пользу. Если что в точности по мерке не подогнали, будь уверен: кто бы он ни

был, мы его живо в реку макнем. Одного-двух в год искупать — вот остальным, глядишь, уже и неповадно становится.

Умолкнув, алькальд отступил на шаг, осмотрел меня повнимательнее и, будто весьма впечатленный, кивнул.

— Тебе идет. Отменно, должен заметить, выглядишь. И лицо вполне миловидно — разве что чуть бледновато, но это наше северное солнце исправит вмиг. А если спросят тебя, где приобрел, отвечай смело: на ярмарке, дескать, в Сальте. Такая молва делу не повредит.

Я пообещал непременно так и сказать, хотя куда больше, чем о собственной внешности и долговечности мирского наряда, приобретенного у торговца готовым платьем, тревожился о сохранности «Терминус Эст», спрятанного в комнате, снятой нами на постоялом дворе.

— Вы с помощником, надо думать, пришли поглядеть, как мы злодея наружу вытаскиваем? Займемся сразу же, как только Мемен с Зебальдом бревно принесут. Таран — так мы его окрестили, объявляя о предстоящем, но, правду сказать, это всего-навсего ствол дерева, и то небольшого, иначе деревне пришлось бы нанимать слишком много народу, чтоб с ним управиться. Ничего,

дело свое оно сделает. Что у нас тут случилось восемнадцать лет назад вы, полагаю, не слышали?

Мы с Ионой дружно покачали головами.

Алькальд, подобно любому политику при виде возможности произнести более пары фраз, немедля выпятил грудь, приосанился и заговорил:

— Я, хоть и был в то время всего лишь сопляком, дело то хорошо помню. Женщина. Имя вот позабыл; все ее Матушкой Лихорадкой звали. Так вот, ее, изволите ли видеть, замуровали в доме точно так же, как и Барноха: люди этим занимались в основном те же самые — к чему им привычки менять? Только лето тогда как раз подходило к концу; сбор яблок в разгаре был — в толпе, помнится, угощались сидром нового урожая, а сам я, глядя на все это, свежее яблоко грыз.

А на будущий год, когда пошла в рост кукуруза, захотелось кому-то приобрести ее дом. Недвижимое имущество в подобных случаях, знаете ли, переходит к деревне. Так уж у нас расходы заведено возмещать: кто исполняет работу, тем достается все, что отыщется в доме, а деревне отходит дом и земля. Ну, чтоб сказку зря не затягивать, вырубили мы таран и в лучшем виде вломились внутрь: выметем, дескать, старушечьи косточки и передадим дом новым

хозяевам…

Алькальд, сделав паузу, запрокинул голову и расхохотался. Со стороны его смех выглядел жутковато — вероятно, оттого, что, смешавшись с гомоном зевак, казался беззвучным.

— Неужели она не умерла? — спросил я.

— Смотря что под этим понимать… Я так скажу: старуха, надолго запертая в темноте, может превратиться в крайне странную тварь вроде тех, каких можно отыскать в гнилых пнях, среди больших деревьев. Мы тут, в Сальте, по большей части шахтеры, народ ко всему, что под землей можно встретить, привычный, но бежали оттуда, не чуя под собой ног, и вернулись не иначе как с факелами. Подобным тварям свет не по нутру, да и огонь, кстати, тоже.

Иона, тронув меня за плечо, указал на сумятицу в толпе зевак. Сквозь толпу, запрудившую улицу, к нам целеустремленно пробивалась группа людей. Ни доспехов, ни шлемов ни на ком из них не имелось, но несколько человек были вооружены пилетами, а прочие — окованными бронзой посохами. Все это живо напомнило мне добровольцев, впустивших нас с Дроттом, Рохом и Эатой в некрополь в тот давний-давний вечер. За вооруженными людьми следовали еще чет-

веро, тащившие упомянутый алькальдом таран — грубо отесанное бревно примерно двух пядей в обхвате и шести кубитов в длину.

Толпа встретила их появление дружным аханьем, тут же перешедшим в еще более громкий гомон, перемежавшийся доброжелательными, поощряющими выкриками. Алькальд, оставив нас, возглавил новоприбывших, вооруженным посохами приказал расчистить небольшой пятачок у дверей, а толпе, пользуясь властью, велел расступиться перед нами с Ионой, двинувшимися вперед, дабы лучше видеть происходящее.

Я рассудил, что несущие таран, подойдя к двери, без лишних церемоний возьмутся за дело, однако не принял в расчет персоны алькальда. В последний момент алькальд поднялся на крыльцо, встал перед заложенной камнем дверью, махнул шляпой, требуя тишины, и обратился к собравшимся:

— Приветствую вас, гости Сальта, и вас, дорогие соседи! Не успеете вы трижды перевести дух, как мы сокрушим вот эту преграду и вытащим из берлоги разбойника Барноха. Хоть мертвым, хоть — как мы не без веских причин полагаем, ибо просидел он там не слишком-то долго — живьем. Что он натворил, всем вам известно. Стакнувшись с

культелляриями изменника Водала, он сообщал им о прибытии в Сальт или отъезде из Сальта тех, кто мог стать их жертвой! Сейчас все вы думаете — и нисколько в том не ошибаетесь! — что пощады столь гнусное преступление недостойно. И я скажу: да! И каждый из нас скажет: да! Из-за этого Барноха сотни, если не тысячи человек покоятся теперь в безымянных, безвестных могилах! А еще сотни, если не тысячи постигла судьба куда худшая!

Но прежде чем камни эти падут, прошу вас: задумайтесь. Потеряв соглядатая, Водал наверняка примется подыскивать нового. Как-нибудь глухой ночью — и, думаю, ночь эта не заставит себя долго ждать — к одному из вас явится незнакомец. Разумеется, он много чего наговорит…

— Совсем как ты! — крикнул кто-то, чем рассмешил всех вокруг.

— Что ты, куда как лучше, чем я: я-то всего лишь, как многим из вас известно, шахтер неотесанный. Он, должен сказать, говорить будет гораздо глаже да убедительнее, а может, и денег начнет предлагать. И прежде чем согласно кивнуть в ответ на его уговоры, прошу: вспомните, каково сейчас выглядит Барнохов дом, с дверью, заложенной кусками шахтной породы. Пред-

ставьте себе собственный дом с замурованной дверью и окнами, а самих себя — там, внутри.

Представьте, а после подумайте о том, как мы на ваших глазах обойдемся с Барнохом, когда вытащим его из заточения. А вы — особенно вы, те, кто здесь чужой, — учтите: то, что вам сейчас доведется увидеть, только начало. На нашей ярмарке в Сальте вас ждет множество зрелищ! Для исполнения того, что будет исполнено в последующие несколько дней, мы наняли одного из лучших мастеров своего дела на весь Несс! На ваших глазах казни по всей форме, с отрубанием головы одним-единственным ударом, подвергнутся *по крайней мере* два человека! Одна из них — женщина, и как таковая казнена будет в кресле! Уйма народу, похваляющегося искушенностью во всем на свете — космополитической, так сказать, природой образования, — в жизни такого не видывала, а вот вы все увидите, как этот тип, — сделав паузу, алькальд звучно хлопнул ладонью по залитым солнцем камням, преграждающим вход, — этот Барнох будет препровожден в царство Смерти проводником, знающим свое дело во всех тонкостях! Быть может, он дырочку в стене успел проковырять — преступники часто так делают, — а если так, то может и слышать,

что я тут говорю.

Алькальд возвысил голос до крика.

— Эй, Барнох! Если вправду слышишь меня, лучше сам перережь себе глотку, да поспеши! Поспеши, не то пожалеешь, что до сих пор не сдох с голоду!

На миг вокруг сделалось тихо. Я тоже молчал. Сама мысль о том, что вскоре мне предстоит применить Искусство к стороннику Водала, причиняла нестерпимую муку. Наконец алькальд, вскинув руку над головой, страстно рассек ею воздух.

— Давай, ребята, дружно!..

Четверо, принесшие таран, будто заранее сговорившись, сосчитали: «Раз, два три» — и помчались к заложенной камнем двери, но слегка потеряли разбег, когда двое передних достигли ступеней крыльца. Бревно глухо ударило в камни, но иных результатов штурмующие дом не добились.

— Давай, ребята, — повторил алькальд. — Давайте-ка снова. Покажите им всем, какова наша сальтская порода!

Четверо отошли назад для разбега и вновь устремились к дверям. С этой попытки бежавшие впереди преодолели подъем без заминки; под

ударом тарана каменная кладка, преграждавшая вход, слегка дрогнула, а в воздухе мелкой пыльцой заклубилась известь. К четверым, орудовавшим тараном, присоединился доброволец из толпы, крепко сложенный чернобородый малый, и все пятеро снова взяли разбег. Удар тарана оказался не намного громче прежних, однако на сей раз ему сопутствовал треск наподобие хруста костей.

— Подается! — заметил алькальд. — Еще разок, и…

Он не ошибся. Еще удар — и камни посыпались внутрь, а в кладке появилась дыра с человеческую голову величиной. После этого штурмующие, уже не утруждаясь разбегом, раскачали таран на руках и вышибли еще несколько кусков кладки. Теперь в пролом вполне мог пройти человек.

Кто-то, прежде мной не замеченный, принес факелы, и какой-то мальчишка помчался в соседний дом, чтоб запалить их от кухонной печи. Приняв у него зажженные факелы, люди, вооруженные посохами и пилетами, двинулись к крыльцу. Алькальд, в коем я, судя по цепкому, с хитрецой взгляду, вовсе не заподозрил бы этакой храбрости, выхватил из-за пазухи короткую дубинку и шагнул в пролом первым. За последним

из вооруженных внутрь валом хлынули зрители, а мы с Ионой, стоявшие впереди всех, достигли пролома почти сразу.

Воняло внутри гораздо сильнее, чем я ожидал. Повсюду валялись обломки мебели, словно перед тем, как Барноха пришли замуровывать, он запер все шкафы и сундуки на замок, так что явившимся, дабы добраться до его имущества, пришлось ломать их. На колченогом столе я заметил растекшийся воск свечи, догоревшей до самого дерева. Идущие позади напирали, подталкивая меня дальше, но я, к собственному удивлению, этому воспротивился.

Вскоре из дальних комнат донесся топот — звук множества быстрых шагов; затем кто-то вскрикнул, а еще кто-то пронзительно, нечеловечески завизжал.

— Поймали! — крикнул кто-то за моей спиной.

Остальные загомонили, передавая новости тем, кто остался снаружи.

Из темноты выбежал толстячок, с виду — из мелких арендаторов, с факелом в одной руке и посохом в другой.

— С дороги! Назад, все назад! Дайте дорогу! Ведут!

Сам не знаю, что, кого я ожидал увидеть —

возможно, некое невероятно грязное существо, обросшее космами спутанных сальных волос, однако из мрака навстречу мне шагнул сущий призрак. Высокого роста, Барнох оставался высок до сих пор, но страшно ссутулился, исхудал, а побледнел так, что, казалось, светился во мраке, будто гниющее дерево. Вдобавок он был безволос — безбород и плешив, как колено: ближе к вечеру те, кто стерег его, рассказали мне, что в заточении он обзавелся привычкой выщипывать из тела волосы. Но страшнее всего выглядели его глаза — навыкате, с виду незрячие, темные, подобно почерневшим, вспухшим, точно гнойник, губам. В тот миг, как он заговорил, я от него отвернулся, но сразу же понял, что голос принадлежит ему.

— Меня вызволят! — проскрежетал он. — Водал! Водал меня не оставит!

Вот когда я всей душой пожалел о собственном заточении! Голос Барноха вернул меня в те беспросветные дни, в дни неволи, проведенные мною в темницах под нашей родной Башней Матачинов. Тогда я тоже мечтал о том, что Водал придет мне на выручку, о революции, которая, покончив с упадком и скотством нашей эпохи, вознесет Урд к сиянию прежних культурных высот.

Однако спас меня вовсе не Водал со своим тайным воинством, но заступничество мастера Палемона — и, несомненно, Дротта с Рохом и еще парой друзей, убедивших братьев в том, что самочинно лишать меня жизни слишком опасно, а отдать под суд означает навлечь бесчестье на гильдию.

Ну а Барноха не спасет никто и ничто. Я — тот, кому следовало быть ему товарищем, — заклеймлю его каленым железом, изломаю на колесе, а напоследок отсеку ему голову. Разумеется, я старательно внушал себе, что он, вероятнее всего, просто позарился на деньги, но, стоило только об этом подумать, нечто металлическое (несомненно, стальной наконечник пилета) зазвенело о камень и отдалось в ушах моих звоном монеты, полученной от Водала, а после спрятанной в углублении под одной из плит пола того самого полуразрушенного мавзолея.

Порой, когда все внимание приковано к образам прошлого, наши глаза, оставленные без присмотра, приметив среди мешанины деталей некий отдельный предмет, видят его с такой ясностью, какой ни за что не достичь, сосредоточившись. Так вышло и со мной. Среди множества лиц, мелькавших снаружи, у дверного проема, я

увидел одно — запрокинутое к небесам, озаренное солнцем лицо Агии.

III
Шатер балаганщика

Мгновение это застыло, будто и мы оба, и все вокруг изображено на полотне живописца. Запрокинутое лицо Агии, мои вытаращенные глаза — такими мы и остались в водовороте крестьян, среди их ярких одежд да вьюков на плечах. Затем я шевельнулся, и она тут же исчезла из виду. Я побежал бы за ней, если б мог, но, вынужденный проталкиваться сквозь толпу зевак у дверей, достиг того места, где видел ее, лишь спустя добрую сотню ударов сердца.

К этому времени она исчезла бесследно, а толпа бурлила, меняла облик, словно рассекаемая носом лодки вода. Выведенный из мрака на солнце, Барнох пронзительно закричал. Схватив за плечо какого-то местного шахтера, я проорал вопрос в самое его ухо, но нет, внимания на юную женщину, стоявшую рядом, он не обратил и, куда она могла скрыться, не имел никакого понятия. Пришлось мне присоединиться к толпе, двинувшейся следом за Барнохом, а убедившись, что среди зевак Агии нет, за неимением лучшего

начать обход ярмарки — шатер за шатром, навес за навесом — и всюду расспрашивать о ней крестьянских жен, торгующих ароматными кардамонными пряниками, да разносчиц с лотками еще горячего жареного мяса.

Неспешно, строка за строкой ложащееся на бумагу, алеющее киноварью чернил Обители Абсолюта, мое повествование вполне может казаться спокойным, даже размеренно-скрупулезным, однако от истины сии впечатления весьма и весьма далеки. В то время я, запыхавшийся, взмокший, кричал во весь голос, расспрашивая торговок, и мчался дальше, едва дождавшись ответа. Широкое, веснушчатое, смуглое от солнца, с впалыми щеками и мягко округленным подбородком, лицо Агии парило перед мысленным взором, словно во сне; в продолговатых, чуть раскосых глазах ее поблескивали насмешливые искорки. Что привело ее в Сальт, я и представить себе не мог; знал лишь одно: Агия здесь, а эта мимолетная встреча вновь пробудила во мне мучительные воспоминания о ее полном страдания крике.

«Не проходила ли тут молодая женщина, шатенка, вот такого вот роста?» — снова и снова повторял я, будто тот поединщик с Кровавого Поля, выкликавший «Кадро из Семнадцати Кам-

ней», пока фраза напрочь не утратила смысл, превратившись в некое подобие пения цикад.

— Конечно, и не одна. Это ж про любую крестьянскую девчонку из тех, что на ярмарку съехались, сказать можно!

— А имя ее ты знаешь?

— Женщину ищешь? Так есть у меня кое-кто на примете!

— Где ты ее потерял?

— Не тревожься, скоро отыщетесь. Ярмарка невелика, заблудиться тут, почитай, негде. О месте встречи вы загодя не договорились? Вот, выпей-ка чаю: похоже, устал ты порядком.

Я полез в карман за монетой.

— Денег не надо, я и без того уже неплохо расторговалась. Ну ладно, раз уж настаиваешь… всего аэс. Возьми.

Пошарив в кармане передника, старуха высыпала мне в ладонь целую груду мелочи, наполнила глиняную кружку чаем из чайника, посвистывавшего на жаровне, а к ней подала соломинку-бомбилью из какого-то тусклого серебристого металла. От соломинки я отказался.

— Чистая, чистая. Я после каждого клиента их мою.

— Я к таким не привык.

— Тогда пей осторожнее: край кружки горяч. Да, а возле барышников ты смотрел? Там много людей собралось.

— Это где скот? Да.

Чай на поверку оказался мате — пряным, чуточку горьковатым.

— А она знает, что ты ее ищешь?

— Вряд ли. Если она меня и заметила, то, скорее всего, не узнала. Я… одет я не так, как одеваюсь обычно.

Старуха, прыснув от смеха, заправила под платок непослушную седую прядь.

— На ярмарке в Сальте? Ну разумеется! На ярмарку всякий нарядится в лучшее, что имеет; любая девица, если не полная дура, это должна понимать. Погляди еще внизу, у реки, где преступника в цепях держат.

— Был я и там, — покачав головой, сказал я. — Исчезла, будто сквозь землю провалилась.

— Однако ж ты не сдаешься: вижу, вижу, за разговором не на меня — на проходящих смотришь. И правильно. Вот и молодец. Найдется она со временем, непременно найдется, сколько б ни судачили люди о всевозможных странностях, творящихся в последнее время вокруг да около. Слыхал, может, у нас тут зеленого человека пой-

мали! Держат прямо вон в том шатре. Говорят, зеленым людям все на свете известно, только разговорить их сумей. А еще собор этот — уж о нем-то ты, я думаю, слышал?

— Собор?

— Я слышала, он не из тех, какие в городе считают настоящими — а ты, судя по манере чай пить, из горожан, — но у нас, в окрестностях Сальта, других соборов не видывали. Да и красив он был, признаться: фонарями увешан, окна этакие в стенах из разноцветного шелка… Я-то сама не из верующих — вернее, так думаю: если уж Вседержителю до меня нет никакого дела, то и мне до него дела нет. Но все-таки жаль, жаль, если молва не врет, будто его подожгли.

— Ты не о Храме ли Пелерин?

Старуха важно кивнула.

— Вот и ты говоришь… и ошибаешься точно так же, как они. Не Храм Пелерин это был, а Собор Когтя, а стало быть, не им его и поджигать.

— Значит, они заново вздули огонь, — вполголоса, про себя пробормотал я.

Старуха, склонив голову набок, приставила к уху ладонь.

— Извини, милок, не расслышала.

— Я сказал, что они его и сожгли. Должно быть,

запалили солому, устилавшую пол.

— Да, это я тоже слыхала. Стояли столбом и смотрели, как он горит. Вот и вознесся он, понимаешь ли, прямиком к Бескрайним Лугам Нового Солнца.

Стоявший напротив, по ту сторону прохода, принялся бить в барабан.

— Насколько мне известно, некоторые утверждали, будто сами видели, как он поднялся в воздух, — сказал я, когда барабанщик сделал паузу.

— В самом деле, еще как поднялся! Муж внучки моей, услышав об этом, добрых полдня ходил сам не свой. А после склеил из бумаги что-то вроде шляпы, подержал ее над кухонной плитой, и шляпу тоже вверх понесло, и тогда он решил, что вознесение собора — дело обычное, что никакого чуда в нем нет. Вот каково дураком-то быть: ему и в голову не пришло, что мир для того так и устроен, чтобы собор взлетел. Не замечает он, умник, в устройстве мира Десницы Его.

— А сам он это видел? — спросил я. — То есть собор?

Однако старуха вопроса не поняла.

— О, еще как видел — раз десять видел, не меньше, когда они здесь проходили.

Тут разговор наш снова прервал человек с барабаном, закричав нараспев, примерно как доктор Талос, только куда более хрипло и без присущего доктору саркастического остроумия:

— Знает все!!! Все о каждом!!! Зелен, что твой крыжовник!!! Взгляните сами!!!

(Назойливый гром барабана: БУМ! БУМ! БУМ!)

— Как по-твоему, известно ли зеленому человеку, где искать Агию?

— Вот, значит, как ее звать, — заулыбалась старуха. — Теперь я, если кто о ней упомянет, пойму и, глядишь, сумею тебе помочь… А зеленый — что ж, может, и знает. Деньги у тебя есть, так отчего б не попробовать?

«Действительно, отчего бы нет», — подумал я.

— Доставлен прямо из джунглей севера! Ни крошки не ест! Сродни деревьям и травам! Будущее, далекое прошлое — ему все едино!

БУМ! БУМ! БУМ!

Увидев меня, приближающегося к входу в шатер, барабанщик прекратил шум.

— Всего аэс за то, чтоб взглянуть на него. За разговор с ним — два. А чтоб остаться наедине с ним — три.

— Наедине — на сколько? — спросил я, выбирая из горсти мелочи три медных аэса.

— На сколько душа пожелает, — с кривой усмешкой заверил меня зазывала.

Я отдал ему деньги и вошел в шатер.

Очевидно, балаганщик не думал, что я задержусь там надолго, и потому я приготовился к жуткой вони или еще чему-либо столь же малоприятному, но нет: внутри разве что слегка пахло подсыхающим сеном. Посреди шатра, озаренный пронизанным множеством мелких пылинок лучом света, падавшим внутрь сквозь продушину в парусиновом пологе, сидел на цепи человек, бледно-зеленый, словно нефритовое изваяние. Одет он был в нечто наподобие килта из заметно увядших листьев, а рядом с ним стоял глиняный горшок, доверху полный чистой воды.

Какое-то время мы оба молчали. Я, стоя напротив, взирал на него сверху вниз, он же сидел, не сводя глаз с земли.

— Не краска, — заговорил я, — и, думаю, не порошковый пигмент. И волос у тебя не больше, чем у человека, которого на моих глазах вытащили из замурованного дома.

Он поднял взгляд и вновь опустил глаза. Слегка зеленоватыми оказались не только зрачки, но даже белки под веками.

Тогда я решил слегка поддеть его.

— Если ты в самом деле растение, пожалуй, волосы тебе должна заменять трава.

— Нет.

Голос зеленого человека звучал неожиданно нежно; от полного сходства с женским его спасала разве что глубина.

— То есть ты вправду растение? Говорящее растение?

— Ты не из сельских жителей.

— Всего несколько дней, как из Несса.

— И получил кое-какое образование.

Вспомнив о мастере Палемоне, о мастере Мальрубии, о бедной Текле, я лишь пожал плечами.

— Читать и писать обучен.

— Но обо мне ничего не знаешь. Нет, как ты должен бы видеть, я отнюдь не растение, наделенное даром речи. Пусть даже последовав тем самым, единственным эволюционным путем, что ведет к разуму, растение не воплотило бы в древесине и листьях человеческий облик.

— То же самое можно сказать и о камне, однако на свете существуют статуи.

Невзирая на явственное отчаяние во всем облике (печалью на лице он далеко превосходил моего друга Иону), уголки его рта дрогнули в едва заметной улыбке.

— Неплохо подмечено. Вижу, естественным наукам ты не обучен, но образован гораздо лучше, чем полагаешь.

— Напротив, мое обучение было целиком посвящено наукам естественным, хотя и не имеющим никакого отношения ко всем этим фантастическим рассуждениям. Кто ты такой?

— Великий провидец. А также великий лгун, как и всякий, угодивший ногой в капкан.

— Скажи, кто ты такой, и я постараюсь помочь.

Зеленый человек вновь поднял на меня взгляд. В этот миг он действительно мог показаться каким-то огромным растением, внезапно открывшим глаза и показавшим миру человеческое лицо.

— Я тебе верю, — ответил он. — Почему же из многих сотен людей, входивших в этот шатер, именно тебе ведома жалость?

— Жалости я не знаю, однако воспитан в почтении к справедливости и неплохо знаком с алькальдом этой деревни. Зеленый человек — все-таки человек, а если он раб, то его хозяин должен объяснить, как он перешел в рабское состояние и на каких основаниях сам хозяин владеет им.

— Пожалуй, с моей стороны глупо хоть сколько-нибудь тебе доверять, — сказал зеленый человек, — однако ж я тебе верю. Я — человек свободный, а прибыл из вашего собственного будущего ради изучения вашей эпохи.

— Это невозможно.

— Зелень кожи, приводящая всех вас в такое недоумение, — всего лишь результат воздействия растения, которое вы называете тиной. Мы изменяли его, пока оно не обрело способность жить в нашей крови, благодаря чему долгая борьба человечества с солнцем наконец завершилась миром. Эти крохотные растения живут в нас и умирают. Питаемые ими, их мертвыми, наши тела не требуют иной пищи. Голод, тяжелый крестьянский труд — со всем этим покончено навсегда.

— Однако вам необходим свет солнца.

— Да, — подтвердил зеленый человек. — И здесь мне его недостаточно. В мою эпоху дни куда солнечнее.

Сие нехитрое замечание взволновало меня, как ничто иное с тех самых пор, когда я впервые увидел полуразрушенную, лишенную кровли часовню на Разбитом Дворе, в родной моей Цитадели.

— Значит, Новое Солнце грядет, как говорится

в пророчестве, — сказал я, — и в самом деле дарует Урд новую жизнь… если, конечно, ты сказал правду.

Зеленый человек, запрокинув голову, захохотал. Много позже мне довелось слышать голоса альзабо, рыщущих по заснеженным плато среди горных вершин; их хохот ввергает в дрожь, но зеленый человек смеялся еще ужаснее, и я отступил на шаг.

— Ты не человек, — сказал я. — Больше не человек, если вообще когда-либо был им.

Зеленый человек засмеялся вновь.

— Подумать только, а я еще на тебя понадеялся! Эх, бедный я, бедный… думал уж, будто смирился с тем, что умру здесь, среди тех, кто есть всего лишь ходячая пыль, но вот — крохотный проблеск, искорка, и где все это смирение? Развеялось, исчезло, как не бывало! Нет, друг мой, я — человек, настоящий. А ты — нет, и через несколько месяцев меня ждет гибель.

Я вспомнил, чему он сродни, и понял, о чем идет речь. Сколько раз видел я, как ветер треплет замерзшие стебли летних цветов у стен мавзолеев некрополя…

— Понимаю. Впереди немало теплых, солнечных дней, но когда они подойдут к концу,

настанет конец и тебе. Что ж, выращивай семена, пока есть на то время.

Зеленый человек вмиг посерьезнел.

— Ты не веришь мне, а может, даже не сознаешь, что я — такой же человек, как и ты, однако жалеешь меня. Возможно, ты прав. Возможно, к нам вправду пришло новое солнце, но именно потому, что оно пришло, мы об этом забыли. Если сумею вернуться назад, в свое время, непременно расскажу о тебе там.

— Но если ты в самом деле из будущего, так отчего не отправишься домой и таким образом не спасешься от гибели?

— Оттого, что я, как видишь, в цепях.

С этим он выставил вперед ногу, чтоб я смог осмотреть браслет кандалов, сомкнутый на лодыжке. Бериллово-зеленая плоть под ним вспухла, сомкнувшись вокруг стальной полосы — так кора дерева обволакивает надетое на ветку кольцо.

Полог шатра дрогнул, приподнялся, и внутрь заглянул зазывала.

— Ты еще здесь? Снаружи другие ждут.

Многозначительно взглянув на зеленого человека, балаганщик скрылся.

— Намекает, что мне пора спровадить тебя,

не то он закроет продушину и оставит меня без солнца. Заплативших, чтобы взглянуть на меня, я спроваживаю, пророча им будущее, и твое будущее предскажу. Сейчас ты молод, силен. Но прежде, чем этот мир еще десять раз обернется вкруг солнца, сил у тебя станет куда меньше, и столь же сильным, как ныне, тебе не бывать уже никогда. Породив на свет сыновей, ты сам вскормишь себе врагов, а если…

— Довольно! — оборвал его я. — То, что ты мне пророчишь, суждено каждому. Ответь правдиво на один вопрос, и я удалюсь. Я ищу женщину по имени Агия. Где мне ее искать?

Глаза зеленого человека закатились под лоб, так что на виду остались лишь узкие серпики зеленоватых белков. По всему его телу прокатилась волна мелкой дрожи, а после он поднялся, распростер руки в стороны, растопырив пальцы, словно сучки, и неспешно изрек:

— Над землей.

Дрожь унялась, и зеленый человек вновь опустился наземь. Выглядел он куда старше, бледнее, чем прежде.

— Выходит, ты попросту шарлатан, — отвернувшись, сказал я. — А я — недотепа, раз уж поверил тебе хоть на йоту.

— Нет, — прошептал зеленый человек. — Слушай. По пути сюда я миновал все ваше будущее. И кое-какие детали его, пусть весьма смутно, в памяти сохранил. Я говорю только правду, и если ты в самом деле дружен с местным алькальдом, скажу кое о чем еще — надо думать, ему это пригодится. Сам я об этом узнал из расспросов тех, кто приходил до тебя. Некие вооруженные люди намерены освободить человека по имени Барнох.

Вынув из ташки у пояса точильный камень, я разломил его о верхушку кола, к которому крепился другой конец цепи, и подал половинку ему. Вначале зеленый человек не понял, что держит в руках, но миг спустя лицо его прояснилось. Казалось, он расцветает от неописуемой радости, словно уже озарен лучами яркого солнца собственных дней.

IV
Букет

Покинув шатер балаганщика, я поднял взгляд к солнцу. Западный горизонт уже поднялся в небо более чем до половины; еще стража, а то и меньше — и настанет час моего выхода. Агия исчезла, как сквозь землю провалилась, и все надежды перехватить ее были утрачены во время лихорадочной беготни из конца в конец ярмарки, однако пророчество зеленого человека несколько утешало: по-моему, из него следовало, что нам с нею еще суждено встретиться при жизни. Вдобавок, раз уж она пришла посмотреть, как выволакивают на свет Барноха, то вполне может появиться на казни Морвенны с изловленным скотокрадом.

Так рассуждал я поначалу, возвращаясь на постоялый двор. Однако не успел я добраться до комнаты, которую делил с Ионой, как все эти размышления смело волной воспоминаний о Текле и о том, как я был возвышен до подмастерья, навеянных необходимостью сменить новую мирскую одежду на гильдейское облачение цвета

сажи. Вот как прочна она, власть ассоциаций, вот какова сила привычки: ведь гильдейская одежда еще висела за запертой дверью, на колышках, вбитых в стену, а «Терминус Эст» вовсе преспокойно лежал, спрятанный под матрасом!

Во время дежурств при Текле меня нередко забавляла собственная способность предугадать, о чем она заговорит (особенно с чего начнет разговор), в зависимости от природы гостинца, с которым я переступлю порог камеры. К примеру, если я являлся к ней с одним из любимых блюд, украденных с кухни, оно влекло за собой описание застолий в Обители Абсолюта, а разновидность принесенной еды даже определяла характер описываемой трапезы: мясо вдохновляло ее на рассказ об охотничьем ужине под визг и трубный рев изловленной живьем дичи, несущийся снизу, с боен, и множество рассуждений о сворах браше, о соколах и охотничьих леопардах; сладости напоминали о приватных чаепитиях, устраиваемых кем-нибудь из великих шатлен для немногих избранных, для близких друзей и подруг, о восхитительной интимности этих застолий, целиком посвященных слухам и сплетням; фрукты же — о вечерних празднествах на свежем воздухе, в необъятном парке Обители Абсолюта,

при свете тысячи факелов, оживляемых выступлениями искуснейших из жонглеров, актеров, танцовщиц, не говоря уж о фейерверках.

Ела она то сидя, то стоя, а то и расхаживая по камере (три шага из угла в угол), держа тарелку в левой руке, а правой оживленно жестикулируя.

— Вот так, Севериан, все они взвивались в звенящее небо, осыпаясь на землю дождями зеленых и пурпурных искр, а бураки грохотали, словно гром!

Увы, судя по жестам несчастной, ракеты «взвивались» лишь самую малость выше ее головы: высокая, подобно всем экзультантам, Текла едва не цепляла теменем потолок.

— Однако тебе, вижу, скучно. Совсем недавно, принесши мне эти персики, ты выглядел таким радостным, а теперь больше не улыбаешься. Мне просто так приятно обо всем этом вспоминать… Как же я буду рада вновь окунуться в ту атмосферу!

Разумеется, слушать ее вовсе не было скучно. Печаль навевал сам вид молодой, наделенной невероятной, ужасающей красотой женщины в тесной камере…

Стоило мне войти в комнату, Иона извлек из-под матраса «Терминус Эст». Я, подойдя к столу,

налил себе вина.

— Как настроение? — спросил он.

— Об этом я тебя спрашивать должен: тебе ведь раньше подобным заниматься не доводилось.

Иона пожал плечами.

— Да мне-то что. Я тут всего-навсего «принеси-подай». А тебе, значит, уже не впервой? Я сомневался, поскольку ты так молод с виду…

— Нет, не впервой. Только с женщинами еще никогда не работал.

— Полагаешь, она невиновна?

Я в это время снимал рубашку, а высвободив руки из рукавов, утер ею лицо и согласно кивнул.

— Уверен. Накануне вечером я спускался к реке, поговорить с нею, и тебе об этом рассказывал. Ее держат в цепях, у самой воды, где комаров тучи.

Иона тоже потянулся к вину, лязгнул о кружку металлом руки.

— Ты говорил, что она прекрасна, и волосы ее так же черны, как у…

— Как у Теклы. Только у Морвенны прямые, а у Теклы вились.

— Как у Теклы, которую ты, очевидно, любил, как я люблю Иоленту, твою подругу. Признаться, у тебя было куда больше времени, чтоб полюбить. Еще ты рассказывал, что муж и ребенок

Морвенны умерли от какой-то болезни — вероятно, следствия скверной воды. И муж был значительно старше ее годами.

— По-моему, примерно твоих лет, — подтвердил я.

— И что по соседству жила еще женщина, старше Моренны, тоже его желавшая, и теперь она издевается над пленницей.

Рубашки в нашей гильдии полагаются лишь подмастерьям. Натянув брюки, я накинул плащ (цвета сажи, чернее черного) поверх обнаженных плеч.

— Только словесно. Клиентов, подобным образом выставленных властями на всеобщее обозрение, обыкновенно побивают камнями. К нам в руки они попадают сплошь в синяках, нередко — лишившись нескольких зубов, порой с переломами. Женщины, как правило, изнасилованными.

— Ты говоришь, она очень красива. Возможно, люди сочтут ее невиновной. Возможно, над нею сжалятся.

Я поднял «Терминус Эст» и обнажил клинок, позволив мягким ножнам упасть на пол.

— У этой «невиновной» немало врагов. Ее боятся.

Наружу мы двинулись вместе.

Войдя на постоялый двор, мне пришлось пробиваться к лестнице сквозь толпу выпивох. Теперь толпа сама раздалась передо мной в стороны. Лицо я укрыл под маской, а обнаженный «Терминус Эст» взял на плечо. Едва мы вышли за порог, шум ярмарки начал смолкать и вскоре утих до шепота, словно мы оказались в безлюдном лесу, среди негромко трепещущей на ветру листвы.

Казни должны были состояться в самом центре гулянья, и там уже собралась довольно густая толпа. У эшафота стоял калогер в красном, крепко сжимавший в руках крохотный требник. Как и большинство калогеров, годами он был немолод. Рядом с ним, в окружении тех, кто вытаскивал из дома Барноха, ждали своей участи двое пленников. Алькальд по такому случаю, согласно должности, облачился в желтую мантию с золотой шейной цепью.

Согласно обычаям древности, пользоваться ступенями нам не положено (хотя во дворе перед Колокольной Башней я не раз видел, как мастер Гюрло вспрыгивает на эшафот, опираясь на рукоять меча). Весьма вероятно, из всех присутствующих об этой традиции было известно одному только мне, однако нарушать ее я не стал

и под оглушительный, словно звериный вой, рев толпы вскочил на помост, а плащ за моей спиной всколыхнулся наподобие крыльев и плавно, величаво опал.

— «О Предвечный, — читал калогер, — ведомо нам: те, кто погибнет здесь, есть не большее зло, чем мы сами. Подобно их рукам, наши руки также обагрены кровью…»

Я осмотрел плаху. Те, что лишены постоянного надзора мастеров гильдии, издавна славятся скверным, ниже всякой критики, состоянием: «как скамья, широка; тверда, как лоб дурака; и выдолблена, что корыто». Эта двумя первыми качествами соответствовала поговорке как нельзя лучше, однако, милостью святой Катарины, в действительности оказалась слегка выпуклой, и, хотя идиотски твердая древесина наверняка затупит «мужское» лезвие клинка, тут мне, можно сказать, посчастливилось: казнимые разного пола, а значит, и лезвие каждому достанется свежее, острее острого.

— «…твоею волей дано им сей час, очистивши души свои, снискать милость твою. Мы же, кто должен будет предстать перед ними тогда, хотя ныне прольем их кровь…»

Я шире расставил ноги и величественно, словно

персона, наделенная полной властью над церемонией, оперся на меч, хотя, сказать откровенно, не знал даже, кто из двоих вытянул короткую ленточку.

— «О ты, герой, что уничтожит черного змея, пожирающего солнце; о ты, перед кем, точно занавеси, расступается небо; о ты, чье дуновение иссушит, испепелит исполинов Эреба, Абайю и Сциллу, покоящихся под волнами, в пучинах морских; о ты, кто живет и в оболочке мельчайшего семени, что закатилось во мрак непроглядный средь самой глухой лесной чащи…»

На эшафот, ведомая алькальдом, взошла по ступеням женщина, Морвенна. Следом за ней шел человек, подгонявший ее заостренным железным прутом. Кто-то из зрителей завопил во все горло, подавая ему совет весьма непристойного свойства.

— «…яви милосердие тем, кто лишен милосердия. Яви милосердие нам, кому ныне заказано быть милосердными!»

На сем калогер закончил, и к толпе обратился алькальд.

— Наигнуснейшее, противоестественное…

Голос его звучал необычайно высоко; манера разговора разительно отличалась и от той, что

была свойственна ему в обычной беседе, и от высокопарного тона, к которому он прибег, произнося речь с крыльца дома Барноха. Безучастно послушав его минуту-другую (и вглядываясь в толпу в поисках Агии), я вдруг догадался: да он же не на шутку испуган! Ну разумеется, ему ведь придется смотреть на все, чему подвергнутся пленники, с эшафота, вблизи… При этой мысли я улыбнулся, хотя улыбку надежно скрывала маска.

— …из уважения к твоему полу. Однако правая и левая щеки твои будут помечены раскаленным клеймом, кости ног переломаны, а голова отсечена от тела!

(Оставалось только надеяться, что местным властям хватило ума не позабыть о жаровне с углями.)

— Наделенный властью высшего судии, возложенной на мои недостойные плечи милостию Автарха — чьи мысли есть музыка в ушах подданных, — во всеуслышанье объявляю… во всеуслышанье объявляю…

Сбился. Слова забыл?

— «Час твой настал», — шепотом подсказал я.

— Во всеуслышанье объявляю: Морвенна, час твой настал!

— «Коль скоро есть у тебя с чем воззвать к Миротворцу, взывай к нему в сердце своем».

— Коль скоро есть у тебя с чем воззвать к Миротворцу, взывай к нему в сердце своем!

— «Коль скоро есть у тебя что сказать на прощание людям, жить остающимся, говори, да не медли, ибо голоса вскоре лишишься».

Мало-помалу совладавший с собой, алькальд повторил без запинки:

— Коль скоро есть у тебя что сказать на прощание людям, жить остающимся, говори, да не медли, ибо голоса вскоре лишишься!

— Знаю, — негромко, однако отчетливо заговорила Морвенна, — почти все вы считаете меня виновной. Но я ни в чем не повинна. Тех ужасов, в которых вы меня обвинили, я не сделала бы ни за что.

Толпа придвинулась ближе, чтоб лучше слышать.

— Многие из вас свидетели: Стахия я любила всем сердцем. И сына, рожденного от Стахия, любила не меньше.

Мой взгляд привлекло нечто яркое, пурпурно-черное в лучах жаркого весеннего солнца. Такой букет тренодических, траурных роз выглядел бы весьма уместно в руках наемного участника

похоронной процессии, а принесла их Евсевия — та, что при мне издевалась над Морвенной на речном берегу. Сейчас она, с восхищением, полной грудью вдохнув аромат роз, расчистила себе путь их шипастыми стеблями и протолкалась к подножию эшафота.

— Это тебе, Морвенна. Сдохни, пока они не увяли!

Я звучно стукнул о доски скругленным острием меча, требуя тишины.

— Добрый человек, молившийся за меня и говоривший со мной перед тем, как меня привели сюда, — сказала Морвенна, — молил также, чтоб я простила тебя, если достигну блаженства первой. Никогда еще не обладала я властью откликаться на людские молитвы, но его моление моей волею сбудется. Я прощаю тебя.

Евсевия раскрыла было рот, но мой взгляд заставил ее прикусить язык. Стоявший с ней рядом, обнажив в широкой улыбке щербатые зубы, замахал мне рукой, и я не без удивления узнал в нем Гефора.

— Ты готов? — спросила меня Морвенна.

— Готов.

Как раз в этот миг Иона поднял на эшафот жаровню с мерцающими алым углями. Из нее

торчала деревянная рукоять (следовало полагать, рукоять клейма с надлежащими письменами). Не хватало одного — кресла. Я устремил многозначительный взгляд на алькальда, но с тем же успехом мог бы таращиться на вкопанный в землю столб.

— Ваша честь, кресло у нас имеется? — спросил я, не дождавшись реакции.

— Да, я послал двоих. За креслом и за веревками.

— Когда?

(Толпа зароптала, зашевелилась.)

— Пару минут как.

Накануне вечером он уверял, что все будет готово вовремя, но напоминать ему об этом сейчас было бы бесполезно. Впоследствии, с опытом, я накрепко затвердил: в склонности растеряться, струсить на эшафоте с сельским чиновником средней руки не сравнится никто. В эту минуту алькальд разрывался надвое между страстным желанием побыть в центре внимания (какового с началом экзекуции неизбежно лишится) и вполне справедливыми (в силу недостаточной подготовки и твердости духа) опасениями утратить подобающее достоинство. Самый трусливый клиент, восходящий на эшафот, твердо зная, что

приговорен к вырыванию глаз, в девятнадцати случаях из двадцати держится много лучше. Даже застенчивые, до слез робкие киновиты, не привыкшие к шуму толпы, — и те в этом смысле гораздо надежнее.

— Кончай с ней! — крикнули из толпы.

Я перевел взгляд на Морвенну. Изнуренное лицо, чистая кожа, печальная улыбка, огромные карие глаза — все это вполне могло пробудить в умах толпы весьма нежелательное сострадание к казнимой.

— Можно усадить ее на плаху, — сказал я алькальду, и, не сдержавшись, добавил: — В конце концов, плаха для казней и предназначена.

— Да, но связать-то ее нечем…

Я и без того разговорился сверх меры, а посему от изложения своего мнения о тех, кому надлежит связывать казнимого, воздержался.

Не говоря ни слова, я уложил «Терминус Эст» плашмя позади плахи, усадил на плаху Морвенну, вскинул руки над головой в древнем салюте, в правую взял клеймо, левой стиснул запястья Морвенны, приложил клеймо к обеим ее щекам, а после поднял его кверху, все еще раскаленное едва ли не добела. Умолкшая, заслышав пронзительный вопль, толпа разразилась ревом.

Алькальд расправил плечи, выпрямился и словно бы обернулся иным, совершенно новым человеком.

— Позволь им взглянуть на нее, — сказал он.

Этого я надеялся избежать, однако послушно помог Морвенне подняться, взял ее за правую руку и медленно, величаво, будто деревенский танцор, повел ее вкруг помоста. Гефор был вне себя от счастья, и я, вопреки всем стараниям забыть о нем, отчетливо слышал, как он хвалится знакомством со мной перед стоящими рядом.

— Вот, вот! Скоро они тебе пригодятся! — завопила Евсевия, помахав Морвенне букетом.

Завершив круг, я взглянул на алькальда и после некоторой заминки, порожденной его непониманием, в чем причина задержки, получил приказ продолжить.

— Скоро все это кончится? — шепнула Морвенна.

— Да, дело почти завершено. — С этим я вновь усадил ее на плаху и поднял с помоста меч. — Закрой глаза. Закрой глаза и вспомни: всем, кто когда-либо жил, пришлось встретить смерть — даже Миротворцу, что возродится к жизни с приходом Нового Солнца.

Бледные, в обрамлении длинных ресниц, веки

Морвенны сомкнулись, и поднимающегося меча она не увидела. Блеск стали снова заставил толпу умолкнуть, и как только вокруг воцарилась полная тишина, плашмя ударил клинком по ее бедрам. Шлепок заглушил явственный — *крак, крак,* точно хук с правой и хук с левой, завершающие боксерский поединок — хруст ломающихся бедренных костей. На миг Морвенна замерла в прежней позе, лишившись сознания, но еще не упав, и в этот миг я, шагнув назад, перерубил ее шею плавным горизонтальным ударом меча, овладеть коим много труднее, чем наносящимся сверху вниз.

Сказать откровенно, я понял, что все исполнил как должно, только при виде взвившегося над эшафотом фонтана крови, а окончательно убедил меня в том глухой стук упавшей на помост головы. Сам того не сознавая, все это время я нервничал не меньше алькальда.

Это и есть момент, когда — опять же согласно древним обычаям, — традиционная строгость нашей гильдии дает слабину. Хотелось расхохотаться, выкинуть коленце. Алькальд тряс меня за плечо, радостно (как хотелось и мне) лопоча что-то — слов я не разобрал. Вскинув вверх меч, я поднял с помоста за волосы отсеченную голову,

воздел к небесам и ее, а после снова торжественным шагом обошел эшафот кругом, но уже не единожды — дважды, трижды, четырежды. Поднявшийся ветер окропил алыми брызгами и руку, и маску, и обнаженную грудь. Толпа орала, изощряясь в неизбежных остротах:

— А женку мою (муженька моего) пострижешь?!

— Закончишь, колбасы мне полмерки нарежь!

— А шляпку ее теперь можно себе забрать?

Я хохотал над каждой из шуток, делал вид, будто вот-вот швырну головой в шутника, и тут кто-то дернул меня за лодыжку. Была это Евсевия, и, прежде чем она успела сказать хоть слово, мне сделалось ясно: она захлестнута тем самым неудержимым желанием выговориться, которое я не раз наблюдал в нашей башне, среди клиентов. Глаза ее возбужденно блестели, лицо от стараний привлечь к себе мое внимание исказилось так, что она казалась и старше, и в то же время моложе, чем прежде. Криков ее я расслышать не смог и наклонился к ней.

— Невиновна! Она была невиновна!

Объяснять, что осуждена Морвенна не мной, было не время, и потому я просто кивнул.

— Она отняла у меня — у меня! — Стахия и

теперь сдохла! Понимаешь? Сдохла! Да, она была невиновна, но как же я рада!

Я снова кивнул и вновь обошел эшафот по кругу, держа отрубленную голову высоко над собой.

— Это я, я казнила ее, а не ты! — визжала Евсевия.

— Как угодно! — прокричал я в ответ.

— А она была невиновна! Уж я-то ее знала прекрасно! Она во всем осторожничала, и, будь виновата, наверняка бы отравы для самой себя припасла! И умерла бы, прежде чем ты до нее доберешься!

Гефор, схватив ее за плечо, указал на меня.

— Мой господин! Мой! Мой господин!

— Значит, другой кто-то постарался! А может, вправду болезнь…

— Только Демиург властен над справедливостью! — крикнул я.

Рев толпы не смолкал, хоть и сделался к этому времени малость потише.

— Но она отняла у меня Стахия, и теперь ее нет! — И еще, громче прежнего: — Какое счастье! Ее больше нет!!!

С этими словами Евсевия уткнулась лицом в букет, словно стремясь до отказа, до треска наполнить грудь приторным ароматом роз. Я бросил

голову Морвенны в приготовленную для нее корзину и насухо вытер клинок меча лоскутом алой фланели, поданным мне Ионой. Когда же я снова взглянул на Евсевию, та замертво распростерлась у подножия эшафота, под ногами зевак.

Ничего странного я в этом не заподозрил — решил, что ее сердце не выдержало чрезмерной радости. Однако позже, еще до вечера, алькальд отправил букет Евсевии к местному аптекарю с наказом осмотреть розы, и тот обнаружил среди лепестков крупицы сильного, но почти незаметного яда, коего не сумел опознать. Должно быть, Морвенна, поднимаясь на эшафот, прятала его в кулаке, а затем, после клеймения, когда я вел ее вкруг эшафота, бросила в цветы.

Здесь, читатель, позволь мне на время прерваться и поговорить с тобой, как разумный с разумным, хотя, возможно, нас разделяет пропасть шириной не в одну эпоху. Пусть то, что мною уже описано, — от запертых ворот до ярмарки Сальта — охватывает большую часть моей взрослой жизни, а то, что предстоит описать, касается считаных месяцев, сдается мне, повествование еще не дошло даже до середины. Дабы оно не заполнило собою библиотеку, огромную, точно книжное царство старого Ультана, я (пре-

дупреждаю о сем откровенно) многое опускаю. Казнь брата-близнеца Агии, Агила, вошла сюда, так как весьма важна для моей истории, а казнь Морвенны — из-за странности сопутствовавших ей обстоятельств. Прочих описывать я не стану, если только они не представляют некоего особого интереса. Если тебе в радость чужие муки и смерть, удовольствия моя повесть тебе доставит не много. Пока же довольно будет сказать, что скотокрада я тоже подверг предписанным процедурам, на чем его жизнь и закончилась, а в будущем, за чтением о моих дальнейших странствиях, помни: таинства нашей гильдии я свершал всякий раз, когда это приносило сообразный доход, хотя чаще всего об этом особо не упоминаю.

V
Вверх по ручью

В тот вечер мы с Ионой ужинали у себя в комнате, одни. Как оказалось, громкая слава, популярность в глазах толпы не только весьма приятна, но и весьма утомительна: снова и снова отвечать на одни и те же бесхитростные вопросы и вежливо отклонять приглашения выпить со временем надоедает.

По завершении казни у нас с алькальдом вышла небольшая размолвка касательно получения мною платы за выполненную работу: я полагал, что, вдобавок к четверти оговоренной суммы, взятой вперед, при найме, получу сполна за каждого из клиентов, подвергнутых экзекуции, немедля, тогда как алькальд, по его словам, намеревался окончательно рассчитаться со мной лишь после исполнения всех трех приговоров. На подобное я не согласился бы ни за что, а в свете пророчества зеленого человека (о коем, из верности Водалу, предпочел умолчать) — тем более. Впрочем, стоило мне пригрозить не явиться на ярмарку назавтра к полудню, деньги мне тут же были

уплачены, и дело решилось миром.

И вот мы с Ионой сели к столу, собравшись отдать должное исходящему паром блюду горячего мяса и бутылке вина, дверь заперли на засов, а содержателю постоялого двора наказали отвечать всем любопытствующим, что меня в его заведении нет. Пожалуй, расслабиться окончательно мешало только одно: вино в моей кружке живо напомнило о другом, куда лучшем вине, обнаруженном Ионой вчера вечером, после того, как я втайне рассматривал Коготь, в кувшине для умывания.

Должно быть, Иона заметил, как я таращусь на кружку с бледно-розовой жидкостью.

— Помни, — сказал он, наполнив вином свою кружку, — за приговоры ты не в ответе. Не приди ты сюда, их все равно бы казнили, и, вероятно, в не столь умелых руках они претерпели бы куда больше страданий.

Я спросил, к чему он завел этот разговор.

— Я вижу, ты… расстроен происшедшим.

— По-моему, все прошло замечательно, — возразил я.

— Ну, знаешь ли… «В умении я тебе не отказываю — напротив. Однако немного бодрости духа тебе бы не помешало», — как сказал осьминог,

покидая русалку на ложе из водорослей.

— После экзекуции нам всегда становится слегка грустновато. Мастер Палемон не однажды об этом предупреждал, и в моем случае, как выяснилось, не ошибся. Он называл это чисто автоматической функцией психики. В те времена это казалось оксюмороном, но сейчас я думаю, что он, вполне возможно, был прав. Ты видел происходящее или тебя слишком заняли хлопотами?

— Я почти все время стоял на ступенях, у тебя за спиной.

— Оттуда все было видно прекрасно, а значит, ты наверняка заметил: после того как мы решили не дожидаться кресла, процедура пошла как по маслу. Мастерство мое снискало аплодисменты, я стал предметом всеобщего восхищения… а вот затем навалилась апатия. Хандра. Рассуждая о двух разновидностях меланхолии, «тоске по славе» и «тоске по причастности», мастер Палемон говорил, что одни из нас подвержены обеим, другие не подвержены ни одной, третьи же склонны либо к той, либо к другой. Что ж, «тоске по славе» я, как оказалось, подвержен, а вот выяснить, подвержен ли и «тоске по причастности», в Траксе мне, думаю, возможности не представится.

— А что это? — спросил Иона, уткнувшись взглядом в кружку с вином.

— Палачу — скажем так, мастеру из Цитадели — время от времени доводится иметь дело с экзультантами высочайшего разбора. К примеру, по поводу неких особо нежных заключенных, которые могут располагать важными сведениями. При допросах подобных обыкновенно присутствует чиновник немалого ранга. Зачастую он весьма слабо разбирается в тонкостях самых деликатных из процедур и потому задает мастеру вопросы, а может статься, делится с ним определенными опасениями касательно темперамента или здоровья пытуемого. В таких случаях палач чувствует себя пупом мироздания…

— А после, когда дело подходит к концу, проходит и сие ощущение. Да, думаю, я понимаю.

— Ты когда-нибудь видел, как палач запарывает церемонию самым позорным образом?

— Нет. Ты мясо-то есть собираешься?

— Я тоже не видел, но слышал о таких случаях много, оттого и переволновался. Бывает, клиент вырвется и бежит в толпу. Бывает, голову не удается отсечь с одного удара. Бывает, палач растеряется до полной неспособности к работе. Вспрыгивая на эшафот, я, разумеется, никак не

мог знать, что и со мной не случится чего-либо подобного. Кабы вдруг… пожалуй, ни разу бы больше за дело не взялся.

— Ужасный все-таки способ добывать пропитание… как, если помнишь, терновый куст сорокопуту сказал.

— На самом деле я больше ничего не…

Но тут я оборвал фразу на полуслове: напротив, у двери, что-то мелькнуло. Поначалу мне показалось, что это крыса, а крыс я, насмотревшись на клиентов, покусанных ими в темницах под нашей башней, с детства не переношу.

— Что там?

— Белое что-то… — Обойдя стол, я наклонился взглянуть. — Лист бумаги. Кто-то сунул под дверь записку.

— Еще одна женщина, возжелавшая переспать с тобой, — хмыкнул Иона, но к этому времени я уже поднял листок и поднес его поближе к свече.

Действительно, почерк оказался по-женски изящным, убористым, чернила на пергаменте — чуть сероватыми, а говорилось в записке вот что:

Дорогой мой Севериан!
От одного из добрых людей, помогаю-

щих мне, я узнала, что ты находишься в деревне под названием Сальт, то есть неподалеку. В такую удачу даже не верится, но для начала мне нужно знать, сможешь ли ты простить меня.

Клянусь, в страданиях, пережитых тобой ради меня, моей вины нет. Я с самого начала хотела рассказать тебе все как есть, но остальные и слышать об этом не пожелали. По их разумению, знать о задуманном не должен был никто, кроме тех, кому следует (иными словами, кроме них самих), и в конце концов мне прямо сказали: если я не согласна повиноваться во всем, от плана они откажутся, а меня бросят на погибель. Зная, что ради меня ты согласишься и умереть, я осмелилась счесть, что пострадать ради меня ты, будь у тебя выбор, согласишься тоже. Прости меня, Севериан.

Но вот теперь я больше не в заточении и, можно сказать, свободна – сама себе госпожа, пока повинуюсь простым и вполне человечным указаниям доброго Отца Инире, а посему расскажу тебе обо всем, в надежде, что, узнав, как обстоя-

ли дела, ты вправду сможешь простить меня.

Об аресте моем ты знаешь и, несомненно, помнишь, как рьяно ваш мастер Гюрло заботился о моих удобствах, как часто навещал меня в камере ради бесед или приказывал привести к себе, дабы допросить вместе с прочими мастерами. Все это – потому, что мой покровитель, добрый Отец Инире, поручил ему уделять мне сугубое внимание.

С течением времени, убедившись, что Автарх не освободит меня, Отец Инире решил устроить мне освобождение сам. Не знаю уж, чем он пригрозил мастеру Гюрло, чем его подкупил, но этого оказалось довольно, и за несколько дней до моей смерти – мнимой смерти, дорогой мой Северианн, – мастер Гюрло объяснил мне, как все будет организовано. Разумеется, одним освобождением дело вовсе не ограничивалось. Освобождение следовало обставить так, чтобы меня не стали разыскивать. Для этого лучше всего подходила смерть в заточении, однако мастеру Гюрло было строго-настрого

приказано моей смерти не допустить.

Теперь ты, несомненно, догадываешься, как нам удалось преодолеть это хитросплетение препятствий. Меня было решено подвергнуть пытке устройством, воздействующим на пытуемого лишь внутренне, не наружно, и загодя обезвреженным мастером Гюрло так, чтобы на самом деле я нисколько не пострадала. Далее, когда ты решишь, что меня терзают нестерпимые муки, мне надлежало попросить тебя о помощи – о возможности покончить с полной страданий жизнью, и все прошло, как было задумано. Ты раздобыл мне нож, а я, слегка, неглубоко порезав плечо, присела у входа так, чтоб немного крови просочилось под дверь, измазала кровью горло, улеглась поперек кровати, и ты, заглянув ко мне в камеру, нашел меня «мертвой».

Ты ведь ко мне заглядывал? Я лежала недвижно, будто и вправду мертва. Глаза мои были закрыты, но, кажется, в этот миг я почувствовала твою боль. Почувствовала и едва не заплакала, и до сих пор помню, как тогда перепугалась: что,

если ты увидишь слезы? Наконец, услышав, как стихли твои шаги, я перевязала плечо, смыла кровь с лица и шеи, а вскоре за мной пришел мастер Гюрло. Прости меня, Севериан.

Теперь я увижу тебя снова, и, если Отец Инире выхлопочет мне помилование (кого он торжественно обещал добиться), нам больше незачем будет расставаться. Однако отправляйся ко мне немедля: я жду от него гонца, а дождавшись, должна буду лететь в Обитель Абсолюта, дабы припасть к стопам Автарха, чье имя – трижды благословенный целебный бальзам на опаленных лбах верных рабов его.

Обо всем этом не говори никому. От Сальта следуй на северо-восток, пока не увидишь ручей, впадающий в Гьёлль. Дальше ступай против течения, и обнаружишь, что вытекает он из устья старой каменоломни.

Здесь я должна поделиться с тобой страшной тайной, которой ты ни под каким видом не должен раскрывать кому-либо еще. Каменоломня эта – сокровищница Автарха: здесь он хранит огромные суммы денег в звонкой монете, множество золотых слитков и драгоценных камней на случай, если однажды будет вынужден оставить Трон Феникса. Охраняют ее верные слуги Отца Инире, но тебе бояться их ни к чему. Они имеют приказ повиноваться мне, а я, рассказав им о тебе, велела пропустить тебя беспрепятственно. Войдя в каменоломню, снова ступай вверх по течению до самого конца, где ручей изливается из камня. Там я и жду, там и пишу тебе в надежде, что ты простишь меня.

Текла.

Не могу описать, с какой радостью я прочел и перечел это письмо! Видя мое лицо, Иона — полагаю, решив, что я на грани обморока, — вскочил с кресла, устремился ко мне, но тут же отпрянул прочь, словно от помешавшегося. Когда я наконец сложил письмо и сунул его в ташку, он не

стал ни о чем расспрашивать (да, Иона был мне истинным другом), однако всем видом выразил готовность помочь.

— Мне нужен твой мерихип, — сказал я. — Позволишь взять?

— Разумеется. Но…

Однако я уже отодвигал дверной засов.

— Нет, вместе нельзя. Если все обернется благополучно, я позабочусь, чтоб мерихипа тебе вернули.

Сбегая по лестнице вниз, я словно бы слышал, как письмо в ташке говорит со мной голосом Теклы, а к тому времени, как вошел в конюшню, действительно вовсе лишился разума. Едва я начал искать мерихипа Ионы, на глаза мне попался огромный — спина выше уровня глаз — дестрие. Понятия не имевший, кто мог приехать на таком скакуне в мирную деревушку, я не задумался о том ни на миг. Без колебаний вскочил я на его спину, обнажил «Терминус Эст» и одним взмахом рассек поводья, коими он был привязан.

Лучшего скакуна я в жизни не видывал. Одним прыжком он покинул конюшню, вторым же миновал двор и оказался на улице. Какое-то (впрочем, совсем недолгое) время я опасался, что он споткнется о растяжку одного из шатров, одна-

ко на ногах дестрие держался твердо, уверенно, точно танцовщик. Улица вела на восток, к реке, и, как только мы миновали дома, я направил его влево. Легко, будто мальчишка — палку, перепрыгнув стенку ограды, мой дестрие галопом, во весь опор, помчался через выпас, мимо быков, поднявших рога к зеленой луне.

Наездник из меня и сейчас неважный, а уж в ту пору я вовсе ездил верхом из рук вон плохо. Несмотря на высокое седло, со скакуна похуже я, пожалуй, свалился бы, не одолев и пол-лиги, но краденый дестрие, при всей своей быстроте, несся вперед гладко, ровно, как тень. Должно быть, со стороны мы — он вороной масти, я в плаще цвета сажи — и впрямь казались летящей тенью. Скакун мой не замедлял шага, пока мы с плеском не пересекли упомянутый в письме ручей. Там я его придержал — отчасти натянув поводья, но больше словами, и он послушался меня, точно брата родного. Тропинки ни на том, ни на другом берегу не нашлось, а заросли вскоре подступили вплотную к воде. Тогда я направил дестрие в русло ручья (хотя в воду он пошел весьма неохотно), и мы двинулись дальше среди пенистых струй, будто по ступеням, одолевая глубокие омуты вплавь.

Больше стражи шли мы вперед по ручью, сквозь лес, почти такой же, как тот, в который вошли мы с Ионой, вынужденно расставшись с Доркас, доктором Талосом и остальными у Врат Скорби. Затем берега сделались заметно выше, обрывистее, деревья же — приземистее, кривей. На дне ручья начали попадаться камни, судя по правильной форме, обработанные рукой человека, и я понял: мы в краю рудников, а внизу, под копытами дестрие, лежат руины некоего большого города. Подъем становился все круче, и дестрие, при всей твердости поступи, время от времени спотыкался на скользких камнях, так что мне пришлось, спешившись, вести его в поводу. Таким манером мы миновали череду небольших сонных лощин, укрытых непроглядной тенью собственных склонов, местами пронзаемой зеленым лунным лучом. Если не брать в расчет журчания воды, повсюду вокруг царила полная тишина.

Наконец русло ручья привело нас в лощинку намного теснее, уже любой из предыдущих, и в конце ее — примерно в чейне от нас, в склоне озаренной луною отвесной скалы — темнело жерло пещеры. В ней-то и брал начало ручей, струившийся наружу, словно слюна из пасти ока-

меневшего титана. Отыскав у воды относительно ровный клочок суши, я вывел дестрие на берег и кое-как исхитрился привязать его остатками уздечки к карликовому деревцу.

Когда-то к руднику, несомненно, вела деревянная эстакада, однако брусья ее давным-давно сгнили, распались в труху. При свете луны отвесный склон казался неприступным, однако я, отыскав в древнем камне несколько выступов, сумел взобраться наверх обок от струй звенящего водопада.

Стоило уцепиться за край проема, снизу, со дна лощины, раздался какой-то шум — хотя, возможно, мне это просто почудилось. Приостановившись, я оглянулся назад. Журчание воды заглушало любые звуки, не столь внушительные, как сигнал горна или грохот взрыва, и этот шум поглотило тоже, однако нечто сродни удару камня о камень, а может, всплеску, я все-таки разобрал.

С виду в долинке царили тишина и покой — разве что мой дестрие переступил с ноги на ногу, и в лунном луче на миг мелькнула его гордо поднятая голова и склоненные вперед, к морде, уши. Взглянув на него, я решил, что мой скакун всего-навсего топнул о камень подбитым ста-

лью копытом, недовольный слишком короткой привязью, и, подтянувшись, шагнул в темноту подземелья — чем, как впоследствии выяснилось, спас себе жизнь.

Пускаясь в подобное моему предприятие, зная, куда придется войти, любой человек, наделенный хоть толикой разума, прихватил бы с собою фонарь с изрядным запасом свечей. Я, вне себя от известий о том, что Текла жива, о фонаре загодя не подумал и посему ощупью, неторопливо двинулся дальше. Не успел я сделать и дюжины шагов, как свет луны, озарявшей лощинку, померк за спиной. Под сапогами плескалась вода, и шел я тем же образом, каким вел вверх по ручью дестрие. «Терминус Эст» висел за левым плечом, но намочить кончик ножен я нисколько не опасался: своды туннеля были так низки, что идти мне пришлось, согнувшись едва ли не вдвое. Шел я так долго, и все это время терзался сомнениями: что, если я все перепутал и Текла ждет — напрасно ждет — меня где-то еще?

VI
Голубое сияние

К шуму воды я привык настолько, что, спроси кто, ответил бы, будто шел в полной тишине; однако это было вовсе не так, и когда тесный туннель весьма неожиданно вывел меня в столь же темное просторное подземелье, я сразу же понял это по изменившемуся напеву ручья. Еще шаг, еще — и я поднял голову. Нет, макушка не стукнулась о неровный каменный свод. Тогда я поднял вверх руки, но потолка не нащупал. Сняв с плеча «Терминус Эст», я взмахнул защищенным ножнами клинком. Вновь ничего.

Мой следующий поступок ты, читатель сего повествования, наверняка сочтешь глупостью, хотя должен бы помнить: мне было сообщено, что стерегущие рудник предупреждены о моем прибытии и получили приказ не чинить мне вреда. Я во весь голос окликнул Теклу по имени.

— Текла… Текла… Текла… — отозвалось эхо.

Вновь тишина.

Тут я вспомнил, что должен идти вдоль течения, пока не дойду до места, где ручей вытекает из

камня, а пока что его не достиг. Возможно, здесь, под горой, коридоров не меньше, чем лощин там, снаружи? С этой мыслью я ощупью, выставив вперед руку, на каждом шагу опасаясь разбить лоб о камень, двинулся дальше.

Не успел я сделать и пяти шагов, как издали, перекрывая шепот ровно, неспешно текущей воды, донесся негромкий, однако отчетливый шум. Не успев сделать еще пяти шагов, я увидел впереди свет.

То были не изумрудные отсветы легендарных лунных лесов, и не тот свет, который могли бы иметь при себе стражники — не багровое пламя факела, не золотистый огонек свечки и даже не ослепительно-белый луч, какие мне иногда доводилось увидеть, когда над Цитаделью проносился один из флайеров Автарха. Скорее то было некое дымчатое мерцание, местами казавшееся не имеющим цвета, местами отливавшее нечистой зеленоватой желтизной. Далеко ли до него, понять я не смог, а формы оно словно бы не имело вовсе. Видя, что свет не гаснет, я с плеском, по-прежнему держась в русле ручья, поспешил к нему. Еще немного, и к первому огоньку присоединился второй.

На событиях, последовавших далее, сосре-

доточиться нелегко. Вероятно, некие минуты неодолимого животного страха заключены в подсознании, в памяти каждого, словно в наших подземных темницах, на самых нижних их уровнях, отведенных клиентам, чей разум давным-давно уничтожен, утрачен либо обращен в нечто нисколько не схожее с разумом человека. Подобно им, воспоминания эти визжат, хлещут о стены цепями оков, однако нечасто поднимаются столь высоко, чтоб снова увидеть свет.

Пережитое в недрах горы остается при мне точно так же, как упомянутые клиенты остаются при гильдии. Да, я стараюсь держать его взаперти, в самых укромных уголках памяти, однако время от времени все-таки вспоминаю. (Не так уж давно, в одну из ночей, когда «Самру» еще пребывал близ устья Гьёлля, я, взглянув за борт с кормы, увидел фосфоресцирующие кляксы, вспыхивавшие там, где весла касались воды, и на миг мне почудилось, что за мною наконец-то явились те самые, обитающие под горой. Да, теперь они повинуются мне, но от этого вовсе не легче.)

Как я уже рассказывал, к первому огоньку присоединился второй, к первым двум — третий, к первым трем — четвертый, а я все шел, шел, шел вперед. Вскоре огоньков сделалось столько, что

не сосчитать, однако, не зная, что это такое, при виде них я успокоился, воспрянул духом, решил, будто каждый — свет некоего факела неведомой мне конструкции, а факел тот держит в руках один из стражей, упомянутых в письме. Пройдя еще около дюжины шагов, я увидел, что огоньки образуют контуры, очертания наконечника дротика или стрелы, указывающего в мою сторону. Затем я услышал негромкий, едва уловимый рев сродни тому, что в Цитадели доносился со стороны башни под названием «Медвежья», когда содержавшимся там зверям задавали корм. Пожалуй, даже в эту минуту я еще мог бы спастись, если бы развернулся и пустился бежать.

Но нет, назад я не побежал. Чем-то неуловимо отличавшийся и от звериных криков, и от воплей разъяренной до крайности толпы народу, рев нарастал, становился все громче и громче. Вскоре я смог разглядеть, что огоньки отнюдь не бесформенны, как мне казалось прежде: каждый из них напоминал фигуру, называемую в искусстве звездой — звезду о пяти лучах неравной длины.

Вот тут-то — с прискорбнейшим запозданием — я и остановился.

К этому времени неверные, бесцветные отсветы «звезд» достигли такой яркости, что я

смог разглядеть огромные тени вокруг. По обе стороны от меня высились темные, судя по прямоугольным очертаниям, рукотворные громады: казалось, я вошел в погребенный (однако не рухнувший под тяжестью навалившейся сверху земли) город, из коего рудокопы Сальта извлекали свои сокровища. Среди этих громад торчали над полом массивные приземистые колонны, поражавшие странной, упорядоченной иррегулярностью кладки, сродни той, какую я не раз замечал в поленницах дров, где любое полено отличается от остальных и размерами, и формой, однако все вместе составляют единое целое. Колонны неярко мерцали, и мертвенный свет надвигавшихся звезд, отражаемый ими, казался не столь зловещим или по меньшей мере обретал некую красоту.

Какой-то миг я дивился на эти колонны, а затем, снова взглянув на звезды, впервые смог разглядеть… *их*.

Приходилось ли тебе когда-нибудь из последних сил, среди ночи, идти на свет в окне далекого деревенского домика и обнаружить в итоге, что это сигнальный огонь огромной крепости? Или, взбираясь на гору, поскользнуться, а удержавшись в последний момент, взглянуть вниз и

увидеть, что пропасть внизу во сто раз глубже, чем ты полагал? Если да, то некоторое понятие о моих чувствах ты, читатель, сумеешь составить легко. «Звезды» оказались вовсе не огоньками, но фигурами, схожими с человеческими, а крохотными выглядели лишь потому, что окружавшее меня подземелье было намного просторнее, чем я мог себе вообразить. Все эти люди, не слишком похожие на людей, куда шире в плечах, куда сильней сгорбленные, чем люди, мчались прямо ко мне. Мчались и на бегу издавали тот самый рев, донесшийся до меня издали.

Я развернулся и, обнаружив, что бежать по воде не могу, поднялся на берег, где возвышались темные строения. К этому времени бегущие приблизились почти вплотную, а некоторые, обогнув меня справа и слева, отрезали мне путь наружу.

Ужасны они были в манере, которую я вряд ли сумею как следует описать. Подобно крупным обезьянам, мохнатые, сутулые, длиннорукие, коротконогие, толстошеие, существа эти обладали массивными челюстями и клыками вроде клыков смилодона — кривыми, острыми, точно зубья пилы, торчащими книзу из пасти едва ли не до ключиц. Однако в ужас меня повергло вовсе не это и даже не фосфорический свет, испускаемый

их шерстью. Выражения лиц их — вероятнее всего, нечто в огромных, с бледными до незаметности зрачками глазах — свидетельствовали: передо мною такие же люди, как и я сам. Подобно старикам, живущим в плену дряхлеющих тел; подобно женщинам, пленницам тел слабосильных, превращающих обладательницу в жертву непристойных влечений многих тысяч мужчин, обступившие меня кольцом были заперты в обличье жутких, омерзительных обезьян и, судя по взглядам, прекрасно сие понимали. Это-то и внушало особый, ни с чем не сравнимый ужас — тем больший, что глаза их, в отличие от всего прочего, не испускали света.

Набрав в грудь побольше воздуха, я снова окликнул Теклу, но тут же все понял, сомкнул губы и обнажил «Терминус Эст».

Один из людей-обезьян, самый широкоплечий и рослый или по меньшей мере самый храбрый, двинулся на меня. В руке он держал короткую палицу с древком из бедренной кости. Остановившись передо мной, едва-едва вне пределов досягаемости меча, обезьяночеловек погрозил мне палицей, взревел и шлепнул металлическим навершием оружия о долгопалую широкую ладонь.

Услышав плеск воды за спиной, я обернулся и увидел еще одного светящегося обезьяночеловека, подбирающегося ко мне с тыла. От удара мечом он отпрыгнул, однако скругленное острие чиркнуло его поперек тела, под мышкой, а клинок был столь превосходен, столь великолепно закален и безупречно отточен, что рассек и ребра, и даже грудинную кость.

Противник упал, и течение понесло его труп прочь, но за миг до того, как удар достиг цели, я заметил, что в ручей он вошел с явным отвращением, а вода замедлила его шаг не меньше, чем замедлила мой. Развернувшись так, чтобы видеть всех нападающих, я отступил назад, в воду, и медленно попятился к выходу из подземелья. Казалось, стоит достигнуть тесного туннеля, и мне ничто не грозит, однако я понимал: уйти мне не позволят.

Людей-обезьян вокруг столпилось не меньше нескольких сотен. Испускаемый ими свет сделался так ярок, что я сумел отчетливо разглядеть все вокруг.

Прямоугольные громады, высившиеся вокруг, действительно оказались зданиями — очевидно, весьма древней постройки, из цельного серого камня, сплошь испятнанного пометом летучих

мышей.

Неровные же колонны были штабелями металлических слитков — судя по цвету, серебряных, — каждый новый слой уложен поперек предыдущего, в каждом штабеле около сотни штук, а штабелей здесь, в погребенном под землей городе, наверняка насчитывалось не менее тысячи.

Все это я успел разглядеть, сделав полдюжины шагов. На седьмом шаге противники (по крайней мере десятка два) бросились ко мне разом со всех сторон. Тут уж о чистом отсечении голов от туловищ не могло быть и речи. Я описал мечом круг, другой, третий, и эхо его пения, отраженное от каменных стен и свода, заполнило подземный мир от края до края, перекрыв рев и вопли.

В такие минуты ощущение времени совершенно сходит с ума. Помню стремительную атаку, помню, как лихорадочно отбивался, однако сейчас, в ретроспективе, у меня возникает ощущение, будто произошло все, так сказать, в один вдох. Двое, пятеро, десяток врагов пали мне под ноги, в мертвенном свете вода вокруг почернела от крови, тела убитых и умирающих плотиной перегородили русло ручья, однако враги наседали и наседали. Удар, пришедшийся по плечу,

казался достойным кулака великана. «Терминус Эст» выскользнул из ослабевших пальцев, и я, сбитый с ног тяжестью навалившихся тел, с головой погрузился под воду. Клыки противника вонзились в плечо, точно пара гвоздей, но — видимо, слишком боявшийся захлебнуться и утонуть — дрался он не в полную силу. Глубоко вонзив пальцы в широкие обезьяньи ноздри, я довольно легко свернул ему шею, хотя она казалась куда как крепче человеческой.

Задержав дыхание до тех пор, пока не выберусь из подземелья в туннель, я вполне мог бы спастись. Похоже, люди-обезьяны потеряли меня из виду, и мне удалось немного отплыть под водой вниз по течению, но тут легкие нестерпимо заныли, требуя воздуха, а стоило поднять голову над водой, враги вновь устремились в атаку.

Вне всяких сомнений, для каждого наступает час, когда ему суждено умереть. Этот я с тех самых пор неизменно считаю своим, а всю жизнь, прожитую после, — чистой выгодой, излишком, незаслуженным даром. Я остался без оружия, с онемевшей, располосованной клыками правой рукой. Видя это, люди-обезьяны осмелели, и эта смелость подарила мне еще пару мгновений жизни, так как спешащие покончить со мною враги

изрядно мешали друг другу. Одного я встретил пинком в лицо, другой ухватил меня за сапог, дернул; над водой вспыхнул свет, и я — инстинктивно ли или по наитию свыше — поднял кверху выхваченный из-за голенища Коготь.

Словно вобрав в себя весь мертвенный свет, испускаемый телами врагов, и окрасив его цветом жизни, камень вспыхнул чистейшей лазурью, озарил подземелье от края до края. На миг люди-обезьяны замерли, как по сигналу гонга, а я вскинул самоцвет над головой, сам не зная, на что (если вообще хоть на что-то) надеюсь — перепугать их до полусмерти или на что-то еще.

Однако далее дело приняло совершенно неожиданный оборот. Люди-обезьяны не бросились в бегство, визжа от ужаса, но и атаки не возобновили. Все они дружно подались назад, так что ближайшие отодвинулись от меня шага этак на три, и пали передо мной на колени, уткнувшись лицами в каменный пол. Под землей вновь, как в ту минуту, когда я вошел в рудник, наступила полная тишина, нарушаемая лишь негромким бормотаньем ручья, но теперь я мог разглядеть все вокруг — от ближайших ко мне штабелей потускневших серебряных слитков до самого конца, до развалин стены, с которой спускались

гурьбой люди-обезьяны, казавшиеся издали россыпью неярких огоньков.

Не отворачиваясь от них, я сделал шаг назад. Люди-обезьяны подняли головы. Выражения их лиц сделались человеческими. Увидев их в эту минуту, я понял: клыки, глаза-блюдца, огромные вислые уши — наследие бессчетных эонов нелегкой жизни во тьме. Когда-то мы, люди, — так говорят маги — были обезьянами и, горя не зная, жили в лесах, поглощенных пустынями столь давно, что названия их позабыты. Старикам, когда годы затуманивают их разум, свойственно впадать в детство. Быть может, и человечество, подобно дряхлому старцу, вернется к истлевшему прежнему облику, когда старое солнце наконец угаснет, умрет, оставив нас в темноте, среди груд костей? Увидевшему перед собой наше будущее — по крайней мере одно из возможных будущих, — мне стало жаль их, одержавших победу во множестве подземных сражений за жизнь, куда сильнее, чем тех, кому довелось пролить кровь той бесконечной ночью.

Как уже говорилось, я двинулся назад, сделал шаг, еще шаг, однако никто из людей-обезьян остановить меня не попытался. И тут я вспомнил об оброненном «Терминус Эст». Выйдя живым,

целым и невредимым из безнадежной битвы, я презирал бы себя до конца дней, если б оставил его на поле боя. Мысль о его утрате казалась невыносимой, и я снова шагнул вперед, высматривая блестящий клинок меча в свете Когтя.

В тот же миг лица странных, уродливых созданий прояснились, засияли — судя по взглядам, эти люди надеялись, что я решил остаться среди них, а значит, чудесное голубое сияние Когтя тоже останется с ними отныне и навсегда. Но сколь бы ужасным ни казалось это сейчас, изложенное на бумаге, в действительности, на мой взгляд, ужасаться тут было нечему. Несмотря на все их звероподобие, жуткие лица людей-обезьян лучились благоговейным восторгом, и мне подумалось (как думается и сейчас), что если эти люди, обитатели сокрытых в глубинах Урд городов, во многих отношениях хуже нас, то во многих других отношениях, благословленные неприглядной, неуклюжей невинностью, намного нас превосходят.

Искал я и там и сям, оглядел дно ручья от берега до берега, но меча не оказалось нигде, хотя свет Когтя с каждой минутой сиял все ярче и ярче, так что вскоре от каждого из каменных зубьев, свисавших со свода огромного подземелья, потя-

нулась вдаль длинная, как смоль черная тень. В отчаянии я обратился к коленопреклоненным:

— Мой меч… Где мой меч? Может, его взял кто-то из вас?

Если б не страх потерять «Терминус Эст», заговорить с ними мне бы и в голову не пришло, однако меня, очевидно, поняли. Люди-обезьяны залопотали о чем-то, обращаясь то друг к другу, то ко мне, принялись, не вставая с колен, объяснять знаками, что драться больше не станут, протягивать мне — возьми, дескать, возьми, если нужно — дубины и копья из заостренных костей.

Внезапно журчание воды и ропот людей-обезьян перекрыл новый звук. Все вокруг разом умолкли. Пожалуй, именно так скрежетали бы зубы великана-людоеда, вознамерившегося отгрызть ноги самого мира. Дно ручья подо мной (я все еще стоял в воде) дрогнуло; вода, до сих пор чистая, точно хрусталь, помутнела от ила, дымными прядями потянувшегося вниз по течению. Донесшийся откуда-то снизу глухой удар вполне мог оказаться первым шагом, поступью огромной башни в начале Последнего Дня, когда, как гласит пророчество, все города и селения Урд сойдут с мест, устремившись навстречу восходу Нового Солнца.

За первым шагом последовал второй.

Люди-обезьяны вмиг повскакали на ноги и, пригнувшись пониже, молча, проворно, словно стая летучих мышей, помчались в глубину подземелья. Свет сразу же начал меркнуть: видимо, как я и опасался, светил Коготь вовсе не мне, а им.

Из-под земли донесся третий тяжелый шаг, а с ним угасли и последние отблески света, но тут, за миг до того, как все вокруг окутала тьма, я увидел «Терминус Эст» — под водой, в самом глубоком месте. Уже в темноте я спрятал Коготь за голенище, нащупал на дне ручья меч и обнаружил, что от онемения, сковывавшего руку, не осталось даже следа: казалось, рука так же здорова, сильна, как перед боем.

Под грохот четвертого шага я развернулся и пустился бежать, нащупывая путь клинком. Сейчас мне, пожалуй, известно, что за создание вызвали мы из недр континента, но в то время я этого не знал, как не знал и причины его пробуждения — послужил ли ею рев людей-обезьян, или свет Когтя, или же что-то еще. Знал я одно: там, глубоко внизу, обитает некто, от кого люди-обезьяны, при всем своем устрашающем виде и многочисленности, разбежались врассыпную, рассеялись, будто искры по ветру.

VII
Убийцы

Вспоминая, как во второй раз миновал тоннель, ведущий наружу, я не могу избавиться от ощущения, будто путь занял целую стражу, если не более. Наверное, мои нервы, истерзанные немеркнущими воспоминаниями, никогда не отличались особой прочностью, а в то время были натянуты, как струна, отчего каждые три шага вполне могли показаться целой жизнью. К тому же я, разумеется, был не на шутку напуган. Да, трусом меня не называли с раннего детства, а мою храбрость в определенных случаях отмечали самые разные люди. Я, не колеблясь, исполнял обязанности члена гильдии, дрался и в одиночку, и на войне, взбирался на отвесные скалы, а около полудюжины раз чудом не утонул. Однако, на мой взгляд, вся разница между тем, кого зовут храбрецом, и тем, кого клеймят трусом, состоит в том, что второй страшится надвигающейся угрозы, а первым страх овладевает уже после того, как опасность миновала.

Конечно же, в минуты серьезной опасности

особого страха не испытывает никто: мысли слишком уж сосредоточены на угрозе и действиях, необходимых для ее отражения либо предотвращения. Посему трус боится, так как заранее несет в себе страх: не зная о грядущей опасности загодя, люди, считающиеся трусами, порой изумляют нас мужеством.

Вот, скажем, мастер Гюрло, коего я мальчишкой считал одним из самых отчаянных храбрецов на свете, трусом был несомненным. Во времена, когда над учениками капитанствовал Дротт, мы с Рохом обычно менялись обязанностями, поочередно прислуживая то мастеру Гюрло, то мастеру Палемону, и как-то раз, вечером, удалившись в свою каюту, мастер Гюрло велел мне остаться при нем, чтоб наполнять его кружку, и принялся со мной откровенничать.

— Известна ли тебе, парень, клиентка по имени Ия? Дочь армигера, с виду весьма недурна.

Как ученик, с клиентами я дело имел нечасто и потому отрицательно покачал головой.

— Так вот, она подлежит надругательству.

— Да, мастер, — представления не имея, о чем речь, откликнулся я.

— Претерпеть надругательство от палача — для женщины величайший позор. Для мужчины,

впрочем, тоже.

Коснувшись груди, он запрокинул голову и взглянул на меня. Голова его для человека столь рослого и плечистого была на удивление мала; носи он рубашку или куртку (которых, разумеется, никогда не носил), с виду могло бы показаться, будто его одежда подбита ватой.

— Да, мастер.

— Уж не предлагаешь ли ты исполнить сие за меня? Молодой парень, полный жизненных сил… только не говори, будто у тебя там волосы еще не растут!

Тут я наконец понял, о чем он говорит, и сказал, что даже не думал, будто подобное позволительно, поскольку я еще ученик, но, если он отдаст такой приказ, разумеется, повинуюсь.

— Да уж, конечно. Она, понимаешь ли, собой отнюдь не уродина, только рослая очень, а рослых я не люблю. Можешь не сомневаться: поколение или два тому назад в эту семейку затесался экзультантский бастард. Кровь, как говорится в народе, сама во всем сознается, хотя в полной мере эта поговорка понятна только нам. Так что же, хочешь исполнить предписанное?

С этим он протянул ко мне кружку, и я наполнил ее.

— Если мастеру будет угодно.

Сказать откровенно, его предложение привело меня в необычайное возбуждение: обладать женщиной мне не доводилось еще никогда.

— Нельзя. Исполнить предписанное надлежит мне. Что, если меня подвергнут допросу? Опять же я и заверить все должен, бумаги положенные подписать. Я двадцать лет в мастерах хожу и ни разу еще в документах подлога не допускал. Ты небось полагаешь, будто я… неспособен?

Подобных мыслей — как и противоположных (будто он мог до сих пор сохранить кое-какую потенцию) мыслей о мастере Палемоне, из-за седин, поникших плеч и линз на глазах казавшемся одряхлевшим целую вечность тому назад — мне в голову прежде ни разу не приходило.

— Что ж, погляди-ка на это, — продолжил мастер Гюрло, грузно поднявшись с кресла.

Один из тех, кто способен твердо держаться на ногах и говорить внятно даже в изрядном подпитии, к шкафу он подошел вполне уверенно, хотя мне на миг показалось, будто мастер вот-вот уронит снятую с полки склянку. В склянке, под крышкой синего фарфора, хранился какой-то темно-коричневый порошок.

— Здесь, внутри, редкое сильнодействующее

снадобье. Не подведет ни за что. Ты им когда-нибудь тоже воспользуешься, и потому тебе следует о нем знать. Берешь на кончик ножа не больше, чем под ногтем поместится, понятно? Примешь слишком много — пару дней на люди показаться не сможешь.

— Запомню, мастер, — сказал я.

— Порошок, разумеется, ядовит. Все подобные снадобья — яды, а это — из ядов лучшее: чуть больше, чем столько, и смерть. А принимать снова — не раньше, чем луна сменится, ясно?

— Возможно, пусть лучше брат Корбиниан дозу отвесит, мастер?

Брат Корбиниан был нашим аптекарем, а вспомнил я о нем, испугавшись, как бы мастер Гюрло не проглотил целую ложку снадобья у меня на глазах.

— Мне? Я в этом не нуждаюсь.

С презрительной усмешкой закрыв склянку, он звучно грохнул ею о полку шкафа.

— Это прекрасно, мастер.

— Вдобавок, — заговорщически подмигнул он, — у меня вот что есть.

Откинув клапан ташки, мастер Гюрло вынул из нее металлический фаллос около полутора пядей в длину, на кожаном ремешке, продетом в

отверстие у основания.

Возможно, это покажется читающим сии строки сущим идиотизмом, но поначалу я не смог догадаться, для чего нужна подобная штука, несмотря на ее несколько утрированную реалистичность. В голове родилась дикая мысль: быть может, мастер спьяну впал в детство, уподобившись мальчугану, не видящему существенной разницы между игрушечным деревянным скакуном и настоящим, живым дестрие? Подумав об этом, я едва удержался от смеха.

— «Надругательство» — так в предписании сказано… вот это-то, понимаешь ли, и оставляет нам лазейку.

С этим он хлопнул металлическим фаллосом о ладонь (если вдуматься, в точности так же, как грозивший мне обезьяночеловек — палицей). Тут я все понял, и меня охватило необычайное отвращение.

Однако сейчас в такой же ситуации я испытал бы даже не отвращение. Клиентке я нисколько не сострадал, поскольку не задумывался о ней вовсе: нечто вроде отвращения вызывал сам мастер Гюрло, при всем своем мощном сложении и огромной силе вынужденный полагаться на коричневый порошок и, мало этого, на показан-

ный мне металлический фаллос, словно бы (а может, и вправду) отпиленный от какой-нибудь статуи. Дело в том, что однажды он на моих глазах исполнил сию процедуру (действовать в том случае надлежало немедля, так как клиентка могла умереть, не дожив до ее исполнения) без порошка, без металлического фаллоса — и без каких-либо затруднений.

Таким образом, мастер Гюрло был трусом. Однако, вполне может статься, трусость его куда лучше той храбрости, что проявил бы на его месте я, ибо и храбрость — отнюдь не всегда достоинство. В бою с обезьянолюдьми я тоже (согласно общепринятому счету) держался храбро, но моя храбрость являла собою не более чем безрассудство пополам с изумлением и отчаянием; теперь же, в туннеле, когда все опасности миновали, мне стало так страшно, что я едва не вышиб себе мозги о низкий каменный свод, но даже не сбавил шагу, пока не увидел перед собою, в благословенном лунном сиянии, выход наружу. Вот тут я, наконец посчитав себя в безопасности, остановился, как мог вытер меч потрепанным подолом плаща и вложил клинок в ножны.

Покончив с этим, я повесил меч на плечо, выбрался наружу и, уцепившись за нижний край

устья пещеры, повис на руках, нащупывая носками промокших сапог выступы, по которым поднимался наверх. Едва нога утвердилась на третьем, в скалу близ моей головы ударили две арбалетных стрелы. Одна, должно быть, отыскавшая некий изъян в древнем камне, застряла в трещине, полыхая ослепительно-белым огнем. Помню, ошеломленный, я всей душой понадеялся, что арбалеты у стрелков не из тех, новых, которые, стоит взвести их, подают на тетиву следующую стрелу и потому отличаются необычайной скорострельностью, но не успел перевести дух, как едва не ослеп от вспышки новой стрелы, ударившей в камень еще ближе ко мне.

Когда третья стрела, угодив в скалу, взорвалась, я понял, что надежды мои не оправдались, и, прежде чем промахнувшиеся стрелки успели выстрелить снова, спрыгнул вниз.

Внизу, о чем мне следовало бы догадаться заранее, оказалась глубокая яма, выбитая в камне вытекавшей из устья рудника водой. Пришлось еще раз искупаться, но, так как я и без того до нитки промок, никакого вреда купание не принесло — напротив, вода погасила искры, впившиеся в щеки и плечи.

На сей раз схитрить, затаившись под водой,

возможным не представлялось. Течение подхватило меня, будто щепку, и вышвырнуло на поверхность — к великому счастью, на некотором удалении от скалы, и я, выбравшись на берег, оказался у противников за спиной. Оба они и женщина, стоявшая между ними, не сводили глаз с омута под водопадом.

— Я здесь, Агия, — окликнул я женщину, в последний раз за ту ночь обнажая «Терминус Эст».

О том, что это она, я к тому времени уже догадался, однако, когда Агия куда проворнее любого из спутников обернулась ко мне, увидел в свете луны ее лицо… и похолодел от ужаса. Да, лицом Агия, вопреки всему ее самоуничижению, обладала весьма миловидным, но ее появление здесь означало, что Текла наверняка мертва.

Ближайшему ко мне противнику хватило глупости вскинуть арбалет к плечу, и только после нажать на спуск. Пригнувшись, я перерубил ему ноги, а стрела второго метеором свистнула над моей головой.

К тому времени, как я выпрямился, второй из противников, отшвырнув арбалет, схватился за рукоять хенгера. Вновь оказавшаяся проворнее, Агия взмахнула атамом, целя мне в горло, еще до того, как он успел обнажить клинок. От пер-

вого ее удара я уклонился, а второй парировал, хотя клинок «Терминус Эст» для фехтования не предназначен. Удар, нанесенный мною в ответ, заставил Агию отскочить.

— Заходи сзади, — крикнула она второму из арбалетчиков, — а я спереди!

Но тот не ответил. Челюсть его отвисла, острие клинка описало широкую дугу. Не успел я сообразить, что смотрит он не на меня, как из-за спины моей к нему прыгнул некто, окруженный бесцветным, лихорадочно мерцающим ореолом. Миг — и череп стрелка с омерзительным хрустом разлетелся вдребезги. Развернувшись изящнее кошки, Агия сделала выпад и наверняка насадила бы обезьяночеловека на нож, но, выбитый мною из ее руки, отравленный клинок отлетел прочь и с плеском ушел под воду. Тогда Агия бросилась было бежать, однако я одним прыжком настиг ее, ухватил ее за волосы и швырнул наземь.

Обезьяночеловек что-то бормотал, склонившись над трупом убитого им арбалетчика, — быть может, собирался обобрать его, а может, просто разглядывал из любопытства, этого я так и не узнал. Стоило мне наступить на горло Агии, обезьяночеловек выпрямился, повернулся ко мне лицом, пал на колени точно так же, как в

руднике, и поднял вверх руки. Одной ладони ему недоставало, а, судя по безукоризненной чистоте среза, отсек ее «Терминус Эст». Не сводя с меня глаз, обезьяночеловек пробормотал нечто мне непонятное.

— Да, это моих рук дело, — поразмыслив, ответил я. — Прости. Теперь между нами мир.

Обезьяночеловек, не сводя с меня умоляющего взгляда, пролопотал что-то еще. Из его раны сочилась кровь, хотя организмы существ этих, должно быть, обладали способностью рефлекторного сужения кровеносных сосудов, наподобие той, что якобы присуща тилакодонам: любой из людей, получивший такую рану, без хирургической помощи уже истек бы кровью.

— Да, я отрубил тебе руку, — снова сказал я. — Но ведь произошло это в бою, до того, как твой народ увидел Коготь Миротворца.

И тут меня осенила догадка: вероятно, он последовал за мною наружу ради того, чтоб еще раз хоть одним глазком взглянуть на самоцвет, вопреки страху перед созданием, разбуженным нами в недрах горы. Вынимая Коготь из-за голенища, я осознал, какого свалял дурака, оставив и сапог, и хранящуюся в нем драгоценность в пределах досягаемости Агии, можно сказать, без

присмотра. При виде Когтя ее глаза засверкали алчным огнем, а обезьяночеловек, смиреннее прежнего склонившись к земле, протянул вперед жалкий обрубок руки.

На миг мы, все трое, замерли — и как же странно, чудно должны были выглядеть, озаренные призрачным голубым сиянием…

— Севериан! — донесся сверху, со склона лощины, изумленный голос Ионы.

Подобно гласу трубы в театре теней, развеивающему все иллюзии, его оклик положил конец созданной нами картине. Я опустил руку, спрятав Коготь в ладони, обезьяночеловек стрелой метнулся к отвесной скале, а прижатая моей ногой к земле Агия с руганью заворочалась, пытаясь высвободиться.

Шлепок клинком плашмя угомонил ее, однако ноги с шеи Агии я не убрал, пока к нам не спустился Иона: уж от двоих-то ей не ускользнуть.

— Я подумал, тебе может помощь потребоваться, но, вижу, ошибся, — сказал он, взглянув на трупы спутников Агии.

— Да, это и боем не назовешь, — подтвердил я.

Агия, сев, принялась растирать шею и плечи.

— Их было четверо, и мы прикончили бы тебя, но когда течение понесло наружу тела этих тва-

рей, этих светящихся тигролюдей, двое струсили и втихомолку сбежали.

Иона почесал в затылке стальным протезом руки — такой же звук издает шкура боевого скакуна под скребницей.

— Значит, мне не примерещилось. А то я уж подумал…

Я спросил, что же он, по его разумению, видел.

— Мерцающее существо в меховой шубе, преклоняющееся перед тобой. А ты держал в руке… кажется, кружку с горящим бренди. Или благовониями. А это что такое?

Нагнувшись, он поднял нечто с земли у самого берега, с того места, где обезьяночеловек пал передо мной на колени.

— Похоже, палица.

— Да, это-то я вижу. — На костяной рукояти оружия имелся темляк из сухожилий, и Иона продел в его петлю запястье. — А кто эти люди, не сумевшие убить тебя?

— Сумели бы, — снова вклинилась в разговор Агия, — если б не этот плащ. Мы заметили, как он выбирается из норы, но когда он полез вниз, плащ накрыл его, и мои люди не видели цели — одни только голые руки.

Я, постаравшись по возможности сократить

рассказ, объяснил, как умудрился связаться с Агией и ее братом-близнецом, и описал смерть Агила.

— А сейчас, стало быть, и она отправится за ним следом, — подытожил Иона, смерив взглядом алый от крови «Терминус Эст» и слегка пожав плечами. — Мерихипа я оставил там, наверху. Пожалуй, надо бы пойти приглядеть за ним. Таким образом, я после с чистой совестью смогу сказать, что ничего не видел. Письмо, подсунутое под дверь, тоже она написала?

— Мне сразу следовало сообразить. Я ведь рассказывал ей о Текле. Ты про Теклу не знал ничего, но Агия знала — и написала письмо, якобы от нее. Воспользовавшись всем, что слышала от меня в Нессе, на прогулке по Ботаническим Садам. В письме имелись ошибки и кое-какие вещи, которых Текла не написала бы ни за что, однако, читая, я о них не задумался.

Отступив на шаг, я поглубже спрятал Коготь в сапог.

— Пожалуй, тебе, как ты и сказал, лучше заняться поисками мерихипа. Мой дестрие, похоже, сорвался с привязи и сбежал, так что придется нам ехать на твоем мерихипе по очереди.

Иона кивнул и полез вверх по склону, с которо-

го спустился к ручью.

— Выходит, вы поджидали меня здесь? — спросил я Агию. — Я слышал шум, настороживший дестрие. Шумели вы. Но отчего вы не убили меня еще тогда?

— Мы ждали вон там, — пояснила Агия, указав на вершину скалы. — Я хотела, чтоб нанятые мной люди пристрелили тебя, идущего вверх по ручью. Однако они, упрямые и тупые, как все мужчины, не пожелали зря тратить стрел — пускай тебя, дескать, живущие под землей твари прикончат. Тогда я столкнула вниз камень, самый большой, какой смогла сдвинуть с места, но было поздно.

— О каменоломне ты узнала от них же?

Агия пожала плечами, и лунный свет обратил ее обнаженную шею в нечто куда драгоценнее, куда прекраснее, чем плоть человека.

— Ты ведь собрался покончить со мной, так какая разница? Об этих подземельях все местные рассказывают сказки наперебой. Говорят, будто твари, живущие под горой, по ночам, во время грозы, выбираются наружу, воруют скот из хлевов, а порой даже могут вломиться в дом и утащить ребенка. А в одной из легенд говорится, что они стерегут хранящиеся в подземелье сокро-

вища, и ее я вставила в письмо тоже. Подумала: если за Теклой своей не пойдешь, то на сокровища можешь польститься. Послушай, Севериан, можно, я встану к тебе спиной? Тебе все равно, а мне не хотелось бы видеть…

Стоило ей сказать это, с моей души словно камень свалился. Я сомневался, что смогу нанести удар, глядя Агии в лицо.

Я поднял свой «металлический фаллос», и в этот миг у меня возникло ощущение, будто Агию нужно спросить еще об одной вещи, но о чем именно, сразу вспомнить не удалось.

— Бей, — сказала она. — Я готова.

Пошире расставив ноги, я нащупал на одном из концов крестовины голову женщины, коей было помечено «женское» лезвие.

Чуть погодя, Агия вновь подала голос:

— Да бей же!

Но к этому времени я уже выбрался из лощины наверх.

VIII
Культелларии

На постоялый двор мы возвращались в молчании, так медленно, что деревни достигли, лишь когда небо с востока сделалось серым.

— Я не убил ее, — признался я Ионе, расседлывавшему мерихипа.

Иона, не оборачиваясь, кивнул.

— Знаю.

— Так ты все видел? Ты ведь ушел, чтобы не стать свидетелем.

— Я слышал ее голос как раз перед тем, как ты догнал меня. Как полагаешь, на этом она не уймется?

Я призадумался, а после того как Иона отнес седло в кладовую для сбруи и вернулся ко мне, ответил:

— Да, наверняка. Никаких обещаний я с нее, если ты об этом, не требовал: все равно ведь не сдержит.

— В таком случае я бы с нею покончил.

— Да, — согласился я, — решение самое правильное.

Из конюшен мы вышли вместе. Снаружи, на дворе, уже слегка рассвело. В предутренних сумерках мы без труда могли разглядеть и колодец, и широкие двери, ведущие на постоялый двор.

— Я не считаю, что это было бы самым правильным, а лишь говорю, что на твоем месте поступил бы именно так. Представил бы, как умираю где-нибудь на грязной постели, заколотый исподтишка, во сне, и ударил. Хотя правильным это не назову.

Вскинув над головой палицу, забытую обезьяночеловеком на берегу ручья, Иона взмахнул ею, изображая столь же свирепый, сколь и неловкий удар мечом. Навершие палицы блеснуло в неярком свете занимающейся зари, и мы дружно ахнули.

Навершие оказалось слитком чистого золота со следами грубой холодной ковки.

Желания присоединиться к потехам, предлагаемым ярмаркой тем, кто склонен кутить всю ночь напролет, ни один из нас не испытывал ни малейшего. Вернувшись в комнату, нанятую на двоих, мы приготовились спать. От предложения Ионы поделиться со мною золотом я отказался. Денег у меня и прежде было полно, а после к ним прибавилась еще полученная вперед часть

гонорара, а он жил, так сказать, от щедрот моих, и теперь я был рад тому, что Ионе больше не придется чувствовать себя передо мною в долгу. Вдобавок, увидев, как безоглядно он доверяет мне свое золото, и вспомнив, с каким тщанием скрывал (и до сих пор скрываю) от него существование Когтя, я здорово устыдился. Я чувствовал за собою обязанность рассказать ему обо всем, однако предпочел промолчать — напротив, исхитрился стащить промокший сапог с ноги так, что Коготь провалился из голенища в носок.

Проснулся я около полудня и, убедившись, что Коготь на месте, разбудил Иону, как он просил накануне.

— На ярмарке наверняка сыщутся ювелиры, согласные кое-что заплатить за это, — сказал он. — В крайнем случае поторгуюсь. Пойдешь со мной?

— Прежде всего нам нужно поесть, а к тому времени, как закончим, уже и на эшафот пора.

— Значит, снова за дело?

— Да.

Я осмотрел одежду. Плащ оказался порядком изорванным, а потускневшие сапоги — еще слегка сыроватыми.

— Плащ кто-нибудь из местных служанок

заштопает в лучшем виде. Как новенький, конечно, не станет, но выглядеть будет намного приличнее. — С этими словами Иона распахнул дверь. — Идем, если проголодался! О чем ты так глубоко задумался?

В обеденном зале, за сытным, обильным завтраком, пока жена содержателя постоялого двора в комнате по соседству чинила мой плащ, я рассказал Ионе о случившемся в недрах горы, закончив рассказ на шагах, донесшихся из глубины.

— Странный ты человек, — только и сказал он.

— Ты куда более странен. От людей, конечно, это скрываешь, но сам — явно нездешний.

— То есть какоген? — улыбнулся Иона.

— Чужестранец.

Иона покачал головой, но после кивнул.

— Да, пожалуй, так оно и есть. Но ты… владеешь талисманом, позволяющим повелевать ночными кошмарами, серебра нашел груду, но говоришь со мной обо всем этом так, как другой мог бы говорить о погоде!

Я отломил себе хлеба.

— Странно все это, согласен. Но вся странность заключена в Когте, в самой вещи, а не во мне. А что до разговоров о нем с тобой — отчего бы нет? Украв твое золото, я мог бы продать его, а

деньги потратить, но вот кража Когтя вряд ли обернулась бы для вора чем-то хорошим. Не знаю, отчего так думаю, но думаю именно так, а Агия его, конечно же, украла. Ну а насчет серебра…

— Украла и сунула тебе в карман?

— В ташку, что я ношу на поясе. Вспомни: она ведь думала, что ее брат убьет меня. После этого они рассчитывали завладеть всем, что найдется на теле, — план составили загодя, ради «Терминус Эст» и моего платья. Таким образом, ей, кроме меча с одеждой, достался бы и самоцвет, а если что, в краже обвинили бы не ее, а меня. Помнится…

— Что?

— Пелерины. Пелерины задержали нас, когда мы пытались убраться оттуда, и… Иона, как ты полагаешь, правда ли, будто некоторые умеют читать чужие мысли?

— Разумеется, правда.

— В этом не всякий с тобой согласится. Скажем, мастер Гюрло к этой идее относился вполне благосклонно, однако мастер Палемон и слышать о ней не желал. А мне сдается, что верховная жрица Пелерин такой способностью обладала — хотя бы до определенной степени — и поняла: Агия что-то стянула, а я ничего не тронул. Заставила Агию раздеться, велела ее обыскать, но меня никто

обыскивать даже не думал. Позже они сожгли свой собор — думаю, из-за утраты Когтя, ведь он же, в конце концов, Собором Когтя и был.

Иона задумчиво покивал.

— Однако спросить тебя я хотел совсем не об этом. Скажи, какого ты мнения о тех шагах под землей? Об Эребе, и Абайе, и прочих тварях морских, что когда-нибудь выйдут на сушу, известно всем. Но мне отчего-то кажется, что ты знаешь о них куда больше всех остальных.

Лицо Ионы, минуту назад столь открытое, добродушное, сделалось замкнутым, жестким.

— Отчего же тебе так кажется?

— Оттого, что ты был моряком, а еще из-за истории о бобах — той, что ты рассказывал у ворот. Должно быть, ты видел книгу в коричневом переплете, которую я читал в комнате, наверху. В ней рассказывается обо всех тайнах нашего мира или, по крайней мере, о том, что думают на их счет всевозможные маги. Сам я еще не прочел ее даже до половины, хотя мы с Теклой читали по главе каждые два-три дня, а в промежутках немало спорили о прочитанном. Но я заметил, что все объяснения в этой книге слишком просты… просты и по-детски наивны.

— Совсем как моя история.

Я согласно кивнул.

— Да, твоя сказка тоже вполне могла быть взята из этой самой книги. Знаешь, я ведь, когда только-только принес ее Текле, подумал, что предназначена она для детей или для взрослых — любителей вспомнить детство. Но после разговоров с Теклой о некоторых изложенных в ней мыслях понял: их следовало выразить именно так, потому что иначе не выразить вообще. Пожелав описать новые методы виноделия или лучший способ любовной игры, писатель мог бы прибегнуть к языку сложному, предельно точному. Но в книге, которую он написал, ему, хочешь не хочешь, пришлось выражаться как-то вроде: «В начале был лишь гексамерон, а более ничего» или «Не в том суть, чтоб образ недеяния созерцать, но в том, чтоб узреть недеяние». Так вот, существо, чью поступь слышал я под горой… уж не одна ли из этих тварей?

— Ну я-то его не видел. — Иона поднялся. — Ладно. Пойду-ка я палицу продавать, но прежде скажу тебе, что всякая женка рано или поздно говорит муженьку: прежде чем дальше спрашивать, подумай, вправду ли хочешь узнать ответ.

— Последний вопрос, — придержал его я, — а затем обещаю ни о чем больше не спрашивать.

Когда мы шли сквозь Стену, ты сказал, что создания, которых мы видели внутри — солдаты, и намекнул, будто размещены они там, дабы противостоять Абайе и остальным. Может, люди-обезьяны — тоже солдаты подобного рода? И если да, что толку от бойцов величиной с человека, если противники огромны, как горы? И чем прежним автархам не угодили солдаты-люди?

Иона, бережно завернув палицу в тряпку, перекинул ее из ладони в ладонь.

— Вопрос тут не один, а три, и ответить с уверенностью я могу только на второй. По поводу двух остальных догадки, конечно, выскажу, однако поймаю тебя на слове: о вещах этих мы разговариваем в последний раз. Начнем с третьего вопроса. Люди в войсках «прежних автархов», которые вовсе не являлись автархами — точнее, не именовались таковыми, — служили. Но воины, созданные путем очеловечивания животных, а может, и тайного обращения людей в зверей, оказались намного надежнее. Что и неудивительно, поскольку простой народ, правителей и законы их ненавидевший, служащих правителям нелюдей ненавидел еще сильнее. Таким образом, «нелюди» были вынуждены сносить такое, чего не потерпели бы солдаты-люди. Возможно,

поэтому им и вверили оборону Стены. А может, объяснение состоит в чем-либо совсем другом.

Сделав паузу, Иона подошел к окну и устремил взгляд наружу, но не на улицу — вверх, в облака.

— Возможно, твои люди-обезьяны такой же гибрид, а может, и нет — это мне неизвестно. Тот, которого видел я, на мой взгляд, выглядел вполне человекообразным, если не принимать в расчет шерсти, и потому я склонен согласиться с твоими догадками, будто они — человеческие существа, чья природа коренным образом изменена долгой жизнью под землей и контактами с тем, что осталось от города, погребенного в недрах горы. Урд уже крайне, крайне стара, и, несомненно, древних сокровищ хранит в себе множество. Да, золото и серебро изменениям не подвержены, но стерегущие их могут претерпевать метаморфозы куда причудливее тех, что обращают сок винограда в вино, а песчинки — в жемчужины.

— Однако мы, живущие снаружи, тоже каждую ночь подвергаемся воздействию темноты и нередко имеем дело с сокровищами, добытыми в рудниках. Отчего мы не изменились тоже? — спросил я.

Иона промолчал, и я вспомнил об обещании ни о чем его больше не спрашивать. Однако,

когда он повернулся ко мне лицом, во взгляде его мелькнуло нечто, подсказывавшее, что вопрос мой попросту глуп, что мы изменились, да еще как. Отвернувшись, Иона вновь устремил взгляд наружу, к затянутому облаками небу.

— Ну ладно, — нехотя согласился я, — не хочешь — не отвечай. Но как же насчет вопросов, на которые ты взялся ответить? Что могут солдаты, подобные человеку, противопоставить чудовищам из морских пучин?

— В том, что Эреб с Абайей велики, словно горы, ты прав, и этакими познаниями, признаюсь, меня удивил. Подавляющее большинство попросту не в силах вообразить себе нечто настолько огромное; обычно народ полагает, будто они не больше дома или корабля. В действительности же они так велики, что, пребывая в этом мире, не могут покинуть вод моря — иначе погибнут, раздавленные собственной тяжестью. Ни в коем случае не представляй их себе чудовищами, молотящими по Стене кулаками или швыряющими через нее валуны. Силою мысли они вербуют себе слуг и гонят их в бой против любых законов, соперничающих с их собственными.

Отворив двери, ведущие наружу, Иона выскользнул на оживленную улицу и смешался с

толпой. Я же, подперши подбородок ладонью, остался сидеть за столом, перед остатками завтрака, и вспомнил сон, привидевшийся мне в ту ночь, когда мы вынужденно делили кровать с Бальдандерсом. «Земля не в силах носить нас» — так сказала та огромная женщина…

Ну а теперь история подошла к моменту, когда я вынужден описать то, чего ранее старался не касаться. Ты, читающий мою повесть, не мог не заметить, что я отнюдь не стесняюсь рассказывать о происшедшем многие годы назад в мельчайших подробностях, привожу здесь в точности и слова говоривших со мной, и собственные ответы, и, должно быть, счел сие всего-навсего условностью, приемом, употребленным мной ради связности, целостности повествования. Однако истина заключается вот в чем: я — один из тех, кто несет на себе проклятие, называемое абсолютной памятью. Нет, разумеется, что бы ни приписывали нам некоторые глупцы, запомнить все мы не способны. К примеру, вспомнить порядок расстановки книг на полках библиотеки мастера Ультана я не смогу. Тем не менее помню я куда больше, чем многие полагают: и положение каждого из предметов на столе, мимо коего как-то прошел еще маленьким, и как вспоминал

прежде о некоем вновь всплывшем из памяти происшествии, и даже чем чувства, навеянные теми, прошлыми воспоминаниями, отличаются от теперешних.

Именно выдающаяся память сделала меня любимым учеником мастера Палемона, она же, полагаю, виновна и в появлении на свет сего повествования — ведь если бы не его благоволение, меня не отослали бы в Тракс с подаренным им мечом.

Некоторые утверждают, будто подобный дар тесно связан с изъянами в способности к связным умозаключениям. Не знаю, судить не могу, однако он таит в себе иную опасность, и с нею мне доводилось сталкиваться не раз и не два. Обращаясь мыслями к прошлому — как и сейчас, в попытках вспомнить тот сон, — я вспоминаю его так ярко, словно вновь перенесся в один из прежних дней, минувших, однако оставшихся при мне навсегда, неизменных, сколько ни извлекай их из глубин памяти, и все его образы, все эйдолоны столь же реальны, как и я сам. В эту минуту, закрыв глаза, я могу снова войти в камеру Теклы, как в тот зимний вечер, и вскоре мои пальцы ощутят тепло ее наряда, а ее неповторимый запах заструится в ноздри подобно аромату лилий, отогревшихся у

огня. Сняв с нее платье, я вновь обниму ее тело, белое, будто слоновая кость, соски ее защекочут щеки…

Вот видишь? В подобных воспоминаниях легче легкого провести понапрасну не один час и не один день, и порой я погружаюсь в них столь глубоко, словно пьян или одурманен наркотиком. Так вышло и в этот момент. В голове вновь зазвучали отголоски шагов, услышанных в подземелье людей-обезьян, и в поисках объяснений я вновь вызвал из памяти тот самый сон, уверенный, будто теперь-то знаю, кем он был послан. Быть может, теперь сновидение откроет мне больше, чем рассчитывал тот, кто его сотворил?

Вновь мчался я на перепончатокрылом, увенчанном костяной митрой сказочном скакуне. Внизу, торжественно, величаво рассекая крыльями воздух, парили над волнами пеликаны, чуть выше с жалобным криком кружили чайки.

Вновь, кувыркаясь, падал я в бездну, под свист ветра в ушах несся к волнам, на миг замер меж морем и небом, изогнул спину, повернул книзу голову, а ноги расслабил, расставил в стороны, точно косицы флага, без всплеска, клином вошел в воду и снова увидел среди чистой лазури голову, вместо волос покрытую змеями, и многоглавого

зверя, а затем и сад на изборожденном течениями песчаном дне. Исполинские женщины вскинули кверху руки — могучие, словно стволы сикомор, каждый палец увенчан амарантово-алым когтем… и тут я, точно внезапно прозрев, понял, зачем Абайя послал мне это видение, зачем стремится призвать меня в свои ряды перед последней великой войной на Урд.

Но тут деспотия воспоминаний подавила, пересилила волю. Да, видя великанш-одалисок и сад их, я понимал, что это лишь память о сновидении, однако, завороженный зрелищем, никак не мог высвободиться из цепких объятий былого сна. Чьи-то руки — две пары рук, подобно рукам блудниц Абайи, будто куклу, подняли меня с покойного кресла, из-за стола в обеденном зале на постоялом дворе в Сальте, и все же образы зеленовласых женщин на дне морском оставили меня в покое лишь добрую сотню ударов сердца спустя.

— Спит.

— Но глаза-то открыты.

— Меч тоже прихватим? — спросил некто третий.

— Прихватим. Может, для него найдется работа.

Великанши померкли, развеялись, будто туман. Меня с двух сторон держали люди, одетые в оленью замшу и грубую шерсть. Один, с обезображенным шрамом лицом, приставил к моему горлу острие дирка. В человеке справа, подобравшем свободной рукой «Терминус Эст», я узнал чернобородого малого из толпы, помогавшего взламывать замурованный дом.

— Кто-то идет.

Человек со шрамом скользнул в сторону. За стуком отворившейся двери последовал вскрик Ионы, втащенного внутрь.

— Это твой господин, так? Ладно, дружище, ни с места и не вздумай вопить, не то прикончим обоих.

IX
Владыка Зеленого Царства

Нам с Ионой велели повернуться лицом к стене, связали руки, а после накинули на плечи плащи, спрятав под ними ремешки уз, так что с виду казалось, будто мы просто идем себе, заложив руки за спину. Таким манером нас вывели во двор, к переминавшемуся с ноги на ногу балухитерию, навьюченному простым хаудахом из железа и рога. Державший меня слева щелкнул зверя древком стрекала в подколенную ямку, веля ему опуститься на колени, и нас без особой грубости, но непреклонно подсадили на его спину.

В Сальт нас с Ионой привел извилистый проселок, петлявший среди рудничных отвалов, среди огромных куч битого камня и кирпича. Спеша на зов фальшивого письма, подброшенного Агией, я тоже миновал немало подобных, хотя путь мой в основном пролегал через лес, начинавшийся невдалеке от деревни. Теперь мы ехали прямо по грудам отвалов, без троп, без дорог. Здесь, вдали от лишних глаз, вдобавок к множеству щебня сальтские горняки сваливали поднятые

наверх осколки прошлого, погребенного в недрах земли, из тех, что могли опорочить и деревню, и их ремесло. Беспорядочные кучи всевозможной мерзости — изуродованных, потрескавшихся непристойных скульптур вперемешку с человеческими костями, на которых местами еще сохранились ошметки иссохшей плоти и клочья волос — превосходили высотой рост исполина-балухитерия вдесятеро и даже более. Среди них, точно пьяницы после шумной гульбы, осыпанные осколками хрустальных саркофагов, в самых причудливых позах покоились десятки тысяч мужчин и женщин — тех, кто, стремясь когда-нибудь обрести для себя бессмертие, завещали сделать свои трупы нетленными. Одежды их давно сгнили либо догнивали, остекленевшие глаза слепо таращились в небо.

Поначалу мы с Ионой пробовали расспросить схвативших нас, кто они таковы, но, получив по нескольку ударов, отказались от этой затеи. Теперь же, отметив, что вдали от людей наши пленители держатся не так настороженно, я снова спросил, кто они и куда нас везут.

— В глухие дебри, приют вольных мужчин и прекрасных женщин, — отвечал человек со шрамом.

Вспомнив об Агии, я спросил, не ей ли они служат, но он расхохотался и покачал головой.

— Мой господин — Водал-из-Леса.

— Водал?!

— А-а, выходит, ты его знаешь, — отметил человек со шрамом и пихнул локтем чернобородого, ехавшего в хаудахе вместе с нами. — Что ж, можешь не сомневаться: видеть тебя, так беспечно вызвавшегося вздернуть на дыбу одного из своих слуг, Водал будет очень и очень рад!

— В самом деле, я с ним знаком.

С этим я совсем было собрался рассказать человеку со шрамом, как познакомился с Водалом, как спас его жизнь в последний год перед возвышением до капитана учеников, но, усомнившись в том, что Водал об этом вспомнит, сказал одно: знал бы, что Барнох служит ему — ни за что бы не взялся за пытки и казнь. Тут я, конечно, соврал, так как знал обо всем и решил принять плату, рассчитывая избавить Барноха от излишних страданий. Впрочем, ложь эта никакой пользы не принесла — все трое, и даже погонщик, оседлавший загривок белуджитерия, зафыркали со смеху.

Когда их веселье слегка унялось, я сказал:

— Прошлой ночью я выезжал из Сальта на се-

веро-восток. Сейчас мы едем туда же?

— Так вот, значит, где ты пропадал. Наш господин искал тебя ночью в деревне, однако вернулся с пустыми руками.

Тут человек со шрамом заулыбался, и я понял: вернуться к своим, с успехом исполнив то, в чем оплошал сам Водал, ему очень и очень лестно.

— Взгляни сам: судя по солнцу, мы едем на север, — шепнул мне Иона.

— Да, — подтвердил человек со шрамом, очевидно обладавший исключительно острым слухом. — На север, но ехать нам недалеко.

Чтоб скоротать время, он принялся описывать, каким образом его господин поступает с пленными. Большинство способов оказались до крайности примитивными, рассчитанными скорее на театральный эффект, чем на причинение настоящих мук.

Вскоре хаудах, словно занавесью, наброшенной незримой рукой, накрыло сенью деревьев. Сверкающие россыпи осколков стекла и мириады безжизненных взглядов остались позади, а мы въехали в прохладный зеленый сумрак густого, высокого леса. Среди могучих деревьев даже балухитерий высотою в три человеческих роста казался кем-то вроде мелкого грызуна, а мы, ехав-

шие на его спине, — гномами из детских сказок, направляющимися к твердыне-муравейнику, к монарху эльфов и фей.

При виде картины сей я осознал, что все эти деревья вряд ли были хоть чуточку меньше в то время, как я еще не появился на свет, и точно так же тянулись ввысь, пока я ребенком играл среди кипарисов и безмолвных надгробий нашего некрополя, и точно так же будут неколебимо стоять, вбирая последние отсветы угасающего солнца, когда я буду мертв столь же долгое время, как те, кто покоится позади. В эту минуту я понял, сколь ничтожны, легки мои жизнь и смерть на чаше весов мироздания, хотя для меня нет ничего драгоценнее жизни. Из двух этих мыслей сложилось особое, новое расположение духа, готовность ухватиться за любой, пусть самый крохотный шанс выжить пополам со странной беспечностью: не знаю отчего, однако меня не слишком заботило, удастся ли мне уцелеть. Думаю, благодаря этому настроению я и остался жив; оно стало мне столь добрым другом, что с тех пор я стараюсь сохранять его в любом положении (конечно, получается не всегда, но и не так уж редко).

— Севериан, что с тобой? — раздался над ухом

шепот Ионы.

Думаю, я взглянул на него не без удивления.

— Со мной? Все в порядке. Я разве выгляжу хворым?

— Показалось на миг…

— Я просто задумался о том, как знакомо мне все вокруг. Отвлекся, пытаясь понять, постичь эти места. Пожалуй, они напоминают нашу Цитадель в летние дни. Деревья почти так же огромны, как ее башни, а многие башни сплошь обвиты плющом, и летом, если погода тиха, свет между ними вот так же отливает зеленью изумруда. Вдобавок и тишь здесь, будто…

— Где?

— Иона, должно быть, тебе не раз приходилось плавать на лодках.

— Да уж, случалось.

— Мне, видишь ли, с детства хотелось прокатиться по воде, но случай выпал только в тот день, когда мы с Агией переправлялись на остров, где находятся Ботанические Сады, а после — пересекая Птичье Озеро. Движется лодка почти так же, как этот зверь, и так же беззвучно, если не брать в расчет нечастого плеска весла, касающегося воды. Так вот, сейчас мне кажется, будто мы, медленно, чинно орудуя веслами, плывем через

затопленную наводнением Цитадель.

Услышав это, Иона вмиг помрачнел. При виде выражения его лица я невольно расхохотался и поднялся на ноги — думаю, с тем, чтоб, взглянув через борт хаудаха на землю под корнями деревьев, при помощи какого-нибудь замечания насчет тропы дать Ионе понять, что всего-навсего дал волю фантазии.

Однако, как только я встал, человек со шрамом тоже вскочил и, держа острие дирка в пальце от моего горла, велел мне сесть. Назло ему я отрицательно покачал головой.

Он угрожающе взмахнул оружием.

— Сесть, живо, не то брюхо вспорю!

— И пожертвуешь триумфом вернувшегося с добычей? Думаю, вряд ли. Тем более остальные наверняка расскажут Водалу, что ты изловил меня, а после прирезал, даже не развязав рук.

Вот тут-то судьба и совершила крутой поворот. Бородач, державший «Терминус Эст», попытался выхватить меч из ножен и, будучи незнаком с верным способом обнажения столь длинных клинков — одной рукой ухватить меч за гарду, другой за горловину ножен и обнажить его, широко разведя руки в стороны, — потянул его кверху, будто сорняк из грядки. Поглощенный сей

неуклюжей возней, он оказался захвачен врасплох очередным плавным шагом балухитерия и, не устояв на ногах, рухнул прямо на человека со шрамом, и оба изрядно порезались о лезвия меча, отточенные так, что рассекут волос в воздухе. Человек со шрамом на лице отпрянул прочь, и тут Иона, подцепил ступней его пятку, а другой ногой пнул в колено, отчего наш пленитель кувырком полетел вниз через борт хаудаха.

Чернобородый малый тем временем, бросив «Терминус Эст», во все глаза уставился на порез — немалой длины, однако, без сомнения, совсем неглубокий. Свое оружие я знал, как собственные пять пальцев, а посему вмиг развернулся, присел, ухватил рукоять и, стиснув меч каблуками, перерезал им ремешок, стягивавший запястья. Чернобородый выхватил из ножен кинжал и, вероятно, успел бы со мною покончить, не лягни его Иона промеж ног.

Противник согнулся вдвое, а задолго до того, как смог выпрямиться, я поднялся на ноги с «Терминус Эст» наготове.

Как часто случается, если казнимый не поставлен на колени, сокращение мускулов резко распрямило его тело, и, думаю, только обрызганный кровью (столь быстро все это произошло),

погонщик заподозрил неладное. Сидевший на шее белуджитерия обернулся к нам, и я сумел, перегнувшись через борт хаудаха, весьма аккуратно, горизонтальным ударом с одной руки, отсечь ему голову.

Едва его отрубленная голова с глухим стуком упала на землю, балухитерий протиснулся меж двух растущих вплотную друг к другу огромных деревьев, словно мышь сквозь трещину в каменной кладке. За деревьями открылась поляна, куда просторнее всех, что я успел увидеть в этом лесу, поросшая не только папоротниками, но и травой, испещренной пятнами солнечного света, не зеленоватого, но ярко-желтого, будто аурипигмент. Здесь Водал и велел воздвигнуть себе трон под балдахином из цветущих лоз, здесь он — так уж все обернулось — в минуту нашего появления и сидел рядом с шатленой Теей, судя и награждая сторонников.

Улегшийся на дно хаудаха в попытках освободить руки при помощи кинжала, Иона ничего этого не видел, зато я, стоя во весь рост, балансируя в такт мерным колебаниям спины балухитерия с поднятым кверху мечом, обагренным кровью от острия до крестовины, прекрасно видел все. В нашу сторону разом повернулась добрая сотня

лиц, включая сюда и лицо экзультанта на троне, и сердцевидное личико его возлюбленной, и я словно бы их глазами увидел огромного зверя с залитой кровью грудью, и всадника без головы верхом на его шее, и себя самого — прямого, как статуя, с мечом, в плаще цвета сажи.

Соскользни я вниз и обратись в бегство либо подстегни исполина-балухитерия, тут бы мне и конец. Но нет, во власти духа, овладевшего мною при виде россыпи тел давным-давно умерших среди рудничных отвалов и вековечных деревьев, я даже не шелохнулся, а никем не направляемый балухитерий мерно, непоколебимо (соратники Водала поспешили раздаться в стороны, уступая ему дорогу) шагал вперед, пока не приблизился вплотную к помосту, поддерживавшему трон с балдахином. Здесь он остановился, и обезглавленное тело погонщика, качнувшись, рухнуло на помост, к ногам Водала; я же, склонившись за борт хаудаха, плашмя шлепнул зверя клинком под колено, затем под другое, и балухитерий, подогнув ноги, послушно опустился к земле.

Водал слегка улыбнулся. В улыбке его я прочел множество самых различных чувств, однако одним из них (а может, и главным средь них) оказалось веселье.

— Я послал людей за казнедеем, — сказал он, — и с поручением они, как вижу, справились.

Я отсалютовал ему мечом, подняв крестовину на высоту глаз; так нас учили приветствовать экзультантов, почтивших присутствием очередную казнь на Большом Дворе.

— Нет, сьер, к тебе доставили мастера не только в усекновении, но и в спасении людских голов: вот и твоя собственная, если б не я, в один прекрасный вечер скатилась бы на свежевскопанную землю.

Тут он пригляделся ко мне внимательнее, и не к плащу с мечом, а к лицу, и спустя недолгое время сказал:

— Да, ты и есть тот самый юноша. Неужели с тех пор прошло столько времени?

— Как раз достаточно, сьер.

— Об этом поговорим без лишних ушей, а сейчас я должен заняться делами публичными. Встань здесь, — велел он, указав на траву по левую руку от помоста.

Я слез с балухитерия, Иона последовал за мной, и два конюха увели зверя прочь. Затем нам пришлось подождать, слушая, как Водал отдает распоряжения, излагает планы на будущее, карает и награждает, наверное, около стражи.

Надо заметить, все колоннады и арки, коими похваляются люди, — не более чем безжизненные каменные имитации стволов и раскидистых сучьев лесных деревьев, и здесь, на поляне, мне показалось, что между первым и вторым нет почти никакой разницы, кроме, пожалуй, цвета: если строения наших зодчих белы либо серы, то деревья коричневы или же бледно-зелены. Понятно, отчего Водала до сих пор не смогли одолеть ни солдаты Автарха, ни бессчетные толпы экзультантской челяди: он занял оборону в неприступнейшей крепости на всей Урд — куда необъятнее Цитадели, уподобленной мною этому лесу.

Наконец Водал распустил собравшихся, отправив каждого по своим делам, спустился с помоста ко мне, склонился надо мной, как я склонился бы над ребенком.

— Однажды ты сослужил мне службу, — сказал он. — За это я сохраню тебе жизнь, невзирая на все остальное, однако тебе, возможно, придется какое-то время погостить у меня. Зная, что жизни твоей ничто больше не грозит, согласишься ли ты послужить мне снова?

Воспоминаний о том туманном вечере, с коего я начал рассказ о собственной жизни, не смогла

одолеть даже присяга на верность Автарху, принятая по случаю возвышения до подмастерья. Клятвы есть дело чести, пустяк в сравнении с оказанным другому благодеянием — ведь тут речь уже не о чести, о духе! Спаси однажды чью-либо жизнь — и ты принадлежишь ему до конца дней. Я часто слышал, что благодарности от людей ждать бессмысленно, но это не так: те, кто так говорит, неизменно ищут ее не в том месте. Оказавший истинное благодеяние другому становится, пусть ненадолго, на один уровень с самим Вседержителем и в благодарность за сие возвышение готов служить тому, кто подал для него повод, до самой смерти — так я Водалу и объяснил.

— Прекрасно! — подытожил он, хлопнув меня по плечу. — Идем. Неподалеку нам приготовлено угощение. Отобедайте со мной, а за обедом я расскажу вам с другом, что нужно сделать.

— Сьер, однажды я обесславил гильдию, к которой принадлежу. Прошу лишь об одном: не вынуждай меня обесславить ее снова.

— Все, что ты сделаешь, будет сохранено в тайне, — заверил меня Водал, и этим я вполне удовольствовался.

X
Тея

Всопровождении еще этак дюжины человек мы оставили поляну и, пройдя пешком около полулиги, вышли к накрытому столу, ожидавшему нас под деревьями. Усаженный по левую руку от Водала, я, пока остальные ели, лишь делал вид, будто ем, а сам пожирал взглядом его и его госпожу — ту, кого столь часто вспоминал, лежа на койке в ученическом дормитории нашей башни.

Спасая жизнь Водала, я — по крайней мере разумом — был еще мальчишкой, а мальчишкам любой из взрослых, кроме совсем уж тщедушных да невысоких, кажется великаном. Теперь я отметил, что ростом Водал не уступает Текле, а то и превосходит ее, а единокровная сестра Теклы, Тея, так же высока, как она. Тут-то мне и сделалось ясно: оба — действительно благородных кровей, а не простые армигеры вроде сьера Рашо.

Именно Тею я полюбил первой, преклоняясь перед ней, ближайшей спутницей человека, которого спас, Теклу же поначалу любил лишь из-за сходства с Теей. Теперь же (подобно зиме, весне

и лету, приходящим на смену умирающей осени) я вновь полюбил Тею — оттого, что она была так похожа на Теклу.

— Да ты знаешь толк в женщинах, — заметил Водал.

Я опустил взгляд.

— Мне редко случалось бывать в приличном обществе, сьер. Прошу прощения.

— Что ж, твое восхищение я разделяю, а значит, и извинения ни к чему. Надеюсь, ты изучаешь ее изящную шею не с мыслями о ее рассечении надвое?

— Вовсе нет, сьер.

— Счастлив слышать. — Придвинув к себе блюдо с дроздами, он выбрал тушку покрупнее и положил мне на тарелку в знак особого благоволения. — И все же я, признаться, несколько удивлен. Казалось бы, человек твоего рода занятий должен смотреть на нас, злосчастных тварей, как мясник смотрит на скот.

— Об этом ничего сообщить не могу, сьер. Мясника из меня не растили.

Водал захохотал.

— Туше! Я уже слегка сожалею, что ты согласился служить мне. Реши ты остаться моим пленником, нам предстояло бы немало приятных

бесед, прежде чем я — как задумано — воспользовался бы тобой, дабы малой кровью спасти жизнь бедолаги Барноха. Увы, жизнь повернулась так, что завтра утром нам предстоит расстаться. Однако, сдается мне, мое поручение прекрасно совпадет с твоими наклонностями.

— Если поручение от тебя, сьер, иначе и быть не может.

— Нет, на эшафоте твои таланты определенно пропадают зря, — с улыбкой сказал он. — Ничего, вскоре подыщем тебе дело получше. Однако, чтобы служить мне как следует, ты должен видеть положение фигур на доске и понимать цель затеянной нами игры. Назовем стороны «белыми» и «черными», и в честь твоего наряда — дабы ты понимал, к какой из сторон принадлежишь, — «черными» будем мы. Не сомневаюсь, тебе с детства внушали, будто черные — всего-навсего изменники и бандиты, но имеешь ли ты хоть какое-нибудь понятие, за что мы боремся, чего желаем достичь?

— Объявить мат Автарху, сьер?

— Дело хорошее, однако это лишь очередной шаг к конечной цели, а не сама цель. Ты выходец из Цитадели — как видишь, кое-что о твоих странствиях и твоем прошлом я знаю, — из огром-

ной твердыни, возведенной в дни древности, а значит, должен обладать кое-какими чувствами к прошлому. Тебе когда-либо приходило в голову, что хилиады тому назад человечеству жилось куда богаче, радостнее, чем сейчас?

— Все знают: до высот славного прошлого нам далеко, — ответил я.

— Как было тогда, так будет и вновь! Люди Урд, странствующие меж звезд, из галактики в галактику, повелители дочерей солнца…

Шатлена Тея, должно быть, не подавая виду, слушавшая Водала, взглянула на меня из-за его плеча.

— А знаешь ли ты, палач, — нежно проворковала она, — как был переименован наш мир? Люди на заре времен отправились к красной Верданди, называвшейся тогда Войной. Решив, что столь неблагозвучное название отпугнет возможных последователей, они переименовали ее, дав ей имя Презент. На их языке то была шутка, каламбур, так как слово это означало одновременно и «настоящее», и «дар». По крайней мере, так нам с сестрой однажды объяснял один из наставников, хотя я лично не в силах представить себе языка, способного смириться с подобной путаницей.

Казалось, слушавшему Тею Водалу не терпится заговорить самому, однако он оказался слишком воспитан, чтобы перебивать говорящую.

— Игру их поддержали другие, в силу неких собственных причин призывавшие заселить ближайший к Солнцу из пригодных для жизни миров. Они назвали свой мир Скульд, «Миром Будущего», ну а наш мир получил имя Урд, став «Миром Прошлого».

— Боюсь, тут ты ошибаешься, — возразил ей Водал. — Мне достоверно известно: наш мир носит это имя с глубокой древности. Однако твоя ошибка столь очаровательна, что… пускай уж лучше ты будешь права, а я ошибаюсь!

В ответ Тея улыбнулась, а Водал вновь обратился ко мне:

— Конечно, рассказ моей дорогой шатлены не объясняет, отчего Урд названа именно так, но главное подчеркивает великолепно. В те времена человечество странствовало от мира к миру на собственных кораблях, и каждый из них покоряло и возводило там города Человека. То были величайшие дни, дни расцвета человеческой расы: отцы отцов наших отцов стремились к господству над всей Вселенной.

Тут он сделал паузу, словно бы ожидая от меня

каких-нибудь комментариев, и я сказал:

— Да, сьер, с тех пор мы утратили изрядную толику мудрости.

— О, тут ты попал в самую точку. Но кое в чем, при всей своей проницательности, все же ошибся. Нет, мудрости мы не утратили. Утратили мы могущество. Научные изыскания двигались вперед без остановок, но, пусть даже люди узнали все, что необходимо для покорения новых миров, силы нашего мира иссякли. Сейчас наше существование держится, можно сказать, на честном слове; живем мы среди руин наследия предков. Пока одни мчатся по воздуху на флайерах, одолевающих десяток тысяч лиг в день, мы, прочие, ползем по спине Урд пешком, не в силах добраться от горизонта до горизонта, прежде чем западный небокрай поднимется и скроет солнце, подобно вуали. Ты только что говорил о мате этому жалкому дурню, Автарху. Теперь представь себе двух автархов — две великие силы, оспаривающие друг у друга господство. Белые стараются сохранить все как есть, а черные — вновь направить стопы Человека на путь к владычеству. Черными я назвал их по чистой случайности, однако не стоит забывать: именно темной ночью лучше всего видны звезды, далекие, почти неза-

метные при свете алого дня. Итак, какой же из этих двух сил ты хочешь служить?

Среди деревьев поднялся ветер. По-моему, все до единого за столом молчали, слушая Водала и ожидая моего ответа.

— Черным, конечно же, — сказал я.

— Прекрасно! Однако, как человек здравомыслящий, ты должен понимать: отвоевание власти — дело нелегкое. Те, кто не желает перемен, могут сидеть без дела, вцепившись в свои моральные принципы, хоть целую вечность. Сделать все предстоит нам. Нам, и никому другому. Во что бы то ни стало!

Остальные заговорили и вновь принялись за еду. Я понизил голос так, чтоб слышать меня мог только Водал.

— Сьер, я тебе кое-чего не сказал, и таиться дальше не смею, опасаясь, как бы ты не счел меня ненадежным.

Намного превосходящий меня в искусстве интриги, Водал отвернулся, сделал вид, будто занят едой, и лишь после ответил:

— Что же это? Выкладывай.

— Сьер, — сообщил я, — в моих руках оказалась реликвия, вещь, называемая Когтем Миротворца.

Слушая меня, Водал впился зубами в жареную птичью ножку, но тут на миг замер, покосился в мою сторону, однако головы ко мне не повернул.

— Желаешь взглянуть, сьер? Он просто прекрасен, а хранится у меня в сапоге, за голенищем.

— Нет, — прошептал он. — То есть, возможно, и да, но не здесь… нет, лучше вовсе не надо.

— Тогда кому же его передать?

Водал прожевал и проглотил откушенное.

— Слышал я от друзей в Нессе, что он пропал. Выходит, он у тебя… значит, тебе и хранить его, пока не представится случай сбыть его с рук. Продать даже не пробуй: вмиг опознают. Спрячь где-нибудь. В конце концов, брось в какую-нибудь яму поглубже.

— Но, сьер, ведь он, несомненно, весьма ценен.

— Ему нет цены, а значит, не стоит он ни гроша. Конечно, мы с тобой — люди здравомыслящие, без предрассудков, но… — Несмотря на эти слова, в его голосе явственно слышались нотки страха. — Но эту безделку полагают святыней, способной творить всевозможные чудеса. Окажись она у меня, я буду объявлен осквернителем святынь и врагом Теологумена. Господа наши сочтут, будто я предал их. Ты должен рассказать…

Как раз в этот миг к столу со всех ног подбежал

человек, которого я прежде не видел. Судя по выражению лица, явился он с безотлагательными новостями. Водал, поднявшись, отошел с ним в сторонку. На мой взгляд, сейчас он казался обаятельным, статным школьным учителем, беседующим с учеником, так как макушка гонца едва доставала ему до плеча.

Подумав, что вскоре Водал вернется, я принялся за еду, однако он долго расспрашивал гонца о чем-то, а после ушел вместе с ним, скрывшись за толстыми стволами деревьев. Один за другим поднялись на ноги и остальные, и вскоре за столом не осталось никого, кроме красавицы Теи, нас с Ионой и еще одного человека.

— Вам предстоит примкнуть к нашим рядам, — проворковала, нарушив молчание, Тея. — Однако вы еще не знаете наших Обычаев. Нужны ли вам деньги?

Я призадумался, однако Иона сказал:

— Деньгам, шатлена — как и злосчастьям старшего брата — любой рад всегда.

— С сего дня для вас будет откладываться доля всего нами добытого. Когда вы вернетесь к нам, вам ее отдадут. Ну а пока у меня есть для вас по кошельку, чтоб путешествие не затянулось надолго.

— Значит, мы отбываем? — уточнил я.

— А разве тебе не сказали? Ничего, за ужином Водал все объяснит.

Я полагал, что в тот день нам поесть больше не доведется, и, видимо, эта мысль отразилась на моем лице.

— Ужин приятный лесной, ужин под яркой луной. За вами пришлют кого-нибудь, — пообещала Тея и процитировала четверостишие:

С зарей ешь, встречь утру глядя,
А в полдень – чтоб сила пришла,
К закату – чтоб долгой беседа была,
А к ночи – мудрости ради…

— Ну а сейчас, — продолжала она, — мой слуга, Хуниальд, отведет вас туда, где вы сможете отдохнуть перед дорогой.

Молчавший до сих пор незнакомец поднялся и сказал:

— Идемте со мной.

— Я хотел бы поговорить с тобою, шатлена, когда у нас будет побольше свободного времени, — сказал я Тее. — Мне известно кое-что, касающееся твоей соученицы.

Серьезность моих слов Тея почувствовала, это от меня не укрылось. Следуя за Хуниальдом, мы

прошли по лесу, наверное, около лиги, а то и больше, и наконец достигли поросшего травой берега ручейка.

— Ждите здесь, — сказал наш провожатый. — Если удастся, поспите. До темноты вас никто не потревожит.

— А если мы просто уйдем? — спросил я.

— Вокруг, в лесах, всюду те, кому известно, какова воля сеньора на ваш счет, — ответил он и, развернувшись на каблуке, оставил нас.

Тогда я рассказал Ионе, чему стал свидетелем у вскрытой могилы — слово в слово, как описал выше.

— Тогда понятно, — сказал он, дослушав рассказ до конца, — отчего ты согласился примкнуть к этому Водалу. Только не забывай: я — твой друг, а не его и желаю лишь отыскать ту, кого вы называли Иолентой. Тебе же хочется служить Водалу, добраться до Тракса, там, в изгнании, начать новую жизнь, смыть темное пятно, что легло по твоей вине на репутацию вашей гильдии — хотя я, признаться, считаю, что ее репутация и так темней некуда, — а еще разыскать девицу по имени Доркас, примириться с женщиной по имени Агия и вдобавок вернуть нечто, известное нам обоим, женщинам, называющим себя Пелеринами.

К завершению сего перечня он расплылся в улыбке, и я рассмеялся тоже.

— И, хотя ты здорово напоминаешь ту старую пустельгу, что двадцать лет просидела на насесте, а потом решила лететь сразу во все стороны, надеюсь, желаемого ты достигнешь. Но при том, разумеется, сознаешь: возможно — не слишком-то вероятно, однако возможно, — одна-две из этих целей могут помешать достижению четырех-пяти прочих.

— Да, тут ты совершенно прав, — признал я. — Я стараюсь достичь их всех и, хотя ты этому, может быть, не поверишь, посвящаю им все усилия и все внимание, какое только на пользу делу. Однако, должен признаться, идет все не так гладко, как могло бы. Разнонаправленные амбиции привели меня всего-навсего в тень вот этого дерева, к положению бездомного бродяги. Тем временем ты, непоколебимо преследующий единственную всевластную цель… посмотри, чего достиг ты!

В подобных беседах и коротали мы предвечерние стражи. Над головой щебетали птицы; общество такого друга, как Иона, — верного, здравомыслящего, тактичного, исполненного мудрости и осмотрительности, — приятно согревало душу. В то время я ничего не знал о

его прежней жизни, однако чувствовал, что откровенничать о прошлом ему не хочется, и, не задавая прямых вопросов, постарался разузнать кое-что окольным путем. Так я (если, конечно, не заблуждаюсь на сей счет) выяснил, что отец его был ремесленником, что воспитывался он при обоих родителях, в точности как все остальные — хотя, на мой взгляд, такое случается довольно редко, а родился на юге, в приморском городке, но, в последний раз навестив родину, обнаружил, что городок здорово изменился — настолько, что остаться там Иона не захотел.

С виду при первой встрече, возле Стены, он казался годами десятью меня старше. Судя же по тому, что говорил Иона сейчас (и в несколько меньшей мере при прочих оказиях), я подумал, что он, должно быть, еще старше: похоже, ему довелось прочесть немало летописей прошлых времен, а я все еще, несмотря на внимание, уделенное моему развитию мастером Палемоном и Теклой, был слишком наивен и чужд книжной мудрости, чтоб полагать, будто некто изрядно моложе среднего возраста способен на этакий подвиг. Вдобавок его слегка циничная отстраненность от всего человечества намекала, что он успел повидать мир.

За разговорами я заметил в некотором отдалении шатлену Тею, грациозно прохаживающуюся среди деревьев, и толкнул Иону в бок. Умолкнув, мы принялись наблюдать за ней. Направлялась она к нам, но нас еще не видела — двигалась слепо, как человек, попросту следующий полученным указаниям. Время от времени на лицо ее падал луч солнца, и в эти минуты (особенно повернувшись к нам профилем) она так разительно напоминала Теклу, что мое сердце готово было разорваться в груди. К тому же Тея обладала в точности той же походкой — гордой поступью фораксоса, никогда в жизни не знавшего клетки.

— Должно быть, их род вправду древен, — шепнул я Ионе. — Взгляни на нее! Будто дриада. Будто ива, сошедшая с места…

— Эти «древние фамилии» — новейшие из благородных родов, — откликнулся он. — В древние времена подобных им не существовало.

Полагаю, слов наших она издали не расслышала, но, очевидно, услышала голос и бросила взгляд в нашу сторону. Мы помахали ей, и Тея ускорила шаг — нет, не до бега, однако благодаря длине ног приблизилась к нам весьма быстро. Мы поднялись, а когда Тея, подойдя ближе, уселась лицом к ручью на разостланную шаль, тоже

сели в траву.

— Ты говорил, будто можешь рассказать что-то о сестре?

Заговорив, она утратила большую часть внушительности, а сидя казалась ненамного выше нас с Ионой.

— Я был ее последним другом, — ответил я. — Она говорила, что власти пытаются через тебя склонить Водала к капитуляции ради ее спасения. Ты знала, что ее взяли под стражу?

— А ты был ее слугой? — Казалось, Тея взвешивает меня взглядом. — Да, я слышала, что ее заточили в этом ужасном месте, в трущобах Несса, где она, следует полагать, обрела весьма быструю смерть.

Я вспомнил, сколько времени ждал у дверей в камеру, прежде чем из-под нее в коридор вытекла багряная струйка крови, однако кивнул.

— А как ее арестовали, ты знаешь?

Да, арест Текла описала мне во всех подробностях, и я изложил ее рассказ слово в слово, не умолчав ни о чем.

— Понимаю, — проговорила Тея и ненадолго умолкла, не сводя глаз со струящегося мимо ручья. — Конечно, я очень скучаю о придворной жизни. Однако, услышав об этих людях, о том, как

ее завернули в гобелен со стены — деталь весьма, весьма характерная, — поневоле вспоминаю, в силу каких причин оставила двор.

— Думаю, по придворной жизни она порой тоже скучала, — сказал я. — По крайней мере, рассказывала о ней много. Но еще говорила: если-де выйдет когда-нибудь на свободу, назад ко двору не вернется. И часто поминала загородное имение, обеспечившее ей право на титул, мечтала, как обновит, перестроит его и будет задавать званые ужины для виднейших персон в тех краях, устраивать охоты…

На губах Теи мелькнула горькая улыбка.

— Чем-чем, а охотой я уже сыта по горло, да не на одну — на десяток жизней. Но когда Водал станет Автархом, я буду его супругой, и тогда меня вновь ждут прогулки у Кладезя Орхидей, но на сей раз со свитой из полусотни дочерей экзультантов, дабы услаждать мой слух пением… Однако хватит об этом: до этого еще по меньшей мере не один месяц. Сейчас у меня есть… лишь то, что у меня есть.

Уныло взглянув на нас с Ионой, она весьма грациозно поднялась с шали, но нам жестом велела остаться на месте.

— Рада была услышать хоть что-нибудь о

единокровной сестре. Имение, о котором ты вспоминал, теперь мое, хотя заявить о своих правах я не в силах. В награду я предостерегу вас обоих на предмет предстоящего ужина. Сдается мне, намеков, подкинутых Водалом, вы не уловили, но, может быть, я ошибаюсь и вам все ясно?

Видя, что Иона молчит, я отрицательно покачал головой.

— Дабы мы, и наши союзники, и повелители, ждущие своего часа в краях под волнами морскими, одержали победу, нам нужно как следует усвоить все, что удастся узнать о прошлом. Известно ли тебе об аналептике альзабо?

— Нет, шатлена, — признался я, — но о зверях, называемых так, я наслышан. Говорят, они владеют человеческой речью, а по ночам приходят к домам, где умер ребенок, плачут, кричат, просят впустить их.

Тея кивнула.

— Ради блага Урд эти звери, вместе со многими прочими, были завезены к нам со звезд в давние-давние времена. Разумны они не более, а может, и менее, чем собаки. Однако альзабо питаются мертвечиной, раскапывают могилы и, отведав человеческой плоти, по крайней мере на время обретают дар речи, перенимают людские

обычаи… ну а аналептик альзабо приготовляется из одной железы, расположенной у основания их черепа. Понимаешь, о чем я?

С этим она удалилась, а мы с Ионой умолкли, не глядя друг другу в лицо. Оба мы поняли, что за пир ожидает нас вечером.

XI
Текла

Казалось, просидели мы так очень, очень долгое время (хотя на деле, скорее всего, прошла всего пара минут), и наконец овладевшие мною чувства сделались невыносимыми. Шагнув к ручью, я опустился на колени на мягкую землю у кромки воды и изверг из себя все, чем угощал нас Водал, и даже после того, как в желудке ничего не осталось, разогнуться сумел не сразу. Долго еще, сотрясаемый дрожью, одолевал я рвотные спазмы, умывался и полоскал рот, а прохладный чистый ручей уносил прочь вино пополам с полупереваренной пищей.

Наконец, кое-как поднявшись, я вернулся к Ионе.

— Уходить надо.

Иона взглянул на меня словно бы с жалостью — думаю, вполне искренней.

— Повсюду вокруг бойцы Водала.

— Тебя, я гляжу, в отличие от меня, не тошнит. Но ты же слышал, кто их союзники. Возможно, Хуниальд соврал.

— Я слышу, как стерегущие нас прохаживаются за деревьями — не так уж они тихо держатся. Конечно, у тебя, Севериан, есть меч, а у меня нож, но люди Водала наверняка вооружены луками: у большинства сидевших за столом луки имелись. Можно, конечно, прятаться за деревьями, как ревуны, но…

К чему он клонит, я понял сразу.

— Ревунов стреляют что ни день.

— Однако по ночам никто на них не охотится, а до темноты остается не больше стражи.

— Если дождемся темноты, ты со мною пойдешь? — спросил я, протянув ему руку.

Иона крепко, решительно стиснул мою ладонь.

— Севериан, злосчастный дружище мой, ты ведь рассказывал, как видел Водала — и эту шатлену Тею, и еще одного человека — у осквернённой могилы. Что они, по-твоему, собирались делать с ее содержимым?

Разумеется, их намерения я понимал, однако в то время сие казалось чем-то малозначительным, несущественным. Теперь же мне попросту нечего было сказать — даже никаких мыслей, кроме желания, чтоб поскорее настала ночь, в голову не приходило.

Однако посланцы Водала — четверо дюжих, должно быть, из крестьян, парней, вооруженных бердышами, и пятый, при офицерском эспадроне, чем-то смахивавший на армигера — явились за нами быстрее. Похоже, все эти люди тоже были там, у помоста, среди остальных, и прибытие наше видели: не желая зря рисковать, они подошли к нам с оружием наготове, хотя приветствовали нас как друзей и боевых товарищей. Иона, приняв самый бравый вид, на какой оказался способен, завел с ними разговор, а я, не в силах думать ни о чем, кроме предстоящего испытания, шел следом за всеми, по лесной тропе, словно навстречу концу света.

Пока мы шли, Урд отвернула свой лик от солнца. Свету звезд путь к земле преграждала густая листва, однако наши провожатые знали дорогу так хорошо, что почти не замедлили шага. Мне чем дальше, тем настоятельнее хотелось спросить, нельзя ли отказаться от ужина, к коему нас ведут, но тут все было понятно без вопросов: отказ — и даже зримое проявление желания отказаться — лишит меня всякого доверия со стороны Водала, поставив под угрозу мою свободу, а может, и саму жизнь.

В то время как мое отчаяние крепло, пятеро

наших стражей, поначалу отвечавшие на шутки и расспросы Ионы с явной неохотой, мало-помалу оживились, разговорились, будто по пути на пирушку или в бордель. В их тоне чувствовалось предвкушение, однако отпускаемые ими шутки казались мне столь же бессмысленными, какой может показаться несмышленому мальчишке болтовня распутников.

— На этот раз опять хватишь по полной? Затонешь по самую маковку?

(Так говорил шедший сзади, всего лишь бестелесный голос во мраке.)

— Клянусь Эребом, уйду в такие глубины, что до зимы меня назад не жди.

— Из вас ее кто-нибудь видел?

Этот голос принадлежал армигеру, и если прочие только бахвалились друг перед другом, в его простых с виду словах чувствовалось нетерпение невиданной силы. Таким тоном заблудившийся путник мог бы выспрашивать дорогу к дому.

— Нет, вильдграф.

— Алькмунд, — откликнулся еще один голос, — говорил, хороша. Не стара, но и не слишком мала.

— Не трибада ли снова?

— Это уж я не…

Говорящий осекся на полуслове, а может, я просто перестал обращать внимание на разговор. Впереди, за деревьями замерцали проблески света.

Еще несколько шагов — и я, разглядев меж могучих стволов факелы, услышал множество голосов. Кто-то велел нам остановиться, и армигер, выйдя вперед, негромко назвал пароль.

Вскоре меня усадили на слой палых листьев, между Ионой справа и невысоким креслом резного дерева слева. По правую руку от Ионы занял место сопровождавший нас армигер, а остальные (как будто только и ждали нашего появления) уселись вокруг дымчато-оранжевого фонаря, свисавшего с ветвей ближайшего дерева.

К «ужину» собралось не более трети от тех, кто присутствовал на аудиенции у трона посреди поляны, но, судя по платью и вооружению, большинство их принадлежало к высшему кругу, а прочие, по-видимому, были лучшими, отборными воинами. На каждую женщину приходилось по четверо, а то и пятеро мужчин, однако женщины выглядели не менее воинственно и с еще большим нетерпением ждали начала пиршества.

Спустя некоторое время из мрака величе-

ственно выступил Водал. Собравшиеся дружно поднялись на ноги. Пройдя через круг, Водал опустился в резное кресло, стоявшее рядом со мной, и все вновь расселись по местам.

Сразу же после этого на середину круга вышел, остановившись под оранжевым фонарем, человек в ливрее старшего слуги одного из величайших домов. В руках он держал поднос с двумя бутылками, большой и поменьше, а также хрустальным кубком. Вокруг поднялся ропот — негромкий ропот без слов: одни удовлетворенно закряхтели, другие шумно, поспешно перевели дух, третьи облизнули губы. Человек с подносом замер на месте, а когда ропот стих, чинно, неспешно подошел к Водалу.

— В меньшей бутылке — аналептик альзабо, о котором я говорила, — проворковала Тея за моею спиной. — Во второй бутылке — травяная микстура, успокаивающая желудок. Смеси прими один полный глоток, но не более.

Водал, повернувшись к Тее, взглянул на нее с изумлением.

Миновав нас с Ионой, Тея шагнула в круг, прошла между Водалом и человеком с подносом и лишь после уселась по левую руку от Водала. Водал склонился к ней, собираясь что-то сказать,

но тут человек с подносом начал смешивать в кубке содержимое бутылок, и, видимо, момент показался Водалу для разговоров неподходящим.

Поднос в руках ливрейного закружился, сообщая легкое вращательное движение жидкости в кубке.

— Прекрасно, — подытожил Водал, обеими руками приняв кубок с подноса, подняв его к губам и передав мне. — Как и сказала шатлена, сделать нужно один полный глоток. Примешь меньше, количество окажется недостаточным, и слияния не произойдет. Если же примешь больше, ничего для себя не выгадаешь, а весьма дорогостоящее снадобье пропадет зря.

Я, следуя его указаниям, отпил из кубка глоток. Горькая, будто полынь, холодная, весьма дурно пахнущая смесь живо напомнила мне о том давнем зимнем дне, когда я был послан чистить сточную трубу, что вела из кают подмастерьев наружу. Казалось, меня вот-вот снова вырвет, как у ручья, хотя желудок был совершенно пуст. Горло сдавило спазмом, однако я, кое-как проглотив жидкость, передал кубок Ионе и лишь после этого обнаружил, что рот мой полон слюны.

Ионе пришлось нисколько не легче, а может, и труднее, чем мне, однако со своей долей он спра-

вился и передал кубок возглавлявшему наших стражей Вальдграфу, а тот — сидевшему следующим. Смеси в кубке хватило на десятерых, и, когда он опустел, ливрейный лакей отер его кромку, снова наполнил кубок из стоявших на подносе бутылок и снова пустил снадобье по кругу.

Мало-помалу он словно бы утратил округлость, глубину черт, присущую всему в вещном мире, и превратился всего-навсего в силуэт, в раскрашенную фигуру, выпиленную из дерева. Мне сразу же вспомнилось кукольное представление, которое я видел во сне той ночью, когда делил кровать с Бальдандерсом.

Круг, в коем мы сидели, также (пусть я и помнил, что образуют его тридцать, а то и сорок человек) казался вырезанным из бумаги и смятым, точно бумажная корона. Сидевшие рядом со мной Водал и Иона еще сохраняли прежний, обычный вид, но и армигер, и Тея уже выглядели как нарисованные — и то лишь наполовину.

Едва ливрейный лакей остановился перед Теей, Водал поднялся на ноги и с необычайной легкостью, будто подхваченный ночным ветерком, поплыл к оранжевому фонарю. В оранжевом свете он казался невообразимо далеким, однако я чувствовал его взгляд, как чувствуешь жар,

исходящий от углей в жаровне, где ждут своего часа железные клейма.

— Перед проникновением и слиянием необходимо принести клятву, — сказал он, и деревья над нами торжественно, величаво кивнули. — Клянетесь ли вы дарованной всем нам второй жизнью до конца дней хранить верность собравшимся в сем кругу? Клянетесь ли без сомнений, без колебаний, даже под угрозой гибели, повиноваться Водалу, какового сами признаете вождем?

Я кивнул вслед за деревьями, но этого показалось мало.

— Клянусь, — ответил я вслух.

— Да, — отвечал и Иона.

— И повиноваться всякому, поставленному над вами Водалом, как самому Водалу?

— Да.

— Да.

— И чтить сию клятву превыше всех прочих клятв, данных хоть прежде, хоть после нее?

— Клянемся, — ответил Иона.

— Да, — подтвердил я.

Ветер утих, будто беспокойный дух, витавший над нашим кругом, но в эту минуту внезапно угомонившийся, а Водал вновь оказался в кресле рядом со мной и склонился ко мне. Если язык его

и заплетался, я этого не заметил, однако нечто во взгляде подсказывало: он тоже одурманен альзабо, и ничуть не меньше.

— Я не ученый книжник, — начал он, — но знаю: говорят, будто величайшие вещи на свете нередко скреплены воедино средствами самыми низменными. Единство государств зиждется на торговле, драгоценная кость и редчайшее дерево алтарей с мощехранительницами соединены клеем, сваренным из требухи да костей самых нечистых животных, ну а мужчины соединяются с женщинами посредством органов, выводящих из тел определенную жидкость. Так ныне соединены и мы — мы с тобой. А в скором времени вместе соединимся со смертной, что пусть на время, но в полной мере обретет в нас новую жизнь — новую жизнь! — благодаря выделениям зобных желез грязнейших животных на свете. Так из навозной кучи вырастают цветы.

Я согласно кивнул.

— Этому нас научили союзники, ждущие, пока человек, вновь очистившись, не будет готов покорять вселенную с ними вместе. Однако в наш мир это средство принесено другими, и с самыми гнусными целями, которые они надеялись, но не сумели сохранить в тайне. Предупреждаю

об этом, так как ты, отправившись в Обитель Абсолюта, можешь встретить их — тех, кого простонародье зовет какогенами, а люди культурные экстрасоляриями или же иеродулами. Будь осторожен, ни в коем случае не попадайся им на глаза: понаблюдав за тобою вблизи, они сумеют заметить, что ты принимал альзабо. Признаки им известны.

— В Обитель Абсолюта?

Эти слова, пусть всего лишь на миг, развеяли наркотический дурман.

— Именно. Там у меня есть товарищ, которому нужно передать некоторые инструкции, а, как мне стало известно, труппа бродячих актеров, в которой некогда подвизался и ты, приглашена туда по случаю тиаза, что состоится несколько дней спустя. Ты вновь присоединишься к ним и воспользуешься сей возможностью, чтоб передать полученное от меня, — тут он сунул руку за ворот рубашки, — тому, кто скажет: «Океанический странник увидел землю». А если он в свой черед передаст тебе сообщение, можешь доверить его тому, от кого услышишь: «Я из лесных пенетралий».

— Сеньор, — сказал я, — у меня в голове все плывет. Я — (это уже была ложь) — не сумею

запомнить этих слов. Честно сказать, я их уже позабыл. Скажи, я не ослышался? Доркас и остальные приглашены в Обитель Абсолюта?

Водал вложил мне в ладонь небольшой предмет — не нож, но весьма схожей формы. Взглянув на него, я обнаружил в руке кусочек стали вроде тех, какими ударяют о кремень, добывая огонь.

— Запомнишь, — заверил Водал. — И данной мне клятвы не забудешь вовек. Многие из тех, кого ты здесь видишь, были твердо уверены, что не придут сюда во второй раз.

— Но, сьер, Обитель Абсолюта…

Из-за деревьев за спинами сидевших напротив, по ту сторону круга, зазвучали напевные трели упанги.

— Вскоре я должен буду оставить тебя, дабы сопровождать невесту, но не страшись. В не столь уж далеком прошлом тебе довелось встретиться с одним моим барсуком…

— Ты о Хильдегрине?! Сьер, я в полной растерянности.

— Да, среди прочих имен он зовется и этим. Встреча с палачом, гуляющим так далеко от Цитадели — да еще заводящим разговор обо мне — показалась ему делом столь необычным, что он счел нужным присмотреть за тобой, хотя

понятия не имел, что той ночью ты спас мне жизнь. К несчастью, возле Стены следившие тебя потеряли, и с тех пор наблюдали за твоими спутниками в надежде, что ты еще вернешься к ним. Я же предположил, что изгнанник может стать нам своим, а это позволит выиграть время для освобождения несчастного Барноха, и вчера ночью приехал в Сальт, чтобы поговорить с тобой самому, однако остался с носом да вдобавок лишился уведенного кем-то из конюшни дестрие. Таким образом, сегодня тебя во что бы то ни стало следовало захватить, прежде чем мой слуга попадет в твои искусные руки, однако я не терял надежды привлечь тебя на свою сторону и посему велел посланным за тобой доставить тебя живым. И в результате разменял трех человек на двоих. Вопрос лишь, превзойдут ли двое новых трех прежних.

Поднявшись на ноги, Водал слегка покачнулся, и я возблагодарил святую Катарину за то, что мне вставать ни к чему: меня ноги подвели бы наверняка. Из-за деревьев на переливы упанги плавно двигалось нечто туманное, светлое, в два человеческих роста высотой. Все обернулись, устремили взгляды туда; Водал поплыл навстречу светлому пятну, будто невесомый, а Тея, склонившись ко

мне над его опустевшим креслом, заговорила:

— Прекрасна, не так ли? По-моему, им удалось совершить настоящее чудо.

То была женщина в открытом серебряном паланкине на плечах шестерых носильщиков. На миг мне показалось, будто это Текла: лицо и фигура в оранжевом свете выглядели уж очень похоже. Однако спустя еще немного времени я понял, что это ее изваяние — скульптура, вероятнее всего, вылепленная из воска.

— Говорят, — проворковала Тея, — слияние разумом с тем, кого знал при жизни, опасно: воспоминания о времени, проведенном вместе, могут смутить ум. Однако я, любившая ее при жизни, готова рискнуть и, вспомнив, как выглядел ты, говоря о ней, рассудила, что ты тоже с охотой пойдешь на риск и Водалу ничего не сказала.

Водал, подняв кверху руку, коснулся плеча внесенного в круг изваяния. От фигуры на паланкине пахнуло приятным, безошибочно узнаваемым ароматом. Вспомнив агути в шкурах из пряной кокосовой стружки, с глазами из засахаренных фруктов, подаваемых к столу на пирах в честь возложения масок, я понял: передо мною всего лишь точно такое же изображение человеческого

существа, искусно созданное из жареного мяса.

Пожалуй, в эту минуту я наверняка повредился б умом, если бы не альзабо. Снадобье встало меж восприятием и реальностью, будто туманный исполин, сквозь которого все видно, но ничего не постичь. Кроме него, имелся у меня и другой союзник — крепнущее понимание, уверенность в том, что, если я сейчас соглашусь проглотить некую толику плоти Теклы, следы ее разума (которые в ином случае исчезнут, истлеют без остатка), пусть даже ослабленные, сохранятся во мне и умрут только вместе со мной.

Стоило только подумать об этом, согласие родилось в сердце само собой. Предстоящее больше не казалось ни пугающим, ни грязным, ни омерзительным. Всей сущностью, всем сердцем своим я раскрылся навстречу Текле, украсив чертоги души ради дорогой гостьи всем, чем сумел. К согласию присоединилось влечение, порожденное дурманом наркотика, голод, которого не утолить никакой иной пищей, и, оглядевшись вокруг, я увидел тот же голод во взоре каждого.

Ливрейный лакей (должно быть, слуга из бывшего имения Водала, последовавший за ним в изгнание), присоединившись к тем шестерым, что внесли Теклу в круг, помог им опустить

паланкин наземь. Спины их ненадолго — быть может, на два-три вдоха — сомкнулись, заслоняя мне вид, а когда они расступились, Текла исчезла. Под оранжевым фонарем не осталось ничего, кроме дымящихся кусков мяса на белой скатерти…

Покончив со своей долей, я мысленно взмолился о прощении. Текла заслуживала великолепнейшей усыпальницы, бесценного мрамора изысканной красоты. Вместо этого ее ждало погребение в моем личном пыточном зале — разве что пол отдраен дочиста да орудия пыток кое-как прикрыты венками. Ночь выдалась прохладной, однако я с головы до ног покрылся испариной и, ожидая появления Теклы, чувствовал, как капли пота щекочут обнаженную грудь. Смотрел я из опасений увидеть ее в чужих взглядах, прежде чем она придет и ко мне, только под ноги, в землю.

И вот, в тот самый миг, когда мной овладело отчаяние, Текла пришла — заполнила мое сознание, как звуки музыки заполняют собою дом. Вместе мы с нею, еще детьми, резвились у берега Ациса. Узнал я и древнюю виллу, с трех сторон омываемую водами темного озера, и пейзаж за запыленными окнами бельведера, и странный укромный уголок меж двумя комнатами, где

мы прятались в полуденные часы, читая при свечке. Узнал я и жизнь при дворе Автарха, где в алмазных кубках ждет своего времени яд. Узнал, каково тому, кто никогда не видел камеры, не чувствовал спиной плети, живется в руках палачей, и что есть расставание с жизнью, и что есть смерть.

Еще я узнал, что значил для нее гораздо больше, чем полагал, и наконец уснул, а во сне видел только ее. Нет, не просто воспоминания — воспоминаний у меня имелось довольно и прежде. Я держал в руках ее тонкие, холодные пальцы, а одет был уже не в ученические обноски и не в черные, цвета сажи, одеяния подмастерья. Мы с нею были единым целым, наги, чисты, счастливы, и знали, что ее больше нет, а я по-прежнему жив, но боролись вовсе не с этим — с затейливыми сказаниями одной-единственной книги, и говорили, и пели совсем о другом.

XII
Нотулы

Конец снам о Текле положил приход утра. Вот оба мы в молчании идем куда-то через тот самый (иначе и быть не может) рай, как известно открываемый Новым Солнцем для всякого, кто взывает к нему в последние минуты жизни, и, хотя мудрецы говорят, будто рай сей закрыт для тех, кто сам стал себе палачом, я полагаю, оно, прощающее столь многое, наверняка способно порой простить и такое, но… еще миг — и все вокруг озарено холодным, незваным светом, а над головой звенит щебет птиц.

Я сел. Плащ мой намок от росы; капли росы, словно пот, бисером покрывали лицо. Лежавший рядом Иона встрепенулся, зашевелился. В десятке шагов от нас грызли удила, нетерпеливо притопывали копытами два громадных дестрие, один — цвета белого вина, другой — чистейшей вороной масти. От пиршества и от пировавших вокруг не осталось даже следа, как и от Теклы, которой я с тех пор никогда не видел и более не надеюсь увидеть на протяжении этой жизни.

«Терминус Эст», надежно укрытый прочными, обильно промасленными ножнами, мирно покоился рядом, в траве. Подняв его, я двинулся вниз по косогору, отыскал ручей и как следует освежился спросонья. Когда я вернулся, Иона тоже уже не спал. Я указал ему путь к ручью, а пока он отсутствовал, попрощался с покойной Теклой.

Однако, сказать откровенно, в какой-то мере она остается со мной до сих пор: случается, я, вспоминающий прошлое, становлюсь вовсе не Северианом, а Теклой, как будто мой разум — картина в остекленной раме, а Текла, стоящая перед стеклом, отражается в его поверхности. Вдобавок с той самой ночи, стоит вспомнить ее, не вспоминая при том о каком-либо определенном месте и времени, возникающая перед мысленным взором Текла стоит у зеркала в сверкающем, белом, как изморозь, платье, едва прикрывающем грудь, струящимся от талии к полу своенравными, никогда не повторяющими форм водопадами. Перед зеркалом она на миг замирает, коснувшись поднятыми ладонями наших щек…

…а после ее словно вихрем уносит в комнату с зеркальными стенами, полом и потолком. Несомненно, ее воспоминания о собственном отражении в тех зеркалах я и вижу, однако еще

шаг-другой — и она исчезает во мраке, и больше я не вижу уже ничего.

К возвращению Ионы я совладал с печалью настолько, что сумел весьма драматически изобразить осмотр наших дестрие.

— Вороной — твой, — сказал Иона, — а этот, нежно-кремовый, очевидно, для меня. Экие, однако, лошадки… сдается мне, любая из них стоит куда дороже, чем любой из нас с тобой, как сказал один моряк хирургу, ампутировавшему ему ноги. Куда направляемся?

— В Обитель Абсолюта.

На лице Ионы отразилось изумленное недоверие.

— Ты разве не слышал, о чем мы с Водалом толковали вчера вечером?

— Название уловил, а вот про то, что мы туда едем, упустил как-то.

Наездник из меня, как уже говорилось, неважный, однако я храбро вдел ногу в стремя вороного и уселся в седло. Скакун, угнанный мною у Водала позавчера вечером, нес на себе высокое боевое седло, зверски неудобное, зато свалиться с такого затруднительно крайне; на этом же вороном красовалось нечто почти плоское, из стеганого бархата, роскошное, но в то же время изрядно

коварное. Стоило обхватить ногами бока дестрие, тот заплясал на месте от нетерпения.

Возможно, момент для подобных бесед был хуже некуда, однако другого, более подходящего времени не предвиделось, и я спросил:

— Многое ли ты помнишь?

— О вчерашней-то женщине? — Обогнув вороного, Иона отвязал от ветки поводья кремового и вскочил в седло. — Ничего. Я есть не стал. За тобой Водал следил в оба глаза, а вот обо мне все, едва проглотив это снадобье, позабыли. К тому же я неплохо владею искусством изображать, будто ем, но при этом не есть.

Я в изумлении поднял брови.

— Да-да. И на тебе его не раз проверял — к примеру, вчера, за завтраком. Так просто: аппетита особого не было… а как же кстати пришлось!

Пустив кремового рысцой вдоль тропы, что вилась меж деревьев, он обернулся ко мне.

— Я, так уж вышло, дорогу знаю неплохо — по крайней мере большую ее часть. Однако не соблаговолишь ли ты объяснить, зачем нам туда?

— Во-первых, там будут Доркас с Иолентой, — ответил я. — А еще мне нужно выполнить поручение сеньора нашего, Водала.

За нами почти наверняка наблюдали, и посему

о том, что выполнять поручения не собираюсь, я счел за лучшее вслух не упоминать.

События следующих нескольких дней я, дабы повесть о моей карьере не затянулась на целую вечность, опишу лишь вкратце. В пути я рассказал Ионе обо всем, что услышал от Водала, и о многом другом. В попадавшихся по дороге селениях мы порой останавливались, а где останавливались, там я, при возникновении надобности, брался за привычную работу — и не оттого, что нам так уж настоятельно требовалось мной заработанное (при нас имелись и кошельки, полученные от шатлены Теи, и большая часть гонорара из Сальта, и деньги, вырученные Ионой за золотую палицу обезьяночеловека), но дабы ни в ком не возбуждать подозрений.

Утро четвертого дня застало нас по-прежнему скачущими на север. Справа, будто сморенный дремотой дракон, стерегущий запретную, заросшую изумрудной травой дорогу, тянущуюся вдоль берега, нежился на солнышке Гьёлль. Накануне мы видели издали наряды уланов — верхами, как и мы, вооруженных пиками наподобие тех, какими разили путников патрульные у Врат Скорби.

Заметно нервничавший с тех самых пор, как мы тронулись в путь, Иона пробормотал:

— Если хотим доехать до окрестностей Обители Абсолюта нынче к вечеру, надо бы поспешить. Жаль, Водал не сказал тебе, какого числа начинаются празднества и долго ли будут длиться.

— А до Обители Абсолюта все еще далеко? — спросил я.

Иона указал на остров посреди реки.

— Видишь? Кажется, я его помню. Как-то раз, в двух днях пути от него, встречные пилигримы говорили, будто Обитель Абсолюта где-то поблизости. Предостерегали насчет преторианцев, и, по всему судя, знали, о чем говорят.

Следуя его примеру, я пустил вороного рысью.

— А ты шел пешком.

— Нет, ехал на мерихипе… наверное, больше его, бедолагу, уже не увижу. Конечно, он даже в лучшие годы был куда тихоходнее, чем эти зверюги — в худшие, но все ж они вряд ли вдвое резвее.

Я было собрался сказать, что Водал не стал бы отправлять нас в путь без надежды достичь Обители Абсолюта ко времени, но тут надо мною, в какой-то ладони от головы, пронеслась тварь, на первый взгляд показавшаяся кем-то вроде

огромной летучей мыши.

Иона (в отличие от меня) узнал ее сразу. Прокричав нечто для меня непонятное, он подстегнул концом уздечки моего дестрие. Вороной, едва не сбросив меня с седла, рванулся вперед, и дальше мы понеслись сумасшедшим галопом. Помню, как на всем скаку стрелой промчался меж двух деревьев, росших друг к другу так близко, что свободного места по бокам осталось не больше пяди. Летучая тварь маячила в вышине, пятнышком копоти на фоне неба, но вскоре с треском врезалась в гущу ветвей за нашими спинами.

Миновав лесную опушку и оказавшись в сухом овраге за стеной деревьев, мы потеряли ее из виду, но, стоило нам достичь дна и начать подъем на противоположный склон, тварь вновь показалась позади, изрядно потрепанная, но прыти отнюдь не утратившая.

Какое-то время, пожалуй достаточное для короткой молитвы, она нас не замечала, однако, пронесшись над нами чуть стороной, описала круг и плавно, полого снижаясь, понеслась нам навстречу. Я, обнажив «Терминус Эст», отработал поводом, и мой вороной послушно развернулся, заслоняя Иону от летучей твари.

Как ни быстры были наши дестрие, тварь оказа-

лась куда быстрее. Вооруженный остроконечным мечом, я, вероятно, принял бы ее на острие — и наверняка погиб, однако судьба распорядилась иначе. Налетевшую тварь я встретил ударом с двух рук. Казалось, клинок рассек воздух, и поначалу я решил, что ее тело слишком легко и прочно даже для лезвия бритвенной остроты, но в следующий же миг незнакомая тварь распалась надвое, точно тряпка, а мне в лицо повеяло жаром, будто прямо передо мной распахнули и тут же беззвучно захлопнули дверцу печи.

Я хотел было спешиться и осмотреть труп, но Иона с отчаянным воплем замахал мне рукой. Оставив высокий лес, окружавший Сальт, далеко позади, мы очутились среди бескрайней россыпи крутых холмов, поросших косматыми кедрами. Целая роща подобных кедров ожидала нас наверху, на склоне оврага, и мы, точно безумные, пригнувшись к холкам дестрие, ворвались в заросли.

Вскоре путаница ветвей сделалась так густа, что дестрие были вынуждены перейти на шаг. Вдобавок нам почти сразу же преградил путь отвесный утес, и тут уж, хочешь не хочешь, пришлось остановиться. Как только треск сучьев и топот стих, сзади и сверху донесся сухой частый

шорох и треск, будто где-то над головой бьет крыльями раненая птица, застрявшая в кроне дерева. Казалось, легкие вот-вот слипнутся от густого целебного аромата кедровой смолы.

— Убираться отсюда надо, — еле переводя дух, прошептал Иона. — На месте стоять нельзя.

Конец обломанной ветки рассек ему щеку; кровь из глубокой царапины струйкой текла к подбородку. Оглядевшись, он кивнул вправо, к реке, и подхлестнул дестрие, направляя его прямиком в непроходимую (с виду) чащу.

Предоставив Ионе торить для меня тропу, я приготовился дать отпор черной твари, если та нас настигнет. И вправду, вскоре она показалась среди серо-зеленых кедровых лап, а еще миг спустя к ней присоединилась вторая, на вид почти такая же, державшаяся чуть позади.

Тут заросли кончились, и мы вновь пустили дестрие в галоп. Летучие клочья ночного мрака устремились за нами, однако, хотя из-за меньшей величины казались проворнее, на деле заметно уступали в скорости целой, большой твари.

— Огонь найти нужно, — прокричал Иона, перекрывая барабанный грохот копыт дестрие. — Или крупного зверя, которого сможем убить. Пожалуй, если распорешь брюхо одному из наших,

тоже сойдет, но если нет, оторваться не сможем.

Я кивнул в знак того, что тоже не согласен жертвовать одним из дестрие, хотя мой, казалось, вот-вот рухнет с ног от усталости: Иона, дабы не опередить меня сверх меры, уже придерживал своего.

— Им кровь нужна? — спросил я.

— Нет. Тепло.

Принимая правее, Иона хлопнул стальной ладонью по крупу своего скакуна. Должно быть, удар был силен: дестрие рванулся вперед, как ужаленный. Миновав пересохшее русло ручья, мы заскользили вниз с сыпучего, пыльного склона холма. Далее открывался холмистый простор — там-то дестрие и могли показать всю свою резвость.

Лоскутья тьмы упорно летели следом, держась над землей этак вдвое выше высокого дерева. Казалось, их несет вперед ветром, но, судя по колебаниям трав, ветер дул им навстречу.

Рельеф впереди менялся столь же неуловимо и при том резко, как ткань в месте шва. Внизу зеленела извилистая лента, плоская, ровная, словно разглаженная утюгом, и я, повернув вороного к ней, заорал ему в ухо, нещадно хлестнул клинком — плашмя — по бокам. Взмокший от пота,

исцарапавшийся об обломки кедровых сучьев, вороной обильно истекал кровью. Оставшийся позади Иона встревоженно завопил, предостерегая о чем-то, но я даже не оглянулся на его крик.

Миновав поворот, я увидел в прогалине среди деревьев блеск речных волн. Еще поворот; вороной вновь начал замедлять бег — и тут я разглядел в отдалении именно то, на что рассчитывал. Возможно, сознаваться в этом не стоит, однако я поднял меч к Небесам, к истощенному, обескровленному солнцу с черным змеем, угнездившимся в сердцевине, и воскликнул:

— Его жизнь за мою, Новое Солнце! Его жизнь за мою! Смири гнев свой, даруй мне надежду!

Несомненно, улан (без товарищей, один-одинешенек) увидел во мне угрозу и нисколько в том не ошибся. Голубой ореол вокруг острия его пики вспыхнул ярче, а сам он, пришпорив скакуна, во весь опор помчался на нас.

Вороной, как ни был к этому времени загнан, прянул в сторону, словно вспугнутый заяц. Рывок за повод, резкий разворот — и мой дестрие, оставив в зеленой дорожной траве глубокие борозды, поскакал прочь, навстречу преследовавшим нас тварям. Понял Иона мой замысел, нет ли — не знаю, но, ни на миг не замешкавшись, развернул-

ся и погнал дестрие следом за мной.

Одна из летучих тварей ринулась вниз. Чернее черного, точно сажа, точно мой наряд, в эту минуту она казалась дырой в небосводе Урд, прорехой в ткани самого мироздания. Неслась она, очевидно, к Ионе, но оказалась в пределах досягаемости клинка, и я, как прежде, рассек ее надвое. В лицо мне снова дохнуло жаром. Знающему, откуда он исходит, этот жар показался мне куда скверней самой мерзкой вони: стоило почувствовать его кожей, желудок едва не вывернуло наизнанку. Опасаясь в любой момент получить в спину разряд уланской пики, я резко свернул прочь от реки. И вправду, стоило нам покинуть дорогу, выстрел улана опалил землю невдалеке и воспламенил засохшее дерево.

Я натянул поводья так, что мой дестрие поднялся на дыбы и взревел, и оглядел пылающее дерево в поисках трех темных тварей. Однако у дерева их не оказалось. Тогда я оглянулся, охваченный опасениями, что они каким-то непостижимым образом добрались до Ионы.

Нет, тварей не оказалось и там, но взгляд Ионы подсказал, где их искать: клочья тьмы окружали улана, а тот лихорадочно отбивался от атакующих. Разряд за разрядом, срываясь с острия пики,

пронзали воздух с громоподобным треском, словно молнии в грозу. Вспышки разрядов затмевали свет солнца, однако их разрушительная мощь лишь придавала темным тварям сил. Теперь полет их казался чем-то сродни бешеной пляске лучей тьмы, мечущихся из стороны в сторону, мелькающих то тут, то там и с каждым скачком приближающихся к добыче. Куда быстрее, чем перо мое выводит эти слова на бумаге, все три подобрались к улану вплотную, облепили его лицо; еще миг — и всадник безжизненно рухнул с седла, а выпавшая из его рук пика угасла.

XIII
Коготь Миротворца

— Мертв? — крикнул я Ионе.

В ответ Иона молча кивнул. Я бы, на том и успокоившись, поспешил уехать, однако Иона призывно махнул мне рукой и спешился, а когда оба мы сошлись над мертвым телом улана, сказал:

— Возможно, теперь с этими тварями удастся покончить, чтоб их снова не натравили на нас или еще на кого-нибудь. Сейчас они сыты, и, думаю, мы с ними управимся. Надо куда-то их посадить — во что-нибудь герметичное, из металла или стекла.

При мне ничего подобного не было, и я так ему и сказал.

— При мне тоже нет ничего подходящего.

Опустившись на колено возле улана, Иона принялся обшаривать его карманы. Ароматный, словно благовонные курения, дым горящего дерева обволакивал все вокруг. Казалось, я вновь в Храме Пелерин: россыпь сухих веток и пожелтевшей листвы, на которой распростерся улан,

вполне сошла бы за устланный соломой пол, а стволы торчащих над нею одиноких деревьев — за опоры шатра.

— Вот, — сказал Иона.

Отвинтив крышку найденного на убитом бронзового васкулюма, он вытряхнул изнутри какие-то травы и перевернул труп улана на спину.

— Где же они? — спросил я. — Телом поглощены?

Иона отрицательно покачал головой и, чуть поразмыслив, с предельной осторожностью потянул из левой ноздри улана первую темную тварь. Тело ее оказалось похожим на тончайшую из бумажных салфеток, только совершенно непрозрачным.

— Но если ее разорвать, их просто станет двое? — спросил я, удивленный его осторожностью.

— Да, но сейчас она сыта, а разорванная утратит энергию, и тогда с ней, вполне возможно, будет уже не совладать. Кстати, подобным образом куча народу погибла: видят, что этих тварей можно рубить, и знай себе рубят, пока те не задавят числом.

Один глаз улана остался чуть приоткрытым. Трупов я в жизни повидал множество, но сейчас

никак не мог избавиться от жутковатого ощущения, будто он каким-то образом наблюдает за мной — за человеком, погубившим его, чтобы спастись самому.

— Когда я рассек первую, ее половинки словно бы полетели медленней прежнего, — заметил я, дабы занять мысли чем-то другим.

Сунув извлеченное из левой ноздри трупа чудовище в васкулюм, Иона занялся другим, забравшимся в правую.

— Скорость любого летучего существа, — пробормотал он, — зависит от площади крыла. Иначе умельцы, пользующиеся этой пакостью, пожалуй, рвали бы их в мелкие клочья, прежде чем за добычей отправить.

— А ты, выходит, не в первый раз с ними сталкиваешься?

— Однажды стояли мы в порту, где их используют для ритуальных убийств. Я еще тогда заподозрил, что кто-нибудь непременно хоть одну домой привезет, но здесь их вижу впервые.

Отвинтив бронзовую крышку, Иона отправил вторую тварь цвета сажи внутрь, к первой, лениво зашевелившейся на дне сосуда.

— Там они снова сольются вместе, — пояснил он. — После охоты с ними всегда так и поступают.

Думаю, ты не заметил, но в зарослях они порядком поистрепались о ветви, а после исцелились прямо в полете.

— Еще третья осталась, — напомнил я.

Иона кивнул и разжал стальными пальцами челюсти мертвого. Вместо зубов, лилово-синего языка и десен моему взгляду открылась бездонная черная яма, и у меня вновь забурлило в желудке. Третья тварь, извлеченная Ионой на свет, оказалась мокра от слюны погибшего.

— Выходит, не разруби я эту тварь во второй раз, одна ноздря либо рот остались бы свободны, и тогда он мог бы дышать?

— Да, пока они не доберутся до легких. Правду сказать, нам еще повезло, что взяться за него удалось почти сразу. Иначе пришлось бы тебе потрошить труп, чтобы добраться до них.

Щекочущий ноздри дымок напомнил мне о горящем кедре.

— Но если им требовалось тепло…

— Они предпочитают тепло живого тела, хотя порой их можно отвлечь и теплом огня — если горит живое, растительное вещество. По-моему, на самом деле суть не в одном тепле. Быть может, им вовсе нужна энергия, выделяемая растущими клетками… — Сунув в васкулюм третью тварь,

Иона туго завинтил крышку. — Мы их назвали нотулами, потому что появлялись они, как правило, в темноте, когда их не разглядеть — пока жаром в лицо не повеет, ничего и не заподозришь; а вот как их называли туземцы, понятия не имею.

— А где находится этот остров?

Во взгляде Ионы отразилось недоумение.

— От побережья он далеко? Мне с детства хотелось посмотреть на Уроборос, хотя это, наверное, опасно.

— Далеко, — ровно, рассеянно ответил Иона. — Далеко, и весьма. Погоди-ка минутку…

Подойдя к берегу реки, он зашвырнул васкулюм подальше, так что воды сосуд коснулся почти на самой ее середине, и вернулся ко мне.

— А нам самим эти твари не пригодились бы? — спросил я. — Вряд ли те, кто натравил их на нас, на сем успокоятся, а значит, лишнее оружие не помешает.

— Нас они не послушаются, да и мир без них только лучше, как сказала одному мяснику жена, отхватив его мужские причиндалы. А теперь едем-ка отсюда. Вон, к нам уже кто-то идет.

Взглянув, куда он указывает, я увидел двух путников, бредущих вдоль дороги пешком. Тем временем Иона подхватил повод своего дестрие,

пившего из реки, и приготовился вскочить в седло.

— Постой, — сказал я. — Или отъедь на пару чейнов и подожди меня там.

Вспомнив о кровоточащем обрубке руки обезьяночеловека, я словно увидел в воздухе, среди деревьев, неяркие, багряные с алым огни собора, сунул руку поглубже за голенище и извлек из сапога Коготь.

Именно в эту минуту я впервые увидел Коготь при свете дня. В лучах его самоцвет засверкал, словно само Новое Солнце, и не только синью — всеми красками, от фиолетового до ярко-голубого. Положив его на лоб улана, я пожелал, чтоб тот ожил.

— Едем! — окликнул меня Иона. — Что ты там делаешь?

С ответом я не нашелся.

— Эй, а он ведь, похоже, жив! — крикнул Иона. — Скорей, прочь с дороги, пока он пику не отыскал!

— Господин! — негромко донеслось издали.

Голос был мне знаком. Обернувшись, я бросил взгляд вдоль заросшей травою дороги.

— Господин!

Один из путников помахал мне рукой, и оба

перешли на бег.

— Это Гефор, — сказал я.

Однако Ионы и след простыл. Я снова взглянул на улана. Оба глаза его были открыты, грудь мерно вздымалась и опадала. Стоило мне убрать с его лба Коготь и спрятать камень за голенище, улан сел. Я закричал Гефору со спутником, чтобы те поскорей убрались с дороги, но они меня, очевидно, не поняли.

— Ты кто такой?

— Друг, — ответил я.

Изрядно ослабший, улан завозился, пытаясь подняться. Я подал ему руку и помог встать. Около минуты он изумленно таращился на все вокруг — на меня и на пару, со всех ног бегущую к нам, на реку, на деревья, а дестрие — даже собственного, терпеливо дожидавшегося всадника поодаль — здорово испугался.

— Где это мы?

— Всего лишь на старой дороге вдоль берега Гьёлля.

Улан, покачав головой, стиснул виски ладонями.

Передо мной, задыхаясь от быстрого бега, точно дурно вышколенный пес, прибежавший на зов и ждущий за послушание ласки да похвалы,

остановился Гефор. Его спутник, отставший на добрую сотню шагов, яркой одеждой и неопрятным, потасканным видом напоминал мелочного торговца.

— Г-г-господин, — заговорил Гефор, — ты и п-п-представить не в силах, сколько х-х-хлопот, сколько трудностей, сколько невосполнимых утрат пережили мы по пути, догоняя тебя по неприступным горам, по бурным волнам морей, по б-б-бескрайним иссохшим равнинам сего прекрасного мира! Что я, в-в-верный твой раб, если не оп-п-пустевшая раковина, добыча тысячи волн, занесенная в этот безлюдный край лишь потому, что вдали от тебя не з-з-знаю покоя? От-т-ткуда тебе, господин мой, чьи когти алы, как кровь, знать, скольких трудов стоила нам сия в-в-встреча?

— Если вспомнить, что тебя я оставил в Сальте пешим и последние несколько дней ехал к северу на неплохом скакуне, то… надо думать, изрядных.

— Именно! Именно! — подтвердил Гефор, многозначительно взглянув на спутника, как будто мое замечание подтверждало нечто, сказанное тому прежде, и опустился в траву, передохнуть.

— Я — корнет Мина, — медленно проговорил

улан. — Кто ты?

Гефор, будто кланяясь, закивал головой.

— Г-г-господин — благородный Севериан, служащий самому Автарху (урина коего — что вино для его подданных) в Гильдии Взыскующих Истины и Покаяния. Я же — Г-г-гефор, его ничтожный слуга, а это Бевзек, также его ничтожный слуга. Полагаю, человек, только что ускакавший отсюда, тоже служит ему.

Я жестом велел ему помолчать.

— Мы — всего-навсего бедные путники, корнет. Увидев тебя лежащим без чувств, решили прийти на помощь. Минуту назад мы сочли тебя мертвым; должно быть, ты едва-едва разминулся со смертью.

— Где мы? — снова спросил улан.

— На дороге к северу от Квеско, — услужливо ответил Гефор. — Мы с Бевзеком, г-г-господин, плыли за тобою на боте, глухой ночью, по широкому, буйному Гьёллю, а в Квеско сошли на берег. Трудились, отрабатывая проезд, и палубными, и на шкотах! Плавание вверх по реке, в то время как с-с-счастливцы, направляющиеся в Обитель Абсолюта, с ревом п-п-проносятся над головой, кажется столь тягостно медленным, однако б-б-бот шел вперед, спали мы или бодрствовали, и

вот мы догнали тебя!

— В Обитель Абсолюта? — пролепетал улан.

— Думаю, она отсюда недалеко, — сказал я.

— Тогда мне надлежит соблюдать сугубую бдительность.

— Уверен, вскоре сюда подоспеет один из твоих товарищей.

С этим я изловил своего дестрие и взгромоздился на его широкую спину.

— Но, г-г-господин, ты ведь не собираешься покинуть нас снова? Бевзеку довелось лицезреть твое искусство лишь дважды!

Я повернулся к Гефору, собираясь ответить, но тут среди деревьев по ту сторону дороги мелькнуло что-то белое, огромной величины. Немедля вспомнив, что пославший по нашу душу нотул вполне может располагать еще каким-нибудь оружием, я с силой ударил каблуками в бока вороного.

Дестрие, сорвавшись с места, помчался вперед. Около полулиги скакали мы по узкой полоске земли, отделявшей дорогу от реки. Наконец, догнав Иону, я пересек дорогу, чтобы предостеречь его, и рассказал об увиденном.

Слушая меня, Иона о чем-то раздумывал, а когда я закончил, сказал:

— Нет, мне подобные существа неизвестны, однако неизвестных мне привозных животных на свете наверняка немало.

— Но ведь такие звери не бродят на воле, будто отбившаяся от стада корова!

Вместо ответа Иона указал на землю в паре шагов впереди.

Среди деревьев вилась посыпанная щебнем дорожка не больше кубита в ширину. Дорожку с обеих сторон окаймляли цветы — такого множества диких цветов, выросших рядышком, сами собой, я в жизни еще не видывал. Вдобавок устилавшие ее камешки оказались столь одинаковой формы, столь ослепительно-белыми, что наверняка были доставлены сюда с каких-то неведомых далеких берегов.

Подъехав поближе и присмотревшись к ним, я спросил Иону, откуда здесь могла взяться такая дорожка и что все это может значить.

— По-моему, только одно — что мы уже в окрестностях Обители Абсолюта.

Внезапно это место вспомнилось мне во всех подробностях.

— Да, — подтвердил я. — Однажды мы с Жозефой и еще кое с кем устроили рыбалку и прибыли сюда. Переправились через реку возле того кри-

вого дуба и…

Иона взглянул на меня, будто я не в своем уме, и мне на миг показалось, что так оно и есть. Да, ездить верхом на охоту мне доводилось нередко, но сейчас подо мною был вовсе не гунтер, а боевой дестрие. Руки мои, точно пауки, поднялись, потянулись к глазам с намерением вырвать их из глазниц… и вырвали бы, если бы оборванец, ехавший рядом, не хлестнул по ним ладонью — ладонью из чистой стали.

— Ты не шатлена Текла, — жестко сказал он. — Ты — Севериан, палаческий подмастерье, имевший несчастье влюбиться в нее. Взгляни сам!

С этими словами он поднял передо мною стальную ладонь, и в ней, отполированной до зеркального блеска, отразилось совершенно чужое лицо — изумленное, узкое, изрядно пугающее.

Спустя еще миг мне вспомнилась наша башня, плавные изгибы стен из гладкого темного металла…

— Я Севериан, — проговорил я.

— Вот именно. А шатлена Текла мертва.

— Иона…

— Да?

— Улан-то жив, ты сам видел. А к жизни его

вернул Коготь. Я положил камень ему на лоб, но, может, хватило и того, что улан узрел его мертвыми глазами. Так ли, иначе, он сел. И снова начал дышать. И заговорил со мной, Иона!

— Значит, он был не мертв.

— Но ты же сам его видел, — повторил я.

— Я куда старше тебя. И куда старше, чем ты думаешь. И если множество странствий хоть чему-то меня научило, мертвые не оживают, а годы не идут вспять. Что было и прошло, того назад не воротишь.

Лицо Теклы перед моими глазами затрепетало, развеялось, унесенное темным ветром.

— Если б я только догадался воззвать к силе Когтя там, на этом «званом ужине» с…

— Улан почти задохнулся, но умереть не успел. Когда я освободил его ноздри и рот от нотул, он снова смог дышать и мало-помалу, со временем, пришел в чувство. Что же до твоей Теклы, никакая сила во всей вселенной к жизни ее не вернет. Долно быть, ее выкопали еще в то время, когда ты был заточен в Цитадели, и хранили в какой-нибудь ледяной пещере. А перед тем, как вынести к ужину, выпотрошили, будто куропатку, а мясо зажарили, — прорычал Иона, крепко стиснув мое плечо. — Севериан, не будь дураком!

В эту минуту мне хотелось лишь одного — умереть. Появись рядом нотула, я встретил бы ее с распростертыми объятиями. Однако вместо нотул впереди, на дорожке, появилась белая громадина вроде той, которую я видел невдалеке от реки. Стряхнув с плеча руку Ионы, я галопом поскакал к ней.

XIV
Аванзала

Встречаются на свете создания и артефакты, при столкновении с коими восстает наш неискушенный разум. В конце концов, чтобы примириться с реальностью, мы говорим: «То был всего лишь призрак, нечто прекрасное и ужасающее…»

Где-то среди круговерти миров, которые мне в скором времени предстоит открывать и исследовать, живет раса, во многом подобная людям и в то же время совсем не похожая на людей. Ростом они нисколько не выше нашего. Тела их тоже подобны нашим во всем, кроме безукоризненного сложения, и этот стандарт, коего они держатся неукоснительно, нам совершенно чужд. Как и у нас, у них есть глаза, носы, губы, но при помощи всех этих (как я уже говорил, безупречных) черт они выражают чувства, переживания, которых мы никогда не испытываем, так что для нас их лица, можно сказать, древняя, весьма ужасная с виду азбука эмоций, невероятно важных, но в то же время абсолютно непостижимых.

Да, такая раса существует, однако там, на границе садов Обители Абсолюта, столкнулся я вовсе не с одним из ее представителей. То, что увидел я за деревьями и к чему — пока не разглядел цели во всех подробностях — мчался во весь опор, на поверку оказалось огромным изображением подобного создания, движущимся, словно живое. Тело его было изваяно из белого камня — все целиком, включая слепые, наподобие половинок яичной скорлупы, полушария глаз, точно такие же, как у наших, человеческих статуй. Двигалось изваяние медленно, будто одурманенное или во сне, но ровно, уверенно — и при этом пускай не сразу, но осознавало, что происходит вокруг, хоть и казалось незрячим.

Прервавшись, чтобы перечитать написанное выше, я вижу, что мне совершенно не удалось передать самой сути явления. По духу, по сути своей то была статуя. Пожалуй, этакую загадку мне мог бы в насмешку подкинуть какой-нибудь падший ангел, подслушавший мой разговор с зеленым человеком. В каждом движении огромной фигуры чувствовалась безмятежность, долговечность искусства и камня. Каждый жест ее, каждый поворот головы, каждая поза могли оказаться последними, но могли и повторяться бесконечно,

подобно положениям гномонов на многогранных циферблатах Валерии, вновь и вновь повторяющимся в изогнутых коридорах мгновений.

Первоначальный ужас, охвативший меня после того, как необычность белой статуи затмила собою стремление к смерти, был вызван инстинктивным страхом, что она причинит мне зло.

Ужас сменила мысль о том, что нападать она и не подумает. Испугаться чего-либо в той же мере, в какой я испугался этой безмолвного, не от мира сего истукана, а затем обнаружить, что он безобиден, невыносимо унизительно для кого угодно. На миг позабыв, какой урон нанесет лезвию клинка удар о живой камень, я обнажил «Терминус Эст» и осадил вороного. Казалось, вместе с нами остановился, замер сам ветер: застывший без движения вороной и я с поднятым над головою мечом словно бы тоже обернулись каменными изваяниями. Тем временем статуя приближалась. На лице ее лежала печать непостижимых эмоций, сложенные перед грудью ладони поражали жутким, безупречным изяществом.

Сзади донесся крик Ионы и звук удара. Едва я, оглянувшись, увидел его на земле, борющимся с людьми в высоких, увенчанных гребнями шлемах, на глазах то исчезавших из виду, то

появлявшихся вновь, что-то свистнуло над ухом, что-то еще захлестнуло запястье, и меня с головы до ног опутала паутина веревок, затянувшихся сами собой, словно крохотные удавы. Кто-то невидимый схватил меня за ногу, дернул, и я упал.

Слегка оправившись и разобравшись в происходящем, я обнаружил, что шея моя стянута проволочной удавкой, а один из схвативших меня копается в ташке на поясе. Отчетливо различимые взглядом, его ладони порхали из стороны в сторону, будто пара воробьев. Лицо его, тоже прекрасно видимое, казалось неподвижной, бесстрастной маской, повисшей передо мною на незримой нити какого-то фокусника. Раз или два, стоило ему шевельнуться, его необычайная броня сверкала, а затем превращалась в нечто с виду подобное хрустальному кубку в чистой воде. Думаю, она была зеркальной, отполированной превыше всякого человеческого мастерства, так что вместо материала доспехов на ее поверхности были видны только зеленые с бурым пятна — отражения окрестных зарослей, искаженные выпуклостями кирасы, горжета и поножей.

Несмотря на все мои протесты и ссылки на принадлежность к нашей гильдии, преторианец забрал все обнаруженные при мне деньги (хотя

коричневой книги Теклы, обломка точильного камня, оружейного масла, фланели и прочих мелочей, хранившихся в ташке, не тронул). Покончив с обыском, он умело освободил меня от пут и сунул их (насколько я мог судить) в пройму кирасы, но так, что я вполне успел их разглядеть. Устройство пут — пучка тонких шнуров, одним концом соединенных друг с другом, а с противоположных концов утяжеленных грузилами, — напоминало плеть, называющуюся у нас «кошкой»; после я узнал, что это оружие зовется «ачико».

Пленитель мой потянул кверху проволочную удавку, заставляя меня встать на ноги. Как и в еще полудюжине схожих случаев, я понимал, что между нами ведется своего рода игра. Оба мы делали вид, будто я всецело в его власти, хотя в действительности мог, например, воспротивиться и не вставать, пока он не задушит меня либо не позовет товарищей, чтоб утащить меня волоком. Мог я проделать и что-нибудь другое — ухватиться за проволоку, попробовать вырвать ее из рук преторианца, ударить его в лицо. Мог после сбежать, а мог быть убит, оглушен, обездвижен приступом нестерпимой боли, однако на самом деле заставить меня подчиняться преторианец

не мог.

Таким образом, я понимал, что все это — игра, и улыбнулся, когда он, вложив в ножны «Терминус Эст», отвел меня к Ионе.

— Мы ничего дурного не сделали, — сказал Иона. — Верните моему другу меч, отдайте наших дестрие, и мы отправимся своей дорогой.

Ответа не последовало. Храня молчание, двое преторианцев (две пары рук — что четыре порхающих воробья) поймали наших дестрие и повели прочь. Как же эти животные, терпеливо бредущие сами не зная куда, покорно вытянув массивные головы вслед тонкому кожаному ремешку, были похожи на нас! По-моему, вот такие минуты покорности и составляют девять десятых всей нашей жизни.

Пленители вывели нас из зарослей на покатый лужок, в скором времени сменившийся газоном. Статуя шла за нами, а по пути к ней присоединялись другие изваяния подобного рода — огромные, не похожие одно на другое, невыразимо прекрасные, и вскоре их стало не менее дюжины. Я спросил Иону, кто таковы схватившие нас солдаты и куда нас ведут, однако он не ответил, а меня в награду за любопытство придушили едва не до смерти.

Насколько я мог судить, броня покрывала солдат с головы до ног, однако безукоризненная полировка сообщала металлу иллюзорную мягкость, пластичность жидкости, основательно тревожащую глаз, и вдобавок на расстоянии в пару-тройку шагов совершенно сливалась с травой и небом. Пройдя по газону около полулиги, мы вошли в рощу цветущих слив, и украшенные гребнями шлемы с полукруглыми наплечниками зарябили белым и розовым.

Здесь мы пошли по дорожке, змеей изгибавшейся из стороны в сторону, а едва приготовились выйти из рощи, нас с Ионой грубо оттолкнули назад. Позади пронзительно заскрежетал щебень: следовавшие за нами статуи тоже остановились как вкопанные (мне показалось, что предостерег их один из солдат, издав нечто наподобие беззвучного крика). Разумеется, я тут же сощурился, стараясь разглядеть, что происходит впереди, за множеством слив в цвету.

За деревьями простиралась аллея куда шире той, которой шли мы, — садовая дорожка, превращенная в великолепный променад, вымощенная белым камнем, окаймленная по обе стороны мраморными балюстрадами. Вдоль променада шествовала крайне пестрая, многоликая компа-

ния. Большинство шли пешком, но кое-кто ехал на самых разных животных: один погонял косматого арктотера, другой оседлал холку гигантского ленивца зеленее травы газона… Едва эта группа прошла мимо, за нею следом появились другие. Еще не успев разглядеть их лиц, я заметил в одной из компаний человека, возвышавшегося над остальными по меньшей мере на три кубита, даже ссутулившись и низко склонив голову. В другом я мгновением позже узнал доктора Талоса, шагавшего вперед, выпятив грудь и гордо задрав к небу нос. Следом за ним, совсем рядом, шла моя дорогая Доркас, в эту минуту особенно, как никогда похожая на всеми забытое дитя из неких высших сфер. Рядом, в легких, трепещущих на ветру одеяниях, сверкая множеством украшений, под изящным зонтиком, ехала в дамском седле на спине крохотного дженнета Иолента, а позади всех троих, терпеливо катя перед собою тележку с имуществом, которого не сумел взять на плечи, возвышался тот, кто бросился мне в глаза первым — великан Бальдандерс.

Как ни больно мне было смотреть на них, идущих мимо, не имея возможности даже окликнуть их, дать знать о себе, для Ионы это, должно быть, оказалось настоящей пыткой. Почти поравняв-

шись с нами, Иолента повернула в нашу сторону голову. В тот миг мне показалось, будто она чует его влечение, подобно тому, как некие нечистые духи, обитающие в горах, якобы чуют запахи мяса, брошенного для них в огонь, но, несомненно, на самом деле ее привлекла всего-навсего красота цветущих деревьев. Видя это, Иона шумно вздохнул, но первый же слог ее имени, сорвавшийся с его губ, был прерван глухим ударом, повергшим Иону к моим ногам. Сейчас, стоило только извлечь из недр памяти всю эту сцену, лязг его железной ладони о щебень вспомнился мне не менее ярко, чем ароматы цветущих слив.

После того как все труппы актеров скрылись из виду, двое преторианцев подхватили бедного Иону и понесли на руках. Тащили они его легко, словно ребенка, но в то время я отнес это только на счет их силы. Перейдя променад, которым следовали актеры, мы углубились в живую изгородь из розовых кустов выше человеческого роста, сплошь усеянных белыми цветами огромной величины.

В кустах гнездилось множество птиц, а дальше, за изгородью, начинались сады. Взявшись описывать их, мне оставалось бы только прибегнуть к безумному, перемежающемуся заиканием

красноречию Гефора. Казалось, каждый холмик, каждое дерево, каждый цветок расположен согласно замыслу некоего непревзойденного мастера (позже мне стало известно, что то был Отец Инире) так, чтобы у зрителя захватывало дух; куда ни взгляни, у наблюдающего сразу же создается впечатление, будто он — в самом центре, будто все, что он видит, обращено к нему, однако, пройдя хоть сотню шагов, хоть целую лигу, он вновь обнаруживает себя в центре всего вокруг, и каждая открывающаяся взору картина словно бы заключает в себе некую не выразимую иными средствами истину, подобную тем самым не поддающимся описанию прозрениям, что порой осеняют анахоретов-пустынников.

Пораженный красотою садов, я далеко не сразу заметил, что над ними не возвышается ни одной башни. Над вершинами деревьев виднелись лишь парящие птицы да облака, а еще выше — старое солнце и бледные звезды, словно все мы забрели в некую божественную, неземную дикую глушь. Но вот мы взошли на гребень земляного вала куда прекраснее любой из кобальтово-синих волн Уробороса, и… От неожиданности у меня перехватило дыхание. Впереди, прямо у наших ног, разверзся огромный провал. Однако, пусть я и на-

зываю его провалом, он был ничуть не похож на темную бездну, как правило ассоциирующуюся у любого с сим словом. Скорее то был обширный грот, полный фонтанов, ночных цветов, а также людей, наряженных куда ярче, куда ослепительнее любого цветка, неспешно прогуливавшихся у воды и сплетничавших меж собой под его сенью.

В тот же миг из глубин памяти — будто свет, хлынувший в усыпальницу сквозь брешь в обвалившейся стене — всплыло множество воспоминаний об Обители Абсолюта, унаследованных от Теклы и неразрывно сросшихся с моей собственной памятью. Вдобавок я наконец понял, что подразумевалось в пьесе доктора и во многих рассказах Теклы, хотя прямо она об этом ни разу не говорила: исполинский дворец целиком находился под землей — вернее, крыши и стены его покрывал толстый слой земли, благоустроенной и засаженной всевозможными растениями, так что все это время мы находились прямо над средоточием власти Автарха, тогда как я полагал, будто до него еще идти и идти.

Ни в этот грот, несомненно ведущий в палаты, вовсе не подходящие для содержания заключенных, ни в любой из еще пары дюжин, попавшихся нам на пути, мы не спустились. Но вот наконец

впереди показался еще один, гораздо мрачнее прочих, хотя нисколько не уступавший им в красоте. Ступени лестницы, по которой мы сошли в него, были вытесаны из темного камня так, что очень напоминали естественные уступы в скале — неправильной формы, порой изрядно коварные. Со свода капало; верхние части рукотворного подземелья, куда проникала малая толика солнца, сплошь заросли папоротниками и темно-зеленым плющом. В глубине его, этак тысячей ступеней ниже, на стенах красовались россыпи подземных грибов: одни фосфоресцировали, от других веяло странным, своеобразным запахом гнили, некоторые напоминали с виду сказочные фаллические фетиши.

Посреди этого сумрачного сада, поддерживаемые особыми козлами, позеленевшие от патины, висели в ряд медные гонги. Мне показалось, будто, согласно изначальному замыслу, они должны звенеть на ветру, хотя ветру здесь, под землей, взяться было неоткуда.

По крайней мере, так я полагал, пока один из преторианцев не распахнул массивную дверь из бронзы и источенных червями досок в темной каменной стене. Из-за двери дохнуло прохладной сушью, и тут-то, на сквозняке, гонги качнулись,

зазвенели так ладно, что их перезвон казался мелодией, сложенной неким безвестным музыкантом, чьи помыслы ныне томились здесь в заточении.

Оглядев гонги (чему преторианцы не воспрепятствовали), я снова увидел самое меньшее четыре десятка статуй, следовавших за нами через сады. Теперь они, окружив провал кольцом, наконец-то замерли без движения и взирали на нас с высоты, будто фриз из кенотафов.

По-видимому, неосознанно приписав незнакомому месту порядки, заведенные в наших темницах, я ожидал, что окажусь единственным обитателем крохотной камеры. Чего-либо еще более несхожего с истинным положением дел вообразить было бы невозможно. За дверью оказался вовсе не коридор с двумя рядами узких дверей, но просторная, устланная ковром галерея с еще одной дверью в дальнем конце. У этой второй двери несли караул гастаты с пламенеющими копьями. По приказу одного из преторианцев они распахнули двери. За дверьми находилась просторное, полутемное, лишенное какого-либо убранства подземелье с на удивление низкими потолками. На полу в разных его частях располагались несколько дюжин человек

— чаще всего поодиночке, однако встречались среди них и пары, и даже группы. Семьи занимали ниши в стенах либо укрывались от чужих глаз за сооруженными из тряпья ширмами.

Туда-то нас и втолкнули. Точнее, втолкнули меня, а злосчастного Иону попросту бросили. Я, как сумел, подхватил его на лету и, по крайней мере, уберег друга от удара головой об пол, и в этот миг дверь позади с громким стуком захлопнулась.

XV
Блуждающие огни

Едва грохот стих, я оказался окружен множеством лиц. Две женщины, пообещав позаботиться о принятом у меня Ионе, отнесли его в сторону, а остальные обрушили на меня лавину вопросов. Как меня зовут? Что на мне за одежда? Откуда я? Не знаком ли с таким-то, или с таким-то, или с таким-то? Не бывал ли когда-нибудь в таком-то или таком-то городке? А может, я из Обители Абсолюта? Ах, стало быть, из Несса? С восточного берега Гьёлля или с западного? А из какого квартала? А Автарх еще жив? А как там Отец Инире? А кто нынче в столице архонтом? А как дела на войне? Нет ли у меня вестей о таком-то, из командиров? А о таком-то, из рядовых? А о таком-то, из хилиархов? Умею ли я петь, рассказывать, на музыкальных инструментах играть?

Разумеется, под таким шквалом вопросов ответить мне удалось лишь на два-три. Когда первая волна схлынула, седобородый старик и старуха примерно тех же лет, что и он, заставили остальных замолчать и отогнали прочь. Удалось им это

на удивление просто, хотя способ сей наверняка не подействовал бы больше нигде: каждого из окружавших меня хлопнули по плечу и указали в самый отдаленный уголок помещения, категорически сказав:

— Времени уйма.

Мало-помалу остальные умолкли, отошли туда, откуда не могли нас услышать, и в подземелье вновь сделалось тихо, как в тот самый момент, когда перед нами отворилась его дверь.

— Я — Ломер, — шумно откашлявшись, назвался старик. — А ее зовут Никаретой.

Я представился сам и представил обоим Иону.

Должно быть, старуха услышала в моем голосе тревогу.

— Будь покоен, он в надежных руках. Эти девицы позаботятся о нем как сумеют, в надежде, что скоро он сможет с ними поговорить.

С этим она рассмеялась. Судя по манере высоко запрокидывать изящную, правильной формы голову, в молодости Никарета была очень и очень красива.

Я в свою очередь принялся расспрашивать обоих, однако старик оборвал меня.

— Идем с нами, в наш угол, — сказал он. — Там посидим спокойно, и я смогу предложить тебе

хоть чашку воды.

Едва он произнес последнее слово, я осознал, что страшно хочу пить. Отведя меня за тряпичную занавесь у самой двери, старик наполнил водой из глиняного кувшина чашку изысканно тонкого фарфора. За занавесью лежали кое-какие подушки, а среди них стоял крохотный, не больше пяди в высоту, стол.

— Вопрос за вопрос, — объявил он. — Таков старинный закон. Мы назвали тебе свои имена, ты назвал ваши, а значит, начало положено. За что ты здесь?

Я объяснил, что вины за собою не вижу. Разве что за нарушение границ Обители Абсолюта?

Ломер кивнул. Кожа его отличалась своеобразной бледностью, присущей тем, кто никогда в жизни не видел солнца, спутанная борода и неровные зубы в любой другой обстановке внушали бы отвращение, но здесь, в неволе, он выглядел вполне уместно — не меньше истертых плит пола.

— Меня привели сюда козни шатлены Леокадии. Я был сенешалем ее соперницы, шатлены Нимфы, и когда та привезла меня сюда, в Обитель Абсолюта, дабы вместе со мной оценить состояние дел в имении, пока она принимает участие

в обрядах филомата Фоки, шатлена Леокадия подстроила мне ловушку, а пособила ей в этом Санша, которая…

Но тут его перебила старуха по имени Никарета.

— Смотри! — вскричала она. — Смотри, он ее знает!

Действительно, так оно и было. Перед моим мысленным взором тут же возникли покои в розовом и кремово-белом убранстве. Две из четырех стен комнаты представляли собою огромные окна в затейливых рамах; лучи солнца, струившиеся внутрь сквозь стекло, затмевали пламя, пылавшее в мраморных очагах, наполняя покои волнами сухого жара и ароматом сандала. Посреди комнаты, в кресле, похожем на трон, восседала старуха, закутанная в множество шалей, на инкрустированном столике подле нее стоял резной хрустальный графин и несколько фиалов темно-коричневого стекла.

— Старуха с крючковатым носом, — сказал я. — Знатная пожилая дама из рода Форс.

— Значит, ты вправду знаешь ее, — проговорил Ломер, неспешно, будто в ответ на самим же им заданный вопрос, покивав головой. — Первый за многие-многие годы.

— Точнее сказать, я ее помню.

— Да, — снова кивнул старик. — Говорят, сейчас она уже мертва, но в мои дни была прекрасной, крепкой здоровьем юной девицей. Шатлена Леокадия склонила ее к этому, а после устроила так, чтоб нас застали с поличным, о чем Санша, конечно же, знала заранее. Ей было всего четырнадцать, а потому ни в каких преступлениях ее не обвинили. Так ли, иначе, мы с нею оба ничего дурного не сделали: она только-только начала раздевать меня.

— Должно быть, тогда ты и сам был вполне молод, — заметил я.

Старик промолчал.

— Ему было двадцать восемь, — ответила за него Никарета.

— А ты? — спросил я. — Как ты оказалась здесь?

— Я? Добровольно.

Я в изумлении поднял брови.

— Кому-то следует искупить зло, творящееся на Урд, иначе Новое Солнце не придет никогда. Кто-то должен привлекать внимание к этому месту и к прочим ему подобным. Я — из армигерского рода, в котором меня, может статься, все еще помнят, и потому, пока я здесь, страже

приходится обходиться поосторожнее не только со мною, но и с прочими заключенными.

— То есть ты можешь уйти отсюда, когда захочешь, но не желаешь?

— Нет, не желаю, — подтвердила старуха, решительно покачав головой. От возраста волосы ее были совсем седы, однако она распустила их по плечам, как принято среди юных девиц. — Уйду я отсюда только на собственных условиях, а именно — если всех, пробывших здесь так долго, что они позабыли собственные преступления, отпустят на волю тоже.

Мне тут же вспомнился украденный для Теклы кухонный нож и струйка крови, будто бы крадучись вытекшая из-под дверей ее камеры в наших подземных темницах.

— Но правда ли, что заключенные здесь действительно забывают о совершенных преступлениях?

— Нечестно! — вскинулся Ломер. — Вопрос в обмен на вопрос, ответ в обмен на ответ — таков закон, закон старины. Закон старины мы храним и блюдем. Мы с Никаретой — последние из старого урожая, но покуда мы живы, жив и закон старины. Вопрос за вопрос. Есть ли у тебя друзья, что могут похлопотать об освобождении?

Доркас, разумеется, похлопотала бы, если бы знала, где я. Доктор Талос был непредсказуем, будто очертания облаков, и именно потому также мог бы похлопотать о моем освобождении, хотя веских мотивов для этого не имел. Основную надежду, пожалуй, внушало то, что меня прислал сюда Водал, а у Водала здесь, в Обители Абсолюта, имелся по крайней мере один свой человек — тот, кому я должен был передать сообщение. Пока мы с Ионой ехали на север, я дважды пытался выбросить тот кусочек стали, но обнаружил, что сделать этого не могу: очевидно, таковы были еще одни чары, наложенные на мой разум альзабо, и сейчас я был этому рад.

— Ну так как же? Есть у тебя связи? Друзья? Родственники? Если да, возможно, тебе удастся чем-то помочь и нам, остальным.

— Друзья… пожалуй, да, — отвечал я. — Они вполне могут попытаться помочь мне, если только узнают, что со мною случилось. А велика ли надежда на успех?

В подобной манере говорили мы еще долгое время; вздумай я написать обо всем подробно, моей истории не было бы конца. Кроме разговоров да пары несложных игр заняться там, в подземелье, было решительно нечем, и заклю-

ченные беседовали да играли, пока эти занятия не утратили весь смак без остатка, точно хрящ, который некто измученный голодом жевал с утра до вечера. Впрочем, во многих отношениях здешним заключенным живется куда лучше, чем клиентам, содержащимся под нашей башней: днями им незачем бояться мук и никому из них не одиноко. Однако оттого, что большинство пленников содержатся здесь так долго, а у нас клиенты обычно подолгу не задерживаются, наши, как правило, полны надежд, а те, кого держат в Обители Абсолюта, зачастую впадают в уныние.

Десяток, а то и более страж спустя мерцавшие в потолке светильники начали гаснуть, и я сказал Ломеру с Никаретой, что вот-вот усну. Они отвели меня в дальний от двери угол, где оказалось совсем темно, и объяснили, что это место будет моим, а когда кто-нибудь из заключенных умрет, мне по наследству достанется другое, получше.

Когда они уходили, до меня донеслись слова Никареты:

— Интересно, эти сегодня ночью явятся?

Ломер что-то ответил, но ответа его я не расслышал, а пускаться в расспросы, зверски уставший, не стал. Нога нащупала на полу тоненький тю-

фячок. Усевшись поверх него, я лег на спину, вытянулся в полный рост, и тут моя рука коснулась живого, теплого тела.

— Не пугайся, — раздался из темноты голос Ионы. — Это всего лишь я.

— Так что ж молчишь? Я видел, что ты на ногах, но от стариков отвязаться никак не мог. Отчего ты к нам не подошел?

— Молчал я, потому что задумался. А не подошел, потому что не мог отвязаться от женщин, с самого начала утащивших меня к себе. А уж после они сами не знали, как от меня отделаться. Севериан, я должен бежать отсюда.

— Бежать отсюда, наверное, всякому хочется, — заметил я. — Мне вот — определенно.

— А я — *должен*, иначе никак. — Изящная жесткая ладонь Ионы — левая, живая ладонь — крепко вцепилась в мою. — Иначе я либо покончу с собой, либо лишусь рассудка. Я ведь твой друг, верно? — Голос его понизился до едва различимого шепота. — Этот твой талисман… синий камень… может нас освободить? Преторианцы его не нашли, я знаю; я наблюдал, как тебя обыскивали.

— Не хочу я его вынимать, — сказал я. — Слишком уж ярко светится в темноте.

— Давай я подниму один из этих тюфяков и подержу так, чтоб нас загораживал.

Подождав, пока Иона не управится с тюфяком, я вытащил из-за голенища Коготь. Мерцал камень так тускло, что я мог бы прикрыть его свет ладонью.

— Он что же, гибнет? Угасает? — встревожился Иона.

— Нет, с ним часто такое случается. Однако действуя, как в тот раз, когда воду в кувшине для умывания в вино превратил или когда поверг в благоговение людей-обезьян, сверкает он ярче яркого. Так что если бегство Коготь нам обеспечить и сможет, то, думаю, не сейчас.

— Нужно с ним к двери поближе. Возможно, хоть замок отопрет.

Голос Ионы заметно дрожал.

— Позже. Пусть все остальные уснут. Если освободимся сами, я и их тоже на волю выпущу, но если дверь не откроется — а она, сдается мне, не откроется, — лучше бы им не знать, что Коготь при мне. А сейчас расскажи, отчего тебе нужно немедля бежать.

— Пока ты был занят разговорами со стариками, меня допрашивало целое семейство, — начал Иона. — С полдюжины старух, мужчина лет

пятидесяти, еще мужчина лет тридцати, три женщины помоложе и целый выводок ребятишек. К себе меня унесли, в небольшую нишу, их собственную, куда прочим заключенным без приглашения ходу нет, а их, ясное дело, приглашать никто не собирался. Думал, станут расспрашивать о друзьях на воле, о политике, о войне в горах, однако не тут-то было. Я для них оказался чем-то вроде забавы. Послушать им хотелось о реке, о местах, где я побывал, и много ли народу одевается таким же манером… А еще — о пище за стенами темницы. О еде вообще расспрашивали без конца, причем вопросы порой задавали самые дикие. Видел ли я когда-нибудь забой скота? Правда ли, что животные молят мясников о пощаде? А правда ли, будто те, кто делает сахар, вооружены отравленными шпагами и во всякое время готовы защищать его силой оружия?.. Да что там, они даже пчел никогда в жизни не видели и считают, что пчела — величиной этак с кролика!

Иона перевел дух.

— Со временем я тоже начал задавать вопросы и выяснил, что ни один из них, даже старшая из старух, никогда не был на воле. Очевидно, сюда помещают и мужчин, и женщин, и в свое время

у них рождаются дети. Да, некоторых забирают, но большинство остается здесь на всю жизнь. Без какого-либо имущества и без надежды на освобождение. На самом деле они даже не знают, что такое свобода. Конечно, старший из мужчин и одна из девиц совершенно серьезно сказали, что выйти наружу хотели бы, однако, по-моему, не имели в виду «остаться там навсегда». Старухи, по их же словам — заключенные в седьмом поколении, но одна невзначай и мать свою заключенной в седьмом поколении назвала. Удивительные, если вдуматься, люди! Снаружи — во всех мелочах порождения этих темниц, где всю жизнь провели, но внутри…

Иона ненадолго умолк, и тишина окутала нас, точно толстый слой ваты.

— Наверное, это можно назвать родовой памятью. Традиции внешнего мира, перенятые многими поколениями от первых заключенных, от предков… Они позабыли смысл множества слов, но крепко держатся за традиции, за рассказы о прошлом, потому что, кроме всего этого, истории да имен, у них ничего не осталось.

На сей раз Иона замолчал надолго. Я спрятал крохотную искорку Когтя на место, за голенище сапога, и вокруг вновь воцарилась непроглядная

тьма. Тяжелое, с присвистом, с хрипотцой, дыхание Ионы напоминало работу кузнечных мехов.

— Я спросил их, как звали первого заключенного, самого давнего из их предков. И мне ответили: «Кимлисун»… Ты слышал когда-нибудь это имя?

Я ответил, что имя это слышу впервые.

— Или, может, похожее что-нибудь? Допустим, здесь не одно слово, а три?

— Нет, ничего похожего, — ответил я. — Имена большинства тех, кого я знал в жизни, состояли из одного слова, если только не считать частью имени титул или какое-нибудь прозвище, прибавленное к нему оттого, что в компании собралось слишком много Болканов или, к примеру, Альто.

— Помнится, ты говорил однажды, что мое имя показалось тебе необычным. Так вот, когда я был… мальцом, имя «Ким Ли Сун» считалось самым обычным. Самым обычным… в землях, сейчас затопленных морем. А слышал ли ты о моем корабле, Севериан? Он назывался «Облако Удачи».

— Игорный дом на плаву? Нет, не слыхал о таком, но…

Взгляд мой привлек проблеск зеленоватого света — неяркого, едва различимого в темноте.

Под низкими сводами просторного, извилистого подземелья волной прокатился ропот множества голосов. Иона зашуршал, завозился, поднимаясь на ноги. Я вскочил тоже, но, стоило мне встать, был ослеплен голубой вспышкой. Такой сильной боли я не испытывал еще никогда: казалось, с лица начисто содрана и кожа, и плоть. Если бы не стена, мне бы, пожалуй, не удалось устоять на ногах.

В отдалении вновь вспыхнул голубой свет. Кто-то из женщин пронзительно вскрикнул.

Иона разразился руганью — по крайней мере, если судить по тону, так как язык этот оказался мне незнаком — и с громким топотом сорвался с места. В новой вспышке я узнал искру наподобие молний, которые видел в тот день, когда вместе с мастером Гюрло и Рохом подверг Теклу пытке «Революционером». Несомненно, Иона, как и я, закричал, но к этому времени в подземелье поднялся такой гам, что различить в общем шуме его голос мне не удалось.

Зеленоватые отсветы сделались ярче, и вскоре я, наполовину парализованный болью, скованный страхом, подобного коему не испытывал еще никогда, увидел, как они сливаются в чудовищной величины лицо, уставившееся на меня

блюдцами глаз и тут же угасшее, исчезнувшее во мраке.

Внушенного этим зрелищем ужаса перу моему не передать ни за что, если бы даже я, точно раб, трудился над этой частью повествования до скончания века. К мучительной боли прибавился страх ослепнуть, хотя по сути дела мы и без того были все равно что слепы. В подземелье царила тьма, а зажечь свечу или хотя бы ударить кресалом о кремень и высечь искру на трут никто из нас не мог. Повсюду вокруг кричали, рыдали, молились. В какой-то момент сквозь это дикое многоголосье отчетливо прорезался звонкий девичий смех, но и он почти сразу утих.

XVI
Иона

Алчущий света, точно изголодавшийся — мяса, я наконец рискнул извлечь из сапога Коготь… хотя, возможно, вернее будет сказать, что это Коготь подтолкнул меня к риску: пальцы словно сами собой скользнули за голенище и крепко стиснули камень.

Боль тут же унялась, все вокруг залило лазоревым светом. Шум усилился вдвое: увидев сияние, несчастные обитатели подземелья перепугались новой жути, обрушившейся на их головы неизвестно откуда. Я снова спрятал камень в сапог, а когда его свет полностью скрылся из виду, принялся шарить вокруг в поисках Ионы.

Сознания он, вопреки моим предположениям, не потерял — корчился на полу, шагах в двадцати от того места, где мы устроились отдыхать. Я перенес его в наш закуток (причем Иона показался мне на удивление легким) и, прикрыв нас обоих плащом, коснулся Когтем его лба.

В скором времени он сумел сесть. Я, раз уж напасть, постигшая нас в подземелье, миновала,

велел ему отдохнуть.

— Нужно компрессоры запитать, пока воздух вконец не испортился, — встрепенувшись, пробормотал он.

— Все в порядке, Иона. Все в порядке, — заверил его я, сам себя за то ненавидя, но говоря с ним, будто с самым маленьким из учеников, в точности так же, как многие годы назад говорил со мной мастер Мальрубий.

На запястье моем сомкнулось что-то холодное, твердое, однако движущееся, словно живое. Схватившись за странный предмет, я обнаружил, что это стальная рука Ионы, а спустя еще миг понял: он ищет ощупью мою ладонь.

— Тяжесть чувствую! — Голос Ионы звучал все громче и громче. — Но, может, дело только в огнях?

С этим он отвернулся. Из темноты донесся лязг и скрежет стальных пальцев о камень, и Иона заговорил сам с собой на каком-то незнакомом мне носовом, с преобладанием односложных слов языке.

Набравшись храбрости, я вновь вынул из-за голенища Коготь и еще раз коснулся им его лба. Мерцал самоцвет тускло, как и в тот раз, когда мы впервые рассматривали его тем вечером, и

легче Ионе не стало, однако со временем мне удалось успокоить его. Наконец, спустя долгое время после того, как остальные заключенные угомонились, мы улеглись спать.

Когда я проснулся, над головой снова горели неяркие светильники, но мне отчего-то казалось, что снаружи еще ночь — в крайнем случае самое начало утра.

Лежавший рядом со мной Иона все еще спал. В его рубашке зияла длинная прореха, и я смог разглядеть, где его опалило голубым пламенем. Вспомнив обезьяночеловека с отрубленной кистью руки, я огляделся, удостоверился, что нас никто не видит, и провел вдоль ожога Когтем.

На свету камень засиял, заискрился намного ярче, чем накануне вечером, и черный шрам… нет, не исчез, но сделался заметно уже, а воспаление по краям его пошло на убыль. Чтобы добраться до нижнего конца раны, я слегка приподнял ткань рубашки, а сунув руку в прореху, услышал едва уловимый звон — звон самоцвета о металл. Сдвинув ткань еще дальше в сторону, я обнаружил, что под нею кожа друга заканчивается — разом, словно трава вокруг крупного валуна, — уступая место блестящему серебру.

Первым делом мне подумалось, что это до-

спех, но вскоре я понял, что ошибаюсь. Это был металл, заменяющий часть тела, подобно металлическому протезу, заменявшему Ионе кисть правой руки. Насколько далеко он тянется вниз, я разглядеть не смог, а ощупывать ноги, опасаясь разбудить Иону, не решился.

Вновь спрятав Коготь в сапог, я поднялся на ноги и, дабы поразмыслить пару минут в одиночестве, отошел от Ионы к середине подземелья. Каким бы странным ни казалось оно накануне, пока все бодрствовали и занимались делами, сейчас это подземелье — убогое, сплошь в беспорядочных углах, нишах да выступах, словно бы сплюснутое под тяжестью низкого потолка — производило еще более странное впечатление. В надежде, что моцион, как это нередко случается, прибавит бодрости не только телу, но и уму, я принялся мерить помещение шагами вдоль и поперек, стараясь ступать потише, чтобы не потревожить спящих.

Не успев сделать и сорока шагов, я увидел на полу нечто казавшееся поразительно неуместным среди множества людей в обносках и засаленных, обшитых грубым холстом тюфяков. То была женская шаль, скроенная из какой-то плотной, глянцевито блестящей ткани оттенка спелого

персика. Аромат, исходивший от моей находки, не поддается описанию вовсе: непохожий на запах любого из фруктов или цветов, растущих на Урд, он, однако ж, был очень и очень приятен.

Но, стоило мне свернуть превосходную шаль, чтоб спрятать ее в ташку, за спиной зазвенел детский голосок:

— К несчастью это. Просто ужас к какому. Ты разве не знаешь?

Обернувшись и опустив взгляд, я обнаружил позади девочку с блестящими полночно-темными глазами, казавшимися слишком большими для ее бледного личика.

— Что именно, госпожа? Что именно к несчастью?

— Брать себе, что найдешь на полу. За потерянным после приходят. А отчего ты одет в черное?

— Это цвет сажи, тот, что чернее черного. Протяни сюда руку, я тебе покажу. Видишь, ладонь будто бы исчезает, когда я прикрываю ее краем плаща?

Крохотная и все же казавшаяся слишком большой для этаких хрупких плеч головка девочки склонилась в серьезном кивке.

— Черное носят могильщики. Ты тоже хоронишь людей? Когда хоронили навигатора, за

ним следом ехали черные повозки, шли люди в черных одеждах. Тебе доводилось бывать на таких похоронах?

Я присел перед нею на корточки, чтоб проще было смотреть в ее серьезное, без тени улыбки личико.

— Нет, госпожа, на похороны одежд цвета сажи не надевают, опасаясь быть принятыми за моих собратьев по гильдии и, весьма вероятно, запятнать репутацию умершего. А вот эта шаль… взгляни, какая красивая. Ты ведь о ней говорила? Отчего же такая находка — к несчастью?

Девочка закивала.

— Такие вещи остаются на полу после прихода хлыстов. Их положено пропихивать под дверь, сквозь щель у порога, не то они вернутся за потерянным.

Взгляд ее скользнул по шраму, пересекавшему мою правую щеку.

Я коснулся щеки.

— Хлысты… те самые, кто это сделал? Кто они? Я видел зеленое лицо в темноте…

— Я тоже. — В смехе девочки послышался перезвон колокольчиков. — Я думала, оно меня съест.

— Но вспоминать о нем тебе, кажется, ничуть

не страшно?

— Мама говорит: что видишь в темноте — пустяки, оно почти всякий раз разное. А вот хлысты бьют больно, и потому она меня за спиной держит, между нею самой и стенкой. Твой друг просыпается. Отчего у тебя вид такой чудной?

(Мне вспомнилось, как мы дружно хохочем — трое юношей и еще две девицы, примерно мои ровесницы. Гибер подает мне плеть из витой медной проволоки на увесистой рукояти, Лолиан готовит к забаве жар-птицу, которую собирался вертеть на длинном шнуре…)

— Севериан! — окликнул меня Иона.

Я поспешил к нему.

— Как хорошо, что ты здесь, — сказал он после того, как я присел рядом. — Мне уж подумалось… будто ты ушел.

— Отсюда не так-то просто уйти, если ты вдруг позабыл.

— Да, да… теперь вспоминаю. А знаешь, Севериан, как называется это место? Мне вчера рассказали. Аванзала… хотя тебе это, вижу, уже известно.

— Нет.

— Но ты же кивнул.

— Я вспомнил название, как только ты про-

изнес его, и сразу понял: да, так и есть. Я… то есть Текла, похоже, бывала здесь. И никогда не считала это подземелье странным местом для устройства тюрьмы — надо полагать, оттого, что других тюрем не видела, пока не очутилась в нашей башне, — но вот меня оно здорово удивляет. Одиночные камеры или хотя бы несколько обособленных помещений, на мой взгляд, намного практичнее… однако, может быть, все это лишь предрассудки.

Иона уперся руками в пол, приподнялся и сел, привалившись спиной к стене. Смуглое от загара, лицо его побледнело, заблестело от пота.

— Ты разве не понимаешь, каким образом все это устроили? Погляди вокруг.

Оглядевшись, я не увидел вокруг ничего нового. Просторное помещение, тусклые светильники в потолке…

— Все это были апартаменты, а то и не одни. Апартаменты из нескольких комнат. Потом стены снесли, а поверх старых полов настелили новый, единообразный. А сверху — наверняка навесной фальш-потолок. Если приподнять одну из этих панелей, увидишь за ним прежний, первоначальный.

Я поднялся во весь рост и попробовал подтолк-

нуть кверху одну из прямоугольных панелей. Достать до нее я достал, однако для хорошего толчка мне не хватило роста. Тогда все та же девочка, наблюдавшая за нами с расстояния в десяток шагов и, несомненно, вслушивавшаяся в каждое слово, сказала:

— Подними меня, а я подниму панель.

С этим она подбежала к нам. Приподняв ее, я убедился, что, обхватив ладонями тонкую талию, без труда подниму ребенка и над головой. Две-три секунды ее крохотные ручонки трудились над прямоугольником потолочной панели, и наконец панель подалась, обрушив на нас целую лавину пыли. Над панелью оказалась решетка из тонких металлических прутьев, а за ними виднелся сводчатый потолок, богато украшенный лепниной и изрядно облупленной росписью с изображением птиц в облаках. Тут руки девчонки ослабли, панель, снова обдав нас пылью, опустилась на место, и смотреть стало не на что.

Целой и невредимой опустив девочку на пол, я вновь повернулся к Ионе.

— Ты прав. Там, над этим потолком, есть еще один, старый, для помещения куда меньшего. Но как ты об этом узнал?

— Просто поговорив с этими людьми нака-

нуне.

Подняв руки — стальную ладонь и ладонь из плоти и крови, — он сделал вид, будто протирает глаза.

— Спровадь девочку прочь, ладно?

Я велел девчонке возвращаться к матери, но, подозреваю, она попросту пересекла помещение поперек, а после в обход, вдоль стенки, вернулась назад, чтобы не упустить ни слова.

— Такое ощущение, будто я просыпаюсь, — сказал Иона. — Кажется, вчера я говорил, что опасаюсь лишиться рассудка. Так вот, сейчас я, наоборот, прихожу в разум, а это нисколько не лучше и даже хуже.

До этого он сидел поверх холщового тюфяка, на котором спал, теперь же обмяк, привалившись к стене в той же позе, в какой мне однажды попался на глаза сидящий спиною к дереву труп.

— На борту корабля я обычно читал, — продолжал он. — И как-то раз прочел одну историю… впрочем, тебе о ней вряд ли что-либо известно — ведь сколько хилиад с тех пор минуло…

— Очевидно, да, — согласился я.

— История та совершенно не походила на то, что здесь происходит, но… сколько же общего! Куча пустячных курьезных обычаев и обыкно-

вений, причем некоторые на поверку не так уж пустячны. Странные традиции, странные законы… словом, я попросил корабль подобрать мне еще что-либо подобное.

На лбу его до сих пор поблескивали капельки пота, и я, решив, что он заговаривается, отер лоб Ионы лоскутом фланели, который носил с собой для ухода за клинком меча.

— Наследные правители, наследные подданные, чиновники самых невообразимых мастей. Копейщики с длинными седыми усами. — На губах Ионы мелькнула тень прежней ироничной улыбки. — «Белый Конь едет вниз по кочерге. Того и гляди упадет», — говорилось в записной книжке Короля.

В дальнем углу подземелья, у дверей, поднялась суматоха. Спавшие либо негромко беседовавшие меж собой заключенные один за другим поднимались и шли туда. Очевидно, решив, что и я направлюсь следом за всеми, Иона стиснул мое плечо пальцами левой руки, показавшейся мне слабой, как женская.

— Но исходно все было совсем иначе. — В его дрожащем голосе зазвучали стальные нотки. — Король, Севериан, избирался на Марсовом Поле и своей волей возводил подданных в графское

достоинство. То были так называемые Темные века. Лишь вольный житель Ломбардии мог стать бароном.

— Еду принесли! — сообщила возникшая рядом словно из ниоткуда девочка, которую я поднимал к потолку. — Вы идете?

— Пойду, раздобуду чего-нибудь на нашу долю, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Может, после еды тебе станет получше.

— За долгое время все это слишком прочно въелось в умы, — сказал Иона мне вслед. — Люди не знают, что…

Заключенные один за другим шли назад, бережно держа на локте небольшие ковриги хлеба. К тому времени, как я дошел до дверей, толпа поредела, и я сумел разглядеть, что двери отворены. За дверьми, в коридоре, стоял на страже серебристой тележки служитель в крахмальном колпаке из белой кисеи. Заключенные, выходя за порог аванзалы, обступали его кольцом, и я, последовав их примеру, ненадолго почувствовал себя свободным.

Однако сия иллюзия вскоре развеялась в прах. В обоих концах коридора, преграждая путь дальше, стояли гастаты, а еще двое загородили скрещенными копьями двери в Кладезь Зеленых

Курантов.

Кто-то коснулся моего локтя. Обернувшись, я обнаружил рядом седовласую Никарету.

— Непременно возьми что-нибудь, — сказала она. — Если не для себя, то для друга. Не бывало еще такого, чтоб еды хватило на всех.

Кивком поблагодарив ее, я через головы нескольких человек дотянулся до тележки и сумел ухватить пару липких ковриг.

— А часто ли нас кормят?

— Дважды в день. Вчера вас привели вскоре после второго раза. Все мы стараемся лишку не брать, но еды все равно недостаточно.

— Да это же сладкие булки, — сказал я, слизнув с кончиков пальцев сахарную глазурь, приправленную лимоном с мускатным орехом и имбирем.

Старуха кивнула.

— Как всегда, — подтвердила она, — хотя пекут их день ото дня по-разному. Вон там, в серебряном кофейнике, кофе, а на нижнем ярусе тележки можно взять кружку. Большинство тех, кто здесь заточен, кофе не любят, а потому и не пьют. По-моему, некоторые даже не знают, что это такое.

Сладкие булки разобрали, и заключенные, кроме нас с Никаретой, вновь удалились в под-

земелье с низкими потолками. Я, взяв с нижнего яруса тележки кружку, наполнил ее из кофейника. Кофе оказался весьма и весьма крепким, горячим, черным, как деготь, и щедро, до густоты, сдобренным медом с нотками чабреца.

— Разве ты не собираешься пить его?

— Ионе хочу отнести. Они не станут возражать, если я чашку с собой возьму?

— Вряд ли, — ответила Никарета, однако тут же едва заметно указала кивком на солдат.

Гастаты взяли копья на изготовку; пламя на остриях запылало ярче. Мы с Никаретой вернулись в аванзалу, и двери захлопнулись за нашими спинами, едва мы переступили порог.

Напомнив Никарете о том, что накануне она говорила, будто находится здесь по собственной воле, я спросил, известно ли ей, отчего заключенных балуют сдобными булками и кофе с далекого юга.

— Ты же сам знаешь, — отвечала она, — я по голосу слышу.

— Нет. Вот Иона, думаю, знает.

— Может, и знает. А все потому, что эта тюрьма якобы вовсе и не тюрьма. С давних пор — полагаю, так повелось еще до воцарения Имара, — Автарх, согласно обычаю, судит всякого, обвиненного в

преступлении, совершенном в пределах Обители Абсолюта, сам, лично. Возможно, прежним автархам казалось, будто, разбирая подобные казусы, они будут лучше осведомлены о зреющих против них заговорах. А может быть, они просто надеялись, справедливо судя людей из ближайшего своего окружения, посрамить ненавистников и вырвать ядовитые зубы человеческой зависти. Так ли, иначе, с делами важными разбираются без промедления, а вот обвиняемых в преступлениях невеликой серьезности отправляют сюда, дожидаться…

Буквально минуту назад захлопнувшиеся за нами, двери вновь отворились, и внутрь втолкнули оборванного коротышку с щербатым ртом. Упав, распростершись по полу, он живо поднялся и бросился к моим ногам. То был Гефор.

Заключенные в точности так же, как к нам с Ионой, бросились к нему, подняли, столпились вокруг, наперебой, во весь голос расспрашивая его кто о чем. Вскоре Никарета при помощи Ломера отогнала их и попросила Гефора назваться. Гефор смял в руках шляпу (совсем как в то утро, когда отыскал меня после ночевки у Ктесифонского перекрестка) и заговорил:

— Я — раб моего г-г-господина, избороздивший

сотни морей и к-к-карт истрепавший без счета, насквозь пропитавшийся п-п-пылью дорог, дважды покинутый, а по п-п-прозванью — Гефор!

Все это время он не отрываясь смотрел на меня с безумным блеском в глазах, точно одна из безволосых крыс шатлены Лейлы — тех, что начинают вертеться юлой, кусая собственный хвост, если хлопнуть в ладоши.

Охваченный неописуемым отвращением пополам с нарастающим беспокойством об Ионе, я поспешил вернуться туда, где мы провели ночь. Стоило мне сесть рядом с Ионой, образ трясущейся серокожей крысы, маячивший перед глазами, словно бы вспомнил, что он — всего-навсего образ, похищенный из памяти покойной Теклы, и, замерцав, подернувшись рябью, угас, подобно «рыбке» Домнины.

— Что стряслось? — спросил Иона, вроде бы чуть-чуть окрепший.

— Мысли покоя не дают.

— Плохо дело, особенно для палача. Одна радость — я в этом не одинок.

Я положил сладкие булки ему на колени, а кружку поставил поближе к руке.

— Кофе. По-городскому, без перца. Тебе ведь такой и нравится?

Иона, кивнул, поднес кружку к губам.

— А тебе?

— Я свой на месте выпил. Ешь булки — на удивление хороши.

Иона послушно впился зубами в булку.

— Мне край как нужно с кем-нибудь поговорить, а кроме тебя, и не с кем, пусть даже ты после решишь, будто я — настоящее чудовище. Впрочем, ты, друг мой Севериан, тоже чудовище, можешь не сомневаться. Ибо зарабатываешь хлеб насущный тем, чем обычно занимаются только ради забавы.

— А ты, мой чудовищный друг, металлом изрядно залатан, — парировал я. — И речь не только о ладони. Мне давно все известно. Ешь булки, кофе пей. Думаю, в следующий раз нас покормят не раньше, чем страж через восемь.

— Разбились мы при посадке. На Урд прошло столько времени, что к нашему возвращению не сохранилось ни единого подходящего порта, не говоря уж о доках. Так я остался и без руки, и, можно сказать, без лица. Товарищи по команде починили меня, как сумели, но запчастей не хватило. Под рукой оказался только… биологический материал.

Стальной рукой, которую я все это время счи-

тал немногим сложнее крюка, Иона подцепил другую руку, руку из плоти и кости, словно комок какой-нибудь мерзости, с тем чтоб избавиться от него поскорей.

— У тебя жар. Хлыст нанес тебе серьезную рану, но ничего. Скоро все заживет, а там мы выберемся отсюда и найдем Иоленту.

Иона кивнул.

— Помнишь, как мы выходили из-под свода Врат Скорби во всей этой сумятице, а она повернула голову так, что солнце осветило одну из щек?

Я ответил, что помню.

— Прежде я никогда не любил. Никогда никого не любил с тех самых пор, как наша команда распалась, разбрелась кто куда.

— Если есть больше не можешь, тебе непременно нужно отдохнуть.

— Севериан…

С этим Иона снова схватил меня за плечо, но на сей раз другой, стальной рукой — сильной, твердой, как клещи.

— Севериан, ты должен поговорить со мной. Иначе мне этой путаницы в мыслях не выдержать.

Какое-то время я говорил обо всем, что ни придет в голову, не слыша ни слова в ответ. Затем

мне вспомнилась Текла, нередко впадавшая в столь же глубокое уныние, и как я читал ей вслух. Вынув из ташки книгу в коричневом переплете, я открыл ее наугад.

XVII
Сказание об ученом книжнике и его сыне
Часть первая
Оплот магов

Некогда у самого края неукротимого моря высился город из множества островерхих башен. Жили там мудрые, и правил тем городом один закон и одно проклятие. Закон гласил: для всех, кто живет там, в жизни есть лишь два пути — возвыситься среди мудрых и покрыть голову капюшоном, отливающим мириадами красок, либо, оставив город, уйти одному в суровый, неприветливый мир.

И жил там ученый книжник, долгое время учившийся всей магии, известной в великом городе, а это ведь большая часть всей магии, известной миру. Наконец подошло ему время выбирать путь. В разгаре лета, когда желтые глазки цветов беспечно выглядывают наружу даже из темных стен, обращенных к морю, отправился он к одному из мудрых, укрывшему лицо под мириадами красок так давно, что немногие из живущих

помнили его черты, и с давних пор учившему магии книжника, которому настала пора сделать выбор. Пришел он к наставнику и сказал:

— Как могу я, пусть даже ничего не зная, занять место средь мудрых великого города? Ведь мне хотелось бы до конца дней изучать заклинания — все, кроме, конечно, запретных, — а уходить в неприветливый мир и добывать пропитание тяжким трудом землекопа или носильщика не хотелось бы вовсе.

И старик, рассмеявшись, отвечал ему вот что:

— Помнишь, как в те времена, когда ты едва-едва вырос из мальчишеских лет, я учил тебя мастерству воплощения сыновей из материи грез? Как искусен был ты в те дни! Всех других далеко превзошел! Ступай же, воплоти себе сына, а я покажу его укрывающим лица под капюшонами, и ты станешь одним из нас.

Но ученик его, книжник, сказал:

— По осени. Пусть пройдет лето — тогда и я сделаю все, как ты советуешь.

Настала осень. Сикоморы города множества башен, защищенные от ветров с моря высокими городскими стенами, сбросили листья, неотличимые с виду от золота, изготовленного их владельцами. Над шпилями башен потянулись к

югу росчерки гусиных стай, а за дикими гусями последовали скопы и орлы-ягнятники. Тогда старик вновь послал за учеником своим, книжником, и сказал ему:

— Уж теперь-то тебе, безусловно, пора, как советовал я, воплотить существо из материи грез, ибо терпение прочих укрывающих лица уже на исходе. Ты старше всех в городе, кроме нас, и если не возьмешься за дело немедля, может статься, к зиме тебя выгонят за городские ворота.

Но ученик его, книжник, ответил:

— Чтобы достичь того, к чему стремлюсь, мне нужно учиться дальше. Не мог бы ты похлопотать для меня об отсрочке до прихода зимы?

И старый наставник его вспомнил красу деревьев, столько лет услаждавших его взор, подобно белым рукам и ногам юных дев.

В свой срок золотая осень поблекла, и в земли те крадучись явилась из своей ледяной столицы, где солнце катится вдоль края света шариком из золотой мишуры, а в небе пылают огни, плывущие меж Урд и звездами в небе, зима. Ее дыхание обратило волны морские в сталь, и город магов, приветствуя гостью, украсил балконы ледяными хоругвями, а кровли щедро посеребрил изморозью. И вновь старик призвал к себе ученика,

и вновь ученик попросил его об отсрочке, как прежде.

С приходом весны все живое на свете возрадовалось, но по весне город множества башен оделся в черное, а магами овладела ненависть, презрение к собственным силам, что гложет сердце и душу, словно червяк. Ибо властвовал над городом тем всего один закон и всего одно проклятие, и если закон сохранял силу свою круглый год, проклятие обретало власть с началом весны. Весной прекраснейшие из дев великого города, дочери магов, облачались в зеленое и, в то время как нежный весенний ветер игриво ерошил их золотистые локоны, шли необутыми за городские ворота, по узкой дорожке, спускавшейся к бухте, а там поднимались на борт ожидавшего их корабля под черными парусами. Из-за золотистых волос и платьев зеленого фая, а еще оттого, что магам казалось, будто дочерей их пожинают, подобно созревшему урожаю, называли их Кукурузными Девами.

Услышав скорбные песнопения и причитания, выглянул давний, но все еще не увенчанный капюшоном ученик старого мага в окно, увидел девиц, вереницей тянувшихся к бухте, отложил в сторону все свои книги и принялся чертить на

пергаменте фигуры, никем доселе не виданные, и писать на множестве языков, как учил наставник в давние-давние времена.

Часть вторая
Воплощение героя

День за днем трудился ученый книжник не покладая рук. Когда в окно кабинета проникали первые отсветы зари, его перо скрипело уже который час, а когда меж островерхих башен выгибал спину серпик луны, стол его озаряла яркая лампа. Поначалу ему казалось, будто все искусство, перенятое от наставника в юности, им давно позабыто, так как с рассвета до восхода луны он оставался в своих покоях один, если не брать в расчет ночных бабочек, прилетавших порой попугать знаком Смерти бесстрашное пламя свечи.

Но вот в сновидения, навещавшие книжника, когда он порой клевал носом над рабочим столом, прокрался еще кое-кто, и, зная, кто это такой, ученый был ему рад, хотя сны неизменно оказывались столь мимолетны, что вскорости забывались.

Однако ученый книжник не оставлял трудов, и то, что он стремился создать, заклубилось, сгусти-

лось вокруг него, как сгущается дым над новой охапкой хвороста, подброшенного в почти угасший огонь. Время от времени (а особенно в самые ранние либо самые поздние часы работы, когда он, в кои-то веки отложив в сторону все принадлежности своего ремесла, вытягивался во весь рост на узкой постели, положенной тем, кто еще не успел заслужить многокрасочного капюшона) до слуха его — всякий раз из другой комнаты — доносились шаги, шаги человека, которого книжник надеялся призвать в мир живых.

Со временем все эти знаки, вначале нечастые и, сказать откровенно, как правило, наблюдавшиеся лишь в те ночи, когда над частоколом башен рокотала гроза, стали делом вполне обычным и, несомненно, свидетельствовали о присутствии рядом кого-то еще: то книга, десятилетиями не покидавшая полок, обнаруживалась подле кресла, то окна и двери отворялись словно бы сами собой, то древний ханджар, многие годы служивший украшением комнаты, не более смертоносным, чем фреска-тромплей, чудесным образом избавлялся от патины, обретал остроту и блеск…

И вот однажды, в золоте светлого дня, когда ветерок забавлялся невинными детскими играми среди едва оперившихся зеленой листвой

сикомор, в дверь кабинета постучали. Не смея ни обернуться, ни выразить голосом хоть малую толику нахлынувших чувств, ни даже прервать работу, ученый книжник ответил:

— Входи.

Подобно дверям, отворяющимся среди ночи, хотя в покоях нет никого живого, дверь мало-помалу, по волоску, начала отворяться наружу. Однако ж чем шире она распахивалась, тем быстрее, увереннее становилось ее движение, и когда дверь (если судить по скрипу) отворилась настолько, что внутрь могла бы пройти ладонь, казалось, что жизнь в ее деревянное сердце вдохнул шаловливый сквозняк, дунувший из-за окна. После того, как дверь — опять же если судить по скрипу — отворилась еще того шире, настолько, что в проем прошел бы робкий невольник-илот с подносом, створка ее грохнула о стену, словно подхваченная шквалом, налетевшим с берега разгулявшегося моря. За спиной книжника раздались шаги — быстрые, решительные шаги — и почтительный, юный, однако по-мужски звучный голос, обращающийся к нему:

— Не по душе мне, отец, докучать тебе, когда ты столь глубоко погружен в занятия, но мое сердце чрезвычайно встревожено, причем уже не пер-

вый день. Молю тебя ради любви ко мне стерпеть сие вторжение и посоветовать, как разрешить мои трудности.

Тут книжник наконец осмелился обернуться, а обернувшись, увидел перед собою юношу — осанкой гордого, в плечах широкого, сложением крепкого. В твердо сжатых губах его чувствовалась властность натуры, взор был исполнен разума, а волевой подбородок свидетельствовал о недюжинной храбрости. На челе юноши сиял венец, незримый для глаз, но видимый даже слепому — тот самый бесценный венец, что превращает храбрецов в паладинов, а слабым придает мужества.

— Сын мой, — сказал ученый книжник, — не бойся обеспокоить меня ни сейчас, ни когда-либо в будущем, ибо не существует под сводом Небес того, что мне хотелось бы видеть чаще лица твоего. Что тебя беспокоит?

— Отец, — отвечал юноша, — вот уже много ночей кряду мой сон прерывают горестные вопли женщин, а нередко я вижу их, зеленой вереницей, подобно змее, привлекаемой игрой на свирели, тянущимися вдоль склона утеса под нашим городом к бухте. Случается, сон позволяет мне подойти ближе, и тогда я вижу, что вереницу

ту составляют девы одна другой краше и что на ходу они плачут, стонут, колеблются, словно молодые ростки пшеницы под воющим ветром. Что бы мог значить сей сон?

— Сын мой, — заговорил ученый, — пришло время рассказать тебе обо всем, что я скрывал от тебя до сих пор, опасаясь, как бы пыл юности прежде срока не подтолкнул тебя к слишком опрометчивому поступку. Знай: город наш терпит притеснения от великана, и тот каждый год требует присылать к себе прекраснейших из его дочерей — именно это и явлено тебе в сновидениях.

Услышав это, юноша гневно сверкнул глазами и требовательно спросил:

— Кто этот великан, каков с виду и где обитает?

— Имя его никому из людей не известно, ибо никто из людей не может подойти к нему столь близко, чтобы спросить о том. Обликом он «навискапут» — то есть, на взгляд человека, схож с кораблем, палуба коего, в действительности служащая ему плечами, увенчана единственной башней, служащей ему головою с единственным глазом во лбу. Однако тело его пребывает в глубинах морских, среди акул и скатов, руки длиннее

самых высоких мачт, а ноги, подобно сваям, достигают морского дна. Гавань его на острове к западу отсюда, где пролив о множестве излучин и рукавов, то разделяясь, то снова сливаясь в единое русло, далеко врезается в сушу. На острове том — так гласит мной изученное — держит он в неволе Кукурузных Дев, сам же стоит среди них на якоре, неустанно обращая взор то вправо, то влево и тешась их отчаянием.

Часть третья
Встреча с царевной

Отправился тогда юноша в город, призвал прочих юношей оплота магов стать ему спутниками и товарищами, а от носивших многокрасочные капюшоны потребовал прочный корабль и все лето вместе с собранными им юношами снаряжал тот корабль, оснащал борта мощнейшей артиллерией, сотню раз поднимал и спускал паруса и палил из орудий, пока корабль не стал послушен его руке, словно кобыла чистых кровей — руке всадника. Из сострадания к Кукурузным Девам корабль окрестили «Страною Дев».

И вот наконец, когда с сикомор посыпалось золото листьев (ведь даже золото, изготовленное

магами, рано ли, поздно рассыпается в прах, сокрушенное руками людей) и над островерхими башнями потянулись к югу стаи серых гусей, а за ними с криками понеслись вдаль скопы и орлы-ягнятники, юноши подняли якорь. Многое выпало на их долю в долгом плавании, пока они следовали путями китов к острову великана, однако сейчас рассказывать обо всем этом не время. После множества приключений впередсмотрящие увидели на горизонте россыпи рыжевато-бурых холмов, усеянных зелеными пятнышками. Стоило им, защитив глаза ладонями, приглядеться внимательнее, зеленые пятнышки начали неуклонно расти, сливаться друг с другом, и юноша, воплощенный ученым книжником из сновидений, понял: да, это в самом деле остров ужасного великана, а к берегу, завидев его парус, отовсюду спешат Кукурузные Девы.

Изготовив к стрельбе огромные пушки, подняв на мачтах желтые с черным знамена города магов, подходили они все ближе и ближе, пока, опасаясь мелей, не свернули и не взяли курс вдоль берега. Кукурузные Девы последовали за кораблем, по пути привлекая к себе все больше и больше сестер по несчастью, пока, будто кукуруз-

ные всходы, не покрыли всю землю сплошным зеленым ковром. Однако юноша, не забывший, что ему было сказано, знал: среди них, Кукурузных Дев, и живет великан.

В плавании вдоль берега прошло около половины дня, а затем, обогнув мыс, юноши увидели, что в глубину суши от берега до самого горизонта тянется глубокий пролив, петляющий меж холмов. У входа в пролив возвышался беломраморный купол, окруженный садами. Здесь юноша отдал товарищам приказ бросить якорь и сошел на берег.

Едва он ступил на землю острова, навстречу ему вышла девица необычайной красы — лицом смуглая, волосом черная, взором ясная. Склонился перед ней юноша и сказал:

— Царевна, а может, царица, я вижу, ты — не из Кукурузных Дев. Их платья зелены, твое же черно, словно мех соболя. Хотя, будь на тебе зеленый наряд, я все равно узнал бы, кто ты, ибо во взгляде твоем нет печали, а свет, исходящий из глаз — не свет Урд.

— Правда твоя, — отвечала царевна, — ведь я — Ноктуа, дочь самой Ночи и дочь того, кого ты пришел лишить жизни.

— Тогда друзьями мы с тобой, Ноктуа, стать не

можем, но давай не будем и враждовать, — сказал юноша.

Воплощенного из материи грез, его неизвестно отчего влекло к ней, а ее, чьи глаза лучились сиянием звезд, к нему, и царевна, раскинув в стороны руки, ответила так:

— Знай: мой отец взял мать силой, а меня держит здесь вопреки моему желанию, отчего я вскоре лишилась бы разума, если б она не приходила ко мне в конце каждого дня. Да, печали в моих глазах ты не видишь, но лишь потому, что таится она глубоко в моем сердце. Дабы обрести свободу, я охотно расскажу тебе, как вступить в бой с отцом и восторжествовать.

Все юноши великого города магов разом умолкли и собрались вокруг, послушать, что она скажет дальше.

— Для начала ты должен понять: русло пролива, рассекающего этот остров, вьется, кружит так, что его не нанести на карту. Блуждая в нем, ни в коем случае не поднимай парусов, но разожги топки, прежде чем двинуться дальше.

— Этого я не страшусь, — сказал юноша, воплощенный из сновидений. — Половина леса была повалена, чтоб наполнить дровами наши бункера, а вон те огромные колеса пройдут по

этим водам поступью исполинов.

Услышав это, принцесса затрепетала.

— О, не поминай исполинов, ибо ты сам не знаешь, о чем говоришь. До вас сюда приходило такое множество кораблей, что топкое дно всех этих проливов белым-бело от человеческих черепов. У отца моего заведено позволять приплывающим с ним сразиться блуждать по протокам средь россыпей островков, пока не иссякнет топливо, сколько бы его ни было в бункерах, а после являться по их души ночью, видя мерцание их угасающих топок, тогда как самого его не разглядеть, и истреблять всех до одного.

Тут в сердце юноши, воплощенного из сновидений, зашевелилась тревога.

— И все же мы пойдем искать его, как поклялись. Неужели для нас нет способа избежать судьбы тех, прочих?

И стало царевне жаль его — ведь все, в ком есть хоть немного от сновидений, в той или иной мере прекрасны (по крайней мере, на вкус дочерей Ночи), а он показался ей прекраснее всех остальных.

— Чтобы найти отца, прежде чем в топках догорит последняя щепка, — сказала она, — ищи только в самой темной воде, так как где бы он ни

прошел, огромное тело его поднимает со дна зловонную муть — по мутному следу его и отыщешь. Но помни: поиски каждый день начинай с рассветом, а в полдень остановись, иначе можешь наткнуться на него в сумерках, и кончится это для тебя скверно.

— За такой совет и жизни не жаль, — сказал юноша, и все товарищи, сошедшие с ним на берег, разразились криками ликования. — Теперь-то мы одолеем великана наверняка.

Серьезное, без тени улыбки, лицо царевны сделалось серьезнее прежнего.

— Нет, не наверняка, — возразила она, — ибо он — страшный противник в любой морской битве. Однако знаю я одну военную хитрость, которая может помочь тебе. Ты говоришь, припасов на борту в изобилии. А есть ли у вас вар, чтоб заново просмолить корабль, если он даст течь?

— Множество бочек, — ответил юноша.

— Тогда во время боя держись так, чтоб ветер дул от тебя к нему. А когда бой станет жарче всего — долго этого, после того как вы встретитесь, ждать не придется, — вели кочегарам бросить вар в топки. Не могу обещать, что это обеспечит победу, но поможет вам очень и очень.

Тут юноши поблагодарили ее в самых изыскан-

ных выражениях, а Кукурузные Девы, стыдливо державшиеся поодаль, пока воплощенный из сновидений юноша вел разговор с дщерью Ночи, подняли крик — крик, по-девичьи негромкий, но исполненный искренней радости.

Готовясь к отплытию, юноши зажгли огни в огромных топках посредине корабля, и родился в котлах топок тех белый дух, ведущий добрые корабли вперед, какие бы и откуда ни дули ветры, а царевна, оставшаяся на берегу, благословила их путь.

Но как только огромные колеса пришли в движение, завертелись — поначалу так медленно, что едва разглядишь, — подозвала она к борту юношу, воплощенного из сновидений, и сказала:

— Может статься, отца разыскать ты сумеешь. А если так, то, может статься, сумеешь и одолеть его, несмотря на всю его удаль. Но после этого найти дорогу назад, к морю, вам будет крайне непросто: уж очень затейливы русла проливов, ведущих в глубину острова. Однако и этому горю можно помочь. Сними кожу с кончика указательного пальца правой ладони отца. На ней увидишь ты тысячу извилистых, путаных линий. Не падай духом, но приглядись к ним со всем вниманием: ведь это — карта, указующая отцу путь в

лабиринте проток. Таким образом он постоянно держит ее при себе.

Часть четвертая
Битва с великаном

Направили юноши города магов корабль в глубину острова. Как и предсказывала царевна, вскоре пролив разделился надвое, и еще раз, и еще, и вскоре корабль окружила целая тысяча ветвящихся проток меж десятка тысяч крохотных островков. Когда тень грот-мачты, съежившись, сделалась не больше шляпы, юноша, воплощенный из сновидений, отдал приказ встать на якорь и загасить топки. Долго, до самого вечера, ждали они, смазывая пушки, отмеряя порох, готовя к делу все, что могло пригодиться в труднейшем, невиданном прежде бою.

В свой срок, шагая с островка на островок, явилась к ним Ночь. Над плечами ее кружили летучие мыши, рядом рысцой трусили лютые волки. С борта стоящего на якоре корабля она казалась противником не из грозных: единственный выстрел из карронады, и делу конец, однако ни от кого не укрылось, что и Геспер, и даже Сириус шествуют не за ней — впереди. Всего на

миг повернулась она лицом к кораблю, и никто не смог бы сказать, что таит в себе ее взор, но все призадумались: в самом ли деле великан, как говорит ее дочь, овладел ею силой, а если да, быть может, в ее сердце еще не угасло справедливое негодование?

С первым лучом рассвета на шканцах взревела труба, в загашенные топки снова подбросили дров, но утренний бриз дул прямо вдоль протоки, которой они держались, и потому, пока гребные колеса готовятся к первому обороту, юноша приказал поднять все паруса. Когда пробудился в котлах белый дух, корабль устремился вперед вдвое быстрее обычного.

Многие лиги протока шла если и не совсем, то почти прямо, так что ни подбирать паруса, ни даже менять галс не требовалось. В протоку ту впадала сотня других, и всюду юноши города магов пристально вглядывались в глубину, но вода всякий раз оказывалась прозрачна, словно хрусталь. О странных зрелищах, открывавшихся на пройденных кораблем островках, можно сложить дюжину сказаний ничуть не короче этого. С одного над бортом склонялись женщины, растущие на стеблях, как цветы, и целовали проплывавших мимо, стремясь измазать их лица

пудрой со щек; на другом подле винных источников, бьющих из-под земли, лежали вповалку мужчины, давным-давно упившиеся до смерти, но до сих пор хмельные и во хмелю не заметившие, что жизни их подошли к концу; на третьем обитали жуткие звери в шкурах небывалых мастей — знамения будущего, дожидавшиеся грядущих войн, землетрясений и цареубийств…

Наконец к юноше, воплощенному из сновидений, стоявшему за плечом рулевого, подошел товарищ его, назначенный старшим помощником.

— Долгое время идем мы этой протокой, — сказал он. — Смотри: солнце, еще не показавшее лик, когда мы подняли паруса, близко к зениту. Следуя ею, мы миновали тысячу других проток, но следов великана ни в одной не нашли. Может статься, мы выбрали неудачный курс? Не стоит ли вскоре свернуть и попытать счастья в другой?

На это юноша, воплощенный из сновидений, ответил так:

— У нас и сейчас протока по правому борту. Взгляни и скажи: мутней ли в ней воды, чем в нашей?

— Нет, чище, — отвечал старший помощник, послушно бросив взгляд за борт.

— Вскоре по левому борту откроется еще одна. Проверь, сколь глубоко сможешь в нее заглянуть.

Дождавшись, пока корабль не подойдет к указанной протоке поближе, старший помощник ответил:

— До самого дна. Вон и обломки древнего корабля под толщей воды во много морских саженей.

— А разглядишь ли ты дно протоки, которой идем мы?

Старший помощник взглянул в те воды, что рассекал нос их корабля. Вода протоки оказалась темна, будто чернила: даже брызги из-под огромных гребных колес — что вороны да грачи! Тут он все понял и закричал, веля остальным не отходить от пушек (в иных командах никто не нуждался, так как к бою все было готово давным-давно).

Впереди лежал островок, высотой превосходивший большинство прочих, увенчанный высокими, мрачными деревьями. Здесь протока плавно изгибалась, так что ветер, до сих пор дувший прямо в корму, подул в кормовую скулу. Рулевой повернул штурвал, шкотовые, отпустив нужные паруса, подтянули другие, и корабль на полном ходу обогнул громаду скалистого мыса.

За мысом путь им преградил другой корабль — остроносый, длинный, с единственной железной башней посередине и единственной пушкой намного больше любой из их пушек, торчавшей из единственной амбразуры.

Тут юноша, воплощенный из сновидений, открыл было рот, чтоб скомандовать расчету носовой батареи «огонь», но, прежде чем с языка его сорвалось хоть словечко, над водой грянул выстрел исполинской пушки врага. Грохот ее был не похож ни на гром, ни на любой другой звук, знакомый слуху людей; казалось, все они очутились в огромной каменной башне и башня та в один миг рухнула наземь.

Ядро врага, угодив прямо в казенную часть первой из пушек батареи правого борта, разнесло ее на куски и само разлетелось вдребезги, и град осколков, хлестнувший по палубе ворохом темных листьев, подхваченных ураганом, унес с собою немало жизней.

Тогда рулевой, не дожидаясь приказа, развернул корабль левым бортом к врагу, и пушки левого борта открыли огонь — вразнобой, по готовности тех, кто наводил их на цель, будто волки, воющие на луну. Ядра их пронеслись мимо единственной башни противника, а некоторые

ударили прямо в нее, так что башня разразилась погребальным звоном по погибшим мгновением раньше, а еще несколько канули в воду у борта хищного остроносого корабля, а еще часть ядер, отскочивших от палубы (также железной), с визгом ушли в небеса.

Единственная пушка врага вновь подала голос.

Так бой и продолжался — считаные минуты, но каждая из них казалась длиннее целого года. Наконец юноша, воплощенный из сновидений, припомнил совет, полученный от царевны, дочери Ночи, но ветер, хотя и крепкий, по-прежнему дул в кормовую скулу, и, если развернуть корабль так, чтоб (согласно совету принцессы) оказаться с наветренной стороны от противника, стрелять большую часть времени смогут только носовые орудия либо батарея правого борта, одна из пушек которой разбита, а расчеты изрядно прорежены градом осколков.

Но в этот миг его осенила еще одна мысль: ведь бьются они точно так же, как сотни их предшественников, а все эти сотни предшественников нашли здесь смерть, корабли их потоплены, а кости устилают дно мириадов проток, избороздивших паутиной морщин лик острова великана. Тогда отдал он приказ рулевому, но рулевой не

откликнулся, так как тоже пал жертвой осколков, а на ногах держался лишь потому, что перед смертью мертвой хваткой вцепился в штурвал. Видя это, юноша, воплощенный из сновидений, встал за штурвал сам и развернул корабль носом к противнику. Тут три сестры и явили то самое пресловутое благоволение храбрым: очередное ядро, пущенное врагом, могло бы прошить корабль от форштевня до кормового транца, однако просвистело мимо левого борта на расстоянии не больше длины весла, а следующее разминулось с целью по правому борту этак на ширину шлюпки.

Тут враг, до сих пор стоявший на месте, не пытаясь ни отступить, ни пойти на сближение, лег в разворот. Видя, что противник не прочь сбежать, если сможет, на корабле разразились громкими криками торжества, будто уже одержали победу. Однако — вот чудо! — единственная башня врага, до сих пор всем казавшаяся неподвижной, развернулась кругом, и огромное, больше любой их пушки, орудие снова нацелилось на корабль юношей города магов.

Еще миг — и выпущенное им ядро угодило в самую середину правого борта, сбив одну из пушек с лафетной рамы, как хмельной буян мог

бы вышвырнуть из колыбели младенца. Тяжелая пушка покатилась по палубе, круша все на своем пути, а прочие пушки батареи — те, что остались целы, — откликнулись дружным хором огня и железа. Ну а оттого, что разделявшее корабли расстояние сократилось больше чем вдвое (а может, лишь потому, что враг, проявив страх, утратил толику прочности), ядра их зазвенели о башню не вхолостую, не гулко — пожалуй, с этаким глухим, скрежещущим лязгом мог бы лопнуть колокол, возвещающий конец света, и по вороненому, жирно поблескивавшему железу прянули во все стороны рваные трещины.

Тогда юноша, воплощенный из сновидений, закричал в раструб переговорной трубы, веля тем, кто беззаветно нес вахту в машинном отделении и кормил топки колотыми поленьями, швырнуть в огонь вар, как советовала царевна. Поначалу он испугался, что внизу все мертвы либо в грохоте битвы не поняли приказания, но вскоре от корабля их к врагу, укрывая сверкающие на солнце волны протоки, потянулась длинная тень, и юноша, воплощенный из сновидений, поднял взгляд к небу.

Рассказывают, будто некогда, в древние времена, некая маленькая оборванка, рыбацкая дочь,

отыскав на песке закупоренную бутылку, сломала печать, вынула пробку — и стала царицей, и царство ее простерлось от льдов до льдов. Казалось, в эту минуту точно такой же дух природных стихий, исполненный первозданной силы, что некогда выковала само мироздание, вырвался на свободу из высоких дымовых труб корабля, закувыркался над волнами в мрачном веселье, разрастаясь под дуновением ветра.

И в самом деле, бессчетные руки окрепшего ветра подхватили его, поволокли сплошной массой к врагу. Однако, пусть даже больше не видя перед собой ничего — ни длинного темного корпуса под железной палубой, ни пасти единственной пушки, в каждом слове которой слышался смертный приговор, — юноши города магов без промедления бросились к орудиям и принялись стрелять по непроглядно-черной завесе. Время от времени пушка врага грохотала в ответ, однако вспышек выстрелов никто разглядеть не мог, и, уж конечно, никто из юношей города магов не видел, куда бьют выпущенные ядра.

Может статься, те ядра, до сих пор никуда не попав, и поныне летят вокруг света в поисках цели.

Стреляли они, пока раскаленные стволы пушек

не засияли, словно золотые слитки, едва-едва покинувшие тигель. Тут дым, так долго клубившийся над водой, поредел, а снизу в переговорную трубу прокричали, что вар сожжен без остатка. Тогда юноша, воплощенный из сновидений, приказал прекратить огонь, и те, кто стоял у орудий, замертво рухнули с ног среди множества трупов, не в силах даже попросить воды.

Черная туча таяла, но вовсе не так, как тает на солнце туман, — схожим образом войско, готовое ко всякой напасти, подается под новыми и новыми ударами врага, где отступая, где упорно держа оборону, а где и, пусть малыми силами, атакуя в ответ, хотя, казалось бы, битва уже безнадежно проиграна.

Тщетно искали они врага среди вновь засверкавших на солнце волн: нигде вокруг не было видно ни хищного остроносого корпуса, ни башни, ни исполинской пушки, ни даже жалкой доски или обломка рангоута.

Не торопясь, с осторожностью, словно опасаясь незримой опасности, подошли юноши города магов к тому самому месту, где стоял он на якоре, и заметили сломанные деревья и взрыхленную мощью их ядер землю на берегу островка. Когда корабль оказался именно там, где покачивался

на волнах длинный железный корпус врага, юноша, воплощенный из сновидений, скомандовал «стоп», огромные гребные колеса завертелись в обратную сторону, и наконец корабль, в точности как вражеский, замер на воде без движения. Тут юноша, воплощенный из сновидений, подступив к лееру, взглянул за борт, но с таким выражением лица, что все вокруг, даже самые храбрые, поспешили отвести взгляды.

Подняв взгляд, мрачно, решительно хмурясь, ни слова никому не сказав, ушел он к себе в каюту и запер дверь изнутри. Тогда юноша, что был его правой рукой, приказал развернуть корабль, дабы отправиться в обратный путь, к беломраморному куполу царевны Ноктуа, перевязать раненых, запустить помпы и приступить к ремонту всего, что поддается починке. Погибших решено было взять с собой, для погребения в открытом море.

Часть пятая
Смерть ученого книжника

Может статься, протока была вовсе не так прямa, как полагали юноши города магов. А может, в бою они, сами того не заметив, сбились с верного

курса. А может, протоки (как утверждали некоторые) извивались, подобно червям в чреве трупа, когда никто этого не видит. Как бы там ни было, целый день шли они на всех парах, поскольку ветер утих, но к закату корабль их по-прежнему окружали совсем незнакомые островки.

На ночь легли в дрейф. С наступлением утра старший помощник созвал к себе юношей из тех, кто, согласно его надеждам, мог посоветовать что-либо ценное, но ни один из них не сумел предложить ничего иного, кроме как обратиться за помощью к юноше, воплощенному из сновидений (а обращаться к нему им отчаянно не хотелось), или идти вперед, пока прямо по курсу не покажутся открытые воды либо беломраморный купол царевны.

Так они и порешили: весь день шли вперед, стараясь держать курс прямо, но против собственной воли петляя сообразно извилистым руслам проток. Когда вновь наступила ночь, положение храбрецов нисколько не улучшилось.

Однако утром третьего дня юноша, воплощенный из сновидений, вышел из каюты и принялся, как обычно, расхаживать по палубе взад-вперед, глядя, как обстоит дело с ремонтом, и справляясь о самочувствии разбуженных болью раненых.

Тут старший помощник с теми, кого он просил о совете, подошли к нему, рассказали обо всем, что было сделано, и спросили, как им теперь вновь отыскать путь к морю, чтоб подобающим образом похоронить павших и вернуться домой, в город магов.

Юноша, воплощенный из сновидений, устремил взгляд ввысь, к самой вершине небесного свода. Одни решили, будто он молится, другие — что сдерживает вызванный ими гнев, третьи — что всего лишь надеется на внезапное озарение. Однако в небеса он смотрел так долго, что всех вокруг охватил страх, точно такой же, как в те минуты, когда предводитель их глядел в воду, и двое-трое украдкой подались прочь, но тут юноша, воплощенный из сновидений, заговорил:

— Смотрите! Разве не видите вы птиц морских? Отовсюду, со всех сторон, они слетаются вон туда. Следуйте же за ними.

До самого конца утра следовали они за летящими птицами, насколько позволяли хитросплетения проток, и наконец увидели великое множество птиц, кружащих над водой и ныряющих в волны. Белые крылья их и угольно-черные головы, сливаясь воедино, казались облаком, нависшим над самой водой прямо по носу, белым

снаружи, но темным, чреватым грозой изнутри. Тогда юноша, воплощенный из сновидений, велел зарядить карронаду одним только порохом и выстрелить из нее, и вспугнутые грохотом выстрела птицы морские с пронзительным, жалобным воплем взвились ввысь. Там, куда птицы слетались со всех сторон, покачивалось на волнах исполинское мертвое тело, с виду будто бы туша какого-то сухопутного зверя (вон голова, а вон и четыре ноги), однако величиною превосходящего многих слонов.

Когда корабль приблизился к зверю вплотную, юноша, воплощенный из сновидений, приказал спустить на воду шлюпку, а перед тем, как сесть в нее самому, сунул за пояс огромный ханджар, ярко блеснувший на солнце. Какое-то время трудился он над мертвым телом, а вернувшись на борт, принес с собой карту невиданной прежде величины, вычерченную на недубленой коже.

К наступлению сумерек юноши города магов достигли беломраморного купола царевны Нактуа. Пока царевну навещала мать, все ждали на борту, но когда сия устрашающая дама удалилась, способные ходить сошли на берег, а Кукурузные Девы окружили их — по целой сотне на каждого, и юноша, воплощенный из сновидений,

заключив дщерь Ночи в объятия, вместе с нею возглавил начавшийся танец. Той ночи никто из них не забыл до конца дней.

Предутренняя роса застала их под деревьями, в саду царевны, наполовину укрытых цветами. Спали храбрецы непробудным сном, но когда наступивший полдень отбросил назад тени мачт, проснулись и принялись готовиться к отплытию. Царевна, распрощавшись с островом, поклялась посетить все страны, куда не ступает нога ее матери, но никогда в жизни не возвращаться сюда, и Кукурузные Девы поклялись в том же. Пожалуй, девиц было столько, что кораблю не поднять, однако корабль выдержал, и поместились на нем все до одной, так что все палубы украсились зеленью их нарядов и золотом их волос. Множество приключений пережили они в пути к великому городу магов. Можно бы рассказать здесь, как храбрецы с молитвой предали морю тела погибших, но после, по ночам, видели их на вантах, или как некоторые из Кукурузных Дев вышли замуж за принцев, заколдованных столь давно, что, не желая отказываться от привычного образа жизни (и за многие годы изрядно поднаторев в волшебных искусствах), возводят себе дворцы на листьях водяных лилий и почти

не показываются на глаза людям, но…

Но всем этим материям в сем повествовании не место. Довольно будет упомянуть, что в то время, когда корабль приближался к утесу, на вершине коего высится город магов, ученый книжник, воплотивший юношу из сновидений, стоял средь зубцов городской стены и в ожидании его возвращения не сводил глаз с горизонта. Увидев черные полотнища парусов, закопченных дымом горящего вара, ослепившим врага в сражении, он счел их трауром по храброму юноше, бросился со стены вниз и разбился насмерть, ибо никто из людей не живет подолгу, если грезы его мертвы.

XVIII
Зеркала

Читая вслух эту небылицу, я время от времени поглядывал на Иону, но ни разу не обнаружил на лице его ни малейших проблесков чувств, хотя он вовсе не спал.

— Как-то мне непонятно, — заговорил я, когда сказание подошло к концу, — отчего ученый книжник, увидев черные паруса, тут же решил, будто его сын погиб. Конечно, корабль, присылаемый великаном, тоже был оснащен черными парусами, но ведь прибывал он только раз в год, а в том году уже приходил.

— Я знаю, — откликнулся Иона.

Настолько безучастного тона я от него прежде не слышал.

— То есть тебе известен ответ на этот вопрос?

На это Иона не ответил ни слова. Какое-то время мы оба молчали. Я держал в руках заложенную указательным пальцем книгу в коричневом переплете (так живо напоминавшую о Текле и о проведенных с ней вечерах), Иона же прислонился спиной к холодной стене подземной

темницы, а руки его — одна из металла, другая из плоти и крови — повисли вдоль туловища, будто он позабыл о них.

В конце концов молчание нарушил тоненький голосок:

— Должно быть, это очень старая сказка.

То была девочка, помогшая мне поднять панель потолка. Не на шутку тревожась об Ионе, поначалу я разозлился на столь бесцеремонное вмешательство в наш разговор, однако Иона негромко пробормотал:

— Да, очень и очень старая, а герой сказал отцу своему, царю, что, потерпев поражение, вернется в Афины под черными парусами.

Не знаю, что могло значить его замечание, — возможно, это был попросту бред, однако едва ли не последние слова, услышанные мной от Ионы, заслуживают того, чтоб поместить их здесь, вместе с волшебной сказкой, послужившей для них поводом.

Некоторое время мы с девочкой всеми силами старались вытянуть из него еще хоть пару слов, но нет, Иона упорно молчал, и наконец мы от него отступились. Я просидел рядом с ним весь остаток дня, а около стражи спустя к нам присоединился Гефор (чей невеликий кладезь мудрости заклю-

ченные, надо думать, исчерпали очень и очень быстро). Пришлось мне поговорить с Ломером и Никаретой, и они подыскали Гефору спальное место на противоположном краю подземелья.

Что бы кто ни говорил, все мы порой страдаем от нарушения сна. В действительности некоторые практически вовсе не спят, а кое-кто из спящих подолгу клянется, будто это вовсе не так. Некоторых тревожат неотвязные кошмары, а немногочисленным счастливчикам часто видятся сны самого приятного свойства. Некоторые также говорят, что одно время спали сквернее некуда, но после «выздоровели», будто бодрствование — какой-то недуг (хотя, может статься, так оно и есть).

Со мной дело в том, что я обыкновенно сплю, не видя запоминающихся снов (хотя иногда они меня посещают, и читателям, одолевшим мое повествование до этого места, о том известно), и крайне редко просыпаюсь до наступления утра. Но в эту ночь сон мой настолько отличался от обычного, что я не раз после гадал, стоит ли называть его сном. Возможно, то было некое иное состояние, притворявшееся сном, как альзабо, отведавший человечины, притворяется человеком.

Если все это — следствие причин естественных,

я бы отнес происшедшее на счет неудачного сочетания обстоятельств. С малолетства привыкший к тяжелой работе и непосильным нагрузкам, я провел весь тот день в неволе, лишенный того и другого. Сказка из книги в коричневом переплете изрядно поразила мое воображение, подхлестнутое вдобавок самой книгой, и ее связью с Теклой, и осведомленностью, что нахожусь я в стенах той самой Обители Абсолюта, о которой так много от нее слышал. Главное же, по-видимому, состояло в том, что мне не давали покоя тревожные мысли об Ионе и неуклонно нараставшее с течением времени ощущение, будто здесь моему путешествию и конец, будто Тракса мне не достичь никогда, и никогда больше не встретиться с бедной Доркас, и никогда не вернуть к жизни Коготь, и даже не сбыть его с рук… Казалось, сам Предвечный, коему служит владелец Когтя, решил, что мне, видевшему на своем веку так много умерших в неволе, по справедливости надлежит разделить их судьбу.

Итак, уснул я, если можно назвать это сном, всего на минуту. Дальше — падение, и все тело мое свела судорога, инстинктивное оцепенение беспомощной жертвы, сброшенной из окна, с большой высоты. Вскинувшись, сев, я не увидел

вокруг ничего, кроме тьмы. Тишину нарушало только дыхание Ионы. Ощупью убедившись, что он все так же, по-прежнему сидит, прислонившись спиной к стене, я лег и снова заснул.

Вернее, попытался заснуть и погрузился в то самое смутное состояние, которого не назвать ни сном, ни бодрствованием. В иное время я счел бы его приятным — но не на сей раз: я сознавал, что сон мне необходим, и сознавал, что не сплю, однако «сознанием» в обычном понимании этого слова подобное состояние быть никак не могло. Услышав негромкие голоса за окном постоялого двора, я каким-то непостижимым образом понял, что вскоре к ним присоединится звон колоколов кампанилы, возвещающих начало нового дня. Тут мои руки и ноги вновь дрогнули, и я вновь, вскинувшись, сел.

Вначале мне показалось, будто во тьме вспыхнул зеленоватый огонь, но ничего подобного вокруг не обнаружилось. Ложась, я укрылся плащом, а теперь сбросил его, и заняло это всего-навсего краткий миг, но этого мига оказалось вполне довольно, чтоб вспомнить: я — в аванзале Обители Абсолюта, а постоялый двор Сальта остался далеко позади, однако Иона по-прежнему лежит рядом, на спине, подсунув под голову жи-

вую, уцелевшую руку. Мутное светлое пятнышко в темноте было белком его правого глаза, открытого, хотя дышал он ровно, точно во сне.

Сонному и вдобавок предчувствовавшему, что он все равно не ответит, затевать разговора мне не хотелось. Снова улегшись на пол, не на шутку раздраженный собственной неспособностью уснуть, я вспомнил о стаде, проходившем при мне через Сальт, принялся пересчитывать животных по памяти и насчитал их сто тридцать семь голов. За стадом последовали солдаты, с песней идущие вверх от берега Гьёлля. В тот день содержатель постоялого двора спрашивал меня, сколько их, и ответил я наугад, а сосчитал их только теперь. Возможно, он был шпионом, а может, попросту любопытствующим.

Столь многому научивший нас, мастер Палемон никогда никого не учил бороться с бессонницей — ведь после целого дня самых разных работ, мытья полов да помощи по кухне ни один из учеников в подобных науках нужды не испытывал. Каждую ночь мы около половины стражи буянили у себя в комнатах, а после засыпали — куда там обитателям некрополя, до тех пор, пока мастер вновь не явится будить нас, пока вновь не отправит до блеска драить полы да выносить помои.

Над столом, служащим брату Айберу для разделки мяса, развешаны рядком ножи. Один, два, три, четыре, пять, шесть… семь ножей, клинки у всех куда проще, чем у ножей мастера Гюрло. У одного в рукояти не хватает заклепки. У одного рукоять слегка обгорела, так как брат Айбер однажды положил его на плиту…

Миг — и опять сна ни в одном глазу… или мне это просто почудилось, только с чего? Загадка… Рядом безмятежно подремывал Дротт. Снова закрыл я глаза, снова попробовал, подобно ему, уснуть…

От земли до нашего дормитория — триста девяносто ступеней. Сколько еще до венчающего башню зала, где негромко гудят пушки — одна, две, три, четыре, пять… шесть пушек? Один, два… три обитаемых этажа наших подземных темниц. Одно, два, три, четыре, пять, шесть, семь… восемь крыльев на каждом. Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать… семнадцать камер в каждом крыле. Один, два… три железных прута в оконце дверей моей камеры.

Проснулась я вмиг, словно бы от холода, но

потревоживший сон мой шум оказался лишь лязгом одного из люков в дальнем конце коридора. Рядом лежал мальчишка, возлюбленный, Севериан, по юности лет спящий как ни в чем не бывало. Сев, я задумалась, не зажечь ли свечу, не полюбоваться ли минуту-другую свежим румянцем на его угловатом точеном лице. Всякий раз, возвращаясь ко мне, он приносит с собой крохотную искорку, огонек свободы, поблескивающий в глазах. Всякий раз я беру эту искорку, и дую на нее, и прижимаю к груди, и всякий раз она тает, гаснет, однако когда-нибудь все обернется иначе, и вот тогда я вместо того, чтоб глубже прежнего погрязнуть в земле, под гнетом металла и камня, воспарю, взлечу сквозь металл и сквозь камень навстречу ветру и небу…

По крайней мере, так говорю я самой себе. Если же этому сбыться не суждено — что ж, принесенная искоркой радость остается при мне.

Но, потянувшись к свече, я обнаружила, что ее нет на месте, а глаза, и уши, и кожа щек подсказали: вместе со свечкой куда-то исчезла и моя камера. Все вокруг озарял неяркий, тусклее тусклого свет — однако вовсе не отсветы свечи палача, дежурящего в коридоре, сочащиеся внутрь меж трех прутьев в оконце камеры. Негромкое,

гулкое эхо каждого звука свидетельствовало, что я нахожусь в помещении просторнее целой сотни подобных камер, и то же самое подтверждали щеки со лбом, за время неволи привыкшие чувствовать близость тюремных стен, будто ощупью.

Поднявшись, я оправила платье и, точно сомнамбула, двинулась вперед. Один, два, три, четыре, пять, шесть… а на седьмом шаге вонь множества тел и спертый воздух подсказали, где я. Это же аванзала! Сбитая с толку, я замерла как вкопанная. Неужели Автарх приказал перевезти меня сюда, пока я сплю? Придержат ли остальные плети, узнав меня? Дверь! Дверь!

Замешательство мое оказалось столь сильным, что я едва не рухнула навзничь, споткнувшись о путаницу в мыслях. Мало этого, крепко сцепленные перед грудью пальцы оказались не моими: правая кисть слишком крупна и сильна, и левая ей не уступит!

С этим Текла исчезла, как сон, — вернее сказать, рассеялась без остатка, а рассеявшись, канула в глубину моей памяти, и я, вновь ставший самим собой, остался один.

Однако главное от меня не ускользнуло. Где находится дверь — потайная дверь, сквозь которую

в аванзалу пробирались по ночам юные экзультанты с энергетическими плетьми из витой проволоки, я помнил твердо. Помнил и, учитывая все, что увидел и передумал, мог бежать отсюда хоть завтра же. Или хоть сию же минуту.

— Будь добр, — раздался рядом тоненький голосок, — скажи, куда пропала та дама?

Снова она — та самая девочка с темными волосами и огромными, горящими любопытством глазищами… Я спросил, вправду ли она видела здесь какую-то женщину.

Тонкие пальчики девочки стиснули мою ладонь.

— Да, высокую такую даму, и мне теперь страшно. Тут в темноте прячется жуткая тварь. Вдруг да отыщет ее?

— Но ты же никаких ужасов не боишься, помнишь? Разве не ты смеялась над тем зеленым лицом?

— Это — дело другое. Черная тварь, сопящая в темноте.

В голосе девочки слышался неподдельный страх, сжимавшие мою руку пальцы заметно дрожали.

— Как выглядела та дама?

— Не знаю. Я разглядела ее только потому, что

она черней темноты, а что это дама — поняла по походке. Подошла посмотреть, кто это, гляжу, а здесь только ты.

— Кажется, понимаю, — ответил я, — хотя ты тут вряд ли что-то поймешь. А теперь возвращайся-ка к матери и ложись спать.

— Гляди, оно вдоль стенки ползет.

С этими словами девчонка, выпустив мою руку, исчезла, но поступать как велено, я уверен, вовсе не собиралась. Вместо этого она последовала за нами с Ионой: после, по возвращении сюда, в Обитель Абсолюта, я дважды мельком видел ее, несомненно питающуюся тем, что удастся стащить. (Возможно, прежде она возвращалась в аванзалу во время раздачи еды, но я приказал освободить всех заключенных там; если потребуется — с большинством, полагаю, так и получилось, — выгнать на волю острием пики под зад. Никарету я распорядился доставить ко мне, и спустя пару минут после того, как начал писать о нашем пленении, в кабинет вошел мой мажордом, доложивший, что она ждет позволения войти.)

Иона лежал на прежнем месте, в прежней позе, и я вновь разглядел во мраке белки его глаз.

— Ты говорил, что лишишься рассудка, если не

выйдешь отсюда, — сказал я. — Идем. Пославший нотул, кем бы он ни был, приготовил новое оружие, но я нашел путь к свободе. Уходим немедля.

Иона даже не шелохнулся. В конце концов пришлось мне взять его за плечо и поднять на ноги. Должно быть, многие металлические части его тела были выкованы из тех «белых» сплавов, что отличаются обманчивой легкостью веса, так как поднял я его, точно мальчишку, однако и металлические части, и живую плоть моего друга покрывал тонкий слой какой-то влажной слизи. Такая же мерзкая слякоть обнаружилась и на полу под ногами, и даже на стене. Очевидно, неведомая тварь, о которой предупреждала девчонка, явилась сюда и ушла во время нашего разговора, и искала отнюдь не Иону.

Дверь, сквозь которую попадали в аванзалу мучители, находилась неподалеку от нашего места ночлега, посреди самой дальней из стен подземелья. Подобно почти всем столь же древним дверям, отворялась она по волшебному слову. Я прошептал это слово, и мы, пройдя сквозь потайной проем, оставили дверь открытой. Бедняга Иона шагал со мной рядом, будто кукла целиком из металла.

За порогом спиралью тянулась вниз узкая лест-

ница, увешанная гирляндами тенет, сплетенных мертвенно-бледными пауками, и устланная толстым ковром пыли. Это я еще помнил, но куда ведет эта лестница, вспомнить никак не мог. Впрочем, что бы ни ожидало нас впереди, в затхлом воздухе чувствовался привкус свободы, и я, несмотря на все свои тревоги, едва не рассмеялся в полный голос.

На многих площадках нам попадались новые потайные двери, однако, войдя в любую, мы имели весьма неплохие шансы столкнуться с кем-нибудь еще. Лестница же казалась безлюдной, а мне, прежде чем я попадусь на глаза кому-либо из обитателей Обители Абсолюта, хотелось бы оказаться как можно дальше от аванзалы.

Одолев около сотни ступеней, мы достигли дверей, украшенных багряным тератоидным знаком, показавшимся мне символом неведомого языка, рожденного на свет где-то далеко вне берегов Урд. В этот-то миг на лестнице и раздались чужие шаги. Ни ручки, ни задвижки на дверях не оказалось, но я навалился на створки всей тяжестью тела, и двери после недолгого сопротивления распахнулись настежь. После того, как Иона шагнул через порог следом за мной, створки захлопнулись за нашими спинами так стреми-

тельно, что я ожидал жуткого грохота — но нет, сомкнулись они без малейшего шума.

За дверями царил полумрак, но, стоило нам войти, свет засиял куда ярче. Воспользовавшись этим, я убедился, что, кроме нас, в помещении никого больше нет, и пригляделся к Ионе. Лицо его оставалось столь же неподвижным, как и в то время, когда он сидел, прислонившись спиной к стене аванзалы, однако, вопреки моим опасениям, отнюдь не безжизненным. То было лицо человека, готового вот-вот проснуться, а на щеках его влажно поблескивали извилистые дорожки, проложенные слезами.

— Узнаешь меня? — спросил я.

Иона молча кивнул.

— Иона, я должен отыскать «Терминус Эст», если удастся. Может, я и бежал из заточения, как какой-нибудь трус, но теперь, получив шанс поразмыслить, понял, что без него уйти не могу. В кармашке ножен осталось письмо к архонту Тракса, да и расстаться с ним я, откровенно сказать, не в силах. Но если тебе хочется убраться отсюда скорее, я все пойму. Ты ведь, в конце концов, ко мне не привязан.

Однако Иона меня словно бы не услышал.

— Я знаю, где мы, — сказал он и неловко, ско-

ванно поднял руку, указывая на нечто, принятое мною за створчатые ширмы.

Обрадованный хоть каким-нибудь откликом, я, большей частью в надежде на продолжение разговора, спросил:

— И где же мы?

— На Урд, — отвечал он и двинулся через комнату, к ширмам.

Створки ширм украшали гроздья бриллиантов вперемежку с извилистыми эмалевыми символами, точно такими же, как на дверях, однако символы эти оказались куда менее странными, чем действия моего друга Ионы, рывком раздвинувшего ширмы. Да, деревянная жесткость в движениях, замеченная мною минуту назад, исчезла как не бывало, но прежним, самим собой он вовсе не стал.

Тут-то я и понял, в чем дело. Всякий хоть раз в жизни видел, как некто, подобно Ионе, лишившийся кисти руки, замененной крюком либо иным рукотворным приспособлением, выполняет работу, требующую участия обеих рук — и искусственной, и настоящей. Точно так же, раздвигая ширмы, на моих глазах вел себя и Иона, только протезом казалась настоящая, живая рука. Заметив это, понял я и смысл сказанного им

много раньше — что, когда корабль их разбился, он вместе с рукою лишился лица.

— Глаза… — сказал я. — Глаз тебе заменить не смогли, верно? Потому и лицо заменили чужим. Он тоже погиб, да?

Судя по брошенному на меня взгляду, о моем присутствии Иона начисто позабыл и ответил не сразу.

— Да. Он оказался на месте нашего падения и погиб. Из-за нас, но случайно. Мне потребовались его глаза и гортань, и кое-какие другие части тела тоже пришлись кстати.

— Так вот отчего ты способен терпеть рядом меня, палача. Ты — машина.

— Ты нисколько не хуже любого из прочих своих сородичей. Не забывай: за долгие годы до встречи с тобой я сам стал одним из вас. А сейчас я куда хуже, чем ты. Ты ведь не бросил меня, а я тебя оставляю. У меня появился шанс, и этого шанса я ждал много лет, ради него в поисках иеродул обшарил все семь континентов этого мира, зарабатывая на жизнь возней с вашими примитивными механизмами.

Перебрав в мыслях все случившееся с тех пор, как принес Текле нож, я, хоть и понял из сказанного далеко не все, ответил:

— Ну что ж, если это твой единственный шанс, ступай. Удачи. Встречусь с Иолентой — скажу, что некогда ты любил ее, а обо всем остальном даже не заикнусь.

Но Иона покачал головой.

— Ты разве не понимаешь? Я непременно вернусь за ней, как только меня исправят. Когда стану здравым и цельным.

С этим он шагнул в круг ширм, и в воздухе вокруг его головы вспыхнул ослепительный ореол.

Как глупо называть их зеркалами! С зеркалами у этих вещей не больше общего, чем у всеобъемлющего свода небес — с детским воздушным шариком. Действительно, свет они отражают, но, думаю, это никак не связано с истинным их назначением. На самом же деле отражают они реальность, метафизическую субстанцию, лежащую в основе материального мира.

Замкнув круг, Иона встал в его центре. Над верхушками «ширм» замерцало, заплясало нечто наподобие проволок, окутанных облаком металлической пыли, а спустя время, достаточное разве что для самой короткой молитвы, все это исчезло, и я остался один.

XIX
Гардеробные

Да, один, точно перст, а ведь оставаться в одиночестве мне не доводилось с тех самых пор, как я, переступив порог комнаты в обветшавшей столичной гостинице, увидел широкие плечи Бальдандерса, торчащие из-под одеял. За этим последовала встреча с доктором Талосом, с Агией, с Доркас и, наконец, с Ионой. Вновь, точно чумой, пораженному собственной памятью, мне живо вспомнились чеканные профили Доркас, и великана, и остальных — точно такие же, какими я видел их, когда нас с Ионой вели через рощу цветущих слив. Разумеется, их окружали и люди с животными, и актеры иного рода, несомненно направлявшиеся в ту часть садов, где (как часто рассказывала мне Текла) устраиваются представления под открытым небом.

В смутной надежде отыскать свой меч я принялся обшаривать комнату. Меча нигде не нашлось, и тут меня осенило: вполне вероятно, где-нибудь рядом с аванзалой, скорее всего, на том же этаже, имеется хранилище для вещей заключенных.

Лестница, которой мы спускались вниз, могла привести меня только назад, в аванзалу, а выход из комнаты с зеркалами привел меня лишь в другую комнату, где хранилось немало любопытных предметов. В конце концов я отыскал дверь, ведущую в сумрачный, тихий коридор, устланный коврами и увешанный картинами. Здесь я надел маску и закутался в плащ: стражники, схватившие нас в лесу, о существовании нашей гильдии, похоже, не знали, однако те, с кем можно столкнуться в залах Обители Абсолюта, вполне могли оказаться не столь невежественными.

Но преграждать мне путь никто даже не думал. Человек в пышном затейливом наряде просто посторонился, с полдюжины красавиц взглянули на меня с любопытством, и память Теклы встрепенулась, ожила при виде их лиц. Наконец я отыскал еще одну лестницу — не узкую, потайную, вроде той, что привела нас с Ионой в комнату с зеркалами, но довольно просторную, широкую, светлую.

Спустившись парой пролетов ниже, я оглядел коридор, убедился, что все еще нахожусь ниже уровня аванзалы, и снова двинулся наверх, и тут увидел юную девушку, спешащую по ступеням навстречу мне.

Взгляды наши встретились.

В этот миг я был уверен: она не хуже меня знает, что точно так же мы переглядывались и прежде. Из глубин памяти вновь всплыло воркующее: «Дорогая сестрица», — и я тут же узнал ее сердцевидное личико. Нет, это была не Тея, возлюбленная Водала, но девушка, схожая с ней как две капли воды (и, несомненно, позаимствовавшая ее имя), с которой мы разминулись на лестнице Лазурного Дома — она спускалась, а я поднимался, в точности как сейчас. Стало быть, на сегодняшние гулянья приглашены не только актеры, но и потаскухи…

Этаж аванзалы я отыскал разве что чисто случайно. Едва лестница осталась позади, мне сделалось ясно: именно здесь и стояли на страже гастаты, в то время как мы с Никаретой разговаривали у серебристой тележки. Тут начинались места самые опасные, и я по возможности старался идти не спеша. Справа по коридору тянулась вереница из дюжины, а то и более дверей в обрамлении резных наличников, и каждая (как обнаруживалось, стоило только остановиться и приглядеться к ней) была наглухо прибита к раме плотницкими костылями да еще приклеена к косякам множеством слоев застывшего лака.

Единственной дверью слева оказалась та самая, из источенного червями дуба, сквозь которую солдаты втащили внутрь нас с Ионой. Напротив располагался вход в аванзалу, а дальше вновь начиналась вереница заколоченных костылями дверей, завершавшаяся еще одной лестницей. Следовало полагать, разросшаяся аванзала заняла весь этаж этого крыла Обители Абсолюта.

Окажись поблизости кто-то еще, я не осмелился бы задержаться, однако коридор был пуст, и потому я рискнул ненадолго прислониться плечом к балясине перил второй лестницы. Итак, двое солдат вели меня, а третий нес «Терминус Эст»… Отсюда следовало, что, пока нас с Ионой вталкивали в дверь аванзалы, этот третий должен был сделать хоть пару шагов в сторону помещения, где хранится изъятое у арестованных оружие, но я ничего подобного не припоминал. Когда мы спускались в грот, третий солдат поотстал, и больше я его не видел. Вполне возможно, он даже не входил сюда с нами.

В отчаянии я вернулся к источенной червями дубовой двери и отворил ее. Из колодца в коридор хлынул волной запах плесени, позеленевшие гонги запели, разбуженные сквозняком. Снаружи царила ночь. На фоне невидимых в темноте ше-

роховатых стен мерцали болотными огоньками светящиеся грибы, а выход из колодца наверх казался всего-навсего кругом, усеянным россыпью звезд.

Я закрыл дверь и, как только она со скрежетом затворилась, услышал шаги на лестнице, по которой поднялся сюда сам. Спрятаться было негде, а со всех ног помчавшись ко второй лестнице, я вряд ли успел бы добраться до нее незамеченным. Можно, конечно, было бы выскользнуть наружу и скрыться за массивной дубовой дверью, но я предпочел остаться на месте.

Новоприбывший оказался толстячком лет пятидесяти или около того, облаченным в ливрею. При виде меня он побледнел так, что я разглядел это даже с противоположного конца коридора, однако поспешил навстречу и, еще за двадцать, а то и тридцать шагов до меня начав кланяться, заговорил:

— Чем могу помочь, ваша честь? Я — Одилон, в ключниках здесь служу. Сколь я понимаю, у вас некое конфиденциальное поручение к… Отцу Инире?

— Да, — подтвердил я. — Но прежде я должен потребовать назад свой меч.

Я надеялся, что он видел «Терминус Эст» и при-

несет его мне, однако во взгляде ключника отразилось недоумение.

— Меня препроводили сюда несколько ранее. В то время мне было сказано, что меч необходимо сдать, однако позже, перед тем, как Отец Инире велит пустить его в дело, мне его отдадут.

Пухлый коротышка лишь покачал головой.

— Уверяю, при моей должности мне непременно сообщили бы, если бы кто-либо из других слуг…

— Мне это было сказано неким преторианцем, — не дослушав, пояснил я.

— А-а, мне следовало догадаться самому! Они повсюду и ни перед кем ни в чем не отчитываются. У нас, как вашей чести, полагаю, известно, заключенный сбежал.

— Нет, об этом мне неизвестно.

— Некто по имени Бевзек. Говорят, будто он не опасен, однако его с еще одним человеком застали прячущимся в садовой беседке, а этот Бевзек, прежде чем его заперли, вырвался и сумел скрыться. Говорят, его скоро изловят… ну, не знаю, не знаю. Одно скажу: я живу в Обители Абсолюта всю жизнь, и здесь немало странных — крайне странных уголков.

— Возможно, в одном из них отыщется и мой

меч. Погляди, будь любезен.

Ключник отступил на полшага назад, словно опасаясь удара.

— О, разумеется, ваша честь, сию минуту! Я лишь поддерживал разговор. Вероятно, он вот где. Пройдемте со мной…

Подойдя вслед за ним к другой лестнице, я увидел, что впопыхах проглядел одну дверь — узкую, пролетом ниже. Выкрашенная белым, она почти не отличалась оттенком от камня стены.

Вынув из кармана увесистую связку ключей, ключник отпер замок. Треугольное помещение за порогом, оказавшееся гораздо просторнее, чем я полагал, уходило далеко за пределы лестничного пролета и даже могло похвастать подобием галереи, тянувшейся под потолком в глубину. На галерею вела шаткая деревянная лесенка, а освещал все это единственный светильник, такой же, как в аванзале, только куда более тусклый.

— Вы его видите? — спросил ключник. — Постойте, кажется, здесь где-то должна быть свеча. От светильника толку немного: тени от полок повсюду…

Пока он говорил, я обвел взглядом полки, заваленные грудами одежды. Пара туфель, еще одна, и еще, складной ножик, пенал для перьев,

округлый золотой помандер…

— Когда я сам был еще молод, кухонные мальчишки повадились вскрывать замок и шарить здесь втихомолку. Я этому положил конец, велел врезать замок понадежнее, но, боюсь, все самое лучшее давным-давно растащили.

— Что это за комната?

— Изначально — гардеробная для просителей. Для верхней одежды, для шляп, для сапог, понимаете ли… В подобных комнатах неизменно скапливаются вещи, о которых счастливчики, уходя, позабыли, а поскольку это крыло с давних пор занимает Отец Инире, полагаю, кое-кто из приходивших увидеться с ним так и не вышел назад, а кое-кто из выходивших наружу никогда к нему не входил… — Сделав паузу, ключник огляделся вокруг. — Пришлось дать солдатам ключи, чтоб не вышибли дверь, пока ищут этого Бевзека, так что и меч ваш они вполне могли оставить где-нибудь здесь. А если нет, наверное, унесли к себе, в кордегардию… Это ведь, надо думать, не он?

С этими словами он вытащил откуда-то из угла древний эспадрон.

— Да уж, конечно.

— Ну а других мечей здесь, боюсь, нет. Могу

рассказать вам, как отыскать кордегардию. Или, если угодно, разбужу одного из пажей — пусть сходит да спросит.

Ведущая на галерею лесенка доверия отнюдь не внушала, но я, позаимствовав у ключника свечку, взобрался наверх. Конечно, солдатам вряд ли пришло бы в голову прятать «Терминус Эст» там, однако мне требовалось слегка потянуть время и пару минут поразмыслить, что я еще могу предпринять.

В то время как я карабкался на галерею, сверху донесся негромкий шум, принятый мною за шорох лапок какого-то грызуна, однако, подняв голову и свечу над полом галереи, я увидел там, в уголке, того самого невысокого человечка, что вместе с Гефором догнал меня у дороги, преклонившего передо мною колени в истовой, страстной молитве. Разумеется, это был он, Безвзек, только имя его всплыло в памяти лишь сейчас.

— Что там, ваша честь?

— Тряпье. Крысы.

— Так я и думал, — подытожил ключник, как только я сошел с последней ступеньки. — Следовало бы как-нибудь самому туда заглянуть, но в мои годы лазать по подобным сооружениям,

знаете ли, желанием не горишь. Угодно ли вам отправиться в кордегардию самому или мне разбудить одного из мальчишек?

— Сам схожу.

Ключник глубокомысленно закивал.

— Думаю, так оно будет лучше всего. Пажу меча могут и не отдать, и даже не признаться, что он у них. Сейчас вы, как вам, безусловно, известно — в Гипогее Апотропеическом. Если вам не угодно, чтоб вас останавливали патрули, выходить наружу не стоит, а значит, лучше всего подняться по этой лестнице, под которой мы сию минуту находимся, на три пролета и повернуть налево. Далее ступайте по обходной галерее, и этак шагов через тысячу достигнете гипетрала. В темноте этого можно не заметить, а посему внимательно поглядывайте по сторонам. Увидев вокруг множество всевозможных растений, сверните направо и пройдите еще около двух сотен шагов. У дверей неизменно стоит караул.

Поблагодарив ключника, я, пока он возился с замком, двинулся наверх первым, и, миновав пролет лестницы, укрылся в ближайшем коридоре. Когда же ключник, миновав меня, убрался подальше, я снова спустился вниз, в коридор, ведущий к аванзале.

Если меч мой действительно был унесен в какую-то кордегардию, вернуть его иначе как тайком или силой возможным не представлялось, и прежде чем прибегать к тому либо другому, мне хотелось удостовериться, что он не оставлен в каком-нибудь более доступном месте. Вдобавок меч вполне мог попасться на глаза прячущемуся по темным закоулкам Бевзеку, и я решил первым делом расспросить о мече его.

В то же время меня весьма и весьма беспокоили пленники аванзалы. Следовало полагать, дверь, оставленную нами с Ионой открытой, они уже обнаружили и теперь расхаживают по этому крылу Обители Абсолюта в свое удовольствие. Вскоре хоть одного из них да изловят и примутся за поиски остальных.

Подойдя к двери гардеробной под лестницей, я — в надежде услышать шаги Бевзека — приложил ухо к створке, но изнутри не доносилось ни звука. Тогда я негромко окликнул его по имени, но ответа не получил и поднажал на дверь плечом. Дверь даже не шелохнулась, а вышибать ее с разбегу я побоялся. В конце концов мне удалось вогнать в щель между створкой и косяком полученный от Водала стальной клинышек и выломать замок.

Увы, Бевзека и след простыл. Недолгие поиски

привели меня к пролому, ведущему внутрь полой дальней стены гардеробной. Должно быть, им-то Бевзек и проник в гардеробную, дабы здесь, на просторе, размять руки-ноги, и им же улизнул прочь. Говорят, в подобных закоулках Обители Абсолюта обитает особый вид белых волков, давным-давно проникших сюда из окрестных лесов. Возможно, жертвой этих тварей пал и Бевзек: с тех пор я его больше не видел.

В ту ночь я за ним не последовал, но притворил дверь гардеробной и, дабы скрыть следы взлома, как сумел, вставил на место замок. И только после заметил симметрию коридора: вход в аванзалу по центру, заколоченные двери по обе стороны от него, в обоих концах — по лестнице… Если этот гипогей (как сказал ключник и как явствовало из его названия) отведен Отцу Инире, то такой выбор вполне мог быть хотя бы отчасти продиктован его «зеркальностью». Отсюда следовало, что под второй лестницей должна находиться еще одна гардеробная.

XX
Картины

Отчего ключник по имени Одилон не отвел меня и туда, оставалось загадкой, однако я, даже не задумавшись над нею, сорвался с места, промчался вдоль коридора и, едва заглянув под вторую лестницу, понял, что было тому причиной. Эту дверь давно выломали, да не просто выбили из створки замок, а разнесли вдребезги, так что от двери осталась лишь пара выцветших обломков дерева, сиротливо повисших на петлях. Светильник внутри угас, оставив помещение во власти мрака и пауков.

Отвернувшись, я двинулся прочь, но, сделав шаг-другой, остановился, охваченный тем самым впечатлением, будто совершаю ошибку, что возникает порой у каждого еще до того, как успеешь хоть самую малость понять, в чем, собственно, ошибаешься. В аванзалу нас с Ионой втолкнули под конец дня. Той же ночью к нам явились юные экзультанты с плетьми. На следующее утро схватили Гефора, и, видимо, в то же время от преторианцев сумел скрыться Бевзек. Тогда-то

преторианцы и получили от Одилона ключи, чтоб без помех обыскать гипогей. Столкнувшись со мной минут десять назад и услышав, что «Терминус Эст» забран у меня преторианцами, тот же самый Одилон, местный ключник, рассудил, будто я появился здесь только сегодня, в течение дня, после бегства Бевзека.

На самом же деле все было не так, а следовательно, преторианец, несший «Терминус Эст», никак не мог оставить мой меч в запертой гардеробной под второй лестницей.

Подумав так, я снова вернулся к гардеробной с выломанной дверью. Скудный свет, сочащийся внутрь из коридора, позволял разглядеть, что некогда вдоль ее стен, как и вдоль стен ее «зеркального отражения», тянулись ряды полок, теперь же гардеробная была пуста: полки разобрали и перенесли куда-то еще, а скобы для них остались без всякого толку торчать из стен. Ничего другого внутри я не разглядел, но понимал: ни один стражник, посланный сюда с обыском, внутрь, в царство пыли да паутины, по собственной воле не войдет ни на шаг. Не утруждаясь даже сунуть в проем голову, я запустил руку за косяк выбитой двери и с неописуемым торжеством нащупал знакомую, любимую рукоять.

Итак, я вновь стал полноценным человеком; нет, даже более чем простым смертным — подмастерьем родной своей гильдии! Там же, в коридоре, удостоверившись, что рекомендательное письмо на месте, в кармашке ножен, я обнажил блестящий клинок, протер его, смазал и снова протер, на ходу проверяя большим и указательным пальцами остроту лезвий. Пусть теперь только появится этот охотник из темноты!

Следующей задачей были поиски Доркас, но где искать компанию доктора Талоса, зная о ней только одно — что они приглашены дать представление во время тиаза, устраиваемого в саду (несомненно, в одном из многих)? Если выйти наружу сейчас, среди ночи, в плаще цвета сажи, преторианцам будет так же нелегко разглядеть меня, как и мне их. С другой стороны, помощи среди ночи мне тоже ждать неоткуда, а когда восточный горизонт опустится ниже солнца, меня, несомненно, схватят столь же быстро, как схватили нас с Ионой, нарушивших границы Обители Абсолюта. Между тем, оставаясь в ее стенах, я, как показал опыт столкновения с ключником, вполне могу не навлечь на себя ничьих подозрений и даже набрести на кого-нибудь способного сообщить что-либо полезное…

Вот тут-то мне и пришел в голову неплохой план. Говоря всякому, кого ни встречу, будто тоже вызван на празднество (в конце концов, отчего бы среди прочих зрелищ не найтись места и пыткам?), а выйдя из отведенной мне комнаты для ночлега, сбился с пути, я получу неплохой шанс выяснить, где расположились Доркас и остальные. Размышляя над этим планом, я двинулся вверх по лестнице и на второй площадке свернул в коридор, которого прежде не видел. Коридор оказался гораздо длиннее и пышнее обставленным, чем тот, перед аванзалой. На стенах рядами висели темные живописные полотна в золоченых рамах, а между ними на пьедесталах красовались вазы, и бюсты, и другие предметы, названия коих мне неизвестны. Двери по бокам коридора отстояли одна от другой на сотню с лишним шагов — явный признак огромной величины находящихся за ними комнат, но все они были заперты, а подергав за ручки, я обнаружил, что металл их мне незнаком, а форма не предназначена для руки человека.

Пройдя этим коридором по меньшей мере поллиги, я увидел впереди старика, сидящего (как мне показалось вначале) на высоченном табурете. Однако вблизи обнаружилось, что за табурет

я принял стремянку, а старик, устроившийся на ней, точно на насесте, чистит одно из полотен.

— Прошу прощения, — заговорил я.

Старик, обернувшись, в недоумении уставился вниз, на меня.

— А ведь голос твой мне определенно знаком.

Я тоже узнал и голос его, и лицо. То был Рудезинд, музейный смотритель из ордена кураторов, тот самый чистильщик картин, с которым я свел знакомство в давние-давние времена, когда мастер Гюрло послал меня в библиотеку за книгами для шатлены Теклы.

— Помнится, не так давно ты приходил искать Ультана. Стало быть, не нашел?

— Отчего же, нашел, — отвечал я. — Только было это уже довольно давно.

Похоже, ответ мой не на шутку рассердил старика.

— Я и не говорю «сегодня»! Но времени с тех пор прошло не так уж много. Я ведь помню даже пейзаж, над которым работал, а значит, очень уж много времени пройти никак не могло.

— И я помню, — сказал я. — Бурая пустыня, отраженная в золотом забрале человека в доспехах.

Старик, кивнув, сменил гнев на милость и,

цепляясь за боковые стойки стремянки, с губкой в руке пополз вниз.

— Именно! Тот самый и есть. Хочешь, покажу? Получилось очень неплохо.

— Но мы ведь совсем в другом месте, мастер Рудезинд. Это же не Цитадель. Это — Обитель Абсолюта.

Однако старик и слушать меня не стал.

— Идем-ка, племянничек… Он где-то здесь, неподалеку. Ах, эти древние мастера… в искусстве письма с ними не сравнится никто, пусть даже краски изрядно поблекли. Уж я-то, скажу не хвастая, в искусстве кое-что смыслю. Видал я и армигеров, и экзультантов: приходят, смотрят, толкуют о том да о сем, а сами — невежды невеждами. Кто каждый мазок, каждую черточку на них вблизи разглядел? — С этим он звонко шлепнул губкой о грудь, склонился ко мне и понизил голос до шепота, хотя во всем коридоре, кроме нас, не было ни души. — Открою тебе секрет. Никто и знать не знает, но на одном из этих полотен изображен я!

Из вежливости я сказал, что не прочь бы взглянуть на его протрет.

— Я ищу его, а когда найду, расскажу тебе, где он. Никому невдомек, однако ради него я и чищу

картины вот уж который десяток лет. Давно мог бы подать в отставку, но вот все еще здесь, а работаю дольше всех, кроме разве что Ультана. Ему, понимаешь ли, часов не разглядеть!

Старик разразился долгим, трескучим смехом.

— Вот интересно: может, ты сумеешь помочь? Тут где-то должны быть актеры, приглашенные на тиаз. Не знаешь ли ты, где их разместили?

— Слышал, слышал, — не слишком уверенно сказал старик. — В Зеленой Гримерке они, так уж ее называют.

— Не мог бы ты проводить меня туда?

Старик покачал головой.

— Полотен в ней нет, а потому и я там никогда не бывал, хотя на одной из картин ее видел. Идем-ка со мной. Я ее отыщу и покажу тебе.

С этим он потянул меня за край плаща, и я двинулся за ним следом.

— Пожалуй, лучше бы ты отвел меня к кому-нибудь, кто может указать туда путь.

— Тоже можно. Где-то в библиотеке старого Ультана имеется карта. Ультанов мальчишка вмиг ее тебе отыщет.

— Но здесь же не Цитадель, — снова напомнил я. — И, кстати, как ты вообще тут оказался? Неужели тебя ради чистки полотен сюда привезли?

— Верно, верно, истинно так, — подтвердил он, опершись на мое плечо. — Всему на свете есть логическое объяснение, и ты об этом не забывай. Должно быть, дело было так. Отцу Инире захотелось, чтоб я почистил его собрание, потому я и здесь. — Но тут старик умолк и задумался. — Погоди-ка, не о том я начал. У меня с детства талант, вот с чего велено было начать. Родители, понимаешь ли, меня в этом поощряли, и рисовал я часами. Помню, как-то раз, летом, день напролет разрисовывал мелом заднюю стену дома…

Слева от нас показался куда более узкий боковой коридор, и старик потянул меня туда. Освещался этот коридор гораздо хуже (можно сказать, из рук вон плохо), но, несмотря на сумрак и тесноту — такую, что на подходящее расстояние от стены не отойти, — был увешан картинами, далеко превосходящими величиной выставленные в главном коридоре, полотнами высотой от пола до потолка и при том много шире вытянутых в стороны рук. Судя по тому, что мне удалось разглядеть, картины те были сквернее некуда, мазня мазней. Я спросил Рудезинда, кто велел ему рассказать мне о собственном детстве.

— Как кто? Отец Инире, конечно же, — отвечал он и, склонив набок голову, взглянул на меня. — А

ты как думал? — Тут он снова понизил голос до шепота. — Из ума выжил на старости лет, вот что о нем говорят. Он ведь был визирем даже не знаю при скольких автархах, со времен Имара. Ну, а теперь помолчи и послушай меня. Я разыщу тебе старого Ультана. Так вот, однажды в дом к нам заглянул художник. Настоящий художник. Мать, гордая мной, показала ему кое-что из моих работ. А был это Фехин, сам Фехин, и мой портрет его кисти висит здесь по сей день, смотрит на подходящих моими карими глазами. Я — за столом, на столе кисти и мандарин… все это достанется мне после того, как высижу сеанс до конца…

— Пожалуй, сейчас мне любоваться им недосуг, — сказал я.

— Вот так я сам стал художником, и довольно скоро. Взялся за чистку и реставрацию работ великих. Дважды чистил и свой, тот самый портрет. Странно это, должен заметить, — чистить собственное детское лицо… Ах, если бы кто-нибудь сейчас почистил мое, смыл губкой грязь множества лет! Но я ведь тебя не к нему веду — тебе же Зеленая Гримерка требуется, верно?

— Да, — в нетерпении подтвердил я.

— Ну что ж, вот оно, ее изображение. Взгляни. А после, как увидишь, сразу ее узнаешь.

С этим он указал на одно из огромных, аляповато-крикливых полотен. Изображена на нем была вовсе не комната, а сад, прекрасный сад, обнесенный высокой живой изгородью, с заросшим лилиями прудом, с купой ив, клонящихся на ветру. Посреди сада играл на гитаре — словно бы не для слушателей, а лишь для себя самого — человек в фантастически живописном костюме льянеро, а за спиной его по мрачному небу неслись темные злые тучи.

— Теперь можешь сходить в библиотеку и взглянуть на Ультанову карту, — сказал старик.

Написана картина была в той раздражающей манере, когда изображение превращается в мешанину разноцветных клякс, если видишь его не целиком, вблизи. Дабы получше рассмотреть ее, я сделал шаг назад, за ним еще один, и…

На третьем шаге я вспомнил, что должен бы упереться спиной в стену, но никакой стены позади не оказалось. Остановился я внутри картины, украшавшей противоположную стену, в сумрачной комнате со старинными кожаными креслами и столами черного дерева. Обернувшись, я огляделся вокруг, а когда повернулся назад, коридор, куда привел меня Рудезинд, исчез. На его месте возвышалась глухая стена,

оклеенная выцветшими от времени обоями.

Я машинально, помимо воли, обнажил «Терминус Эст», однако врагов поблизости не оказалось. Едва я собрался шагнуть к единственной в комнате двери, она распахнулась, впуская внутрь человека в желтом халате. Зачесанные назад, его короткие светлые волосы открывали широкий, покатый лоб. Лицо вошедшего — гладкое, безбородое — вполне могло бы принадлежать пухлой женщине лет сорока, а с его шеи свисал знакомый, фаллической формы флакончик на тонкой цепочке.

— А-а, — заговорил он, — а я-то думаю, кто к нам пожаловал? Рад видеть тебя, Смерть.

— Я — подмастерье Севериан, — возразил я, изо всех сил сохраняя внешнее хладнокровие, — принадлежащий, как видишь, к гильдии палачей. Вошел я сюда, совершенно того не желая, и, откровенно сказать, буду весьма благодарен, если ты объяснишь, как это произошло. Снаружи, из коридора, эта комната казалась всего лишь картиной, но, стоило мне сделать пару шагов назад, чтоб разглядеть картину на противоположной стене, я оказался здесь. Какой хитростью это было достигнуто?

— Никаких хитростей, — отвечал человек в

желтом халате. — Потайные двери — изобретение вряд ли оригинальное, а создатель этой комнаты всего-навсего изобрел способ скрыть от чужого взгляда дверь, отворенную настежь. Как видишь, в глубину комната совсем невелика — и даже меньше, чем тебе сейчас кажется, если, конечно, ты еще не понял, что угловые линии пола и потолка скошены, направлены к одной точке, а дальняя стена много ниже той, сквозь которую ты вошел.

— Понимаю, — сказал я и действительно понял, в чем трюк.

По мере того как он говорил, перекошенное помещение, воспринятое моим разумом, привычным к обыкновенным комнатам, будто нормальное, стало таким, как есть, — крохотной комнатушкой с наклонным, трапециевидным потолком и трапециевидным полом. Стоявшие лицом к стене, сквозь которую я вошел, кресла оказались совсем неглубокими, настолько, что в таком и не усидеть, а столы — шириной разве что в одну доску.

— Такие же сходящиеся линии обманывают взгляд на картинах, — продолжал человек в желтом халате. — Потому-то, столкнувшись с ними на самом деле, при невеликой действительной

глубине да при монохромном свете, дополняющем иллюзию ненатуральности, наблюдатель твердо уверен, будто перед ним еще одна картина — тем более что подготовлен к этому множеством настоящих картин вокруг. В ответ на появление человека с огромным мечом настоящая стена за твоей спиной поднялась, дабы задержать тебя до выяснения личности. Думаю, добавлять, что с другой стороны на стене нарисована та же картина, в которую ты якобы вошел, особой надобности нет.

Я был потрясен, как никогда в жизни.

— Но как же комната узнала, что при мне меч?

— Вот этого мне, пожалуй, как следует объяснить не по силам… тут дело куда сложнее этой несчастной комнаты. Могу сказать только, что проем двери облицован по кругу металлическими нитями, обладающими способностью чуять братьев своих и сестер — другие металлы, проходящие сквозь их кольцо.

— И все это сделал ты?!

— О нет. Все эти штуки и… — он сделал паузу, — и сотни им подобных составляют то, что мы зовем Второй Обителью. Сделаны они Отцом Инире, получившим от первого из Автархов поручение создать в стенах Обители Абсолюта еще одну, тай-

ную. Ты или я, сын мой, на его месте, несомненно, построили бы обычный набор потайных комнат. Ему же пришло на ум, что тайная обитель должна повсюду сосуществовать с явной, публичной.

— Но ты — не он, — заметил я. — Теперь я вспомнил, кто ты. А ты меня узнаешь?

С этими словами я снял маску, чтоб он смог разглядеть мое лицо.

— Ты приходил к нам всего однажды, — с улыбкой сказал человек в желтом халате. — И хабит тебе, помнится, удовольствия не доставила.

— Меньше, чем женщина, которой она притворялась… или, вернее сказать, ту, другую, я любил куда крепче. Сегодня я потерял друга, но после этого, похоже, настало время встреч со старыми знакомыми. Как ты, позволь спросить, попал сюда из Лазурного Дома? Был вызван на тиаз? С одной из твоих девиц я нынче, совсем недавно, уже столкнулся.

Человек в желтом отрешенно кивнул. На миг его изящный, словно камея, профиль отразился в причудливой формы створке трюмо у одной из боковых стен перекошенной, узкой, точно пенал, комнатушки, и я решил, что он, должно быть, андрогин. Стоило представить его, день за днем, вечер за вечером отворяющим перед мужчинами

двери своего заведения в Квартале Мучительных Страстей, сердце защемило от жалости пополам с ощущением безысходности.

— Да, — ответил он. — Останусь здесь на время празднеств, а после вернусь к себе.

Мысли мои целиком занимала картина, показанная старым Рудезиндом в коридоре снаружи.

— Тогда ты можешь показать мне, где находится нужный сад.

Сказав это, я тут же почувствовал, что он — впервые за многие годы — захвачен врасплох. Во взгляде его отразилась боль, левая рука (пусть едва заметно) дрогнула, потянувшись к флакончику на шее.

— Значит, ты слышал о… — проговорил он, однако тут же осекся. — Но если я и знаю туда дорогу, то отчего должен указывать ее тебе? Многим захочется бежать ею, узнав, что океанический странник увидел землю.

XXI
Гидромантия

Истинный смысл слов андрогина я понял лишь спустя добрый десяток секунд. Затем ноздри защекотал тошнотворно-сладкий аромат жареной плоти Теклы, в ушах вновь зазвучал тревожный шелест листвы. В момент сильнейшего нервного напряжения позабыв, сколь бессмысленны подобные предосторожности в этой полной лукавства комнате, я огляделся, дабы удостовериться, что нас никто не подслушает, а после, сам того не желая (сознательно я намеревался перед тем, как признаться в связи с Водалом, расспросить его поподробнее), потянулся к самому неприметному отделению ташки, за кусочком стали, формой похожим на лезвие ножа.

Андрогин улыбнулся.

— Как чувствовал, что ты можешь оказаться тем самым… Жду я тебя уже который день. Старику снаружи и многим другим наказано приводить ко мне всех чужаков, представляющих интерес.

— Я был заключен в аванзале, — сообщил я. — Оттого и потерял столько времени.

— Но, вижу, тебе удалось бежать. Что ж, это лишь к лучшему. Вряд ли тебя отпустили бы, прежде чем мой человек сумеет туда заглянуть, а времени остается не так уж много… три дня тиаза, а после я должен отбыть восвояси. Идем, в Сад я тебя провожу, хотя нисколько не уверен, что тебе позволят войти.

Он отворил дверь, сквозь которую вошел в комнату, и на сей раз я заметил, что в действительности она вовсе не прямоугольна. Следующая комната оказалась немногим просторнее оставшейся позади, но здесь линии углов были самыми обычными, а убранство — намного богаче.

— По крайней мере, ты попал в нужную часть Тайной Обители, — сказал андрогин. — Иначе путь нам мог предстоять долгий и утомительный. Прошу прощения, прежде всего я прочту доставленное тобою письмо.

Подойдя к устройству, поначалу принятому мною за столик со стеклянной столешницей, он поместил кусочек стали на полку внизу. Полка немедля озарилась светом, заструившимся от стекла вниз, хотя над стеклом никаких источников света не было. В лучах его стальное кресало разрослось до размеров небольшого меча, а бороздки на месте зубчиков, ударами коих

высекают из кремня искру, у меня на глазах превратились в округлые, плавные очертания букв.

— Ближе не подходи, — велел андрогин. — Если ты не прочел письма прежде, то и сейчас не должен читать его.

Возражать я не стал и какое-то время попросту наблюдал за ним, склонившимся над небольшим предметом, привезенным мною из лесного царства Водала. Наконец он заговорил:

— Значит, тут ничего не попишешь… придется биться на два фронта. Но это тебя не касается. Видишь тот шкаф, с резьбой, изображающей затмение солнца, на дверце? Открой его и вынь книгу, которую найдешь внутри. Вот на этот пульт можешь ее положить.

Не на шутку опасаясь какой-нибудь западни, указанный им шкаф я все же открыл. В шкафу оказалась одна-единственная книга чудовищной величины — нечто едва ли не в мой рост высотой и добрых два кубита в ширину. Казалось, ее крапчатый переплет сине-зеленой кожи уставился на меня, будто мертвое тело из поставленного стойма гроба, с которого я сдвинул крышку. Вложив меч в ножны, я подхватил огромный том обеими руками и опустил на пульт. Андрогин спросил, доводилось ли мне видеть эту книгу раньше, и

я ответил, что нет.

— По-моему, ты ее испугался, и… и словно бы… словно бы отворачивался от нее, пока нес.

Говоря все это, он раскрыл книгу. Первую страницу сплошь покрывали убористые алые письмена, но язык этот был мне незнаком.

— Это предостережение ищущим путь, — пояснил андрогин. — Прочесть тебе?

— Мне показалось, — поневоле сорвалось с моего языка, — будто в коже переплета виден мертвец, и мертвец тот — я сам.

Андрогин вновь закрыл книгу и провел по обложке ладонью.

— Эти переливчатые, «павлиньи» красители — просто работа давным-давно ушедших от нас мастеров… а линии и завитки под ними — всего лишь шрамы на шкуре замученных животных, следы от шипов да рубцы от кнута. Но если тебе страшно, продолжать вовсе не обязательно.

— Открой ее, — сказал я. — Покажи мне карту.

— Карты здесь нет. Книга и есть путь, — отвечал андрогин и с этим откинул в сторону обложку вместе с первой страницей.

В тот же миг меня ослепило, словно разрядом молнии посреди темной ночи. Казалось, следующие страницы, выкованные из чистого серебра,

безукоризненно отполированные, отразили и сделали во сто крат ярче все отблески света, какие бы их ни коснулись.

— Это же зеркала, — сказал я и тут же понял: нет, это вовсе не зеркала, а те самые штуки, для которых в языке нашем нет иного названия, кроме «зеркал», что меньше стражи тому назад вернули Иону к звездам. — Но откуда в них возьмется энергия, если они не обращены одно к другому?

— Вспомни, как долго они были обращены одно к другому, пока я не открыл книгу, — отвечал андрогин. — Теперь мощность поле какое-то время сохранится. Ступай, если осмелишься.

Но я не осмелился. Не успел он завершить фразы, как в сиянии над открытыми страницами возникло некое существо — ни женщина, ни бабочка, но отчасти и то и другое, и я, подобно тому, как мы, видя гору на заднем плане какой-нибудь картины, понимаем, что в действительности она огромна, словно остров, понял, что вижу это существо лишь издалека. На деле же его крылья преодолевали протонные ветры межзвездных пространств, а вся Урд вполне могла оказаться ничтожной пылинкой, потревоженной их взмахами. Стоило мне приглядеться к нему, оно тоже

начало вглядываться в меня — примерно так же, как андрогин совсем недавно вглядывался в петли и завитки на стали под стеклом. Замерев, существо повернулось ко мне и расправило крылья, словно бы с тем, чтоб я смог разглядеть их во всех подробностях. Крылья его были испещрены множеством глаз.

Андрогин шумно, будто захлопнув дверь, закрыл книгу.

— Что ты увидел? — спросил он.

Думать я был способен только о том, что мне больше не нужно смотреть на страницы, и посему ответил:

— Благодарю тебя, сьер. Кто бы ты ни был, отныне и впредь я — твой слуга.

Андрогин кивнул.

— Возможно, когда-нибудь я тебе об этом напомню, но снова спрашивать, что ты увидел, не стану. Возьми, утри лоб. Зрелище… оставило отпечаток.

С этими словами он подал мне лоскут чистой ткани, и я послушно утер лоб, так как чувствовал, что кожу лица щекочут струйки испарины, а когда вновь взглянул на тряпицу, она оказалась алой от крови.

— Нет, ты не ранен, — сказал андрогин, словно

прочел мои мысли. — По-моему, врачи называют это явление «гематидроз». Под влиянием сильных чувств мелкие кровеносные сосуды под кожей местами… а порой и по всему телу… лопаются при обильном выделении пота. Боюсь, на лбу у тебя вскоре появится изрядный кровоподтек.

— Зачем ты это сделал? — спросил я. — Я думал, ты просто покажешь мне карту, а сам всего лишь хотел отыскать Зеленую Гримерку, как назвал ее старый Рудезинд, где расквартированы актеры. Уж не сказано ли в письме Водала, что доставившего письмо надлежит убить?

Между делом я потянулся было к мечу, однако, едва нащупав знакомую рукоять, осознал, что мне не хватает сил обнажить оружие.

Андрогин рассмеялся. Поначалу смех его, похожий то на мальчишеский, то на женский, казался приятным, но вскоре перешел в безудержное хихиканье — точно такое же порой разбирает пьяных. В сознании моем вновь встрепенулись, едва не пробудившись, воспоминания Теклы.

— И это все, чего ты хотел? — заговорил он, совладав с собой. — Попросил огонька, чтоб зажечь свечу, а я, не подумав, вручил тебе само солнце, и вот результат — ты обжегся. Что ж, виноват, виноват… возможно, мне и хотелось отсрочить

свой час, однако я ни за что не отправил бы тебя так далеко, если б не прочел в письме, что ты принес с собой Коготь, и теперь всей душой сожалею, что не сумел удержаться от смеха. Скажи, Севериан, куда ты направишься, разыскав Зеленую Гримерку?

— Куда ты сочтешь нужным послать. Я ведь, как ты напомнил, поклялся служить Водалу.

(В действительности Водал внушал мне откровенный страх: что, если, прояви я неповиновение, андрогин сообщит ему обо всем?)

— Но если у меня не найдется для тебя поручений? От Когтя ты уже избавился?

— Не смог, — признался я.

Андрогин надолго умолк и прерывать молчания, похоже, не собирался.

— Пойду в Тракс, — сказал я. — У меня есть рекомендательное письмо к тамошнему архонту, а у него якобы есть для меня работа. Честь нашей гильдии зовет меня туда.

— Вот и славно. Насколько в действительности велики твои симпатии к Водалу?

Я вновь ощутил в ладони рукоять топора. Ваши воспоминания, как мне не раз говорили, со временем угасают, мои же — даже не меркнут. Вот и сейчас ветер снова швырнул в лицо клочья

тумана, укрывшего некрополь той ночью, и все, что я чувствовал, принимая от Водала монету и глядя, как он уходит туда, куда мне путь заказан, всплыло из глубин памяти во всех подробностях.

— Однажды я спас ему жизнь, — отвечал я.

— Тогда вот как тебе надлежит поступить, — рассудил андрогин. — Ступай в Тракс и всем… даже себе самому… говори, что намерен занять ожидающую тебя там должность. Коготь крайне опасен. Тебе об этом известно?

— Да. Водал сказал, если люди узнают, что он в наших руках, мы можем утратить поддержку народа.

Андрогин вновь ненадолго умолк.

— Пелерины сейчас на севере, — сказал он, нарушив молчание. — Если представится случай, непременно верни Коготь им.

— На это я и надеялся.

— И хорошо. Кроме этого, ты должен будешь сделать еще кое-что. Автарх сейчас здесь, но задолго до того, как ты окажешься в Тракссе, также отправится на север, к действующей армии. Буде он окажется неподалеку от Тракса, отправляйся к нему. В свое время тебе сообщат, каким образом надлежит лишить его жизни.

Тон сказанного выдал его с головой не хуже,

чем мысли Теклы. Мне захотелось преклонить перед ним колени, однако он хлопнул в ладоши, и в комнату без единого звука проскользнул согбенный человечек в длинных одеждах с капюшоном, наподобие киновитских. Автарх заговорил с ним о чем-то, но слов его я, совершенно растерянный, разобрать не сумел.

Во всем мире немного сыщется зрелищ прекраснее, чем утренняя заря, если смотреть на нее сквозь тысячи искристых струй Профетического Фонтана. Я отнюдь не эстет, но, впервые увидев их танец (о коем так много слышал), почувствовал себя обновленным. До сих пор с удовольствием вспоминаю эту картину — серебристые струи воды, вычерчивающие замысловатые символы на солнечном диске, открывшемся моему взгляду, едва слуга в одеяниях с капюшоном после многих лиг, пройденных путаными коридорами Второй Обители, распахнул передо мной очередную дверь.

— Теперь все время прямо, — пробормотал он из-под низко надвинутого на лоб капюшона. — По этой дорожке и сквозь Врата Деревьев. Среди актеров тебе ничто не грозит.

Захлопнувшаяся за моей спиной дверь совершенно слилась с поросшим травой склоном

небольшого пригорка. Едва не споткнувшись, я двинулся к фонтану, освежившему меня облаком мелких брызг, подхваченных ветром. Вокруг чаши вился серпантин мощеной дорожки. Постояв у фонтана в надежде прочесть в пляске струй свое будущее, я наконец полез в ташку за подношением. Все мои деньги достались преторианцам, однако, шаря среди немногочисленных сохраненных пожитков (лоскут фланели, обломок точильного камня и флакон с маслом для «Терминус Эст», гребень и книга в коричневом переплете для меня самого), я углядел под ногами монетку, застрявшую между зеленых камней. Извлечь ее — единственный азими, истертый так, что от чеканки не осталось даже следа, — особых трудов не составило. Прошептав желание, я бросил монетку в самую середину фонтана. Одна из струй подхватила кругляш, подбросила к небу, и азими, сверкнув в воздухе, вновь упал вниз, а я принялся разбирать символы, вычерченные водой на фоне солнца.

Меч. Это казалось вполне понятным. Быть мне и далее палачом.

Роза, а под ней — река… стало быть, путь мой лежит вверх по Гьёллю, ведь именно там находится Тракс.

Далее — злые, бурные волны, вскорости превратившиеся в зловещий водяной вал. Возможно, море; однако, следуя вверх, к истокам реки, на берег моря определенно не попадешь.

Скипетр, кресло, множество башен… похоже, пророческая сила фонтана, в которую я никогда особо не верил, оказалась пустопорожними выдумками. Подумав так, я отвел было взгляд, но в последний момент, отворачиваясь, увидел на фоне солнца звезду — разрастающуюся во все стороны звезду о многих лучах.

С тех пор как я вернулся в Обитель Абсолюта, я навещал Профетический Фонтан еще дважды. Один раз пришел к нему с первыми лучами зари, сквозь ту самую дверь, за которой увидел его впервые… но задавать фонтану вопросы так больше и не осмелился.

Слуги мои, все как один признавшиеся, что тоже бросали в фонтан орихальки, когда в саду не было никого из гостей, все как один сказали: настоящих пророчеств никто из них за свои деньги не получил. Однако я, памятуя о зеленом человеке, отпугивавшем посетителей описаниями их будущего, пока ни в чем не уверен. Быть может, мои служители, не видящие в жизни ничего, кроме бесконечной череды подносов, метел

да трезвонящих колокольчиков, попросту отказались поверить струям воды? Расспрашивал я о том же и своих министров, несомненно швырявших в Профетический Фонтан целые горсти хризосов, но их ответы сомнительны и изрядно противоречивы.

Повернуться к фонтану, к его прекрасным, таинственным посланиям спиной и двинуться к старому солнцу оказалось делом нелегким. Огромный, точно лицо великана, темно-красный диск рос на глазах, выползая из-за опускавшегося горизонта. Темнеющие на его фоне тюльпанные деревья напомнили мне фигуру Ночи, венчавшую тот самый караван-сарай на западном берегу Гьёлля, который я столько раз видел затмевающим солнце, вблизи, во время наших купаний.

Не сознавая, что нахожусь глубоко в пределах Обители Абсолюта, вдали от стражников, патрулирующих ее границы, я опасался в любую минуту наткнуться на преторианцев и вновь угодить в аванзалу — тем более что потайную дверь наверняка уже обнаружили и наглухо заперли, — однако мои опасения не сбылись. На многие лиги вокруг, среди живых изгородей и бархата газонов, среди цветов и текущей воды, не видно было ни единой живой души, кроме меня

самого. К дорожке клонились лилии куда выше моего роста, и звездовидные лики их украшали капельки непотревоженной росы, а алмазную россыпь росы на безупречно гладких камнях дорожки еще не потревожили ничьи ноги, кроме моих. Вокруг — и на воле, и в золотых клетках, свисавших с ветвей деревьев, — допевали ночную песнь соловьи.

По пути на глаза мне, вновь пробудив в памяти толику прежнего ужаса, попалась одна из тех самых ходячих статуй. Будто человек исполинского роста (хотя изображала она вовсе не человека), шла она небольшой укромной лужайкой, словно влекомая неслышными уху нотами каких-то странных псалмов. Признаться, я задержался на месте, пока она не удалилась, гадая, способна ли статуя почуять меня, укрывшегося в тени, и есть ли ей хоть какое-то дело до моего появления.

Врата Деревьев я увидел в тот самый миг, как отчаялся их отыскать. Спутать их с чем-либо было бы невозможно. Подобно младшим садовникам, растящим груши на шпалерах у стен, величайшие садовники Обители Абсолюта, для завершения трудов располагавшие множеством поколений, сращивали одну с другой ветви огромных дубов, пока каждый прутик не подчи-

нился их архитектурному замыслу, и я, гуляя по крышам роскошнейшего дворца на всей Урд, не видя вокруг ни единого камня, вдруг обнаружил сбоку огромную, покрытую зеленой листвой арку ворот, выстроенных из живого дерева, словно из кирпича.

Сорвавшись с места, я помчался к вратам бегом.

XXII
Воплощения

Широкая, сочащаяся росой, арка Врат Деревьев вывела меня на просторный травянистый луг, усеянный множеством шатров. Где-то неподалеку, лязгнув цепями, взревел мегатерий. Казалось, больше вокруг не слышно ни звука. Остановившись, я прислушался, и мегатерий, не тревожимый моими шагами, успокоился, вновь погрузился в свойственный этим животным сон, с трудом отличимый от смерти. В воцарившейся тишине был слышен стук капель стекающей с листьев росы и отдаленный, прерывистый птичий щебет.

Нет, это было еще не все. Ко всему этому примешивалось негромкое, быстрое, неравномерное «вжик-вжик». Стоило мне прислушаться, странный звук начал набирать силу. Следуя на него, я двинулся по тропинке среди безмолвных шатров, но с выбором направления, очевидно, ошибся: доктор Талос заметил меня прежде, чем я заметил его.

— Друг мой! Мой товарищ! Все они спят — и

твоя Доркас, и остальные. Все, кроме нас с тобой. Сюда, сюда!

В такт словам он размахивал тростью, со свистом — «вжик-вжик» — срубая ею головки цветов.

— Ты вернулся к нам как раз вовремя. Как нельзя более вовремя! Сегодня вечером мы даем представление, и, не подоспей ты, я был бы вынужден нанять вместо тебя одного из этих малых. Рад, рад тебя видеть! Я ведь должен тебе кое-какие деньжата, помнишь? Не так уж много, и, между нами говоря, по-моему, монеты фальшивые, однако долг есть долг, а долги я плачу всегда.

— Боюсь, я ничего подобного не припоминаю, — ответил я, — а стало быть, сумма вправду невелика. Если с Доркас все в порядке, я готов вовсе забыть о ней — дай только что-нибудь поесть да покажи, где тут можно спокойно поспать хоть пару страж.

Острый нос доктора на миг поник книзу, на лице отразилось искреннее сожаление.

— Спать можешь сколько угодно, пока остальные тебя не разбудят, а вот еды у нас, боюсь, нет. Бальдандерс, понимаешь ли, ненасытен, точно лесной пожар. Распорядитель тиаза обещал сегодня доставить что-нибудь для всех нас, — пояснил

он, неопределенно махнув тростью в сторону беспорядочной россыпи шатров, — но, боюсь, это произойдет никак не ранее середины утра.

— Возможно, оно и к лучшему. На самом деле я слишком устал, чтобы есть, но если ты покажешь, где можно прилечь…

— Что у тебя с лицом? А, впрочем, неважно — замажем гримом. Сюда!

Не дожидаясь ответа, доктор Талос рысцой устремился вперед. Последовав за ним сквозь лабиринт растяжек, я оказался перед светло-лиловым куполом. У входа стояла тележка Бальдандерса, и я наконец-то поверил, что вновь отыскал Доркас.

Когда я проснулся, все вышло, как будто мы с нею вовсе не расставались. Неяркая миловидность Доркас осталась прежней; блеск Иоленты, как обычно, затмевал ее, однако стоило нам оказаться втроем, мне неизменно хотелось, чтоб Иолента поскорее ушла и не отвлекала меня от Доркас. Приблизительно через час после того, как все мы проснулись, я отвел Бальдандерса в сторону и спросил, отчего он бросил меня в лесу, за Вратами Скорби.

— Я же шел не с тобой. Я шел с моим доктором Талосом, — неспешно проговорил он в ответ.

— И я тоже. Мы могли отправиться на его поиски вместе, отчего оба бы только выиграли.

Долгая пауза. Казалось, я чувствую тяжесть его мутного взгляда на лице. В невежестве своем я подумал, как было бы ужасно, обладай Бальдандерс энергией и волей, необходимой для гнева.

— А ты был с нами, когда мы покидали город? — наконец спросил он.

— Конечно. И Доркас, и Иолента, и я — все мы были с вами.

Вновь долгая пауза.

— Значит, мы там вас и нашли.

— Да. Ты разве не помнишь?

Бальдандерс тяжеловесно покачал головой, и я заметил седину, серебрящуюся в густой щетке его жестких волос.

— Однажды утром я проснулся, гляжу — вон он ты. Думал, думал. А потом ты от меня ушел.

— Тогда обстоятельства были другими: мы же договорились о встрече.

(Тут мне вспомнилось, что держать слово я не собирался, и сердце мое защемило от стыда.)

— Так мы и встретились, — отрешенно сказал Бальдандерс, а затем, видя, что ответом я не удовлетворен, добавил: — Для меня все, кроме доктора Талоса… не взаправду. Не настоящее.

— Твоя преданность весьма похвальна, однако ты, может быть, помнишь, что он хотел взять с собой не только тебя, но и меня?

Сердиться на этого добродушного, скудоумного великана было решительно невозможно.

— Здесь, на юге, мы скопим денег, а после отстроимся заново, как уже строились, когда там обо всем позабыли.

— Тут север, не юг. Но — да, ваш дом, если не ошибаюсь, был уничтожен?

— Сгорел, — ответил Бальдандерс, и в его глазах словно бы отразились отсветы пламени. — Прости, если я тебя невзначай обидел. Я так долго думал только о замке да о работе…

Оставив его сидеть в одиночестве, я отправился осматривать наше театральное хозяйство — откровенно признаться, нисколько в том не нуждавшееся, да и что я мог там углядеть, кроме очевидной нехватки того и сего? Вокруг Иоленты столпилось множество балаганщиков, и доктор Талос, разогнав их, велел ей уйти в шатер. Не прошло и минуты, как из шатра донесся смачный удар тростью по мягкому, и доктор вышел наружу — с улыбкой, но все еще не на шутку рассерженный.

— Она ни в чем не виновата, — заметил я. — Ты

ведь сам понимаешь, как она выглядит.

— Слишком броско. Кричаще сверх всякой меры. Знаешь, что мне в тебе нравится, сьер Севериан? Ты отдаешь предпочтение Доркас. Кстати, куда она подевалась? Ты видел ее после того, как вернулся?

— Предупреждаю, доктор: ее бить не смей.

— Об этом я даже не помышлял. Опасаюсь только, как бы она не заблудилась.

Удивление в его взгляде убедило меня, что он не кривит душой.

— Мы даже поговорить толком не успели. Она отправилась принести воды.

— Весьма смелый поступок с ее стороны, — сказал доктор и, видя мое недоумение, добавил: — Она боится воды. Ты же наверняка замечал. Отнюдь не грязнуля, но моется, не входя в воду глубже длины большого пальца, а когда идем через мост, дрожит и цепляется за Иоленту.

Тут Доркас вернулась, и, если доктор сказал еще что-либо, я этого не услышал. Утром, при встрече, оба мы были способны разве что улыбаться да порой, не веря собственным пальцам, касаться друг друга. Теперь, подойдя ко мне, она опустила наземь ведра с водой и принялась пожирать меня взглядом.

— Я так по тебе тосковала, — сказала она. — Без тебя мне было так одиноко…

При мысли о том, что обо мне кто-либо тосковал, я не удержался от смеха.

— Неужто тебе не хватало вот этого? — спросил я, приподняв край плаща цвета сажи.

— Смерти? Скучала ли я о Смерти? Нет, мне не хватало тебя.

С этими словами она выдернула из моей ладони полу плаща и за нее потянула к стене тюльпанных деревьев, ограждавших Зеленую Гримерку с одной стороны.

— Там, рядом с клумбами, я отыскала скамейку. Идем, посиди со мной. Уж после стольких-то дней нас могут на время оставить в покое, а принесенную воду Иолента, выйдя наружу, рано или поздно найдет — все равно вода эта для нее.

Как только мы удалились от суеты среди шатров, где жонглеры швыряли в воздух кинжалы, а акробаты — собственных детей, нас со всех сторон окружила безмятежность садов. Пожалуй, сады Обители Абсолюта — самые обширные на свете угодья, возделанные и засаженные исключительно для красоты, если не брать в расчет тех девственных лесов, что являют собою сады самого Предвечного, взращенные руками

невидимых нашему глазу садовников. Миновав неширокий проем меж двух сомкнутых поверху живых изгородей, мы углубились в рощу деревьев, усыпанных гроздьями ароматных цветов, и я с тоской вспомнил цветущие сливы, мимо которых преторианцы волокли нас с Ионой, хотя деревья вокруг явно были посажены для красоты, а сливы, наверное, ради плодов. Сломив веточку с полудюжиной цветков, Доркас воткнула ее в светло-золотистые волосы.

Сад за деревьями оказался так древен, что о нем наверняка позабыли все, кроме ухаживавших за ним слуг. Резные головы, украшавшие каменную скамью, истершись, почти утратили черты лиц. Вокруг, на нескольких клумбах, среди незатейливых цветов рядами росли пахучие пряные травы — розмарин, дягиль, мята, базилик, рута. Возделываемая бессчетные годы, почва у их корней была черной, как шоколад.

Среди клумб журчал небольшой ручеек — несомненно, в нем-то Доркас и набрала воды. Исток его, вероятно, некогда был фонтаном, а ныне превратился в обычный родник. Наполняя неглубокую впадину в камне, вода переливалась через ее край и растекалась по узким, облицованным грубой каменной кладкой канавкам, орошавшим

плодовые деревья. Едва мы устроились на каменной скамье, я прислонил меч к подлокотнику, а Доркас взяла меня за руку.

— Страшно мне, Севериан, — сказала она. — Такие ужасы снятся…

— С тех пор, как мы расстались?

— Все время.

— Когда мы с тобой спали бок о бок в поле, ты говорила, что тебя разбудили добрые сновидения. Очень подробные, совсем как в жизни.

— Если они и были добрыми, я их давно позабыла.

Я уже заметил, что Доркас старательно отводит взгляд от воды, льющейся из развалин фонтана.

— Каждую ночь мне снится, будто иду я по улицам, сплошь застроенным лавками. Радуюсь или, по крайней мере, довольна жизнью. Есть у меня и деньги на покупки, и длинный список вещей, которые хочется купить. Снова и снова перечисляю я все это в мыслях, и думаю, что в какой части квартала можно найти — как можно лучшего качества и при том как можно дешевле. Но постепенно, переходя из лавки в лавку, я все отчетливее сознаю: нигде мне не рады, всюду мною гнушаются, а все потому, что считают меня нечистым духом, вселившимся в тело девушки,

видимое их глазам. И вот наконец вхожу я в крохотную лавчонку, а заправляют ею старик со старухой. Старик раскладывает передо мной на прилавке товар, а старуха сидит в уголке, плетет кружева. Я даже слышу негромкий шорох нитей и перестук коклюшек за спиной.

— А что ты собиралась купить? — спросил я.

— Одежду очень маленького размера, — отвечала Доркас, раздвинув перед собой изящные белые ладони от силы на полпяди. — Возможно, кукольную. Особенно мне запомнились вот такусенькие рубашки из тонкой шерсти. Наконец выбрала я одну, отдаю старику деньги и вижу: вовсе это не деньги, а комок грязи.

Плечи Доркас задрожали, и я успокаивающе обнял ее.

— Хочется закричать, что зря все вокруг плохо обо мне думают, напрасно принимают меня за нечистого духа, однако я понимаю: если так и поступлю, все, что ни скажу, люди сочтут окончательным доказательством своей правоты, и слова застревают в горле. А самое худшее — шуршание нитей за спиной в этот миг прекращается. — Тут Доркас стиснула мою свободную руку изо всех сил, словно затем, чтоб верней передать, что у нее на душе. — Знаю, кому не снилось подобного, по-

просту не поймут… однако это ужасно. Ужасно.

— Быть может, теперь, когда я снова рядом, с тобой, этим снам настанет конец.

— А после я просто сплю, будто проваливаюсь в непроглядную темень. И если не просыпаюсь, начинается новый сон. Я в лодке, и кто-то, отталкиваясь шестом от дна, гонит ее через призрачное, неземное озеро…

— Ну уж в этом-то нет ничего загадочного, — сказал я. — Ты ведь плавала в точно такой лодке, со мною и с Агией. Принадлежала она человеку по имени Хильдегрин, и ты наверняка это плавание помнишь.

Но Доркас отрицательно покачала головой.

— Нет, лодка совсем не та, куда меньше. Шестом орудует какой-то старик, а я лежу у его ног. В полном сознании, но даже шевельнуться не могу. Рука свесилась за борт, тащится следом за лодкой в темной воде. Нос лодки вот-вот коснется берега, но тут я падаю в воду, однако старик меня не видит, и я, уходя в глубину, понимаю: о моем присутствии он даже не подозревал. Вскоре свет вокруг меркнет, становится жутко холодно. Откуда-то сверху, из дальней дали, любимый голос зовет меня по имени, но я никак не могу вспомнить, чей это голос.

— Мой. Я зову тебя, стараюсь тебя разбудить.

— Может, и так.

Отметина от бича, память о Вратах Скорби, вспыхнула на щеке Доркас, будто клеймо. На время мы оба умолкли. Соловьи стихли тоже, но на деревьях повсюду вокруг пели коноплянки, а как-то раз среди ветвей мелькнул попугай, алый с зеленым, точно крохотный посыльный в ливрее.

Наконец Доркас сказала:

— Какая же страшная это штука — вода… Не стоило тебя сюда приводить, да только другого места поблизости в голову не пришло. Надо было устроиться там, на траве под теми деревьями.

— А чем тебе не угодила вода? По-моему, ручей просто чудный.

— Здесь ее освещает солнце, но, согласно самому своему естеству, она без конца течет вниз, вниз, прочь от света.

— Но потом-то вновь поднимается кверху, — возразил я. — Дождь, наблюдаемый нами по весне, — та же самая влага, что текла годом ранее в сточных канавах. По крайней мере, так объяснял нам мастер Мальрубий.

Улыбка Доркас сверкнула, словно звезда.

— Так оно или нет, а в это хотелось бы верить. Севериан, глупо, конечно, но ты — лучший из всех

людей, кого я знаю, потому что других хороших людей не встречала. Однако мне кажется, что, если я познакомлюсь еще хоть с целой тысячей человек, ты все равно останешься лучшим. Вот об этом я тебе и хотела сказать.

— Если тебе нужна моя защита, можешь не сомневаться — я с тобой.

— Нет, дело вовсе не в этом, — ответила Доркас. — Наоборот, мне самой хотелось бы стать для тебя защитой… вот это уж точно глупость, правда? Родных у меня нет, и вообще никого нет, кроме тебя, и все же я думаю, что в силах тебя защитить.

— Но ведь рядом и Иолента, и доктор Талос с Бальдандерсом.

— Все это не то, Севериан, разве ты сам не чувствуешь? Даже я, наверное, не слишком гожусь, но они не годятся вовсе. Вот провели мы ночь в шатре, впятером, однако ты оставался один. Помнится, как-то ты говорил, что богатством воображения не отличаешься, но все равно наверняка это чувствовал.

— От этого ты и хочешь меня защитить? От одиночества? Такой защите я буду только рад.

— Тогда я дам тебе все, что смогу, пока это в моих силах. Но самое главное, мне хочется защи-

тить тебя от отношения окружающих. Помнишь, Севериан, что я рассказывала о своих снах? Как люди в лавках и на улицах считали меня каким-то ужасным духом? Так вот, они вполне могли быть правы.

Тут Дорис вновь затрясло, и я привлек ее ближе.

— Отчасти по этой причине мой сон так мучителен. Ну а вторая причина — правы они не во всем. Да, нечистый дух здесь, во мне. Он — это я. Однако во мне есть и еще кое-что, и все это — тоже я, в точно такой же мере.

— Не можешь ты быть нечистым духом, да и вообще хоть чем-либо нечистым.

— О нет, — без тени улыбки возразила Дорис и подняла на меня взгляд. Пожалуй, ее изящное, обращенное к солнцу лицо никогда еще не было столь же прекрасно, никогда еще не лучилось такой безукоризненной чистотой. — Очень даже могу, Севериан. Как и ты можешь быть — и порою становишься — тем, кем тебя называют. Помнишь собор, на наших глазах вознесшийся в небо и вмиг сгоревший? Помнишь, как мы с тобой шли по дороге среди деревьев, пока не увидели впереди свет, а там оказались доктор Талос, Бальдандерс и Иолента, готовящиеся начать

представление?

— Ты держала меня за руку, — подтвердил я, — и мы говорили о философии. Как могу я забыть?

— А когда мы вышли на свет и доктор Талос увидел нас — помнишь, что он сказал?

Я обратился мыслями в прошлое, к вечеру того дня, когда предал казни Агила. Из недр памяти послушно всплыл и рев толпы, и пронзительный крик Агии, и рокот барабана Бальдандерса.

— Он сказал, что теперь все в сборе. Тебя назвал Невинностью, а меня — Смертью.

Доркас скорбно кивнула.

— Именно. Но ведь на самом деле ты вовсе не Смерть, сколько бы он ни называл тебя так, понимаешь? От Смерти в тебе ничуть не больше, чем в мяснике, целыми днями режущем горло бычкам. Для меня ты — Жизнь, а вообще — молодой человек по имени Севериан, и, если тебе захочется, одевшись иначе, сделаться плотником или рыбаком, никто не сможет тебе помешать.

— У меня нет желания оставлять гильдию.

— Однако ты можешь оставить ее. Хоть сегодня. Вот о чем нужно помнить в первую очередь. Людям не хочется, чтобы другие были людьми. Поэтому они навешивают на окружающих ярлыки, опутывают других сетью всевозможных

названий, но ты им не поддавайся. А доктор Талос хуже многих других. Он — своего рода обманщик, лжец…

Обвинение так и осталось незавершенным, и тогда я отважился возразить:

— Однажды я слышал от Бальдандерса, что он почти никогда не лжет.

— Я ведь сказала, своего рода. Бальдандерс прав, ложь доктора Талоса — не то, что обычно понимают под ложью. Назвав тебя Смертью, он не солгал. Это была… э-э…

— Метафора? — подсказал я.

— Да, но опасная, дурная метафора. Нацеленная против тебя, словно ложь.

— Значит, по-твоему, доктор Талос втайне меня ненавидит? Я бы сказал, он — один из немногих, кто вправду проявил ко мне доброту с тех пор, как я оставил Цитадель. Таких ведь по пальцам пересчитать. Ты да Иона, которого с нами уже нет, старуха, с которой я познакомился в заточении, человек в желтом халате, кстати сказать, тоже назвавший меня Смертью… и доктор Талос. Как видишь, перечень короток.

— Нет, по-моему, ненависти в нашем понимании он ни к кому не испытывает, — негромко ответила Доркас. — И любви, если уж на то пошло,

тоже. Ему хочется манипулировать всеми, кто ни подвернется под руку, изменять все вокруг, подчиняя окружающий мир собственной воле. Ну а поскольку разрушать куда проще, чем строить, он чаще всего так и делает.

— Однако Бальдандерс его, кажется, любит, — заметил я. — Когда-то у меня был искалеченный пес, и я не раз видел, как Бальдандерс смотрит на доктора в точности тем же взглядом, каким смотрел на меня Трискель.

— Да, понимаю, но мне так вовсе не кажется. Ты никогда не задумывался, как выглядишь сам, глядя на своего пса? А о прошлом их хоть что-нибудь знаешь?

— Только что они жили вместе где-то в окрестностях озера Диутурна. А люди, жившие по соседству, вроде бы подожгли их дом, чтобы прогнать их прочь.

— А не кажется ли тебе, что доктор Талос может доводиться Бальдандерсу сыном?

Предположение Доркас показалось мне столь нелепым, что я рассмеялся, радуясь случаю избавиться от неловкости.

— Тем не менее, — заметила Доркас, — именно так они друг с другом и держатся. Будто туповатый работящий отец с гениальным взбалмошным

сыном. По крайней мере, на мой взгляд.

Только после того, как мы, оставив скамью, двинулись назад, к Зеленой Гримерке (напоминавшей картину, показанную мне Рудезиндом, не более, чем любой другой сад), в голове моей сам собой родился вопрос: может быть, назвав Доркас «Невинностью», доктор Талос тоже имел в виду метафору того же сорта?

XXIII
Иолента

Оставшийся позади старый сад с травяным огородиком был так безмолвен, так погружен в забвение, что напомнил мне Атриум Времени и изящные, тонкие черты лица Валерии в обрамлении мехов. По сравнению с ним Зеленая Гримерка казалась сущим пандемониумом. К этому времени весь табор уже проснулся, и каждый из его обитателей словно бы задался целью перекричать остальных. Преследуемые метлами матерей и любыми снарядами, какие ни подвернутся под руку отцам, детишки карабкались на деревья, чтоб выпустить на волю сидящих по клеткам птиц. Шатры сворачивали, не дожидаясь конца репетиций; на моих глазах с виду незыблемая пирамида из полосатой парусины рухнула наземь подобно флагу капитулировавшей армии, открыв нашим взглядам травянисто-зеленого мегатерия, поднявшегося на дыбы позади, и танцовщицу, выделывавшую замысловатые пируэты, балансируя на его лбу.

Бальдандерс и наш шатер исчезли бесследно,

но не прошло и минуты, как подбежавший к нам доктор Талос в спешке повлек нас за собой извилистыми дорожками, мимо балюстрад, водопадов и гротов, полных неограненных топазов вперемежку с цветущими мхами, к чашеобразной, заросшей подстриженной травой низинке, где великан под взорами дюжины белых оленей возводил для нас сцену.

Сцена замышлялась куда роскошнее той, на которой мне довелось выступать в пределах Стены Несса. Похоже, слуги Обители Абсолюта снабдили нас деревом, гвоздями и всевозможным инструментом, не говоря уж о краске и парусине, в количествах много больших, чем мы могли пустить в дело. Их щедрость пробудила в докторе склонность к грандиозным свершениям (и без того ни на минуту не засыпавшую слишком уж глубоко), и он то помогал нам с Бальдандерсом таскать самое тяжелое, то принимался лихорадочно дополнять чем-нибудь новеньким рукопись пьесы.

Великан взял на себя роль плотника и, хотя двигался неторопливо, трудился с таким невероятным усердием, с такой невообразимой мощью в каждом движении — костыль толщиною в мой указательный палец вгонял в доски за один-

два удара, а брусья, которые я пилил бы целую стражу, перерубал несколькими ударами топора, — что мог бы легко сойти за целый десяток рабов под бичом надсмотрщика.

Доркас проявила недюжинный талант к живописи, чего я, по крайней мере, от нее совершенно не ожидал. Вместе мы установили на место пластины из черного материала, вбиравшего солнечный свет — не только затем, чтоб запастись энергией для ночного представления, но и для того, чтобы засветить прожекторы уже сейчас. Все эти ухищрения позволяют изобразить на заднем плане даль в тысячу лиг с той же легкостью, что и единственную комнатушку убогой хижины, однако завершенности иллюзия достигает лишь в полной темноте. Таким образом, ее лучше всего подкреплять рисованными задниками, а Доркас рисовала их весьма сноровисто, стоя по пояс в вершинах гор и оживляя выпадами кистей картины, поблекшие при свете дня.

От нас с Иолентой проку было куда как меньше. Я рисовать не обучен, а требования пьесы понимал так смутно, что не мог даже помочь доктору в размещении реквизита. Иолента же, думаю, и умом, и телом противилась работе любого рода, а уж этой — наверняка. Ее длинные ноги, столь

изящные ниже колен и столь округлые, пышные над коленями, были просто не приспособлены к ношению тяжестей помимо тяжести ее собственного тела, а выпирающим далеко вперед грудям постоянно грозила опасность оказаться защемленными меж досок или испачкаться в краске. Не имелось в ней и того духа, что придавал жизни остальным членам труппы, направляя их к общей цели. По словам Доркас, минувшей ночью я остался в совершеннейшем одиночестве, и, вероятно, она была права куда более, чем мне могло показаться, но с одиночеством Иоленты мое одиночество не шло ни в какое сравнение, не говоря уж обо всех остальных. У Доркас был я, у меня — Доркас, Бальдандерса с доктором связывала некая извращенная дружба, и на сцену мы поднимались все вместе, а у Иоленты имелась только она сама да нескончаемое представление, посвященное одной-единственной цели — внушать всем вокруг восторг.

Коснувшись моего плеча, Иолента без слов указала огромными изумрудно-зелеными глазами в сторону границы естественного амфитеатра и окаймлявших ее каштанов, поднявших к небу множество белых свечек среди неяркой листвы.

Убедившись, что никто из остальных на нас не

смотрит, я согласно кивнул. После Доркас Иолента, идущая рядом со мной, казалась почти такой же рослой, как Текла, только шагала, не в пример Текле, не размашисто — мелко. Доркас она превосходила ростом по меньшей мере на целую голову, а пышная куафюра вкупе с высоченными каблуками сапог для верховой езды делала ее еще того выше.

— Хочу посмотреть на нее, — сказала она. — Другого шанса ведь не представится до конца дней.

То была явная ложь, но я, будто безоговорочно поверив в нее, ответил:

— На этот счет вы в равном положении. Сегодня и только сегодня Обители Абсолюта представляется шанс посмотреть на тебя.

Иолента кивнула: на ее взгляд, я изрек безусловную, неоспоримую истину.

— Мне нужен кто-нибудь… кто отпугнет тех, с кем мне не хочется разговаривать. То есть всех этих балаганщиков и фигляров. Пока тебя не было, со мной никто, кроме Доркас, гулять не соглашался, а Доркас никто не боится. Не мог бы ты обнажить меч и нести его на плече?

Я так и сделал.

— Кому я не улыбнусь, тех отпугивай. Пони-

маешь?

Трава под каштанами оказалась гораздо выше, чем в естественном амфитеатре, но много мягче папоротников; дорожка, усыпанная кварцевым щебнем, искрилась, как золото.

— Если бы только меня увидел Автарх! Он непременно меня возжелает. Как по-твоему, придет он смотреть нашу пьесу?

Дабы доставить ей удовольствие, я кивнул, но добавил:

— Я слышал, он не слишком нуждается в женщинах, даже в самых прекрасных, если речь не о советницах, шпионках или девах-щитоносицах.

Иолента, остановилась и, повернувшись ко мне, улыбнулась.

— В том все и дело, разве не понимаешь? Я могу внушить желание всякому, и потому он, Автарх-Самодержец, чьи грезы для нас явь, а память — наша история, тоже меня возжелает, есть в нем мужская сила или же нет. Вот ты же хотел других женщин, кроме меня, не так ли? Хотел — настолько, что… ну просто страсть, как?

Я признался, что да.

— И потому думаешь, будто желаешь меня точно так же, как хотел их. — С этим Иолента двинулась дальше, как обычно слегка прихра-

мывая, однако собственный аргумент ненадолго придал ей сил. — Однако при виде меня у любого мужчины кое-что наливается твердостью, а у любой женщины кое-где начинается зуд. Женщины, сроду не любившие женщин, желают моей любви — об этом тебе известно? Одни и те же приходят на наши представления снова и снова, шлют мне угощения с собственного стола, и цветы, и шарфы, и шали, и расшитые носовые платки, прилагая к ним… о, такие сестринские, материнские записки! Любая из них готова защитить, уберечь меня и от нашего доктора, и от его великана, и от собственного мужа, сыновей и соседей… а уж мужчины! Порой Бальдандерсу приходится швырять их в реку.

Я спросил, не хрома ли она, и, миновав рощу каштанов, огляделся в поисках какой-нибудь повозки, но ничего подходящего поблизости не оказалось.

— Бедра стерты, и от этого больно ходить. У меня есть для них мазь — помогает немного, а один из поклонников подарил мне ослицу для езды верхом, но где она сейчас пасется, даже не представляю. Знаешь, вправду удобно мне только в то время, когда ноги можно держать раздвинутыми.

— Я могу тебя понести.

Иолента вновь обнажила в улыбке безупречные зубы.

— И нам обоим это было бы в радость, не так ли? Вот только, боюсь, со стороны будет выглядеть не слишком прилично. Нет уж, пойду лучше сама. Надеюсь, далеко идти не понадобится. Да и не пойду я далеко, что б ни случилось. Все равно, кроме лицедеев, вокруг никого. Наверное, важные особы спят допоздна, набираясь сил перед ночными гуляньями. Мне и самой необходимо хотя бы четыре стражи поспать, прежде чем взяться за дело.

Услышав неподалеку журчание воды среди камней и не обнаружив поблизости ничего более примечательного, я направился на звук. Миновав живую изгородь из кустов боярышника, усеянную множеством белых цветов и оттого издали казавшуюся неодолимой преградой, мы увидели за ней речушку шириною не более улицы. По течению плыли лебеди, неподвижные, точно скульптуры из льда. На берегу возвышалась беседка, а рядом с нею покачивались на воде три лодки в виде огромных цветков ненюфаров. Изнутри они были устланы невероятно плотным, прочным глазетом, а спустившись в одну, я об-

наружил, что от обивки исходит густой аромат пряностей.

— Чудесно, — сказала Иолента. — Дворцовые слуги ведь не будут против, если мы одну позаимствуем? А если и будут, меня отведут к кому-нибудь важному, совсем как в нашей пьесе, а он, увидев меня, ни за что не пожелает со мною расстаться. Я устрою так, чтобы при мне оставили и доктора Талоса, и тебя, если хочешь. Для тебя здесь занятие непременно найдется.

Я ответил, что долг велит мне продолжать путь на север, и, приобняв Иоленту за талию, столь же стройную, как у Доркас, поднял ее на борт. Оказавшись в лодке, она немедля улеглась на подушки, а неземной красоты личико укрыла в тени «лепестков». При виде этого мне тут же вспомнилась Агия, смеявшаяся в лицо солнцу, в то время как мы с нею спускались по Адамнианской Лестнице, и хваставшая широкополой шляпой, которой обзаведется на будущий год. Нет, Агия не располагала ни одной из свойственных Иоленте черт: ростом она вряд ли превосходила Доркас, в бедрах была чрезмерно широка, грудь ее в сравнении с пышными формами Иоленты показалась бы весьма скромной, а удлиненные, чуть раскосые карие глаза и выдающиеся скулы выражали

скорее хитроумие и целеустремленность, чем покорность и страсть. Тем не менее если кто из них и вызывал во мне здоровое возбуждение, то именно Агия. В смехе ее, если она смеялась, зачастую слышались нотки презрения, но зато смех этот был настоящим, искренним. От Агии так и веяло внутренним жаром, а Иолента страстно желала лишь одного — внушать желание, и потому мне хотелось не утешить ее в одиночестве, как хотелось утешить Валерию, не отыскать подходящих выражений для признания в мучительной любви вроде той, какой я любил Теклу, не оберегать ее, подобно Доркас, но унизить ее, покарать, лишить всякого самодовольства, довести до слез, вырвать волосы без остатка, примерно как опаляют волосы на теле мертвого, чтоб причинить муки оставившему его духу. Хвалившаяся, будто превращает женщин в трибад, из меня Иолента едва не сделала альгофила.

— Это мое последнее представление, я знаю. Чувствую. Среди публики наверняка найдется кто-нибудь…

Тут она, зевнув, потянулась всем телом. Казалось, облегающий лиф ее платья ни за что не выдержит этакого напряжения, лопнет, и я, нисколько не сомневаясь в этом, отвел взгляд в

сторону, а когда вновь повернулся к ней, Иолента мирно спала.

За кормой лодки покачивалось в воде изящное весло. Подняв его и сделав пару гребков, я обнаружил, что, несмотря на округлую форму верхней, надводной части корпуса, под днищем имеется киль. Течение на середине речушки оказалось достаточно сильным, чтобы мне оставалось только рулить нашим судном, плавно, неспешно огибавшим излучину за излучиной. Подобно тому, как я, сопровождаемый слугой в одеяниях с капюшоном, оставаясь для всех вокруг невидимкой, шел мимо множества комнат, ниш и галерей потайными коридорами Второй Обители, в эти минуты мы со спящей Иолентой бесшумно, без малейших усилий, не замечаемые почти никем, плыли куда-то вдаль, оставляя позади лигу за лигой. Пары, лежавшие на мягкой траве у подножья деревьев либо устроившиеся в более рафинированном уюте садовых беседок, очевидно, считали нашу лодку не более чем украшением, пущенным по реке исключительно для услаждения их взоров, а видя мою голову над изогнутыми лепестками, полагали, что мы целиком поглощены собственными делами. Философствующие одиночки медитировали, устроившись на буколически

примитивных скамьях, а в клеристориях и аборииях шли своим чередом празднества — и вовсе не всегда эротического толка.

Мало-помалу сон Иоленты начал меня раздражать. Бросив весло, я присел на подушки с ней рядом. Во сне лицо ее исполнилось пусть и искусственной, но чистоты, которой я ни разу не замечал за нею во время бодрствования. Стоило поцеловать ее, и ее глаза, даже не приоткрывшиеся, сделались удивительно похожи на продолговатые глаза Агии, а золотистые с рыжиной волосы словно бы изменили цвет на темно-русый. Тогда я расстегнул ее платье. Казалось, она одурманена каким-то снотворным снадобьем в груде подушек или просто утомлена долгой пешей прогулкой под открытым небом и бременем необычайно, чрезмерно пышного тела. Освобожденные от одежды груди немногим уступали в размерах ее собственной голове, а между широких, округлых бедер словно бы угнездился цыпленок, только что вылупившийся из яйца.

Как выяснилось по возвращении, все остальные прекрасно поняли, куда мы пропали, хотя Бальдандерсу вряд ли было до этого хоть какое-то дело. Доркас украдкой плакала, спрятавшись где-то на время, чтобы вновь выйти к нам с по-

красневшими от слез глазами и подвижнической улыбкой на губах. Доктора Талоса наша отлучка, по-моему, здорово разозлила и в то же время привела в подлинное восхищение. Именно тогда у меня и создалось впечатление (сохранившееся по сей день), что восторга от Иоленты он не испытывал ни малейшего, однако ему и только ему из всех мужчин Урд она отдалась бы по собственной воле, без какой-либо задней мысли.

Оставшиеся до наступления ночи стражи мы провели, то слушая, как доктор Талос торгуется со всевозможными чиновниками Обители Абсолюта, то репетируя. Кое-какими впечатлениями от игры в пьесе доктора Талоса я с тобою, читатель, уже поделился, а ниже намерен приблизительно изложить ее текст — не тот, что существовал лишь на засаленных клочках бумаги, передававшихся нами в тот день из рук в руки и зачастую содержавших не более чем подсказки для импровизаций, но тот, что мог быть записан неким старательным писцом из публики и в самом деле оказался записан им, демоническим очевидцем всего мною пережитого, обитающим позади моих глаз.

Но прежде тебе надлежит представить воочию наши подмостки. Труждающийся край Урд в ко-

торый раз взошел по красному диску; над головой запорхали долгокрылые летучие мыши, с востока поднялась в небо зеленая четвертинка луны. Вообрази теперь изящнейшую на свете долину шириной от края до края в тысячу с небольшим шагов, среди волнистых, поросших травою покатых холмов. В склонах холмов — двери, одни не шире входа в обыкновенную комнату, другие огромны, словно двери базилик. Все эти двери отворены, на траву перед ними падает изнутри неяркий туманный свет. К крохотной арке нашего просцениума, змеясь, тянутся мощенные тесаным камнем дорожки, и все они усеяны множеством людей, мужчин и женщин в причудливых маскарадных костюмах — костюмах, в большинстве своем вдохновленных далеким-далеким прошлым, и потому я, нахватавшийся исторических знаний разве что по верхам, от Теклы с мастером Палемоном, ни одного из них не узнаю. Среди масок снуют слуги с подносами, уставленными чашами и кружками, отягощенными грудами восхитительно ароматного мяса и сладостей. Перед сценой рядами расставлены изящные, словно сверчки, скамьи из бархата и черного дерева, но многие в публике предпочитают стоять, а во время представления зрители

непрестанно появляются и уходят (многие — выслушав не более дюжины строк). В ветвях деревьев поют квакши, заливаются соловьи, а по гребням холмов, плавно, неторопливо принимая то ту, то другую позу, разгуливают ходячие статуи. Все роли в пьесе исполняются доктором Талосом, Бальдандерсом, Доркас, Иолентой и мной.

XXIV
Пьеса доктора Талоса
Эсхатология и генезис

В основу пьесы, по утверждению доктора Талоса, положен ряд фрагментов утраченной Книги Нового Солнца

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГАВРИИЛ
ВЕЛИКАН НОД
МЕШИЯ, Первый Человек
МЕШИАНА, Первая Женщина
ДЖАХИ
АВТАРХ
КОНТЕССА
СЛУЖАНКА
ДВОЕ СТРАЖНИКОВ
КАМЕННЫЙ ИСТУКАН
ПРОРОК
ГЕНЕРАЛИССИМУС
ДВОЕ ДЕМОНОВ, переодетых купцами
ИНКВИЗИТОР
ФАМИЛЬЯР

АНГЕЛИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА
НОВОЕ СОЛНЦЕ
СТАРОЕ СОЛНЦЕ
ЛУНА

В глубине сцены темно. Входит ГАВРИИЛ, окруженный золотистым ореолом. В руках у него хрустальный рог.

ГАВРИИЛ. Приветствую вас! Я опишу вам положение дел — в конце концов, таково мое назначение. Сейчас ночь последнего дня, ночь накануне дня первого. Старое Солнце зашло и на небе более не покажется. Завтра взойдет Новое Солнце, и мы с братьями и сестрами встретим его ликованием, ну а сегодня… сегодня никто ни о чем не подозревает. Все спят.

За сценой шаги — тяжелые, неторопливые. Входит НОД.

ГАВРИИЛ. О Всеведущий! Спаси слугу своего!

НОД. Так ты служишь ему? И мы, нефилимы, тоже. Коли так, я не причиню тебе зла — разве что он велит.

ГАВРИИЛ. Значит, ты из его челяди? Как же он говорит с тобой?

НОД. Правду сказать, никак. Приходится самому догадываться, что ему от меня угодно.

ГАВРИИЛ. Этого я и боялся.

НОД. Не видал ли ты сына Мешии?

ГАВРИИЛ. Не видал ли я сына Мешии? Скажешь тоже, дурень ты здоровенный: он же еще и на свет не рожден! А что тебе от него нужно?

НОД. Ему надлежит прийти и поселиться со мной, в моих землях к востоку от сего сада. Я отдам ему в жены одну из своих дочерей.

ГАВРИИЛ. Ошибся ты с творением, дружище. Не то выбрал — на пятьдесят миллионов лет опоздал.

НОД (*неторопливо, ничего не поняв*). Если увидишь его…

Входят МЕШИЯ с МЕШИАНОЙ. За ними следует ДЖАХИ. Все трое наги, если не считать драгоценных украшений ДЖАХИ.

МЕШИЯ. Что за прекрасное место! Просто восторг! Цветы, фонтаны, статуи — ну не чудесно ли?

МЕШИАНА (*робко*). А я видела ручного тигра с клыками длиннее ладони. Как мы его назовем?

МЕШИЯ. Как он сам пожелает! (*Гавриилу.*) Кто же хозяин этих прекрасных мест?

ГАВРИИЛ. Автарх.

МЕШИЯ. И он позволяет нам жить здесь?! Весьма великодушно с его стороны.

ГАВРИИЛ. Не совсем так, дружище, не совсем

так. Знаешь ли ты, что за тобой следом идет еще кое-кто?

МЕШИЯ (*не оглядываясь*). У тебя за спиной тоже кто-то стоит.

ГАВРИИЛ (*напоказ взмахнув рогом, символом своего сана*). Да, за моей спиной *Он!*

МЕШИЯ. И совсем близко. Если собираешься трубить в рог, чтобы подмогу позвать, лучше поторопись.

ГАВРИИЛ. Ну и ну, как же ты проницателен! Но нет, время еще не пришло.

Золотистый ореол угасает, и ГАВРИИЛ исчезает со сцены. НОД замирает, опершись на огромную палицу.

МЕШИАНА. Я разожгу огонь, а ты начинай-ка строить нам дом. Дожди здесь, похоже, нередки — взгляни, как трава зелена.

МЕШИЯ (*приглядевшись к Ноду*). Э-э, да это же просто статуя! Теперь понятно, отчего он ее не испугался.

МЕШИАНА. Статуя вполне может ожить. Помнится, слышала я о сыновьях, взращенных из камня.

МЕШИЯ. «Помнится»! Скажешь тоже, ведь ты только-только на свет родилась. Вчера, по-моему.

МЕШИАНА. Вчера? Этого я не помню… ах, Мессхия, я еще так мала! И ничего не помню до той минуты, как вышла на свет и увидела тебя, разговаривавшего с лучом солнца.

МЕШИЯ. Это был не луч солнца! Это был… правду сказать, я еще не придумал ему названия.

МЕШИАНА. В тот миг я тебя и полюбила.

Входит АВТАРХ.

АВТАРХ. Вы кто такие?

МЕШИЯ. А *ты* кто таков, если уж на то пошло?

АВТАРХ. Хозяин этого сада.

МЕШИЯ кланяется, а МЕШИАНА приседает в реверансе, хотя на ней нет юбки, чтоб, как положено, расправить ее края.

МЕШИЯ. Мы разговаривали с одним из твоих слуг всего минуту назад. И вот теперь, если вдуматься… он поразительно схож с твоей августейшей персоной. Вот только был… э-э…

АВТАРХ. Моложе?

МЕШИЯ. По крайней мере, на вид.

АВТАРХ. Что ж, это, я думаю, неизбежно. Нет, я вовсе не оправдываюсь, но тоже когда-то был молод, и, хотя всякому лучше всего держаться женщин, близких ему по положению, случается — в этом ты, юноша, меня понял бы, кабы когда-либо оказался на моем месте, — что какая-нибудь

служаночка или деревенская девка, удовольствовавшись пригоршней серебра или штукой бархата, вовсе не склонная в самое неподходящее время требовать казни соперницы либо посольской должности для супруга… Одним словом, случается, что подобные особы низкого звания становятся привлекательнее любых прочих.

Пока АВТАРХ говорит, ДЖАХИ подкрадывается к МЕШИИ сзади и в этот момент кладет руку ему на плечо.

ДЖАХИ. Вот видишь? Тот, кого ты почитаешь за божество, подтверждает мою правоту, советует все то же самое, что предлагала я. Давай же начнем все заново, прежде чем взойдет Новое Солнце!

АВТАРХ. Какое очаровательное создание. Отчего это я, дитя мое, вижу яркое пламя свечей, отраженное в каждом глазу, хотя сестра твоя все никак не раздует искру в растопке?

ДЖАХИ. Она мне не сестра!

АВТАРХ. Значит, соперница. Однако идем со мной. Им обоим я жалую позволение поселиться здесь, а тебя сей же ночью оденут в роскошные платья, уста твои будут полны вина, а стройный стан, возможно, слегка утратит изящество — благодаря жаворонкам, фаршированным миндалем,

и сваренным в сахаре смоквам.

ДЖАХИ. Поди прочь, старик.

АВТАРХ. Что?! Или тебе неведомо, кто я?

ДЖАХИ. Только мне одной это и ведомо. Ты — призрак, и даже призрачней призрака, столб пепла, поднятый ветром!

АВТАРХ. Я вижу, она не в своем уме. Чего она от тебя хочет, дружище?

МЕШИЯ (*с облегчением*). Так ты не держишь на нее обиды? Как это великодушно с твоей стороны!

АВТАРХ. Ни малейшей! Вдобавок безумная наложница — это, должно быть, весьма, весьма интересно и ново… Поверь, я в нетерпении, а ведь немногие вещи на свете могут внушить нетерпение повидавшему и совершившему все, что повидал и совершил я. Она не кусается, нет? Ну то есть не больно?..

МЕШИАНА. Кусается, да еще как, и клыки ее сочатся ядом.

ДЖАХИ прыгает к ней с намерением впиться в нее ногтями. Преследуемая ею, МЕШИАНА опрометью убегает со сцены.

АВТАРХ. Пошлю-ка я пикинеров обыскать сад и найти их.

МЕШИЯ. Не тревожься, обе они вскоре вернутся,

вот увидишь. Ну а пока я, честно признаюсь, рад немного побыть с тобою наедине. Мне хочется попросить тебя кое о чем.

АВТАРХ. Я не оказываю милостей после шести — таков закон, который мне должно блюсти, чтоб сохранить здравие ума. Уверен, ты поймешь меня правильно.

МЕШИЯ (*слегка опешивший*). Хорошо, наперед буду знать. Но я даже не думал просить о милостях, правда! Мне нужны лишь кое-какие знания, толика божественной мудрости.

АВТАРХ. В таком случае спрашивай, не стесняйся. Но знай: все имеет свою цену. А именно нынче же ночью эта умалишенная ангелица должна стать моей.

МЕШИЯ падает на колени.

МЕШИЯ. Вот чего мне никак не понять. Отчего я должен говорить обо всем вслух, если тебе и без этого ведома каждая моя мысль? А первый вопрос был таков: стоит ли мне по-прежнему следовать ее советам, зная, что она — из рода тобою отвергнутых? Ведь ей известно, что я знаю об этом, и на душе у меня неспокойно: вдруг ей придет в голову советовать верное, полагая, что я отклоню верный совет лишь потому, что получен он от нее?

АВТАРХ (*в сторону*). Вижу, он тоже не в своем уме и из-за моих желтых одежд полагает меня божеством. (*Мешии.*) Небольшая супружеская измена никому из мужчин не вредит. Если, конечно, речь не об измене его супруги.

МЕШИЯ. То есть моя повредит ей тоже? Я…

Входят КОНТЕССА и ее СЛУЖАНКА.

КОНТЕССА. Верховный Владыка мой! Что ты здесь делаешь?

МЕШИЯ. Молюсь, дочь моя. Сними, по крайней мере, обувь, ибо ступаешь по священной земле.

КОНТЕССА. Сеньор, кто этот дурачок?

АВТАРХ. Некий бродячий безумец, встреченный мною в компании еще двух женщин, столь же безумных, как и он сам.

КОНТЕССА. Тогда их больше, чем нас… вот разве что моя служанка в здравом уме.

СЛУЖАНКА. Ваша Светлость…

КОНТЕССА. В чем я весьма сомневаюсь. Только сегодня после обеда она приготовила мне фиолетовый палантин к зеленому платью! В этом наряде я выглядела бы словно столб, увитый ипомеей.

Окончательно разозленный ее словами, МЕШИЯ сильным ударом сбивает КОНТЕССУ с ног. Невидимый за его спиною АВТАРХ спешит

скрыться.

МЕШИЯ. Ах ты негодница! Не шути со святым, пока я рядом, и не смей делать, чего я не велю!

СЛУЖАНКА. Кто ты такой, господин?

МЕШИЯ. Отец всего человеческого рода, дитя мое. Так что ты, как и она, вправду мое дитя.

СЛУЖАНКА. Надеюсь, ты сможешь простить ее… и меня заодно. Мы слышали, будто ты мертв.

МЕШИЯ. Тут извинений не требуется. Многие с тех пор умерли. Но я, как видишь, вернулся — поприветствовать новый рассвет.

НОД (*шевельнувшийся и заговоривший после долгого молчания и неподвижности*). Мы пришли слишком рано.

МЕШИЯ (*тыча в его сторону пальцем*). Великан! Великан!

КОНТЕССА. Ах! Соланж! Кинебурга!

СЛУЖАНКА. Я здесь, Ваша Светлость. Либия здесь.

НОД. Для Нового Солнца пока что еще рановато.

КОНТЕССА (*плачет*). Новое Солнце грядет! Мы все испаримся, как сны!

МЕШИЯ (*видя, что Нод не намерен ни на кого нападать*). Дурные сны. Но для вас так будет лучше всего, и ты это наверняка понимаешь.

КОНТЕССА (*немного придя в себя*). Я не понимаю другого: как ты, вдруг проявивший немалую мудрость, мог спутать Автарха с Вселенским Разумом?

МЕШИЯ. Я знаю, что вы — мои дочери в старом творении. Иначе быть не может: ведь вы — человеческие женщины, а в этом творении у меня никакого потомства нет.

НОД. Его сын возьмет мою дочь в жены. Конечно, такой чести наша семья не заслуживает; мы — народ скромный, простой, дети Геи, однако теперь возвысимся! Я стану… Кем я стану, Мешия? Тестем твоего сына. Быть может, если ты не против, мы с женой как-нибудь навестим дочь в тот же день, когда ты придешь к сыну в гости. Ты ведь нам в месте за столом не откажешь? Сядем-то мы, само собой разумеется, на пол.

МЕШИЯ. Конечно, не откажу. Пес уже так и делает — или начнет, когда мы его увидим. (*Контессе.*) Неужто тебе не приходит на ум, что я могу знать о том, кого ты зовешь Вселенским Разумом, больше, чем твоему Автарху известно о самом себе? Не только ваш Вселенский Разум, но и силы не столь важные надевают наше, людское обличье, будто плащ, когда того пожелают, — порой только ради двоих-троих из нас. Однако мы, те,

кто служит им одеяниями, нечасто осознаем, что, самим себе кажущиеся самими собой, для других мы, однако ж, то Демиург, то Параклет, а то и сам Враг.

КОНТЕССА. Поздно я обрела сию мудрость, если обречена угаснуть с восходом Нового Солнца. Полночь уже миновала?

СЛУЖАНКА. Вот-вот минует, Ваша Светлость.

КОНТЕССА (*указывая в публику*). А эти добрые люди? Что выпадет на их долю?

МЕШИЯ. Что выпадает на долю листьев, когда лето подходит к концу и ветер гонит их прочь?

КОНТЕССА. Но если…

МЕШИЯ, отвернувшись, смотрит в небеса на востоке, словно бы в ожидании первых лучей рассвета.

КОНТЕССА. Но если…

МЕШИЯ. Что «если»?

КОНТЕССА. Но если в моем теле окажется частица твоего… несколько капелек жидкой ткани, заключенные в моем лоне…

МЕШИЯ. В таком случае ты, может быть, и побродишь по Урд малость дольше, неприкаянная, не в силах отыскать путь домой. Однако к себе на ложе я тебя не возьму. Ты ведь, знаешь ли, всего-навсего труп. И даже меньше того.

СЛУЖАНКА падает в обморок.

КОНТЕССА. Должно быть, ты вправду отец всему роду людскому: для женщин ты — просто погибель.

Сцена темнеет. Когда свет зажигается вновь, МЕШИАНА и ДЖАХИ лежат рядом в траве под рябиновым деревом. Позади них в склоне холма видна дверь. Губа ДЖАХИ рассечена, вспухла, что придает ей весьма обиженный вид. Из ранки на подбородок струйкой стекает кровь.

МЕШИАНА. С какой охотой я отправилась бы искать его, если бы знала, что ты за мной не увяжешься!

ДЖАХИ. Движимая силой Нижнего Мира, я буду следовать за тобой хоть до второго конца Урд, если потребуется. Но если ты снова ударишь меня, то жестоко за это поплатишься.

МЕШИАНА замахивается на нее кулаком, и ДЖАХИ, втянув голову в плечи, подается назад.

МЕШИАНА. Когда мы решили отдохнуть здесь, твои ноги дрожали куда сильнее моих.

ДЖАХИ. Да, мне гораздо трудней, чем тебе. Однако сила Нижнего Мира в том, чтобы вынести и невыносимое — я ведь пусть даже красивее, чем ты, но и много, много нежнее.

МЕШИАНА. В этом мы, думаю, уже убедились.

ДЖАХИ. Предупреждаю еще раз, а третьего предупреждения не жди. Ударишь — пеняй на себя.

МЕШИАНА. А что ты со мною сделаешь? Эриний по мою душу призовешь? Так я этого не страшусь. Ты бы давно призвала их, кабы могла.

ДЖАХИ. Хуже. Ударь меня снова, и тебе это придется по вкусу.

Входят ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК и ВТОРОЙ СТРАЖНИК, вооруженные пиками.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Гляди-ка!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК (*женщинам*). Лежать, лежать! Не подыматься, не то, как цапель, проткну. Ступайте с нами.

МЕШИАНА. Не поднимаясь? На четвереньках прикажешь ползти?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Не смей дерзить!

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК тычет МЕШИАНУ острием пики. В тот же миг над сценой разносится стон — протяжный, столь басовитый, что и расслышишь с трудом. От этого стона мелко, часто дрожит и сцена, и даже сама земля.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Что это?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Понятия не имею.

ДЖАХИ. Гибель Урд, неразумный! Валяй, рази ее. Вам все равно конец.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Много ты знаешь! Для нас

все только начинается. В полученном нами приказе обыскать сад о вас двоих упоминалось особо, и вас приказано привести. И цена вам не меньше десятка хризосов, или я — жалкий сапожник!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК хватает ДЖАХИ, и в тот же миг МЕШИАНА, пользуясь случаем, стрелой мчится прочь, в темноту. ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК устремляется следом за ней.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Ах, ты еще кусаться!..

ВТОРОЙ СТРАЖНИК бьет ДЖАХИ древком пики, и между ними завязывается борьба.

ДЖАХИ. Дурень, она же уйдет!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. А это уж забота Иво. Я свою пленницу взял, а он свою упустил — если не нагонит, конечно. Идем. Тебя нужно предъявить хилиарху.

ДЖАХИ. Разве ты не полюбишь меня, прежде чем мы покинем это очаровательное место?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Чтоб мне потом мужское достоинство отрезали и в рот затолкали? Ну уж нет!

ДЖАХИ. Пускай вначале найдут его.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК (*встряхивает ее*). О чем это ты?

ДЖАХИ. В твоих руках служительница Урд, а Урд не станет из-за меня утруждаться. Но не

спеши — отпусти меня всего на минутку, и я покажу тебе немало чудесного.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Все «чудеса» твои я и так вижу и за то благодарен луне всей душой.

ДЖАХИ. Я могу сделать тебя богатым. Настолько, что десять хризосов покажутся тебе сущим вздором. Вот только, пока ты сжимаешь в руках мое тело, силы я лишена.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Твои ноги длиннее, чем у той, другой, но ходишь ты на них, я гляжу, не особо-то резво. В самом деле: сдается мне, ты и стоишь-то с трудом.

ДЖАХИ. Увы, тут ты прав.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. За ожерелье тебя придержу — похоже, цепочка достаточно крепка. Если этого будет довольно, покажешь, на что ты способна. Если нет, со мною пойдешь. Пока ты у меня в руках, большей свободы не жди.

ДЖАХИ поднимает руки над головой, растопырив в стороны мизинцы, указательные и большие пальцы. Недолгую тишину нарушает странная тихая музыка сродни соловьиным трелям. С неба на землю падают пушистые, мягкие снежные хлопья.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. А ну прекрати!

Схватив ДЖАХИ за запястье, ВТОРОЙ СТРАЖНИК

рывком пригибает ее руку книзу. Музыка обрывается. Последние снежинки оседают на его голову.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Это не золото.

ДЖАХИ. Однако ты сам видишь…

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Одна старуха в моей родной деревне тоже умеет управляться с погодой. Верно, не так шустро, как ты, но ведь она и годами вон насколько старше, и одряхлела вконец.

ДЖАХИ. Не знаю, о ком ты, но она даже тысячной доли моей жизни на свете не прожила.

Входит КАМЕННЫЙ ИСТУКАН. Движется он медленно и словно вслепую.

ДЖАХИ. Что это за тварь?

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Истукан. Статуя. Одна из зверушек Отца Инире. Нас он не слышит и сам ни звука издать не способен. По-моему, он вообще неживой.

ДЖАХИ. Ну что ж, я тоже, если уж на то пошло.

В то время как КАМЕННЫЙ ИСТУКАН проходит мимо, ДЖАХИ свободной рукой гладит его по щеке.

ДЖАХИ. Милый… милый… милый… неужто ты со мною даже не поздороваешься?

КАМЕННЫЙ ИСТУКАН. Э-э-э-йо!

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Это что еще? Прекрати немедля! Ты говорила, будто лишена силы, пока

я тебя держу!

ДЖАХИ. Взгляни на раба моего. Сможешь ли ты одолеть его в схватке? Давай же, ломай копье об эту широкую грудь!

КАМЕННЫЙ ИСТУКАН преклоняет колени и целует ступню ДЖАХИ.

ВТОРОЙ СТРАЖНИК. Одолеть не смогу, зато обгоню без труда!

Взвалив ДЖАХИ на плечо, ВТОРОЙ СТРАЖНИК пускается бежать. Дверь в склоне холма отворяется и, стоит ему переступить порог, захлопывается за его спиной. КАМЕННЫЙ ИСТУКАН осыпает дверь градом могучих ударов, но дверь не поддается. Из глаз КАМЕННОГО ИСТУКАНА текут слезы. В конце концов он отворачивается от двери и начинает копать ладонями землю.

ГАВРИИЛ (*из-за кулис*). Так изваяния минувшим дням верны, одни в пустыне, брошены людьми.

В то время как КАМЕННЫЙ ИСТУКАН продолжает копать, сцена темнеет. Вновь зажегшийся свет озаряет сидящего на троне АВТАРХА. Кроме него, на сцене никого нет, но силуэты, проецируемые на экраны по обе стороны от трона, указывают, что он окружен придворными.

АВТАРХ. Ну вот… сижу здесь, будто повелитель сотни миров, а сам даже этому одному не

хозяин…

Из-за кулис слышится топот марширующих. Кто-то во весь голос выкрикивает приказ.

АВТАРХ. Генералиссимус!

Входит ПРОРОК. На плечах у него козлиная шкура, в руке узловатый посох с грубым резным навершием в виде какого-то странного символа.

ПРОРОК. Сотня дурных знамений за рубежами наших земель. В Инкусе рожден был телец без головы, но с пастями в коленях. Женщине, славящейся благопристойным поведением, приснилось, будто она понесла от пса. Не далее как прошлой ночью на южные льды с шипеньем обрушилось множество звезд, а земля полна бродячих пророков.

АВТАРХ. Но ты же и сам — пророк.

ПРОРОК. Вот! Сам Автарх видел их!

АВТАРХ. Мой архивариус, весьма искушенный в истории этих мест, однажды сообщил мне, что некогда здесь истребили более сотни пророков. Одних забили камнями, других сожгли, третьих бросили на растерзание хищникам, а некоторых даже прибили гвоздями к нашим дверям, точно крыс. Теперь же мне нужно узнать от тебя кое-что о приходе Нового Солнца, который предсказывают уже столько лет. Как это будет выглядеть?

Что будет значить? Говори, не то мой архивариус на старости лет пополнит тот самый реестр еще одной строкой, а вокруг этого посоха обовьются плети бледного луноцвета.

ПРОРОК. Ох, не надеюсь я удовлетворить тебя, однако ж попробую.

АВТАРХ. Ты разве не знаешь ответа?

ПРОРОК. Знаю. Но еще знаю, что ты — человек практичного склада ума, заботящийся лишь о делах сего универсума, нечасто поднимающий взор выше звезд.

АВТАРХ. Да. И вот уже тридцать лет этим горд.

ПРОРОК. Однако даже ты должен знать, что сердце старого солнца изъедено раковой опухолью. В его центре материя падает сама на себя, словно там яма без дна — повсюду вокруг только верх.

АВТАРХ. Мои астрономы давно об этом твердят.

ПРОРОК. Представь себе яблоко, гниющее изнутри. А снаружи выглядящее вполне съедобным, пока наконец не прогниет насквозь, не расползется омерзительной лужей.

АВТАРХ. Ну сей фрукт хоть раз представлял себе всякий мужчина, сохранивший силы во второй половине жизни.

ПРОРОК. Стало быть, вот тебе и старое солнце. Но что же с его раковой опухолью? Что нам известно о ней? Только то, что она лишает Урд тепла и света, а с течением времени лишит самой жизни.

Из-за кулис слышится шум борьбы. Чей-то страдальческий вопль заглушает грохот и звон, как будто за сценой столкнули с пьедестала на каменный пол огромную вазу.

АВТАРХ. Продолжай, Пророк. Что там стряслось, мы вскоре узнаем.

ПРОРОК. Однако мы понимаем, что дело гораздо серьезнее, так как все это — разрыв в самом нашем мироздании, прореха в его ткани, не связанная никакими известными нам законами. Из прорехи той к нам не попадает ничто — все стремится туда, а назад уж не возвращается. Однако появиться оттуда может все что угодно, ибо она одна из всех вещей, нам известных, не подчиняется собственной же природе.

Входит НОД — окровавленный, подгоняемый пиками, но те, кто держит пики в руках, остаются за кулисами.

АВТАРХ. Что это за урод?

ПРОРОК. Еще одно из тех самых дурных знамений, о которых я говорил! В будущем, как давно

было сказано, с гибелью старого солнца погибнет и Урд. Но из ее могилы восстанут чудовища, новые люди и Новое Солнце. Старая Урд расцветет, словно бабочка, сбросившая высохший кокон, и Новая Урд будет названа именем «Ушас».

АВТАРХ. Однако все нам известное обратится в прах? И древние стены, в которых мы с тобою беседуем, и ты сам, и я?

НОД. Во мне мудрости нет никакой. Но я слышал, как один мудрый человек — вскоре мы с ним породнимся, свойственниками станем — совсем недавно сказал, что все это только к лучшему. Мы — всего-навсего сновидения, грезы, а у грез собственной жизни нет. Вот видишь? Я ранен. (*Показывает Автарху с Пророком ладонь.*) Когда рана затянется, ее не станет. Неужто с ее окровавленных губ сорвутся слова сожаления об исцелении? Я только пытаюсь объяснить своими словами, что слышал от другого, но, по-моему, как раз это он и имел в виду.

За сценой басовито, гулко звонят колокола.

АВТАРХ. Что это? Ты, Пророк! Ступай, выясни, кто распорядился поднять этот шум и зачем.

ПРОРОК уходит.

НОД. Я так думаю, твои колокола начали приветствовать Новое Солнце. За тем же пришел и

я сам. У нас в обычае встречать важного гостя ревом, колотя себя в грудь, с радостью барабаня по земле и стволам деревьев, и, поднимая самые тяжелые камни, какие только сумеем, бросать их в пропасть — и все это в его честь. Нынче утром я так и сделаю, если ты повелишь отпустить меня на свободу, и сама Урд, несомненно, присоединится ко мне. Поутру, с восходом Нового Солнца, даже вон те горы попрыгают в море!

АВТАРХ. А откуда же ты пришел? Расскажи, и я велю отпустить тебя.

НОД. Ну как же — из собственной моей страны, к востоку от Парадиза.

АВТАРХ. А где это?

НОД указывает на восток.

АВТАРХ. А Парадиз где? В том же самом направлении?

НОД. Ну отчего же. Парадиз — вот он, здесь. Вокруг нас… или, по крайней мере, над нами.

Вошедший ГЕНЕРАЛИССИМУС, печатая шаг, подходит к трону и салютует АВТАРХУ.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Автарх, как ты и приказал, мы обыскали от края до края все земли вокруг Обители Абсолюта. Во время поисков обнаружена Контесса Карина, каковая, поскольку ранения ее несерьезны, препровождена к себе в апартамен-

ты. Кроме этого, нами был обнаружен стоящий перед тобою колосс, описанная тобою женщина в драгоценных украшениях, а также двое купцов.

АВТАРХ. А еще двое, нагой человек с женой?

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Этих — нигде ни следа.

АВТАРХ. Повторить поиски. И на сей раз ищите как следует.

ГЕНЕРАЛИССИМУС (*салютует*). Как прикажет Автарх!

АВТАРХ. А женщину в драгоценностях распорядись немедля прислать ко мне.

НОД направляется за кулисы, но острия пик преграждают ему дорогу. ГЕНЕРАЛИССИМУС выхватывает пистолет.

НОД. Разве я не волен уйти?

ГЕНЕРАЛИССИМУС. Ни под каким видом!

НОД (*Автарху*). Я же сказал тебе, где находится моя страна. Сразу к востоку отсюда.

ГЕНЕРАЛИССИМУС. И солгал. Та местность мне прекрасно известна.

АВТАРХ (*устало*). Он сказал правду — так, как сам ее понимает. Возможно, другой и не существует.

НОД. Значит, я волен уйти.

АВТАРХ. Полагаю, Новое Солнце, которое ты явился встретить с почетом, прибудет, свободен

ты или нет. Однако есть шанс, что… да и в любом случае разгуливать на воле созданиям наподобие тебя ни к чему. Нет, уйти ты не волен — ни ныне, ни когда-либо впредь.

Преследуемый ГЕНЕРАЛИССИМУСОМ, НОД со всех ног бросается за кулисы. Стрельба, крики, грохот. Фигуры, окружающие АВТАРХА, меркнут. В общий шум снова вплетается звон колоколов. Возвращается НОД с ожогом от лазерного луча поперек щеки. АВТАРХ бьет НОДА скипетром; каждый удар порождает взрыв и сноп искр. НОД хватает АВТАРХА, вскидывает над головой, собираясь швырнуть о подмостки, но тут на сцену выходят два ДЕМОНА, переодетых купцами, сбивают НОДА с ног, а АВТАРХА усаживают на трон.

АВТАРХ. Благодарю вас. Вы будете щедро награждены. На стражу я уже не рассчитывал и, вижу, был абсолютно прав. Кто вы, позвольте узнать, таковы?

ПЕРВЫЙ ДЕМОН. Твои стражи мертвы. Этот гигант размозжил о стены их головы, а спинные хребты сломал о колено.

ВТОРОЙ ДЕМОН. А мы — всего лишь простые купцы, торговцы, схваченные твоими солдатами.

АВТАРХ. Ах, вот если б они были торговцами,

а у меня вместо них имелись такие солдаты, как вы! Однако ж вы так хрупки на вид, что в вас и не заподозришь недюжинной силы.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН (*с поклоном*). Сила ниспослана нам господином, которому мы служим.

ВТОРОЙ ДЕМОН. Ты непременно задашься вопросом, что побудило нас, двух самых обычных торговцев рабами, бродить по твоим землям посреди ночи. Дело вот в чем: пришли мы с предостережением. Недавно странствия привели нас в джунгли севера, и там, в храме старше самого человека, у алтаря, заросшего лианами до полной неотличимости от какого-нибудь бугорка, имели беседу с невероятно древним шаманом, предрекшим серьезную опасность, грозящую твоему царству.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН. Проведав о ней, мы со всех ног поспешили сюда, дабы предупредить тебя, пока еще не поздно, и прибыли как раз в самую пору.

АВТАРХ. Что же мне следует сделать?

ВТОРОЙ ДЕМОН. Сей мир, столь дорогой и твоему, и нашему сердцу, вращался вокруг солнца столь долго, что его основа и уток истлели — одни лишь тонкие нити свисают с ткацкого стана времени.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН. Сами его континенты одрях-

лели, точно старухи, давным-давно утратившие и красоту, и способность к деторождению. Грядущее Новое Солнце…

АВТАРХ. Знаю, знаю!

ПЕРВЫЙ ДЕМОН. …низвергнет их в морские пучины, пустит ко дну, будто утлые лодки.

ВТОРОЙ ДЕМОН. А из глубин моря поднимет новые, блистающие златом и серебром, железом и медью, алмазами, рубинами и бирюзой, тучнейшие земли, поглощенные морем за миллионы тысячелетий.

ПЕРВЫЙ ДЕМОН. Для заселения этих земель приготовлена новая раса. Знакомый тебе род людской будет отодвинут в сторонку, подобно траве, что долгое время благоденствовала на равнине, однако же расступается перед плугом, освобождая место хлебам.

ВТОРОЙ ДЕМОН. Но что, если семена сожжены? Что же тогда? Рослый человек с хрупкой женщиной, которых ты встретил недавно, и есть эти семена. Некогда существовала надежда, что их можно отравить в поле, однако посланная исполнить сие потеряла семена из виду среди засохших трав да комьев земли и из-за пары безобидных фокусов была отдана в руки твоего Инквизитора для допроса с пристрастием. И все

же сжечь семена еще не поздно.

АВТАРХ. Да, предлагаемая тобою идея уже приходила и в мою голову.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ДЕМОНЫ (*хором*). Ну разумеется!

АВТАРХ. Но вправду ли гибель этих двоих предотвратит приход Нового Солнца?

ПЕРВЫЙ ДЕМОН. Нет. Но хочется ли тебе этого? Новые земли достанутся тебе.

На вспыхнувших ярким светом экранах появляются изображения городов о множестве башен среди лесистых холмов. АВТАРХ поворачивается к ним лицом и после некоторой паузы извлекает из-под мантии коммуникатор.

АВТАРХ. Да не узрит Новое Солнце, что мы здесь делаем… На кораблях! Предать все, что над нами, огню! Спалить все живое дотла!

В то время как оба ДЕМОНА исчезают, НОД приходит в себя и садится. Города и холмы на экранах меркнут, сменяясь множеством изображений АВТАРХА. Сцена темнеет.

Зажегшийся свет выхватывает из темноты ИНКВИЗИТОРА, сидящего за высоким столом посреди сцены. У стола стоит его ФАМИЛЬЯР в маске и в облачении палача. По обе стороны от них расставлены и разложены всевозможные

орудия пыток.

ИНКВИЗИТОР. Брат, приведи женщину, обвиняемую в ведовстве.

ФАМИЛЬЯР. Контесса ждет за дверьми, а поскольку она — особа благородных кровей и фаворитка нашего государя, молю: прими вначале ее.

Входит КОНТЕССА.

КОНТЕССА. Я слышала, что здесь было сказано, и, даже не помышляя, будто ты, Инквизитор, сможешь остаться глухим к такому призыву, взяла на себя смелость войти немедля. Не полагаешь ли ты смелость мою исключительной?

ИНКВИЗИТОР. Ты играешь словами, однако, признаться, да. Полагаю.

КОНТЕССА. Тогда ты ошибаешься. Восемь лет, с завершения девичьей поры, я живу здесь, в Обители Абсолюта. Когда из чресл моих впервые потекла кровь, привезшая меня сюда мать предупредила: избегай приближаться к этим покоям, где кровь течет из множества тел, невзирая на фазы переменчивой луны. Послушав мать, я не приближалась к ним до этой самой минуты и теперь трепещу.

ИНКВИЗИТОР. Людям добропорядочным бояться здесь нечего. Но пусть даже так, твое

признание, я полагаю, потребовало изрядной смелости.

КОНТЕССА. А вправду ли я так уж добропорядочна? А ты? А он? Меня духовник добропорядочной бы не назвал. Что говорит тебе твой исповедник? В страхе перед тобою молчит? А твой Фамильяр? Он порядочнее? Добрее?

ФАМИЛЬЯР. Мне бы сего не хотелось.

КОНТЕССА. Нет, похвастать смелостью я не могу — и вполне понимаю, что мне есть чего здесь опасаться. Под эти мрачные своды меня привел страх. О нагом человеке, ударившем меня, тебе, без сомнения, сообщили. Схвачен ли он?

ИНКВИЗИТОР. Ко мне его не приводили.

КОНТЕССА. Меньше стражи тому назад несколько солдат нашли меня в саду, плачущей, не слушая утешений служанки. Оставаться снаружи, в темноте, мне было страшно, и посему они понесли меня в мои покои — той галереей, что называется Воздушной Дорогой. Известна она тебе?

ИНКВИЗИТОР. Допустим.

КОНТЕССА. Тогда тебе известно и о том, что поверху над ней всюду окна, чтобы во всех соседних комнатах и коридорах было светлее. И вот, когда меня несли ею, в одном из окон мелькнул человек — высокого роста, хорошо сложенный,

широкий в плечах и стройный телом.

ИНКВИЗИТОР. Подобных людей на свете немало.

КОНТЕССА. То же самое подумала и я. Однако, спустя недолгое время, тот же человек мелькнул еще в одном окне, и еще в одном. Тогда я призвала несших меня солдат открыть по нему огонь. Солдаты посчитали меня сумасшедшей и огня не открыли, а отряд, посланный схватить этого человека, вернулся с пустыми руками. Между тем он все смотрел на меня из окон и будто бы… этак слегка покачивался.

ИНКВИЗИТОР. И ты полагаешь, что видела за окном того, кто ударил тебя?

КОНТЕССА. Хуже. Я опасаюсь, что это не он, хотя похож на него. Кстати сказать, он, вне всяких сомнений, не сделал бы мне ничего дурного, отнесись я с почтением к его безумству. Нет, в эту странную ночь, когда мы, погубленные зимней стужей стебельки прежней поросли рода людского, столь неожиданно оказались смешаны с семенами будущего года, я боюсь, что он — нечто большее, нам неизвестное.

ИНКВИЗИТОР. Вполне возможно, но здесь ты не найдешь ни его, ни человека, ударившего тебя. (*Фамильяру.*) Приведи сюда ведьму, Брат.

ФАМИЛЬЯР. Все они — ведьмы, только некоторые куда хуже прочих.

ФАМИЛЬЯР уходит и возвращается, ведя за собой на цепи МЕШИАНУ.

ИНКВИЗИТОР. Ты обвиняешься в том, что очаровала семерых солдат государя нашего, Автарха, так, что те, изменив присяге, обратили оружие против собственных товарищей и офицеров. (*Поднимается и зажигает большую свечу у края стола.*) Настоятельнейше заклинаю тебя сознаться в сем прегрешении, а также назвать силу, помогшую свершить грех, и имена тех, кем научена взывать к оной силе.

МЕШИАНА. Те солдаты просто увидели, что я ничего дурного не замышляю, и испугались за меня. Я…

ФАМИЛЬЯР. Молчать!

ИНКВИЗИТОР. Протестам обвиняемых не придается значения, если высказаны они не под пыткой. Мой фамильяр приготовит тебя к ней.

ФАМИЛЬЯР, схватив МЕШИАНУ, пристегивает ее ремнями к одному из хитроумных пыточных механизмов.

КОНТЕССА. Времени миру осталось так мало, что тратить его, любуясь на все это, не стоит. Ты ведь подруга того нагого человека из сада?

Я отправляюсь искать его и расскажу ему, что с тобой сталось.

МЕШИАНА. О, поспеши! Надеюсь, он придет за мной вовремя.

КОНТЕССА. А я надеюсь, что он возьмет вместо тебя меня. Но, несомненно, наши чаяния в равной мере безнадежны, и в скором времени нас с тобой породнит общее горе.

КОНТЕССА уходит.

ИНКВИЗИТОР. Я тоже отправлюсь побеседовать с теми, кто стал ее спасителями. Приготовь испытуемую, ибо я скоро вернусь.

ФАМИЛЬЯР. На очереди еще одна преступница, Инквизитор. Обвинения схожие, но, пожалуй, несколько менее тяжки.

ИНКВИЗИТОР. Отчего же ты не сказал сразу? Я предъявил бы обвинения разом обеим. Приведи ее.

ФАМИЛЬЯР уходит и возвращается, ведя за собою ДЖАХИ. ИНКВИЗИТОР роется в бумагах на столе.

ИНКВИЗИТОР. Ты обвиняешься в том, что очаровала семерых солдат государя нашего, Автарха, так, что те, изменив присяге, обратили оружие против собственных товарищей и офицеров. Настоятельнейше заклинаю тебя сознаться в сем

прегрешении, а также назвать силу, помогшую свершить грех, и имена тех, кем научена взывать к оной силе.

ДЖАХИ (*с гордостью*). Да, я совершила все, в чем ты меня обвиняешь, и многое другое, о чем тебе неизвестно. Силы назвать я не смею, не то эту изукрашенную крысиную нору, чего доброго, разнесет в пыль. Ну а насчет «кем научена»… Кто учит детей взывать к родному отцу?

ФАМИЛЬЯР. Матери?

ИНКВИЗИТОР. Я предпочел бы не знать. Приготовь ее. Я вскоре вернусь.

ИНКВИЗИТОР уходит.

МЕШИАНА. Значит, они дрались и за тебя? Как грустно, что столь многим пришлось погибнуть!

ФАМИЛЬЯР (*приковывая Джахи к устройству для пыток с другой стороны от стола*). Он просто снова прочел твою бумагу. Но я — будь уверена, вполне дипломатически — укажу ему на эту ошибку, когда он вернется.

ДЖАХИ. Тебе удалось очаровать солдат? Так очаруй этого дурня и освободи нас.

МЕШИАНА. Могущественными чарами я не владею и очаровать сумела всего семерых из полусотни.

Входит НОД — связанный, подгоняемый остри-

ем пики ПЕРВОГО СТРАЖНИКА.

ФАМИЛЬЯР. А это еще кто?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Как кто? Пленник, каких ты в жизни еще не видывал! Сотню человек замертво уложил, будто мы — щенята беззубые. Найдутся у тебя кандалы побольше размером, под стать ему?

ФАМИЛЬЯР. Придется соединить полдюжины пар, но я что-нибудь придумаю.

НОД. Я не человек, но нечто меньшее и в то же время большее — рожденный из глины, от Матери Геи, хозяйки диких зверей. Если ты повелеваешь людьми, то должен меня отпустить: я не в твоей власти.

ДЖАХИ. Мы тоже не люди. Отпусти же и нас!

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК (*со смехом*). Да уж, конечно, я ни минуты не сомневался! Курица, как известно, не птица, а женщина…

МЕШИАНА. Она не женщина. Не позволяй ей себя обмануть.

ФАМИЛЬЯР (*защелкивая на Ноде последний замок кандалов*). Не обманет. Поверь мне, время хитростей вышло.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Небось, когда я уйду, позабавишься, своего не упустишь?

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК тянется к ДЖАХИ, и та

шипит на него, будто кошка.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК. Может, отвернешься на время, как добрый товарищ, а?

ФАМИЛЬЯР (*готовя Мешиану к пытке*). Будь я настолько добрым товарищем, меня давно изломали бы на собственном колесе. Но если ты подождешь возвращения Инквизитора, моего господина, то, может, и вправду возляжешь с ней рядом, раз уж тебе так хочется.

ПЕРВЫЙ СТРАЖНИК призадумывается, понимает, что это значит, и поспешно уходит.

НОД (*пробуя кандалы на прочность*). Эта женщина станет матерью моего зятя. Не вздумай чинить ей зла.

ДЖАХИ (*подавляя зевок*). Я всю ночь на ногах, и хотя, как всегда, бодра духом, этому телу пора отдохнуть. Не мог бы ты поспешить с ней и перейти ко мне?

ФАМИЛЬЯР (*не оглядываясь*). Отдыха здесь не жди.

ДЖАХИ. Вот как? Похоже, не настолько здесь все по-домашнему, как следовало бы ожидать.

ДЖАХИ снова зевает, и как только подносит ладонь к губам, прикрывая рот, ее оковы падают на пол.

МЕШИАНА. Держи ее! Неужто не понимаешь?

От земли в ней ничего нет, оттого и железо над нею не властно!

ФАМИЛЬЯР (*по-прежнему не сводя взгляда с пытаемой Мешианы*). Не бойся, деться ей некуда.

МЕШИАНА. Великан! Попробуй освободиться! От этого зависит судьба всего мира!

НОД, напрягая все силы, натягивает цепи, но разорвать их не может.

ДЖАХИ (*переступив через упавшие оковы*). Да! Отвечаю я, так как в подлинном мире я гораздо больше любого из вас. (*Обходит стол и заглядывает Фамильяру через плечо.*) Как интересно! Грубовато, однако ж очень, очень интересно…

ФАМИЛЬЯР оборачивается и смотрит на нее, в изумлении разинув рот. ДЖАХИ со смехом пускается в бегство. ФАМИЛЬЯР неуклюже бежит за ней, но минуту спустя возвращается, совершенно упавший духом.

ФАМИЛЬЯР (*отдуваясь*). Сбежала.

НОД. Да. На волю.

МЕШИАНА. Без помех преследовать Мешию и разрушать все вокруг, как прежде.

ФАМИЛЬЯР. Вы не понимаете, что это значит. Вскоре вернется мой господин, и тогда мне конец.

НОД. Всему миру конец. Она же тебе сказала.

МЕШИАНА. Слушай меня, палач: у тебя еще есть шанс, но только один. Освободи от оков и великана.

ФАМИЛЬЯР. А великан, покончив со мной, освободит тебя. Что ж, об этом стоит подумать. По крайней мере, смерть моя будет быстрой.

МЕШИАНА. Он ненавидит Джахи и, хоть не слишком разумен, знает ее повадки, да вдобавок очень силен. Мало этого, я могу рассказать тебе, какой клятвы он никогда не нарушит. Дай ему ключ от его оков и встань рядом со мной, приставив меч к моему горлу. Возьми с него клятву отыскать Джахи, вернуть ее сюда и снова замкнуть на себе кандалы.

ФАМИЛЬЯР колеблется в нерешительности.

МЕШИАНА. Терять тебе нечего. Твой господин даже не знает, что ему надлежит быть здесь, а вот если, вернувшись, обнаружит ее отсутствие…

ФАМИЛЬЯР. Хорошо! Согласен! (*Отцепляет ключ от кольца на поясе.*)

НОД. В надежде через брак дочери породниться с семьей Человека, дабы мы, великаны, могли по праву называть себя Сыновьями Отца, клянусь изловить, и вернуть сюда, и удержать здесь, так, чтобы вновь не сбежала, беглую дьяволицу, а после заковать себя в цепи, как закован сейчас.

ФАМИЛЬЯР. Клятва та самая?

МЕШИАНА. Да!

ФАМИЛЬЯР швыряет ключ НОДУ и поднимает обнаженный меч, готовый в любую минуту сразить МЕШИАНУ.

ФАМИЛЬЯР. А он сумеет ее отыскать?

МЕШИАНА. Он *должен* ее отыскать!

НОД (*отпирая замок кандалов*). Я ее изловлю. Ее тело слабеет, тут она не соврала. Конечно, подстегивать его можно долго, но что одним хлыстом всего не добьешься, ей никогда не понять. (*Уходит.*)

ФАМИЛЬЯР. Ну а с тобой я обязан продолжить. Надеюсь, ты поймешь меня верно…

ФАМИЛЬЯР пытает МЕШИАНУ. Та пронзительно кричит.

ФАМИЛЬЯР (*вполголоса*). Как же она прекрасна! Хотелось бы мне… встретиться с ней в других, лучших обстоятельствах…

Сцена темнеет. Из темноты доносится топот бегущей ДЖАХИ. Некоторое время спустя неяркий свет озаряет НОДА, огромными скачками несущегося по коридорам Обители Абсолюта. Преодолеваемое им расстояние обозначено изображениями ваз, картин и мебели, мелькающими на заднем плане. Но вот среди них появляется

ДЖАХИ, и НОД в азарте погони покидает сцену. Тогда ДЖАХИ выходит из-за кулис слева; за нею шаг в шаг следует ВТОРОЙ ДЕМОН.

ДЖАХИ. Куда же он мог подеваться? Сады выжжены дочерна. У тебя же нет плоти — одна только видимость! Неужели ты не мог сделаться совой и отыскать его?

ВТОРОЙ ДЕМОН (*с издевкой, подражая совиному уханью*). Ко-го-о-о?

ДЖАХИ. Мешию! Вот погоди: услышит Отец, как ты обошелся со мной, как изменил всему нашему делу…

ВТОРОЙ ДЕМОН. От тебя? Забывшей о Мешии, отвлекшись на эту женщину? И что же ты ему скажешь? Скажешь: «Женщиной-де соблазнилась»? Мы же покончили с этим так давно, что, кроме нас с тобой, никто о том и не помнит, а теперь ты пустила прахом всю нашу ложь, превратив ее в правду!

ДЖАХИ (*обернувшись к нему*). Ах ты, мелкий подлый слюнтяй! Только и знаешь — подглядывать да вынюхивать!

ВТОРОЙ ДЕМОН (*отскакивая назад*). И отправишься в ссылку в земли Нода, к востоку от Парадиза!

Из-за кулис слышен грохот шагов НОДА. ДЖАХИ

прячется за клепсидру, а ВТОРОЙ ДЕМОН, выхватив прямо из воздуха пику и превратившись в стражника, навытяжку встает рядом. Входит НОД.

НОД. Давно ли ты здесь стоишь?

ВТОРОЙ ДЕМОН (*салютуя*). Согласно твоим приказаниям, сьер!

НОД. Какие новости?

ВТОРОЙ ДЕМОН. Любые, какие захочешь, сьер! Великан с колокольню ростом перебил стражей трона, а Автарх куда-то исчез. Сады обшарены сотню раз; кабы мы вместо пик таскали туда навоз, маргаритки бы вымахали — что твои зонтики. Утки линяют, надежды идут в рост, репа — тоже… Завтрашний день обещает быть ясным, теплым и солнечным, а еще… (*Бросает многозначительный взгляд на клепсидру.*) А еще по вверенным мне коридорам баба голая носится как ошпаренная!

НОД. Что это за штука?

ВТОРОЙ ДЕМОН. Водяные часы, сьер! Гляди: зная, который теперь час, по ним всегда можно сказать, сколько воды утекло.

НОД (*осматривая клепсидру*). В моих землях ничего подобного нет. Вода и этих кукол приводит в движение?

ВТОРОЙ ДЕМОН. Кроме большой, сьер.

ДЖАХИ срывается с места и мчится прочь со сцены, преследуемая НОДОМ, но прежде чем он скрывается от глаз публики за кулисами, разворачивается, ныряет меж его ног и возвращается на сцену. Остановиться НОДУ удается не сразу, и пока он бежит дальше, ДЖАХИ успевает спрятаться в сундуке. Тем временем ВТОРОЙ ДЕМОН исчезает.

НОД (*вновь появляясь на сцене*). Эй! А ну стой! (*Подбегает к противоположным кулисам, останавливается и возвращается.*) Мой грех! Мой грех! Там, в саду, она однажды прошла совсем рядом! Протяни я только руку — раздавил бы ее будто кошку… червя… мышь… змею… (*Обращаясь к публике.*) А вы надо мною не смейтесь! Я мог бы перебить вас всех! Всю вашу прогнившую расу! Усыпать долины ковром из ваших белых косточек! Но я оплошал… оплошал! И доверившейся мне Мешиане конец!

НОД в бессильной ярости бьет по клепсидре. Медные чаши, брызжа водой, разлетаются во все стороны.

НОД. Что проку мне в даре речи? На что он годен? Обругать себя самого, да и только! Возьми его назад, добрая мать всех зверей. Возьми, и буду

я, как прежде, бессловесный, реветь среди холмов. Разумным став, я понял, что разум приносит только боль — куда мудрей забыться и снова стать счастливым!

Усевшись на сундук, в котором прячется ДЖАХИ, НОД прячет лицо в ладонях. В то время как свет меркнет, сундук начинает трескаться, подаваться под его тяжестью.

Когда свет зажигается снова, сцена вновь изображает покои ИНКВИЗИТОРА. МЕШИАНА на дыбе. ФАМИЛЬЯР поворачивает колесо. МЕШИАНА кричит.

ФАМИЛЬЯР. Так лучше, верно? Вот видишь, я знаю, что говорю. Заодно и соседи пусть слышат: мы здесь вовсе не спим. Не поверишь — в этом крыле множество комнат пустует либо отдано под какие-нибудь синекуры. Однако мы с господином свое дело делаем. Делаем, можно сказать, не покладая рук, оттого и Содружество до сих пор незыблемо. Так что пусть, пусть они знают…

Входит АВТАРХ. Его одежды изорваны и залянаны кровью.

АВТАРХ. Где это я? (*Усаживается на пол и прикрывает лицо ладонями. Поза его очень похожа на позу Нода.*)

ФАМИЛЬЯР. Что значит «где»? В Покоях Мило-

сердия, болван. Неужто к нам можно прийти, не зная, куда идешь?

АВТАРХ. Сей ночью меня так гоняют по собственному дому, что я мог оказаться где угодно. Подай-ка мне вина — или воды, если вина тут не найдется, и запри дверь на засов.

ФАМИЛЬЯР. Вина, кроме кларета, у нас нет. И запереть дверей я не могу, поскольку жду возвращения господина.

АВТАРХ (*с нажимом*). Делай, что велено.

ФАМИЛЬЯР (*крайне мягко*). Ты пьян, друг. Ступай отсюда.

АВТАРХ. Я пьян… а-а, да какая разница? Конец близок, а я — такой же человек, как ты, ничем не хуже и не лучше.

В отдалении слышится тяжкая поступь НОДА.

ФАМИЛЬЯР. Не вышло у него! Я так и знал!

МЕШИАНА. А вот и вышло! С пустыми руками он так скоро бы не вернулся. Может статься, мир еще можно спасти!

АВТАРХ. Что это значит?

Входит НОД. Очевидно, его мольбы о безумии были услышаны, однако ДЖАХИ он изловил и волочет за собой. ФАМИЛЬЯР, подхватив оковы, бросается ему навстречу.

МЕШИАНА. Ее руками нужно держать, не то

опять улизнет.

ФАМИЛЬЯР надевает на НОДА цепи, с лязгом защелкивает замки, а одну руку его приковывает поперек туловища так, чтобы он мог удерживать ею ДЖАХИ. НОД с силой прижимает добычу к груди.

ФАМИЛЬЯР. Раздавишь, олух здоровенный! А ну, пусти!

Схватив рычаг, которым натягивал ремни дыбы, ФАМИЛЬЯР принимается охаживать им НОДА. НОД ревет, тянется к ФАМИЛЬЯРУ, и бесчувственная ДЖАХИ выскальзывает из его рук. ФАМИЛЬЯР хватает ее за ногу и волоком тащит к АВТАРХУ, сидящему на полу.

ФАМИЛЬЯР. Так, ты. Ты вполне справишься.

Рывком вздернув АВТАРХА на ноги, ФАМИЛЬЯР быстро, умело связывает его так, что тот поневоле вынужден сомкнуть пальцы на запястье ДЖАХИ, и направляется к МЕШИАНЕ, чтобы продолжить пытку. НОД за спиной ФАМИЛЬЯРА незаметно для него освобождается от цепей.

XXV
Нападение на иеродул

Выступали мы под открытым небом, где всякий звук легко теряется в его бескрайних просторах, однако я прекрасно слышал грохот и лязг, поднятый Бальдандерсом, притворяющимся, будто избавление от оков стоит ему изрядных усилий. Слышал я также разговоры, что велись среди публики, — в частности, одну беседу о нашей пьесе, обнаруживавшую в ней потаенные смыслы, о которых я даже не подозревал, да и сам доктор Талос, на мой взгляд, вовсе не имел в виду ничего подобного; и еще одну, о каком-то судебном разбирательстве (похоже, оратор, говоривший с тягучими, томными интонациями экзультанта, ни минуты не сомневался, что приговор Автарха окажется несправедлив). Повернув ворот дыбы так, чтобы вставший на место стопор щелкнул как следует, я рискнул искоса бросить взгляд в сторону любовавшихся нашей игрой.

Занятых мест оказалось не больше десятка, но по бокам и позади зрительских скамей столпилось немало высоких, статных людей. Имелось

среди них и несколько дам в придворных платьях, очень похожих на те, что я как-то раз видел в Лазурном Доме, — с очень глубокими декольте и пышными юбками, нередко с продольным разрезом либо облегченных при помощи кружевных вставок. Прически их, предельно простые, украшали цветы, драгоценности или ярко фосфоресцирующие светлячки.

Большую часть публики составляли мужчины, и в недавнее время число их заметно прибавилось. Многие были столь же высоки ростом, как Водал, а то и выше, все кутались в плащи, как будто зябли на нежном весеннем ветерке, а лица их укрывала тень широкополых петазов с низкой тульей.

Оковы Бальдандерса с лязгом рухнули на подмостки, и Доркас взвизгнула, подавая мне знак, что он свободен. Я повернулся к нему, втянул голову в плечи и подался назад, выставив перед собой факел, выдернутый из ближайшего кольца. Едва не загашенное всколыхнувшимся маслом, пламя затрепетало, однако, коснувшись края чаши, загодя смазанного доктором Талосом серой пополам с минеральными солями, снова воспрянуло к жизни.

Великан, как и требовала его роль, изображал

безумие. Его жесткие волосы упали на лоб, однако глаза сверкали за их завесой так дико, что, несмотря на нее, были прекрасно видны. Челюсть Бальдандерса отвисла книзу, обнажив пожелтевшие зубы, из уголка рта струйкой сочилась слюна, руки — вдвое длиннее моих — потянулись ко мне.

Напугало меня — признаюсь, напуган я был всерьез и от всего сердца пожалел, что в руках у меня не «Терминус Эст», а всего лишь железный факел, — то, что я могу назвать только выражением, прячущимся под безучастностью, под отсутствием всякого выражения на его лице. Пожалуй, подобное можно сравнить с черными водами, текущими подо льдом замерзшей реки. Роль доставляла Бальдандерсу ужасающее наслаждение, и, оказавшись лицом к лицу с ним, я впервые понял: да ведь он не столько притворяется буйным безумцем на сцене, сколько изображает здравие ума и тупое смирение вне ее! Сколь же на самом деле велик был его вклад в создание пьесы? Хотя, возможно (и даже скорее всего), дело состояло лишь в том, что доктор Талос понимал своего пациента гораздо лучше, чем я.

Разумеется, пугать придворных Автарха, как деревенских жителей, не стоило. Дальше Баль-

дандерсу надлежало вырвать из моих рук факел, сделать вид, будто ломает мне хребет, и завершить сцену, однако не тут-то было. Был ли он столь же безумен, как притворялся, или искренне разозлился на прибывавшую публику — этого я сказать не могу. Возможно, оба объяснения верны.

Как бы там ни было, выхватив у меня факел, Бальдандерс повернулся к зрителям и взмахнул им, обдав все перед собой веером огненных брызг. Жестяной меч, которым я пару минут назад угрожал обезглавить Доркас, валялся под ногами, и я инстинктивно нагнулся за ним, но, выпрямившись, увидел Бальдандерса посреди публики, машущего угасшим факелом, будто палицей.

Кто-то выстрелил. Разряд поджег его костюм, но тела, должно быть, не задел. Около полудюжины экзультантов обнажили шпаги, а еще у кого-то (у кого именно, я не разглядел) оказалось при себе редчайшее из оружия, «греза». Миг — и великана с головы до ног окутало нечто вроде пурпурного дыма, только движущееся много быстрее. Казалось, Бальдандерс окружен всем, что случилось с ним в прошлом, и многим таким, чего не было вовсе: сбоку от него возникла седовласая женщина, над самой макушкой закачалась в воздухе

рыбацкая лодка, а пламя, охватившее его одежду, затрепетало на крепком холодном ветру.

Однако все эти видения (как говорят, ошеломляющие, превращающие солдат в беспомощную обузу для своей стороны) на Бальдандерса никак не подействовали. Великан как ни в чем не бывало шагал вперед, расчищая себе путь взмахами факела.

Тут-то, во время недолгого замешательства (вскоре мне удалось, опомнившись, сообразить, что от этой безумной схватки нужно бежать, да подальше), я и увидел, как несколько наших зрителей откинули на спину капюшоны плащей — причем словно бы вместе с лицами. Под этими лицами, сброшенными, точно маски из ткани, столь же бесплотной, как и тела нотул, скрывались такие чудовища… нипочем не подумал бы, что подобные могут беспрепятственно существовать не в ночных кошмарах, а наяву! Округлые пасти, окаймленные рядами игольно-острых зубов; глаза, каждый из коих сам по себе — целая тысяча глаз, сомкнутых друг с другом, точно чешуйки сосновой шишки; клещевидные челюсти… Существа эти сохранились в моей памяти, как сохраняется в ней все, и я еще не раз видел их, словно воочию, во тьме ночных страж,

а в ту ночь, наконец-то найдя в себе силы поднять взгляд к звездам и залитым светом луны облакам, был несказанно рад, что на глаза мне попались только стоявшие вблизи от рампы.

Опомнившись, я, как уже говорил, пустился бежать. Однако ничтожная задержка, во время коей я подбирал «Терминус Эст» и наблюдал за безрассудной атакой Бальдандерса, едва не обошлась мне очень и очень дорого: обернувшись, чтоб увести Доркас прочь от опасности, я обнаружил, что Доркас исчезла.

Тогда я и побежал — побежал со всех ног, и не столько от разъяренного Бальдандерса, или от какогенов в публике, или от преторианцев Автарха (которые наверняка должны были вскорости подоспеть), сколько на поиски Доркас. Но сколько я ни искал, сколько ни звал ее на бегу, бескрайние сады — рощи, фонтаны, провалы гротов — безмолвствовали, и наконец мне, запыхавшемуся, с ноющей болью в ослабших ногах, пришлось перейти на шаг.

Не могу выразить на бумаге всей горечи, всей обиды, охватившей меня в те минуты. Найти Доркас — и так скоро снова ее потерять… это казалось невыносимым. Женщины полагают — или, по крайней мере, делают вид, будто уверены, — что

вся наша нежность к ним порождена желанием; что любим мы их, пока не наслаждаемся ими, а отвергаем после того, как насытимся или, точнее выразиться, обессилеем. Истины в этом мнении нет ни грана, хотя придать ему видимость истины вполне возможно. Да, опьяненные желанием, мы часто изображаем необычайную нежность в надежде утолить его, но ни в какое иное время, кроме времени обладания ими, не склонны ни обходиться с женщинами столь же жестоко, ни забывать обо всех сильных, глубоких чувствах. Физической надобности в Доркас я не испытывал (хотя не наслаждался ею с тех самых пор, как мы провели ночь в казармах димархиев за Кровавым Полем), так как не раз и не два излил мужскую силу в Иоленту, в лодке, изображавшей цветок ненюфара. Однако если б я отыскал Доркас, то задушил бы ее поцелуями, а к Иоленте, которую прежде склонен был недолюбливать, ныне питал лишь некоторую приязнь.

Но время шло, а ни Доркас, ни Иолента не появлялись. Вдобавок нигде вокруг не замечал я ни спешащих навстречу солдат, ни даже гуляк, которых мы прибыли развлекать. Очевидно, под тиаз отвели строго определенную часть садов, а я успел изрядно от нее удалиться. Сколь далеко

простираются земли Обители Абсолюта, мне неизвестно точно даже сейчас. Карты, конечно, есть, но все они неточны и противоречивы. Планов Второй Обители не существует вовсе, и даже Отец Инире говорит, что давным-давно позабыл многие ее секреты. Белых волков я, блуждая ее узкими коридорами, не встречал, однако нередко натыкался то на лестницы, ведущие к куполам под рекой, то на люки, отворявшиеся посреди нетронутых — с виду — лесов. (Над землей одни из них отмечены полуразрушенными, сплошь заросшими зеленью мраморными стелами, другие же — нет.) Захлопывая эти люки и с сожалением возвращаясь в рукотворные подземелья, где запахи лесной растительности пополам с гнилью немедля исчезали в вентиляции, я то и дело гадал, не тянется ли один из множества коридоров до самой Цитадели. Старый Ультан намекнул мимоходом, будто полки его библиотеки достигают пределов Обители Абсолюта… иными словами, пределы Обители Абсолюта достигают его книжных полок? Вдобавок кое-какие части Второй Обители походили на темные коридоры, в которых я искал Трискеля, настолько, что вполне могли оказаться теми же самыми коридорами — хотя, если это действительно было так, рисковал

я куда серьезней, чем думал.

Имеют ли эти догадки что-либо общее с действительностью или нет, в то время, о котором сейчас идет речь, мне ничего подобного в голову не приходило. В невежестве своем я считал, что границы Обители Абсолюта (простирающиеся и в пространстве, и во времени куда дальше, чем мог бы предположить несведущий) могут быть строго очерчены, и думал, будто приближаюсь или приблизился к ним, а то уже и миновал их. Так шел я всю ночь, держа курс на север по звездам, и на ходу предавался воспоминаниям о собственной жизни — тем самым, которых так часто стараюсь избегать перед тем, как усну. Снова мы с Дроттом и Рохом купались в осклизлом резервуаре под Колокольной Башней; снова я подменял игрушечного бесенка Жозефины краденой лягушкой; снова пальцы мои тянулись к рукояти топора, что вот-вот обрушится на затылок Водала и тем самым спасет Теклу от грядущего заточения; вновь видел алую струйку, вытекающую из-под дверей в камеру Теклы, и мастера Мальрубия, склонившегося надо мной, и Иону, уходящего в бесконечность меж измерений. Снова играл я в камешки у пролома в соединяющей башни стене, снова, в образе Теклы, отпрыгивал в

сторону из-под копыт дестрие охранника отца…

Долго еще после того, как миновал последнюю балюстраду, я опасался наткнуться на солдат Автарха, однако какое-то время спустя, так и не увидев поблизости ни единого патруля, проникся к ним немалым презрением, а их нерасторопность счел еще одним проявлением грандиозного бардака, царящего в Содружестве на каждом шагу. Казалось, Водал — с моей ли помощью или без оной — одолеет таких растяп непременно; сию минуту бы одолел, если бы только нанес удар.

И все-таки андрогин в желтом халате, знавший пароль Водала и принявший доставленное мною послание так, будто давно его ждал, несомненно, был самим Автархом, господином этих солдат, не говоря уж обо всем Содружестве (в той мере, в какой оно признает над собою чье-либо господство). Текла видела его часто, а все ее воспоминания теперь принадлежали мне — да, это был он. Но если Водал уже победил, отчего продолжает прятаться? Может, Водал — попросту креатура Автарха? (Если да, почему обращается к Автарху, будто к слуге?) Снова и снова убеждал я себя, что все происшедшее в комнате-«картине» и коридорах Второй Обители мне просто приснилось, но знал: это не так, иначе куда подевался кусочек стали?

Размышления о Водале заставили вспомнить про Коготь — тем более что сам Автарх настоятельно советовал вернуть его жрицам ордена, называющегося Пелеринами. Я сунул руку за голенище и достал камень. На сей раз светился он мягко — не ослепительно, как в подземельях людей-обезьян, но и не тускло, как в то время, когда мы с Ионой рассматривали его в аванзале. Лежащий на ладони, в горсти, он, однако ж, казался мне огромным голубым озером, куда чище воды в резервуаре и, уж конечно, неизмеримо чище вод Гьёлля, чистейшим озером, в которое можно нырнуть… хотя, нырнув в его глубину, я каким-то непостижимым образом вознесусь ввысь. Вид его навевал покой и в то же время вселял в сердце тревогу, и я, вновь спрятав Коготь за голенище сапога, двинулся дальше.

Рассвет застал меня на узкой тропинке, петлявшей по иструхлявевшему, много более мрачному лесу, чем тот, за Стеной Несса. В лесу этом не было прохладной сени арчатых папоротников, однако громады акажу и цератоний обвивали мясистые пальцы лиан, точно гетеры, цеплявшиеся за деревья, обращая их длинные ветви в облака парящей над землей зелени, свисая книзу роскошными, цветастыми занавесями. Среди листвы перекли-

калась неизвестные мне птицы, а как-то раз из развилки меж сучьями, с высоты колокольни, на меня с любопытством уставилась обезьяна, поразительно напоминавшая морщинистого рыжебородого мудреца в меховых одеждах, если не обращать внимания на две пары ладоней. Почувствовав, что дальше идти не смогу, я отыскал сухое местечко в тени, среди корневищ толщиной с колонну, и завернулся в плащ.

Сон мне нередко приходилось выслеживать, словно самую неуловимую из химер — тварь легендарную, можно сказать, несуществующую. Теперь он набросился на меня сам. Едва смежив веки, я вновь оказался нос к носу с разъяренным великаном Бальдандерсом. На сей раз «Терминус Эст» я держал в руках, однако меч мой казался не больше тонкого прутика. Стояли мы не на сцене, а на узеньком парапете. По одну сторону от него пылали факелы целой армии. По другую зиял отвесный обрыв, у подножия коего поблескивала гладь огромного озера — озера, что и было, и не было лазурью Когтя, наполнившей чашу ладони. Бальдандерс поднял над головой устрашающей величины факел, а я отчего-то превратился в ту самую куклу-марионетку, в фигурку мальчика, которую видел на дне морском, и чувствовал

приближение исполинских женщин. Факел Бальдандерса, точно огромная палица, с грохотом рухнул вниз…

Время перевалило далеко за полдень. Через мою грудь справа налево ползли вереницей огненно-рыжие муравьи. Побродив две-три стражи среди бледной листвы благородного, но обреченного на скорую гибель леса, я набрел на тропинку пошире, а спустя еще стражу (когда тени заметно вытянулись в длину) остановился, принюхался, обнаружил, что учуянный мною запах — действительно запах дыма, и, изрядно к тому времени проголодавшийся, поспешил вперед.

XXVI
Расставание

Там, где найденная тропинка пересекалась с еще одной, на земле, вокруг крохотного костерка, сидели четверо. Первой я узнал Иоленту: в ореоле ее красоты лесная прогалинка казалась подлинным райским садом. Почти в тот же миг навстречу мне бросилась с поцелуями узнавшая меня Доркас, а я разглядел за могучим плечом Бальдандерса лисью физиономию доктора Талоса.

Великан — казалось бы, его-то мне следовало узнать немедля — изменился едва ли не до полной неузнаваемости. Голова его была замотана множеством грязных бинтов, мешковатое черное пальто куда-то исчезло, а широкую спину сплошь покрывал толстый слой какой-то клейкой мази, с виду напоминавшей глину и пахшей тухлой болотной водой.

— Какая встреча, какая встреча! — воскликнул доктор Талос, завидев меня. — А мы все думаем да гадаем, что с тобой сталось!

Бальдандерс, слегка склонив голову, дал мне

понять, что «думала да гадала» об этом одна только Доркас, о чем я, пожалуй, вполне мог бы догадаться без посторонней помощи.

— Убежал, — ответил я. — И Доркас, я знаю, тоже. Удивительно, что остальных не прикончили.

— И вправду, от гибели мы были недалеки, — признался доктор, кивнув.

Иолента пожала плечами, превратив сей простой жест в затейливую церемонию.

— Я убежала тоже, — сообщила она, взвешивая на ладонях громадные груди. — Но, по-моему, для бега я приспособлена плоховато, тебе не кажется? Ладно, неважно. В темноте я скоро наткнулась на экзультанта, сказавшего, что дальше бежать мне незачем: он, дескать, меня защитит. Но тут появились спаги — ах, если бы их дестрие да в мою карету запрячь; великолепные звери! — а с ними какой-то высокий чин из тех, кому женщины безразличны. Я надеялась, что меня отведут к Автарху — чьи поры на коже лица затмевают и сами звезды, — именно так, как едва не происходит в пьесе. Однако они прогнали моего экзультанта, а меня отвели назад, к сцене, где оставались вот он, — кивок в сторону Бальдандерса, — и доктор. Доктор мазал целебной мазью его ожоги, а солдаты собирались предать нас смерти, хотя меня — я

видела — им на самом деле убивать не хотелось. В конце концов нас отпустили, и вот, пожалуйста, мы здесь! Ну, а с рассветом отыскалась и Доркас. Точнее, это она отыскала нас, и с тех пор мы потихоньку-полегоньку плетемся вон к тем горам. Потихоньку — оттого, что только Бальдандерсу, хоть он и нездоров, хватает сил тащить багаж. Конечно, большую часть поклажи мы бросили, однако вещей, без которых не обойтись, все равно осталось немало.

Я вслух удивился тому, что Бальдандерс всегонавсего «нездоров», так как увидеть его живым вовсе не ожидал.

— Доктор Талос сумел унять его, — пояснила Доркас. — Верно ведь, доктор? Так его и схватили. Чудо, что не убили обоих.

— Однако же мы, как видишь, — с улыбкой сказал доктор Талос, — по-прежнему среди живых. И вдобавок богаты, несмотря на несколько поистрепанный вид. Бальдандерс, покажи Севериану выручку.

Страдальчески морщась, великан вытащил из кармана штанов туго набитый кожаный кошелек, взглянув на доктора, словно бы в ожидании дальнейших распоряжений, развязал горловину, высыпал в огромную ладонь целую груду но-

веньких, только что отчеканенных хризосов и показал ее мне.

Доктор Талос поднял над головой одну из монет так, что хризос засверкал в лучах солнца.

— Как полагаешь, сколь долгий срок житель какой-нибудь рыбацкой деревушки на берегах озера Диутурна согласится возводить стены ради вот этого кругляша?

— Не меньше года, наверное, — сказал я.

— Два! Каждый день, зимой и летом, под дождем и на солнцепеке; только платить ему мы, разумеется, будем не золотом — медяками. Полсотни таких наймем, и наш дом живо отстроят заново. Поглядишь тогда, как заживем!

— Если только они согласятся на нас работать, — пробасил Бальдандерс.

Рыжеволосый доктор, вскинувшись, волчком повернулся к нему.

— Согласятся! С прошлого раза я, позволь уж заметить, кое-чему научился!

— Надо думать, — вмешался я, — часть этих денег моя, и доля дам наших здесь тоже есть, не так ли?

Доктор Талос слегка успокоился.

— О да, я и позабыл. Дамы свою долю уже получили, а половина этих денег — твоя. В конце

концов, без тебя нам бы их не видать.

Смахнув с ладони великана монеты, он принялся выкладывать их перед собой двумя столбиками.

Я решил, что речь идет только о моем вкладе в успех пьесы, каков уж он ни был, однако Доркас, будто почувствовавшая в признании моих заслуг нечто большее, спросила:

— Почему это, доктор?

На губах доктора Талоса заиграла лисья улыбка.

— У Севериана имеются друзья в высших сферах. Признаться, я уж давненько так думал: палач, казнедей, болтающийся по дорогам подзаборным бродягой — такого не проглотит даже Бальдандерс, а моя глотка, боюсь, тем более слишком узка.

— Если у меня и есть друзья наверху, мне об этом неизвестно, — заметил я.

Столбики хризосов выровнялись, и доктор придвинул один ко мне, а другой — к великану.

— Поначалу, увидев тебя спящим рядом с Бальдандерсом, я подумал, что ты послан к нам с предупреждением — ведь моя пьеса в известной мере, как ты, возможно, заметил, критикует автаркию.

— В известной мере? — с сарказмом пробормотала Иолента.

— Но, разумеется, посылать палача из Цитадели для устрашения пары бродячих фигляров — это уж до абсурда слишком. Рассудив так, я понял: мы самим фактом постановки пьесы помогаем тебе не привлекать лишних взглядов. Служим тебе этакой ширмой. Немногие заподозрят, будто один из слуг Автарха ввяжется в подобное предприятие. Поэтому я и вписал в пьесу роль Фамильяра — чтоб спрятать тебя еще лучше, чтоб всем было ясно, отчего ты в таком наряде.

— Об этом я даже не подозревал, — сказал я.

— Ну конечно! Мне же отнюдь не хотелось, чтобы из-за меня ты не смог оправдать доверие тех, кем послан. Однако вчера, пока мы сооружали сцену, к нам подошел один из самых высокопоставленных слуг Обители Абсолюта — думаю, из агамитов, эти всегда близки к ушам власть имущих — и спросил, не та ли мы труппа, в которой ты выступал, а если да, с нами ли ты сейчас. Вы с Иолентой отсутствовали, однако я подтвердил и то и другое. Тогда он спросил, насколько велик твой вклад в наше общее дело, а услышав ответ, сказал, что ему наказано заплатить нам за ночное представление вперед. Что оказалось весьма

и весьма кстати, так как этому дурню здоровому вздумалось броситься на зрителей.

То был один из двух-трех случаев, когда я видел Бальдандерса всерьез обиженным шпильками доктора. Любое движение наверняка стоило ему нешуточной боли, однако великан заерзал и не спеша, понемногу, отвернулся от нас.

По словам Доркас, я, ночуя в шатре доктора Талоса, остался совсем один. Теперь то же самое чувствовал великан: очевидно, для Бальдандерса на прогалинке не осталось ни души, кроме него самого да кой-каких мелких зверушек — ручных, но изрядно ему надоевших.

— Его несдержанность уже наказана, — сказал я. — Вон как скверно он обожжен.

Доктор согласно кивнул.

— На самом деле Бальдандерсу здорово повезло. Иеродулы ослабили мощность лучей до минимума, пытаясь не убить его, а отогнать. Благодаря их снисходительности он и жив, ну а регенерация — лишь дело времени.

— Ты хотел сказать, исцеление? — негромко пробормотала Доркас. — Видимо, да. Мне его так жаль, что словами не выразить.

— Доброе у тебя сердце. Пожалуй, сверх меры доброе. Однако Бальдандерс еще растет, а на

растущих детях любые раны заживают с невероятной быстротой.

— Еще растет? — переспросил я. — Да у него же полголовы в седине.

— Значит, и седина его идет в рост, — рассмеялся доктор, поднимаясь и отряхивая брюки от пыли. — Ну что ж, дорогие друзья, вот оно, то место, где, как весьма метко выразился один поэт, путь, каждым избранный, расстаться нам велит. Мы, Севериан, остановились тут не только отдыха ради, но потому, что именно здесь дорога в Тракс, куда ты направляешься, и дорога к озеру Диутурна, в наши края, расходятся в разные стороны. Уж очень мне не хотелось идти дальше, оставив все надежды увидеться с тобой и честно разделить добытое… но теперь с этим покончено. Только будь добр, сообщи при случае своим благодетелям из Обители Абсолюта, что с тобой обошлись по всей справедливости.

Столбик хризосов так и поблескивал на земле у моих ног.

— Хорошо. Непременно, — ответил я, подбирая монеты и пряча их в ташку. — Здесь в сотню раз больше того, на что я рассчитывал.

— Если Севериан идет в Тракс, — сказала Доркас, обменявшись взглядами с Иолентой, — то и

я иду с Северианом.

Иолента протянула доктору руку, очевидно ожидая, что тот поможет ей подняться с земли.

— Мы с Бальдандерсом дальше пойдем одни, — сказал доктор, — и идти будем всю ночь. Да, нам будет вас не хватать, однако пришло время расстаться. Доркас, дитя мое, я безмерно рад, что ты не останешься без защитника. — (К этому времени ладонь Иоленты легла на его бедро.) — Идем, Бальдандерс. Пора в дорогу.

Великан грузно поднялся на ноги. Нет, он не издал ни стона, однако я видел, как ему больно. Его бинты насквозь промокли от пота пополам с кровью. Сообразив, что делать, я обратился к остальным:

— Нам с Бальдандерсом нужно обменяться парой слов наедине. Будьте добры, отойдите от нас шагов на сто.

Женщины послушно двинулись прочь — Доркас одной тропинкой, а Иолента (поднявшись с помощью Доркас) другой, но доктор Талос даже не сдвинулся с места. Пришлось повторить просьбу.

— Хочешь, чтобы и я отошел? Бессмысленно. Бальдандерс расскажет мне обо всем, что от тебя ни услышит, как только вернется ко мне. Иолента! Поди сюда, дорогая.

— Она отошла в сторону по моей просьбе, касающейся и тебя.

— Да, но выбрала не ту дорогу, а этого я допустить не могу. Иолента!

— Доктор, я всего лишь хочу помочь твоему другу — или рабу, или кем он там тебе доводится.

— Я его господин, — неожиданно пробасил Бальдандерс из-под толстого слоя бинтов.

— Именно так, — подтвердил доктор, подняв с земли придвинутый к Бальдандерсу столбик хризосов и ссыпав монеты в карман штанов великана.

Иолента, прихрамывая, переваливаясь с боку на бок, подошла к нам. Щеки ее были мокры от слез.

— Доктор, нельзя ли мне пойти с тобой?

— Разумеется, нет, — холодно, будто ребенку, попросившему второй ломтик торта, отвечал доктор Талос.

Иолента без сил рухнула к его ногам, а я перевел взгляд на великана.

— Бальдандерс, я мог бы тебе помочь. Недавно мой друг получил такой же ожог, как и ты, и ему я помочь сумел, но делать этого на глазах доктора Талоса с Иолентой не стану. Может, ты отойдешь со мной — совсем недалеко, по тропинке, в сторо-

ну Обители Абсолюта?

Великан неторопливо покачал головой.

— Он понимает, что за помощь ты предлагаешь, — со смехом пояснил доктор Талос. — Сам таким образом многим помог, но слишком уж любит жизнь.

— Я и предлагаю жизнь, а вовсе не смерть.

— Вот как? — Доктор приподнял бровь. — И где же твой друг?

Великан взялся за ручки тележки.

— Бальдандерс, знаешь ли ты, кто такой Миротворец? — спросил я.

— Это было давно, — ответил Бальдандерс. — И давно уж неважно.

С этими словами он покатил тележку вперед — другой тропинкой, не той, что выбрала Доркас. Доктор Талос двинулся за ним следом, волоча за собой Иоленту, вцепившуюся в его руку, но, сделав пару шагов, остановился.

— Северианин, согласно твоим же рассказам, тебе не раз доводилось управляться с лишенными свободы. Не постережешь ли ты сие создание, пока мы не уйдем подальше? А Бальдандерс тебе за это еще хризос даст.

Мне все еще было здорово не по себе от мыслей о мучениях великана и собственной неудаче,

однако я пусть с трудом, но выговорил:

— Как член гильдии я вправе принимать поручения и вознаграждение за работу только от представителей законной власти.

— Тогда мы прикончим ее, как только потеряем тебя из виду.

— Это уж ваше с ней дело, — ответил я и направился следом за Доркас.

Стоило мне поравняться с ней, до наших ушей донеслись пронзительные вопли Иоленты. Разом остановившись, Доркас крепче прежнего стиснула мою руку и спросила, что это за крик. В ответ я рассказал ей об угрозе доктора.

— И ты ее отпустил?

— По-моему, он угрожал не всерьез.

Не успел я закончить фразы, как мы, развернувшись, двинулись назад, но, едва прошли с десяток шагов, вопли сменились небывалой тишиной — абсолютным безмолвием, в котором слышен был даже хруст засыхающих листьев. Мы ускорили шаг, но к тому времени, как добрались до перекрестка, я уже не сомневался, что спешить некуда, и торопился лишь ради того, чтобы не разочаровывать Доркас.

Нет, полагая Иоленту мертвой, я ошибался. Миновав поворот, мы увидели ее бегущей к нам

— колени сомкнуты, будто ноги чересчур обременены тяжестью пышных бедер; скрещенные руки поддерживают грудь; великолепные, золотистые с рыжиной волосы падают на глаза; платье из тонкой органзы изорвано в клочья. Упав в объятия Доркас, Иолента лишилась чувств.

— Эти звери избили ее! — воскликнула Доркас.

— Минуту назад мы опасались за ее жизнь, — заметил я, окинув взглядом рубцы, вспухшие на прелестной девичьей спине. — Думаю, эти отметины оставлены тростью доктора. Ее счастье, что он на нее Бальдандерса не натравил.

— Но что теперь делать?

— Попробуем вот что. — Достав из-за голенища Коготь, я показал камень Доркас. — Помнишь вещицу, нашедшуюся в моей ташке? Ты еще говорила, что это не настоящий самоцвет. Да, так оно и оказалось, но, похоже, этот камень порой помогает раненым. Я хотел вылечить им Бальдандерса, но Бальдандерс не согласился.

Я подержал Коготь над головой Иоленты, затем провел им вдоль багровых рубцов на спине, но камень ярче не засветился, и лучше Иоленте не сделалось.

— Не выходит, — подытожил я. — Придется мне нести ее на руках.

— Возьми лучше на плечо, чтоб исхлестанной спины не тревожить.

Доркас взяла у меня «Терминус Эст», а я, последовав ее совету, обнаружил, что тяжестью Иолента не уступает мужчине. Долгое время брели мы так под бледно-зеленым пологом леса, прежде чем Иолента открыла глаза. Однако идти дальше или хотя бы держаться на ногах без посторонней помощи она все еще не могла — даже откинуть назад роскошные локоны, чтоб нам лучше был виден овал ее лица в потеках высохших слез, ей удалось лишь с заметным трудом.

— Доктор не позволил мне пойти с ним, — сказала она.

Доркас кивнула.

— Да уж, похоже на то, — отвечала она, будто разговаривая с девчушкой много младше годами.

— Кончена моя жизнь…

Я спросил, отчего она так говорит, но Иолента лишь покачала головой, а спустя некоторое время сказала:

— Можно я с тобой пойду, Севериан? Денег у меня нет вовсе. Все, что дал доктор, Бальдандерс отнял. — Тут она искоса взглянула на Доркас. — У нее деньги тоже имеются — больше, чем доста-

лось мне. Не меньше, чем доктор тебе отдал.

— Он знает, — откликнулась Доркас. — И это, и что я все свои деньги отдам ему, если он так захочет.

Я счел за лучшее сменить предмет разговора.

— Наверное, вам обеим следует знать, что в Тракс я могу и не пойти — или, по крайней мере, пойти, но не сразу. Если сумею узнать, где обретается орден Пелерин, вначале отправлюсь к ним.

Иолента взглянула на меня, будто на умалишенного.

— Я слышала, они кочуют по всему миру. И, кроме того, принимают к себе только женщин.

— Вступать в их орден я не хочу, хочу лишь найти их. Слышал недавно, будто они идут на север. Но если удастся выяснить, где они, придется идти туда — пусть даже вновь повернуть к югу.

— Я пойду, куда пойдешь ты, — объявила Доркас. — Хоть в Тракс, хоть нет.

— А мне идти некуда, — вздохнула Иолента.

Как только наша помощь сделалась ей не нужна, мы с Доркас ушли немного вперед. Через какое-то время я оглянулся. Да, Иолента больше не плакала, однако красавицу, некогда сопровождавшую доктора Талоса, я узнал в ней только с великим трудом. Прежде Иолента держалась

гордо, даже надменно, великолепные глаза ее сверкали ярче изумрудов, ну а теперь? Плечи устало поникли книзу, взгляд устремлен под ноги…

— О чем ты разговаривал с доктором и его великаном? — спросила Доркас на ходу.

— Я ведь уже рассказывал, — слегка удивился я.

— Один раз ты так повысил голос, что мне удалось разобрать сказанное. Ты спрашивал: «Знаешь ли ты, кто такой Миротворец?» Однако я не поняла, всерьез ты спрашиваешь, оттого что не знаешь ответа сам, или просто хочешь проверить, известно ли это им.

— Сам я знаю совсем немного — можно сказать, ничего. Видел картины, считающиеся его портретами, но они настолько не похожи одна на другую, что их вряд ли писали с одного и того же человека.

— Ну а легенды?

— Большая часть тех, что я слышал, казались откровенным вздором. Жаль, с нами нет Ионы: он и об Иоленте бы позаботился, и о Миротворце наверняка многое рассказал. Иона — тот самый, кого мы встретили у Ворот Сострадания, человек, ехавший на мерихипе. Одно время он был мне

близким другом.

— А где он сейчас?

— Вот и доктор Талос о том же спрашивал. Этого я не знаю и говорить об этом не хочу. Лучше расскажи мне о Миротворце, если есть настроение.

Несомненно, глупости все это, однако, едва я произнес имя Миротворца вслух, как тут же почувствовал безмолвие леса, будто тяжесть, навалившуюся на плечи. Тихий плач ветерка где-то в верхушках деревьев вполне мог сойти за стоны с постели больного; бледная зелень изголодавшейся по свету солнца листвы напоминала блеклые личики детей, изнуренных недоеданием.

— О нем никто слишком много не знает, — начала Доркас, — а я, может статься, знаю еще меньше, чем ты. И даже не помню, откуда все это узнала. Как бы там ни было, одни говорят, будто он был чуть ли не мальчишкой. Другие — будто был он вовсе не человеком и даже не какогеном, а осязаемой нами мыслью, рожденной каким-то необъятным разумом, для которого наша действительность реальна не более картонных театров из лавок торговцев игрушками. Как гласит предание, однажды он, держа за руку умирающую женщину, в другой руке сжал звезду, и с тех самых пор навеки обрел способность

примирить мироздание с человечеством, а человечество с мирозданием, покончил с разрывом меж ними. Еще у него в обычае исчезать и вновь появляться, когда все решат, что он мертв, — порой даже после того, как был похоронен. Его можно встретить в облике зверя, говорящего человеческим языком, а то одной, то другой набожной женщине он является в виде роз.

Мне тут же вспомнилось, как на меня возлагали маску.

— К примеру, святой Катарине в час ее казни?

— Не только. Некоторые легенды еще мрачнее.

— Расскажи.

— Когда-то я их боялась, — ответила Доркас, — а теперь даже не помню. А в той коричневой книге, что ты всюду носишь с собой, о нем не упоминается?

Вынув из ташки книгу, я обнаружил, что так и есть, а после — на ходу ведь с удобством не почитаешь — спрятал ее обратно, а про себя решил прочесть этот раздел, когда нам придется остановиться на ночлег — благо дожидаться привала оставалось недолго.

XXVII
К Траксу

Тропинка тянулась сквозь хворый, гибнущий лес до самых сумерек. Спустя стражу после заката, мы вышли к берегу реки куда у`же и быстротечнее Гьёлля. На том берегу ее, в свете луны, виднелись обширные поля тростника, колышущегося волнами на ночном ветерке. Иолента уже давненько хныкала от усталости, и мы с Доркас согласились остановиться на отдых. Рубить отточенным клинком «Терминус Эст» толстые сучья лесных деревьев я не рискнул бы ни за какие блага, и потому с дровами для костра в лесу дела обстояли неважно: упавшие ветки, попадавшиеся нам под ноги, изрядно отсырели, прогнили, как губка, а вот берег реки порадовал нас обильными россыпями узловатого, легкого, твердого и сухого плавника.

Наломав солидную кучу хвороста, мы разложили костер, и тут я вспомнил, что при мне нет больше огнива, оставшегося у Автарха — который наверняка (я в этом ни минуты не сомневался) был и тем самым «высокопоставленным слугой

Обители Абсолюта», расплатившимся с доктором Талосом не одной горстью хризосов. Однако среди невеликой поклажи Доркас нашелся и кремень, и кресало, и трут, и вскоре мы уютно расположились у жаркого, ревущего пламени. Иолента опасалась диких зверей, как ни старался я объяснить, что дворцовая стража вряд ли позволит каким-либо опасным хищникам обитать в лесу, примыкающем к садам Обители Абсолюта. Ради ее спокойствия пришлось сунуть три толстых ветки в огонь только одним концом, чтоб, если возникнет надобность, выхватить их из костра и отогнать прочь любого страшного зверя.

Но страшные звери не появлялись, а москитов отпугивал дым костра, и мы, улегшись на спины, любовались пляской кружащихся в воздухе искр. Время от времени далеко в вышине вспыхивали огни проносящихся над нами флайеров, на минуту-другую озарявшие небосвод призрачным светом фальшивой зари: то министры и генералы Автарха возвращались в Обитель Абсолюта либо летели из дворца на войну. Мы с Доркас принялись строить догадки, о чем они могут думать, взглянув вниз и всего лишь на миг, прежде чем умчаться за горизонт, увидев во тьме нашу алую звездочку, и сошлись на том, что летящие навер-

няка размышляют о нас точно так же, как мы о них: кто, дескать, таковы, куда идут, для чего? После Доркас спела мне песню — песню о девушке, что в разгаре весны бродит по роще, тоскуя о прошлогодних друзьях, опавших листьях.

Иолента устроилась между костром и рекой — наверное, там ей было спокойнее. Мы с Доркас расположились напротив, по другую сторону от костра, и не только затем, чтоб по возможности спрятаться от нее: Доркас созналась, что ей крайне неприятен вид и шум струящейся мимо темной холодной воды.

— Будто червь, — сказала она. — Будто огромный эбеновый змей. Сейчас он не голоден, но знает, где мы, и когда-нибудь нас сожрет. Ты, Севериан, змей боишься?

Текла боялась, и я, почувствовав тень ее встрепенувшихся в памяти страхов, кивнул.

— Я слышала, в жарких лесах севера живет Автарх Всех Змей, Уроборос, брат Абайи, а охотники, набредающие на его нору, думают, что отыскали подземный ход, ведущий под дно морское, спускаются вниз и, ничего не подозревая, попадают прямиком к нему в пасть, в глотку. Спускаются и умирают, еще полагая себя живыми. Хотя другие говорят, будто Уроборос — всего-навсего

огромная река, возвращающаяся к собственному истоку, или само море, пожирающее собственное начало.

Пересказывая все это, Доркас придвинулась ближе, и я, почувствовав ее желание, потянулся к ней, хотя вовсе не был уверен, что Иолента по ту сторону костра уже спит. Напротив, время от времени она шевелилась, и в это время — из-за полноты бедер, тонкой талии и пышных волнистых волос — казалась извивающейся, подобно змее. Однако Доркас подняла голову, повернула ко мне небольшое, исполненное трагической чистоты лицо, придвинулась еще ближе, и я, целуя ее, почувствовал, как она трепещет от страсти всем телом.

— Я так замерзла, — прошептала она.

Из одежды на Доркас не оказалось ни лоскутка, хотя как она раздевалась, я не заметил. Стоило мне укутать ее плащом, кожа Доркас — как и моя — словно бы вспыхнула, разогретая жаром костра. Тонкие пальцы скользнули мне под одежду, лаская, гладя…

— Какой хороший. Гладкий какой, — сказала она, а после (хотя делили ложе мы не впервые), добавила, наивно, будто дитя: — А я не слишком маленькая?

Когда я проснулся, луна (как трудно было поверить, что та же самая луна освещала мне путь в садах Обители Абсолюта!) почти скрылась за поднимавшимся кверху западным горизонтом. Озаренная ее изумрудным светом, рябь на речной воде отбрасывала черные тени под стать штормовым волнам.

Меня охватила странное, беспричинное беспокойство. Страх Иоленты перед хищными зверями отчего-то уже не казался столь же глупым, как прежде. Поднявшись, убедившись, что и она, и Доркас живы-здоровы, и набрав еще хвороста для угасающего костра, я вспомнил о нотулах — Иона ведь говорил, что их нередко выпускают на охоту по ночам, — и о твари в аванзале. Над головой парили ночные птицы — не только совы, во множестве гнездившиеся в руинах башен Цитадели, с приметными круглыми головами и короткими, однако широкими, беззвучно рассекающими воздух крыльями, но и птицы других видов, с двухконечными и даже трехконечными хвостами, стремительно, полого снижаясь, с трескучим щебетом скользившие по-над водой. Порой с дерева на дерево перепархивали мотыльки, намного превосходившие величиной любых бабочек, которых мне когда-либо дово-

дилось видеть. В длину их узорчатые крылья не уступали руке человека, и переговаривались они меж собою совсем как люди, только невероятно высокими, едва уловимыми ухом голосами.

Расшуровав огонь, я убедился, что меч мой на месте, некоторое время полюбовался невинной безмятежностью на лице Доркас, огромными, нежными ресницами, сомкнутыми во сне, а после снова улегся к костру и, провожая взглядом странствующих от созвездия к созвездию птиц, вошел в мир воспоминаний, что, как ни приятны они, как ни горьки, ни на минуту не закрывает для меня границ.

Вспомнить я стремился то самое празднование Дня святой Катарины, год спустя после того, как мне выпало стать капитаном учеников, однако картины приготовления к пиршеству почти сразу смешались с целым роем других — незваных, непрошеных образов. Вот я на кухне, поднес к губам кружку краденого вина, но кружка превратилась в женскую грудь, сочащуюся теплым молоком. Материнская грудь, не иначе! Наконец-то, после стольких бесплодных стараний, мне удалось дотянуться до этого воспоминания, и я едва сдержал рвущийся наружу восторг (ведь он мог стереть, прогнать образ прочь). Руки сами

собой потянулись к матери. Ах, если б я только смог, подняв глаза, взглянуть ей в лицо — в лицо матери, это уж наверняка, ведь приемыши гильдии палачей не знают кормящей груди. Тогда вон то, серое, на краю поля зрения — это металл стены ее камеры. Вскоре ее уведут, и кричать ей на столешнице «Аппарата», либо задыхаться в объятиях «Ожерелья Аллоуина»… и как ни старался я удержать ее образ, запечатлеть этот момент в памяти, чтоб возвращаться к нему, когда захочу, воспоминания о матери померкли, рассеялись, словно туман на усилившемся ветру.

Я же… я вновь стал ребенком… девочкой… Теклой, стоящей посреди великолепных покоев с окнами-зеркалами — зеркалами, отражавшими и в то же время освещавшими все вокруг. Окружали же меня прекрасные женщины вдвое, а то и более выше ростом — одни почти одетые, другие лишь начали одеваться, третьи вовсе в неглиже. Со всех сторон густо веяло ароматом духов. Я кого-то искал, но, вглядываясь в раскрашенные лица высоких женщин, миловидные, действительно безупречные в своей красоте, начал сомневаться, узнаю ли ту, кого ищу. Из глаз хлынули слезы. Три женщины со всех ног устремились ко мне, а я лишь тупо переводил взгляд с одной на другую.

Еще миг — и их глаза сузились до размера светящихся точек, а мушка в форме сердечка возле уголка губ ближайшей расправила странные перепончатые крылья вроде ладоней с наполовину сросшимися пальцами.

– *Севериан…*

Я вздрогнул и сел, не понимая, в какой момент воспоминания перешли в сновидение. Голос звучал нежно, мелодично, однако на необычайно низкой ноте, и я, точно зная, что уже слышал его, никак не мог вспомнить где. Луна скрылась за западным горизонтом почти целиком; костер наш, угасая, переживал вторую смерть. Разметавшаяся во сне, сбросившая потрепанное одеяло, Доркас спала, подставив тело сильфиды ночной прохладе. Стоило мне увидеть ее такой, еще более бледной в лучах заходящей луны, лишь кое-где окрашенной в алое мерцанием углей костра, меня охватило желание, какого я не испытывал еще никогда — ни прижимая к себе Агию на ступенях Адамнианской Лестницы, ни впервые увидев Иоленту на подмостках доктора Талоса, ни даже в тех бесчисленных случаях, когда спешил к камере Теклы. Однако желал я вовсе не Доркас: ею я наслаждался совсем недавно, и, хотя нисколько не сомневался в ее любви, вряд ли она отдалась

бы мне столь охотно, если б не подозревала, что в день перед представлением я проник в лоно Иоленты, и не полагала, что Иолента смотрит на нас сквозь огонь.

Не желал я и Иоленты, похрапывавшей, лежа на боку, нет. Мне нужны были они обе, и Текла, и безымянная меретриса, притворявшаяся Теклой в Лазурном Доме, и ее подруга, принявшая роль Теи, — та самая, которую я встретил на лестнице в Обители Абсолюта, и Агия, и Валерия, и Морвенна, и целая тысяча других. В эту минуту я вспомнил и безумные, дикие пляски ведьм в Старом Дворе дождливыми ночами, и холодную девственную красоту Пелерин в алых одеждах.

– *Севериан…*

Нет, то был не сон. Спящие птицы, рассевшиеся по ветвям на опушке, встрепенулись, вспугнутые голосом. Отметив это, я обнажил «Терминус Эст» так, чтоб его клинок сверкнул в холодном свете зари: пусть говорящий увидит, что я вооружен.

Вокруг вновь сделалось тихо — куда тише, чем ночью. В ожидании продолжения я неторопливо оглядывался по сторонам, пытаясь разглядеть того, кто меня окликнул, хотя понимал, что лучше бы сделать вид, будто уже знаю, в какой он стороне. Доркас заворочалась, застонала, но

просыпаться ни она, ни Иолента даже не думали. Тишину нарушало лишь потрескивание горящего хвороста, шорох листвы на утреннем ветерке да плеск волн.

— Где ты? — прошептал я, но ответа не последовало. Серебристый плеск рыбы, выпрыгнувшей из воды — и вновь тишина.

– *Севериан…*

Басовитый, глубокий, голос этот, однако ж, был женским — дрожащим от страсти, влажным от жаркой похоти. Вспомнив об Агии, я не стал прятать меч в ножны.

– *Взгляни на ту песчаную косу…*

Опасаясь ловушки, хитрости, придуманной с тем, чтобы попросту заставить меня повернуться спиной к деревьям, я все же обвел взглядом реку и увидел песчаную косу примерно в двух сотнях шагов от костра.

– *Подойди ближе.*

Значит, то был не обман — или, по крайней мере, не тот обман, которого я опасался. Голос действительно доносился со стороны косы, откуда-то ниже по течению.

– *Подойди ближе, прошу тебя. Оттуда, где ты сейчас, тебя не слышно.*

— Я ничего и не говорил, — заметил я.

Ответа вновь не последовало.

Не желая оставлять Доркас с Иолентой одних, я остался на месте.

– *Прошу тебя. Когда луч солнца достигнет этих вод, я должна буду уйти. Быть может, другого случая не представится.*

Возле косы речушка изрядно прибавляла в ширине, но я, ступая по желтому песку, сумел дойти почти до самой ее середины, не замочив ног. Слева зеленоватые воды ее постепенно сужались, а дно полого уходило вниз. Справа простерся глубокий омут шагов, пожалуй, двадцати в ширину. За границей его река текла быстро, однако плавно. Остановившись у самого края косы, я крепко стиснул в ладонях рукоять «Терминус Эст», а затупленное острие вонзил в песок меж ступней.

— Я здесь, — сказал я, — а где же ты? Теперь ты меня слышишь?

Казалось, ответила мне сама река: из воды разом выпрыгнули три рыбы. Затем они прыгнули снова, с негромкими всплесками расколов речную гладь, и тут почти к самым носкам моих сапог скользнул к воде щитомордник с украшенной вязью из черных и золотых колец спиной. Словно грозя расшалившимся рыбам, он повернулся к ним, зашипел, выполз на мелководье

чуть выше песчаной косы и, плавно извиваясь, поплыл куда-то, по своим делам. Тело его в толщину не уступало моему предплечью.

– Не бойся. Взгляни. Узри меня. Знай: зла я тебе не сделаю.

Как ни зелена была речная вода, передо мной она сделалась зеленее прежнего. Под водой, не касаясь поверхности, вились клубком змей тысячи нефритово-зеленых щупалец. Глядя на них, я замер, в изумлении позабыв о страхе, и тут среди щупалец показалось нечто вроде белого диска шириною в три шага, плавно поднимающегося из глубины.

Что это, мне удалось понять не раньше, чем диск оказался в какой-нибудь паре пядей от ряби на воде — и то лишь потому, что он открыл глаза. Из воды на меня взирало лицо — лицо женщины, вполне способной подхватить Бальдандерса на руки, будто куклу. Глаза ее были алы, а рот обрамляли полные губы столь темного оттенка пурпура, что я не сразу сумел узнать в них губы. Меж губами белела целая армия остроконечных зубов, а зеленые щупальца вокруг лица оказались волосами, развевавшимися в токах воды.

– Я пришла за тобой, Севериан, — заговорила она. *— Нет, это вовсе не сон.*

XXVIII
Одалиска Абайи

— Однажды вы мне приснились, — сказал я, смутно разглядев под водой ее обнаженное тело — исполинское, слегка мерцающее.

– Мы следили за великаном, и так на глаза нам попался ты. Увы, вы с ним слишком скоро расстались, и мы потеряли тебя из виду. Ты решил, будто тебя ненавидят, и даже не подозревал, насколько любим. От нашего плача по тебе содрогнулись моря всего мира, и волны, заплакав солеными слезами, в отчаянии бросились на скалы.

— А что же вам от меня нужно?

– Только твоя любовь. Только твоя любовь.

Поднятая к поверхности, правая ладонь ее закачалась на волнах, точно плот из пяти белых бревен. Вот она, подлинная рука исполина с картой его владений на кончике пальца…

– Разве я не прекрасна? Где видел ты кожу чище моей, где видел губы краснее?

— Ты просто поразительна, — совершенно искренне подтвердил я. — Однако позволь спросить, чего ради вы следили за Бальдандерсом,

когда мы с ним встретились? И отчего не продолжили следить за мной, раз уж так этого хотели?

– За великаном мы наблюдали, потому что он растет. Растет, подобно нам и нашему мужу-отцу, Абайе. Со временем, когда земле не под силу станет держать его, ему придется уйти в воду. Но ты, если только захочешь, можешь уйти в воду прямо сейчас. Благодаря нашему дару дышать под водой тебе будет не труднее, чем этим разреженным, немощным ветерком наверху, а когда пожелаешь, вернешься на сушу и примешь принадлежащую тебе по праву корону. Эта река, Кефис, впадает в Гъёлль, а Гъёлль — в спокойное море. Там ты сможешь плавать верхом на дельфине над омываемыми морскими течениями полями кораллов и россыпями жемчугов. Мы с сестрами покажем тебе затонувшие города старинной постройки — в их стенах, взаперти, родились, выросли и умерли сотни поколений твоих сородичей, позабытых вами, живущими наверху.

— Никаких прав на корону у меня нет, — сказал я. — Вы меня с кем-то путаете.

– Там, в красных с белым садах, среди стай лучеперых крылаток, мы все станем твоими.

С этими словами ундина плавно, неторопливо подняла подбородок, запрокинув голову так, что

лицо ее — и щеки, и лоб — оказалось вровень с поверхностью, едва-едва погруженное в воду. Вслед за лицом из глубины показалась белоснежная шея; над водой, в окружении крохотных ласковых волн, поднялись груди, увенчанные пурпурными сосками. Два-три вдоха, не больше, лежала она передо мной, вытянувшись вдоль течения во весь рост (по меньшей мере сорок кубитов, считая от алебастровых ступней до вьющихся в токах воды волос).

Скорее всего, ни один из читающих мою повесть влечения к этакому чудовищу не разделит и не поймет, однако мне захотелось поверить ей, отправиться с нею не меньше, чем утопающему хочется глотнуть воздуха. Доверяй я ее посулам безоговорочно — немедля нырнул бы в омут, позабыв обо всем остальном.

– Права на корону у тебя есть, хотя тебе об этом пока неизвестно. Уж не считаешь ли ты нас, плавающих в великом множестве вод — и даже меж звездами — пленницами единственного мгновения? Нет, мы видели, кем ты станешь и кем ты был. Только вчера лежал ты у меня на ладони, только вчера я, вызволив тебя из гущи спутанных трав, спасла твою жизнь ради этой минуты — не то ты бы погиб, утонув в Гьёлле.

— Тогда дай мне способность дышать водой, — сказал я, — и позволь испытать ее по ту сторону косы. Увижу, что ты говоришь правду, — пойду с тобой.

Громадные губы дрогнули, приоткрылись… Не знаю, сколь громко приходилось ей говорить под водой, чтоб я слышал ее на воздухе, однако с первым же словом ундины из воды вновь выпрыгнуло несколько рыб.

– Не так все это просто. Ты должен пойти со мной, целиком мне доверившись, пусть всего лишь на миг. Идем же.

Ундина протянула мне руку, и в этот самый момент до меня донесся отчаянный, исполненный муки крик Доркас, зовущей на помощь.

Я тут же бросился к ней, хотя, если б ундина подождала, пожалуй, мог бы и повернуть назад. Но нет, ждать ундина не стала. Казалось, сама река с ревом поднялась из русла, вздыбилась, подобно штормовой волне. В затылок мне будто швырнули целое озеро; ударившая не хуже увесистого камня волна сбила меня с ног и, точно щепку, закружила, потащила вперед. Спустя минуту, когда волна схлынула, я оказался далеко на берегу, промокший до нитки, изрядно помятый и без меча. В полусотне шагов позади, над рекой,

наполовину поднялось белоснежное тело ундины. Не поддерживаемая водой, ее плоть жутко обвисла; кости, казалось, вот-вот затрещат, не выдержав тяжести тела; паклей поникшие книзу пряди волос легли на мокрый песок. Еще миг — и из ноздрей ундины хлынула вода пополам с кровью.

Я вновь пустился бежать, а к тому времени, как оказался возле костра, рядом с Доркас, ундина исчезла, как не бывало. На ее месте, чуть ниже песчаной косы кружил темный от ила водоворот.

Лицо Доркас побледнело почти настолько же.

— Кто это? — прошептала она. — Где ты был?

— Значит, ты ее видела. Я уж боялся…

— Ужас… — Бросившись навстречу, Доркас обняла меня, крепко прижалась к моей груди. — Ужас какой…

— Однако кричала ты не из-за этого, верно? Отсюда ее было не разглядеть, пока она не поднялась из воды.

Доркас молча указала туда, где спала Иолента, и я увидел, что земля вокруг нее обильно залита кровью.

На левом запястье Иоленты зияла пара глубоких порезов с мой большой палец длиной, и,

сколько я ни касался их Когтем, струившаяся из ран кровь упорно не желала сворачиваться. Насквозь промочив ею с полдюжины полос ткани, оторванных от скудного запаса одежды Доркас, я прокипятил в крохотном котелке, нашедшемся среди ее поклажи, иглу с нитью и стянул края ран швами. Все это время Иолента почти не приходила в сознание — порой приподнимала веки, но почти сразу же вновь закрывала глаза и нас, судя по взгляду, не узнавала. Голос она подала только раз, сказав:

— Вот видишь? Тот, кого ты почитаешь за божество, подтверждает мою правоту, советует все то же самое, что предлагала я. Давай сотворим новое начало, пока не явилось Новое Солнце!

Реплику из ее роли я узнал в этих словах лишь много позже.

Когда раны перестали кровоточить, мы перенесли Иоленту на чистое место, умыли, а затем я отправился туда, куда меня выбросило волной, и после недолгих поисков отыскал «Терминус Эст». Меч ушел в мокрый песок почти целиком, так что наружу торчало лишь яблоко да часть рукояти длиной от силы в два пальца.

Пока я чистил и смазывал клинок, мы с Доркас принялись размышлять, что делать дальше. Я

пересказал ей сон, привидевшийся мне в ночь накануне знакомства с Бальдандерсом и доктором Талосом, а после перешел к тому, как услышал голос ундины, пока они с Иолентой спали, и что она мне сказала.

— Как по-твоему, она еще там? Смог бы ты разглядеть ее, когда ходил искать меч, если она просто опустилась ко дну?

Я покачал головой.

— Думаю, поблизости ее нет. Поднявшись из воды, чтоб задержать меня, она здорово пострадала, а судя по бледности кожи, вряд ли способна подолгу оставаться в реке мельче Гьёлля под солнцем, в безоблачный день. Однако если она и там, пожалуй, разглядеть ее я бы не смог: вода слишком мутна.

Никогда прежде не выглядевшая очаровательнее, Доркас надолго умолкла. Сидя на земле, она оперлась подбородком о колено и устремила взгляд к облакам на востоке, оранжевым и вишневым в лучах вековечной, таинственной, полной надежды зари.

— Должно быть, она очень, очень хотела заполучить тебя, — наконец сказала она.

— Если отважилась встать из воды? Я думаю, она бывала на суше, прежде чем выросла в такую

громадину, и теперь на минуту забыла, что на берег путь ей закрыт.

— Но ведь до этого ей пришлось плыть вверх по грязному Гьёллю, а после — по этой узенькой, жалкой речушке. Должно быть, она рассчитывала схватить тебя во время переправы, но обнаружила, что не может подняться выше косы, и понадеялась, что ты сам сойдешь в воду на ее зов… Одним словом, оказаться приятным для существа, привыкшего плавать меж звездами, это плавание никак не могло.

— Выходит, ты веришь ей?

— Когда ты исчез, а я осталась с доктором Талосом, и он, и Иолента не раз называли меня глупенькой за то, что верю каждому встречному, и всему, что ни скажет Бальдандерс, и всему, что говорят они сами. Но я все равно думаю, что даже те, кого люди зовут лгунами, много чаще говорят правду, чем лгут. Это же куда проще! Если история о твоем спасении неправда, зачем ее было рассказывать? Вспомнив об этом, ты только испугался бы войти в воду. А если она на самом деле не плавает среди звезд, какой прок говорить об этом? Никакого. Однако тебя, я вижу, что-то тревожит. Что? Расскажи.

Подробно описывать встречу с Автархом мне

не хотелось, и потому я сказал:

— Не так давно видел я на картинке из одной книги создание, обитающее в межзвездной пустоте. Женщину с крыльями, только не как у птиц, а вроде этаких исполинских, разноцветных полотнищ тончайшей материи. С крыльями, вместо воздуха опирающимися на свет звезд.

На лице Доркас отразился живейший интерес.

— Это в твоей коричневой книжке?

— Нет, в другой. С собой у меня ее нет.

— Ладно, все равно. Помнишь, мы собирались проверить, что говорится в твоей коричневой книжке о Миротворце? Она ведь по-прежнему при тебе?

Да, книга была при мне, и я вынул ее из ташки. Страницы после купания намокли, и потому я, раскрыв книгу, положил ее так, чтоб солнце поскорей просушило бумагу, а игривые ветры, воспрянувшие, как только оно вновь обратило лик к Урд, ему в том помогли. За разговором мы осторожно листали книгу, так что мелькавшие передо мной изображения мужчин, женщин, чудовищ прочно запечатлелись в моей памяти и остаются со мной по сей день. Порой отдельные фразы и даже короткие отрывки по нескольку фраз, отпечатанные краской с добавлением мель-

чайшей металлической пудры, вспыхивали, едва луч солнца коснется их, и тут же гасли, вновь оказавшись в тени. «Бездушный воитель!», «ярко-желтая…», «чрез утопление…», а после: «Сии времена — суть времена древние, когда мир древен», а еще: «У ада нет ни места, ни пределов: где мы — там ад, где ад — там быть нам должно…»

— Не хочешь прямо сейчас почитать? — спросила Доркас.

— Нет. Хочу услышать, что стряслось с Иолентой.

— Но я не знаю. Я спала. Снилось мне… все то же, что и обычно. И вот вхожу я в лавку с игрушками. Вдоль стены ряды полок, на полках куклы, а прямо посреди лавки — колодец, а на бортике тоже куклы сидят. Помню, я еще подумала, что мой малыш для игры в куклы пока слишком мал, но они были так красивы, а у меня кукол не было с раннего детства, и потому мне захотелось купить одну, сберечь ее для малыша, а между тем вынимать иногда из шкафа, любоваться и, может, ставить перед зеркалом в спальне. Показала я на самую красивую, одну из сидевших на краю колодца, а когда лавочник поднял ее и подал мне, увидела, что это Иолента, а лавочник возьми да и вырони ее невзначай. Вижу: падает кукла в

колодец, глубоко-глубоко, летит к черной воде… и тут я проснулась. И, конечно же, поспешила взглянуть, не случилось ли с ней чего…

— И обнаружила, что она истекает кровью?

Доркас кивнула. Ее светло-золотистые волосы блеснули под утренним солнцем.

— Да. И позвала тебя, дважды, а после вижу: ты бежишь по косе, а эта тварь поднимается из воды, тянет к тебе ручищу…

— Бледнеть тебе совершенно не с чего, — сказал я. — Иолента укушена каким-то зверем, это яснее ясного. Уж не знаю каким, но, судя по укусу, довольно мелким и опасений достойным не более любого другого мелкого зверька с острыми зубами и вздорным нравом.

— А знаешь, Севериан, помнится, я слышала, будто дальше на севере живут летучие мыши, сосущие кровь из жертв. Кто-то пугал меня историями о них, когда я была маленькой, а после, когда сделалась старше, в наш дом однажды влетела обычная летучая мышь. Кто-то из домашних ее пристукнул, а я спросила отца, не сосет ли она кровь и в самом ли деле на свете бывают летучие мыши-вампиры. Отец ответил, что таковые на свете есть, но живут далеко на севере, в жарких лесах у самого центра мира. По ночам они кусают

спящих людей и пасущийся скот, а слюна их содержит яд, от которого оставленные зубами раны кровоточат долгое-долгое время.

Сделав паузу, Доркас подняла взгляд к кронам деревьев.

— Еще отец сказал, что столица ползет вдоль реки на север всю свою историю, начинающуюся с туземного поселения там, где Гьёлль впадает в море, и что самое ужасное начнется, когда она наконец достигнет тех краев, где обитают летучие мыши, сосущие кровь, и эти твари начнут гнездиться в заброшенных зданиях. Должно быть, живущим в Обители Абсолюта этот ужас уже знаком: мы ведь не так далеко от нее отошли.

— Всей душой сочувствую Автарху, — сказал я. — Однако таких длинных рассказов о прошлой жизни я от тебя, кажется, еще ни разу не слышал. Выходит, ты вспомнила и отца, и дом, где убили ту летучую мышь?

Доркас поднялась на ноги. Да, она изо всех сил делала вид, будто ничего не боится, но я-то видел, что ее всю трясет.

— Я вспоминаю что-нибудь новое каждое утро, после тех самых снов. Но, Севериан, нам пора в путь. Иолента наверняка совсем без сил, однако ей нужна пища и чистая вода для питья. Здесь

оставаться нельзя.

Сам зверски голодный, я спрятал в ташку книгу в коричневом переплете и вложил в ножны только что смазанный клинок «Терминус Эст», а Доркас тем временем увязала в узелок свое немногочисленное имущество.

Покончив со сборами, мы двинулись в путь и перешли реку гораздо выше песчаной косы. Иолента идти сама не могла; ее приходилось поддерживать с обеих сторон. Лицо ее заметно осунулось, а голос она, хотя в себя, поднятая нами на ноги, пришла, подавала лишь изредка, да и то произносила не больше пары слов зараз. Только тут я заметил, как истончились ее губы, а нижняя безвольно обмякла, отвисла, обнажая и зубы, и мертвенно-бледные десны. Казалось, все ее тело, еще вчера столь пышное, размягчилось, подобно воску, отчего Доркас в сравнении с ее женственностью уже не выглядела, как прежде, сущим ребенком — скорее уж Иолента в сравнении с Доркас выглядела точно давно облетевший цветок, точно самый конец лета рядом с самым расцветом весны.

Так шли мы неширокой пыльной тропинкой сквозь чащу сахарного тростника, уже поднявшегося выше моей головы, и на ходу я вновь и вновь

вспоминал, как влекло меня к ней в недолгое время знакомства. В воспоминаниях — безупречно подробных и ярких, куда желанней, куда притягательнее любых опиатов — Иолента опять становилась такой, какой я увидел ее впервые, когда мы с Доркас в ночи, обогнув рощу, увидели перед собой, в сиянии множества огней, посреди какого-то пастбища, сцену доктора Талоса. Ну и странно же было увидеть ее при свете дня не менее великолепной, чем в неверных, пляшущих отсветах факелов накануне, когда мы тем самым чудеснейшим в моей жизни утром пошли на север!

Говорят, любовь и желание — не более чем кузены, и я до того дня, до долгой прогулки с ватной рукой Иоленты поперек шеи, думал в точности так же, но теперь убедился: от истины это весьма и весьма далеко. Любовь к женщинам есть темная сторона женского идеала, взращенного мной на мечтах о Валерии, о Текле, об Агии, о Доркас с Иолентой и о фаворитке Водала, обладательнице сердцевидного личика да воркующего голоска, единокровной сестре Теклы, Тее. Вот отчего, в то время как мы втроем ковыляли меж стен сахарного тростника, когда все желание улетучилось без остатка, я, глядя на Иоленту с одной только

жалостью, понял, что вправду люблю ее, хоть и искренне верил, будто меня привлекает в ней лишь вызывающе броское, налитое соками тело да своеобразная неуклюжая грация движений.

XXIX
Гуртовщик

Почти все утро шли мы сквозь заросли тростника, так никого и не встретив. Иолента, насколько я мог судить, сил не теряла, но и бодрее не становилась, однако голод, и тяжесть ее тела на плечах, и нещадно палящее голову солнце, похоже, брали свое: раза два или три, искоса, краем глаза взглянув в сторону Иоленты, я словно бы видел рядом совсем не ее, а кого-то другого — женщину, которую где-то встречал, да только не мог узнать. Если же я поворачивал голову, чтобы взглянуть на нее прямо, впечатление это (неизменно очень и очень смутное) сразу же исчезало, рассеивалось, точно морок.

Так мы и шли, почти без разговоров. Впервые с той самой минуты, как я принял из рук мастера Палемона «Терминус Эст», тяжесть меча показалась мне обременительной: перевязь изрядно натерла плечо.

Я нарезал всем нам тростника, и мы, жуя стебли, утоляли голод и жажду их сладким соком. Иоленте постоянно хотелось пить, а поскольку

идти без нашей помощи она не могла и удержать тростниковый стебель на ходу не могла тоже, нам то и дело приходилось останавливаться. Странно же, должен сказать, было видеть, что ее длинные ноги — столь великолепной формы, стройные у лодыжек, полные в бедрах — совсем ни на что не годны…

К концу утра, достигнув границы тростниковых полей, мы оказались на краю настоящей пампы, целого моря травы. Немногочисленные деревья росли здесь так редко, что от каждого было видно не больше двух-трех соседних, и каждое служило пыточным столбом тому или иному хищному зверю, привязанному к стволу сыромятными ремешками, с растянутыми в стороны, точно руки, передними лапами. В основном то были пятнистые тигры, весьма распространенные в этих краях, однако среди них нередко попадались и атроксы с гривами, удивительно похожими на волосы человека, и саблезубые смилодоны. От большинства остались разве что кости, но в некоторых еще теплилась жизнь — согласно народным поверьям, их стоны и хрипы отпугивают прочих тигров, атроксов и смилодонов, дабы те, устрашенные, не трогали пасущийся скот.

Помянутый скот представлял для нас опасность

куда большую, чем дикие кошки. Пасущиеся в стаде быки имеют обыкновение бросаться на все живое, случившееся неподалеку, и мы были вынуждены обходить каждое из попадавшихся по пути стад далеко стороной, оставаясь недосягаемыми для их близоруких глаз, да вдобавок с подветра. В таких случаях мне приходилось, предоставив Доркас уж как сумеет поддерживать Иоленту, идти впереди и несколько ближе к стаду. Один раз, вовремя отскочив в сторону, я снес ринувшемуся на нас быку голову. Часть мяса мы изжарили на костерке из сухой травы.

В следующий раз я вспомнил о Когте — о том, как самоцвет положил конец атаке людей-обезьян. Стоило вытащить камень из-за голенища, разъяренный черный бык, рысцой подбежав ко мне, потерся носом о мою руку. Тогда мы усадили к нему на спину Иоленту и Доркас, взявшуюся удерживать ее от падения, а я пошел чуть впереди, держа испускающий голубоватый свет камень на виду у быка.

Смилодон, привязанный к следующему дереву (едва ли не последнему, попавшемуся нам на глаза), оказался живым, и я начал всерьез опасаться, как бы бык не испугался его. Однако, когда мы прошли мимо, я словно почувствовал спиной

его взгляд — взгляд оранжевых глаз величиной с голубиное яйцо, устремленный мне вслед. Язык мой вспух от мучившей зверя жажды. Отдав камень Доркас, я вернулся назад и рассек его путы, хотя нисколько не сомневался, что освобожденный зверь бросится на меня. Но нет, смилодон рухнул наземь, не в силах подняться, а мне, не имевшему при себе воды для него, оставалось только уйти.

Вскоре после полудня я заметил в небе кружащего высоко над нами стервятника. Говорят, стервятники чуют близкую смерть, и, помнится, раз или два, когда подмастерья были слишком заняты в пыточной, нам, ученикам, приходилось швыряться камнями в тех, что устраивались на развалинах межбашенной стены, дабы вид их не усугублял зловещей славы Цитадели. Мысль о возможной смерти Иоленты казалась столь отвратительной, что я многое отдал бы за лук, за возможность подстрелить стервятника на лету, однако за неимением под рукой ничего подходящего мог только о том сожалеть.

Бесконечно долгое время спустя к первой птице присоединились еще две, много меньше — судя по яркой окраске голов, порой различимой даже издали, снизу, катаритиды. Таким образом, пер-

вая, размахом крыльев превосходившая каждую из них втрое, очевидно, была горным тераторнисом, славящимся обыкновением нападать на скалолазов, раздирая их лица ядовитыми когтями, хлеща смельчаков огромными крыльями, пока скалолаз, сорвавшись с утеса, не разобьется насмерть. Время от времени меньшие птицы приближались к нему сверх меры, и тогда тераторнис бросался на них. В такие минуты над нами иногда раздавался пронзительный крик, доносившийся сверху, с зубчатых стен их воздушного замка. Как-то, поддавшись мрачному расположению духа, я поднял руку и поманил птиц к себе. Все три устремились к земле. Пришлось отогнать их поднятым навстречу клинком меча, а от этаких жестов впредь воздержаться.

Когда западный горизонт вскарабкался почти к самому солнцу, мы добрались до невысокого дома — можно сказать, хижины, сложенной из кусков дерна. На скамье у крыльца, попивая мате и делая вид, будто любуется красками облаков в лучах заката, сидел сухощавый, жилистый человек в кожаных чаппарахас. На самом деле он, разумеется, заметил нас много раньше, чем мы его: сам он, невысокий, смуглый, превосходно сливался с бурой стеной приземистого домика, а наши

силуэты отчетливо выделялись на фоне неба.

При виде гуртовщика я поспешил сунуть Коготь в сапог, хотя знать не знал, что вздумает предпринять бык, больше не видя камня. По счастью, бык не выкинул ничего неожиданного — шел да шел себе дальше с Иолентой и Доркас на спине. Когда мы подошли к землянке, я спустил их обеих на землю, а бык поднял морду, потянул носом воздух и взглянул на меня одним глазом. Тогда я, показывая, что в его помощи больше не нуждаюсь, а рука моя пуста, махнул в сторону колышущихся волнами трав. Бык развернулся и трусцой направился прочь.

Гуртовщик вынул изо рта оловянную соломинку-бомбилью.

— Это же бык, — сказал он.

Я согласно кивнул.

— Мы одолжили его, чтобы везти эту несчастную девушку — как видишь, ей нездоровится. Значит, он твой? Мы надеялись, что ты не будешь на нас в обиде, и, в конце концов, ничего дурного с ним не произошло.

— Нет, нет, — откликнулся гуртовщик, с легким пренебрежением махнув рукой. — Просто, увидев вас издали, я за дестрие его принял, оттого и спросил. Глаза у меня уже не те, что раньше. — За

этим последовал рассказ, сколь зорки были его глаза в прошлом, согласно коему зоркостью он обладал исключительной. — Но это, стало быть, вовсе не дестрие, а бык…

На сей раз мы с Доркас кивнули оба.

— Вот видите, что значит старость… Я готов был лизнуть клинок этого самого ножа, — сказал он, хлопнув по металлической рукояти, торчавшей над широким поясом, — и, указав им на солнце, поклясться, что у быка болталось кое-что между ног. Однако, не будь я таким дураком, сообразил бы, что на быках из пампы не усидеть никому. Пуме разве что удается — ну так она когтями всех четырех лап держится, и то, случается, гибнет. Надо полагать, это было вымя, унаследованное быком от мамаши. Я ее знал и помню: вымя у нее имелось.

Я сознался, что сам я, горожанин, во всем, что касается скота, совершенно невежественен.

— А-а, — промычал гуртовщик, снова припав губами к бомбилье. — Но я-то куда невежественнее буду. Вокруг все до единого, кроме меня, — невежественные эклектики. Знаешь, каковы эти люди — те, которых эклектиками зовут? Ни аза в жизни не смыслят! Чему от таких соседей научишься?

— Будь добр, — заговорила Доркас, — пусти нас

с этой девушкой внутрь, позволь уложить ее. Боюсь, она умирает.

— Так говорю же: не знаю я ничего. Вот его спроси лучше: это ж он умеет волов — тьфу ты, быков — за собой водить, как собачонок.

— Но помочь ей не может! Помочь ей можешь только ты.

Гуртовщик искоса взглянул на меня, и я понял: он наконец-то, к немалому собственному удовлетворению, убедился, что бык укрощен мной, а не Доркас.

— Подругу вашу мне очень жаль, — сказал он. — Вижу, вижу: красавицей когда-то была… Однако, хоть я и сижу здесь с вами да шутки шучу, в доме сейчас друг мой лежит. Вы вот боитесь, что она умирает, а я точно знаю, что мой друг при смерти, и не хочу, чтоб его тревожили в такое время. Пускай отойдет спокойно.

— Мы все понимаем и не потревожим его. А может быть, даже сумеем ему помочь.

Гуртовщик перевел взгляд на меня и вновь повернулся к Доркас.

— Странные вы люди: ну что я могу знать? Не больше, чем один из этих невежественных эклектиков. Ладно, входите. Только тихо там, и помните: вы у меня в гостях.

Поднявшись, он отворил дверь, оказавшуюся такой низкой, что мне, переступая порог, пришлось нагнуться. Внутри, в единственной комнате, царил полумрак и явственно пахло дымом. На тюфяке у огня лежал человек куда моложе и, думаю, куда выше хозяина ростом. Лицом он был так же смугл, однако здоровья, крови под темной кожей не чувствовалось — казалось, щеки и лоб его припорошены пылью. Постелей, кроме той, на которой лежал больной, в комнате не нашлось, но мы расстелили на земляном полу потрепанное одеяло Доркас и уложили поверх него Иоленту. Глаза ее на миг приоткрылись, однако сознания я в них не заметил, а прежняя изумрудная зелень невиданной чистоты поблекла, будто лоскут низкосортной шерсти, долгое время пролежавший на солнце.

Хозяин дома, покачав головой, прошептал:

— Дольше этого невежественного эклектика, Манаила, не протянет. А может, и опередит его.

— Ей нужна вода, — сказала ему Доркас.

— А это на задах, в дождевой бочке. Схожу принесу.

Услышав, как за ним захлопнулась дверь, я вытащил из-за голенища Коготь. На этот раз камень вспыхнул столь ослепительным василь-

ково-синим огнем, что я начал опасаться, как бы свет не проник наружу сквозь стены. Молодой человек, лежавший на тюфяке, вдохнул полной грудью и шумно перевел дух. Я немедля спрятал Коготь в сапог.

— А Иоленте не помогло, — заметила Доркас.

— Возможно, поможет вода. Крови она потеряла очень уж много.

Доркас, склонившись к Иоленте, пригладила ей волосы. Должно быть, они начали выпадать, как нередко выпадают волосы у старух и у больных с сильным жаром: к влажной ладони Доркас прилипло столько волосков, что я отчетливо разглядел их, несмотря на сумрак.

— По-моему, она давно уже больна, — прошептала Доркас. — С тех самых пор, как мы познакомились. Доктор Талос давал ей что-то, на время улучшавшее самочувствие, но теперь прогнал ее прочь: очень уж она капризничала, вот он ей и отомстил.

— Как-то не верится, что он сознательно пошел на такую жестокость.

— Правду сказать, мне тоже. Послушай, Северян: они с Бальдандерсом наверняка прекратят и представления, и разведку здешних земель. Быть может, нам удастся разыскать их.

— Разведку?

Должно быть, мое удивление в полной мере отразилось и на лице.

— Во всяком случае, мне все это время казалось, что бродяжат они не только затем, чтобы разжиться деньгами, но и для того, чтоб разузнать, что происходит в мире, и как-то раз доктор Талос сам мне в этом признался, хотя что они ищут, я так и не поняла.

Тут в дом вернулся гуртовщик с бутылью из тыквы-горлянки. Я помог Иоленте сесть, и Доркас поднесла горлышко к ее губам. Вода хлынула Иоленте на грудь, насквозь промочив изорванное платье, но кое-что попало и в горло, а когда бутыль опустела и гуртовщик снова наполнил ее, Иолента нашла в себе силы сделать глоток-другой. Я спросил, не знает ли он, где находится озеро Диутурна.

— Я — человек невежественный. Сроду так далеко не бывал. Говорят, это там, — отвечал он, указав направление взмахом руки, — на севере и малость к западу. Туда, стало быть, хочешь отправиться?

Я кивнул.

— Тогда через скверное место придется идти. Может, и не через одно, но уж каменного городи-

ща вам точно не миновать.

— Так, значит, тут поблизости город есть?

— Город-то есть, да только людей в нем нет. Невежественные эклектики, живущие в его окрестностях, верят, будто куда бы человек ни шел, каменное городище переползает с места на место, поджидает его на пути. — Негромко рассмеявшись, гуртовщик тут же оборвал смех и сдвинул брови. — Это, конечно, враки. Однако каменное городище гнет, искривляет путь всадника так, что тот выезжает прямо к нему, хотя думал объехать кругом. Понимаешь? По-моему, не понимаешь.

Но я, вспомнив Ботанические Сады, кивнул.

— Понимаю. Дальше.

— Но если ты пойдешь на север и к западу, то через каменное городище всяко должен будешь пройти. Ему даже путь твой искривлять не придется, а там… Некоторые не находят там ничего, кроме разрушенных стен. Кое-кто, слышал я и такое, сокровища находил. Одни возвращаются назад со свежими россказнями, другие не возвращаются вовсе. Девицы твои, я так полагаю, не девственницы?

Доркас тихонько ахнула. Я покачал головой.

— Это хорошо. Девственницы как раз чаще

всего и не возвращаются. Пройти постарайся за день, чтоб с утра солнце светило через правое плечо, а потом в левый глаз. Застигнет там ночь — главное, не останавливайся и в сторону не сворачивай. Держи на Ихуайвулу, как только его звезды покажутся в небе.

Я кивнул и раскрыл было рот, собираясь продолжить расспросы, но тут хворый у очага открыл глаза и сел. Одеяло он сбросил, и я увидел, что грудь его перетянута испятнанной кровью повязкой. Вздрогнув, он во все глаза уставился на меня, что-то выкрикнул, и моего горла тут же коснулась холодная сталь — нож гуртовщика.

— Да не сделает он тебе зла, — сказал гуртовщик больному на том же диалекте, только гораздо медленнее, отчего я его и понял. — По-моему, он вовсе не знает, кто ты таков.

— Точно говорю, отец: это новый ликтор Тракса! Оттуда посылали за ликтором, и клавигеры говорят, что он вот-вот будет. Прикончи его, не то всем, кто еще жив, конец!

Пораженному упоминанием о Траксе, до которого еще идти и идти, мне захотелось расспросить его поподробнее. Пожалуй, договориться с ним и с его отцом мирно оказалось бы не так уж сложно, но тут Доркас ударила гуртовщика по

уху тыквенной бутылью. Конечно, пустяковый, нанесенный женской рукой удар не нанес ему никакого урона, если не считать легкой боли да разбитой бутыли. В ответ гуртовщик отмахнулся от Доркас кривым обоюдоострым ножом, но я, перехватив удар, сломал ему руку, а клинок ножа переломил надвое, придавив каблуком. Сын гуртовщика приподнялся, потянулся ко мне, однако Коготь, вернув его к жизни, сил ему не прибавил, и Доркас одним толчком повалила Манаила на тюфяк.

— Вот и все. Теперь помирать нам с голоду, — сказал гуртовщик.

Его смуглое лицо исказила гримаса боли. Похоже, он с трудом сдерживал крик.

— Ты ведь заботился о сыне, — возразил я. — Вот и он вскоре поправится и сможет позаботиться о тебе. Что он натворил?

Ни тот, ни другой не ответили.

Я вправил сломанную кость, на руку наложил лубок, а после мы с Доркас поужинали и устроились на ночлег снаружи, пригрозив отцу с сыном прикончить обоих, если хотя бы услышим скрип отворяемой двери, а уж если они сотворят что-либо с Иолентой — тем более. Поутру, пока оба еще спали, я коснулся сломанной руки гуртовщика

Когтем. Неподалеку от дома нашелся загон с дестрие. Оседлав его, я сумел изловить еще одного, для Доркас с Иолентой, а возвращаясь за ними, заметил, что за ночь стены из дерна поросли зеленью.

XXX
Снова Барсук

Несмотря на рассказы гуртовщика, я надеялся отыскать поблизости селение вроде Сальта, где можно разжиться чистой водой, а пара аэсов обеспечит и пищу, и отдых. Надежды мои оказались напрасными: от городка не осталось почти ничего. Меж уцелевших камней мостовых пробивались к солнцу жесткие, неприхотливые травы, и издали «городище» почти ничем не отличалось от окрестной пампы. Среди травы, будто лес, поваленный яростной бурей, покоились рухнувшие колонны, а белизна немногих уцелевших, покрытых трещинами, мучительно резала глаз. В лучах солнца, замерев без движения, нежились ящерицы с блестящими черными глазками и пилообразными гребнями вдоль спины; занесенные землей развалины зданий казались всего лишь холмиками, также поросшими густой травой.

Причины сворачивать с выбранного пути я не видел, и посему мы, подхлестнув дестрие, тронулись дальше, на северо-запад. Тут я впервые заметил впереди горы. Обрамленные полуразру-

шенной аркой, они казались не более чем тонкой, слегка мутноватой полоской на горизонте, однако присутствие их там, вдали, не вызывало ни малейших сомнений, подобно присутствию по соседству клиентов с третьего уровня подземелий, хотя те были надежно лишены возможности сделать хоть шаг наверх или даже за порог камеры. Где-то в этих горах находилось озеро Диутурна, а также Тракс; и Пелерины, насколько мне удалось выяснить, тоже бродили где-то среди их вершин и ущелий, ухаживая за ранеными в бесконечной войне с асцианами (ведь и война велась именно там, и многие сотни тысяч сложили в тех горах головы, дабы удержать какой-нибудь перевал).

Но сейчас вокруг нас лежал город, где не слышно было ни единого голоса, кроме вороньего грая. Водой в дорогу мы запаслись, набрав ее в бурдюки, нашедшиеся в хозяйстве гуртовщика, но запасы подходили к концу. Иолента совсем ослабла, и мы с Доркас сошлись на том, что, если не найдем воды к ночи, она, весьма вероятно, умрет. И вот, едва край Урд начал наползать на солнечный диск, на глаза нам попался жертвенник, в чаше коего до сих пор скапливалась дождевая вода. Вода оказалась затхлой, вонючей, однако от безысходности мы позволили Иоленте

сделать пару глотков, после чего ее тут же вырвало. Вскоре Урд повернулась лицом к идущей на убыль луне, и ее неяркий зеленоватый свет заменил нам утраченный свет солнца.

Простой огонек костра вдалеке показался бы настоящим чудом. То, что увидели мы, было куда более странным, но вовсе не столь поразительным. Внезапно Доркас указала налево. Минуту спустя я тоже увидел в той стороне проблеск света наподобие метеора.

— Упавшая звезда, — пояснил я. — Ты разве никогда их не видела? Бывает, они сыплются с неба дождем.

— Нет! Там какое-то здание, неужели не видишь? Вон, вон, взгляни, на фоне неба темнеет! Должно быть, крыша у него плоская, а на крыше кто-то бьет кресалом о кремень.

Я хотел было сказать, что у нее сверх меры разыгралось воображение, но тут там, где сверкали проблески света, замерцал неяркий красноватый огонек, с виду не больше булавочной головки. Еще пару вдохов спустя огонек превратился в крохотный язычок пламени.

Горело он невдалеке, но из-за темноты и множества обломков камня под копытами дестрие казался очень и очень далеким, и к тому времени,

как мы добрались до замеченного Доркас здания, разгорелся так ярко, что мы смогли разглядеть в его свете троих, склонившихся над костерком.

— Нам нужна помощь! — окликнул их я. — Вот эта девушка при смерти.

Все трое вскинули головы, и ломкий старушечий голос проскрежетал:

— Кто говорит с нами? Голос, слышу, мужской, но мужчины внизу не вижу. Кто ты таков?

— Я здесь, — отозвался я, откинув на спину капюшон и распахнув плащ цвета сажи. — По левую руку. Просто одет в темное, вот и все.

— И вправду… и вправду… а при смерти кто? Нет, не светловолосая малышка… вон та, золотисто-рыжая, что покрупней. У нас есть вино и огонь, но других лекарств не имеется. Обойдите дом — лестница там, позади.

Следуя ее указаниям, я повел наших дестрие за угол. Здесь каменные стены заслонили луну, и нас окружила непроглядная темень, но вскоре моя нога нащупала неровные ступени импровизированной лестницы — по сути, груды обломков соседних домов, сложенной у стены. Стреножив обоих дестрие, я понес наверх Иоленту, а Доркас шла первой — с тем, чтоб разведать путь и предупредить меня, если впереди что-то неладно.

Крыша, когда мы выбрались на нее, оказалась вовсе не плоской: скат кровли был достаточно крут, чтоб опасаться падения на каждом шагу. Неровная, твердая черепица слегка подавалась, подрагивала под ногами; одна из плиток, с сухим скрежетом соскользнув вниз, звонко разбилась о камень.

Однажды, во времена ученичества, когда мне, по малолетству, доверяли лишь самые простые дела, я был послан с письмом в Башню Ведьм, напротив нашей, по ту сторону Старого Двора. (О веской причине, побуждавшей мастеров в случае надобности отправлять с сообщениями к соседкам-ведьмам только мальчишек из тех, кому еще далеко до созревания, я узнал лишь много позднее.) Теперь-то, зная об ужасе, внушаемом нашей башней не только жителям квартала, но — в равной, а то и большей мере — и обитателям самой Цитадели, я чувствую в воспоминаниях о собственных страхах явственный привкус этакой милой наивности, однако маленький невзрачный мальчишка, каким я был в те дни, воспринимал их предельно серьезно. Слушая жуткие россказни старших учеников, я видел: мальчишки, без всяких сомнений, куда храбрее меня, боятся ведьм тоже. По ночам в Башне

Ведьм, самой мрачной, суровой из мириадов башен Цитадели, полыхали огни самых странных цветов. Доносившиеся до наших ушей сквозь иллюминаторы дормитория вопли исходили не из подземных пыточных, как у нас, но с самых верхних уровней, причем мы точно знали: вопят этаким образом сами ведьмы, а вовсе не их клиенты, ибо клиентов в том смысле, который вкладывали в это слово мы, у ведьм не имелось, да и крики те не были ни воем безумцев, ни визгом пытуемых.

Дабы не испачкать конверта, меня заставили вымыть руки, и я отчетливо сознавал, сколь мокры они и красны, петляя по двору, в затейливом лабиринте прихваченных ледком луж. В воображении моем возник образ ведьмы, невообразимо величественной, а посему не спускающей с рук ни малейшего непочтения — такая уж точно не погнушается наказать меня, осмелившегося вручить ей письмо покрасневшими руками, каким-либо особо гадким манером, да еще отослать назад, к мастеру Мальрубию, с весьма уничижительной отповедью!

Должно быть, тогда я вправду был очень мал: чтоб дотянуться до дверного молотка, пришлось подпрыгнуть. Шлепок тонких подошв башмаков

о порядком истертый камень крыльца Башни Ведьм жив в моей памяти по сей день.

— Чего тебе?

Лицо выглянувшей из-за приотворившейся двери ведьмы возникло прямо перед глазами — разве что самую малость повыше. Одно из тех, выделяющихся особым своеобразием среди сотен тысяч лиц, которые мне когда-либо доводилось видеть, оно разом наводило на мысли о красоте и болезненности. Ведьма, которой принадлежало лицо, показалась мне древней старухой; лет двадцати от роду, а то и младше, она была невысока ростом и при том ходила, согнувшись, словно под конец долгой-долгой жизни. Миловидное, бескровное лицо ее вполне могло оказаться костяной маской, вышедшей из-под резца искусного ваятеля.

Не проронив ни слова, я показал ей письмо.

— Идем со мной, — велела она.

Именно этих слов я и боялся, и, прозвучав, они показались мне столь же неизбежными, как смена времен года.

Переступив порог, я вошел в башню, совсем непохожую на нашу. Наша, сооруженная из металлических плит, пригнанных так плотно, что за бессчетные сотни лет они, прикипев друг

к дружке, срослись в единое целое, подавляла непроницаемостью, неприступностью, а на нижних ее этажах царила жаркая сырость. В Башне Ведьм прочным не выглядело ничто, и чаще всего внешнее впечатление вполне соответствовало действительности. Много позднее мастер Палемон объяснил мне, что эта башня гораздо древнее большинства прочих частей Цитадели, и во время ее постройки конструкция башен, по сути, являла собою имитацию человеческой физиологии, выполненную из неживых материалов — иными словами, стальные каркасы, костяки, обшитые «плотью» из куда менее прочных субстанций. Многие сотни лет каркас башни ржавел, распадался, и ныне постройка, которой он некогда придавал прочность, держится лишь потому, что с тех пор ее временами чинили, подлатывали по частям. Огромные залы отделяли один от другого стены немногим толще занавесей; полы, куда ни взгляни, покоробились, лестницы покосились, а перила и ограждения, казалось, готовы были остаться в ладони, стоит только за них ухватиться. Вдоль стен тянулась вязь мудреных гностических орнаментов, начертанных белым, зеленым и пурпурным мелом, однако мебели в башне почти не имелось, а холод стоял будто еще

сильней, чем снаружи.

После подъема на полдюжины лестничных пролетов и еще по лесенке вроде трапа, связанной из неокоренных тонких стволов какого-то ароматного дерева, меня подвели к старухе, сидевшей в единственном на всю башню кресле (других я нигде не заметил), глядя сквозь нечто вроде стеклянной столешницы на нечто вроде рукотворного ландшафта, населенного безволосыми, мелкими, всяк на свой лад изувеченными зверьками. Я передал ей письмо, после чего был уведен прочь, но перед тем она, повернувшись ко мне, смерила меня взглядом, и лицо ее, подобно лицу «юной старухи», что привела меня к ней, разумеется, отпечаталось в моей памяти навсегда.

Упоминаю я обо всем этом, так как, едва уложил Иоленту на черепицу возле огня, мне показалось, будто женщины, жмущиеся к костерку, и есть те самые ведьмы. Конечно же, быть этого никак не могло: старуха, которой я относил письмо, скорее всего, давным-давно умерла, а женщина помоложе если и дожила до того дня, должна была измениться до неузнаваемости, как и я сам. Однако обращенные ко мне лица я помнил, помнил прекрасно. Быть может, ведьм на весь мир всего две, и, умирая, обе они вновь и вновь воз-

рождаются к жизни?

— Что с ней стряслось? — спросила женщина помоложе.

Мы с Доркас, как смогли, объяснили, в чем дело. Задолго до завершения нашей истории старуха, уложив голову Иоленты к себе на колени, влила ей в горло немного вина из глиняной бутыли.

— Будь оно крепким, пожалуй, пошло бы только во вред, — пояснила она, — но на три четверти разбавленное чистой водой… Что ж, раз уж видеть ее смерти вы не желаете, ваше счастье, что волей случая на нас набрели. Хотя повезло ли и ей, сказать не берусь.

Я поблагодарил ее и спросил, куда подевался третий (или третья) из их компании.

Старуха, вздохнув, смерила меня долгим взглядом и вновь повернулась к Иоленте.

— Нас здесь только двое, — ответила женщина помоложе. — А ты видел троих?

— Да, и вполне отчетливо, освещенных костром. Твоя бабка — если, конечно, не ошибаюсь, — оглянулась и заговорила со мной. А ты и еще кто-то подняли головы и снова склонились к костру.

— Она — кумеянка.

Слово это я прежде слышал, но не сумел сразу вспомнить где и не нашел в выражении лица

женщины помоложе, неподвижного, точно лик ореады с картины, ни единой подсказки.

— Ясновидица, — подсказала Доркас. — А ты кто такова?

— Ее причетница, а зовут меня Меррин. Возможно, то, что вы — вас ведь трое — увидели у костра нас втроем, тогда как мы, коих на самом деле здесь две, тоже вначале увидели только двоих из вас, многое значит.

С этим она вопрошающе взглянула на кумеянку, будто бы ожидая от нее подтверждения собственной правоты, и, будто бы получив таковое (хотя я не заметил, чтоб они обменялись хоть взглядом), вновь повернулась к нам.

— Но я твердо уверен, что видел здесь, у костра кого-то третьего, гораздо выше любой из вас ростом и заметно шире в плечах, — возразил я.

— Сегодня весьма, весьма странный вечер, а в мире есть существа, летающие верхом на токах ночного ветра, и порой им бывает угодно принимать человеческий облик. Вопрос лишь, чего ради подобная сила пожелала показаться тебе на глаза.

Ее темные глаза и безмятежное лицо выглядели весьма впечатляюще, и я, пожалуй, мог бы поверить ей, если б не Доркас, едва уловимым

наклоном головы в сторону показавшая, что третий член компании, собравшейся у костра, мог скрыться от нас на противоположном скате крыши, спрятавшись за коньком.

— Может, и выживет, — сказала кумеянка, не отводя глаз от лица Иоленты. — Может, и выживет, хотя сама того не желает.

— Ее счастье, что при вас оказалось так много вина, хотя вас всего двое, — заметил я.

Однако старуха не клюнула на наживку, а лишь ответила:

— Да, в самом деле, счастье. И для тебя, и, может быть, даже для нее.

Меррин, нащупав поблизости хворостину, поворошила ею угли в костре.

— Смерти не существует, — объявила она.

Я коротко, негромко рассмеялся — в основном, наверное, потому, что уже не так опасался за Иоленту.

— Мои собратья по ремеслу полагают иначе.

— Твои собратья по ремеслу ошибаются.

– *Доктор?* — пролепетала Иолента, впервые с самого утра подав голос.

— Врачи тебе сейчас ни к чему, — сказала ей Меррин. — Рядом есть кое-кто куда лучше.

— Она возлюбленного зовет, — буркнула ку-

меянка.

— То есть не этого человека в одежде цвета сажи, мать? Я сразу подумала, что для нее он слишком уж простоват.

— Он всего лишь палач; ее же влечет к куда худшему.

Меррин, кивнув самой себе, обратилась к нам:

— Вам наверняка не захочется сей же час везти ее дальше, но мы вынуждены просить вас уйти. По ту сторону развалин найдется сотня лучших мест для ночлега, а оставаться здесь вам опасно.

— Смертельно опасно? — уточнил я. — Но ты ведь сама утверждаешь, что смерти не существует, и, если верить тебе, чего мне бояться? А если я тебе не поверил, то отчего должен поверить сейчас?

Тем не менее я поднялся на ноги, готовясь уйти.

— Она права, — проскрежетала кумеянка, подняв взгляд. — Права, хотя сама о том и не подозревает, а говорит бездумно, будто скворчиха в клетке. Смерть — ничто, и как раз поэтому ты должен ее бояться. Что еще может быть страшнее?

Я рассмеялся вновь.

— Не могу спорить с особой столь мудрой, как ты. Вдобавок ты помогла нам всем, чем сумела,

и потому мы, уважив твое желание, так уж и быть, уйдем.

Поднять с ее колен Иоленту кумеянка позволила, однако сказала:

— Я этого совсем не желаю. Причетница моя все еще полагает, будто все мироздание в ее власти, точно доска с шашками, которые можно двигать, выстраивать, как заблагорассудится. Да, Волхвы считают меня достойной местечка в их узком кругу, однако, не понимая, что люди, подобные нам, — лишь мелкие рыбешки, и плавать нам надлежит согласно незримым течениям, не то вмиг останемся без сил, не отыскав пропитания, я давным-давно лишилась бы места среди них. Теперь же укутай несчастную плащом и уложи к моему костру. Когда эти земли выйдут из тени Урд, я взгляну на ее раны снова.

Не понимая, уйти нам или остаться, я замер в нерешительности с Иолентой на руках. Намерения кумеянки казались вполне мирными, однако в ее метафоре заключалось не слишком приятное напоминание об ундине, а глядя в ее лицо, я начал сомневаться, что передо мной вправду старуха, и куда ярче, чем хотелось бы, вспомнил жуткие лица какогенов, сбросивших маски, когда Бальдандерс бросился в их толпу.

— Устыдила ты меня, мать, — подала голос Меррин. — Может, позвать его?

— Он все слышал, так что и без твоего зова придет.

Старуха оказалась права: с той стороны крыши донесся скрип черепицы под чьими-то башмаками.

— Вижу, ты насторожен. Не лучше ли, как я велела, уложить девицу к костру? Тогда ты сможешь обнажить меч и встать на защиту возлюбленной… хотя нужды в том не возникнет.

К тому времени, как она умолкла, я успел разглядеть на фоне ночного неба силуэт шляпы с высокой тульей, и большой головы, и широких плеч и, уложив Иоленту рядом с Доркас, вынул из ножен «Терминус Эст».

— Ни к чему, ни к чему, — заверил меня глубокий бас. — Совсем ни к чему, дружище. Я бы и раньше вышел знакомство возобновить, да сомневался, что шатлене этого хочется. Привет от моего — и твоего — господина.

То был Хильдегрин.

XXXI
Очищение

— Можешь передать своему господину, что его сообщение доставлено по назначению, — сказал я.

Хильдегрин улыбнулся.

— А не передан ли с тобой и ответ, армигер? Не забывай: я из лесных пенетралий.

— Нет, — ответил я. — Никакого.

Доркас подняла взгляд.

— Ответ передан со мной. Одна особа, с которой я встретилась в садах Обители Абсолюта, предупредила, что судьба непременно сведет меня с тем, кто представится именно так, и ему нужно сказать: «Когда листья раскроются, лес должен двинуться на север».

Хильдегрин коснулся пальцем складки у крыла носа.

– *Весь* лес? Так он и сказал?

— Что он сказал, я тебе уже передала. От первого до последнего слова.

— Доркас, а отчего ты не рассказала об этом мне? — спросил я.

— С тех пор как мы встретились на перекрестье троп, мне не представилось случая поговорить с тобой наедине. К тому же я понимала, что знать об этом опасно, а никаких причин подвергать опасности тебя не нашла. Сказал мне это тот самый человек, вручивший доктору Талосу целую кучу денег. Однако сообщения он доктору Талосу не передал, я уверена: говорили они при мне. Он только другом твоим назвался, а после заговорил со мной.

— И велел обо всем рассказать мне.

Нет, Доркас отрицательно покачала головой.

Казалось, глухой, басовитый смешок Хильдегрина донесся откуда-то из-под земли.

— Ну сейчас-то это вряд ли так уж важно, а? Сообщение передано, а за себя скажу прямо, без экивоков: лично я бы не возражал, кабы оно еще малость подзадержалось. Однако все мы здесь меж собою друзья, кроме, может быть, хворой девицы, а она нас, по-моему, не слышит, а если слышит — все едино не понимает, о чем разговор. Как, ты сказал, ее зовут? Я оттуда, с другой стороны, не расслышал.

— Это потому, что ее имени я не называл, — сказал я. — Зовут ее Иолентой.

Произнося имя Иоленты, я взглянул на нее и,

увидев ее в отсветах пламени, понял: нет, это больше не Иолента — от красоты, до глубины души поразившей Иону, в ее изможденном лице не осталось ни единой черты.

— И это все — от укуса летучей мыши? Если так, значит, в последнее время они здорово заматерели. Меня самого кусали пару раз, но…

Я сдвинул брови, и Хильдегрин поспешил добавить:

— О да, юный сьер, я вижу ее не впервые — как и тебя, и малютку Доркас. Ты же не думаешь, будто я отпустил вас с той, третьей девчонкой из Ботанических Садов одних, после твоих-то разговоров о предстоящем уходе на север и поединке с офицером Септентрионов? Я видел и ваш бой, и как ты снес этому малому голову — и, между прочим, помог изловить его, так как подумал, что он вправду мог явиться из Обители Абсолюта, — и стоял в задних рядах толпы, любовавшейся тобой на сцене в ту ночь. Я не терял тебя из виду до самой заварухи у ворот на следующий день, так что и ее видел тоже, хотя сейчас от нее, почитай, ничего не осталось, кроме волос, да и те, кажется, изменились.

— Рассказать им, мать? — спросила Меррин у кумеянки.

— Если сумеешь, дитя мое, — кивнула старуха.

— На нее были наложены чары, сообщавшие ей необычайную красоту. Теперь, из-за потери крови и от усталости, они быстро развеиваются. К утру останутся только следы.

Доркас невольно подалась назад.

— То есть как это? Магия?

— Магии не существует. Существуют лишь знания, более или менее сокровенные.

Хильдегрин смерил Иоленту долгим, задумчивым взглядом.

— Я и не знал, что внешность можно изменить до такой степени. Это может пригодиться, очень даже пригодиться… Твоя госпожа так может?

— Она может намного больше, если только захочет.

— Но как это было сделано? — прошептала Доркас.

— Ей в кровь ввели вытяжки из желез диких зверей, а вещества эти изменяют сложение тела. Отсюда и тонкая талия, и груди точно дыни, и все остальное. Возможно, с их помощью и укрепляли бедра. Чистка и целебные припарки освежили кожу лица. Зубы тоже почистили, а некоторые сточили на нет и заменили фальшивыми коронками — вон, погляди, одна из них выпала. Волосы

покрасили и придали им густоты за счет вшитых в кожу головы нитей цветного шелка. Большую часть волос на теле, несомненно, вытравили, и это, по крайней мере, уже на всю жизнь. А самое главное, ее обещали сделать красавицей, зачаровав, погрузив в транс. Таким обещаниям люди верят крепче, чем дети малые, а ее вера вселила ту же веру и в вас.

— И теперь ей никто ничем не сумеет помочь? — спросила Доркас.

— Я не сумею, да и кумеянка за подобные дела не берется — ну разве что при великой нужде…

— Но в живых-то она останется?

— Да, как и сказала мать… хотя сама того не желает.

Хильдегрин шумно откашлялся и сплюнул за край крыши.

— Значит, с этим ясно. Мы сделали для нее все, что могли, и это все, что мы тут можем поделать, а потому давайте-ка займемся тем, ради чего собрались. Ты, кумеянка, права: хорошо, что эти трое на нас набрели. Я получил предназначенное мне сообщение, а они — такие же, как и я, друзья Владыки Зеленого Царства. Этот армигер может помочь мне уволочь с собой Апу-Пунчау, а поскольку в дороге двое моих товарищей были

убиты, помощь его придется весьма кстати. Итак, что нам мешает заняться делом?

— Ничто, — негромко откликнулась кумеянка. — Звезда как раз в асценденте.

— Но если вам нужна от нас помощь, — заговорила Доркас, — думаю, нам следует знать, что вы задумали.

— Вернуть назад прошлое, — торжественно изрек Хильдегрин. — Вновь погрузиться в эпоху величия древней Урд. Прежде здесь, в том самом строении, на крыше которого мы сидим, жил некто, знавший кое-какие важные вещи. Его я и собираюсь привлечь на помощь. Это будет, если можно так выразиться, вершиной моей карьеры, и без того уже считающейся весьма впечатляющей в кругу знающих людей.

— То есть ты собираешься вскрыть гробницу? — уточнил я. — Но ведь даже альзабо наверняка не…

Ладонь кумеянки скользнула по лбу Иоленты.

— Можно назвать это и гробницей, но уж точно не его. Скорее здесь его дом.

— Видишь ли, — пояснил Хильдегрин, — я между делом, бывало, оказывал этой шатлене некоторые услуги. Не раз, так сказать, и не два. И вот наконец решил, что пришло время получить

по счетам. Можешь не сомневаться, Хозяину Леса мой план известен, и вот мы у цели.

— Мне дали понять, что кумеянка служит Отцу Инире, — заметил я.

— Но с долгами расплачивается, — с явным самодовольством отвечал Хильдегрин. — Как и всякий, кто хоть чего-нибудь стоит. Вдобавок не нужно быть мудрецом, чтоб понимать: на случай, ежели та сторона вдруг да победит, иметь в ее рядах пару друзей вовсе не помешает.

— Кто же такой этот Апу-Пунчау и отчего его дворец до сих пор цел, хотя весь город вокруг лежит в развалинах? — спросила у кумеянки Доркас.

Однако старуха молчала.

— Это даже не легенда, — заговорила Меррин, — так как его истории ныне не помнят и самые знающие из книжников. Мать говорила нам, что его имя означает «Лик Дня». В ранние эпохи он появился среди местных людей и раскрыл им множество удивительных тайн бытия. Нередко он исчезал, но всякий раз возвращался, однако в конце концов не вернулся, и воинства захватчиков-чужеземцев обратили в руины его города. Сегодня ему предстоит вернуться сюда в последний раз.

— Вот оно как. И без магии?

Кумеянка подняла взгляд на Доркас. Казалось, глаза ее сверкают ярко, как звезды.

— Слова есть символы. Меррин предпочитает относить магию к области несуществующего… и потому ее не существует. Если вам будет угодно назвать то, что мы собираемся сделать, магией, выходит, магия жива, пока мы творим ее. В дни древности, в далеких-далеких краях были две империи, разделенные горами. Одна из держав одевала солдат в желтое, другая в зеленое. На протяжении ста поколений мерились они силой… а-а, я вижу, пришедший с тобой знает это предание.

— И сто поколений спустя, — подхватил я, — явившийся к ним отшельник научил императора желтых одеть войско в зеленое, а повелителя зеленого воинства — сменить мундиры на желтые, однако сражение продолжилось как ни в чем не бывало. У меня с собой, в ташке, книга под названием «Чудеса Урд и Неба», и эта история там тоже есть.

— Это мудрейшая из всех книг, написанных рукой человека, — сказала кумеянка. — Жаль только, ее прочтение мало кому принесло хоть какую-то пользу. Дитя мое, объясни ему, тому,

кто со временем обретет немалую мудрость, что мы собираемся сделать.

Ведьма, что помоложе, кивнула.

— Все время есть нечто цельное, сущее, непреходящее. Такова истина, лежащая в основе легенд, рассказываемых эпоптами. Как можем мы двигаться к будущему, если оно не существует здесь и сейчас? А если здесь и сейчас не существует прошлого, как можем мы оставить прошлое позади? Во сне разум всякого окружен своим временем — вот отчего, уснув, мы так часто слышим голоса умерших и узнаем о грядущих событиях. Те, кто, подобно матери, научился достигать того же состояния во время бодрствования, окружены собственными жизнями и, подобно самому Абраксасу, воспринимают время словно один-единственный непреходящий миг.

Ночь та выдалась тихой, почти безветренной, но в этот момент я заметил, что ветерок окончательно стих. Воздух стал столь неподвижен, что мягкий, негромкий голос Доркас показался мне звучным, как колокольный звон.

— Значит, сейчас женщина, которую ты зовешь кумеянкой, войдет в это состояние, послушает голоса умерших и расскажет тому человеку все, что ему хочется знать?

— На такое она не способна. Да, лет ей уже немало, но этот город был разорен за тысячи лет до того, как она появилась на свет. Время ей ведомо только свое — ведь это все, что разум ее постигает из первых рук, путем прямого познания. Дабы восстановить город, нам нужен разум, существовавший, когда он был цел.

— Но кто ж в нашем мире настолько древен?

Кумеянка покачала головой.

— В нашем? Никто. Но такой разум существует. Взгляни, куда я указываю, дитя мое. Видишь алую звездочку там, над самыми облаками? Звезда эта зовется Рыбьей Пастью, а единственный уцелевший из ее миров служит обителью древнему, неизмеримо мудрому разуму. Меррин, возьми меня за руку. Барсук, ты тоже. Ты, палач, возьмись за правую руку той, хворой девицы, свободную руку дай Хильдегрину, а твоя возлюбленная пусть возьмет за руки Меррин и хворую… вот так. Теперь мы соединены в круг; мужчины по одну сторону, женщины по другую.

— Поспешить бы нам, — проворчал Хильдегрин. — Гроза, чувствую, собирается.

— Хорошо. Мешкать напрасно не будем. Теперь мне потребуются все ваши разумы без остатка: от хворой девицы толку немного. Куда я мысли

ваши направлю, сами почувствуете; главное, следуйте, куда поведу.

На миг отпустив руку Меррин, старуха (старуха ли? человек ли?) вынула из-за корсажа что-то вроде жезла — палочки, оба конца коей тут же исчезли в ночи, словно бы за пределами поля зрения, хотя была она вряд ли длиннее кинжала — и приоткрыла рот. Я думал, она собирается зажать жезл в зубах, однако старуха проглотила его целиком. Спустя минуту я сумел различить его мутноватые, мерцающие малиново-алым очертания под обвисшей, сморщенной кожей горла провидицы.

— Закройте глаза… все закройте глаза… Тут еще женщина, незнакомая, высокого роста, в цепях… вздор, палач, вздор, теперь я знаю, кто это. От руки моей не уклоняйся… и вы тоже… сидите смирно…

В оцепенении, последовавшем за «пиром» у Водала, я узнал на собственном опыте, каково это — делить собственное сознание с кем-то еще. На сей раз все вышло иначе. Кумеянка выглядела не такой, какой я ее видел, и не такой, какой была в молодости, и вообще (по крайней мере, на мой взгляд) утратила всякий облик. Мысли ее окружили мои мысли со всех сторон, подобно

незримой воде, окружающей рыбу, помещенную в стеклянный шар. Текла тоже была здесь, рядом, но целиком я ее не видел, будто она стоит за спиной, то легонько касаясь плеча, то щекоча дыханием щеку.

Еще миг — и Текла исчезла, а вместе с ней исчезло все остальное. Мои мысли стремительно понеслись в ночь, затерялись среди руин.

Очнувшись, я обнаружил, что лежу на черепичной кровле невдалеке от огня. На подбородке обильно пенилась слюна пополам с кровью из искусанных губ и языка. Ноги ослабли так, что не подняться; сесть — и то удалось с трудом.

Поначалу мне показалось, что остальные исчезли. Если крыша подо мной сохраняла прежнюю твердость, то они сделались туманными, полупрозрачными, словно призраки. Справа от меня распростерся навзничь призрачный Хильдегрин — сунув руку в его грудную клетку, я почувствовал, как бьется, трепещет в ладони рвущейся на волю бабочкой сердце внутри. Прозрачнее всех — еще немного, и вовсе не разглядишь — оказалась Иолента. Над нею проделали вовсе не только то, о чем догадывалась Меррин: под плотью виднелась и проволока, и полосы металла, но даже они утратили четкость очертаний. Окинув взглядом

собственные ступни и ноги, я обнаружил, что отчетливо вижу Коготь, сияющий голубым огоньком, сквозь кожу голенища, и потянулся к нему, но в пальцах не нашлось сил, чтоб вытащить камень из сапога.

Доркас словно бы просто спала. На губах ее не пузырилась пена, и выглядела она куда более осязаемой, чем Хильдегрин. Рядом с ней, точно кукла-марионетка в черном тряпье, покоилась Меррин, столь туманная, невесомая, что даже хрупкая Доркас в сравнении с нею казалась дородной и полной сил. Не оживленная разумом, костяная маска ее лица словно бы превратилась в обтянутый пергаментом череп.

Кумеянка, как я и подозревал, оказалась вовсе не человеком, но и не одним из тех чудищ, которых мне довелось увидеть в садах Обители Абсолюта. Вокруг мерцающего жезла обвилось кольцами глянцевитое тело сродни змеиному. Головы я, поискав ее взглядом, найти не сумел, однако узоры вдоль змеиной спины составляло множество лиц, и каждое из тех лиц лучилось неописуемым, самозабвенным восторгом.

Пока я разглядывал остальных, Доркас пришла в себя тоже.

— Что с нами случилось? — проговорила она.

Рядом со мною встрепенулся, зашевелился Хильдегрин.

— По-моему, мы смотрим на самих себя, так сказать, с расстояния куда более одного-единственного мгновения.

Доркас открыла рот, но крика за сим не последовало.

Грозные тучи не принесли с собой ветра, однако внизу, среди улиц, вихрями кружилась пыль. Не знаю даже, как описать эту картину… как будто бесчисленный рой крохотных, во сто крат мельче мошек, насекомых, гнездившихся в щелях и трещинах меж неровных камней мостовой, разбуженный светом луны, устремился в беззвучный брачный полет. В мельтешении насекомых не чувствовалось никакого порядка, но вскоре, с течением времени, их скопище разделилось на стаи наподобие туч, колышущихся из стороны в сторону, неуклонно растущих, густеющих, и наконец эти тучи снова осели на россыпи обломков камня.

Едва полет завершился, насекомые словно бы поползли друг по дружке, стремясь к середине роя.

— Да они же живые, — вырвалось у меня.

— Нет, взгляни — мертвые, — негромко отклик-

нулась Доркас.

Она оказалась права. Минуту назад бурлившие жизнью, сонмы крохотных тварей обернулись выцветшими на солнце ребрами; пылинки, в точности так же, как ученые собирают вместе осколки цветного стекла, дабы воссоздать для нас древние витражи, разбитые вдребезги тысячи лет назад, соединились в черепа, заблестевшие глянцем в изумрудном свете луны. Среди мертвых появились, зашагали куда-то всевозможные звери — элюродоны, неуклюжие спелеи и прочие, названия коих мне неизвестны, и все они были гораздо призрачней нас, наблюдавших за ними с крыши.

Но вот мертвые один за другим поднялись. Звери исчезли, как не бывало, а поднявшиеся начали мало-помалу отстраивать город заново. Тесаный камень рядами ложился в стены, возродившиеся из пепла стропила обрастали прочной глиняной черепицей, и вскоре создания, поначалу казавшиеся не более чем ходячими трупами, набравшись сил за работой, обернулись кривоногим, коренастым народом, ходившим по-моряцки, вразвалку, да двигавшим циклопических размеров камни мощью одних только широких плеч. Спустя некоторое время строительство было завершено, и мы

замерли, ожидая, что произойдет дальше.

Ночная тишь взорвалась барабанным боем, и, судя по его отзвукам, с последним ударом барабанов вокруг города поднялся лес, так как подобное эхо рождается только среди стволов огромных деревьев. На улицу величаво, торжественно вышел бритоголовый шаман — обнаженный, сплошь изукрашенный рисунчатыми письменами никогда мною прежде не виданного языка, столь выразительными, что каждый знак будто выкрикивал собственное значение во весь голос.

За шаманом колонной по одному потянулись танцовщики — сотня, а то и более, скачущие друг другу в такт, удерживая ладонь на темени идущего впереди. Лица их были подняты кверху, отчего я невольно задался вопросом (ответа на который не нахожу по сей день), не изображает ли их танец ту самую стоглазую змею, которую мы зовем кумеянкой. Вереница танцующих неторопливо огибала шамана, змеилась вдоль улицы из конца в конец и обратно и вот наконец достигла входа в тот самый дом, с которого мы наблюдали за танцем. С оглушительным грохотом рухнула наземь каменная плита, закрывавшая дверной проем, изнутри пахнуло густым ароматом смирны и роз, и…

Навстречу танцорам выступил человек. Обладай он целой сотней рук или держи в горсти собственную голову, я и тогда не был бы потрясен сильнее: лицо его оказалось знакомым мне с детства — тем самым лицом с бронзового саркофага из мавзолея, где я так часто играл еще мальчишкой. На его руках сверкали массивные золотые браслеты, богато украшенные гиацинтами и опалами, халцедонами и искристыми изумрудами. Неторопливым, размеренным шагом шел он вперед, пока не остановился в центре процессии, посреди раскачивающихся танцоров. Здесь он повернулся к нам и воздел руки к небу. Смотрел он прямо на нас, так что я сразу же понял: из всех этих сотен людей только он, он один нас и видит.

Завороженный разворачивавшимся внизу представлением, я не заметил, как Хильдегрин успел покинуть крышу, и в этот миг он, стрелой (если только сие выражение уместно, когда речь идет о человеке столь грузном и рослом) метнувшись в толпу, сгреб Апу-Пунчау в охапку.

Последовавшее далее я даже не знаю, как описать. Отчасти все это было очень похоже на небольшую драму в хижине из желтого дерева посреди Ботанических Садов, но казалось не в

пример более странным — пусть лишь оттого, что та женщина, и ее брат, и их гость, дикарь, несомненно, пребывали во власти какого-то наваждения, а теперь под властью подобных чар словно бы оказались мы с Хильдегрином и Доркас. Танцовщики (в этом я уверен вполне) Хильдегрина не видели, но каким-то образом чуяли и, разразившись гневными криками в его адрес, принялись рассекать воздух взмахами палиц, утыканных заостренными каменными зубьями.

Между тем Апу-Пунчау, вне всяких сомнений, *видел* его — точно так же, как видел нас, сидящих на крыше, точно так же, как Исангома видел меня и Агию. Однако, сдается мне, видел он Хильдегрина совсем не таким, каким его видел я, и, вполне может быть, облик напавшего казался ему не менее странным, чем мне — истинный вид кумеянки. Хильдегрин не разжимал хватки, но одолеть его никак не мог, а Апу-Пунчау сопротивлялся что было сил, но все никак не мог высвободиться. Наконец Хильдегрин поднял взгляд и заорал, призывая меня на подмогу.

Сам не знаю, отчего я откликнулся на его зов. Разумеется, сознательно я служить Водалу и его делу более не желал. Возможно, причиной тому

явилось остаточное воздействие альзабо, а может быть, попросту воспоминания о том, как Хильдегрин вез нас с Доркас через Птичье Озеро.

Расталкивая кривоногий народец, я бросился к Хильдегрину, однако, сбитый с ног ударом палицы, случайно угодившей в висок, упал на колени. Когда же я вновь поднялся, Апу-Пунчау куда-то исчез, затерялся среди скачущих, визжащих танцовщиков, а Хильдегринов сделалось двое — один сцепился со мной, другой боролся с кем-то незримым. В ярости отшвырнув первого, я поспешил на помощь второму, и…

— Севериан!

В чувство меня привел холодный проливной дождь, хлещущий в запрокинутое кверху лицо огромными каплями, жалящими, будто градины. Над пампой разнесся раскат грома. На миг мне почудилось, будто я ослеп, но тут вспышка молнии, разогнав темноту, осветила клонящуюся под порывами ветра траву и груды обломков камня.

— Севериан!

Голос принадлежал Доркас. Приподнявшись и опершись ладонью о землю, я нащупал в осклизлой грязи что-то матерчатое, схватил находку и дернул ее к себе. Находка оказалась длинной, узкой полосой шелка с кисточками на концах.

— Севериан!

В крике Доркас слышался ужас.

— Я здесь! — отозвался я. — Здесь, внизу!

Еще одна вспышка молнии явила моему взгляду и дом, и силуэт Доркас, в отчаянии мечущейся по крыше. Обогнув глухие стены, я отыскал ступени наверх. Дестрие наши исчезли бесследно. Ведьмы с крыши исчезли тоже. Наверху оказалась одна лишь Доркас, склонившаяся над телом Иоленты. Очередная молния озарила застывшее, мертвое лицо официантки, подававшей нам с доктором Талосом и Бальдандерсом мокко в одном из столичных кафе. Казалось, ливень смыл с него всю красоту. Да, в конечном счете вечна одна лишь любовь, одна лишь богиня-любовь, а то, что мы не способны быть кем-либо, кроме самих себя, тех, кем рождены, есть наш непростительный, неискупимый грех.

Здесь, мой читатель, проведя тебя от поселения до поселения — от крохотной горняцкой деревушки под названием Сальт до безлюдного каменного городища, само имя коего давным-давно позабылось, сгинуло в водовороте лет, — я снова сделаю паузу. Сальт послужил мне вратами в мир, что лежит за пределами Града Несокрушимого. Подобно ему, каменное городище также

стало для меня вратами — вратами, ведущими в горы, представшие моему взору за его полуразрушенными арками. Далее мне предстоял долгий путь среди их бездн и твердынь, среди их незрячих глаз и суровых, задумчивых ликов.

Здесь самое время вновь сделать привал. И если ты, читатель, откажешься следовать за мною дальше — что ж, я тебя не виню. Дорога сия нелегка.

Приложения

Заметка о переводе

Переводя эту книгу — с языка, пока не существующего, — на английский, я мог бы с легкостью избавиться от многих трудностей, просто-напросто изобретая необходимые термины, но делать этого, конечно же, не стал. Поэтому во многих случаях я был вынужден заменять еще не известные значения их ближайшими эквивалентами двадцатого века. Понятия наподобие *пельтаста, андрогина* или *экзультанта* как раз и являются такими заменами, скорее ассоциативными, нежели описательными. Слово *металл* обычно (хотя не всегда) означает вещество, подобное тому, что подразумевают под этим названием мои современники.

Встречающиеся в рукописи наименования видов животных, возникших в результате биогенетических манипуляций либо скрещивания с инопланетными породами, я заменил названиями подобных им вымерших существ. (Впрочем, Севериан порой и сам признает, что некоторые вымершие виды впоследствии были восстановлены.) Природа ездовых и тягловых животных из оригинального текста зачастую неясна. Я избегаю

называть их *конями* либо *лошадьми*, поскольку это не вполне верно. *Дестрие* «Книги Нового Солнца», несомненно, резвее и выносливее известных нам животных — скорость, развиваемая теми, что используются в военных целях, очевидно, вполне позволяет совершать кавалерийские атаки на противника, имеющего вооружение высоких энергий. В некоторых местах для передачи надписей либо высказываний на языке, который Севериан полагает мертвым, использована латынь. О природе «древнего языка» оригинала судить не берусь.

В заключение выражаю искреннюю благодарность тем, кто предшествовал мне в изучении этого постисторического мира, — особенно коллекционерам (слишком многочисленным, чтобы называть их поименно), позволившим мне осмотреть артефакты, сохранившиеся на протяжении многих столетий будущего, а также тем, кто любезно предоставил мне возможность посещения и фотосъемки немногих дошедших до нас построек той эпохи.

Социальные отношения в Содружестве

Одной из самых сложных проблем, встающих перед переводчиком, является точная передача материй, касающихся кастовой принадлежности и общественного положения, в терминах, доступных для понимания в обществе его собственном. В случае «Книги Нового Солнца» задача, за отсутствием вспомогательных материалов, становится вдвое сложнее, и далее вашему вниманию предлагаются не более чем наброски ее решения в самых общих чертах.

Насколько можно судить по оригинальным рукописям, общество Содружества, по-видимому, состоит из семи основных социальных групп. Из них по крайней мере одна представляется полностью замкнутой. Так называемым *экзультантом* член общества должен родиться и, рожденный таковым, остается экзультантом до конца дней. Вполне возможно, внутри данного класса также имеется определенная иерархия, однако рукописи на что-либо подобное не указывают. Принадлежащих к нему женщин называют «шатлена», мужчин же титулуют по-разному. Именно этот класс управляет повседневной жиз-

нью вне города, моею волей названного Нессом. Наследственный характер сей власти глубоко противоречит духу Содружества и в достаточной мере объясняет очевидную напряженность в отношениях между экзультантами и автаркией, однако отыскание лучшего способа организации управления на местах в сложившемся положении представляется делом весьма затруднительным: демократия неизбежно выродится во всеобщую свару, а создание бюрократической структуры из лиц, назначаемых сверху, невозможно без достаточного количества образованных, но относительно небогатых чиновников для заполнения должностей. Во всяком случае, мудрость автархов, несомненно, включает в себя и принцип, согласно коему безоговорочная лояльность к правящим классам есть опаснейшая из болезней, поражающих государство. К экзультантам, вне всяких сомнений, принадлежат упоминающиеся в оригинальных рукописях Текла, Тея и Водал.

Во многом подобными экзультантам, хотя и в более мелком масштабе, выглядят так называемые *армигеры.* Название данного сословия указывает на класс воинов, однако, по всему судя, монопольным правом на высшие армейские должности армигеры отнюдь не обладают; таким

образом, их положение уместнее всего уподобить положению самураев на службе у дайме феодальной Японии. К сословию армигеров относятся Ломер, Никарета, Рашо и Валерия.

Оптиматов, по-видимому, следует полагать более или менее состоятельными негоциантами. Данный класс представлен в оригинальных рукописях скуднее прочих шести, хотя к нему, судя по ряду намеков, изначально принадлежала Доркас.

Подавляющее большинство населения, как и во всяком обществе, относится к *простонародью*. Как правило, довольные собственной участью, невежественные, поскольку забота об их образовании государству не по средствам, простолюдины недовольны надменностью экзультантов и благоговеют перед Автархом, каковой в конечном счете являет собою не что иное, как их же собственный апофеоз. К простонародью принадлежат Иолента, Хильдегрин и все до единого жители Сальта, не говоря уж о множестве (несть им числа) иных персонажей оригинальных рукописей.

Окружают Автарха — явно не доверяющего экзультантам и, несомненно, имеющего на то немало веских причин — *служители трона*,

его распорядители и советники как в военных, так и в гражданских вопросах. Происходят они, по-видимому, из простонародья и, что весьма примечательно, высоко ценят полученное образование. (Для сравнения вспомните пренебрежение, с коим отвергала образование Текла.) К тому же классу можно отнести и самого Севериана, и прочих обитателей Цитадели, за исключением Ультана.

Представители *духовного* сословия почти столь же загадочны, как и божество, коему они служат, предстающее перед нами в виде божества, по сути дела солярного, однако отнюдь не аполлонического. (Присущий Миротворцу Коготь наводит на мысль об очевидной связи с орлом Зевса и солнцем, но это выглядит чрезмерно банальным.) Подобно римско-католическому духовенству наших дней, они принадлежат к различным орденам, но, в отличие от оных, никакой объединяющей власти, по-видимому, не подчинены. Порой, вопреки их очевидной приверженности к монотеизму, в их верованиях и обрядах проскальзывают черты индуизма. Пелерины, коим в рукописи отведена роль гораздо более значительная, чем любой иной религиозной общине, бесспорно, представляют собой сестринскую об-

щину жриц, сопровождаемых (без чего подобной кочевой группе в данном месте в данное время просто не обойтись) вооруженной прислугой из числа мужчин.

И, наконец, *какогены* некоторым образом, постигаемым нами разве что интуитивно, представляют собой тот чужеродный элемент, что, в силу самой своей чужеродности, знаком нам лучше всего, поскольку существует почти в любом известном нам обществе. Их общее название, по всей видимости, указывает на то, что простолюдинам они внушают страх или как минимум неприязнь. Присутствие какогенов на празднестве у Автарха, вероятно, свидетельствует о том, что они (хотя, может статься, под давлением обстоятельств) приняты при дворе. Современники Севериана, по-видимому, полагают их однородной группой, однако на деле состав ее, скорее всего, весьма и весьма разнообразен. В рукописях данный элемент общества представлен образами кумеянки и Отца Инире.

Форма почтительного обращения, переведенная мною как *сьер*, по-видимому, должна применяться лишь к высшим классам, но широко (и не к месту) используется в низших слоях общества. Обращение *хозяин*, как и положено,

указывает на домовладельца.

Монетная система, система мер и единицы измерения времени

Более-менее точно определить стоимость монет, упомянутых в оригинале «Книги Нового Солнца», превыше моих возможностей. За неимением точных данных я решил именовать *хризосом* любую золотую монету с отчеканенным на оной профилем одного из автархов: несомненно, в той или иной мере отличаясь друг от друга и весом, и чистотой пробы, ценность они имеют приблизительно одинаковую.

Еще более разнообразные серебряные монеты описываемого периода свалены мной в одну кучу под названием *азими*.

Крупные латунные монеты (судя по рукописям, основное средство взаиморасчетов среди простого народа) я назвал *орихальками*.

Любой из мириадов мелких латунных, бронзовых и медных кругляшей (выпускаемых не высшей, центральной властью, а местными архонтами по мере надобности и предназначенных только для обращения в пределах провинции) у меня называется *аэс*. За один *аэс* можно купить

яйцо; за *орихальк* — нанять на день чернорабочего; за *азими* — приобрести превосходно пошитое пальто или плащ, в каком не стыдно показаться на людях оптимату; за *хризос* же — доброго скакуна.

Необходимо помнить, что меры длины либо расстояния, строго говоря, друг с другом не соизмеримы. *Лига* в данной книге означает дистанцию протяженностью около трех миль, и именно в лигах надлежит исчислять расстояния между городами и внутри крупных городов наподобие Несса.

Пядь равна расстоянию между кончиками разведенных в стороны большого и указательного пальцев — то есть примерно восьми дюймам. *Чейн* — это длина мерной цепи из ста звеньев, длина каждого из звеньев коей равна пяди; следовательно, чейн равен приблизительно семидесяти футам.

Эль — это традиционная длина стандартной армейской стрелы, равная пяти пядям или примерно сорока дюймам.

Шаг, как сие слово использовано в тексте, означает один шаг, или примерно два с половиной фута. *Шаг маховый* равен длине двух шагов.

Самой распространенной единице измерения

длины, расстоянию от локтя до кончика самого длинного пальца взрослого мужчины (равному примерно восемнадцати дюймам), я присвоил название *кубит*. (Обратите внимание: в работе над переводом, пытаясь воспроизвести латиницей оригинальные термины, я предпочитал использовать современные термины, понятные каждому из читателей.)

Слова, указующие на продолжительность времени, встречаются в данных рукописях куда реже; порой интуиция подсказывает, что восприятие времени (и лично автором, и прочими членами общества, к коему он принадлежит) изрядно притуплено общением с носителями разума, подвергшимися воздействию (либо преодолевших воздействие) Эйнштейнова временного парадокса. *Хилиада* и выше и далее означает период длиной в тысячу лет. *Эпохой* называется интервал от полного исчерпания естественных запасов одного минерала или иного природного ресурса (например, серы) до полного исчерпания следующего. Под *месяцем* (в описываемые времена) имеется в виду месяц лунный, продолжительностью в двадцать восемь дней; таким образом, *неделя* равна нашей неделе — четверти лунного месяца, или семи дням.

Стража — период от смены до смены стоящего на часах караульного, одна десятая ночи либо примерно час с четвертью.

Дж. В.

Об авторе

Джин Вулф родился в 1931 году в Нью-Йорке (Бруклин), а рос в Хьюстоне, штат Техас. Два с половиной года отучившись в Техасском университете A&M, он бросил учебу, был призван на военную службу, во время Корейской войны награжден почетным знаком «За участие в боевых действиях», а после, воспользовавшись законом о льготах для уволенных в запас, поступил в Хьюстонский университет, где получил специальность инженера-машиностроителя. Вершиной его инженерной карьеры стал пост редактора отраслевого журнала *Plant Engineering*, каковым Джин Вулф оставался до 1984 года. В 1956 году женился и принял католицизм, который сильно повлиял на его дальнейшее творчество.

Дебютировал с НФ-рассказом в 1965 году. Потом рассказы стали регулярно появляться в культовой антологии *Orbit*, составителем которой был известный критик и редактор Деймон Найт. Он же и рекомендовал Вулфу перейти на крупную литературную форму. Первый роман *Operation Ares* вышел в 1970 году.

Джин Вулф был признан выдающимся писателем-фантастом с выходом в свет «Пятой головы Цербера» (1972), а в 1973 году удостоился «Небьюлы» как автор повести «Смерть доктора Острова», признанной лучшей повестью года. В 1977 году его роман *Peace* завоевал премию Чикагского литературного фонда, а небольшая научно-фантастическая поэма *The Computer Iterates the Greater Trumps* была награждена премией Рислинга.

Четырехтомная «Книга Нового Солнца» быстро сделалась классикой жанра. Первый том, «Тень палача» (1980), был удостоен Всемирной премии фэнтези и премии Британской ассоциации научной фантастики; второй том, «Коготь Миротворца» (1981), выиграл «Небьюлу» и «Локус»; третий, «Меч ликтора» (1982), удостоился премии «Локус»; четвертый, «Цитадель Автарха» (1983), — Мемориальной премии Джона Кэмпбелла и премии «Аполло». В 1987 г. был выпущен пятый, условно завершающий серию том, «Урд Нового Солнца». К циклу о мире Урд также относится тетралогия «Книги Длинного Солнца» (1993–1996) и трилогия «Книги Короткого Солнца» (1999–2001).

Среди прочих его романов можно отметить *Operation Ares* (1970), *The Devil in a Forest* (1976), *Free Live Free* (1984), «Воин тумана» (1986) и «Воин

арете» (1989), *There Are Doors* (1988), *Pandora by Holly Hollander* (1990), *Castleview* (1990), дилогию «Рыцарь-чародей» (2003–2004) и «Пират» (2007). Сборник его рассказов *Storeys from the Old Hotel* (1988) завоевал Всемирную премию фэнтези. Среди прочих авторских сборников Джина Вулфа можно отметить *The Island of Doctor Death and Other Stories* (1980), *Endangered Species* (1989) и *Castle of Days*, под обложкой которого собраны рассказы и эссе разных лет.

Вулф вел ряд творческих мастерских на семинарах и читал курсы писательского мастерства в нескольких колледжах.

Джин Вулф скончался в 2019 году.